

3
том 23
2021

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State University. 2021, 23(3): 599–854

ISSN 2078–8975 (print) 2078–8983 (online)

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Научные статьи, оформленные по требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зам. главного редактора: *Васютин С. А.*, д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Н. В., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Deputy Editor-in-Chief: *Sergey A. Vasyutin*, Dr.Sc.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova, Dr.Sc.(Philol.), Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr.Sc.(Psychol.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Natalia V. Melnik, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sc.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr.Sc.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelek, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и Археология

- Археологическое наследие с территории Мариинской лесостепи в музеях России
Боброва Л. Ю., Белоусова Н. А. 599
- Л. Р. Кызласов и проблемы изучения каменных изваяний Центрального Казахстана
Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. 613
- Библиографические указатели по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор
Климова О. Г. 624
- Динамика численности населения села Чумай в XIX – начале XX в.
Кузьмин О. Ю. 634
- Отражение женской темы на страницах газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг.
Мирзабеков М. Я. 645

Психология

- Практики осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности
Андронникова О. О., Ветерок Е. В. 652
- Актуальные проблемы в сфере психологического здоровья студенчества: вызов пандемии COVID-19
Волкова О. В., Цветкова О. А., Шадрина А. Ю., Рупека А. В. 661
- Особенности отношения к времени у выпускников вузов с разным уровнем субъективного благополучия и оптимизма
Духновский С. В., Забелина Е. В. 673
- Динамические трансформации содержательных характеристик креативности студентов с различными когнитивными стилями
Морозова И. С., Каменева В. А., Рябова М. Ю., Долганов Д. Н., Гриненко Д. Н. 682
- Ценностно-смысловое измерение состояния вовлеченности: опыт эмпирического исследования
Павлова Е. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. 691
- Психологические детерминанты, оказывающие влияние на конструирование виртуального образа личности
Расина Э. О. 705
- Факторы, влияющие на жизнеспособность людей с инвалидностью, перенесших COVID-19
Рогачева Т. В. 717
- Текст как средство дистанционного психологического консультирования: язык и смысловое содержание тематических блогов
Солдатова В. И., Яницкий М. С., Серый А. В., Фомин А. Г. 729
- Психодиагностика экстремистских тенденций личности в образовательной среде
Эльзессер А. С., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. 740

Языкознание

- Опыт анализа структуры заимствованного макроконцепта (на примере макроконцепта *армия*)
Бодриков А. Б. 750
- Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду)
Бхатти Н. В., Ковш Е. В., Харитонова Е. Ю. 760

Категоризация политических явлений по образу и подобию вместилища Задобривская О. Ф., Егорова В. Г.	773
Структурные особенности символического макроконцепта <i>мать</i> : от первопризнака до символа Ибраимова Г. О.	782
Образ Кузбасса через призму антропоморфной метафоры (кейс-стади институционально-административного дискурса министерств региона) Каменева В. А., Морозова И. С., Рябова М. Ю., Федянина А. И., Фомин А. Г., Яницкий М. С.	790
Артефактные, природные и идеологические символические признаки в структуре концепта <i>счастье</i> Кафтан И. И.	798
Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках Ошанова Е. С.	805
Герменевтический анализ пословиц в Амали аль-Сайида аль-Муртады Париз Г., Рамезани Р.	824
Интернет-комментарии как дискурс делегитимации (на материалах сайта Fox News о политике президента США Джо Байдена) Савельева И. В.	826
Имиджевые тактики в публичных выступлениях руководителя региона Чепкасов А. В.	837
Мотивирующие признаки макроконцепта <i>учитель / ученик</i> Юрченко М. Г.	847

History & Archeology

- Archaeological Heritage of the Mariinsk Forest-Steppe in Russian Museums
Bobrova L. Yu., Belousova N. A. 610
- L. R. Kyzlasov and the Stone Statues of Central Kazakhstan
Ermolenko L. N., Kasenova A. D., Kurmankulov Zh. K. 622
- Bibliographic Indexes on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: a Historiographic Review
Klimova O. G. 631
- Population Dynamics of the Village of Chumay in the XIX – Early XX Centuries
Kuzmin O. Yu. 642
- Women's Question in the Red Dagestan newspaper in the 1920s
Mirzabekov M. Ya. 650

Psychology

- Mindfulness Techniques as a Means of Developing Reflexivity in Patients with Victim Mentality
Andronnikova O. O., Veterok E. V. 659
- The Urgent Problems in the Sphere of Student's Mental Health: Challenge of COVID-19 Pandemic
Volkova O. V., Tsvetkova O. A., Shadrina A. Yu., Rupeka A. V. 670
- Time Attitude in Senior Students with Different Levels of Subjective Well-Being and Optimism
Dukhnovsky S. V., Zabelina E. V. 680
- Dynamic Transformations of the Content Characteristics of Creativity in Students with Different Cognitive Styles
Morozova I. S., Kameneva V. A., Ryabova M. Yu., Dolganov D. N., Grinenko D. N. 689
- Value-Semantic Measurement of Commitment: an Empirical Study
Pavlova E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. 703
- Psychological Determinants of Virtual Personality Image
Rasina E. O. 715
- Factors Affecting the Viability of Disabled COVID-19 Patients
Rogacheva T. V. 726
- Text as a Means of Remote Psychological Counseling: Language and Semantics of Feature Blogs
Soldatova V. I., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Fomin A. G. 738
- Psychodiagnostics of Extremist Personality Tendencies in School Environment
Elzesser A. S., Kapustina T. V., Kadyrov R. V. 746

Linguistics

- Macroconcept *Army*: Analyzing the Structure of a Borrowed Macroconcept
Bodrikov A. B. 758
- Culturological Characteristics of Phraseological Comparative Units in Indo-European Languages (English, German, Russian, and Urdu)
Bhatti N. V., Kovsh E. V., Kharitonova E. Yu. 771
- Categorization of Political Terms in the Image and Likeness of the Container
Zadobrivskaia O. F., Egorova V. G. 780
- Structural Features of the Symbolic Macroconcept of *Mother*: from the First Sign to the Symbol
Ibraimova G. O. 788

Kuzbass through Anthropomorphic Metaphors (Case Study of Institutional Administrative Discourse of Ministries in the Region) Kameneva V. A., Morozova I. S., Ryabova M. Yu., Fedyanina L. I., Fomin A. G., Yanitskiy M. S.	796
Artifact, Natural, and Ideological Symbolic Signs in the Structure of the <i>Happiness</i> Concept Kaftan I. I.	803
Functional Characteristics of Modal Markers in German, Russian, and Udmurt Oshanova E. S.	812
A Hermeneutic Analysis of Proverbs in <i>Amālī</i> by al-Sayyid al-Murtada Pariz Gh., Ramezani R.	814
Internet Comments as Delegitimization-Driven Discourse (a Case Study of the Fox News Materials on the Political Actions of the U.S. President Joe Biden) Saveleva I. V.	834
Image Tactics in Public Speeches of the Head of the Region Chepkasov A. V.	845
The Concept of <i>Uchitel / Uchenik</i> (<i>Teacher / Pupil</i>): Motivating Signs Iurchenko M. G.	853

оригинальная статья

Археологическое наследие с территории Мариинской лесостепи в музеях России

Лариса Юрьевна Боброва
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Наталья Александровна Белоусова
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-9873-320X>;
belna55@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2021. Принята после рецензирования 03.09.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: В статье обобщены данные о хранящихся в фондах российских музеев археологических коллекциях с территории Мариинской лесостепи, на которой сосредоточено наибольшее количество объектов археологического наследия Кузбасса. Дополненная и уточненная информация позволяет расширить источниковую базу к своду археологических памятников региона. Приведены ранее неизвестные сведения об уникальных находках, хранящихся в фондах российских музеев. Археологические источники с территории Мариинской лесостепи, хранящиеся в фондах музеев России, имеют 150-летнюю историю, которую представляется возможным разделить на три периода. По результатам исследования первого периода установлено, что все археологические предметы, полученные в период последней четверти XIX в., находятся в фондах музеев за пределами Кузбасса. Материалы исследований второго этапа находятся в трех музеях – Кузбасском государственном краеведческом музее, основная часть предметов – в музее Кемеровского государственного университета и две коллекции – в отделе музейных практик и технологий Института археологии и этнографии СО РАН. Установлено, что в настоящее время археологические коллекции с территории Мариинской лесостепи находятся в фондах следующих музеев: Государственный Исторический музей, Государственный Эрмитаж, музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета, Кузбасский государственный краеведческий музей, музей истории города Мариинска, Ленинск-Кузнецкий краеведческий музей, Историко-краеведческий музей Тисульского района, отдел музейных практик и технологий Института археологии и этнографии СО РАН, музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Данные собрания доступны для исследователей и представляют неоценимую источниковую базу для получения новых сведений об истории народов Южной Сибири.

Ключевые слова: река Кия, археологические памятники, случайные находки, источниковая база, историко-культурное наследие, археологический микрорайон, музейные фонды

Цитирование: Боброва Л. Ю., Белоусова Н. А. Археологическое наследие с территории Мариинской лесостепи в музеях России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 599–612. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-599-612>

Введение

В археологических фондах музеев России накоплены и систематизированы уникальные коллекции, представляющие огромную ценность для научных исследований и анализа по различным проблемам археологии и смежных дисциплин. Все эти источники необходимо вводить в научный оборот. В Мариинской лесостепи сосредоточено самое большое количество археологических памятников и обнаружено значительное число случайных находок по сравнению с другими территориями Кузбасса. Административно сюда включены четыре крупных округа – Мариинский, Чебулинский, Тисульский и Тяжинский. Источниковая археологическая база, накопленная в фондах музеев России с территории Мариинской лесостепи, ограниченной реками Кией и Урюпом [1, с. 584], имеет 150-летнюю историю.

Первые упоминания по истории открытия и изучения археологических памятников в Мариинской лесостепи отражены в Отчетах Императорской Археологической Комиссии

за 1895, 1896 годы, в работах В. М. Флоринского (1888), А. И. Мартынова (1973, 1976), М. П. Завитухиной (1983) и др. С начала XXI в. к данным материалам неоднократно обращались исследователи из различных сибирских и центральных регионов России: Т. В. Тишкина, В. В. Горбунов, А. Л. Кунгуров, А. А. Тишкин, А. П. Бородовский, И. Г. Глушков, В. И. Матющенко, Ю. Ф. Кирюшин, Т. И. Нохрина, В. Т. Петрин, С. Л. Воробьева, А. Ф. Кузнецова, Л. Ю. Боброва, Н. А. Белоусова и др.

В связи с новыми находками и исследованиями в этом районе в последние годы появилось несколько обзорных статей А. С. Савельевой, П. В. Германа и др. [2, с. 649; 3; 4].

В ходе исследования археологического наследия изучаемого района Кузбасса мы пришли к мнению, что процесс накопления в фондах музеев археологического материала с территории Мариинской лесостепи проходил неравномерно и в нем можно выделить три периода.

І. Последняя четверть XIX в.

Первый период ограничивается рамками последней четверти XIX в., когда в Сибири активизируются археологические изыскания В. В. Радлова, Д. А. Клеменца, А. В. Адрианова, С. К. Кузнецова, И. Т. Савенкова, В. М. Флоринского, Г. О. Оссовского, Н. С. Гуляева и др. Благодаря их усилиям формируется крупная музейная коллекция археологических предметов с территории Южной Сибири, в том числе и с территории Мариинской лесостепи.

В Мариинской лесостепи археологические разведки и раскопки одним из первых проводит специалист в области геологии и археологии Готфрид Иосифович Оссовский. В результате его исследований в 1895 и 1896 гг. было открыто несколько археологических памятников на северо-востоке Кузбасса между селами Большим Пичугино и Тамбаром, в окрестностях деревень Кайчак, Третьяково, Дворниково, Тисуля, Алчедата, Верхней Чебулы. По поручению Археологической Комиссии Г. О. Оссовским были осуществлены раскопки у сел Тисуль, Большой Барандат и Вознесенка. Таким образом, в состав коллекции вошли более двухсот предметов тагарской культуры: «бронзовые секирки (чеканы – авт.), ножички, шпильки (проколки – авт.), кинжальчики, круглые зеркала, полушарные бляхи (полусферические бляшки – авт.) с остатками ремней, изображения лося и оленя с поджатыми ногами, пастовые (аргиллит – авт.) бусы, раздавленные глиняные сосуды и костяной наконечник стрелы»¹. Как следует из отчета Комиссии, помимо проведения археологических раскопок

им было приобретено два десятка артефактов скифского времени из случайных сборов². Работами Г. О. Оссовского было начато изучение древностей северо-востока Кузбасса. Материалы раскопанных им курганов впоследствии вошли в типологическую схему лесостепной тагарской культуры (VII–II вв. до н. э.) [5, с. 118].

Коллекция археологических предметов из раскопок Г. О. Оссовского до настоящего времени хранится в фондах Государственного Исторического музея, часть артефактов представлена в описи № 674 (по КП № 36518). Предметы были приняты музеем в дар от Императорской Археологической Комиссии (ИАК) в 1898 г. В сопроводительной справке обозначены место обнаружения и годы сбора предметов. В Перечневой описи, прикрепленной к сопроводительному письму № 745 от 02.05.1898, обозначено 49 единиц хранения, приобретенных покупкой из Мариинского округа в 1895–1896 гг. (рис. 1). Среди бронзовых вещей: одиннадцать бронзовых ножей, три кинжала, медные серп и два кельта, один из которых во фрагменте, два долота, пряжка, звено от удила, проколка и др. В описи также обозначены предметы из железа: кинжал, нож, украшение, стремя, пятнадцать наконечников стрел. Особый интерес представляет биметаллический кинжал (бронза, железо). В результате изучения музейной документации количество случайных находок из коллекции Г. О. Оссовского увеличивается до полусотни, хронологически датируемых эпохами раннего железного века и Средневековьем.

Рис. 1. Случайные находки с территории Мариинской лесостепи из коллекции Г. О. Оссовского в фондах Государственного Исторического музея (коллекционная опись № 674): 1–9 – ножи; 10 – пряжка; 11, 12 – проколки; 13 – кельт; 14, 15 – долота
Fig. 1. Chance finds from the Mariinsk forest-steppe: G. O. Ossovsky's collection of the State Historical Museum (collection register No. 674): 1–9 – knives; 10 – buckle; 11, 12 – piercers; 13 – celt; 14, 15 – chisels

¹ Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1898. С. 99.

² Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1895 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1897. С. 43, 44.

В Государственном Историческом музее хранится не менее значимая коллекция из собрания барнаульских любителей древностей – семьи Степана Ивановича (отец) и Николая Степановича (сын) Гуляевых. Коллекция артефактов из случайных сборов по Томской губернии, которая в семье пополнялась на протяжении многих лет, включала в себя более двухсот предметов. После смерти своего отца Н. С. Гуляев продолжил заниматься сбором археологических предметов, пополняя личное собрание древностей. В 1898 г. он отправился в Санкт-Петербург вместе с внушительной коллекцией, которую при содействии Д. А. Клеменца и В. В. Радлова продемонстрировал перед ИАК с целью ее продажи [6, с. 85]. В состав собрания, представленного Н. С. Гуляевым в ИАК, входили разнообразные древние предметы, обнаруженные на территории Барнаульского, Бийского и Мариинского округов Томской губернии. Все предметы были снабжены этикеткой с номером, соответствующим в описи. На некоторых имелись таблички с указанием места их обнаружения. Обзору состава коллекции было уделено внимание на страницах издания ИАК³. В 1900 г. приобретенные археологические предметы были переданы ИАК в фонды Исторического музея. Согласно перечневой описи 621, в которую занесены сто предметов, четырнадцать артефактов с территории Мариинской лесостепи, с указанием конкретного места – в окрестностях села Тисуля (поселок Тисуль Кемеровской области). Среди предметов заслуживает особого интереса нож с необычным навершием на рукояти в виде вытянутой морды кабана, плавно переходящей из самой рукоятки в ее окончание. Образ морды кабана передается достаточно реалистично. В настоящее время предмет представлен в зале скифского времени постоянной экспозиции музея (рис. 2, 14⁴).

Первое упоминание о сохранившейся коллекции семьи Гуляевых в Государственном Историческом музее мы находим в статье А. И. Мартынова, где в нескольких словах сообщается о предметах, собранных Гуляевыми в Сибири, среди которых «четыре бронзовых тагарских ножа (два в обломках, у одного арочное навершие), один бронзовый нож без прорези и бронзовый серп, найденные около Тисуля» [7, с. 65]. Здесь же размещены прорисовки предметов из коллекции. Анализируя прорисовки, хотелось бы заметить, что часть предметов не относится к данной коллекции, а если и имеет место быть, то территориально не соответствует прилагаемым музейным описям. В работе Т. В. Тишкиной имеются сведения о предметах с территории Мариинской лесостепи, где упоминается о семи предметах из коллекции Гуляевых [6, с. 91]. Таким образом, в коллекции семьи Гуляевых обозначены четырнадцать археологических предметов, относящихся к скифскому времени с территории Мариинской лесостепи.

Рис. 2. Случайные находки окрестностей Тисуля Мариинского округа Томской губернии, из коллекции Н. С. Гуляева: 1 – 621/71; 2 – 621/96; 3 – 621/97; 4 – 621/98; 5 – 621/15; 6 – 621/80; 7 – 621/1; 8 – 621/72; 9 – 621/2; 10 – 621/76; 11 – 621/79; 12 – 621/78; 13 – 621/77; 14 – 621/99

Fig. 2. Chance finds made near the town of Tusul in the Mariinsk district of the Tomsk Province, from N. S. Gulyaev's collection: 1 – 621/71; 2 – 621/96; 3 – 621/97; 4 – 621/98; 5 – 621/15; 6 – 621/80; 7 – 621/1; 8 – 621/72; 9 – 621/2; 10 – 621/76; 11 – 621/79; 12 – 621/78; 13 – 621/77; 14 – 621/99

Упоминания о древних предметах на р. Кия имеются у исследователя Василия Васильевича (Фридриха Вильгельма) Радлова. В. В. Радлов, путешествуя по Сибири, а таких экспедиций у него было десять с 1860 по 1871 гг. (исключая 1864 г.), дважды пересекал границы Кузнецко-Салаирской горной области. В первом томе «Aus Sibirien» на страницах первой главы имеется небольшой раздел с информацией о научных поездках исследователя, совершаемых им на протяжении десяти лет из Барнаула в разные части Сибири и Средней Азии [8, с. 9–10]. Второе путешествие В. В. Радлов совершает в 1863 г. уже с целью археологического изучения территорий. Основным маршрут был более продолжительным, но теперь исследователь захватывает северо-восточные районы отрогов Кузнецкого Алатау от Большого озера до Мариинска, откуда он по рекам Кии и Чердату попадает в Томск и далее в Барнаул.

³ Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1901. С. 82–84.

⁴ Государственный Исторический музей. КП 38160. Оп. 621/1-100; Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1901 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1903. С. 83.

В Государственном Эрмитаже (ГЭ) в Собрании Радлова (№ 1123/1–277), состоящем из 308 предметов, хранятся предметы из экспедиционных сборов 1863 г., часть которых, возможно, приобретена с территории Мариинской лесостепи. В коллекционной описи представлены несколько комплексов предметов из разных мест: 27 предметов из курганов по нижнему Абакану от Таштыпа до устья Абакана (ГЭ, 1123/1–10, 132–146, 267, 273) и около 30 случайных находок, купленных у крестьян по пути следования экспедиции в данном районе (ГЭ, 1123/11–36, 127–131); следующие категории вещей состоят из случайных находок, найденных по правому берегу Енисея к югу от Минусинска (ГЭ, 1123/37–51, 53, 147–155) и к северу от города на обоих берегах Енисея (ГЭ, 1123/54–101, 156–176, 265–266, 270–272, 275–277); часть предметов территориально не обозначена (ГЭ, 1123/252–258, 263–264), а другая часть представлена со всей территории Ачинско-Минусинской степи, в районах Божьего (Большого) озера, р. Июс и верховьях Кии (вероятнее всего, южнее г. Мариинск, ГЭ, 183–252, 259–262, 274). К сожалению, более точного местонахождения предметов не указано, но введение их в научный оборот целесообразно для составления археологической карты всех случайных находок и поиска аналогий.

В. В. Радлов отмечает, что «встречается множество изящных заостренных молотков, в большинстве случаев таких маленьких и непрочных, что они могли служить только украшением для палок... и они не были собственностью простых рудокопов. Я сам присутствовал при том, как нашли медное оружие в золотомойне, а на Кие мне подарили два больших медных топора. Они, как мне сказали, были найдены в золотомойнях и, несомненно, служили для того, чтобы разбивать руду» [8, с. 422]. Всего в 1863 г. по пути следования экспедиции по границе северо-восточных отрогов Кузнецкого Алатау (районы р. Июс, Большого озера и верховья Кии) В. В. Радловым проводились раскопки курганов (Государственный Эрмитаж), 1123/52, 117–126, 182) и параллельно были собраны 72 предмета из случайных сборов: 14 бронзовых и 58 железных изделий (рис. 3). Среди находок значительное место занимают железные наконечники стрел в количестве 50 экземпляров, территория сбора которых выходит за рамки исследования (ГЭ, 1123/183–252).

К случайному предметному комплексу северо-восточных отрогов Кузнецкого Алатау относятся три бронзовых (ГЭ, 1123/102–104) и два железных кинжала (ГЭ, 1123/105, 181), медный серп (ГЭ, 1123/111), четыре бронзовых кельта (ГЭ, 1123/112–114, 116) и одна мотыга (ГЭ, 1123/115), вток (ГЭ, 1123/268). В коллекции также представлено шесть металлических ножей (ГЭ, 1123/106–110, 269), среди которых один железный, ажурный бронзовый предмет с шипами (ГЭ, 1123/52), назначение которого определить затруднительно, железные стремена (ГЭ, 1123/177, 178), долото (ГЭ, 1123/180) и тесло (ГЭ, 1123/179). Некоторые ажурные предметы с изображениями птицы или животного

были уже опубликованы в работе М. П. Завитухиной [9]. Безусловно, данные сведения коллекции В. В. Радлова из инвентарных описей фондов Эрмитажа не могут восполнить недостающую информацию, поскольку не являются точными, но они представляют определенный интерес для исследователей. Коллекция В. В. Радлова требует дополнительного изучения для понимания происхождения находок с территории северо-восточных отрогов Кузнецкого Алатау.

Рис. 3. Случайные находки северо-восточных отрогов

Кузнецкого Алатау из коллекции В. В. Радлова, ГЭ, 1123/1–277:

1 – 1123/102; 2 – 1123/103; 3 – 1123/104; 4 – 1123/105; 5 – 1123/181; 6 – 1123/106; 7 – 1123/107; 8 – 1123/108; 9 – 1123/109; 10 – 1123/269; 11 – 1123/110; 12 – 1123/112; 13 – 1123/115; 14 – 1123/113; 15 – 1123/114; 16 – 1123/116; 17 – 1123/268; 18 – 1123/177; 19 – 1123/178

Fig. 3. Chance finds from northern-eastern foot of the Kuznetsk Alatau, from V. V. Radlov's collection, the Hermitage, 1123/1–277:

1 – 1123/102; 2 – 1123/103; 3 – 1123/104; 4 – 1123/105; 5 – 1123/181; 6 – 1123/106; 7 – 1123/107; 8 – 1123/108; 9 – 1123/109; 10 – 1123/269; 11 – 1123/110; 12 – 1123/112; 13 – 1123/115; 14 – 1123/113; 15 – 1123/114; 16 – 1123/116; 17 – 1123/268; 18 – 1123/177; 19 – 1123/178

В связи с тем, что Мариинский округ входил в состав Томской губернии с единственным на тот момент музеем, образованным при Томском Императорском Университете, предметы, найденные в земле крестьянами, передавались через посредников в музей. Такими посредниками были в основном высокопоставленные чиновники, которые глубоко понимали ценность археологических предметов, среди них – Петр Александрович Буткеев. По окончании

Томской мужской гимназии он работал там же учителем, а в последствии продвинулся по служебной лестнице до должности штатного смотрителя Томского уездного и приходских училищ Томского и Мариинского округов. Благодаря его стараниям фонды музея Томского университета пополнились несколькими предметами с территории Мариинской лесостепи. Например, бронзовые нож (Основной фонд (ОФ) 1186) и кельт (ОФ 1241), обнаруженные в Алчедатской волости, доставлены им в музей от священника Федора Сосунова в 1886 г. [10, с. 66]. Всего в фондах музея Томского университета хранится 17 археологических предметов с территории Мариинской лесостепи. Большую часть из этих предметов передал в музей горный исправник Леонид Николаевич Некрасов [11, с. 65]. Коллекция Л. Н. Некрасова состоит из пяти бронзовых ножей тагарской культуры, двух бронзовых пряжек таштыкского времени, железного кованого крюка эпохи раннего Средневековья [10, с. 60–67, 71–73]. В коллекции выделяется кинжал с фигурным навершием, который был обнаружен у с. Тисуль на левом берегу р. Каштак (ОФ 1211). В фондах музея также хранится полноразмерный чекан скифского времени из случайных сборов, найденный в середине XX в. у с. Чумай Чебулинского района (ОФ 5995).

Таким образом, по результатам исследования первого периода установлено, что все археологические предметы, полученные в период последней четверти XIX в., находятся в фондах музеев за пределами Кузбасса.

II. 1950-е – середина 1980-х гг.

С 1950-х гг. начинается следующий этап накопления археологического материала с территории Мариинской лесостепи, который продолжается до середины 1980-х гг. Формирование и систематическое пополнение фондов археологическими коллекциями в музеях Кузбасса началось в результате многочисленных полевых изысканий 1950–1980-х гг. [12, с. 85; 13, с. 85–86]. Основная археологическая школа была сосредоточена в столице региона, и материалы масштабных археологических исследований Мариинской лесостепи в основном поступали в Кемеровский областной краеведческий музей и музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ). Обозначенный период формирования археологических коллекций связан с деятельностью основоположника археологии Кузбасса – Анатолия Ивановича Мартынова. Под его научным руководством ежегодно проводились археологические экспедиции, материалы раскопок которых легли в основу одной из лучших в 1960–1970-х гг. в Сибири музейных экспозиций по древней истории Кузбасса Кемеровского областного краеведческого музея [14, с. 32].

В течение 2020 г. проводилась инвентаризация археологических находок памятников Мариинской лесостепи в музеях Кемеровской области. Из 43 государственных и муниципальных музеев Кузбасса археологические

предметы хранятся в четырех муниципальных музеях (Тисуль, Мариинск, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецк). Самым значительным собранием среди музеев регионального значения располагает Кузбасский государственный краеведческий музей (КГКМ).

Коллекция археологии с территории Мариинской лесостепи в фондах КГКМ насчитывает более 1660 единиц хранения Основного фонда, что составляет более половины от общего числа его археологического фонда. В коллекцию входят две случайные находки и артефакты девяти древних памятников Кузбасса, отражающие основные этапы развития региона в древности в тагаро-таштыкское время. Среди памятников тагарской культуры железного века особое место занимает могильник Ягуня, который составляет ядро всего археологического фонда музея (884 ед. хр.). Памятник Ягуня располагался в лесостепном районе на берегу одноименной реки в Тисульском районе Кемеровской области в 9 км от с. Большое Пичугино. Раскопки могильника проводились в 1959–1960, 1967 гг. А. И. Мартыновым. И хотя судьба коллекции драматична [15, с. 44], большая часть артефактов памятника сохранилась в фондах музея для научных исследований. В коллекции представлены глиняная посуда и бронзовые изделия тагарских племен. В результате научной обработки удалось полностью идентифицировать предметный комплекс, сопоставив его с отчетной документацией. Среди предметов коллекции выделяются предметы т. н. скифо-сибирского звериного стиля: бронзовые штандарты, навершия, ножи, топоры, зеркала, чеканы с зооморфными навершиями, значительное количество бронзовых оленных блях, которые отличаются неповторимостью исполнения образов. В 1980-х гг. бронзовые предметы из могильника Ягуня передавались для спектрального анализа в Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

В фондах КГКМ хранятся предметы коллекций тагарской культуры из могильников Большепичугино и Тамбар II (Тисульский район Кемеровской области). Раскопки пичугинских курганов проводились в 1956–1958 гг. под руководством А. И. Мартынова. Среди множества артефактов выделяется древний скифский котел, обнаруженный в 1957 г. в насыпи одного из курганов. В ходе исследования было выяснено, что этот котел не является случайной находкой из района Почитанки Ижморского района Кемеровской области, как было отмечено в музейных документах, а относится к собранию из могильника Большепичугино [16]. К этому же периоду относится памятник Тамбар II, раскопки которого проводились в 1983 г. под руководством В. В. Боброва. В коллекции хранится 112 предметов тагарской культуры: бронзовые ножи, оленные бляхи, проколки, чеканы, зеркала, кинжалы, глиняная посуда и др. Из раскопок В. В. Боброва также представлена небольшая коллекция подъемного каменного инвентаря с поселенческого разновременного комплекса Тамбар III (40 ед. хр.).

В фондах краеведческого музея хранятся предметы гуннского времени из таштыкских захоронений могильников Тамбар I и Михайловка. Раскопки первого памятника проводились под руководством А. И. Мартынова в 1957 г. В одиночном кургане обнаружены глиняные сосуды, железные ножи, пряжки, кольца и др. На территории Чебулинского района у с. Михайловка в 1964 г. кузбасскими археологами был исследован уникальный погребальный комплекс гуннского времени. В двух из десяти разновременных курганов обнаружены целые кыргызские вазы, сохранность которых оказалась превосходной [17, с. 74, 80]. В фондах музея хранится одна из трех обнаруженных ваз (рис. 4, 7). Высокая ваза темного цвета из серой глины с профилированным туловом и широко раскрытой вверх горловиной покрыта орнаментом в виде четких оттисков «елочного» штампа, образующих ромбы. В одном из ромбов имеется знак *тамга* – родовой фамильный знак. Ваза имеет импортное происхождение, очевидно, из Хакаско-Минусинской котловины [18, с. 91].

Особо следует отметить предметы, включенные в коллекцию случайных находок, среди которых – полноразмерный кинжал с фигурным навершием в виде быков (рис. 4, 5). Кинжал был обнаружен в окрестностях п. Тисуль в 1950-е гг. В это же время недалеко от оз. Утинка было обнаружено тесло-топор переходного времени от эпохи бронзы к железному веку (рис. 4, 8).

В фондах музея хранится часть предметов из кургана 3 могильника Шестаково I, относящихся к эпохе раннего Средневековья. Раскопки проводились в 1968 г. под руководством А. И. Мартынова. Третий курган из десяти был крайним с западной стороны могильника, находился в 100 м от склона к долине р. Кия и имел довольно значительный диаметр.

В северной части кургана находилась центральная погребальная яма с каменной квадратной оградой и девятью отдельными погребениями, расположенными вокруг могильной ямы. При разборке каменной пристройки под большими камнями были обнаружены захоронения двух взрослых человек вместе с лошадьми. В семи других погребениях найдены останки детей. Взрослые мужчины в возрасте 28–30 и 40–45 лет располагались на спине, головой на юго-запад. Слева у каждого из мужчин был скелет лошади с подогнутыми ногами. Погребенные были снабжены полным боевым снаряжением: мечи, топоры, трехгранные наконечники стрел, пряжки, ножи [19, с. 36–49; 20, с. 26]. В ходе исследования было установлено, что предметы из собрания памятника Шестаково I находятся в трех музеях: в КГКМ, основная часть предметов – в музее Кемеровского государственного университета (КемГУ) и один предмет – в отделе музейных практик и технологий Института археологии и этнографии СО РАН.

В музее Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) хранится уникальный экспонат из кургана 6 археологического памятника Шестаково I – скульптурное изображение человеческой головы, внутри которой

находился не человеческий, а бараний череп, что удалось установить исследователям благодаря современному анализу с помощью рентгеновской томографии (рис. 5а, 5б).

В 1970-х гг. в районе д. Шестаково Чебулинского района проводятся работы сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН на Шестаковском палеолитическом местонахождении. Соответственно все материалы передаются в музей при Институте. В 1974 г. А. М. Кулемзиным, сотрудником Кемеровского пединститута, рядом с раскопками стоянки древнего человека найден археологический клад палеолитических изделий из породы бурого цвета (пункт сбора обозначен как Шестаково VIII). Клад размещался компактной группой из восьми каменных изделий: двух ножей, комбинированных орудий – нож-скребок и скребок-резчик, пластины с ретушью, отщеп с ретушью. Центральное место занимает изделие с двусторонней обработкой – бифас рубяще-режущего назначения [21, с. 100–102]. Клад демонстрирует индивидуальный набор орудий палеолитического человека. Это пока единственный клад, обнаруженный в Мариинской лесостепи.

Рис. 4. Предметы из археологических фондов КГКМ: 1, 2, 4, 6 – из могильника Ягуны; 3 – из могильника Тисуль I; 5, 8 – из коллекции случайных находок; 7 – кыргызская ваза из Михайловского могильника; 9 – котел из насыпи Большепичугинского могильника
Fig. 4. Artifacts from the Kuzbass State Museum of Local History: 1, 2, 4, 6 – items from the Yagunya barrow; 3 – item from Tisul I cemetery; 5, 8 – chance finds; 7 – Kyrgyz vase from the Mikhailovskiy barrow; 9 – cauldron from the Bolshoye Pichugino barrow

Самое значительное собрание археологических находок с Мариинской лесостепи представлено в КМАЭЭ, в фондах которого хранится 198 археологических коллекций, пополнявшихся в результате многолетних полевых исследований ученых, сотрудников и студентов кафедры археологии КемГУ. Значительная часть коллекций относится к скифо-сибирскому времени, т. к. на протяжении нескольких десятилетий под руководством кемеровских и ленинградских ученых проводились раскопки в Ачинско-Мариинской лесостепной зоне. Самые известные опубликованные памятники – Ягуня, Тисуль I, Шестаково I, Серебряково I, Некрасово II, Утинка. С территории Мариинской лесостепи в фондах музея КемГУ хранятся предметы из 24 археологических памятников, что составляет 14405 единиц. В 1969 г. были раскопаны Серебряковский могильник, в 1968 г. – Шестаковский курган, а в 1970 г. – Некрасовский курган. Все это создавало первоклассные фонды археологических материалов к моменту открытия университета и предопределило

Рис. 5а. Фотография с раскопок Шестаковских курганов в 1968 г. (КМАЭЭ. ОФ 36/52 ВФ 2369)

Fig. 5a. Excavations of the Shestakovo mounds, 1968 (the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University, OF 36/52 VF 2369)

Рис. 5б. Современное фото скульптурного изображения головы из кургана 6 (Институт археологии и этнографии СО РАН. Фонд МИКНС)
Fig. 5b. A head sculpture from Kurgan 6 (Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; collection of MIKNS)

открытие кафедры археологии в только что созданном университете. В 1980 г. в КемГУ открылся Музей археологии и этнографии Южной Сибири, который в 1997 г. был объединен с зоологическим музеем в КМАЭЭ [22, с. 32].

В фондах музея КемГУ хранятся археологические предметы памятников Чебулинского района: одиночный курган Алчедат I, могильник Шестаково I, поселения Смирновский ручей I, Шестаково II и городище Шестаково XI⁵. Всего 2385 ед. хр. Значительное количество артефактов – с памятников Тисульского района (более 11 тыс.) (табл.).

С середины 1970-х гг. под руководством В. В. Боброва исследуются памятники, сосредоточенные у берегов оз. Большой Берчикуль. В музей активно поступают материалы с памятников эпох мезолита – неолита и ранней бронзы, исследованных в Тисульском районе Кемеровской области – несколько поселений с Большого Берчикуля, коллекции которых составляют более 50 тыс. находок Основного и Научно-вспомогательного фондов. Вслед за исследованием памятника финальной бронзы в первой половине 1980-х гг. в Тисульском районе начинаются целенаправленные археологические разведки и масштабные раскопки ряда памятников эпохи бронзы на Тамбарском водохранилище, у деревень Дворниково и Третьяково.

К сожалению, в ходе неоднократных переездов и затоплений фондов музея КемГУ были безвозвратно утрачены материалы поселения таштыкской культуры Третьяково I, раскопки которого проводились в 1972–1977 гг. Помимо керамического материала, на поселении был представлен предметный комплекс: наконечники стрел, железные ножи, пряжки, проколки с изображением птиц [23, с. 108]. Поселение Утинка I (раскопки 1969–1973 гг.), которое относилось к переходному

Табл. Археологические коллекции в музеях Кузбасса с территории Мариинской лесостепи, 16126 ед. хр.

Tab. Archaeological collections in Kuzbass museums from Mariinsk forest-steppe area, 16126 storage units

Инвентарный номер коллекции	Название коллекции	Тип памятника	Музей	Общее количество
Памятники Чебулинского района (2593 ед. хр.): 2385 ед. хр. (КМАЭЭ), 180 ед. хр. (КГКМ), 28 ед. хр. (МИГМ)				
BA 63	Алчедат I	могильник	КМАЭЭ	56
BA 3	Михайловка	могильник	КГКМ	132
BA 167	Смирновский ручей I	поселение	КМАЭЭ	674
BA 12	Шестаково I	могильник	КМАЭЭ	532
BA 15	Шестаково I	могильник	КГКМ	48

⁵ Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Вып. 1. Кемерово: СКИФ, 2004. 112 с.; Вып. 2. Кемерово: СКИФ, 2006. 128 с.; Вып. 3. Кемерово: СКИФ, 2008. 128 с.

Инвентарный номер коллекции	Название коллекции	Тип памятника	Музей	Общее количество
ВА 170	Шестаково II	поселение	КМАЭЭ	975
ВА 47	Шестаково XI	городище	КМАЭЭ	145
ВА 44	Шестаково III	могильник	КГКМ	125
Шестаково	Чеканы	случайная	МИГМ	5
Шестаково	Втоки	случайная	МИГМ	5
Шестаково	Зеркала	случайная	МИГМ	3
Шестаково	Бляшка полусферическая	случайная	МИГМ	2
Шестаково	Бляшка «оленная»	случайная	МИГМ	1
Михайловка	Наконечники стрел	случайная	МИГМ	11
Михайловка	Псалий	случайная	МИГМ	1
Памятники Тисульского района (13401 ед. хр.): 11911 ед. хр. (КМАЭЭ), 1461 ед. хр. (КГКМ), 24 ед. хр. (ЛККМ), 5 ед. хр. (ИКМТР)				
ВА 17	Большепечугино I	могильник	КГКМ	294
ВА 65	Большой Берчикуль	могильник	КМАЭЭ	174
ВА 73	Большой Берчикуль I	стоянка	КМАЭЭ	723
ВА 172	Большой Берчикуль II	стоянка	КМАЭЭ	89
ВА 77	Большой Берчикуль IV	стоянка	КМАЭЭ	222
ВА 59	Большой Берчикуль V	стоянка	КМАЭЭ	269
ВА 70	Большой Берчикуль VI	стоянка	КМАЭЭ	125
ВА 166	Дворниково I	поселение	КМАЭЭ	262
ВА 14	Кондрашка – Тисуль I	могильник	КМАЭЭ	377
ВА 14	Тисуль I	могильник	КГКМ	102
ВА 26	Тисуль I – Кондрашка	могильник	КМАЭЭ	1226
ВА 25	Некрасово II	могильник	КМАЭЭ	355
ВА 61	Серебряково I	могильник	КМАЭЭ	477
ВА 4	Тамбар I	могильник	КГКМ	32
ВА 7	Тамбар II	могильник	КГКМ	112
ВА 79	Тамбар III (погр.)	погребение	КМАЭЭ	15
ВА 146	Тамбар III	поселение	КМАЭЭ	3914
ВА 9	Тамбар III	поселение	КГКМ	40
ВА 67	Тисуль III	могильник	КМАЭЭ	606
ВА 66	Третьяково II	поселение	КМАЭЭ	2265

Инвентарный номер коллекции	Название коллекции	Тип памятника	Музей	Общее количество
ВА 99	Третьяково I	поселение	КМАЭЭ	448
ВА 64	Утинка	могильник	КМАЭЭ	250
ВА 60	Ягуня	могильник	КМАЭЭ	11
ВА 5	Ягуня	могильник	КГКМ	878
ВА 16/6	Кинжал	случайная	КГКМ	1
ВА 22/22	Котел скифский	случайная	КМАЭЭ	1
ВА 16/3	Тесло-топор	случайная	КГКМ	1
ВА 16/2	Котел скифский	могильник	КГКМ	1
Тисуль	Чеканы	случайная	ЛККМ	4
Тисуль	Втоки	случайная	ЛККМ	4
Тисуль	Зеркала	случайная	ЛККМ	4
Тисуль	Ножи	случайная	ЛККМ	5
Тисуль	Бляшки полусферические	случайная	ЛККМ	7
Тамбар	Чекан	случайная	ИКМТР	1
Тисуль	Кинжал	случайная	ИКМТР	1
Дудет	Фигурка антропоморфная	случайная	ИКМТР	1
Тамбар	Наконечник дротика	случайная	ИКМТР	1
Цымыанское	Скребло	случайная	ИКМТР	1
Тамбар	Зернотерка	случайная	ИКМТР	1
Памятники Мариинского района (132 ед. хр.): 109 ед. хр. (КМАЭЭ), 23 ед. хр. (МИГМ)				
ВА 69	Арчекас	могильник	КМАЭЭ	13
ВА 132	Арчекас I	поселение	КМАЭЭ	29
ВА 113	Клад литейщика	случайные сборы	КМАЭЭ	6
ВА 114	Арчекас VII	случайные сборы	КМАЭЭ	43
ВА 53	Арчекас VIII	случайные сборы	КМАЭЭ	24
–	Кабедат	случайные сборы	МИГМ	10
–	Арчекас	случайные сборы	МИГМ	21
Арчекас	Тесло-топор	случайная	МИГМ	1

Прим.: ИКМТР – Историко-краеведческий музей Тисульского района; КГКМ – Кузбасский государственный краеведческий музей; КМАЭЭ – музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ; ЛККМ – Ленинск-Кузнецкий краеведческий музей; МИГМ – Музей истории города Мариинска.

тагаро-таштыкскому времени, полностью утрачено. Полностью утрачен материал поселения Михайловка, раскопки 1966–1971 гг., где было вскрыто более 12 тыс. м². Здесь были обнаружены остатки более 80 многоугольных юртообразных жилищ. Макет такого поселка находится в экспозиции зала «Гуннская эпоха» музея КемГУ. В 1971 г. проводились раскопки Шестаковского поселения с остатками наземных четырехугольных построек. К моменту проведения в 1991 г. инвентаризации материалов могильника Утинка (КМАЭЭ. ОФ ВА 64), раскопки которого проводились в 1972–1975 гг., выяснилось, что в музее КемГУ сохранились только материалы кургана № 5 (раскопки В. В. Боброва), предметы из остальных 9 курганов почти полностью утрачены. К счастью, уцелела поясная бляха с двумя яками, которая украшает витрину в экспозиции зала «Гуннская эпоха» (рис. 6, 2). Материалы раскопок курганов и поселений обладали достаточно высокой информативностью, но сегодня следует констатировать тот факт, что будущему поколению исследователей

становится все сложнее добиться наиболее объективного исследовательского результата при комплексном анализе всего доступного археологического материала. К началу 1990-х гг. большая часть археологических предметов была безвозвратно утрачена, и не потому, что не были созданы соответствующие условия хранения [24, с. 97–98].

III. Современный период

В первые десятилетия XXI в. начинается третий этап накопления археологических фондов с территории Мариинской лесостепи. В фонды КГКМ поступают материалы из двух археологических памятников. Под руководством П. В. Германа в 2014–2015 гг. проводятся исследования курганного могильника Шестаково III. Среди находок – более 70 керамических сосудов разной сохранности, бронзовые пряжки и нашивки, обломки деревянных изделий, большое количество фрагментов гипсовых масок. Были продолжены археологические исследования Большепичугинского могильника, раскопки которого начаты в 1950-х гг. А. И. Мартыновым. В результате современных раскопок (раскопки П. В. Германа 2013 г.) музейная коллекция увеличилась в несколько раз. Среди предметов выделяется фигурка свернувшегося хищника, выполненная из кости животного.

С 2016 г. в КМАЭЭ поступают уникальные материалы из случайных сборов с Арчекаского историко-природного объекта [25] (рис. 6, 9). До недавнего времени на этом комплексе были известны шесть археологических памятников, материалы некоторых хранятся в фондах музея (могильник Арчекас I, раскопки А. М. Кулемзина, и поселение Арчекас I, раскопки А. В. Цыркина). Все случайные археологические сборы с этой территории еще раз подтверждают уникальность данного комплекса и обозначают перспективы дальнейшего научного исследования.

В настоящее время в работе музея КемГУ начинается очередной этап инвентаризационной обработки археологических материалов для использования их в научных исследованиях и работе с Госкаталогом музейного фонда РФ. На начальном достаточно продолжительном этапе работы проведены квалифицированный учет и систематизация всего накопленного археологического материала за прошедшие пятьдесят лет. Была разработана собственная автоматизированная система учета археологических коллекций с необходимым набором данных для конкретного типа музея [26–28]. Для работы с базами данных был разработан стандарт описания археологического памятника, состоящий из трех основных блоков информации: учетно-хранительские, каталожные и научные данные. Разработанная информационная система отличается комплексным подходом к решению задач, сочетающим в себе как необходимые специфические требования по учету и хранению музейных предметов, так и требования, предъявляемые исследователями в области археологии [27, с. 284]. Первые две задачи были реализованы в виде составления

Рис. 6. Предметы из фондов музея КМАЭЭ: 1 – скифский котел из случайных сборов; 2 – ажурная поясная бляха из могильника Утинка; 3 – оленья бляха из могильника Серебряково I; 4, 5 – орнитоморфные подвески из могильника Шестаково I; 6–9 – Арчекаские находки
Fig. 6. Artifacts from the collections of the Museum of Archeology, Ethnology, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University: 1 – Scythian cauldron (chance find); 2 – open work belt buckle from the Utinka barrow; 3 – deer buckle from the Serebryakovo I barrow; 4, 5 – ornitomorphic pendants I; 6–9 – finds from Archekas

электронных инвентарей и издании трех печатных выпусков Каталога коллекций по определенному стандарту описания [26]. Сейчас одной из приоритетных задач является составление развернутых научных паспортов на археологические предметы.

Обработка музейных коллекций ведется на современном уровне. Для сохранения археологического наследия материал проходит несколько ступеней обработки, в том числе полную оцифровку коллекции в нескольких ракурсах, что позволяет вести быстрый учет и статистическую обработку. При научной обработке у музейных сотрудников возникают и серьезные проблемы, связанные в первую очередь с отсутствием стандартов описания и общепринятых методик описания отдельных археологических предметов, хотя существуют отдельные методические рекомендации по описанию и обработке археологических коллекций⁶ [29–31].

В музее КемГУ одной из главных задач хранения является обеспечение условий для научного изучения предметов археологических коллекций, где созданы все условия для всестороннего изучения коллекций учеными, узкими специалистами, аспирантами, магистрантами и студентами. Совместная работа с археологами лаборатории археологических исследований Института экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН позволила осуществить в музее научную обработку предметов на профессиональном уровне. Помимо музейных описаний, в научный паспорт вносятся данные элементного состава бронз. К цифровому изображению в нескольких ракурсах прилагаются графические прорисовки предметов с разрезами. В результате проделанной работы составлено более 600 научных археологических паспортов на такие археологические коллекции, как Серебряково I, Некрасово II, Алчедат, Утинка (курган 4) (рис. 7).

Заключение

Археологические источники с территории Мариинской лесостепи, хранящиеся в фондах музеев России, имеют 150-летнюю историю, которую представляется возможным разделить на три периода. По результатам исследования первого периода установлено, что все археологические предметы, полученные в период последней четверти XIX в., находятся в фондах музеев за пределами Кузбасса. Материалы исследований второго этапа находятся в трех музеях – Кузбасском государственном краеведческом музее, основная часть предметов – в музее Кемеровского государственного университета и две коллекции – в отделе музейных практик и технологий Института археологии и этнографии СО РАН. В настоящее время археологические коллекции с территории Мариинской лесостепи находятся в фондах следующих музеев: Государственный Исторический музей, Государственный Эрмитаж, музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета, музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН, Кузбасский государственный краеведческий музей, музей истории города Мариинска, Ленинск-Кузнецкий краеведческий музей, Историко-краеведческий музей Тисульского района, музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Данные собрания доступны для исследователей и являются неоценимой источниковой базой для получения новых сведений об истории древних народов Кузбасса, показывая насколько тесно и многогранно переплетаются истории и судьбы народов этой территории с народами огромного пространства Евразии.

Зеркало				Памятник одиночный курган Алчедат I Расположение Кемеровская область, Чебулинский район, 1,5 км ЮВ с. Алчедат Раскопки А. П. Мартынов, 1972 г. Комплекс курган I могила 1						
				Культурно-хронологическая атрибуция тагарская археологическая культура, тесинский этап, II-I вв. до н. э. Описание зеркало дисковидное плоское без бортика с петельчатой дужкой на оборотной стороне (тип 2, по А.В. Субботину). Дужка утрачена, края повреждены. Диаметр диска – 53, толщина – 2. Ширина петельки – 19, высота – 6. Место хранения КМАЭЭ, ОФ 67/4, ВА 63/4						
Элементный состав (2015)										
Cu 98,24	Sn 0,65	Pb 0,053	As 0,27	Sb 0,038	Bi –	Fe 0,46	Zn 0,0008	Ni 0,074	Co 0,012	Au –
Ag 0,03	Al 0,004	Cd –	Cr –	Mg 0,0006	Mn –	P 0,013	S 0,0016	Se 0,0018	Si 0,0047	Te –

Рис. 7. Пример научного паспорта на археологический предмет из КМАЭЭ
Fig. 7. An artifact document from the Museum of Archeology, Ethnology, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University

⁶ Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. СПб.: Арт-люкс, 2003. 408 с.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Л. Ю. Боброва провела исследование и разработала периодизацию накопления в фондах музеев России артефактов с территории Мариинской лесостепи.

Н. А. Белоусова приняла участие в подготовке и написании статьи и обобщающих выводов.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области – Кузбасса в рамках научного проекта № 20-49-420005 p_a.

Литература

1. Герман П. В. Древности Мариинской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 584–594. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-584-594>
2. Савельева А. С., Герман П. В., Плац И. А., Боброва Л. Ю. Археологические памятники среднего течения р. Кия: история открытия и перспективы изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 648–663. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-648-663>
3. Герман П. В., Савельева А. С., Марочкин А. Г., Веретенников А. В. Новые данные об археологических памятниках на северо-востоке Кузбасса // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 15–20.
4. Савельева А. С., Марочкин А. Г., Герман П. В., Боброва Л. Ю. Профессор В. В. Бобров – первооткрыватель памятников каменного и бронзового веков на северо-востоке Кузбасса // Археология Южной Сибири. Кемерово: КРИПКиПРО, 2020. Вып. 28. С. 65–74.
5. Герман П. В. Сибирский период научной деятельности Г. О. Оссовского // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 116–119.
6. Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.
7. Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Новокузнецкий полиграфический производственный комбинат Кемеровского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1973. Вып. VI. С. 4–89.
8. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
9. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ие, 1983. 192 с.
10. Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.
11. Горбунов В. В., Кунгуров А. А., Тишкин А. А. Археологическая коллекция Л. Н. Некрасова из фондов МАЭС ТГУ // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии / отв. ред. Ю. И. Ожередов. Томск: ТГУ, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 65–89.
12. Кузнецова Л. Ф. Археологическая коллекция Кемеровского областного краеведческого музея. Научное описание и использование // Музей и наука: мат-лы науч.-практ. семинара, посв. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. (Кемерово, 18–19 апрель 2002 г.) Кемерово: Притомское, 2002. С. 85–87.
13. Белоусова Н. А., Боброва Л. Ю. Отдел археологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (краткий экскурс) // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово: Примула, 2010. Вып. 8. С. 85–89.
14. Кузнецова Л. Ф. Роль А. И. Мартынова в становлении Кемеровского областного краеведческого музея // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 31–36.
15. Боброва Л. Ю., Белоусова Н. А. Вклад А. И. Мартынова в создание археологических фондов музеев города Кемерово // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 39–48.
16. Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1. С. 104–122. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)1\(17\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)1(17).-08)
17. Мартынова Г. С. Погребения с «кыргызскими» вазами в курганах Михайловского могильника // Исследования лаборатории археологических исследований / ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 1976. Вып. 7. С. 68–80.
18. Мартынова Г. С. Таштыкские племена на Кие. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 112 с.
19. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. пед. ин-та, 1971. 249 с.
20. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Тайны Шестаковских курганов. 2-е изд., перераб. Кемерово: Лазурь-К, 2017. 118 с.

21. Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Машченко Е. Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 168 с
22. Мартынов А. И., Белоусова Н. А. Место вузовских музеев в культурном пространстве городов // Музееведение и историко-культурное наследие / науч. ред. А. М. Кулемзин. Кемерово: КемГУКИ, 2008. Вып. II. С. 30–37.
23. Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1989. Вып. I. 158 с.
24. Китова Л. Ю. Коллекция тагарских художественных бронз из музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ или то, что мы потеряли для науки // Музей и наука: мат-лы науч.-практ. семинара, посв. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. (Кемерово, 18–19 апрель 2002 г.) Кемерово: Притомское, 2002. С. 97–99.
25. Бобров В. В., Боброва Л. Ю. Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 78–86. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.2.078-086>
26. Касастикова Л. Ю., Белоусова Н. А. Электронные ресурсы музея КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири» и их применение на примере археологических коллекций // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 139–147.
27. Боброва Л. Ю., Крюков С. В. Возможности системы учета археологических коллекций на примере электронного комплекса музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: мат-лы Всерос. науч. конф. с Междунар. участием. (Томск, 7–10 декабря 2008 г.) Томск: ТГУ, 2009. С. 281–288.
28. Белоусова Н. А., Боброва Л. Ю. Музейные собрания вузов в информационных научно-образовательных проектах // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2. С. 151–154.
29. Бородавский А. П., Гаушков И. Г., Матющенко В. И. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологических коллекций // Методика археологических исследований Западной Сибири / отв. ред. Л. В. Татаурова. Омск: Фаворит, 2005. С. 256–287.
30. Кирюшин Ю. Ф., Нохрина Т. И., Петрин В. Т. Методика обработки коллекций каменного инвентаря неолитического времени. Барнаул: АлтГУ, 1993. 65 с.
31. Воробьева С. Л. Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2019. 160 с.

original article

Archaeological Heritage of the Mariinsk Forest-Steppe in Russian Museums

Larisa Yu. Bobrova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Natalya A. Belousova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; belna55@mail.ru

Received 30 Jul 2021. Accepted after peer review 3 Sep 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: The article summarizes scattered data on the archaeological artifacts found in the forest-steppe of the Mariinsk area of Kuzbass and exhibited in various Russian museums. Kuzbass owes most of its archeological heritage to the Mariinsk forest-steppe. The present research made it possible to expand the source base for the corpus of archaeological sites in Kuzbass and introduce some new data about valuable artifacts from Kuzbass that are kept in museums all over Russia. The one and a half century of Mariinsk excavations can be divided into three periods. No items from the first period, i.e. the last quarter of XIX century, remained in Kuzbass museums. Artifacts from the second period are distributed between the Kuzbass State Museum of Local History, the Kemerovo State University Museum, and the Institute of Archaeology and Ethnology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Other archaeological collections from Mariinsk are to be found in the following museums: the State Historical Museum, the Hermitage, the museums of Archeology and Ethnography of Tomsk and Kemerovo State Universities, and the Museums of Local History of Kuzbass, Mariinsk, Leninsk-Kuznetskiy, and Tisul. The collections present a valuable source of new information about the history of Southern Siberia.

Keywords: the Kia River, archeological sites, chance finds, source base, historical and cultural heritage, archeological micro-district, museum collections

Citation: Bobrova L. Yu., Belousova N. A. Archaeological Heritage of the Mariinsk Forest-Steppe in Russian Museums. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 599–612. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-599-612>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: L. Yu. Bobrova performed the research and developed the periodization. N. A. Belousova proofread the article and wrote the conclusion.

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of the Kemerovo Region as part of research project No. 20-49-420005 p_a.

References

1. German P. V. Ancient artifacts of Mariinsk forest-steppe: first evidence and early studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 584–594. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-584-594>
2. Savelieva A. S., German P. V., Plats I. A., Bobrova L. Yu. Archaeological sites of the middle Kiya river: history of discoveries and study prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 648–663. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-648-663>
3. German P. V., Savelieva A. S., Marochkin A. G., Veretennikov A. V. New data about archaeological sites in northeastern Kuzbass. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2019, (10): 15–20. (In Russ.)
4. Savelieva A. S., Marochkin A. G., German P. V., Bobrova L. Yu. Professor V. V. Bobrov – discoverer of the sites of Stone and Bronze Ages in the north-east of Kuzbass. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2020, iss. 28, 65–74. (In Russ.)
5. German P. V. Siberian period of scientific activity G. O. Ossovski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (3): 116–119. (In Russ.)
6. Tishkina T. V. *Archaeological research in Altai (1860–1930s)*. Barnaul: Azbuka, 2010, 288. (In Russ.)
7. Martynov A. I. Monuments and individual finds of objects of the Scythian-Sarmatian time in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region. *News of the archaeological research laboratory*. Kemerovo: Novokuznetskii poligraficheskii proizvodstvennyi kombinat Kemerovskogo oblastnogo upravleniia izdatelstv, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1973, iss. VI, 4–89. (In Russ.)
8. Radlov V. V. *From Siberia. Diary pages*. Moscow: Nauka, 1989, 748. (In Russ.)
9. Zavitukhina M. P. *Ancient art on the Yenisei. Scythian time. Publishing one collection*. Leningrad: Iskusstvo. Leningr. otd-
ie, 1983, 192. (In Russ.)
10. Florinskii V. M. *Archaeological museum of Tomsk University*. Tomsk: Tip. Mikhailova i Makushina, 1888, 276. (In Russ.)
11. Gorbunov V. V., Kungurov A. L., Tishkin A. A. Archaeological collection of L. N. Nekrasov from the funds of V. M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University. *Materials and research of ancient, medieval, and modern history of North and Central Asia*, ed. Ozheredov Yu. I. Tomsk: TGU, 2010, vol. III, iss. 1, 65–89. (In Russ.)
12. Kuznetsova L. F. Archaeological collection of the Museum of Local History of Kemerovo Region. Scientific description and use. *Museum and science: Proc. Sci.-Prac. Seminar, dedicated to the 25th anniversary of the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia of the Kemerovo State University*, Kemerovo, 18–19 Apr 2002. Kemerovo: Pritomskoe, 2002, 85–87. (In Russ.)
13. Belousova N. A., Bobrova L. Yu. Department of Archeology of the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University (a brief excursion). *Inquiry: historical and local lore miscellany*. Kemerovo: Primula, 2010, iss. 8, 85–89. (In Russ.)
14. Kuznetsova L. F. The role of A. I. Martynov in the development of the Kemerovo Regional Museum of Local Lore. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, iss. 26, 31–36. (In Russ.)
15. Bobrova L. Yu., Belousova N. A. A. I. Martynov's contribution to the archeological funds of museums in the city of Kemerovo. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, iss. 26, 39–48. (In Russ.)
16. Bobrov V. V., Bobrova L. Yu., Savelieva A. S. The cooper-bronze cauldrons of Scythian epoch from Kuznetsk basin and Mariinsk forest-steppe. *Teoriia i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*, 2017, (1): 104–122. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)1\(17\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)1(17).-08)
17. Martynova G. S. Burials with "Kyrgyz" vases in the mounds of the Mikhailovsky burial ground. *News of the archaeological research laboratory*, ed. A. I. Martynov. Kemerovo: Kemerovskii poligrafkombinat, 1976, iss. 7, 68–80. (In Russ.)
18. Martynova G. S. *Tashtyk tribes on the Kiya River*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1985, 112. (In Russ.)
19. Martynov A. I., Martynova G. S., Kulemzin A. M. *Shestakovsky burial ground*. Kemerovo: Izd-vo Kemerovskogo gos. ped. in-ta, 1971, 249. (In Russ.)

20. Martynov A. I., Martynova G. S., Kulemzin A. M. *Secrets of the Shestakovo barrows*, 2nd ed. Kemerovo: Lazur-K, 2017, 118. (In Russ.)
21. Derevianko A. P., Molodin V. I., Zenin V. N., Leshchinskiy S. V., Mashchenko E. N. *Late Paleolithic location of Shestakovo*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003, 168. (In Russ.)
22. Martynov A. I., Belousova N. A. The place of university museums in the urban cultural landscape. *Museology and historical and cultural heritage*, ed. Kulemzin A. M. Kemerovo: KemGUKI, iss. II, 2008, 30–37. (In Russ.)
23. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. Archaeological sites of Kemerovo region. *The materials to the Corpus of historical and cultural sites of the USSR*. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1989, iss. I, 158. (In Russ.)
24. Kitova L. Yu. Collection of Tagar artistic bronzes from the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University, or Lost for science. *Museum and Science: Proc. Sci.-Prac. Seminar, dedicated to the 25th anniversary of the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia*, Kemerovo State University, Kemerovo, 18–19 Apr 2002. Kemerovo: Pritomskoe, 2002, 97–99. (In Russ.)
25. Bobrov V. V., Bobrova L. Yu. Newly discovered bronze artifacts of the Scythian period from Arhekas Mountain, Kuznetsk Alatau. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2017, 45(2): 78–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.2.078-086>
26. Kasastikova L. Yu., Belousova N. A. Electronic resources of the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University, and its archeological collections. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: Letopis, 2006, iss. 24, 139–147. (In Russ.)
27. Bobrova L. Yu., Kriukov S. V. Possibilities of the accounting system of archaeological collections on the example of the electronic complex of the Museum of Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia, Kemerovo State University. *Academic and university museums: role and place in research and education: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation*, Tomsk, 7–10 Dec 2008. Tomsk: TGU, 2009, 281–288. (In Russ.)
28. Belousova N. A., Bobrova L. Yu. Higher education institution's museums collections in information scientific and educations projects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (2): 151–154. (In Russ.)
29. Borodovsky A. P., Glushkov I. G., Matyushchenko V. I. Methodical recommendations and programs for processing and description of archaeological collections. *Methods of archaeological research in Western Siberia*, ed. Tataurova L. V. Omsk: Favorit, 1984, 256–287. (In Russ.)
30. Kiryushin Y. F., Nokhrina T. I., Petrin V. T. *Methods of processing collections of stone tools of the Neolithic time*. Barnaul: AltGU, 1993, 65. (In Russ.)
31. Vorobyeva S. L. *Acquisition, registration, storage, and scientific description of archaeological collections in museums: legal aspects and practical experience*. Ufa: Natsionalnyi muzei Respubliki Bashkortostan, 2019, 160. (In Russ.)

оригинальная статья

А. Р. Кызласов и проблемы изучения каменных изваяний Центрального Казахстана

Любовь Николаевна Ермоленко
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>;
lyubov.ermolenko@mail.ru

Жолдасбек Курманкулович Курманкулов
Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Республика
Казахстан, г. Алматы; <https://orcid.org/000-0003-0605-2429>

Асемгуль Дауреновна Касенова
Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Республика
Казахстан, г. Алматы; <https://orcid.org/0000-0002-8401-6610>

Поступила в редакцию 12.07.2021. Принята после рецензирования 02.08.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Анализируется вклад А. Р. Кызласова в исследование каменных изваяний Центрального Казахстана. В полевом сезоне 1948 г. в долинах горных массивов на юго-западе и юго-востоке Казахского мелкосопочника (Сарыарка) им были документированы свыше десятка изваяний и раскопаны несколько сооружений, возле которых они находились. В статье А. Р. Кызласова, вышедшей в 1951 г., опубликованы 9 изваяний, приведены сведения о раскопках относящихся к ним сооружений – оградок и курганов; древнетюркские изваяния и оградки Центрального Казахстана впервые рассмотрены в единстве и в сравнении с подобными памятниками восточного региона; предпринята попытка конкретизации этнической принадлежности изваяний. Дополнительные сведения о документированных А. Р. Кызласовым памятниках взяты из его полевого дневника, хранящегося в архиве Института археологии им. А. Х. Маргулана, и из изданного в 2017 г. полевого альбома. Для источниковедческого анализа привлекались аналогичные материалы из публикаций А. Х. Маргулана. Характеризуя результаты деятельности А. Р. Кызласова с позиций современной науки, следует отметить, что им были документированы изваяния, относящиеся ко всем известным сейчас культурно-хронологическим группам памятников монументальной скульптуры на территории Сарыарки (оленные камни, изваяния сакской, древнетюркской, кыпчакской эпох), а также исследованы раскопками некоторые виды связанных с ними сооружений. Несмотря на ограниченную информативность составленной А. Р. Кызласовым документации, отвечающей требованиям своего времени, актуальность ее сохраняется ввиду того, что местонахождение большинства изученных исследователем памятников в настоящее время неизвестно.

Ключевые слова: ранний железный век, Средневековье, документирование, оленный камень, курган, древнетюркская оградка, кыпчакское святилище

Цитирование: Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. А. Р. Кызласов и проблемы изучения каменных изваяний Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 613–623. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-613-623>

Введение

Актуальность познания прошлого археологической науки обусловлена не только необходимостью осмысления истории исследовательского процесса, но также источниковедческой ценностью полевых материалов и базирующихся на них публикаций. 70 лет назад вышла первая научная работа, в основном посвященная каменным изваяниям Центрального Казахстана, автором которой был А. Р. Кызласов [1]. Исследование изваяний, большей частью принадлежащих к историко-культурному наследию древних и средневековых кочевых народов, относится к числу традиционных направлений в археологии степных и горно-степных районов Евразии. А. Р. Кызласов (1924–2007) занимался изучением каменных изваяний с начала своей археологической деятельности во время учебы в МГУ. В 1946–1947 гг. он работал в Туве, приняв участие в возглавляемой С. В. Киселевым Саяно-Алтайской археологической экспедиции. В составе

экспедиции была А. А. Евтюхова, в круг научных интересов которой входили средневековые изваяния. В 1947 г., например, экспедиция выявила в котловине Деспен (Тува) 12 изваяний, стоявших при оградках [2, с. 77, стб. 2, примеч. 1]. В Туве А. Р. Кызласов не только познакомился с этим видом археологических памятников, но и, очевидно, с методикой графической фиксации изваяний. Полевой сезон 1948 г. студент четвертого курса А. Р. Кызласов [3, с. 109] провел в Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР (ЦКАЭ), которой руководил А. Х. Маргулан.

А. Р. Кызласов как исследователь изваяний Центрального Казахстана

В 1951 г., одновременно с объемной статьей А. Х. Маргулана, в которой были обобщены результаты исследований ЦКАЭ [4], вышла публикация А. Р. Кызласова по итогам

изучения в 1948 г. археологических памятников поздних кочевников – преимущественно раннесредневековых – на территории Карагандинской области [1].

В статье Л. Р. Кызласова наряду с описанием раскопок погребальных памятников изложены сведения о 9 каменных изваяниях и связанных с ними сооружениях – оградках и курганах, обследованных в горах Кызыларай (совр. Актогайский район), Арганаты и Улытау (совр. Улытауский район) (рис. 1).

Существенно, что десять из тринадцати документированных Л. Р. Кызласовым в полевом сезоне 1948 г. изваяний не были выявлены впоследствии, и документация, созданная в середине прошлого века, остается единственным источником. Для анализа информативности этого источника кроме статьи Л. Р. Кызласова были привлечены его полевой дневник из фондов архива Института археологии им. А. Х. Маргулана¹, изданные в 2017 г. «Дорожные зарисовки» (далее – альбом) – материалы из личного архива исследователя [5], а также данные об изученных в 1948 г. изваяниях из работ А. Х. Маргулана [4; 6; 7].

Древнетюркские изваяния (рис. 2). Значительная часть древнетюркских оградок с изваяниями, документированными в 1948 г., образовывала комплексы, в которых оградки были устроены в ряд, располагаясь на некотором расстоянии друг от друга. Л. Р. Кызласовым опубликованы описания трех комплексов, состоящих из двух оградок, комплекса из четырех оградок и двух одиночных оградок. За единственным исключением эти конструкции могут быть отнесены к категории малых оградок, длина стороны которых не превышает 3 м [8]. Все малые оградки, обследованные в 1948 г., описаны как квадратные (хотя размеры могли быть указаны приблизительно); некоторые оградки составлены из четырех плит.

Памятники в горном массиве Кызыларай (горы Бегазы)

Комплекс из двух оградок исследован примерно в 3 км к западу от могильника Бегазы [1, с. 53]. Две четырехплитные оградки со стороны, соответственно, 2,6 и 1,65 м были возведены по линии *северо-восток – юго-запад* (т. е. ориентированы углами по странам света). С юго-восточной стороны большей оградки стояло погрудное изваяние, обращенное лицом на восток – юго-восток [1, с. 55, рис. 1; 5, рис. 35] (рис. 2, 1). При раскопках оградки найдены обломки костей мелкого рогатого скота.

Рисунка изваяния из этого памятника нет в работах А. Х. Маргулана, оно не найдено вновь современными исследователями. Возможно, изваяние утрачено или использовано в качестве строительного материала. Кстати, среди камней кладки хозяйственной постройки отделения Ак-Школ (ныне село Бегазы, возле которого располагается могильник Бегазы) в 2004 г. Ж. К. Курманкуловым было замечено изваяние, очевидно, доставленное из окрестностей [9, рис. 8, 1].

Л. Р. Кызласов привел информацию об **одиночной оградке** больших размеров (7,6×8,2 м), которая находится в урочище Бегазы [1, с. 55, 56] или Бөгөу [5, с. 13, 14, рис. 33]. О конструкции оградки не сообщается, но вряд ли ее стенки состояли из вертикально вкопанных плит, поскольку, по замечанию Л. Р. Кызласова, она находилась в основании позднего погребального сооружения – казахского сырцового мазара, разрушившегося ко времени фиксации. С восточной стороны сооружения найдены два изваяния. Одно из них, поясное, изображало мужчину с сосудом и оружием [1, рис. 2; 5, с. 13, рис. 34; 6, рис. 176; 7, ил. 88.3,4] (рис. 2, 2а, 2б), другое, погрудное, – мужскую голову [5, с. 14, рис. 33; 7, ил. 88.1,2] (рис. 2, 3а, 3б).

Рис. 1. Расположение каменных изваяний, документированных Л. Р. Кызласовым в ходе работ ЦКАЭ на территории Карагандинской области в 1948 г.:

- 1–3 – горы Кызыларай;
 - 4–8 – горы Арганаты;
 - 9–13 – горы Улытау
- Fig. 1. Location of the stone statues recorded by L. R. Kyzlasov in Karaganda Region of Central Kazakhstan in 1948:
- 1–3 – Kyzylarai mountains;
 - 4–8 – Arganaty mountains;
 - 9–13 – Ulytau mountains

¹ Кызласов Л. Р. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. 1948 г. № 3. Академия наук Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, г. Алма-Ата // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИА КН МОН РК). Ф. 1. Д. 114. 60 л.

Обращает на себя внимание значительное отличие рисунков погрудного изваяния в альбоме Л. Р. Кызласова и в приложении к тому 4 Сочинений А. Х. Маргулана, при том что фотографии в обеих публикациях одинаковые. К сожалению, на фотографиях невозможно рассмотреть детали. Составить определенное представление об иконографии обсуждаемого изваяния можно только при непосредственном осмотре, но оба изваяния из данного памятника пока не обнаружены.

Что касается сооружения, то следует отметить, что на территории Центрального Казахстана до настоящего

времени не выявлены большие оградки, у которых стояли бы два изваяния. Оградка близких размеров со сложенными из камней стенками и одним изваянием раскопана в Восточном Казахстане в составе святилища Сарыкол [10, с. 165–166, 171]. Между тем Л. Р. Кызласов отметил вторичную установку поясного изваяния. Не исключено, что одно из изваяний или оба они были доставлены к мазару и поставлены возле него в качестве стел, поскольку известны случаи нахождения средневековых изваяний возле поздних казахских могил [11, с. 81].

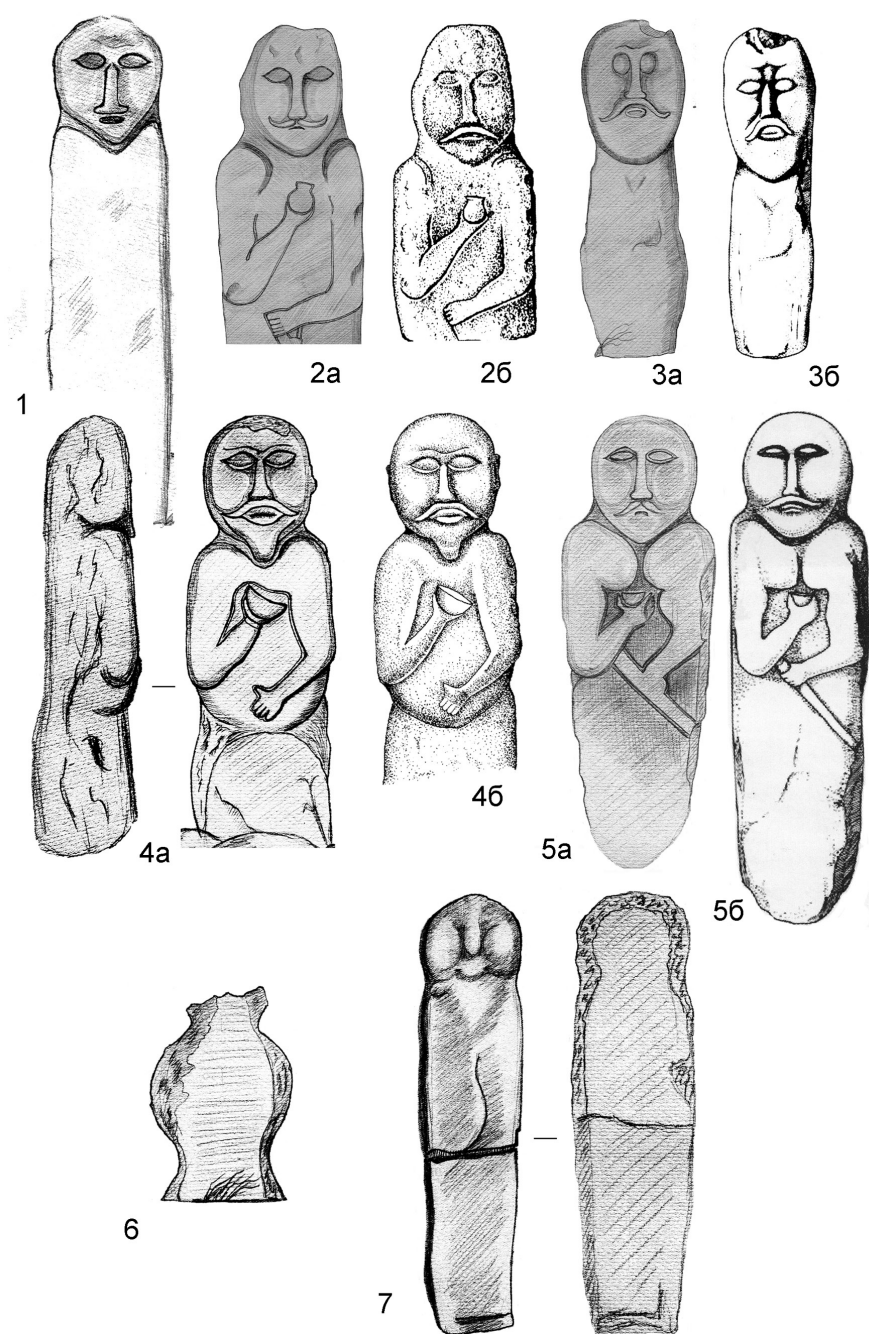

Рис. 2. Древнетюркские изваяния, изученные в 1948 г. ЦКАЭ, современное местонахождение которых не установлено: 1, 2а, 3а, 4а, 5а, 6, 7 – рисунки Л. Р. Кызласова [5, рис. 21–25, 29, 33–35]; 2б, 3б, 4б, 5б – рисунки, опубликованные А. Х. Маргуланом [7, ил. 19.2, 20.2, 88.2, 4]

Fig. 2. The Ancient Turkic stone statues recorded by the Central-Kazakhstan Archaeological Expedition in 1948: 1, 2а, 3а, 4а, 5а, 6, 7 – drawings by L. R. Kyzlasov [5, fig. 21–25, 29, 33–35]; 2б, 3б, 4б, 5б – drawings published by A. Kh. Margulan [7, fig. 19.2, 20.2, 88.2, 4]

Памятники в горном массиве Арганаты (горы Жаксы Арганаты)

У истока р. Кара-Тургай, в 3 км к юго-востоку от горы Аиршоки изучен **комплекс из двух** четырехплитных **оградок** со стороной 2,35 м и выкладки диаметром 2 м (разрушенной оградки?). В дневнике Л. Р. Кызласова написано, что все три сооружения располагались по линии *юго-восток – северо-запад*², с этим направлением сообразована и схема на рисунке в альбоме [5, рис. 22], однако в статье неточно указано *юг – север* [1, с. 57]. Поясное изваяние, изображающее мужчину с сосудом в правой руке, стояло с востока оградки, находящейся в центре комплекса. На восток от изваяния отходил ряд (поваленных) балбалов [1, с. 56, 57]. Раскопки оградки находок не дали и не выявили каких-либо особенностей ее внутренней конструкции, поскольку под забутовкой находился «нетронутый грунт» [1, с. 58]. Заметим, что подобную структуру имели, например, оградки комплекса, раскопанного на могильнике Танабай (Карагандинская область) [12, с. 145, рис. 2]. Танабайский комплекс состоял из трех малых, по-видимому, четырехплитных оград.

В статье 1951 г. Л. Р. Кызласов не привел рисунок изваяния из комплекса оградок у истока р. Кара-Тургай, лишь указал на неточности, допущенные в прорисовке, опубликованной ранее А. Х. Маргуланом. Сделанный Л. Р. Кызласовым рисунок изваяния в двух видах – анфас и в профиль – воспроизведен в альбоме [5, рис. 21, 22] (рис. 2, 4а). В работах А. Х. Маргулана содержатся фотографии и несколько отличающийся рисунок изваяния, а также указание на то, что оно находится в окрестностях горы Мык, самой высокой в массиве Арганаты [4, с. 29, рис. 18; 6, рис. 13; 7, ил. 19.1, 2] (рис. 2, 4б). Впоследствии данное изваяние не было зафиксировано.

В 200 м к северо-востоку от вышеописанного (далее – первого) комплекса был выявлен еще один (далее – второй) **комплекс из двух оградок** с изваянием и рядом поваленных балбалов [1, с. 57, рис. 3]. Оградки одинаковых размеров (длина стороны – 2,3 м). Судя по схеме в альбоме, оградки были устроены по линии *север – юг* [5, рис. 23]. На схеме обозначен ряд балбалов, начинающийся в месте, которое приходится напротив промежутка между оградками. По мнению Л. Р. Кызласова, ряд первоначально отходил от стоявшего когда-то здесь изваяния [1, с. 57]. Само изваяние найдено «в полулежачем положении» в грабительской яме внутри одной из оградок³. В описании памятника не указано, а на схеме не обозначено, в какой именно оградке находилось изваяние. Скорее всего, перед этой оградкой оно и было поставлено изначально, поскольку установка изваяний в промежутках между рядом расположенными

оградками до сих пор не отмечалась. Что касается поваленных балбалов, то места их первоначальной установки сложно определить с точностью. Как правило, ряд балбалов отходит от изваяния, но бывают исключения. Так, на перевале Кенасу (горный массив Кызыларай) зафиксирован комплекс из трех полуразрушенных малых оград, сооруженных по линии *северо-запад – юго-восток*. Возле центральной оградки стояло изваяние, перед которым прослеживался не один, а два ряда, т. е. аллея балбалов. Ряд балбалов, связанный с крайней (с юго-востока) оградкой, у которой не было изваяния, начинался примерно напротив ее реконструируемого северного угла [11, рис. 33а].

Изваяние из второго комплекса оградок, обследованного возле истока р. Кара-Тургай, представляет собой поясное изображение мужчины с сосудом и оружием (рис. 2, 5а). Л. Р. Кызласов отметил сходство форм сосудов (круглодонная чаша), изображенных на данном изваянии и изваянии из первого комплекса оградок. Рисунок изваяния, опубликованный А. Х. Маргуланом [6, рис. 14, б; 7, ил. 20.2], имеет некоторые отличия (рис. 2, 5б). На фотографии из приложения к Сочинениям А. Х. Маргулана [7, ил. 20.1] изваяние показано вкопанным, причем камни возле него не прослеживаются. Можно предположить, что для фиксации изваяние было установлено в стороне от оградок. Современное местонахождение изваяния неизвестно.

Комплекс из четырех оградок со стороной 2,3 м, сооруженных по линии *север – юг*, зафиксирован в урочище Домбагул [1, с. 58]. Размер этих оградок, как и в случае второго комплекса близ истока р. Кара-Тургай, мог быть указан приблизительно, т. к. в Центральном Казахстане нам не встречались комплексные оградки одинаковых размеров. Вероятно, из-за разрушения они не могли быть измерены точно. Представление о памятнике дают рисунок в альбоме и подпись к нему [5, рис. 29]. С восточной стороны второй (с севера) оградки стоял камень, очертания которого напомнили Л. Р. Кызласову «примитивно выраженную человеческую фигуру с отбитой наполовину "головой"»⁴ (рис. 2, б). Любопытно, что антропоморфная стела похожего абриса была выявлена в Туве [2, рис. 10]. В работах А. Х. Маргулана графических воспроизведений этого памятника нет, и заново он не обследовался.

Одиночная оградка со стороной 2,2 м обследована в 700 м к югу от горы Аир-шоки. К востоку от оградки лежала разбитая на две части антропоморфная стела (балбал, по терминологии Л. Р. Кызласова) [1, с. 58]. Ее рисунок приведен в альбоме [5, рис. 24]. Л. Р. Кызласов отметил, что обработка стелы сводилась к «подработке шеи и округлости головы»⁵, а «лицо» было сформировано природным рельефом [5, рис. 24] (рис. 2, 7). Однако

² ИА КН МОН РК. Ф. 1. Д. 114. Л. 20.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 22.

детали лица выглядят симметричными и не исключено, что на рисунке запечатлено погрудное изваяние, разрушенное выветриванием. В работах А. Х. Маргулана нет ни рисунка, ни фотографии памятника.

Оградки с изваяниями из окрестностей гор Бегазы в массиве Кызыларай Л. Р. Кызласов предположительно связал с карлуками и датировал VII–VIII вв. Основанием для этнической идентификации послужила форма сосуда – круглодонного с шаровидным туловом и горловиной, который изображен на поясном изваянии, стоявшем у большой одиночной оградки. Автор при этом ссылался на то, что подобный тип сосудов был выявлен Л. А. Евтюховой на изваяниях Алтая – родины тюрков, от которых произошли карлуки, в указанное время обитавшие «от Западного Алтая до Тарбагатай» [1, с. 56]. Однако в вышедшей в 1952 г. обобщающей работе Л. А. Евтюхова выделила такие сосуды (группа 4) уже на изваяниях Алтая, Тувы и Хакасии [2, рис. 63, IV, с. 107]. Впоследствии А. А. Чариков учел подобные сосуды на изваяниях Прииртышья [13, рис. 4]. Из этого следует, что сосуды данного типа в основном изображались на статуарных памятниках восточных тюрков. Безусловно актуальная задача соотношения средневековых изваяний с конкретными племенами остается нерешенной и, видимо, пока неосуществимой.

Оградки с изваяниями из гор Арганаты, датированные VI–VIII вв., Л. Р. Кызласов отнес к памятникам, появившимся в результате экспансии тюрков-тузюков на запад. Исследователь считал невозможным определить племенную принадлежность создателей арганатинских изваяний, в отличие от кызыларайских. При этом он отметил специфическую форму сосудов – чаш, изображенных на изваяниях данного района мелкосопочника [1, с. 56]. В дальнейшем А. А. Чариков установил факт распространения чаш на изваяниях Прииртышья и Семиречья [13, рис. 5].

Л. Р. Кызласов констатировал «полное тождество» памятников типа оградок с изваяниями и балбалами на территориях Центрального Казахстана, Алтая, Тувы, Монголии [1, с. 57]. Это утверждение отражало формирующиеся в науке того времени представления о границах древнетюркского культурного континуума. Однако оградки Центрального Казахстана до сих пор слабо изучены, их классификация не разработана, и вопрос о степени сходства с оградками других регионов не выяснен.

Изваяния других эпох (рис. 3). В статье Л. Р. Кызласова и его альбоме опубликованы не только изваяния периода Тюркских каганатов, т. е. древнетюркские, или, иначе, тюркские, но также изваяния, относимые в настоящее время к другим периодам.

Каменный «курган» с изваянием исследован в горах Арганаты, в 2,5 км к юго-востоку от горы Аир-шоки. «Курган», с восточной стороны которого лежало погрудное изваяние, был раскопан Л. Р. Кызласовым⁶ [1, с. 58;

5, рис. 26–28]. Раскопки показали, что под «насыпью», среди камней которой встречались кости лошади и мелкого рогатого скота, залежали погребенная почва и глинистый материк.

Л. Р. Кызласов определил сооружение как кенотаф, а изваяние – как древнетюркское, изображающее женщину [1, с. 58]. Однако в соответствии с современными представлениями весь памятник, состоящий из курганобразного сооружения и изваяния, относится к кыпчакским святилищам типа 4, по классификации Л. Н. Ермоленко [11, с. 37]. А. Д. Касенова предложила называть данный тип айршокинским по названию первого раскопанного памятника [9, с. 64].

Изваяние на рисунке Л. Р. Кызласова в альбоме показано в трех видах: анфас, три четверти спереди и сзади, в работах А. Х. Маргулана – только анфас, причем графические версии отличаются деталями. Сейчас изваяние хранится в Музее археологии и этнографии Центрального Казахстана при САИ КУ Карагандинского университета им. Е. А. Букетова. Сравнение обоих рисунков с самим изваянием позволило выявить некоторое несоответствие в передаче пропорций и отдельных деталей.

В горах Улытау, в 5 км к западу от горы Едиге, на правом берегу р. Жангабыл изучено **изваяние**, лежавшее у южной полы кургана. Под насыпью кургана находилась могила с безинвентарным человеческим погребением [1, с. 59–62, рис. 5, 6; 6, рис. 31, 32]. В настоящее время изваяние экспонируется в Музее народных музыкальных инструментов имени Ыхласа (г. Алматы).

Рисунок изваяния, сделанный Л. Р. Кызласовым, существенно отличался от опубликованного А. Х. Маргуланом [6, рис. 18, а, б; 7, ил. 25.1, 2, 3]. Изваяние, предположительно отнесенное Л. Р. Кызласовым к памятникам кыпчак-ов, несколько десятилетий спустя было атрибутировано Д. Г. Савиновым как антропоморфный оленный камень [14]. Авторы данной статьи на основе обследования и редокументирования жангабылского изваяния в 2015 г. пришли к заключению, что оно представляет собой антропоморфное изваяние сакской эпохи, выполненное на оленном камне [15, рис. 1, с. 49–51]. Переатрибутирование изваяния из долины р. Жангабыл сакским временем стало возможно благодаря уточнению формы клинкового оружия (особенно наконечника рукояти), обнаружению изображений чекана и признака пола. Следует признать, что процесс выявления деталей осложняется невыразительным рельефом грубо высеченного изваяния. Использование цифровых методов фиксации, вероятно, позволит создать высокоточное графическое воспроизведение, кроме того, пока недоступной остается скрытая в музейном подиуме часть изваяния, на которой могут быть изображения.

Часть изваяний, которые были изучены ЦКАЭ в 1948 г. на территории современного Улытауского района, не вошли

⁶ Там же. Л. 22–24.

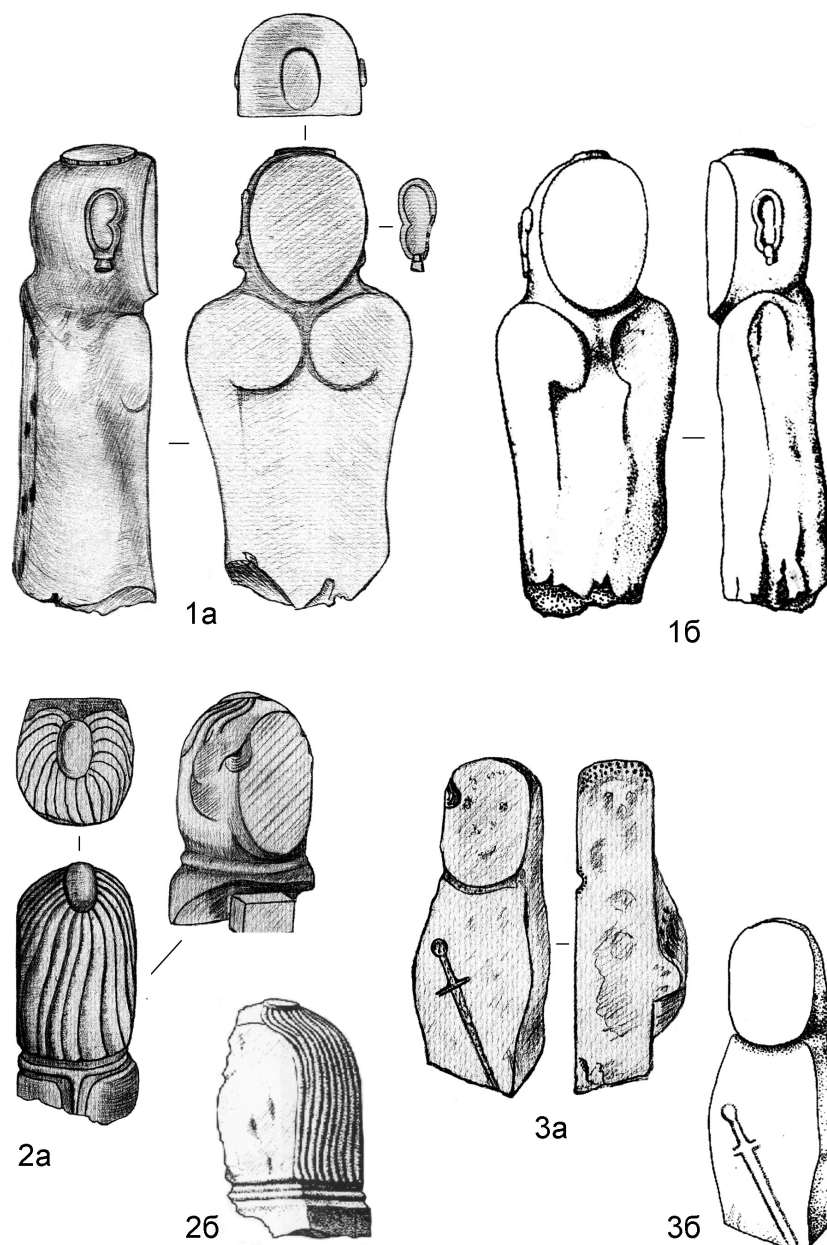

Рис. 3. Изваяния раннего железного века, изученные в 1948 г. ЦКАЭ, современное местонахождение которых не установлено: 1а, 2а, 3а – рисунки Л. Р. Кызласова [5, рис. 8–11, 16, 20]; 16, 26, 36 – рисунки, опубликованные А. Х. Маргуланом [7, ил. 34, 35, 36.3,4]

Fig. 3. The Early Iron Age stone statues recorded by the Central-Kazakhstan Archaeological Expedition in 1948:

1а, 2а, 3а – drawings by L. R. Kyzlasov [5, fig. 8–11, 16, 20]; 1b, 2b, 3b – drawings published by A. Kh. Margulan [7, fig. 34, 35, 36.3,4]

в статью Л. Р. Кызласова, изданную в 1951 г., но их рисунки имеются в альбоме. Изображения почти всех этих изваяний опубликованы в работе А. Х. Маргулана 1966 г. и в приложении к 4 тому его Сочинений.

Изваяние на левом берегу р. Кенгир, в 30 м к востоку от мавзолея Домбаул, возле поздней казахской могилы [5, рис. 17, 18], принадлежность которой найманам-баганалы засвидетельствована выбитой на изваянии тамгой *бакан*. Л. Р. Кызласов, судя по записи в полевом дневнике и надписи на рисунке, допускал некоторое сходство изваяния с образом барана⁷, хотя в дальнейшем отнес его к оленным

камням [16, с. 25]. А. Х. Маргулан считал это изваяние бараньим камнем (каз. *койтас*) [17, рис. 212]. Расхождение исследователей во взглядах не кажется принципиальным ввиду предположения Л. Н. Ермоленко о том, что *койтасы* представляют собой упрощенную разновидность оленных камней [18, с. 103].

Л. Р. Кызласов высказал догадку о первоначальном расположении изваяния в пределах группы курганов, обнаруженной в 200 м к югу от мавзолея Домбаул. Основанием для этого было, с одной стороны, визуальное сходство породы камня, встречающейся в насыпях курганов

⁷ Там же. Л. 15.

и использованной для изготовления изваяния, с другой – отсутствие в окрестностях иных памятников⁸.

В настоящее время оленный камень с р. Кенгир находится в экспозиции Историко-производственного музея им. К. И. Сатпаева при корпорации «Казахмыс» (г. Жезказган).

Остальные три изваяния из альбома обладают признаками, характерными для скульптуры сакской эпохи [19, с. 130]. Всем им свойственна плоская поверхность недетализированного лица, в двух случаях сочетающаяся с объемной моделировкой головы; на макушке головы двух изваяний имеется «шишкообразный» выступ. Изваяния высечены из песчаника, по наблюдениям геолога К. И. Сатпаева, не встречающегося в Улытау [20, с. 124], однако из камня этой породы изготовлено несколько изваяний сакской эпохи, обнаруженных в этом районе.

Обломок (верхняя половина) *изваяния*, зарисованный А. Р. Кызласовым в геолого-минералогическом музее г. Жезказгана⁹, впоследствии утерянный. В одной из работ А. Х. Маргулана сообщается, что местные жители извлекли это изваяние из фундамента старой постройки на ферме колхоза им. Амангельды и передали его в 1946 г. археологической экспедиции, возглавляемой Г. И. Пацевичем [20, с. 124]. В другой работе указано первоначальное место нахождения изваяния: курган, расположенный в 200 м к северо-западу от фермы [21, с. 57]. Согласно А. Х. Маргулану, памятник был обнаружен в урочище Каратал [6, бет. 46; 7, с. 44], по А. Р. Кызласову – в урочище Каргалы [5, рис. 8].

Ранее, основываясь на иллюстрациях из работ А. Х. Маргулана, мы допустили датировку изваяния ранним железным веком [19, с. 135]. Рисунок А. Р. Кызласова в значительной мере подтвердил такое предположение. Изваяние на нем показано в четырех видах: спереди, сбоку, сзади и сверху [5, рис. 8–11] (рис. 3, 1а, 1б). Вид сверху – методическое новшество А. Р. Кызласова¹⁰ – демонстрирует овальную форму «шишкообразного» выступа. К сожалению, отсутствие масштаба не позволяет измерить эту деталь и соотнести размеры с установленными для изваяний сакской эпохи параметрами [19, с. 130]. В иконографии сакских изваяний, однако, не находит аналогий такой атрибут, как серьги. Хотя Л. Н. Ермоленко и Ж. К. Курманкулов предположили, что серьги могли быть изображены на изваянии сакской эпохи, вторично использованном в комплексе оградок Жылысай (Улутауский район) [22, с. 33].

Обломок (голова) еще одного *изваяния* с овальным «шишкообразным» атрибутом был найден в 15 км

к востоку от места слияния рек Сары-Кенгир и Кара-Кенгир (по А. Х. Маргулану – на р. Кара-Кенгир), возле обведенного рвом кургана с каменно-земляной насыпью, диаметр которой составлял 22 м, а высота 1,5 м [5, рис. 16] (рис. 3, 2а, 2б). Судя по описанию, курган относится к раннему железному веку. Особенностью изваяния является изображение прядей волос, отходящих от «шишкообразного» выступа. А. Р. Кызласов предположил, что «выпуклый овал» мог изображать «некий предмет прически поздних кочевников»¹¹. Подпись под рисунком в альбоме: «айдар (казах.) – локон» [5, рис. 16], содержит определение прически, вероятно, подсказанное знатоком казахской этнографии. Следует отметить соответствие приведенного А. Р. Кызласовым объяснения современной трактовке этой детали. Тот факт, что на каракенгирском изваянии воспроизведены пряди волос, позволяет пересмотреть оценку аналогичной детали изваяния сакской эпохи, вторично использованного в комплексе древнетюркских оградок Жылысай [22, рис. 33]. Хотя пряди жылысайского изваяния более длинные, возможно, они были изначальным элементом образа.

На обсуждаемом рисунке А. Р. Кызласова имеются и другие детали, которые могут быть истолкованы как гривна¹², от которой сзади отходит «отросток», совпадающий с линией позвоночника, и внутренние очертания лопаток. Сочетание гривны, лопаток и позвоночника встречается в иконографии скифских изваяний, зафиксировано оно также на изваянии сакской эпохи из кургана 2 могильника Кособа [23, с. 35, 36, рис. 1].

Рисунок изваяния с р. Кара-Кенгир, опубликованный в работах А. Х. Маргулана [6, рис. 21; 7, ил. 34], имеет мало общего с кызласовским. По данным А. Р. Кызласова, изваяние было передано в (геолого-минералогический) музей Жезказгана, но теперь оно утрачено.

Обломок изваяния (без нижней части) зафиксирован возле плоского каменного кургана¹³ – одного из шести, расположенных на горе в 0,5 км к северу – северо-западу от каменных мавзолеев Кос-уйтас¹⁴. На рисунке А. Р. Кызласова изваяние представлено в двух видах: три четверти и в профиль [5, рис. 20] (рис. 3, 3а). Передняя грань изваяния показана плоской; в профиль виден выступ на тыльной стороне. По признакам «плосколикости» и «горбатого» профиля [19, с. 130, 134] кос-уйтаское изваяние сходно с изваяниями сакской эпохи. Что касается клинкового оружия, изображенного контррельефом на передней грани, то по форме оно подобно оружию,

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Ныне г. Жезказган.

¹⁰ Вид сверху отображается также в созданной авторами графической документации изваяний с «шишкообразным» атрибутом.

¹¹ ИА КН МОН РК. Ф. 1. Д. 114. Л. 17.

¹² А. Р. Кызласов предположил, что изображена гривна или ожерелье. ИА КН МОН РК. Ф. 1. Д. 114. Л. 17.

¹³ У А. Р. Кызласова использован термин *керексура*, употреблявшийся в научной литературе для обозначения каменного кургана.

¹⁴ ИА КН МОН РК. Ф. 1. Д. 114. Л. 19.

воспроизведенному на кызласовском рисунке изваяния из долины р. Жангабыл [1, рис. 5; 5, рис. 31]. Однако с учетом того, что после редокументирования представление о форме оружия жангабылского изваяния изменилось, не имеет смысла анализировать этот атрибут кос-уйтаского изваяния лишь на основании имеющихся рисунков. Тем более что рисунок в публикациях А. Х. Маргулана, на котором изваяние представлено в трехчетвертном повороте [6, рис. 10; 7, ил. 35] (рис. 3, 3б), мало отличается от рисунка Л. Р. Кызласова. Новое документирование кос-уйтаского изваяния возможно только в случае его обнаружения.

Л. Р. Кызласов сообщил в дневнике о том, что в местности Тогузбай-куль было зарисовано и сфотографировано изваяние без головы, на торсе которого «ярко и даже чуть утрированно показаны груди»¹⁵. Фотография и рисунок изваяния с указанием места находки (долина р. Каракенгир, оз. Тогузбайколь) опубликованы в работах А. Х. Маргулана [6, рис. 20, а, б; 7, ил. 33.1, 2]. По всей видимости, рисунок был сделан не Л. Р. Кызласовым: отличается техника передачи светотени – точками, а не штрихами. Однако представляется, что графическая реконструкция отбитой головы изваяния выполнена с учетом особенностей, по крайней мере, двух изваяний с плоской поверхностью лица и «шишковидным» выступом на макушке, рисунки которых в 1948 г. выполнил Л. Р. Кызласов. Возможно, исследователь консультировал художника.

Следует отметить, что это изваяние было впервые обследовано в 1946 г. экспедицией под руководством Г. И. Пацевича [20, с. 124]. Оно в то время стояло возле кургана диаметром 25 м, насыпь которого была разрушена грабительской воронкой. Курган такого размера вполне мог быть памятником раннего железного века, как и само изваяние. Поскольку на некоторых скифских мужских изваяниях показана грудь [24, ил. 1, 48, 81], то не исключено, что изваяние с оз. Тогузбайколь также изображало мужчину. Изваяние хранится в Центральном государственном музее Республики Казахстан (г. Алматы).

Литература

1. Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3. С. 53–63.
2. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири / под ред. С. В. Киселева. М.: Изд-во АН СССР, 1952. № 24. С. 72–120.
3. Кызласов И. Л. Археолог Леонид Романович Кызласов. Биографический очерк // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посв. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН Казахстана / отв. ред. А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 1. С. 108–118.
4. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (Отчет экспедиции в 1948 года) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3. С. 3–52.
5. Кызласов Л. Р. Дорожные зарисовки. Центрально-Казахстанская архитектурно-археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР. 18.VII.–1.X.1948 года. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2017. 96 с.

Заключение

Исследовательская деятельность Л. Р. Кызласова в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в полевом сезоне 1948 г. и его статья 1951 г., основанная на материалах полевых работ, по сути, положили начало специальному изучению каменных изваяний Казахского мелкосопочника. С документирования в 1948 г. памятников на реках Жангабыл и Кенгир начинается история изучения оленных камней и изваяний сакской эпохи на территории Сарыарки. С полевыми исследованиями Л. Р. Кызласова в 1948 г. связаны первые профессиональные раскопки в Центральном Казахстане сооружений с изваяниями – древнетюркских оградок, распространенной разновидности кыпчакских святилищ, погребального сооружения с изваянием сакской эпохи. Графическая документация Кызласова выполнена по правилам технического рисунка с отображением видов, демонстрирующих детали изваяния. Однако недавнее изучение изваяния с р. Жангабыл показало, что новое документирование зафиксированного в прошлом изваяния может иметь результатом уточнение не только его графической копии, но и культурно-хронологической атрибуции. Большинство зафиксированных в 1948 г. изваяний невозможно вновь документировать, поскольку их современное местоположение не выяснено. В случае, если изваяния не будут выявлены в дальнейшем, в распоряжении исследователей останется лишь составленная более 70 лет назад научная документация, информационный потенциал которой анализировался в данной статье.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Работа подготовлена в рамках гранта Министерства науки и образования РК AP08957321 «Средневековые статуарные памятники Сарыарки».

¹⁵ Там же. Л. 33, 34.

6. Марғұлан Ә. Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары / под ред. А. Х. Марғұлана. Алматы: Қазақстан баспасы, 1966. Бет. 8–22.
7. Марғұлан А. Х. Каменные изваяния Улытау // Марғұлан А. Х. Шығармалары = Сочинения. Т. 3–4: Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. С. 20–46.
8. Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. А. П. Погожева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. С. 135–160.
9. Касенова А. Д. Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Марғұлана, 2020. 196 с.
10. Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Исин А., Толегенов Е., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана (древность и средневековье). Алматы: ТОО Археология, 2010. 216 с.
11. Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изда-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
12. Дмитриев Е. А., Жусупов Д. С. Тюркские ограды могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1. С. 144–154. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)1\(21\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)1(21).-10)
13. Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // Советская археология. 1979. № 2. С. 170–190.
14. Савинов Д. Г. Об одной группе оленных камней (По материалам Центрального Казахстана) // Марғұлановские чтения / отв. ред. К. М. Байпаков. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1989. С. 150–155.
15. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Изваяние из долины реки Жангабыл: перипетии атрибуции // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 2016. Вып. 27. С. 46–54.
16. Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгиров // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 25–30.
17. Марғұлан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.
18. Бобров В. В., Советова О. С., Ермоленко Л. Н., Моор Н. Н. Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха). Кемерово: КРИПКиПРО, 2018. 127 с.
19. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 129–135.
20. Марғұлан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия историческая. 1948. Вып. 4. С. 119–145.
21. Марғұлан А. Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улытау // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1948. № 2. С. 53–60.
22. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Переоформленное древнее изваяние из средневекового культового комплекса в урочище Жылысай // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 32–35.
23. Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-3. С. 34–40.
24. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: Б. и., 1994. 188 с.

original article

L. R. Kyzlasov and the Stone Statues of Central Kazakhstan

Lyubov N. Ermolenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>; lyubov.ermolenko@mail.ru

Zholdasbek K. Kurmankulov

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Republic of Kazakhstan, Almaty; <https://orcid.org/000-0003-0605-2429>

Asemgul D. Kasenova

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Republic of Kazakhstan, Almaty; <https://orcid.org/0000-0002-8401-6610>

Received 12 Jul 2021. Accepted after peer review 2 Aug 2021. Accepted 9 Aug 2021.

Abstract: The article describes the contribution of L. R. Kyzlasov to the study of stone statues in Central Kazakhstan. During the field season of 1948, he researched more than ten statues in the valleys of the south-west and south-east of the Kazakh Uplands (Saryarka), as well as various structures they marked. In 1951, L. R. Kyzlasov described nine statues and related stone constructions as a complex and compared them with similar sites found in other regions while making an attempt to define their origin. Extra information was obtained from L. R. Kyzlasov's field journal kept in the archive of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology and his field sketchbook, which was published in 2017. L. R. Kyzlasov researched stone monuments of all cultural and chronological groups in Saryarka, e.g. deer stones, statues of the Saka, Ancient Turkic, and Qipchag periods, etc. Like all such documents of his time, L. R. Kyzlasov's archeological records are rather limited in information value; however, they remain highly relevant because the location of some of these sites is currently unknown.

Keywords: Early Iron Age, Middle Ages, archaeological recording, deer stone, mound, Turkic stone fences, Qipchaq sanctuary

Citation: Ermolenko L. N., Kasenova A. D., Kurmankulov Zh. K. L. R. Kyzlasov and the Stone Statues of Central Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 613–623. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-613-623>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: The study was supported by the grant of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan AP08957321 "Statue monuments of the medieval Saryarka".

References

1. Kyzlasov L. R. The late nomadic sites of Central Kazakhstan (from the works of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition in 1948). *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Serii arkheologicheskaiia*, 1951, (3): 53–63. (In Russ.)
2. Evtukhova L. A. Stone statue of the South Siberia and Mongolia. *Materials and research on the archeology of Siberia*, ed. Kiseleva S. V. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952, no. 24, 72–120. (In Russ.)
3. Kyzlasov I. L. Archaeologist Leonid R. Kyzlasov. Biographical essay. *Archaeological heritage of Central Kazakhstan: research and preservation: collected articles to the 70th anniversary of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan*, eds. Beisenov A. Z., Loman V. G. Almaty: NITsIA Begazy-Tasmola, 2017, vol. 1, 108–118. (In Russ.)
4. Margulan A. Kh. The third season of archaeological works in Central Kazakhstan (Report on the 1948 expedition). *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Serii arkheologicheskaiia*, 1951, (3): 3–52. (In Russ.)
5. Kyzlasov L. R. *Road sketches. Central Kazakhstan Architectural and Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 18.VII.–1.X.1948*. Almaty: NITsIA Begazy-Tasmola, 2017, 96. (In Russ.)
6. Margulan A. Kh. Stone sculptures in the Ulytau area. *Witnesses of ancient culture*, ed. Margulan A. Kh. Alma-Ata: Kazakhstan, 1966, 8–22. (In Kazakh)
7. Margulan A. Kh. Stone statues of Ulytau. *Works. Vol. 3–4: Petroglyphs of Saryarka. Wolf totem engravings. Stone statues of Ulytau*. Almaty: Daik-Press, 2003, 20–46. (In Kazakh, Russ.)
8. Kubarev V. D. New data on the Ancient Turkic fences of the Eastern Altai. *New developments in the archaeology of Siberia and the Far East*, ed. Pogozheva A. P. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 135–160. (In Russ.)
9. Kasenova A. D. *Stone statues of Saryarka (history of study)*. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2020, 196. (In Russ.)

10. Samashev Z., Sapashev O., Oralbay E., Tolegenov E., Isin A., Sailaubay E. *Monumental art sites of East Kazakhstan (antiquity and the Middle Ages)*. Almaty: TOO Arkheologiya, 2010, 216. (In Kazakh, Russ.)
11. Ermolenko L. N. *Medieval stone statues of the Kazakhstan steppes (typology, semantics in terms of military ideology and traditional worldview)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004, 132. (In Russ.)
12. Dmitriev E. A., Zhusupov D. S. Turkic fences of the Tanabai burial ground in context of research of early Middle Ages sites in Central Kazakhstan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2018, (1): 144–154. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/tpai\(2018\)1\(21\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2018)1(21).-10)
13. Charikov A. A. On local features of stone statues of the Irtysh region. *Sovetskaya arkhologiya*, 1979, (2): 179–190. (In Russ.)
14. Savinov D. G. One group of deer stones (based on materials from Central Kazakhstan). *Margulan readings*, ed. Baipakov K. M. Alma-Ata: Akademiya nauk Kazakhskoi SSR, 1989, 150–155. (In Russ.)
15. Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. The statue from the river Zhangabyl valley: vicissitudes of research. *Archaeology of Southern Siberia*. Kemerovo: KemGU, 2016, iss. 27, 46–54. (In Russ.)
16. Kyzlasov L. R. To the study of deer stones and menhirs. *Kratkie soobshcheniya instituta arkhologii*, 1978, (154): 25–30. (In Russ.)
17. Margulan A. Kh. *The Begazy-Dandybai culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1979, 360. (In Russ.)
18. Bobrov V. V., Sovetova O. S., Ermolenko L. N., Moor N. N. *Studies in the prehistoric art of Southern Siberia and Central Asia (Scythian period)*. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2018, 127. (In Russ.)
19. Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. Some results of studying early Iron Age statues from Saryarka. *Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 129–135. (In Russ.)
20. Margulan A. Kh. Archaeological surveys in Central Kazakhstan (1946). *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Seriya istoricheskaya*, 1948, (4): 119–145. (In Russ.)
21. Margulan A. Kh. To the study of the sites in the Sary-Su river and Ulatau regions. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR*, 1948, (2): 53–60. (In Russ.)
22. Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. Redesigned ancient statue from the medieval cult complex in Zhylyysai. *Ancient and medieval sculptures of Central Asia*, ed. Tishkin A. A. Barnaul: AltGU, 2014, 32–35. (In Russ.)
23. Beisenov A. Z., Ermolenko L. N. New stone statues of the Saka period from Saryarka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 34–40. (In Russ.)
24. Olkhovskii V. S., Evdokimov G. L. *Scythian statues of the VII–III centuries BC*. Moscow, 1994, 188. (In Russ.)

оригинальная статья

Библиографические указатели по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор

Ольга Геннадьевна Климова

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, Россия, г. Барнаул; <https://orcid.org/0000-0002-8513-0044>; climovolga@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2021. Принята после рецензирования 21.07.2021. Принята в печать 26.07.2021.

Аннотация: Прослеживается эволюция библиографических указателей по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Библиографические указатели – издания особого вида, которые несут ценную информацию, их изучение органично вписывается в проблематику сибиреведческих исследований, существенно расширяет имеющиеся представления о характере развития торговли, экономической и хозяйственной деятельности деловых людей в Сибири в рассматриваемый период. Форма подачи материала в библиографических работах является наиболее удобной для оперативного получения необходимых сведений и становится все более популярной в настоящее время. Библиографические указатели служат пособием для читателя и являются незаменимым изданием для современного исследователя. Библиография дореволюционного, советского, постсоветского периодов имеет свои особенности. Изучение указателей показывает, что их издание совпадало с основными этапами экономической, социальной и общественной жизни в Сибири. В результате исследования удалось получить представление о развитии библиографических указателей как важной части истории и культуры крупнейшего региона страны второй половины XIX – начала XX в., сделать вывод, что в ходе исторического процесса увеличивалось число издаваемой библиографической продукции, в подготовку и издание которой вовлекались учреждения, общества, исследователи, библиографическое движение, а указатели способствовали развитию исторической науки. Библиографические тематические и персональные указатели выступают отражением исторического процесса, что фиксируется в трудах ученых. Однако историография рассматриваемой проблемы нуждается в более глубоком осмыслении, по данной теме необходимо обобщающее монографическое исследование, и его подготовка является актуальной задачей.

Ключевые слова: исторический дискурс, жанр, библиография, информация, историография, XIX в., экономическая деятельность

Цитирование: Климова О. Г. Библиографические указатели по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 624–633. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-624-633>

Введение

Изучение библиографических указателей как жанра историографии неотъемлемо от сибиреведческих исследований, т. к. углубляет знания о предпринимательстве и социально-экономическом развитии региона в рассматриваемый период. Систематизация информации, в том числе в виде библиографических указателей, необходима и востребована. Очевидно, что библиографические указатели вот уже не одно столетие честно служат надежными путеводителями в исторических изысканиях. Библиографические тематические и персональные указатели следует рассматривать как конкретные сведения о публикациях, которые обеспечивают решение важнейшей задачи – приобщение к историческим знаниям.

Цель – оценить информационный потенциал библиографических указателей при изучении торговли, купечества и предпринимательства дореволюционной Сибири. Гипотеза заключается в предположении, что библиографические указатели способствуют развитию исторической

науки, а диспозиция – в утверждении, что такие издания представляют отдельный жанр, который несет важную информацию о трудах исследователей.

С. А. Гокк, изучая эволюцию сибирской библиографии, отмечала: являясь «материальным носителем "культурной и социальной памяти", библиография концентрирует и сохраняет в себе существенные черты административно-хозяйственной, научно-исследовательской, общественно-культурной жизни любого региона в тот или иной отрезок времени. В таком ракурсе библиографические труды приобретают статус документальных памятников, а их выявление, изучение и сохранение представляет возможность существенно дополнить арсенал национальных и региональных ценностей эпохи» [1, с. 4].

Историографический обзор проведен с использованием анализа и обобщения исследований других авторов, с применением проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, историко-системного принципов.

При изучении библиографических указателей по торговле, купечеству, предпринимательству дореволюционной Сибири применялся регион-ориентированный подход, позволивший глубже рассмотреть развитие сибирского региона. Библиографические указатели рассматривались как информация о печатных произведениях, необходимая для их идентификации. Исследуемые указатели объединяет общая тема и единый регион (территория).

Библиографические указатели относятся к научно-информационному вторичному жанру, имеют сложную структуру, справочный аппарат [2, с. 77]. Согласно известному словарю С. И. Ожегова, «Библиография – 1. Научное описание книг и составление их перечней, указателей. 2. Перечень книг по какому-нибудь вопросу»¹, а указатель – «справочная книга или справочный список в книге»². В соответствии со ст. 7.4 документа о деятельности архивов, указатель – «архивный справочник, представляющий собой алфавитный, систематический или составленный по какому-либо другому признаку перечень названий (наименований) предметов, упоминаемых в архивных документах, с указанием их поисковых данных»³.

Следует выделить основные этапы (дореволюционный, советский, постсоветский) и характерные черты сибирской библиографии.

Дореволюционный период

Первые библиографические указатели не были тематическими и включали литературу по различным темам, т. е. представляли собой комплексные издания по Сибири. Так, издания о Сибири в целом включали указатели Н. С. Щукина [3], Д. М. Головачева [4], П. М. Головачева [5], С. Н. Мамеева [6; 7], библиографические обзоры Н. М. Ядринцева [8; 9] и др. Соответственно, сведения о предприятиях, торговых домах, предпринимателях содержались в публикациях, которые входили в общие библиографические издания. Примером может служить «Сибирская библиография» как солидная 3-томная библиографическая работа В. И. Межова, которая подвела итог всех опубликованных ранее и в разное время библиографий по различным сюжетам развития Сибири [10]. Примечательно, что данный труд был издан на средства сибирского золотопромышленника и мецената И. М. Сибирякова. Многие исследователи указывают, что изданный указатель В. И. Межова положил начало новому этапу в развитии библиографии в Сибири. Неудивительно, что работа В. И. Межова переиздается и в современное время [11].

Заслуживает внимания указатель статей о золотопромышленности Д. М. Головачева, в который вошло 759 названий, изданных в Сибири за 1818–1889 гг., о технологии производства, медицинском обслуживании, условиях труда и быта

работников [4]. Материал сгруппирован по источникам в хронологии их выхода. Кроме того, автор указал источники, которые ему не удалось просмотреть.

Нередко развитию библиографии в Сибири способствовали купцы-меценаты. По мнению томского историка В. П. Бойко, с 1860-х гг. происходит формирование радикальных ценностных ориентаций купцов, которые проявились в стремлении распространить просвещение, передовые начинания, благоустроить город [12]. Купцы нередко оказывали материальную помощь при издании библиографических изданий. Например, на деньги купца А. А. Сыромятникова был напечатан указатель «Периодическая печать Сибири» С. Н. Мамеева [7], а при финансовой поддержке И. М. Сибирякова опубликована «Сибирская библиография» В. И. Межова. Помогли напечатать каталоги Тарской городской общественной библиотеки и библиотеки Минусинского музея, оказав материальную помощь, енисейский купец В. А. Данилов и старший советник Н. И. Данилов. Известный деятель П. И. Макушин издал за период до 1917 г. не менее 34 каталогов книг. Как отмечает С. А. Гокк, деятельность П. И. Макушина стала ярким примером для сибирских предпринимателей в области книжного дела и внесла ощутимый вклад в становление книготорговой и библиотечной библиографии в регионе [1, с. 103].

До 1890-х гг. библиографические указатели и списки издавались главным образом в Иркутске, Томске, Тобольске, являвшихся самыми крупными сибирскими городами. Например, Н. М. Дмитриенко пишет о томской библиографии, начало которой положила книга «Оглавление "Томских губернских ведомостей"» [13, с. 4]. С 1890-х гг. и до 1917 г. активно создавались библиографические указатели и в других городах и областях Сибири – Красноярске, Омске, Якутске, Минусинске, Забайкалье, Чите. К примеру, «Библиографический указатель книг, брошюр, статей, заметок о г. Томске» А. В. Адрианова, размещенный в приложении книги «Город Томск в прошлом и настоящем», является, бесспорно, ценным и наиболее подробным по объему материала [14, с. 248–433]. Сам автор в предисловии сообщает, что указатель содержит 2138 наименований, в том числе и небольшие заметки, «не считал себя вправе сортировать этот материал на стоящий и нестоящий» [14, с. VI].

Многие библиотеки в сибирских городах печатали библиографические указатели. В 1892 г. по инициативе и непосредственном участии библиотекаря Тобольского губернского музея С. Н. Мамеева стали выходить указатели статей, очерков и других публикаций [6; 7]. А. А. Терновский опубликовал работы «К библиографии Сибири» [15] и «Материалы для библиографии Сибири» [16]. Над составлением библиографических

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: ГИС, 1960. С. 45.

² Там же. С. 816.

³ Основные Правила работы архивов организаций (одобрены решением Коллегии Росархива от 06.02.2002) // СПС КонсультантПлюс.

указателей вместе с С. Н. Мамеевым и А. А. Терновским работал историк и краевед, редактор «Тобольских губернских ведомостей» Е. В. Кузнецов. Списки краеведческой литературы, а также отдельных отраслей сибиреведения – одна из форм библиографии. Безусловно, в рамках данной статьи интерес представляют статьи и заметки Е. В. Кузнецова о ярмарках, виноторговле, речном транспорте, сельских потребительских обществах и др.

Составил список литературы К. Н. Миротворцев в VII приложении к своей работе, посвященной соляному промыслу в Алтайском округе [17]. Некоторые указатели (до 1917 г.) посвящены сельскохозяйственному предпринимательству на отдельных территориях региона – в Томской и Тобольской губерниях, в Западной Сибири. Например, по маслodelию были напечатаны небольшие пристатейные списки литературы⁴. Были опубликованы С. А. Суховым совсем небольшой список литературы к статье, посвященной пчеловодству [18, с. 32], и Н. Ф. Кащенко к статье о плодovодстве [19, с. 22–24].

К универсальным указателям ретроспективного характера, появившимся до 1917 г., следует отнести работу П. М. Головачева «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» [5]. Указатель включал более 300 названий различных изданий за 1871–1904 гг., среди которых есть работы по организации торговли в Сибири, жизни сибирских предпринимателей.

Подготовка региональных библиографических указателей была не организованной, а скорее, стихийной до 1917 г. Тем не менее именно тогда наблюдался как количественный, так и качественный рост библиографических изданий. Если изначально указатели составлялись на энтузиазме отдельных издателей, то впоследствии к этой работе присоединились организации (библиотеки и музеи).

Таким образом, начиная с середины XIX в., библиографические издания становятся в один ряд с научными работами по истории. Необходимо заметить, что библиографические списки и сноски в этот период становятся обязательными. Указатели, отражающие литературу по отдельным губерниям Сибири, появились на рубеже 1890-х гг. В дореволюционный период были заложены основы сибирской библиографии, получившие развитие в дальнейшем. Библиографические указатели второй половины XIX – начала XX в. и сегодня представляют ценность для ученых и краеведов, изучающих экономическую историю Сибири.

Советский период

Начиная с 1920-х гг. появились региональные и тематические указатели литературы, публиковались списки газетных и журнальных статей, выходивших в сибирских изданиях. Первые советские сибирские указатели содержали, как правило, список опубликованных работ за определенный

период времени, не выделяя тематическую направленность. Со временем структура указателей становилась более упорядоченной. Выделялись части (разделы) по намеченным темам, предметно подбирались литература.

Примером является указатель, опубликованный М. К. Азадовским в 1920 г. в Томском университете и содержащий работы писателя и этнографа Н. С. Щукина, этнографа и путешественника А. В. Адрианова, публициста И. И. Серебренникова, иркутского писателя и публициста М. В. Загоскина, историка и общественного деятеля В. И. Вагина, публициста и историка П. А. Словцова, публициста и сибироведа Н. М. Ядринцева, публициста и историка С. С. Шашкова и мн. др. [20]. М. К. Азадовский указывал, что его целью было «дать посильный обзор всех изданий и тем самым как бы подвести итоги библиографического освоения Сибири от выхода в свет первого библиографического труда, посвященного Сибири до наших дней» [20, с. 3].

Другой указатель М. К. Азадовского, непосредственно посвященный «народному хозяйству» Сибири в периодических изданиях 1891–1900 гг., состоит из 19 разделов, освещающих практически все отрасли экономики, представленных статьями из журналов «Алтайский сборник», «Военный сборник», «Горный журнал», «Лесной журнал», «Морской сборник», «Народное хозяйство» и др. Автор писал в предисловии: «Представленное издание – вспомогательный указатель, предназначенный для исследователей, занимающихся вопросами экономики и хозяйства Сибири. На момент создания указателя по данной тематике не существовало никаких библиографических пособий. <...> Все записи представлены в алфавитном порядке, издание также имеет алфавитный, географический, предметный указатели» [21, с. 2]. Очевидно, что указатель представлял собой самый обстоятельный обзор литературы того времени.

В советский период были изданы указатели и списки литературы на самые различные темы, в том числе затрагивающие историю торговли и предпринимательства в дореволюционной Сибири. По мнению сибирских историков Б. К. Андрущенко, В. П. Зиновьева, В. А. Скубневского, В. А. Старцева, «в советский период для сибирской библиографии были наиболее плодотворными двадцатые годы» [22, с. 6].

В послевоенные годы наиболее примечательным библиографическим изданием с точки зрения рассматриваемой проблемы является указатель «Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)» [23], подготовленный сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при Томском университете под руководством Н. В. Блинова, он содержит ряд разделов, непосредственно связанных с историей сибирской торговли.

⁴ Справочная книжка по маслodelию для Западной Сибири / под ред. И. К. Окулича, Н. А. Скалoзубова. 2-е изд. Томск: 1 Тобол. отд. Имп. Моск. о-ва сел. хоз-ва, 1901. С. 167–169.

Необходимо выделить в российской библиографии указатель «Справочники по истории дореволюционной России», подготовленный под руководством П. А. Зайончковского⁵, в котором представлена литература по всем сибирским губерниям и областям, в частности по истории торговли и хозяйственной деятельности.

Опубликованные в советское время библиографические указатели не утратили своей практической и научной ценности и на сегодняшний день. Однако нельзя забывать, что в советский период была фактически запрещена для исследования тема социального облика классов российского общества. Как писал В. П. Зиновьев, «обнаруживавшаяся при ближайшем рассмотрении незрелость классов и буржуазии, и наемных работников шла в разрез главной идее о готовности России к социалистическим преобразованиям» [24, с. 20].

Конечно, указатели дореволюционного и советского периодов прямо не посвящены экономическому и хозяйственному развитию региона, поэтому их нельзя назвать самостоятельными работами по истории купечества, торговли и предпринимательства. Но отдельные работы из библиографического списка указателей, несомненно, представляют интерес, и их можно считать научно-информационной литературой для историографического освоения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири.

Постсоветский период

В 1990-е гг. изменилось отношение исследователей к истории торговли, купечества, предпринимательства. Понятие *предпринимательство* вновь приобрело положительный смысл, а количество публикаций об истории деловых отношений в дореволюционной Сибири увеличилось. Это отражается, соответственно, и на издании библиографических трудов, которые выступают отражением этого процесса.

К сожалению, региональных тематических указателей, посвященных экономической истории (истории торговли и предпринимательства) дореволюционной Сибири, немного.

Заслуживает внимания коллективная работа сибирских историков «Сибирская торговля в XIX – начале XX века: библиографический указатель отечественной литературы» [22], которую следует считать первой попыткой систематизации опубликованной отечественной литературы (книг, сборников статей и документов, журнальных и газетных публикаций, справочно-статистических и специальных периодических изданий, законодательных актов, уставов компаний, мемуаров и др.) о торговле и другой предпринимательской деятельности в регионе. Авторы указателя отмечали, что «В силу специфики формирования сибирская литература имела многоплановый характер,

что создает некоторую условность при классификации отдельных изданий» [22, с. 7].

Очевидно, что специфические особенности литературы о сибирской торговле, деятельности купцов и других предпринимателей в значительной степени определили структуру и название разделов указателя: Внутренняя торговля, Внешняя торговля и таможенная политика, Финансово-кредитная система, Торговые пути и грузоперевозки, Торговые компании и буржуазия и др. Авторы использовали тематическо-хронологический принцип расположения материалов, укрупнили разделы, тем самым избежав повторения одних и тех же изданий. Например, в раздел «Внутренняя торговля» включены работы о различных видах торговли, размере торговых операций и др. Выделение общей литературы и справочно-статистических изданий в отдельные разделы, очевидно, обусловлено разнообразием их информационного материала, который не укладывался в рамки других групп. Раздел «Специальные периодические издания» включает журналы и газеты, которые тематически связаны с ведомственными структурами торгово-промышленного направления. Заслуживающим внимания является раздел «Именной указатель», содержащий фамилии авторов публикаций, составителей и редакторов отдельных изданий, а также авторские псевдонимы, инициалы и другие обозначения.

В 2010 г. в Томске вышел в свет указатель работ по истории экономического развития Сибири, в котором литература распределена на четыре раздела: 1 – промышленность и предпринимательство, 2 – торговля, транспорт, сибирские города, 3 – купечество, 4 – сельское хозяйство и промыслы [25]. Литература в указателе расположена в алфавитном порядке фамилий авторов или заглавий документов. Всего в указателе представлено 1001 наименование. В конце издания расположен тематический указатель, который облегчает поиск работ по определенной тематике. Очевидно, что выход томского указателя 2010 г. продолжил работу авторов указателя 1994 г.

В 2013 г. в Омске был опубликован указатель «Колонизация Сибири. Библиографический указатель литературы за 1894–2012 гг.» [26], седьмой раздел которого посвящен сельскохозяйственному и промышленному развитию региона, торговле, городскому хозяйству. Внутри самого раздела литература размещена в хронологической и логической последовательности.

Становится востребованным такое направление, как указатели истории городов. Так, в 2013 г. была опубликована работа Н. М. Дмитриенко «История сибирского города Томска: библиографический указатель» [13], в которой собраны труды по истории Томска, одного из крупных городов Сибири. Как верно отмечает автор, «рассматривая перечень трудов о Томске, можно составить представление

⁵ Справочники по истории дореволюционной России: библиографический указатель / под ред. П. А. Зайончковского. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Книга, 1978. 639 с.

и о проблематике исследований, и о волнообразном характере обращения к тем или иным темам и сюжетам, определить время и причины подъема и спада исследовательского интереса, в чем-то предвосхитить и в ряде случаев даже предугадать историографическое изучение» [13, с. 4]. Библиографическая информация для изучения сибирского предпринимательства представлена в разделах 4 и 5: 4 – об экономической истории, 5 – о социальной истории города.

В последние годы издаются указатели, посвященные этническим, гендерным, социальным и др. вопросам, в которых отдельные разделы или главы посвящены истории торговой и предпринимательской деятельности. Были опубликованы указатели литературы о евреях Сибири и Дальнего Востока [27], о сибирских татарах [28], о женщинах Сибири XIX – начала XX в. [29], по историографии сибирского крестьянства пореформенного периода [30] и др., значительно расширяющие библиографическое пространство Сибири по изучению купечества и предпринимательства второй половины XIX – начала XX в.

Современным и распространенным жанром являются персональные библиографические указатели, отражающие произведения конкретного историка, его научную деятельность. Как правило, персональный библиографический указатель публикуется в связи с юбилейными датами в жизни историка. Были опубликованы списки научных трудов Ф. А. Кудрявцева (сост. З. С. Рудых) [31], Г. Х. Рабиновича (сост. О. Н. Разумов) [32], М. В. Шиловского (сост. Г. А. Ноздрин) [33], труды которых посвящены в том числе истории предпринимательства сибирского региона в дореволюционный период. Информацию об истории предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. дают персональные указатели литературы известных сибирских историков В. А. Скубневского [34], Ю. М. Гончарова [35], В. П. Зиновьева [36].

Многие научно-информационные центры, библиотеки занимаются составлением персональных библиографических указателей. Так, был подготовлен электронный библиографический указатель «Член-корреспондент РАН Леонид Михайлович Горюшкин»⁶ на сайте Отделения ГПНТБ СО РАН. По справедливому замечанию Н. М. Дмитриенко, «внедрение информационных технологий в книжное дело не устраняет нужды в библиографических указателях, а лишь усиливает ее. Ибо только такие указатели (на твердых носителях или электронные) служат реальным ориентиром для создания полнотекстовых подборок и помогают в поисках нужной информации» [13, с. 5].

В последние десятилетия происходит переосмысление традиционной оппозиции «столичной» и «провинциальной» российской историографии. В сибирских городах образовались научные школы и центры по изучению

предпринимательства, в которых ведущие историки успешно ведут свои исследования, обогащая их новыми знаниями, методологическими подходами, темами. Изучение купечества и предпринимательства за последние три десятилетия стало приоритетным направлением в отечественной историографии. Исследователи обращаются к этой актуальной и большой теме, привлекая для решения поставленных ими задач различные источники, такие как мемуары, дневники, письма, делопроизводственную документацию, законодательные акты, исповедные росписи, судебные-следственные материалы и мн. др. Авторами рассмотрены численность, состав купцов, социально-правовой статус предпринимателя, семья, хозяйственная деятельность, этно-конфессиональные особенности, участие в благотворительности, общественной работе и др. Этим и другим проблематикам посвящено научное творчество сибирских историков В. П. Бойко [37], Ю. М. Гончарова и О. Г. Климовой [38], В. П. Зиновьева [39; 40], Л. В. Кальминой и А. М. Плехановой [41], А. Г. Киселева (совместно с П. Нильсеном) [42], Е. В. Комлевой [43], А. В. Санкина [40], В. А. Скубневского [39; 44], А. В. Старцева [45], В. П. Шахерова [46] и мн. др. Исследователи дореволюционного предпринимательства Сибири насчитывают «в своих рядах уже не десятки, а сотни ученых и краеведов» [47, с. 26], а их работы несут ценную информацию и нуждаются в систематизации – создании библиографического указателя как публикации особого вида. Поэтому среди актуальных задач на сегодняшний день в историографии истории предпринимательства следует назвать издание тематического указателя, в который войдут новые опубликованные за последние десятилетия работы ученых.

Заключение

Библиографические указатели несут значительный информационный потенциал, предоставляют богатый фактический материал, служат необходимым пособием для читателя и являются незаменимым изданием для современного исследователя. Как индикатор общественных процессов библиография получила развитие в крупных сибирских губернских, а впоследствии областных городах, являющихся центрами административной и хозяйственной жизни. Библиографические указатели издавались в основном в результате личных заинтересованности и труда. В течение всех этапов развития предпринимались лишь отдельные попытки издания библиографических указателей по истории торговли, купечества и предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. на коллективной основе.

К настоящему времени определены виды библиографических указателей, сформированы направления дальнейшей работы, а совокупность качественных и количественных

⁶ Член-корреспондент РАН Леонид Михайлович Горюшкин: электронный библиографический указатель // Отделение ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). Режим доступа: <http://prometeus.nsc.ru/science/schools/goryushk/> (дата обращения: 14.06.2021).

результатов говорит о самостоятельности и значении этого научно-информационного жанра. Издание указателей реализует следующие задачи: подведение итогов основных результатов исследовательской деятельности в Сибири, повышение научной активности в изучении предпринимательства в регионе, информирование общественности о публикациях. Издание библиографических указателей

по истории дореволюционного предпринимательства является следствием достижений в экономике, социальной, культурной жизни региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Гокк С. А. Развитие библиографии в Сибири (XIX в. – 1917 г.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2006. 246 с.
2. Климова О. Г. Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АлтГТУ, 2021. 334 с.
3. Щукин Н. С. Материалы для сибирской библиографии // Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. Иркутск: Иркутский губернский стат. ком., 1865. С. 27–62.
4. Головачев Д. М. Библиографический указатель статей, корреспонденций и заметок в сибирской периодической печати по вопросу о золотопромышленности. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1890. 60 с.
5. Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. 401 с.
6. Материалы для библиографии Сибири: Указ. отд. изд., вышедших в 1894 г. Год третий / сост. С. Н. Мамеев. Тобольск: Тип. Тобол. губ. упр., 1896. 29 с.
7. Мамеев С. Н. Периодическая печать Сибири в 1891 году. Тобольск: Тип. Тобол. губ. правл., 1891. 4 с.
8. Ядринцев Н. М. Библиографический список книг и брошюр о Сибири за 1884–1885 и 1886 гг. до 1 апреля // Сибирский сборник / под ред. Н. М. Ядринцева. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. С. 214–216.
9. Ядринцев Н. М. Провинциальная библиография // Камско-Волжская газета. 01.07.1873.
10. Сибирская библиография: указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. В 3-х томах с азбучными указателями имен авторов и предметов / сост. В. И. Межов. СПб.: Склад изд. в книжном магазине Ф. А. Семенова под фирмой «А. С. Семенов и сын», 1903. Т. 1–2. 485+470 с.
11. Межов В. И. Сибирская библиография: указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. М.: Книга по Требованию, 2011. Т. 3. 499 с.
12. Бойко В. П. Роль П. И. Макушина в общественной и культурной жизни Западной Сибири второй половины XIX века // Макушинские чтения. 2000. № 5 С. 64–67.
13. Дмитриенко Н. М. История сибирского города Томска: библиографический указатель. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 208 с.
14. Адрианов А. В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск: Михайлов и Макушин, 1890. VI+XII+433 с.
15. Терновский А. А. К библиографии Сибири: Указ. ст. и глав. заметок, касающихся Сибири и помещенных в сибирских период. изд. 1893 г. Тобольск: Тип. Тобол. епарх. Братства, 1895. 111 с.
16. Терновский А. А. Материалы для библиографии Сибири: указ. ст. и главнейших заметок, касающихся Сибири и помещ. в сиб. период. изд. 1892 г. Тобольск: Тип. Тобол. губ. правл., 1895. 52 с.
17. Миротворцев К. Н. Соляные озера и соляной промысел в алтайском округе: отчет чиновника особых поручений, кандидата естественных наук К. Н. Миротворцева о поездке летом 1911 г. для обследования соляных озер Алтайского округа. Барнаул: Типо-литография упр. Алтайского окр., 1911. II+88, [14] с.
18. Сухов С. А. О пчеловодстве в Томской губернии // Научные очерки Томского края / под. общ. ред. Н. Ф. Кашенко. Томск: Тип. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимского, 1898. С. 1–32.
19. Кашенко Н. Ф. Плодоводство в Томском районе. СПб.: Тип. Спб. градоначальства, 1910. 24 с.
20. Азадовский М. К. Обзор библиографии Сибири. Томск: Б. и., 1920. 46 с.
21. Азадовский М. К. Материалы для библиографии Сибири: Библиографический перечень статей по вопросам народного хозяйства Сибири в периодических изданиях 1891–1900 гг. Репринтное издание 1926 г. СПб.: Альфарет, 2009. 26 с.
22. Андрущенко Б. К., Зиновьев В. П., Скубневский В. А., Старцев А. В. Сибирская торговля в XIX – начале XX века: библиографический указатель отечественной литературы. Томск: ТГУ, 1994. 128 с.
23. Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917): Библиогр. указ. / сост. В. А. Бузанова, А. Л. Афанасьев, Н. В. Блинов и [др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 211 с.
24. Зиновьев В. П. О Владимире Петровиче Бойко // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. / под ред. К. В. Фадеева. Томск: Графика, 2012. С. 19–23.

25. История экономического развития Сибири: конец XVIII – начало XX века: библиографический указатель / сост. М. П. Бетмакаева, Т. П. Амосова. Томск: Б. и., 2010. 68 с.
26. Колонизация Сибири. Библиографический указатель литературы за 1894–2012 гг. / сост. М. В. Коптягина. Омск, 2013. 77 с.
27. Евреи Сибири и Дальнего Востока: библиогр. указ. лит. на рус. яз. / сост. Л. В. Кальмина, Л. В. Курас, Т. А. Немчинова. Красноярск: Кларетианум, 2004. 157 с.
28. Сибирские татары: библиографический указатель (XVIII в. – 2013 г.) / сост. А. Х. Сайфуллина, Г. Н. Ахметова, Р. М. Насибуллин. Тюмень: Молот, 2014. 449 с.
29. Гончаров Ю. М. Женщины Сибири XIX – начала XX в.: библиографический указатель. Барнаул: Концепт, 2008. 70 с.
30. Историография сибирского крестьянства пореформенного периода: библиографический указатель (1861–2012 гг.) / сост. Д. Г. Куртяк. Барнаул: АлтГУ, 2013. 40 с.
31. Список научных трудов Ф. А. Кудрявцева / сост. З. С. Рудых // Сибирский исторический сборник: социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Иркутск. 1975. Вып. 3. С. 228–242.
32. Список трудов Г. Х. Рабиновича / сост. О. Н. Разумов // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма, отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 211–213.
33. Шиловский Михаил Викторович. Библиография научных трудов / сост. и отв. ред. Г. А. Ноздрин. Новосибирск: Сова, 2007. 69 с.
34. Труды Почетного профессора Алтайского госуниверситета Валерия Анатольевича Скубневского: биобиблиогр. указ. (1970–2015 гг.) / сост. А. А. Гнездилова. Барнаул: АлтГУ, 2015. 62 с.
35. Юрий Михайлович Гончаров: биобиблиографический указатель / отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: Азбука, 2018. 72 с.
36. Профессору Томского государственного университета Василию Павловичу Зиновьеву – 65 лет / сост. Э. И. Черняк. Томск: ТГУ, 2014. 74 с.
37. Бойко В. П. Роль купечества в развитии города Красноярска в XIX – начале XX в. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: мат-лы Четвертой Всерос. науч. конф. (г. Томск, 17 октября 2020 г.) Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2021. С. 24–42.
38. Гончаров Ю. М., Климова О. Г. Историография истории предпринимательства в дореволюционной Сибири // *Przegląd wschodnioeuropejski*. 2020. Vol. 1. P. 59–67.
39. Зиновьев В. П., Скубневский В. А. Промышленность, промыслы, торговля, кредит северной Азии 1820–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 5–13. <https://doi.org/10.17223/19988613/57/1>
40. Зиновьев В. П., Санкин А. В. Формы и характер торговли рыбой и рыбными продуктами в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: мат-лы Четвертой Всерос. науч. конф. (г. Томск, 17 октября 2020 г.) Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2021. С. 9–23.
41. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 29–35.
42. Киселев А. Г., Nielsen P. Søren Refsgaard Randrup: датские предприниматели в Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. 116 с.
43. Комлева Е. В. Енисейская купеческая династия Фунтосовых: вклад в освоение Сибири (конец XVIII – XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. СПб.: Медиапапир, 2020. Вып. IV. С. 39–54.
44. Скубневский В. А. «Бывшие». Купечество Барнаула после 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 88–93. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/14>
45. Старцев А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 446 с.
46. Шахеров В. П. Инвестиционная политика государственного банка России как фактор монополизации сибирской золотопромышленности // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3. С. 406–432. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).406-432](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(3).406-432)
47. Бойко В. П. Изучение истории сибирского купечества на современном этапе // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: мат-лы Первой Всерос. науч. конф. (г. Томск, 11–13 апреля 2014 г.) Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. С. 21–26

original article

Bibliographic Indexes on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: a Historiographic Review

Olga G. Klimova

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul; <https://orcid.org/0000-0002-8513-0044>; climovolga@yandex.ru

Received 7 Jun 2021. Accepted after peer review 21 Jul 2021. Accepted 26 Jul 2021.

Abstract: The research traced the evolution of bibliographic indexes on trade, merchants, and entrepreneurship in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Bibliographic indexes are publications of a special type that carry valuable information, which makes them an integral part of Siberian studies. This material expands the existing ideas about the nature of the development of trade and economic activities of business people in Siberia. Bibliographic indexes are still popular as a convenient way of obtaining necessary information. Bibliographies of the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods have their own distinct features. The indexes under discussion coincided with the main stages of economic and social life in Siberia. They proved to be an important part of the history and culture of Siberia. The number of published bibliographic products gradually increased, the publication process involved institutions, societies, researchers, and bibliographic movement. Indexes contributed to the development of historical science. Bibliographic thematic reflected the historical process. However, the historiography of the present issue needs further research and deserves a monograph.

Keywords: historical discourse, genre, bibliography, information, historiography, XIX century, economic activity

Citation: Klimova O. G. Bibliographic Indexes on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: a Historiographic Review. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 624–633. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-624-633>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Gokk S. A. *Development of bibliography in Siberia (XIX century – 1917)*. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2006, 246. (In Russ.)
2. Klimova O. G. *Organization of the study of the history of Siberian entrepreneurship in the second half of the XIX – early XX century*. Barnaul: AltGTU, 2021, 334. (In Russ.)
3. Shchukin N. S. Materials for the Siberian bibliography. *Commemorative book of the Irkutsk province for 1865*. Irkutsk: Irkutskii gubernskii stat. kom., 1865, 27–62. (In Russ.)
4. Golovachev D. M. *Bibliographic index of articles, correspondence and notes in the Siberian periodicals on the gold mining*. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1890, 60. (In Russ.)
5. Golovachev P. M. *Siberia: Nature. People. Life*, 2nd ed. Moscow: Tip. t-va I. D. Sytin, 1905, 401. (In Russ.)
6. *Materials for the bibliography of Siberia: Decree. dep. ed., published in 1894: Year Three*, comp. Mameev S. N. Tobolsk: Tip. Tobol. gub. upr., 1896, 29. (In Russ.)
7. Mameev S. N. *Periodical press of Siberia in 1891*. Tobolsk: Tip. Tobol. gub. prav., 1891, 4. (In Russ.)
8. Yadrintsev N. M. Bibliographic list of books and brochures about Siberia for 1884–1885 up to April 1886. *Siberian collection*, ed. Yadrintsev N. M. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1886, 214–216. (In Russ.)
9. Yadrintsev N. M. Provincial bibliography. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*, 1 Jul 1873. (In Russ.)
10. *Siberian bibliography: an index of books and articles about Siberia in Russian and only one book in foreign languages for the entire period of printing*, comp. Mezhev V. I. St. Petersburg: Sklad izd. v knizhnom magazine F. A. Semenova pod firmoiu "A. S. Semenov i syn", 1903, vol. 1–2, 485+470. (In Russ.)
11. Mezhev V. I. *Siberian bibliography: an index of books and articles about Siberia in Russian and books in foreign languages since the beginning of printing*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2011, vol. 3, 499. (In Russ.)
12. Boyko V. P. The role of P. I. Makushin in the social and cultural life of Western Siberia in the second half of the XIX century. *Makushinskii chteniia*, 2000, (5): 64–67. (In Russ.)
13. Dmitrienko N. M. *History of the Siberian city of Tomsk: a bibliographic index*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 208. (In Russ.)

14. Adrianov A. V. *The city of Tomsk in the present and the past*. Tomsk: Mikhailov and Makushin, 1890, VI+XII+433. (In Russ.)
15. Ternovskiy A. A. *To the bibliography of Siberia: Decree. art. and chapters. notes concerning Siberia and published in Siberia in 1893*. Tobolsk: Tip. Tobol. eparkh. Bratstva, 1895, 111. (In Russ.)
16. Ternovskiy A. A. *Materials for the bibliography of Siberia: decree. Art. and the main notes concerning Siberia and published in Siberia in 1892*. Tobolsk: Tip. Tobol. gub. pravl., 1895, 52. (In Russ.)
17. Mirotvortsev K. N. *Salt lakes and salt fishery in the Altai District: report of the official for special assignments, candidate of natural sciences K. N. Mirotvortsev on a trip in the summer of 1911 to survey the salt lakes of the Altai District*. Barnaul: Tipo-litografiya upr. Altaiskogo okr., 1911, II+88, [14]. (In Russ.)
18. Sukhov S. A. About beekeeping in the Tomsk province. *Scientific sketches of the Tomsk Territory*, ed. Kashchenko N. F. Tomsk: Tip. M. N. Kononova i I. F. Skulimskogo, 1898, 1–32. (In Russ.)
19. Kashchenko N. F. *Fruit growing in the Tomsk region*. St. Petersburg: Tip. Spb. gradonachalstva, 1910, 24. (In Russ.)
20. Azadovskiy M. K. *Review of the bibliography of Siberia*. Tomsk, 1920, 46. (In Russ.)
21. Azadovskiy M. K. *Materials for the bibliography of Siberia: a Bibliographic list of articles on the national economy of Siberia in periodicals in 1891–1900*. Reprint 1926. St. Petersburg: Alpharet, 2009, 26. (In Russ.)
22. Andryushchenko B. K., Zinoviev V. P., Skubnevsky V. A., Startsev A. V. *Siberian trade in the XIX – early XX centuries*. Tomsk: TGU, 1994, 128. (In Russ.)
23. *Industry and workers of Siberia in the era of capitalism (1861–1917)*, comps. Buzanova V. A., Afanasyev A. L., Blinov N. V. and ets. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1978, 211. (In Russ.)
24. Zinoviev V. P. About Vladimir P. Boyko. *Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the XIX–XXI centuries*, ed. Fadeev K. V. Tomsk: Grafika, 2012, 19–23. (In Russ.)
25. *The history of the economic development of Siberia: late XVIII – early XX centuries*, comps. Betmakaeva M. P., Amosova T. P. Tomsk, 2010, 68. (In Russ.)
26. *Colonization of Siberia. Bibliographic index of literature in 1894–2012*, comp. Koptiagina M. V. Omsk, 2013, 77. (In Russ.)
27. *The Jews of Siberia and the Far East: a bibliographic index of literature in Russian*, comps. Kalmina L. V., Kuras L. V., Nemchinova T. A. Krasnoyarsk: Klaretianum, 2004, 157. (In Russ.)
28. *Siberian Tatars: bibliographic index (XVIII century – 2013)*, comps. Saifullina A. Kh., Akhmetova G. N., Nasibullin R. M. Tyumen: Molot, 2014, 449. (In Russ.)
29. Goncharov Yu. M. *Women of Siberia in the XIX – early XX centuries: a Bibliographic index*. Barnaul: Kontsept, 2008, 70. (In Russ.)
30. *Historiography of the Siberian peasantry in the post-reform period: a bibliographic index (1861–2012)*, comps. Kurtyak D. G. Barnaul: AltGU, 2013, 40. (In Russ.)
31. List of scientific works by F. A. Kudryavtsev, comp. Rudykh Z. S. *Siberian historical collection: Socio-economic and political development of Siberia*. Irkutsk, 1975, iss. 3, 228–242. (In Russ.)
32. List of works by G. Kh. Rabinovich, comp. by Razumov O. N. *Issues of historiography and source study of Siberia during the period of capitalism*, ed. Zinoviev V. P. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1985, 211–213. (In Russ.)
33. Mikhail V. Shilovsky. *Bibliography of scientific works*, comp. and ed. Nozdrin G. A. Novosibirsk: Sova, 2007, 69. (In Russ.)
34. *Works of the Honorary Professor of the Altai State University Valeriy A. Skubnevsky: a bibliographic index (1970–2015)*, comp. Gnezdilova A. A. Barnaul: AltGU, 2015, 62. (In Russ.)
35. Yuri M. Goncharov: *a biobibliographic index*, comp. Lysenko Yu. A. Barnaul: Azbuka, 2018, 72. (In Russ.)
36. *Professor of Tomsk State University Vasily P. Zinoviev is 65 years old*, comp. by Chernyak E. I. Tomsk: TGU, 2014, 74. (In Russ.)
37. Boyko V. P. The role of merchants in the development of the city of Krasnoyarsk in the XIX – early XX centuries. *Siberian merchants: origins, activities, and heritage*: Proc. Fourth All-Russian Sci. Conf., Tomsk, 17 Oct 2020. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkh.-stroit. un-ta, 2021, 24–42. (In Russ.)
38. Goncharov Yu. M., Klimova O. G. The historiography of the history of the entrepreneurship in prerevolutionary Siberia. *Przegląd wschodnioeuropejski*, 2020, 1: 59–67. (In Russ.)
39. Zinoviev V. P., Skubnevsky V. A. Industry, crafts, trade and credit in North Asia in the 1820s–1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, (S7): 5–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19988613/S7/1>
40. Zinoviev V. P., Sankin A. V. Forms and nature of trade in fish and fish products in Western Siberia in the XIX – early XX century. *Siberian merchants: origins, activities, and heritage*: Proc. Fourth All-Russian Sci. Conf., Tomsk, 17 Oct 2020. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkh.-stroit. un-ta, 2021, 9–23. (In Russ.)
41. Kalmina L. V., Plekhanova A. M. Gold mining in Western Transbaikalia in 1880–1920: regional specific features. *Humanitarian Vector*, 2015, (3): 29–35. (In Russ.)

42. Kiselev A. G., Per Nielsen. *Soren Refsgaard Randrup: Danish entrepreneurs in Western Siberia at the turn of the XIX–XX centuries*. Khanty-Mansiysk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2018, 116. (In Russ.)
43. Komleva E. V. The Yenisei merchant dynasty of the Funtosovs: a contribution to the development of Siberia (late XVIII – XIX centuries). *Contemporary historical Siberian studies of the XVIII – early XX centuries*, eds. Goncharov Yu. M., Shaidurov V. N. St. Petersburg: Mediapapir, 2020, iss. IV, 39–54. (In Russ.)
44. Skubnevsky V. A. "Former members of the old regime". Barnaul merchantry after 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, (48): 88–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19988613/48/14>
45. Startsev A. V. *Siberia and adjacent territories: history, historiography, and methodology*. Barnaul: BluI MVD Rossii, 2016, 446. (In Russ.)
46. Shakherov V. P. Investment policy of the state bank of Russia as a factor of monopolization of the Siberian gold industry. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2018, 19(3): 406–432. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).406-432](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(3).406-432)
47. Boyko V. P. Contemporary studies of the history of Siberian merchants. *Siberian merchants: origins, activities, and heritage: Proc. First All-Russian Sci. Conf., Tomsk, 11–13 Apr 2014*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkh.-stroit. un-ta, 2014, 21–26. (In Russ.)

оригинальная статья

Динамика численности населения села Чумай в XIX – начале XX в.

Олег Юрьевич Кузьмин

Управление МВД России по г. Кемерово, Россия, г. Кемерово; ol.kuzmin1975@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.06.2021. Принята после рецензирования 20.07.2021. Принята в печать 26.07.2021.

Аннотация: Рассматривается динамика численности населения села Чумай в XIX – начале XX в. Основными задачами исследования являются изучение статистических данных по количеству жителей и выявление причин и условий, оказавших решающее влияние на демографическую картину в Чумае в изучаемый период. Для решения поставленных задач привлечен комплекс опубликованных и неопубликованных исторических источников, проведен их критический анализ. Оценка достоверности выявленных в источниках числовых данных проводилась методом сравнения средних арифметических значений. В числе анализируемых показателей были количество дворов и отдельных хозяйств, общее число жителей с. Чумай, распределение их по сословному, конфессиональному и половому признакам. Исследование показало, что решающими факторами, оказавшими влияние на рост численности населения с. Чумай, были переселенческая политика государства и связанный с этим естественный прирост. При этом под переселенческой политикой государства надо понимать, прежде всего, постоянное водворение в Чумай ссыльных. Добровольные переселенцы из внутренних губерний России не оказали существенного воздействия на демографию с. Чумай. Кроме этого, на основе представленных в работе сведений посчитана средняя людность чумайского двора в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Сибирь, демография, русские старожилы, ссыльные, крестьянство

Цитирование: Кузьмин О. Ю. Динамика численности населения села Чумай в XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 634–644. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-634-644>

Введение

На фоне непрекращающейся убыли сельского населения России и его оттока в города изучение вопросов формирования крестьянства в прошлом имеет особую актуальность. Одной из малоизученных территорий Кузбасса в данном отношении является бассейн реки Кия [1], где активное крестьянское заселение началось только в XIX в. В числе старожильческих селений, расположенных в этом районе, особенно выделяется село Чумай. С момента образования с. Чумай в начале XIX в. число его жителей непрерывно росло, достигнув к 1917 г. максимальной численности в несколько тысяч человек. Накануне революционных преобразований с. Чумай стало одним из крупнейших сельских населенных пунктов Мариинского уезда. В связи с этим изучение причин роста народонаселения с. Чумай, на наш взгляд, является показательным во многих отношениях.

Проблемы исторической демографии Западной Сибири уже в XIX в. стали предметом изучения в работах Ю. А. Гагемейстера [2], Г. Н. Потанина [3] и Н. М. Ядринцева [4]. Расселение крестьян и ссыльных в Томской губернии освещалось Д. Н. Беликовым [5]. В начале XX в. демографическая статистика использовалась в трудах А. А. Кауфмана [6], а размещение ссыльных и их влияние на демографию Сибири изучалось С. В. Максимовым [7–9], Дж. Кеннаном [10], А. П. Саломоном [11]. Как правило, исследования дореволюционных авторов носили описательный характер.

В советский период численность крестьянского населения Западной Сибири в XIX в. исследовали З. Я. Бояршинова [12; 13], В. М. Кабузан [14; 15], С. М. Троицкий [15],

А. Д. Колесников [16], А. Н. Жеравина [17]. Советские ученые, опираясь на данные статистических источников, изучали вопросы прироста населения, значение правительственной и вольной колонизации. Кроме этого, в советское время активно разрабатывались различные демографические аспекты ссылки в Сибирь [18; 19]. Демография крестьянского двора и семьи была предметом исследования Н. А. Миненко [20]. В целом исследователями в советское время историческая демография крестьянства была довольно хорошо изучена на макроуровне. Вместе с тем недостаточно были разработаны проблемы формирования населения в отдельных районах Западной Сибири, в том числе в Кемеровской области. В числе немногих работ, посвященных демографии крестьянского населения Кемеровской области в XIX – начале XX в., следует отметить статью М. С. Бродниковой, где впервые была предпринята попытка выделения этапов заселения [21].

В постсоветский период у исследователей проявляется интерес к изучению локальной истории, который в первую очередь был связан с развитием краеведения. Складывание и развитие крестьянского населения Притомья в XVII – начале XX в., куда входила и территория современного Кузбасса, разработано в трудах Л. А. Скрыбиной [22] и И. Ю. Ускова [23]. Несмотря на это, демография русского крестьянского населения бассейна р. Кия продолжает оставаться вне сферы научных интересов и изучается только в контексте более широких тем. Например, в рамках изучения Московско-Сибирского тракта О. Н. Катионовым были затронуты некоторые вопросы численности

притрактового населения, в т. ч. и в Кийских волостях [24]. В монографии А. Н. Ермолаева, посвященной истории уездного г. Мариинск, приводились количественные данные о численности населения в ряде сел и деревень уезда [25]. Б. С. Шостакович [26] и С. А. Мулина [27] анализировали материалы по размещению в Мариинском округе ссыльных поляков. В 2017 г. И. Ю. Усков подготовил статью, в которой обозначил проблему недостаточной изученности колонизации бассейна р. Кия, в т. ч. демографических процессов [1].

Краткий историографический обзор позволяет сделать выводы об отсутствии работ по исторической демографии отдельных населенных пунктов Мариинского уезда Томской губернии.

Целью данной статьи является анализ динамики численности крестьянского населения в бассейне р. Кия на примере старожильского с. Чумай, входившего в Кийскую волость, а позднее в Мариинский округ (уезд) Томской губернии. В числе основных задач статьи – выявление причин, оказавших влияние на динамику роста населения с. Чумай в период с момента его основания в начале XIX в. (первое упоминание в источниках в 1808 г.¹) до начала сплошной коллективизации в 1929 г., связанного с массовыми депортациями, переселениями и бегством крестьян из села.

Анализ динамики численности населения с. Чумай проводился на основе опубликованных и неопубликованных источников. К числу опубликованных источников относятся «Списки населенных мест Томской губернии»², впервые опубликованные в 1868 г. (по сведениям 1859 г.). Впоследствии «Списки населенных мест Томской губернии» публиковались в 1893³, 1899⁴ и 1911 г.⁵ Следует отметить, что в 1882 г. на основе материалов 1878 г. был подготовлен, но не издан очередной выпуск «Списков

населенных мест Томской губернии», который известен в настоящее время в виде рукописи⁶.

Списки населенных мест публиковались и в первые десятилетия Советской власти. Так, в 1923 г. был издан «Список населенных мест Томской губернии», в основу которого легли материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. и демографической переписи 1920 г.⁷, а в 1929 г. был издан «Список населенных мест Сибирского края» по результатам первой Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁸ Во всех перечисленных выше Списках населенных мест имеются статистические показатели по количеству населения с. Чумай.

Дополнительная статистическая информация по численности населения Чумая представлена в «Справочных книгах по Томской епархии» и «Памятных книжках Томской губернии». В «Справочных книгах по Томской епархии» за 1886⁹, 1898/1899¹⁰, 1902/1903¹¹, 1909/1910¹² и 1914 г.¹³ приводятся данные по численности прихожан Чумайской церкви, при этом не только православного вероисповедания, а в «Памятных книжках Томской губернии» за 1885¹⁴ и 1904 г.¹⁵ содержатся сведения о количестве дворов в с. Чумай.

Неопубликованные источники, касающиеся демографической информации по с. Чумай, сохранились в архивных фондах ГАТО, Государственном архиве Кузбасса (ГКУ ГАК), частично в Историческом архиве Омской области (ИАОО). Прежде всего, это документы церковного учета (метрические книги, исповедные росписи, клировые ведомости) и ревизские сказки¹⁶. В 1859 г. в деревне Чумайской была возведена церковь, и образовался самостоятельный приход, стали вестись метрические книги и клировые ведомости. В настоящее время документальные материалы

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 107.

² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел [по сведениям 1859 года]. Т. 62. Томская губерния / обраб. ред. В. Зверинским. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1868. СХХIV+148 с.

³ Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск: Том. губ. стат. ком., 1893. 381 с.

⁴ Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева» (Губернская типография), 1899. VI+781 с.

⁵ Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск: Том. губ. стат. ком., 1911. 577+XXVI с.

⁶ Список населенных мест Томской губернии за 1878 год. Рукописный текст. 1882. 1032 с. Режим доступа: <http://kreydun.web-box.ru/spravochnye-materialy/dogevoljucionnye-izdaniya/kollekcija-spiskov-naselennyh-mest-tomskoj> (дата обращения: 04.06.2021).

⁷ Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск: Том. губ. стат. ком., 1923. 95 с.

⁸ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Стат. отдел Сибирского краевого исполнительного комитета, 1929. 952 с.

⁹ Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии с указанием существенных сведений для каждого члена причта / изд., сост. Г. Меншагиным и одобренное ... Исаакием, епископом Томским и Семипалатинским. Томск: [тип. «Сибирского Вестника»], 1886. 128 с.

¹⁰ Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год. Томск: Типография Епархиального братства, 1900. 458+LIII с.

¹¹ Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год / сост. под ред. секретаря Томской духовной консистории Д. Е. Березова. Томск: Типография Епархиального братства, 1903. 531+LVI с.

¹² Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год: с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей: по 1-е марта 1911 г. Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1911. XVIII+810 с.

¹³ Справочная книга по Томской епархии / сост. служащими консистории под рук. В. А. Карташева в январе-марте месяцах 1914 г. Томск: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1914. VIII+594+25+XXI+[18] с.

¹⁴ Памятная книжка Томской губернии [на] 1885 год. Томск: Том. стат. ком., 1885. 421 с.

¹⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск: Том. стат. ком., 1904. 689 с.

¹⁶ ГАТО. Ф. 173. Оп. 1; ГАТО. Ф. 170. Оп. 1; ГАТО. Ф. 321. Оп. 1; ГКУ ГАК. Ф. 60. Оп. 1; ИАОО. Ф. 3. Оп. 1.

по Чумайскому приходу хранятся в фондах ГКУ ГАК. Кроме этого, в фондах ГАТО находятся приговоры крестьянского общества села Чумайского, в которых содержатся списки самостоятельных домохозяев¹⁷. Большое значение имеют также материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. Сельскохозяйственная перепись по с. Чумай сохранилась в ГАТО¹⁸. Наконец, в ИАОО отложилась ведомость за 1868 г. о лицах, состоящих под надзором полиции в Мариинском округе, в которой имеются данные о водворенных в Чумай ссыльных польских повстанцах¹⁹.

Таким образом, сопоставление статистических данных, сохранившихся в выявленных источниках, в полной мере позволяют воссоздать демографическую картину села Чумай в изучаемый период времени, выявить факторы, обусловившие рост или снижение численности населения.

Формирование старожильского общества с. Чумай

Первое упоминание о деревне Чумайской зафиксировано в метрических книгах прихода села Кийского за январь 1809 г.²⁰, что дает основание полагать об основании селения в 1808 г. Как известно, первопоселенцами Чумая были выходцы из Кавказской губернии, получившие полуофициальное название *кавказские переселенцы* [28]. Согласно «Ведомости о числе родившихся, бракосочетавшихся и умерших Николаевской церкви села Кийского» за 1809 г., в Чумае проживало 35 глав семей, из них 25 кавказских переселенцев, 7 ясашных (Качкины, Кукарцовы и Колмогоров) и 3 крестьянских (Макарьев, Булатов, Шалимов)²¹. Ясашные, по всей видимости, находились в работниках у русских переселенцев и заметного влияния на демографическую ситуацию не оказывали [29]. Судя по анализу исповедных росписей и ревизских сказок по с. Чумай, людность крестьянского двора в первой четверти XIX в. составляла в среднем от 7 до 10 и более человек. Это было обусловлено тем, что для успешной адаптации переселенцев на новом месте требовалась кооперация труда в рамках большой неразделенной семьи [30, с. 55]. Учитывая, что отдельный домохозяин был, как правило, главой трехпоколенной семьи, иногда включавшей и совместно проживавших «подворников» с семьями, можно с большой долей уверенности сказать, что население Чумая в первые десятилетия его существования составляло от 170 до 250 человек.

В июле 1822 г. при перечислении Кийской волости из Красноярского уезда в Томский была составлена ведомость о количестве казенных поселян в селениях. Согласно данной ведомости, в деревне Чумайской проживало 188 душ

обоих полов (89 мужского и 99 женского)²². Почти все население Чумая состояло из 25 семей кавказских переселенцев. В период между 1809 и 1822 гг. рост населения в Чумае не наблюдался. Ввиду трудностей, связанных с освоением территории, численность жителей Чумая не только не выросла, но и, видимо, немного сократилась. Несколько семей из числа первых поселенцев Чумая к этому времени переселились в другие окрестные селения.

Через 3 года демографическая обстановка в Чумае изменилась в сторону увеличения населения. Так, согласно исповедной росписи за 1825 г., в деревне Чумайской числилось 305 человек²³. При этом необходимо иметь в виду, что в исповедной росписи записывались все православные прихожане за исключением младенцев в возрасте до 1 года. Основу крестьянского населения по-прежнему составляли семьи кавказских переселенцев Смоляниновых, Конаныхиных, Ачкасовых, Долговых, Курениновых, Галактионовых, Пожидаевых, Булгаковых, Лазаревых, Матрениных, Луневых, Волобоевых, Митиных, Павловых, Щетининых, Пересыпкиных, Малаховых, Хорошиловых, Корчагиных, Севастьяновых.

Наряду с семьями первопоселенцев в исповедной росписи 1825 г. обозначается и ряд новых фамилий. Так, в росписи записаны не так давно причисленные семьи Барабаш, Андросовых, Осколковых, Носковых, Солодовниковых, Человечковых, Худяковых, Городских, Ляховых, Горощенко, Куциных, Пацуло, Абабковых, Медведевых, Караульных. Подавляющее большинство вновь причисленных в Чумай были из ссыльнопоселенцев. Заметное влияние на демографическую ситуацию оказало массовое водворение в начале 1820-х гг. в Кийскую волость семей ссыльных малороссиян, часть которых была причислена в Чумай. Всего к середине 1820-х гг. в Чумае насчитывалось более 40 семей старожилов и ссыльнопоселенцев.

С учетом вышеприведенных данных прирост населения Чумая с 1809 по 1825 гг. произошел в результате водворения в село ссыльнопоселенцев, нескольких семей добровольных переселенцев и естественного воспроизводства.

Анализ метрических книг (МК) Кийской церкви за период с начала 1820-х до конца 1850-х гг. показывает, что прирост населения Чумая происходил в основном за счет причисления ссыльнопоселенцев, как одиноких, так и семьями. Процесс водворения ссыльных в Чумай, начавшийся в 1820–1830-е гг., в последующие годы принял более интенсивный характер. За период 1819–1830 гг. в Чумае фиксируется 37 фамилий ссыльнопоселенцев, ранее в МК не встречавшихся.

¹⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 7.

¹⁸ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 113.

¹⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8960. Л. 195 об.–199.

²⁰ ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 72.

²¹ Там же. Л. 72–112.

²² ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 17–28.

²³ ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 223. Л. 319–322.

В 1830-е гг. в МК появляется еще 58 новых фамилий ссыльных, а в 1840–1850-х гг. – более 120 фамилий поселенцев.

Значительная часть ссыльнопоселенцев надолго не задерживалась в Чумаяе и не влияла на демографию. Одни из них сразу после причисления пускались в бега и находились в самовольных отлучках, другие уходили на золотые прииски. Оставшиеся в Чумаяе ссыльные, как правило, из числа престарелых и «неспособных», семьями не обзаводились и доживали свой век «на пропитании». Наряду с этим часть ссыльных женилась на старожилах и укоренялась в Чумаяе. Также в Чумай на поселение поступали немногочисленные ссыльные с семьями, дети и внуки которых со временем становились старожилами.

В 1841 г., по данным Н. А. Миненко, в деревне Чумайской был 91 дом [31, с. 38], каждый из которых считался отдельным дворохозяйством. Если учесть, что один крестьянский двор в этой части Томской губернии в первой половине XIX в. в среднем состоял из 6–7 человек [32; 33], то в Чумаяе к началу 1840-х гг. проживало примерно от 546 до 637 человек.

По ревизской сказке за 1858 г., в деревне Чумайской в подушном окладе состояло уже 633 государственных крестьянина и причисленных к ним поселенцев и поселенческих детей, а также отставных солдат; из них мужского пола – 318, женского – 315²⁴. Кроме этого, в Чумаяе проживали 60 окладных и 1 неокладной поселенец. Вместе с женами и детьми поселенческие семьи состояли из 170 человек (107 мужского и 63 женского пола). К этому числу необходимо прибавить 25 поселенцев, проживавших в Чумаяе, но исключенных из оклада как «неспособных» и не записанных в ревизию²⁵. Исходя из данных ревизии 1858 г., в Чумаяе проживало 828 человек.

Основными недостатками ревизских сказок как статистических источников являются содержащиеся в них неточности по количеству членов семьи. Нередко численность семьи умышленно уменьшалась, чтобы избежать подушной повинности. Также ревизия не охватывала подсчетами неподатные сословия. Несмотря на это, данные X ревизии по количеству жителей Чумая в целом являются достоверными. Так, согласно «Списку населенных мест Томской губернии за 1859 г.», в деревне Чумайской (Чуманской) Дмитриевской волости был 121 двор и проживало 442 души мужского пола и 391 женского²⁶. Соответственно, население Чумая составляло 833 человека (в среднем 6,8 человек на 1 двор), что фактически совпадает с данными X ревизии.

Таким образом, за 34 года (1825–1859 гг.) население Чумая увеличилось на 166,6 %, почти в 2,5 раза. Фамильный анализ метрических книг показывает, что население Чумая росло исключительно за счет естественного воспроизводства и водворения ссыльных. Добровольные переселенцы, появившиеся в Томской губернии в результате реформы П. Д. Киселева 1837–1841 гг., массово водворявшиеся в 1840–1850-е гг. в селения Дмитриевской волости²⁷, в Чумай причислялись в единичных случаях. По всей видимости, крестьянское старожильское общество Чумая выступало против водворения российских переселенцев.

В начале 1860-х гг. численность населения в Чумаяе не претерпела существенных изменений. По данным клировых ведомостей за 1861 г., в Чумаяе было 86 дворов государственных крестьян, в которых проживало 775 человек (398 душ мужского пола и 377 женского). Помимо этого, в Чумаяе находилось 5 дворов военных, в которых значилось 17 душ мужского пола и 26 женского²⁸. Итого в Чумаяе проживало 818 человек без учета лиц, принадлежащих к другим вероисповеданиям и не являвшихся прихожанами Чумайской церкви. Людность двора в старожильских семьях в это время составляла 8,9.

Со второй половины 1860-х гг. в Чумаяе наблюдается неуклонный рост населения. Связано это, прежде всего, с увеличением количества водворяемых в Чумай ссыльных. Так, только в 1864 г. в Чумай было причислено более 40 участников Январского восстания 1863 г., т. н. польских переселенцев²⁹. Часть из них впоследствии по разным причинам выехала из Чумая. Однако, 15 польских переселенцев остались жить в селе. Все они были неженатыми молодыми людьми в возрасте до 25 лет. Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. польские водворенцы обзавелись семьями и со временем стали полноправными членами чумайского крестьянского общества.

Увеличение количества браков обусловило в 1870-х гг. значительный естественный прирост населения Чумая. Помимо роста рождаемости, увеличение численности населения Чумая в это время было связано с причислением добровольных переселенцев. Так, в 1860–1870-е гг. в Чумай переселились выходцы из Оренбургской и Казанской губерний. Расположение Чумая вблизи золотых приисков делало его привлекательным для ведения торговли и предпринимательства. Учитывая последнее обстоятельство, в Чумай переселилось несколько еврейских семей. В 1878 г., согласно «Списку населенных мест Томской губернии», в селе

²⁴ ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 52. Л. 145–168.

²⁵ ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 43. Л. 308–321.

²⁶ Списки населенных мест Российской империи... Томская губерния... С. 117.

²⁷ Так, по данным ревизских сказок за 1859–1863 гг., к селу Алчедатскому Дмитриевской волости в конце 1850-х гг. была причислена 21 семья крестьян – переселенцев из Пензенской губернии. ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 52. Л. 954–955 об.

²⁸ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 295. Л. 66 об.

²⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8960. Л. 195 об.–199.

Чумайском было 189 дворов³⁰, а в 1880 г., по данным клировых ведомостей, числилось 194 двора. Из них 172 крестьянских двора (590 мужского и 613 женского пола), 7 дворов военных (28 мужского и 32 женского пола), 6 дворов мещан (19 мужского и 17 женского пола) и 9 дворов католиков (12 человек мужского пола, женского не было)³¹. Всего в Чумае проживали 1311 человек. Исходя из этого, население Чумая с 1859 г. по 1880 г. увеличилось с 833 до 1311 человек. Людность двора составляла в среднем 6,7.

Изменение численности населения села Чумай в 1880-е гг. – начале XX в.

В 1880-е гг. население Чумая продолжало расти за счет поступления ссыльных, причисления добровольных переселенцев и естественного прироста. По данным МК Чумайской церкви за 1880-е гг., зафиксировано 30 ранее не упоминавшихся фамилий ссыльнопоселенцев³². Известно, что в середине 1880-х гг. в Чумай было одновременно водворено несколько семей ссыльных из Полтавской губернии. В это же время в Чумае обосновались семьи добровольных переселенцев из Казанской губернии. Также отмечается переселение в Чумай крестьян из окрестных деревень и сел. В итоге в 1885 г. в Чумае располагалось 198 дворов³³. По «Справочной книге Томской епархии за 1886 г.», в чумайском приходе проживало 1579 православных прихожан (793 мужчины и 786 женщин)³⁴. Необходимо отметить, что в приход Чумайской церкви помимо села Чумай входила инородческая деревня Кураково (в 1878 г. всего 16 дворов и около 100 жителей)³⁵. Исходя из этого, прихожан, проживавших в Чумае, было примерно 1479 человек.

Существенные изменения в демографических показателях с. Чумай отмечаются в первой половине 1890-х гг. По данным клировых ведомостей за 1890 г., в Чумае число крестьянских дворов выросло до 232, в которых проживало 1485 человек (772 души мужского и 713 женского пола). Кроме крестьянских дворов, в селе имелось 2 двора лиц духовного звания (5 душ мужского и 4 женского пола), 29 дворов лиц военного звания (71 душа мужского и 66 женского пола), 5 дворов мещан (21 душа мужского и 20 женского пола) и 12 дворов католиков (14 человек мужского пола)³⁶.

Всего в Чумае числилось 1686 человек в 280 дворах (883 душ мужского и 803 женского пола). Таким образом, за 10 лет (1880–1890 гг.) в Чумае стало на 38 дворов больше, а население села увеличилось на 375 душ. При этом несколько сократилась средняя людность двора, составлявшая в 1890 г. 6 человек.

По «Списку населенных мест Томской губернии» за 1893 г., в Чумае было 387 крестьянских дворов (1 не крестьянский) и проживало 852 мужского и 790 душ женского пола³⁷, всего 1642 человека. Сравнение данных клировых ведомостей за 1890 г. (1686 душ обоего пола) и сведений, указанных в «Списке населенных мест Томской губернии» за 1893 г., показывает небольшое расхождение по числу жителей Чумая. По всей видимости, в «Списке населенных мест» за 1893 г. не были учтены дворы мещан, имевших приписку к городам, а в клировых ведомостях они указаны, т. к. являлись прихожанами Чумайской церкви. Кроме этого, вызывает сомнение количество крестьянских дворов (387), приведенное в «Списке населенных мест Томской губернии» за 1893 г. Число чумайских дворов, по-видимому, было неоправданно завышено, возможно, по ошибке.

С большой степенью достоверности проследить динамику роста домохозяйств села Чумайского в 1890-х гг. можно по отложившимся в фондах ГАТО общественным приговорам, связанным с постройкой новой церкви. В приговорах 1894–1898 гг. есть данные о числе домохозяев, имевших право голоса на сходе. Так, по приговору 1894 г., в Чумае было 216 домохозяев³⁸, в 1895 г. – 252³⁹, в 1896 – 264⁴⁰, в 1898 – 290⁴¹. Следовательно, за 4 года количество глав семей увеличилось с 216 до 290, т. е. на 74 домохозяина. Важно отметить, что приговоры не учитывали глав семей, лишенных по каким-либо причинам права голоса, ссыльнопоселенцев, а также находящихся в отлучках, на заработках и т. д. Учитывая последнее обстоятельство, количество крестьянских дворов, посчитанных по сведениям клировых ведомостей за 1890 г. (272), и число крестьян-домохозяев в приговорах чумайского общества в 1890-е гг. примерно совпадает.

Согласно изданному в 1899 г. «Списку населенных мест Томской губернии», в селе Чумайском было 236 крестьянских дворов и 32 не крестьянских, в которых

³⁰ Список населенных мест Томской губернии за 1878 год...

³¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 295. Л. 38 об.

³² ГАКО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 254, 314, 323, 321, 335, 461, 511, 639.

³³ Памятная книжка Томской губернии [на] 1885 год... С. 54; Памятная книжка Томской губернии на 1904 год... С. 31.

³⁴ Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии... С. 40.

³⁵ Список населенных мест Томской губернии за 1878 год...

³⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 295. Л. 20 об.

³⁷ Список населенных мест Томской губернии за 1893 год... С. 359.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Там же. Л. 18.

проживало 1032 души мужского пола и 1111 душ женского⁴², всего 2143 человека. В связи с этим с 1893 г. по 1899 г. прирост населения Чумая – 501 человек. Средняя людность двора – 7,9. В соответствии со сведениями, представленными в «Справочной книге по Томской епархии за 1898–1899 гг.», в приходе Чумайской церкви проживало 1154 прихожанина мужского пола и 1056 женского⁴³, всего 2210 человек. Необходимо отметить, что в это время в приход входили деревня Кураково (в 1899 – 194 жителя⁴⁴) и деревня Карачарово-Преображенская (345 жителей⁴⁵), и вместе с тем в Справочной книге не было учтено неправославное население (иудеи и мусульмане).

В 1900 г. клировые ведомости учитывали в Чумае 2 двора духовных (7 душ мужского и 3 женского пола), 49 дворов военных (200 душ мужского и 175 женского пола), 2 двора мещан (8 душ мужского и 6 женского пола), 249 дворов крестьян (993 души мужского и 940 женского пола). Если прибавить к этому 12 дворов католиков, известных по ведомости за 1890 г., то в Чумае в 1900 г. было 314 дворов, в которых проживали 2344 человека (1220 мужчин и 1124 женщины)⁴⁶. Всего в приходе Чумайской церкви в 1900 г. насчитывалось 2894 прихожанина⁴⁷. Расхождение с данными в «Списке населенных мест Томской губернии на 1899 год» составило 265 человек, которые, вероятно, не были в числе прихожан Чумайской церкви. В это время средняя людность двора составляла 7,4.

В 1902 г. «Справочная книга Томской епархии» отмечает наличие около 3000 прихожан обоего пола⁴⁸ в Чумайском приходе. Из них 289 прихожан являлись жителями деревни Карачарово-Преображенской⁴⁹, а 217 проживали в деревне Кураково⁵⁰. С учетом этого число прихожан, проживавших в с. Чумай, составляло примерно 2497 человек. Более достоверное число чумайцев приведено в «Памятной книжке Томской губернии на 1904 год». По сведениям губернского статистического комитета, подготовившего издание, в Чумае было 343 двора и 2079 душ обоего пола (1071 мужчина и 1008 женщин)⁵¹. По каким-то причинам численность чумайцев, по сведениям «Памятной книжки

Томской губернии на 1904 год» (2079), показана меньше, чем по данным «Списка населенных мест Томской губернии на 1899 год» (2143). Средняя людность двора в это время снизилась до 6 человек.

Начало XX в. ознаменовалось значительным ростом населения Чумая. Уже в 1911 г. по «Списку населенных мест Томской губернии на 1911 год» в Чумае было 456 дворов и проживало 2412 душ мужского пола и 2513 женского⁵² (4925 человек). Чумай стал одним из самых больших по количеству жителей населенных пунктов Алчедатской волости. К примеру, в волостном селе Алчедат в 1911 г. было всего 192 двора и 1978 жителей⁵³. Таким образом, с 1899 г. по 1911 г. население Чумая выросло с 2143 до 4925, на 129,8 %. Рост населения был обусловлен, с одной стороны, продолжающимся водворением ссыльных и за счет увеличения числа переселенцев, с другой – высокой рождаемостью. В ведомостях о числе родившихся, бракосочетавшихся и умерших МК Чумайской церкви указано, что с 1912 г. по 1918 г. ежегодно рождалось от 310⁵⁴ до 328⁵⁵ младенцев. Количественный состав семей чумайцев в 1911 г. достигает в среднем 10,8.

Рост населения в с. Чумай непрерывно продолжался до начала Первой мировой войны. В 1916 г. была проведена всеобщая сельскохозяйственная перепись, согласно которой в Чумае был записан 481 домохозяин⁵⁶. При этом необходимо учитывать, что часть глав семей находилась на фронтах Первой мировой войны и не попала в перепись. В составе домохозяйств преобладали семьи старожилов – потомков первопоселенцев с Кавказа и ссыльных 1820–1880-х гг. (в основном ссыльных малороссиян и польских переселенцев). По данным сельхозпереписи, в Чумае проживало более 20 семей переселенцев (в т. ч. из окрестных сел), 6 семей различных должностных лиц и причта, а также 2 немецких и 5 еврейских семей.

В декабре 1917 г. на заседании 2-го чрезвычайного Мариинского уездного Земского Собрания было принято решение о выделении отдельной Чумайской волости в составе селений: Чумайского, Карачарово-Преображенского,

⁴² Список населенных мест Томской губернии на 1899 год... С. 209.

⁴³ Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год... С. 216.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 295. Л. 105.

⁴⁵ Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год... С. 215.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 295. Л. 104.

⁴⁷ Там же. Л. 106.

⁴⁸ Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год... С. 217.

⁴⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1904 год... С. 197.

⁵⁰ Там же. С. 197.

⁵¹ Там же. С. 192.

⁵² Список населенных мест Томской губернии на 1911 год... С. 420–421.

⁵³ Там же. С. 421.

⁵⁴ ГКУ ГАК. Ф. 60. Оп. 4. Д. 55. Л. 1–95.

⁵⁵ ГКУ ГАК. Ф. 60. Оп. 6. Д. 386. Л. 1–145.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 113.

Тингулинского, Казанского, Ново-Петровского и Тылинского⁵⁷. По произведенному подсчету во вновь образованной Чумайской волости было 2703 души мужского пола и 2588 женского (5291 человек)⁵⁸. Подавляющее большинство населения волости проживало в Чумае.

Социально-экономические катаклизмы, связанные с Первой мировой войной, революционными событиями и Гражданской войной, стали основной причиной уменьшения населения Чумая. В 1923 г. был издан Список населенных мест Томской губернии, в основу которого легли материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. и демографической переписи 1920 г. В Списке значилось, что в селе Чумай было 507 дворов и 3285 жителей⁵⁹. При увеличении количества дворов население Чумая заметно сократилось. Людность крестьянского двора снова снизилась до 6,4.

До начала коллективизации в 1928 г. число жителей Чумая немного увеличилось. В 1929 г. был издан 2-й том «Списка населенных мест Сибирского края», основанный на переписи 1926 г. В соответствии с приведенными в нем данными в Чумае проживали 1694 мужчины и 1778 женщин (3472 человека), ведущих 601 хозяйство⁶⁰. К концу 1920-х гг. снова отмечается увеличение количества дворов и численное снижение членов крестьянской семьи, составившее 5,7 в 1926 г.

В связи с коллективизацией и начавшимися массовыми выселениями и бегством крестьян количество населения Чумая стало стремительно уменьшаться и в последующие годы уже никогда не достигало дореволюционного уровня. В 1940-е гг. на демографические процессы существенное влияние оказали последствия Великой Отечественной войны. Потери мужского населения были невосполнимы. Из 1050 чумайцев, ушедших на фронт, не вернулось 326⁶¹. В 1968 г. в Чумае проживало всего 2246 селян в 626 хозяйствах⁶².

Заключение

Решающими факторами, оказавшими влияние на динамику численности населения с. Чумай в рассматриваемый период, была переселенческая политика государства и связанный с этим естественный прирост. Государство обеспечило водворение на казенных землях добровольных переселенцев с Кавказа, ставших основой старожильческого общества Чумая. В последующие годы население Чумая росло за счет причисления ссыльнопоселенцев. Добровольные переселенцы массово в Чумай не переселялись и поэтому существенно не изменяли демографическую картину. Также необходимо

Табл. Динамика изменения численности населения с. Чумай в 1809–1929 гг.

Tab. Dynamics of population change in the village of Chumay in 1809–1929

Год	Количество дворов	Количество постоянных жителей			Средняя людность двора
		мужчины	женщины	всего	
1809	35	–	–	≈170–250	7,14
1822	≈25	89	99	188	7
1825	≈43	–	–	305	7
1841	91	–	–	≈546–637	6–7
1858	≈138	450	378	828	6–7
1859	121	442	391	833	6,8
1861	91 (только дворов прихожан)	413	403	818 (только прихожане)	8,9
1878	189	–	–	–	–
1880	194	649	662	1311	6,7
1885	198	–	–	–	–
1886	–	–	–	≈1479 (только прихожане)	–
1890	280	883	803	1686	6
1893	388	873	810	1642	4,2
1895	290 (без ссыльных)	–	–	–	–
1899	268	1032	1111	2143	7,9
1900	314	1208	1126	2344	7,4
1902	–	–	–	≈2497 (только прихожане)	–
1904	343	1071	1008	2079	6,06
1911	456	2412	2513	4925	10,8
1916	481	–	–	–	–
1920	507	–	–	3285	6,4
1926	601	1694	1778	3472	5,7
1968	626	–	–	2246	3,5

отметить выгодное расположение Чумая недалеко от тракта и золотых промыслов. В связи с этим в Чумае оседали торговцы, промышленники и часть приисковых рабочих.

В XIX в. переселения из Чумая были редкостью. Так, в 1820-е гг. из Чумая в соседние селения переселилось несколько семей кавказских переселенцев.

⁵⁷ ГАТО. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 23. Л. 156.

⁵⁸ ГАТО. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 23. Л. 159 об.

⁵⁹ Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.) ... С. 36.

⁶⁰ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири ... С. 30.

⁶¹ Аграрный форпост шахтерского края / сост. О. Гарбузова и Г. Шалакин. Кемерово: Кузбасская книга, 2005. С. 171.

⁶² Мытарев А. А. От Абы до Яи: Геогр. словарь Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. С. 269–270.

Ссылнопоселенцы не задерживались надолго в Чумае. Большая часть из них в первые годы после начала отбытия ссылки пускались в бега или, совершив новые преступления, ссылались далее в Восточную Сибирь. Примечательно, что из 40 польских переселенцев, водворенных в Чумай, 15 осталось на постоянном проживании. Чумайские крестьяне-старожилы место жительства меняли редко. Известно, что в 1858 г. лишь 2 семьи решились на переезд в «киргизскую степь» недавно присоединенного Заилийского края⁶³. В основном чумайцы покидали село в связи временными работами. Как правило, они вербовались на золотые прииски, а в 1890-е гг. – начале XX в. уезжали

в Кузбасс или на Дальний Восток, при этом связь с малой родиной не теряли.

Проведенный анализ статистических данных (табл. ⁶⁴) показывает, что средняя людность двора в с. Чумай варьировалась от 6 до 8 человек в XIX в. и достигла 10,8 в 1911 г. В 1920-е гг. численный состав семей чумайцев уменьшался. В 1968 г. средняя численность чумайской семьи составляла всего 3,5.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Усков И. Ю. Динамика численности русского населения левобережного Причумылья в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 91–93. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-91-95>
2. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В. Канцелярии, 1854. Ч. 1–2. 363+697 с.
3. Потанин Г. Н. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII столетия // Вестник Российского географического общества. 1860. № 8. С. 201–220.
4. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892. XII+720 с.
5. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск: Типо-лит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 138 с.
6. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. IX+349+81 с.
7. Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 1: Несчастные. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. Н. Стефанова, 1891. [4]+IV+411 с.
8. Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 2: Виноватые и обвиненные. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. Н. Стефанова, 1891. [4]+IV+367 с.
9. Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 3: Политические и государственные преступники. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типо-лит. Н. Стефанова, 1891. [4]+IV+377 с.
10. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: (очерки из жизни политических ссыльных). СПб.: Типо-лит. И. Люндорф и К°, 1906. Ч. 1–2. 161+169 с.
11. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения: для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: Тип. С.-Петербург. тюрьмы, 1900. [2]+XII+342+53 с.
12. Бояршинова З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории Сибири / ред. А. П. Бородавкин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Вып. 1. С. 44–55.
13. Бояршинова З. Я. Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. С. 40–56.
14. Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 24–38.
15. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 263–271.
16. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во. Ом. отд-ние. 1973. 439 с.
17. Жеравина А. Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири: (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 199 с.

⁶³ ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 52. Л. 145–168.

⁶⁴ Составлена по: ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 72–112; ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 17–28; ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 223. Л. 319–322; Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири [31, с. 38]; ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 52. Л.

18. Роцевская А. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века (60 – нач. 80-х годов). Тюмень: ТюмГУ, 1976. 141 с.
19. Островский А. К. Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода / отв. ред. А. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 140–148.
20. Миненко Н. А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX в. // Источниковедение и археография Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. Вып. 2. С. 41–58.
21. Бродникова М. С. Дореволюционный период заселения Кемеровской области // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири (Дореволюционный период) / отв. ред. А. А. Григорьева. Иркутск, 1975. С. 171–181.
22. Скрыбина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 130 с.
23. Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 130 с.
24. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: НГПУ, 2004. 568 с.
25. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 741 с.
26. Шостакович Б. С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка / отв. ред. Н. Н. Щербаков. Иркутск: Оттиск, 2006. Вып. 3. С. 254–272.
27. Мулина С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 199 с.
28. Кузьмин О. Ю. Заселение русскими бассейна реки Кия (на примере основания села Чумай Чебулинского района Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 28–35. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35>
29. Кузьмин О. Ю. Ассимиляция русскими чувшимских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилов села Чумай) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 20–33. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33>
30. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
31. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири, XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 261 с.
32. Соловьева Е. И. Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.) / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: НГУ, 1979. С. 126–140.
33. Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (Ист.-демогр. анализ). Новосибирск: НГПИ, 1991. 143 с.

original article

Population Dynamics of the Village of Chumay in the XIX – Early XX Centuries

Oleg Yu. Kuzmin

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kemerovo, Russia, Kemerovo; ol.kuzmin1975@yandex.ru

Received 29 Jun 2021. Accepted after peer review 20 Jul 2021. Accepted 26 Jul 2021.

Abstract: The article deals with the population dynamics of the village of Chumay in the XIX – early XX centuries. The main research objective was to study statistical data and identify the causes and conditions that had a decisive impact on the demographic situation in Chumay during the period under review. The study was based on a critical analysis of published and unpublished historical sources. The reliability of the data was checked by comparing the arithmetic mean values. The analysis involved the number of houses and farms, the total number of residents, and their distribution by class, religion, and gender. The resettlement policy of the state and the associated natural growth proved to be the main factor that affected the population of Chumay. The population growth was associated with the permanent placement of exiles in Chumay. Voluntary immigrants

from the inner provinces of Russia did not have a significant impact on the local demography. The paper also introduces the average population of the Chumay household in the XIX – early XX centuries.

Keywords: Siberia, demographics, Russian old-timers, exiles, peasantry

Citation: Kuzmin O. Yu. Population Dynamics of the Village of Chumay in the XIX – Early XX Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 634–644 (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-634-644>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Uskov I. Yu. Dynamics of the number of the Russian population of the Left-bank Prichulym'e in the XVIII – first half of the XIX century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 91–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-91-95>
2. Hagemeister J. A. *Statistical review of Siberia, compiled by the Highest of His Imperial Majesty's command, in the Siberian Committee, actual state Councilor Hagemeister*. St. Petersburg: Tip. II Otd. S.E.IV. Kantseliarii, 1854, pts. 1–2, 363+697. (In Russ.)
3. Potanin G. N. Information about the number of inhabitants in Western Siberia in the middle of the XVIII century. *Bulletin of the Russian Geographical Society*, 1860, (8): 201–220. (In Russ.)
4. Iadrintsev N. M. *Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms*. St. Petersburg: I. M. Sibiriakov, 1892, XII+720. (In Russ.)
5. Belikov D. N. *The First Russian peasants-inhabitants of the Tomsk region and different features in the conditions of their life and life: General essay for the XVII and XVIII centuries*. Tomsk: Tipo-lit. M. N. Kononova i I. F. Skulimovskogo, 1898, 138. (In Russ.)
6. Kaufman A. A. *Resettlement and colonization*. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaia polza", 1905, IX+349+81. (In Russ.)
7. Maksimov S. V. *Siberia and hard labor. Pt. 1: Unhappy*, 2nd ed. St. Petersburg: Tipo-lit. N. Stefanova, 1891, [4]+IV+411. (In Russ.)
8. Maksimov S. V. *Siberia and hard labor. Pt. 2: The Guilty and the Accused*, 2nd ed. St. Petersburg: Tipo-lit. N. Stefanova, 1891, [4]+IV+367. (In Russ.)
9. Maksimov S. V. *Siberia and hard labor. Pt. 3: Political and state criminals*, 2nd ed. St. Petersburg: Tipo-lit. N. Stefanova, 1891, [4]+IV+377. (In Russ.)
10. Kennan G. *Siberia and the exile system*. St. Petersburg: Tipo-lit. I. Lundorf i K°, 1906, pt. 1–2, 161+169. (In Russ.)
11. Salomon A. P. *Exile to Siberia: an outline of its history and current situation: for the Imperial Commission on measures to abolish exile*. St.-Petersburg: Tip. S.-Peterb. tiurny, 1900, [2]+XII+342+53. (In Russ.)
12. Boiarshinova Z. Ia. On the formation of the class of state peasants in Siberia (XVIII – first quarter of the XIX centuries). *Issues of Siberia history*, ed. Borodavkin A. P. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1964, iss. 1, 44–55. (In Russ.)
13. Boiarshinova Z. Ia. Settlement of Siberia by Russians in the XVI – first half of the XIX century. *Results and tasks of studying the history of Siberia in the pre-Soviet period*, ed. Okladnikov A. P. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1971, 40–56. (In Russ.)
14. Kabuzan V. M. Settlement of Siberia and the Far East in the late XVIII – early XX centuries (1795–1917). *Istoriia SSSR*, 1979, (3): 24–38. (In Russ.)
15. Kabuzan V. M., Troitskii S. M. The number and composition of the population of Siberia in the first half of the XIX century. *Russian population of Pomorie and Siberia*, Moscow: Nauka, 1973, 263–271. (In Russ.)
16. Kolesnikov A. D. *Russian population of Western Siberia in the XVIII – early XIX centuries*. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo. Om. otd-nie, 1973, 439. (In Russ.)
17. Zheravina A. N. *Essays on the history of the registered peasants of the cabinet economy in Siberia: (second half of the XVIII – first half of the XIX centuries)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1985, 199. (In Russ.)
18. Roshchevskaiia L. P. *The history of political exile in Western Siberia in the second half of the XIX century (60s – early 80s)*. Tyumen: TiumGU, 1976, 141. (In Russ.)
19. Ostrovsky L. K. The number, composition and placement of Polish political exiles in Siberia (mid-1890s – 1917). *Socio-economic relations and class struggle in Siberia in the pre-October period*, ed. Goryushkin L. M. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1987, 140–148. (In Russ.)
20. Minenko N. A. Mass sources on the demography of the peasant household of the XVIII – first half of the XIX century. *Source study and archeography of Siberia*, eds. Pokrovsky N. N., Romodanovskaya E. K. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1977, iss. 2, 41–58. (In Russ.)

21. Brodnikova M. S. The pre-revolutionary period of the settlement of the Kemerovo region. *Economic development and settlement of the regions of Siberia (the pre-revolutionary period)*, ed. Grigorieva A. A. Irkutsk, 1975, 171–181. (In Russ.)
22. Skryabina L. A. *Russians of the Tomsk region. Historical and ethnographic essays (XVII – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130. (In Russ.)
23. Uskov I. Yu. *Formation of the peasant population of the Middle Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 130. (In Russ.)
24. Kationov O. N. *The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII–XIX centuries*. Novosibirsk: NGPU, 2004, 568. (In Russ.)
25. Ermolaev A. N. *The Province of Mariinsk 1856–1917*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 741. (In Russ.)
26. Shostakovich B. S. The number of participants in the January Polish uprising exiled to Siberia as a research problem. *Siberian link*, ed. Shcherbakov N. N. Irkutsk: Ottisk, 2006, iss. 3, 254–272. (In Russ.)
27. Mulina S. A. *Reluctant migrants: adaptation of the exiled participants of the Polish uprising of 1863 in Western Siberia*. St. Petersburg: Aleteia, 2012, 199. (In Russ.)
28. Kuzmin O. Yu. Settlement of the Kiya river basin by the Russians: case study of the foundation of the village of Chumay in the Chebulinsky district of Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 28–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35>
29. Kuzmin O. Yu. Assimilation of the Chulym Turkic people by the Russians in the first half of the XIX century: the case of the Kolmogorov family from Chumay village. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 20–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33>
30. Minenko N. A. *Russian peasant family in Western Siberia (XVIII – first half of the XIX century)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 350. (In Russ.)
31. Minenko N. A. *Russian peasant community in Western Siberia, XVIII – first half of the XIX century*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1991, 261. (In Russ.)
32. Solovieva E. I. The number and structure of the Russian peasant family in Siberia in the second half of the XIX century. *Economic development of Siberia and the growth of its population (XVIII–XX centuries)*, ed. Okladnikov A. P. Novosibirsk: NGU, 1979, 126–140. (In Russ.)
33. Zverev V. A. *Family peasant household in Siberia in the era of capitalism: (Historical and demographic analysis)*. Novosibirsk: NGPI, 1991, 143. (In Russ.)

оригинальная статья

Отражение женской темы на страницах газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг.

Мирзабек Яхьяевич Мирзабеков

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН. Россия, г. Махачкала; <https://publons.com/researcher/1939248/mirzaek-i-mirzabekov>; yash831@mail.ru

Поступила в редакцию 26.05.2021. Принята после рецензирования 02.07.2021. Принята в печать 12.07.2021.

Аннотация: Впервые в региональной историографии предпринята попытка анализа женской темы, отраженной на страницах газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг. При этом особое внимание уделено проблеме изменения положения женщины в 1920-е гг. в одном из национальных регионов страны. Анализ историографии проблемы показал необходимость изучения темы. Автор провел анализ материалов газеты «Красный Дагестан», а также использовал документы Центрального государственного архива Республики Дагестан. При подготовке исследования автор опирался на принципы научной объективности и историзма, использовал сравнительно-исторический, описательный, статистический, системный методы исследования. Несмотря на значительные трудности и нерешенные проблемы, освещение данной темы способствовало усилению позитивных тенденций в обеспечении гендерного равноправия в дагестанском обществе. Однако к концу анализируемого десятилетия данная общественно-политическая и социально-культурная проблема была далека от своего решения. В Дагестане авторитет и мнение мужской половины населения, как и в других мусульманских регионах страны, продолжали доминировать, играть определяющую роль при постановке и решении острых общественно-политических и социально-культурных вопросов, призванных обеспечить поступательное развитие общества.

Ключевые слова: Дагестан, дагестанка, положение женщины, равноправие, образование, культура

Цитирование: Мирзабеков М. Я. Отражение женской темы на страницах газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 645–651. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-645-651>

Введение

В современный период усиление интереса к женской тематике в исторической науке обусловлено необходимостью обеспечения равноправия женщин в экономической, общественно-политической, социально-культурной, семейно-бытовой и иных сферах жизнедеятельности. Это привело к появлению в исторической науке направления, изучающего различные аспекты женского бытия, в том числе и в Российском государстве. Всестороннее и объективное научное исследование женской тематики в отечественной историографии развернулось во второй половине XX – начале XXI в. Существенный вклад в ее разработку внесли труды Н. А. Пушкаревой [1–3].

Важным аспектом данной научно-исследовательской проблемы является анализ вопросов гендерного равноправия на материалах средств массовой информации. Различные этапы послеоктябрьского и постсоветского развития страны в контексте данного вопроса затрагивались в исследованиях Т. М. Горяевой [4], Д. В. Захарова [5], Е. И. Гегелии [6], Н. И. Ажгихиной [7] и др.

В региональной историографии данная научно-исследовательская тема привлекала внимание А. А. Абилова [8], Д. Н. Ахмедова [9], Г. Ш. Каймаразова [10], М. Я. Мирзабекова [11–15], Л. А. Богатыровой [16] и др. Отдельные статистические данные и примеры

по интересующей нас теме встречаются в монографиях А. Д. Даниялова [17, с. 209], А. И. Османова [18, с. 195–198; 19, с. 385–389], Ю. Ю. Карпова [20, с. 283–291], в обобщающих трудах по истории многонационального региона [21, с. 195; 22, с. 112–113; 23, с. 405–408].

Данная проблематика на материалах многонационального Российского государства нашла определенное отражение и в западной историографии [24; 25]. В работах зарубежных авторов рассмотрены проблемы гендерной истории в послеоктябрьский период в стране на материалах центральных и некоторых региональных архивов [25, с. 34]. Однако роль и влияние периодических изданий на обеспечение гендерного равноправия мусульманки в них практически обойдена.

В статье предпринята попытка проанализировать публикации газеты «Красный Дагестан», посвященные женской тематике в 1920-е гг., и проследить позитивные изменения и просчеты в этой социально значимой работе редакции регионального периодического издания.

Основу настоящего исследования составили материалы газеты «Красный Дагестан» 1920-х гг., документы Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). При подготовке исследования автор опирался на принципы научной объективности и историзма,

использовал сравнительно-исторический, описательный, статистический, системный методы исследования, которые позволили воссоздать научную картину закономерностей и региональных особенностей выделенной темы.

Результаты

Установление советской власти обусловило изменение сути и направления деятельности средств массовой информации, как и в целом идеологической работы в стране. Важную роль в приобщении широких масс населения многонационального Дагестана к знаниям, новым духовным ценностям, в том числе женской его половины, призваны были сыграть периодические издания на русском и языках коренных народностей региона.

После восстановления советской власти в Дагестане весной 1920 г. дагестанское руководство развернуло целенаправленную работу по созданию и развертыванию деятельности новых периодических изданий на русском и дагестанских языках. Республиканская газета «Советский Дагестан» начала выходить на русском языке с июня 1920 г. в Темир-Хан-Шуре (г. Буйнакс с июля 1922 г.) на двух полосах ежедневно. Тираж ее составлял 2 тыс. экземпляров, выходила она два года. В это же время издавались и городские газеты: в Дербенте – газета «Красный горец», выходившая в 2 раза в неделю на русском языке, в Петровске продолжала выходить газета «Красный Каспий», а с февраля 1921 г. «Порт-Петровский пролетарий». В марте 1922 г. темирханшуринская газета «Советский Дагестан» и «Порт-Петровский пролетарий» были объединены в одну газету «Красный Дагестан» [26, с. 21].

В 1926 г. в Дагестане издавались две газеты на русском языке: «Красный Дагестан» и «Красный Землероб» – и пять газет на дагестанских языках: «Товарищ» (на кумыкском), «Дагестанская беднота» (на тюркском), «Горец» (на аварском), «Труженик» (на лакском), «Даргинец» (на даргинском) – с общим тиражом 1052480 экземпляров¹.

В первые годы становления новых общественных отношений в республике начали выпускаться и журналы. С 1923 г. было начато издание ежемесячных журналов «Путь просвещения» на тюркском языке и «Дагестанский кооператор» на русском языке, а с 1927 г. – «Плановое хозяйство» Госплана Дагестана.

Успехи в повышении образовательного уровня, общественно-политической и культурной активности населения региона вызвали все больший интерес к газетам и журналам, о чем свидетельствовало увеличение числа их рабочих и сельских корреспондентов. Так, число рабочих и сельских корреспондентов газет Дагестана в 1927 г. составило

775 человек², что на 322 человека больше по сравнению с 1925 г.³

С первых лет советской власти одним из важнейших направлений деятельности редакций периодических изданий Дагестана являлось отстаивание прав женщин в семейно-брачной сфере, утверждение их прав на равноправное участие в общественно-политической и культурной жизни республики. Эти вопросы находили систематическое отражение на страницах «Красного Дагестана». Этим материалам редакция газеты отводила целые страницы под общим заголовком «Страничка женщины-работницы». Однако в первые годы издания газете остро не хватало подготовленных журналистских кадров, что крайне негативно отражалось на уровне этих публикаций. Они отличались декларативностью, в них преобладали теоретические выкладки, не поднимались актуальные проблемы, волнующие общественность республики, в том числе и из жизни дагестанок. Например, под рубрикой «Женщина-горянка» были опубликованы материалы: «Дорогу – женщине», стихотворение «К женщине», «По Махачкале», «Проститутки – ли?»⁴, которые носили общий пропагандистский характер без конкретики и примеров из жизни республики. Естественно, они не могли вызвать отклика у читателей, задеть их умы и сердца.

В последующие годы по мере накопления опыта, пополнения редакции подготовленными журналистскими кадрами характер этих публикаций все более менялся. Публикуемые материалы становились критически заостренными, в них приводились примеры из жизни городов и сельских населенных пунктов, конкретных трудовых коллективов, делались обобщения и выводы, которые становились предметом для размышлений читателей и рассмотрения органами власти разного уровня республики. Так, в статье «Работа среди женщин слаба» отмечалось: «Совещанием заведующих женотделами, проходившим на днях, указано на полное отсутствие работы среди горянок. Положение горянки, находящейся под игом шариата и адатов, все то же, и женотделы по своей слабости бессильны разбить вековые цепи. В городах работа велась удовлетворительно только в Махачкале. Женотделом не принимались меры по борьбе с проституцией»⁵.

Начиная с 1924 г. в газете «Красный Дагестан» стали регулярными аналитические статьи и материалы о работе среди женщин республики. В статье «Работа среди женщин Дагестана» без указания фамилии автора был сделан обзор этой работы за первые годы советской власти. В ней отмечалось, что «Начиная с 1920–1921 гг., работу среди женщин-тружениц республики повел женотдел обкома

¹ Тимушев Л. Итоги подписки в Дагестане // Красный Дагестан (г. Махачкала). 25.01.1927.

² ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 133. Л. 62.

³ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 30. Л. 20.

⁴ Дорогу – женщине; стихотворение «К женщине»; По Махачкале; Проститутки – ли? // Красный Дагестан. 24.10.1922.

⁵ Л. Работа среди женщин слаба // Красный Дагестан. 03.04.1923.

партии. Создали делегатский актив, организовали детские учреждения, помогали Красной Армии, проводили съезды, собрания женщин в Махачкале, Буйнакске и других городах. Вне города, в аулах вести эту работу тогда было сложно, и только в конце 1922 г. она перекинулась в горы. В цифрах достижения наши по работе среди женщин таковы: 1. в РКП(б) состоят 180 женщин; 2. в кооперации – 1874 человека, 50 из них занимают выборные должности; 3. в профсоюзах состоят 1811 женщин, из которых 151 человек являются активистами; 4. в Советах и крестьянских комитетах взаимопомощи заняты 15 женщин; 5. членами комсомола являются 142 человека, из которых на выборные должности выдвинуты 25 человек. Всего были вовлечены в общественные организации 4207 женщин, из которых 301 человек – активисты. Для учебы в 1924 году были направлены 41 женщина. Кроме того, многие работницы учатся в школах грамоты»⁶.

Наличие в газете в эти и последующие годы публикаций под инициалами, а зачастую и без всякой подписи, объяснялось угрозами физической расправы с авторами текстов, содержащих конкретный критический материал с указаниями фамилий и имен ответственных за те или иные недостатки и упущения в работе, противоправные действия и проступки.

Редакция газеты старалась обобщать опыт работы среди женщин. При этом отмечались позитивные изменения и сохраняющиеся трудности в этой социально значимой работе. Так, в рубрике «Вести с мест» был дан анализ работы среди женщин Ачикулакского района, отмечены успехи и трудности в положении женщин в семейно-брачной сфере⁷.

В газете регулярно давалась информация об открытии детских учреждений в городах и сельских населенных пунктах, позитивных результатах и недостатках в их деятельности, помощи и поддержке этих новых учреждений со стороны трудовых коллективов и общественных формирований республики.

Газета «Красный Дагестан» все активнее выступала против таких негативных явлений, проявлявшихся у народов горного края, как выдача замуж несовершеннолетних девушек, многоженство, запрет женщинам участвовать в общественно-политической и культурной жизни городов и сельских населенных пунктов. Эти материалы публиковались под рубриками «Вести с мест», «В горах», «Так было, но так не должно быть», «Работа среди женщин», «Бытовые преступления» и др. Так, в большой аналитической статье прокурора республики Ибрагима Махмудова «Бытовые преступления в свете советского закона» было дано разъяснение важности изжития бытовых преступлений. Она содержала

такие разделы: 1. Откуп от мести запрещается; 2. Уклонение от примирения влечет выселение; 3. Калым и кебин влекут арест и штраф; 4. Похищение женщины и насильственная выдача замуж является уголовным преступлением; 5. Двоеженство запрещается и наказывается; 6. Организация и участие в налетах рода карается по закону; 7. За убийство – выселение за пределы Дагестана; 8. Мешать женщине-общественнице нельзя. Это влечет за собою наказание; 9. Препятствовать разводу нельзя⁸.

Однако эти примеры и факты не встречали осуждения со стороны значительной части дагестанского общества и адекватных разъяснительных мер и правоприменительных действий со стороны органов власти по их пресечению. Были и факты прямого попустительства с их стороны к аналогичным фактам. Как сообщала газета «Красный Дагестан» в 1924 г., по инициативе исполкома Андийского окружного Совета депутатов трудящихся была создана специальная комиссия, которая постановила брать за махар (заключение брака по шарияту) с девушек 30 руб., а со вдов – 5 руб. Районным исполкомом было принято решение о запрете выдавать замуж девушек моложе 15 лет⁹. Констатация таких фактов без комментариев и прямого осуждения со стороны редакции негативно влияла на действенность газетных публикаций, не несла общественного воспитательного заряда. Факты выдачи замуж несовершеннолетних девушек, многоженство в Дагестане к концу анализируемого периода оставались широко распространенными явлениями, которые имели негативные социальные последствия. Дети, родившиеся в таком браке после развода, не могли претендовать на выплату алиментов от отца и были лишены права наследства имущества.

Огромный вред населению многонационального Дагестана продолжал наносить и такой патриархальный пережиток, как кровная месть, которая зачастую продолжалась между разными родами и семьями на протяжении многих поколений, унося десятки и сотни человеческих жизней. В этом плане истории Дагестана известны и из ряда вон выходящие трагические случаи. Так, по преданию в хуторе Цибильда Андийского округа в праздник курбан-байрам молодежь устроила состязание в стрельбе в цель. После нескольких выстрелов завязался спор, перешедший в драку, в которой случайно был убит один из молодых людей. Родственники бросились на убийцу. Завязалась общая свалка между обоими тухумами. Когда в селении стало известно об убийстве нескольких человек с обеих сторон, старики и женщины начали в свою очередь драться между собою и душить детей друг друга. Убийства продолжались несколько дней. Из всего селения остались в живых только 4 человека [12, с. 64].

⁶ [Редакционная статья]. Работа среди женщин Дагестана // Красный Дагестан. 21.11.1924.

⁷ Работа женотдела Ачикулакского района // Красный Дагестан. 10.09.1924.

⁸ Махмудов И. Бытовые преступления в свете советского закона // Красный Дагестан. 04.10.1927.

⁹ Информация с Андийского округа // Красный Дагестан. 10.08.1924.

В послеоктябрьский период этот патриархальный пережиток продолжал отравлять жизнь многих семей дагестанских народов и крайне негативно сказывался на экономическом, общественно-политическом и социально-культурном развитии республики, положении дагестанок, которые вследствие этого кровавого обычая зачастую оставались без отцов, мужей, братьев и других родственников по мужской линии. В республике, как и в других мусульманских регионах страны, где проявлялся этот пережиток старины, были приняты специальные нормативно-правовые акты, партийно-государственные документы, призванные покончить с этим патриархальным обычаем в Дагестане.

В 1929 г. в городах и районах республики были образованы специальные комиссии по примирению кровников. К разъяснению вреда кровной мести, необходимости его преодоления в республике активно подключились и периодические издания. В газете «Красный Дагестан» эти материалы публиковались под рубрикой «Долой кровную месть». В газете неоднократно публиковались материалы о работе комиссий по примирению кровников в округах и районах, акцентировалось внимание читателей на трудностях в их работе. Статья В. Вагабова «Еще раз о кровной мести» описывала проблемы искоренения этого вредного обычая в республике¹⁰. Несмотря на усилия органов власти, общественных формирований, разъяснительную работу культурно-просветительных учреждений и периодических изданий, в анализируемый период проявления кровной мести в Дагестане были нередки. В 1925 г. на почве кровной мести в республике было совершено 40 убийств, в 1927 г. – 185¹¹.

К середине 1920-х гг. в условиях обострения общественно-политической ситуации в республике остро встал вопрос об изъятии у населения не только огнестрельного, но и холодного оружия. В сентябре 1926 г. в Дагестане было осуществлено разоружение населения, изъято в городах, округах и районах 52734 единицы огнестрельного и холодного оружия [27, с. 77].

К последующей разъяснительной работе среди населения республики о важности отказа от ношения дагестанцами кинжала подключились и региональные периодические издания. В «Красном Дагестане» эти материалы публиковались под рубрикой «Откажемся от кинжала». Газета «Елдаш» («Товарищ») часто давала подборки статей, корреспонденций, литературных произведений, направленных против ношения кинжала и соблюдения других реакционных адатов [10, с. 271].

«Красный Дагестан», как и другие периодические издания республики, выступал активным пропагандистом

новых очагов культуры в городах и сельских населенных пунктах республики, отмечалась их роль и значение в приобщении трудящихся к новым духовным ценностям. Часто на его страницах поднимались проблемы вовлечения общественности в строительство и приобретение оборудования для культурно-просветительных учреждений, состояния их кадрового обеспечения и удовлетворения материально-бытовых и иных запросов культпросветработников, пропагандировался опыт работы лучших избчитален, клубов, библиотек и других учреждений культуры. Например, в статье Р. Израиловой «Наши клубы» была освещена работа Буйнакского клуба работниц и крестьянок. В ней отмечалось: «Клуб существует три месяца. За это время в члены клуба записалось 127 женщин. При клубе организованы детская консультация, ликпункт, на котором обучается 30 женщин на кумыкском языке. С 1 февраля организован кружок кройки и шитья»¹². Автор призывала женотделы и культурно-просветительные учреждения республики подхватить этот позитивный опыт.

«Красный Дагестан» и другие периодические издания республики с первых же дней своего существования пристальное внимание уделяли развитию новой общеобразовательной школы, вовлечению в нее детей школьного возраста, в том числе девочек-горянок, созданию и деятельности специальных школ для девочек. Так, журнал «В горах Дагестана» в январе 1923 г. информировал читателей об открытии и условиях работы интерната для девочек-горянок в г. Буйнакск¹³.

Во второй половине 1920-х гг. органы власти, Народный комиссариат просвещения, общественные формирования республики активизировали работу по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В 1929 г. на Вседагестанском агитационно-пропагандистском совещании было определено: «Ликвидация неграмотности – важнейшая политическая кампания». Исходя из этого, на страницах периодических изданий республики была развернута широкая разъяснительная работа по активизации усилий по приобщению взрослого населения к грамоте. Эта работа в «Красном Дагестане» велась под рубриками «В культпоход – на неграмотность», «В поход на неграмотность». Особое внимание в материалах, публиковавшихся на страницах газеты, обращалось на преодоление этого наследия прошлого среди дагестанок. Так, в статье М. Халеевой отмечалось: «В особенности важна ликвидация технической неграмотности среди трудящихся женщин Дагестана, составляющих главный контингент неграмотных (98 %). Эту работу следует считать одной из ударных задач»¹⁴.

¹⁰ Вагабов В. Еще раз о кровной мести // Красный Дагестан. 13.04.1927.

¹¹ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 7. Л. 21.

¹² Израилова Р. Наши клубы // Красный Дагестан. 13.02.1928.

¹³ Вопросы просвещения в Дагестане // В горах Дагестана. 1923. № 7. С. 16.

¹⁴ Халеева М. Значение ликвидации неграмотности среди женщин Дагестана // Красный Дагестан. 15.10.1929.

Газета регулярно информировала читателей о ходе и результатах этой работы в городах и районах республики. В статье З. Алиевой «На культурном фронте» сообщалось: «Женщины-горянки, которые еще недавно боялись выйти на улицу без чадры, теперь посещают школу малограмотных, открытую в этом году в Буйнакске. В прошлом году 30 горянок ликвидировали неграмотность. Теперь они пополняют свои знания, обучаясь на родном языке»¹⁵. Этот материал, как и многие аналогичные публикации, показывает, что газета «Красный Дагестан» в рассматриваемое десятилетие все активнее выступала в поддержку прав дагестанок в семейно-брачной сфере, на равноправное участие в общественно-политической жизни, разъясняла важность приобщения к грамоте и новым духовным ценностям.

Заключение

Несмотря на объективные и субъективные трудности, материалы, отражающие женскую тему на страницах

республиканской газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг., при активной целенаправленной поддержке органов власти и общественных формирований становились все более разнообразными по тематике, нацеленными на решение конкретных общественно-политических и социально-культурных задач, которые призваны были обеспечить равноправие дагестанок в семейно-брачной, общественно-политической, социально-культурной и иных сферах жизнедеятельности населения республики. Они все более пропитывались идеей формирования и развития новой личности – активного строителя социалистического общества. Однако к концу анализируемого периода основная масса дагестанок оставалась не охваченной новыми веяниями и ценностями жизни, была подвержена традиционному укладу, нормам и принципам жизнедеятельности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Пушкарева Н. А. Русская женщина: история и современность: Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
2. Пушкарева Н. А. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
3. Пушкарева Н. А. Частная жизнь русской женщины в XVIII веке. М.: Ломоносовъ, 2012. 203 с.
4. Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000. 175 с.
5. Захаров Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70–90-х гг. XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 205 с.
6. Гегелия Е. И. Средства массовой информации в процессе реализации политики гендерного равенства: дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. 170 с.
7. Ажгихина Н. И. Гендерные стереотипы в современном масс-медиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261–273.
8. Абилов А. А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 267 с.
9. Ахмедов Д. Н. Национальная печать Северного Кавказа 1917–1937 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 136 с.
10. Каймазаров Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 475 с.
11. Мирзабеков М. Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Бари, 1998. 306 с.
12. Мирзабеков М. Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.). Махачкала: [б. и.], 2010. 353 с.
13. Мирзабеков М. Я. Возрастание роли средств массовой информации в борьбе за подъем культуры села в 1959–1970 гг. (По материалам ДАССР) // Рост трудовой и общественной активности рабочего класса и колхозного крестьянства Дагестана в 1946–1975 гг. ИНИОН АН СССР. 1984. № 18933.
14. Мирзабеков М. Я. Вопросы патриотического воспитания населения в деятельности средств массовой информации Дагестана (1941–1945 гг.) // Годы суровых испытаний и народного подвига / отв. ред. Г. Ш. Каймазаров Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1995. С. 148–159.
15. Мирзабеков М. Я. Трансформация общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 34–43. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43>
16. Богатырова Л. А. Культурное развитие Дагестана в 20-е годы XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 166 с.
17. Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. М.: Наука, 1975. 303 с.
18. Османов А. И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане, 1921–1925 гг. М.: Наука, 1978. 214 с.
19. Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Кн. 2: Общественно-политическая жизнь и социальнокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: Динэм, 2007. 622 с.

¹⁵ Алиева З. На культурном фронте // Красный Дагестан. 20.02.1930.

20. Карпов Ю. Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 400 с.
21. История Дагестана. Т. 3: 1917–1945 / гл. ред. Г. Д. Даниялов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. 427 с.
22. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2: История Дагестана в XX веке / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: Юпитер, 2005. 664 с.
23. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
24. Бернштейн С. Воспитанные при Сталине: комсомольцы и защита социализма. М.: РОССПЭН, 2018. 302 с.
25. Делалой М. Усы и юбка. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). М.: РОССПЭН, 2018. 375 с.
26. Мирзабеков М. Я., Аманбаева Е. С., Юнаева В. Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 384 с.
27. Магомедсалихов Х. Г., Пирмагомедов З. К. Разоружение горцев Дагестана (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 73–77.

original article

Women's Question in the Red Dagestan newspaper in the 1920s

Mirzabek Ya. Mirzabekov

Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Makhachkala; <https://publons.com/researcher/1939248/mirzaek-i-mirzabekov/>; yash831@mail.ru

Received 26 May 2021. Accepted after peer review 2 Jul 2021. Accepted 12 Jul 2021.

Abstract: Soviet experience in developing women's rights in the national regions can help the modern Russian state to build a democratic legal society. The present research featured the way the so-called women's question was reflected in regional media. It was based on the relevant publications made in The Red Dagestan in the 1920s. The study relied on the principle of historicism, as well as on comparative-historical, descriptive, statistical, and systematic methods. The author focused on the regional features of the issue. A comprehensive analysis of the publications strengthened the positive trends in ensuring gender equality in Dagestan. However, by the end of the 1920s, this socio-political and socio-cultural problem remained unresolved. The authority and opinion of the male population continued to play the main role in Dagestan and other Muslim regions of the Soviet Union.

Keywords: Dagestan, Dagestani women, position of a woman, gender equality, education, culture

Citation: Mirzabekov M. Ya. Women's Question in the Red Dagestan newspaper in the 1920s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 645–651. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-645-651>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Pushkareva N. L. *Russian woman: history and modernity: Two centuries of study of the "female topic" in Russian and foreign science, 1800–2000*. Moscow: Ladomir, 2002, 526. (In Russ.)
2. Pushkareva N. L. *Gender theory and historical knowledge*. St. Petersburg: Aleteia, 2007, 495. (In Russ.)
3. Pushkareva N. L. *The private life of a Russian woman of the XVIII century*. Moscow: Lomonosov, 2012, 203. (In Russ.)
4. Goriaeva T. M. *Radio of Russia. Political control of Soviet radio broadcasting in the 1920s–1930s. Documented history*. Moscow: ROSSPEN, 2000, 175. (In Russ.)
5. Zakharov D. V. *Transformation of the image of a woman in the mass media of Russia in the 70–90s of the XX century on the examples of the magazines "Worker", "Peasant", "Cosmopolitan"*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2004, 205. (In Russ.)
6. Gegeliia E. I. *Mass media in the process of implementing the policy of gender equality*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2001, 170. (In Russ.)
7. Azhgikhina N. I. Gender stereotypes in the modern mass media. *Gendernye issledovaniia*, 2000, (5): 261–273. (In Russ.)

8. Abilov A. A. *Essays of the Soviet culture of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1959, 267. (In Russ.)
9. Akhmedov D. N. *The National Press of the North Caucasus 1917–1937*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1989, 136. (In Russ.)
10. Kaimarazov G. Sh. *Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1971, 475. (In Russ.)
11. Mirzabekov M. Ya. *The culture of the Dagestan village. XX century: history and problems*. Makhachkala: Bari, 1998, 306. (In Russ.)
12. Mirzabekov M. Ya. *Modernization processes in the culture of the peoples of Dagestan (1890-s–1930s)*. Makhachkala, 2010, 353. (In Russ.)
13. Mirzabekov M. Ya. The increasing role of the mass media in the struggle for the rise of rural culture in 1959–1970. (Based on the materials of the DASSR). *The growth of labor and social activity of the working class and the collective farm peasantry of Dagestan in 1946–1975*. INION of the USSR Academy of Sciences, 1984, no. 18933. (In Russ.)
14. Mirzabekov M. Ya. Issues of patriotic education of the population in the activities of the mass media of Dagestan (1941–1945). *Years of severe trials and national heroism*, ed. Kaimarazov G. Sh. Makhachkala: Dagestanskii nauchnyi tsentr RAN, 1995, 148–159. (In Russ.)
15. Mirzabekov M. Ya. Transformation of the social and family status of Dagestani woman in the 1920s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 34–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43>
16. Bogatyrova L. A. *Cultural development of Dagestan in the 1920s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2009, 166. (In Russ.)
17. Daniialov G. D. *Building socialism in Dagestan 1921–1940*. Moscow: Nauka, 1975, 303. (In Russ.)
18. Osmanov A. I. *Implementation of the new economic policy in Dagestan, 1921–1925*. Moscow: Nauka, 1978, 214. (In Russ.)
19. Osmanov A. I. *Dagestan in the twentieth century: the historical experience of regional development. Book 2: Social and political life and social and cultural development of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: DINEM, 2007, 622. (In Russ.)
20. Karpov Yu. Yu. *The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 1920s–1930s: the evolution of problems and solutions*. St. Petersburg: Petersburgskoe vostokovedenie, 2017, 400. (In Russ.)
21. *The history of Dagestan. Vol. 3: 1917–1945*, ed. Daniialov G. D. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1968, 427. (In Russ.)
22. *History of Dagestan from ancient times to the present day. Vol. 2: The history of Dagestan in the XX century*, ed. Osmanov A. I. Makhachkala: Iupiter, 2005, 664. (In Russ.)
23. The history of centuries-old mutual relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. *To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia*, ed. Osmanov A. I. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2009, 752. (In Russ.)
24. Bernstein S. *Raised under Stalin: young communists and the defense of socialism*. Moscow: ROSSPEN, 2018, 302. (In Russ.)
25. Delaloy M. *Mustache and skirt. Gender relations within the Kremlin circle in the Stalin era (1928–1953)*. Moscow: ROSSPEN, 2018, 375. (In Russ.)
26. Mirzabekov M. Ya., Ananyeva E. S., Yunaeva V. D. *Urban culture of Dagestan in the XX century*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2007, 384. (In Russ.)
27. Magomedsalikhov Kh. G., Pirmagomedov Z. K. Disarmament of Dagestan highlanders (the second half of XIX – the beginning of XX century). *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2010, (5): 73–77. (In Russ.)

оригинальная статья

Практики осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности

Ольга Олеговна Андронникова

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, г. Новосибирск; <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>; andronnikova_69@mail.ru

Екатерина Владимировна Ветерок

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, г. Новосибирск; <http://orcid.org/0000-0003-4303-1985>

Поступила в редакцию 16.07.2021. Принята после рецензирования 27.09.2021. Принята в печать 27.09.2021.

Аннотация: Приведены данные исследования роли практик осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности. Цель – выявить роль практик осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности. Гипотеза заключается в предположении, что использование практик осознанности, таких как дыхательные упражнения, медитация, прогрессивная релаксация, ведение дневника, визуализация, будет способствовать развитию рефлексивности у виктимной личности, приобретению навыков личной и социальной ответственности. Для изучения особенностей рефлексивности у виктимной личности на констатирующем и контрольном этапах исследования использовался следующий психодиагностический инструментарий: Методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова), Методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева). В исследовании (N=208) приняли участие респонденты в возрасте от 18 до 23 лет: 145 девушек и 63 юноши. Были выделены 52 испытуемых с виктимностью, распределенных на экспериментальную (N=25) и контрольную (N=27) группы. Формирующий этап эксперимента был направлен на реализацию тренинга, посвященного развитию рефлексивности у виктимной личности с помощью практик осознанности, реализованных в групповой форме, еженедельно в течение шести месяцев. На основании сравнения полученных результатов (U-критерия Манна-Уитни, T-критерий Вилкоксона) сделан вывод, что практика осознанности позволяет дифференцировать внутренний мир субъекта и способствует осознанному функционированию в социуме во временном континууме. Использование практик осознанности способствует развитию рефлексивности у виктимной личности и приводит к снижению виктимизации по шкалам самоповреждающего поведения ($p=0,045$) и склонности к агрессивному поведению ($p=0,033$).

Ключевые слова: виктимное поведение, технология осознанности, рефлексия, тренинг, снижение виктимизации

Цитирование: Андронникова О. О., Ветерок Е. В. Практики осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 652–660. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-652-660>

Введение

Доминирование в актуальной социальной реальности кризисных процессов, вызванных вариативностью общественных изменений, выраженным информационным напряжением, значительным снижением психологического благополучия, детерминирует поиск адаптивных и дезадаптивных механизмов, что может проявляться в формировании стратегии виктимного личностного реагирования. Данная стратегия предполагает реализацию дезадаптивного стереотипа поведения субъекта, который представляет угрозу для его психологического и физического здоровья. Особенное внимание в науке и социальной практике уделяется специфике возникновения и проявления дезадаптивных форм виктимности в подростковом и юношеском возрасте.

Юношеский и подростковый период, по мнению ряда авторов [1–3], выступает виктимогенным, что связано как с актуальными задачами возраста, так и со сложившейся социальной ситуацией, детерминирующей повышение

тревоги, неопределенности, изменение привычных процессов социального функционирования в целом и обучения в частности. Естественный для задач юношеского возраста мировоззренческий поиск при нарушении процессов рефлексивного осмысления может вызывать противоречивые тенденции, усиливая виктимизацию [4]. Развитая личностная рефлексия в юношеском возрасте может привести к формированию целостности Я, однако при наличии первичной виктимизации и отсутствии социальной поддержки происходит закрепление виктимной личностной структуры как устойчивого набора черт [5]. Таким образом, возникает необходимость поиска средств, доступных для юношеского возраста и направленных на актуализацию процесса рефлексии, позволяющего снизить виктимность, что и обусловило актуальность данного исследования, связанного с выявлением использования технологий осознанности в повышении рефлексивности виктимной личности.

Виктимная личность в зарубежной и отечественной науке: обзор исследований

В современной зарубежной психологии виктимная личность определяется как динамическое сочетание психологических параметров в преломлении субъективно переживаемой социальной действительности как потенциальной опасности [4; 6; 7]. Вопросам исследования виктимности личности, виктимного поведения и технологиям девиктимизации уделяется достаточно много внимания как в отечественной, так и зарубежной психологии [2; 7; 8]. В исследовании L. Owens и др. [5] показано, что виктимная личность характеризуется искаженным когнитивным восприятием, трансформирующим значение ее внутреннего опыта и обуславливающим специфику ее эмоционально-ценностного реагирования. Среди распространенных когнитивных искажений, свойственных виктимной личности, авторы отметили эгоцентризм, обвинение других, минимизацию последствий и пессимизм.

В работе E. Asquah и др. [3] выявлены такие особенности виктимной личности, как переживание социальной тревоги, а также социального и эмоционального одиночества. Одиночество было описано авторами как негативный опыт отсутствия желаемых межличностных отношений. Социальное одиночество рассматривается как отсутствие социальных связей, в то время как эмоциональное одиночество представляет собой недостаток близкой привязанности к другому человеку. Социальная тревога понимается как сочетание страха, опасения и беспокойства, связанных с другими людьми. Результаты исследования показали, что социальное одиночество, эмоциональное одиночество и социальная тревога в значительной степени присущи виктимной личности. При этом отсутствие социального благополучия является ведущим фактором виктимизации. S. G. A. van de Weijer и E. R. Leukfeldt [8] рассматривают личностные качества жертв в контексте киберпреступлений. Авторы отмечают такие качества виктимной личности, как эмоциональная неустойчивость, низкая сознательность. Оценка влияния личностных качеств жертв на виктимизацию в социальной сети представлена в работе K. van der Schuff и др. [7]. В своем исследовании авторы отмечают сочетание экстраверсии, низкой сознательности и рефлексивности как значительно повышающих риск виктимизации.

В отечественной науке виктимная личность рассматривается как способ организации личности, детерминирующий искажение социальных ролей в сторону позиции жертвы [9]. Виктимность личности проявляется в виктимном поведении, специфичном в своей этиологии [1]. По М. А. Одинцовой [10], виктимная личность характеризуется психической разобщенностью, неспособностью нести ответственность за свои действия, несформированностью навыков межличностного взаимодействия. Е. С. Полищук [2], рассматривая специфику психологического благополучия виктимной личности, выделяет такие специфические характеристики, как демонстративность,

инфантильность, манипулятивность, зависимость, некритичность, беспомощность. Одним из ведущих проявлений виктимности является нарушение рефлексивных способностей, что предполагает неспособность к адекватному анализу социальной реальности и своего личностного потенциала.

Теоретико-методологические основания использования технологии осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности

Феномен рефлексивности достаточно подробно рассматривается в науках гуманитарного профиля как важный в регулировании жизни человека. Понятие рефлексии долгое время присутствовало как философская категория в трудах Э. Канта, Г. Гегеля, Дж. Локка, Э. Гусселя и др. Существует несколько подходов и, соответственно, определений психологического понимания рефлексивности и рефлексии. Такое многообразие базируется на разнице предметов содержания рефлексии как психологического явления [11]. Психологическое содержание феномена рефлексии А. С. Выгодский [по: 11], Д. А. Леонтьев и Е. Н. Осин [12] рассматривают в контексте проблем сознания. С. А. Рубенштейн [по: 13] изучает рефлекссию как категорию мышления. Его идеи в дальнейшем находят свое продолжение в исследованиях творческого мышления. А. В. Карпов [14] рассматривает рефлекссию как метаспособность, выполняющую регуляцию всей системы. Именно рефлексия одновременно выступает способом и механизмом изменения пределов психики и основой для формирования ее пластичности и адаптивности.

В рамках данного исследования механизмы рефлексии трактуются как механизмы переосмысления содержания сознания [15], позволяющие целостно воспринимать возникающую ситуацию, ее ценность и схему действия. Кроме того, нам близок подход, рассматривающий рефлекссию как ресурсную основу для контроля поведения [16] и деятельности, что приобретает особую важность в ситуации кризисного реагирования, часто свойственного виктимной личности. Отметим разницу в понимании рефлексии как процесса и рефлексивности как личностного свойства [14]. В этом контексте рефлексивность имеет степень выраженности и может быть исследована в рамках дифференциального подхода. Данный подход позволяет разграничивать позитивные и негативные эффекты рефлексивности.

А. О. Прохоров и А. В. Чернов [17] отмечают значимость исследования роли рефлексии в регуляторных процессах, направленных на оптимизацию состояния субъекта. Авторы исследуют влияние рефлексии на психические состояния студентов в повседневной и напряженной учебной деятельности, показывают ее регуляторные функции в оптимизации эмоционального состояния. Значение рефлексии в адаптационных процессах подтверждается исследованиями М. В. Григорьевой и др. [18].

На современном этапе развития психологической науки происходят выраженные изменения в механизмах понимания и переживания психического опыта индивида, акцент смещается на феномен осознанного присутствия как технологии развития рефлексивности личности. Из-за доказательств того, что практика осознанности может улучшить общее самочувствие и уменьшить хронический стресс, растет интерес к исследованиям, направленным на использование практики осознанности для коррекции виктимного поведения. В зарубежных источниках осознанность рассматривается как непредвзятое осознание настоящего момента [19; 20]. J. Weber и R. Taylor [21] анализируют осознанность как адаптивное состояние сознания, которое эффективно сокращает неадаптивные когнитивные схемы, связанные с восприятием себя в социальной реальности, в том числе снижает проявления виктимности личности. Осознанность, отмечают авторы, была разработана как форма терапии из медитативной техники, называемой Випассана. С. Aggs и M. Bambling [22] отмечают, что осознанность культивируется посредством медитативных практик, которые фокусируются на регуляции внимания (постоянное внимание к внутренним и внешним раздражителям, таким как запахи, звуки, чувства и эмоции), телесному осознанию и реагированию на внутренние переживания. Осознанность включает в себя практики медитации, визуализации, сфокусированное мышление, глубокое дыхание, связь с природой и художественное самовыражение, сканирование тела.

Фундаментальной частью осознанности является восприятие своих мыслей и эмоций наряду с физическими ощущениями и способность не судить их, а осознавать их и отпускать, позволяя появиться следующему чувству или ощущению. Этот процесс происходит на метакогнитивном уровне посредством интеграции знания, опыта и навыков. Такая практика со временем обеспечивает постоянный уровень внимания и помогает рассматривать мысли как отделенные от действительного Я. Неосуждающее отношение заставляет человека отрешиться от мыслей или эмоций, не позволяя им повлиять на него. Усиление практики осознанности приводит к снижению уровня тревоги, депрессии, гнева, диссоциации, алекситимии, трудностей в регуляции эмоций, избегании опыта и интенсивности психотических заблуждений. Также осознанность значительно помогает при расстройстве, связанных с дезадаптивным поведением.

S. Ramasubramanian [23] описывает осознанность как когнитивное осознание в настоящем опыте и состоянии, в котором человек может полностью осознавать множество окружающих его ситуаций. Автор отмечает, что благодаря практике осознанности накапливается потенциал для развития рефлексивности и навыки, помогающие справляться со стрессом. J. Higgins и R. Eden [24] рассматривают осознанность как неаффективное восприятие происходящего с индивидом в длительности моментов и как сохранение восприятия социальной и предметной действительности

на протяжении длительного времени, а это исключает погруженность в отвлеченные размышления и фантазии, приводящие к тревожности, неудовлетворенности и психологическому стрессу. Авторы считают, что осознанность способствует коррекции картины мира субъективными ощущениями, увеличивает интеграцию личности, в частности, в понимании и дифференциации эмоциональных, когнитивных и физических переживаний, а также связей между ними; осознанность способствует формированию представлений о благополучии и неблагополучии и позволяет субъектам выбирать в процессе развития то, что определяет их психологическое здоровье. В исследовании С. Aggs и M. Bambling [22] показано, как посредством осознанности смещается когнитивная и эмоциональная оценка ситуации, в результате чего она перестает восприниматься как угрожающая безопасности субъекта. Осознанность способствует увеличению положительных эмоций, что обуславливает реализацию творческого потенциала к исследованию и восприятию нового опыта, который может быть использован для решения проблем общения [25]. По мнению A. Ridderinkhof и др. [26], основанное на осознанности психологическое воздействие имеет потенциал для улучшения образовательных и психосоциальных результатов современной молодежи. Результаты исследования показали, что применение практик осознанности является механизмом позитивных академических изменений у студентов. По мнению авторов, технология осознанности способствует снижению психологического стресса, тревожности и депрессии, является эффективным механизмом саморегуляции и развития рефлексивности.

Таким образом, в научных источниках рефлексивность рассматривается как направленность познавательных процессов на особенности своих эмоциональных и поведенческих реакций, что способствует их осознанию и конструктивной трансформации [13; 27]. Рефлексивность представляет собой осознание индивидом себя и окружающей его реальности, что позволяет обеспечивать регуляцию деятельности [28]. Также рефлексивность определяется как интегративное личностное качество, структурная организация которого различается с учетом ее уровня и специфики связей между ее составляющими [11]. Рефлексивность детерминирует интенсивность становления внутреннего опыта, позволяя индивиду переоценить содержание деятельности.

В свою очередь, несформированность рефлексивности у виктимной личности препятствует осознанному функционированию в социуме на основе индивидуальных когнитивно-эмоциональных возможностей. Поскольку виктимной личности свойственно проявление выше перечисленных негативных эмоциональных состояний, использование технологии осознанности в работе с данной категорией лиц представляется перспективным и позволит развить способности к адекватному анализу социальной реальности и своего личностного потенциала, снижая

виктимность. Особенно выражена данная проблема в подростковом и юношеском возрасте, который, по нашему мнению, выступает неспецифической детерминантой возникновения виктимного поведения [1].

На основании данных положений сформулирована цель исследования – выявить роль практик осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности. Основная гипотеза представленного исследования основана на предположении, что использование практик осознанности (дыхательные упражнения, медитация, прогрессивная релаксация, ведение дневника, визуализация) будет способствовать развитию рефлексивности у виктимной личности, приобретению навыков личной и социальной ответственности.

Программа исследования

В соответствии с целью исследования была разработана программа исследования, в рамках которой изучалась эффективность использования практик осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности. Выборка определена исходя из понимания высокой уязвимости юношеского и подросткового возраста в демонстрации виктимного поведения.

Выборка. В качестве респондентов выступили 208 студентов Новосибирского государственного педагогического университета: 145 женского пола и 63 мужского. Возраст респондентов варьировался от 18 до 23 лет.

Методики. Для изучения особенностей рефлексивности виктимной личности на констатирующем и контрольном этапах исследования использовался следующий психодиагностический инструментарий: Методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова) [1], Методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева) [29].

Констатирующий этап исследования был направлен на выявление виктимности личности и специфики рефлексивности при разных типах виктимного поведения. Формирующий этап эксперимента был направлен на реализацию практик осознанности в групповом тренинговом формате. Структура данного тренинга включала в себя три основных этапа: подготовительный, основной и завершающий. На подготовительном этапе осуществлялись следующие задачи: знакомство, повышение мотивации участников, снятие психического напряжения, установление первичного доверия. Основной этап включал в себя упражнения, направленные непосредственно на повышение осознанности, в частности, дыхательные упражнения, медитация, релаксация, ведение дневника и визуализация. На завершающем этапе осуществлялись упражнения, посредством которых происходила интеграция нового психического опыта участников. Данный тренинг реализовывался на протяжении шести месяцев два раза в неделю по 2 часа. Всего 25 занятий. Участие в тренинге было добровольным и основывалось на желании самопознания.

Анализ результатов исследования

По результатам первичной диагностики из 208 человек были выбраны 52 испытуемых (25 %), склонных к виктимному поведению. Показатели испытуемых по методике исследования склонности к виктимному поведению соответствуют 8–10 стенам, это свидетельствует о выраженной предрасположенности респондентов к виктимным действиям, представляющим угрозу для их собственной безопасности. 17 % испытуемых показали виктимность ниже нормативного уровня, что означает их хорошую адаптацию и шанс стать жертвой только в ситуациях, которые невозможно предсказать или предотвратить. Характеристика выбранной группы (52 человека) по различным типам виктимного поведения позволяет сделать вывод, что существует равномерное распределение испытуемых по типологическим предпочтениям с максимальной выраженностью склонности к некритическому поведению (24,6 % испытуемых) и склонности к зависимому и беспомощному поведению (19,7 % испытуемых). У 71 % испытуемых повышен уровень по шкале реализованной виктимности, значит, испытуемые уже попадали в ситуации насилия и агрессии в результате собственной беспомощности или низкой критичности. Наблюдение за данными испытуемыми позволило выявить некоторые нарушения в организации их функциональных отношений и социальной адаптации, однако более подробно исследование их личности не проводилось.

На следующем этапе респонденты были обследованы с помощью методики определения индивидуальной меры рефлексивности. Интегративный показатель рефлексивности испытуемых составил 89,3 балла, что соответствует низкому уровню рефлексивности. Полученные данные позволяют охарактеризовать респондентов как неспособных к адекватной оценке своего поведения, не осознающих причины и последствия своих действий, в том числе в ситуациях социального взаимодействия. Сравнение рефлексивности с типологическим распределением выраженности виктимного поведения позволяет сделать вывод, что максимально выраженный уровень рефлексивности (4 стена) – у испытуемых с самоповреждающим поведением. Наиболее низкий – у испытуемых с некритичным виктимным поведением (2 стена). Полученные данные согласуются с исследованием L. Owens и др. [5], которое продемонстрировало, что виктимная личность характеризуется недостаточным осознанием последствий своих поступков. Также эмпирические данные аналогичны исследованию Е. Asquah и др. [3], которые выявили, что виктимная личность испытывает значительные трудности в ситуациях социального контакта.

В дальнейшем испытуемые с виктимностью были разбиты на две группы: экспериментальную (ЭГ) (25 человек) и контрольную (КГ) (27 человека) группы. Посредством U-критерия Манна-Уитни было подтверждено отсутствие достоверно значимых различий между ЭГ и КГ на констатирующем этапе эксперимента ($p \geq 0,05$). Респонденты ЭГ

участвовали в практиках осознанности в рамках групповых занятий, включающих в себя дыхательные упражнения, медитацию, релаксацию, ведение дневника и визуализацию на протяжении шести месяцев. Через шесть месяцев была проведена повторная диагностика ЭГ и КГ. Результаты расчета U-критерия Манна-Уитни на контрольном этапе эксперимента представлены в табл. 1.

Для оценки эффективности тренинга осознанности использовался T-критерий Вилкоксона. Результаты расчета данного критерия в КГ не показали достоверно значимых различий на констатирующем и контрольном этапах эксперимента ($p \geq 0,05$), расчеты для ЭГ представлены в табл. 2.

Табл. 1. Результаты расчета U-критерия Манна-Уитни на контрольном этапе эксперимента

Tab. 1. Mann-Whitney U-test at the control stage of the experiment

Переменные	Сумма рангов		Эмпирическое значение критерия	p
	КГ	ЭГ		
Ретроспективная рефлексия деятельности	89,0	134,0	12,0	0,024
Рефлексия настоящей деятельности	69,0	99,0	15,0	0,035
Рассмотрение будущей деятельности	70,0	103,0	13,0	0,038
Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	100,5	109,5	45,5	0,732
Интегративный показатель рефлексивности	95,5	160,5	18,5	0,043

Табл. 2. Результаты расчета T-критерия Вилкоксона для ЭГ

Tab. 2. Wilcoxon T-test for the experimental group

Переменные	Эмпирическое значение критерия	p
Ретроспективная рефлексия деятельности	4,0	0,041
Рефлексия настоящей деятельности	2,0	0,027
Рассмотрение будущей деятельности	3,0	0,035
Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	11,0	0,326
Интегративный показатель рефлексивности	2,0	0,027

Обсуждение результатов исследования

По результатам применения методов математической статистики была выявлена эффективность использования практик осознанности в работе с виктимной личностью по четырем шкалам рефлексивности ($p \leq 0,05$, U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Вилкоксона). Это свидетельствует о том, что практика осознанности позволяет дифференцировать внутренний мир субъекта и способствует осознанному функционированию в социуме во временном континууме. Полученные эмпирические данные аналогичны результатам J. Weber и R. Taylor [21], которые рассматривают технику осознанности как средство коррекции неадаптивных когнитивных схем, в том числе рефлексивных. Не обнаружено достоверно значимых различий по шкале *рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми*. Полученные данные можно объяснить тем, что осознание своей ролевой позиции в процессе межличностного взаимодействия является более сложным процессом по сравнению с анализом своих действий вне социальной ситуации.

Повторное тестирование испытуемых ЭГ по методике исследования склонности к виктимному поведению показало достоверное снижение (U-критерий Манна-Уитни) проявлений высокого уровня виктимного поведения по шкалам самоповреждающего поведения ($p = 0,045$) и склонности к агрессивному поведению ($p = 0,033$). Однако по другим шкалам виктимного поведения достоверных различий не наблюдалось. Это может быть объяснено тем, что, согласно исследованиям С. Aggs и М. Bambling [22], применение созерцательных практик способствует хорошему самочувствию, стимулирует положительные эмоции и снижает связанные со стрессом симптомы: беспокойство, боль, депрессию, неадаптивные модели поведения. По мнению авторов, осознанность играет ведущую роль в развитии уровня личностного потенциала, который становится частью сложной социальной группы. Не нашло объяснения отсутствие достоверной результативности изменения по шкале некретического поведения. Возможно, это связано с необходимостью применения других технологий, направленных на повышение ответственности личности, и требует дополнительного изучения.

Полученные положительные результаты объясняются тем, что фиксация на текущих впечатлениях позволяет индивиду сконцентрировать свое внимание на внутренних ощущениях, что способствует развитию рефлексивности, которая нарушена у виктимной личности с определенными типами поведенческих реакций в связи с искажением когнитивных установок и эмоциональных реакций. В частности, известно: виктимная личность характеризуется психической разобщенностью, неспособностью к адекватному ретроспективному анализу и планированию своей деятельности [10; 18]. В связи с этим практика осознанности позволяет расширить интегративные процессы, дифференцировать эмоциональные, когнитивные и физические переживания, а также понять связи между ними. Кроме того, осознанность

способствует формированию представлений о благополучии и неблагополучии и позволяет виктимной личности принимать решения, определяющие сохранение психологического здоровья [24]. Следовательно, применение практик осознанности (дыхательные упражнения, медитация, релаксация, ведение дневника и визуализация) позволяет повысить уровень рефлексивности у виктимной личности за счет развития таких способностей, как ретроспективная рефлексия деятельности, рефлексия настоящей деятельности, рассмотрение будущей деятельности. Развитие данных способностей позволяет виктимной личности посредством осознания себя и своих действий сместить акцент ответственности за свою жизнь с других на себя, что выступает показателем психологического здоровья.

Заключение

Данное исследование предварительно доказывает, что использование практик осознанности в работе с виктимной личностью будет эффективным в отношении рефлексивных способностей лиц данной категории и в дальнейшем позволит трансформировать стратегии виктимного

личностного реагирования на основе их когнитивного адекватного анализа. В процессе эмпирического исследования подтверждена гипотеза исследования: использование практик осознанности (дыхательные упражнения, медитация, прогрессивная релаксация, ведение дневника, визуализация) будет способствовать развитию рефлексивности у виктимной личности. Ограничениями данного эксперимента являются незначительный объем ЭГ, недостаточная социально-психологическая характеристика испытуемых и истории их виктимизации, что определяет перспективы дополнительных исследований. В качестве расширения возможностей мы видим распространение использования практик осознанности на разных возрастных группах испытуемых.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Андронникова О. О. Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактика. Новосибирск: НОУ ВПО НГИ, 2005. 300 с.
2. Полищук Е. С. Психологическое благополучие студенческой молодежи с разным уровнем ролевой виктимности // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 1. С. 35–44. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080104>
3. Acquah E. O., Topalli P. Z., Wilson M. L., Junttila N., Niemi P. M. Adolescent loneliness and social anxiety as predictors of bullying victimization // International Journal of Adolescence and Youth. 2016. Vol. 21. № 3. P. 320–331. <https://doi.org/10.1080/02673843.2015.1083449>
4. Kokkinos C. M., Panagopoulou P., Tsolakidou I., Tzeliou E. Coping with bullying and victimisation among preadolescents: the moderating effects of self-efficacy // Emotional and Behavioural Difficulties. 2015. Vol. 20. № 2. P. 205–222. <https://doi.org/10.1080/13632752.2014.955677>
5. Owens L., Skrzypiec G., Wadham B. Thinking patterns, victimisation and bullying among adolescents in a South Australian metropolitan secondary school // International Journal of Adolescence and Youth. 2014. Vol. 19. № 2. P. 190–202. <https://doi.org/10.1080/02673843.2012.719828>
6. Goldsmit S., Howie P. Mediating and moderating role of attributional style in the association between victimisation and wellbeing // Emotional and Behavioural Difficulties. 2013. Vol. 18. № 4. P. 423–434. <https://doi.org/10.1080/13632752.2013.803682>
7. Schyff K. van der, Flowerday S., Lowry P. B. Information privacy behavior in the use of Facebook apps: a personality-based vulnerability assessment // Heliyon. 2020. Vol. 6. № 8. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04714>
8. Weijer S. G. A. van de, Leukfeldt E. R. Big five personality traits of cybercrime victims // Cyberpsychology, behavior and social networking. 2017. Vol. 20. № 7. P. 407–412. <https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0028>
9. Ветерок Е. В., Перевозкина Ю. М., Андронникова О. О. Ролевые виктимные характеристики мужчин и женщин с разным профилем функциональной асимметрии мозга // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. Т. 6. № 5. С. 88–101. <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1605.06>
10. Одинова М. А. Проблема виктимного личностного типа в психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 73–79.
11. Ожиганова Г. В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24. № 4. С. 56–60.
12. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.

13. Никонов Г. А., Егорова Т. Е. Соотношение уровня рефлексивности и психологической дифференцированности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 50–55.
14. Карпов А. В. Метакогнитивные детерминанты психического выгорания в профессиональной деятельности // Перспективы науки и образования. 2019. № 6. С. 322–337. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.27>
15. Семенов И. Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 22–39.
16. Сергиенко Е. А. Становление контроля поведения с позиций системно-субъектного подхода // Психология саморегуляции в XXI веке / под ред. В. И. Моросановой. М.-СПб.: Нестор-История, 2011. С. 188–203.
17. Прохоров А. О., Чернов А. В. Влияние рефлексии на психические состояния студентов в процессе учебной деятельности // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 2. С. 82–93.
18. Григорьева М. В., Шамионов Р. М., Голубева Н. М. Роль рефлексии в адаптационном процессе студентов к условиям обучения в вузе // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 5. С. 23–30. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220503>
19. Cladder-Micus M. B., Aalderen J. van, Donders A. R. T., Spijker J., Vrijzen J. N., Speckens A. E. M. Cognitive reactivity as outcome and working mechanism of mindfulness-based cognitive therapy for recurrently depressed patients in remission // Cognition and Emotion. 2018. Vol. 32. № 2. P. 371–378. <https://doi.org/10.1080/02699931.2017.1285753>
20. Dundas I., Thorsheim T., Hjeltne A., Binder P. E. Mindfulness based stress reduction for academic evaluation anxiety: a naturalistic longitudinal study // Journal of College Student Psychotherapy. 2016. Vol. 30. № 2. P. 114–131. <https://doi.org/10.1080/87568225.2016.1140988>
21. Weber J., Taylor R. Can a leopard change its spots? An investigation of mindfulness in relation to brain plasticity // Person-Centered & Experiential Psychotherapies. 2016. Vol. 15. № 3. P. 221–234. <https://doi.org/10.1080/14779757.2016.1183512>
22. Aggs C., Bambling M. Teaching mindfulness to psychotherapists in clinical practice: The Mindful Therapy Programme // Counselling and Psychotherapy Research. 2010. Vol. 10. № 4. P. 278–286. <https://doi.org/10.1080/14733145.2010.485690>
23. Ramasubramanian S. Mindfulness, stress coping and everyday resilience among emerging youth in a university setting: a mixed methods approach // International Journal of Adolescence and Youth. 2017. Vol. 22. № 3. P. 308–321. <https://doi.org/10.1080/02673843.2016.1175361>
24. Higgins J., Eden R. Emerging understandings of mindfulness through experiential awareness // Learning: Research and Practice. 2018. Vol. 4. № 1. P. 102–111. <https://doi.org/10.1080/23735082.2018.1428144>
25. Frias C. M. de, Whyne E. Stress on health-related quality of life in older adults: the protective nature of mindfulness // Aging & Mental Health. 2015. Vol. 19. № 3. P. 201–206. <https://doi.org/10.1080/13607863.2014.924090>
26. Ridderinkhof A., Bruin E. I. de, Brummelman E., Bögels S. M. Does mindfulness meditation increase empathy? An experiment // Self and Identity. 2017. Vol. 16. № 3. P. 251–269. <https://doi.org/10.1080/15298868.2016.1269667>
27. Шучковская Е. С. Рефлексивность и ее исследование у студентов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 4-1. С. 53–58.
28. Тучина О. Р. Самоинтерпретация и рефлексивность // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/samointerpretatsiya-i-refleksivnost> (дата обращения: 10.07.2021).
29. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. М.-Ярославль: Диа-пресс, 2000. 283 с.

original article

Mindfulness Techniques as a Means of Developing Reflexivity in Patients with Victim Mentality

Olga O. Andronnikova

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk;
<https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>;
andronnikova_69@mail.ru

Ekaterina V. Veterok

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk;
<http://orcid.org/0000-0003-4303-1985>

Received 16 Jul 2021. Accepted after peer review 27 Sep 2021. Accepted for publication 27 Sep 2021.

Abstract: The present research featured the effect of mindfulness-based techniques on the development of reflexivity in patients with victim mentality. Mindfulness techniques include such practices as breathing exercises, meditation, progressive relaxation, journaling, visualization, etc. They are believed to develop reflexivity, as well as various useful personal and social responsibility skills. The study was based on O. O. Andronnikova's methods for studying the victim behavior and the methods for determining reflexivity level by A. V. Karpov and V. V. Ponomarev. The survey (N=208) involved respondents aged 18–23 (145 women, 63 men). Tests revealed 52 subjects with victim mindset. They were divided into experimental (N=25) and control (N=27) groups. The participants attended group sessions of mindfulness-based practices once a week for six months. Based on the results of Mann-Whitney U-criterion and the Wilcoxon signed-rank test, the therapy proved efficient in differentiating the inner world of the participants and improving their conscious functioning in society in the time continuum. The mindfulness techniques promoted the development of reflexivity in patients with victim mentality and decreased self-harming behavior ($p=0.045$) and aggression ($p=0.033$).

Keywords: victim behavior, mindfulness techniques, reflection, training, reduction of victimization

Citation: Andronnikova O. O., Veterok E. V. Mindfulness Techniques as a Means of Developing Reflexivity in Patients with Victim Mentality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 652–660. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-652-660>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Andronnikova O. O. *Victim behavior of adolescents: factors and prevention*. Novosibirsk: NOU VPO NGI, 2005, 300. (In Russ.)
2. Polishchuk E. S. Psychological well-being of students with different levels of role victimization. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2016, 8(1): 35–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080104>
3. Acquah E. O., Topalli P. Z., Wilson M. L., Junttila N., Niemi P. M. Adolescent loneliness and social anxiety as predictors of bullying victimization. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2016, 21 (3): 320–331. <https://doi.org/10.1080/02673843.2015.1083449>
4. Kokkinos C. M., Panagopoulou P., Tsolakidou I., Tzeliou E. Coping with bullying and victimisation among preadolescents: the moderating effects of self-efficacy. *Emotional and Behavioural Difficulties*, 2015, 20(2): 205–222. <https://doi.org/10.1080/13632752.2014.955677>
5. Owens L., Skrzypiec G., Wadham B. Thinking patterns, victimisation and bullying among adolescents in a South Australian metropolitan secondary school. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2014, 19(2): 190–202. <https://doi.org/10.1080/02673843.2012.719828>
6. Goldsmid S., Howie P. Mediating and moderating role of attributional style in the association between victimisation and wellbeing. *Emotional and Behavioural Difficulties*, 2013, 18(4): 423–434. <https://doi.org/10.1080/13632752.2013.803682>
7. Schyff K. van der, Flowerday S., Lowry P. B. Information privacy behavior in the use of Facebook apps: a personality-based vulnerability assessment. *Heliyon*, 2020, 6(8). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04714>
8. Weijer S. G. A. van de, Leukfeldt E. R. Big five personality traits of cybercrime victims. *Cyberpsychology, behavior and social networking*, 2017, 20(7): 407–412. <https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0028>

9. Veterok E. V., Perevozkina Y. M., Andronnikova O. O. Characteristics of victim roles among men and women with various brain lateralization. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, 6(5): 88–101. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1605.06>
10. Odintsova M. A. Problem of a victim personality type in psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, 14(2): 73–79. (In Russ.)
11. Ozhiganova G. V. Reflection, reflexivity and higher reflexive abilities: research approaches. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, 24(4): 56–60. (In Russ.)
12. Leontiev D. A., Osin E. N. "Good" and "bad" reflection: from an explanatory model to differential assessment. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014, 11(4): 110–135. (In Russ.)
13. Nikonov G. A., Egorova T. E. The ratio of reflexivity level and psychological differentiation. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (1): 50–55. (In Russ.)
14. Karpov A. V. Metacognitive determinants of mental burnout in professional activity. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2019, (6): 322–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.27>
15. Semenov I. N. The reflexivity of self-observation and personology of introspection: to ontology and methodology of reflexive psychology of personality. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 2015, (3): 22–39. (In Russ.)
16. Sergienko E. A. Formation of behavior control from the standpoint of the system-subjective approach. *Psychology of self-regulation in the XXI century*, ed. Morosanova V. I. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 188–203. (In Russ.)
17. Prokhorov A. O., Chernov A. V. The influence of reflection on mental states of students during the educational activity. *Experimental Psychology (Russia)*, 2014, 7(2): 82–93. (In Russ.)
18. Grigoryeva M. V., Shamionov R. M., Golubeva N. M. Role of self-reflection in the process of student adaptation to university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2017, 22(5): 23–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2017220503>
19. Cladder-Micus M. B., Aalderen J. van, Donders A. R. T., Spijker J., Vrijzen J. N., Speckens A. E. M. Cognitive reactivity as outcome and working mechanism of mindfulness-based cognitive therapy for recurrently depressed patients in remission. *Cognition and Emotion*, 2018, 32(2): 371–378. <https://doi.org/10.1080/02699931.2017.1285753>
20. Dundas I., Thorsheim T., Hjeltnes A., Binder P. E. Mindfulness based stress reduction for academic evaluation anxiety: a naturalistic longitudinal study. *Journal of College Student Psychotherapy*, 2016, 30(2): 114–131. <https://doi.org/10.1080/087568225.2016.1140988>
21. Weber J., Taylor R. Can a leopard change its spots? An investigation of mindfulness in relation to brain plasticity. *Person-Centered & Experiential Psychotherapies*, 2016, 15(3): 221–234. <https://doi.org/10.1080/14779757.2016.1183512>
22. Aggs C., Bambling M. Teaching mindfulness to psychotherapists in clinical practice: The Mindful Therapy Programme. *Counselling and Psychotherapy Research*, 2010, 10(4): 278–286. <https://doi.org/10.1080/14733145.2010.485690>
23. Ramasubramanian S. Mindfulness, stress coping and everyday resilience among emerging youth in a university setting: a mixed methods approach. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2017, 22(3): 308–321. <https://doi.org/10.1080/02673843.2016.1175361>
24. Higgins J., Eden R. Emerging understandings of mindfulness through experiential awareness. *Learning: Research and Practice*, 2018, 4(1): 102–111. <https://doi.org/10.1080/23735082.2018.1428144>
25. Frias C. M. de, Whyne E. Stress on health-related quality of life in older adults: the protective nature of mindfulness. *Aging & Mental Health*, 2015, 19(3): 201–206. <https://doi.org/10.1080/13607863.2014.924090>
26. Ridderinkhof A., Bruin E. I. de, Brummelman E., Bögels S. M. Does mindfulness meditation increase empathy? *An experiment. Self and Identity*, 2017, 16(3): 251–269. <https://doi.org/10.1080/15298868.2016.1269667>
27. Shuchkovskaya E. S. Reflexivity and its study in students. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2008, (4-1): 53–58. (In Russ.)
28. Tuchina O. R. Self-construals and reflexivity. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 2012, (5). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samointerpretatsiya-i-refleksivnost> (accessed 10.07.2021). (In Russ.)
29. Karpov A. V., Ponomareva V. V. *The psychology of reflexive control mechanisms*. Moscow-Yaroslavl: Dia-press, 2000, 283. (In Russ.)

оригинальная статья

Актуальные проблемы в сфере психологического здоровья студенчества: вызов пандемии COVID-19

Олеся Владимировна Волкова

Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, г. Красноярск;
<https://orcid.org/0000-0002-6352-021X>; ms.olesyavolkova@mail.ru

Ольга Алексеевна Цветкова

Омский государственный технический университет, Россия,
г. Омск; <https://orcid.org/0000-0001-5985-3006>

Анастасия Юрьевна Шадрина

Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, г. Красноярск;
<https://orcid.org/0000-0002-6210-6375>

Алёна Вячеславовна Рупека

Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, г. Красноярск;
<https://orcid.org/0000-0002-6707-6507>

Поступила в редакцию 16.04.2021. Принята после рецензирования 20.07.2021. Принята в печать 26.07.2021.

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем, обнаруженных в сфере психологического здоровья студентов, в условиях пандемии COVID-19. Ситуация пандемии приобрела характер фрустрирующей и депривационной в отношении ряда значимых для юношеского возраста потребностей, нарушая привычные поведенческие схемы самореализации и самоосуществления. Пандемия (в частности, самоизоляция и дистанционное обучение) способствовала возникновению непрогнозируемой нагрузки на личностные ресурсы и ресурсы здоровья студентов, привела к риску возникновения ипохондрического типа реагирования в ситуации пандемии, а также различных форм дезадаптивного и аддиктивного поведения. Обозначенные нарушения, в свою очередь, обусловили снижение эмоционального фона, внесли коррективы в мотивационную сферу, ограничили способность к самоконтролю и самоорганизации, создавая предпосылки к возникновению и формированию состояния выученной беспомощности студентов. Выученная беспомощность и уход в аддиктивное поведение являются одними из наиболее деструктивных реакций на стресс. В результате проведенного исследования сделан вывод о целесообразности разработки программы психологического сопровождения студентов, направленной на решение проблем в сфере психологического здоровья студентов, возникших под воздействием условий пандемии COVID-19.

Ключевые слова: фрустрация потребностей, выученная беспомощность, самореализация, ипохондрический тип отношения к болезни, зависимое поведение

Цитирование: Волкова О. В., Цветкова О. А., Шадрина А. Ю., Рупека А. В. Актуальные проблемы в сфере психологического здоровья студенчества: вызов пандемии COVID-19 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 661–672. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-661-672>

Введение

В период глобальных вызовов наука вынуждена обращаться к проблеме поддержания и сохранения сущностных оснований жизни каждого человека: его потребностей, мотивов, ценностей, жизненного выбора, основ ментального и физического благополучия. Глобальность и масштабность – две основные характеристики, отличающие период пандемии COVID-19 от знакомых нашим современникам мировых кризисов. Последствия пандемии уже продемонстрировали свою разрушительную силу, что отражено в последних исследованиях мировой биомедицинской и психологической практики. Тем не менее перед учеными встают новые и новые вопросы, разрешение которых необходимо с целью организации третичной профилактики уже имеющихся нарушений в сфере психологического здоровья населения разных социальных и возрастных групп [1].

Одной из категорий населения, требующих пристального внимания в отношении организации систематизированной психологической помощи, является студенчество [2].

Студенчество – особый возрастной этап, характеризующий переход от юношеского возраста к зрелости. Как любой переходный этап, студенчество характеризуется большой динамикой процессов и остротой протекания, неповторимостью опыта, который формируется в этот период. Актуальная ситуация положения дел в мире в отношении развертывания пандемии добавляет кризисности студенческому возрасту, т. к. студенты являются людьми, которые постоянно находятся в эпицентре социальной коммуникации, а это означает, что они подвержены риску быть зараженными COVID-19.

Социальный слой студенчества оказался в особом положении в условиях пандемии, которое может быть описано с учетом определенной амбивалентности: освоение профессии в дистанционном формате, с одной стороны, не способствует достаточно глубокому освоению профессиональных компетенций, а напротив, создает риск развития прокрастинации, с другой – позволяет освоить

навыки самоконтроля, тайм-менеджмента, в удобном режиме изучить дополнительные материалы по разделам учебных дисциплин. Не умаляя трагичности пандемии, важно справедливо заметить, что дистанционное обучение стало своеобразным катализатором процессов, заслуживающих внимания специалистов помогающих профессий, лакмусовой бумажкой дефицитарных сторон системы современного профессионального образования, а соответственно, актуализировало возможности усовершенствовать образовательный процесс и устранить ряд проблем, скрытых от взгляда в допандемийный период.

Одна из основных характеристик зрелой личности – стремление к наиболее полному раскрытию своих ресурсов, проявление себя в жизни, своего утверждения в других людях или результатах своей деятельности. Самореализация, таким образом, оказывается сущностной чертой человека, побуждая его к поиску новых путей самораскрытия, самопознания и самоосуществления. Самореализация присутствует на всех этапах жизни человека. Она проявляется в различных формах, однако в полной мере, как полностью сформированный феномен, раскрывается только во взрослой жизни, когда человек приобретает сформированные «инструменты» самореализации, т. е. те способы взаимодействия с миром, которые позволяют ему «творить себя» в мире. Студенческий возраст характеризуется поиском и утверждением своей идентичности, активным взаимодействием с различными социальными группами, действенным овладением способами и стратегиями взрослой жизни, «примеркой» различных социальных и профессиональных ролей – зарождаются и актуализируются новые формы самореализации, такие как самоактуализация и саморазвитие [3–5].

Особый интерес для исследователя может представлять ситуация, когда внешние условия резко меняются и студентам необходимо по-новому формировать способы самоактуализации и самореализации. Такой площадкой стали условия пандемии, самоизоляции и дистанционного обучения. Этим вызван огромный исследовательский интерес к различным «эффектам» пандемии [6; 7]. Самореализация тесно связана с сущностными основаниями личности и выступает как жизненный и личностный ресурс, опираясь на который, возможно разрабатывать коррекционные мероприятия для помощи в самых разных ситуациях дезадаптации – от девиантного поведения до временных ситуаций кризиса или фрустрации. Можно выделить и еще один аспект обращения к исследованию затруднений самореализации и способов их преодоления у студентов в период пандемии – это необходимость построения индивидуальной образовательной траектории и разработки рекомендаций для внедрения системы психологического сопровождения образовательного процесса в резко изменившихся условиях.

Несмотря на сложившуюся обстановку в период пандемии, студентам важно актуализировать такие личностные качества, которые необходимы для дальнейшего

профессионального становления. Сформированность этих качеств будет не только благоприятно влиять на успешность обучения, но и способствовать устойчивости психики относительно ипохондрических проявлений. В период пандемии COVID-19 адаптация к постоянно изменяющимся условиям имеет огромное значение. Ипохондрический тип реагирования на состояние собственного здоровья характеризуется наличием психической дезадаптации, что является фактором, значительно снижающим шансы на здоровую адаптацию.

В кризисной ситуации механизмы психологической защиты имеют особенность проявляться разнообразно, и, как отмечает Е. Р. Пилюгина, это может быть связано непосредственно с глубиной и многомерностью фрустрирующего фактора [8]. Как замечают К. С. Чамкина и др., наличие критического мышления в какой-то мере является антагонистом ипохондрии [9], ведь та информация, которую предоставляют люди с ипохондрическим типом отношения к болезни, может не вполне соответствовать реальности. Поэтому в подобных ситуациях обладание критическим мышлением является необходимым компонентом. Определенное значение имеют концентрация и переключаемость внимания [10]. Особенно такая способность уместна для лиц, уже демонстрирующих признаки ипохондрического реагирования, что позволит контролировать психоэмоциональное состояние путем переключения внимания с раздражителей на другие, успокаивающие или более значимые факторы.

Как представители юношеского возраста, средний возраст которых составляет 19,1 лет, так и взрослые люди, средний возраст которых составляет 38,4 лет, демонстрируют такой тип отношения к болезни, который характеризуется нежеланием думать о наличии у них заболевания, «отмахиваются» от симптомов, даже если они очевидны [11–13].

Студенты, как и остальные категории населения, в столь напряженный период подвержены тревожности, однако, помимо беспокойства за свое здоровье и здоровье своих близких, тревожность студентов возникает в отношении качества учебного процесса. Ситуация пандемии является и без того травмирующим фактором и, воздействуя на нестабильную психику подростка и юноши, может спровоцировать возникновение ипохондрического отношения к болезни, в частности к COVID-19.

Ситуация пандемии и самоизоляции в сочетании с угрозой соматическому здоровью характеризуется спонтанностью, повышенным уровнем дистресса, избытком психотравмирующих ситуаций, трудностями, требующими высокой степени мобилизации всех уровней организации личности человека в единую слаженную систему, направленную на совладание, преодоление. Актуализацию личностного потенциала создают условия к формированию риска возникновения состояния выученной беспомощности. Состояние выученной беспомощности возникает под влиянием опыта неуспешности, приобретаемого

под воздействием условий, в которых даже незначительные трудности не являются преодолимыми. Ситуация пандемии – целый комплекс условий такого рода [14; 15].

Анализ современных психологических исследований показал, что в качестве специфических особенностей выученной беспомощности личности выделяются следующие моменты: изменение мотивации достижения; изменение эмоциональной сферы; изменение когнитивной сферы; изменение волевой сферы. В структуру личностной беспомощности входят мотивационный, когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты, которые неразрывно связаны между собой.

Состояние выученной беспомощности возникает при наличии трех компонентов: субъективное мнение о невозможности самостоятельного решения возникающей проблемы; ощущение выхода ситуации из-под контроля; присвоение себе и своим личностным качествам разнообразных причин и факторов неуспеха. Наличие одновременно всех трех условий способствует возникновению состояния выученной беспомощности. На основании ранее полученного опыта, на фоне предшествующих неудач возникает отказ от каких-либо действий, которые способствуют разрешению сложной проблемной ситуации [14–17].

Одно из предположений, выдвинутых в рамках данного исследования, заключается в том, что студенты, склонные к возникновению состояния выученной беспомощности, в условиях пандемии могут демонстрировать ее явные признаки, что негативно сказывается на состоянии как ментального, так и соматического здоровья.

Гармоничная адаптация в условиях стрессогенных событий, вызванных пандемией COVID-19, требовала от людей поиска и опоры на внутренние ресурсы. Проактивное поведение личности позволяет найти новые способы удовлетворения своих потребностей. В противном случае, если человек ищет внешнюю опору, способную устранить возникший дефицит той или иной потребности, существует риск возникновения аддикции. Такая внешняя опора может выступать аддиктивным агентом – веществом или поведением, которое ведет к сверхсильному изменению эмоционального состояния, что вызывает у человека фиксацию на нем и в дальнейшем приводит к стремлению повторять этот опыт. Согласно А. А. Бельтюкову, аддиктивное поведение можно рассматривать как способ адаптации индивида, направленный на то, чтобы облегчить эмоциональный дискомфорт и позволить человеку на некоторое время функционировать и владеть собой [18]. Переживание стрессовых событий оказывает также выраженное влияние на биохимические процессы в организме человека: А. И. Колчев в своих исследованиях указывает на то, что воздействие хронического стресса способно приводить к изменениям эндокринной и нервной систем организма, которые служат субстратом для возникновения как химических, так и нехимических форм зависимости [19].

Механизм формирования аддикции в таком случае можно рассматривать как взаимосвязь следующих факторов: стрессогенных условий среды, дефицита конструктивных стратегий совладающего поведения у человека и, как следствие, предпочтения им «ухода» от негативных переживаний путем использования аддиктивного агента. События пандемии COVID-19 многими исследователями рассматриваются как стрессогенное явление, таким образом, можно сделать предположение о том, что в данных условиях повышаются риски возникновения аддиктивного поведения, в том числе в студенческой среде. Существует немало исследований, выделяющих студентов как группу риска, уязвимую для развития аддиктивных форм поведения. В частности, И. С. Лукьянцева и др. рассматривают феномен ухода в зависимость как пример дезадаптивной реакции на чрезмерную стрессовую нагрузку у студентов-медиков [20]. Зарубежные исследования указывают на прямую связь между событиями мировой пандемии и обострением аддиктивных форм поведения. М. J. Dubey и др. отмечают, что в этот период наблюдается всплеск аддиктивного поведения (как нового, так и рецидива), включая поведенческую зависимость [21].

Все это приводит к необходимости рассматривать феномены фрустрации самореализации, ипохондрического типа реагирования, состояния выученной беспомощности и аддиктивного поведения как риски дезадаптации, возникающие в условиях пандемии COVID-19. Изучение этих особенностей в специфических условиях пандемии позволяет выявлять мишени первичной профилактической работы для предотвращения негативных последствий и снижения у студенчества как качества обучения, так и качества жизни. В перспективе дальнейшего исследования можно обозначить разработку системы психологического сопровождения рисков дезадаптации студентов как обязательного условия «помогающей» образовательной среды.

Методы и материалы

С целью выявления актуальных проблем в сфере психологического здоровья студентов, переживающих пандемию COVID-19, нами была разработана анкета, учитывающая возможности выявления особенностей ипохондрического типа реагирования на заболевание, связанное с угрозой инфицирования, признаков состояния выученной беспомощности, рисков формирования аддиктивного поведения и специфических трудностей самореализации в условиях пандемийной депривации. Анкета имеет смешанный характер и совмещает в себе признаки закрытого и открытого диагностического инструментария, что позволяет получить данные не только относительно частоты встречаемости каждого из вариантов ответа, но и дает возможность применить качественный анализ ответов открытого формата, а значит впоследствии поставить более тонкие задачи в реализации психологической помощи по оптимизации психологического здоровья упомянутой категории респондентов.

Анкета включает 14 вопросов, размещенных на платформе Google Test, и сопровождается инструкцией для респондентов. Перечень вопросов анкеты приведен в разделе статьи, содержащем описание результатов исследования. Варианты ответов анкеты представлены в следующем виде: «Да»; «Нет»; «Не обращал(а) внимания»; «Другое» (с предоставлением технической возможности для составления максимально развернутого ответа).

Обоснование формы организации исследования. Данное исследование может рассматриваться как пилотажное в оценке актуальности предположений о возникновении и развитии феноменов дезадаптации как деструктивных ответов на депривационные и фрустрирующие условия пандемии. Оно позволяет выделить основные направления дальнейшего углубленного исследования в целом или по отдельным блокам. Экспериментальный план «до» и «после» для проведения классического исследования в настоящее время не вполне может быть реализован, поскольку с момента начала пандемии COVID-19 прошло значительное количество времени, и пока никто не может дать точных прогнозов об окончании пандемии. Однако объективная потребность в получении психологической помощи студентами на фоне пандемии и с целью предотвращения дальнейшего усугубления уже имеющихся проблем становится фактором, определяющим целесообразность исследования в представленном формате.

Данное исследование предполагает первичный качественный контент-анализ ответов респондентов для уточнения дальнейших исследовательских гипотез и углубленного статистического анализа по блокам, вызывающим наибольший резонанс, в качестве подтверждения первичных гипотез или получения разноплановых и противоречивых результатов.

Анкетирование проходило 13–18 февраля 2021 г., что позволило в единый момент времени получить максимально актуальную информацию по вопросам исследования.

В опросе приняли участие 348 студентов высших и средних профессиональных учреждений России: Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск), Сибирский федеральный университет (Красноярск), Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск), Сибирский институт бизнеса, управления и психологии (Красноярск), Сибирский институт науки и технологии им. академика М. Ф. Решетнева (Красноярск), Омский государственный технический университет (Омск), Байкальский базовый медицинский колледж Министерства здравоохранения республики Бурятия (Селенгинск), Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (Сочи), Аэрокосмический колледж Сибирского института науки и технологии им. академика М. Ф. Решетнева (Красноярск), Филиал Черногорского горно-строительного техникума (Абaza), Московский психолого-социальный университет (Красноярск). Специальности студентов,

принявших участие в опросе, имеют широкий спектр направлений: медицинские, юридические, психологические, экономические, инженерные.

Медиана возраста участников исследования находится в диапазоне 15–25 лет и составляет 21 год. Гендерное соотношение: 30,5 % участников анкетирования – юноши; 69,5 % – девушки.

Результаты

С помощью составленной нами открытой анкеты можно сделать ряд выводов на основе качественного анализа и контент-анализа полученных данных. Одним из наиболее значимых с точки зрения перспективы разработки программы психологического сопровождения студентов в пандемийный и постпандемийный период нам представляется вывод о том, что опрошенные студенты подвержены риску возникновения ипохондрического типа реагирования в условиях пандемии.

При ответе на вопрос № 1 «Замечали ли Вы у себя беспричинное появление симптомов COVID-19 (одышка, кашель, повышение температуры, потеря обоняния и / или вкуса), не имея данного заболевания?» 56,7 % испытуемых дали отрицательный ответ, 28,6 % – положительный, отмечая появление таких симптомов, как потеря обоняния и / или вкуса, кратковременное повышение температуры тела, возникновение кашля, слабости, одышки, в дальнейшем как подтвердивших наличие диагноза COVID-19, так и не подтвердивших. 13,4 % испытуемых при ответе на данный вопрос выбрали ответ «Не обращал(а) внимания» и 1,3 % испытуемых отметили другой вариант ответа, пояснив это наличием астмы, возникновением внезапных симптомов COVID-19 и их исчезновением, а также другим продолжающимся заболеванием после перенесенного COVID-19, которое врачи пока не могут определить. Некоторые испытуемые отметили, что ни с чем не сопоставляют возникающие симптомы, для других же это вызывает определенное чувство тревоги и страха, и при появлении симптоматики они сразу обращались к перечню симптомов, характерных для COVID-19.

Отвечая на вопрос № 2 «На фоне пандемии стали Вы более внимательно относиться к своему здоровью, "прислушиваться" к своему организму?», 59,4 % испытуемых выбрали ответ «Да», 29,7 % – «Нет», 8,6 % испытуемых не обратили внимания на возникновение или отсутствие изменений в отношении к своему здоровью. 2,4 % испытуемых отметили, что всегда тщательно следили за своим здоровьем, стали более внимательны к себе, чтобы в случае заболевания не заразить родных, избегают притрагиваться к чему-либо в общественных местах и тщательно соблюдают профилактические меры и правила личной гигиены, для поддержки иммунитета принимают витамины, следят за самочувствием и количеством отдыха. В категории «Другое» многие из опрошенных студентов указывали личные переживания относительно возможности заражения COVID-19 и чувство тревоги.

Вопрос № 3 «В процессе общения Ваши собеседники нередко жалуются на симптоматику, схожую с COVID-19, в то время когда у Вас данная симптоматика проявляется значительно серьезнее и требует большего внимания. Так ли это?» набрал 83,2 % отрицательных ответов. 9,9 % испытуемых не обращали внимания, а 5,6 % испытуемых дали положительный ответ. 1,3 % студентов выбрали категорию «Другое», отметив, что в окружении таких людей нет, но у себя замечают подобные проявления, либо напротив, многие из окружающих людей жалуются на симптоматику COVID-19, но сами испытуемые за собой такого не замечали.

Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся ипохондрического типа реагирования в условиях пандемии, графически представлены на рис. 1.

Ряд вопросов был составлен с целью прояснения субъективной оценки особенностей эмоциональной, мотивационной, волевой и когнитивной сфер на момент исследования, т. к. нарушения именно в этих личностных сферах являются признаками формирующейся выученной беспомощности.

На вопрос № 4 «Изменился ли Ваш общий эмоциональный фон с начала периода пандемии и самоизоляции? Как именно?» 45,7 % респондентов ответили «Да», 43,3 % – «Нет». Однако в комментариях к вариантам «Да» и «Другое» отмечается ряд экспрессивных пояснений, в том числе: *Когда все закрыли, казалось, что мне очень одиноко и совсем нечего делать; В период полной самоизоляции... упадок сил и депрессивное настроение, желание сбежать из четырёх стен в любое место; Появление апатии быстрая усталость, большие тревоги и страха, настроение часто подавленное; ... столкнулась с жутким выгоранием, апатией, плакала в течение месяца ежедневно, даже появились мысли о суициде; Чувство ущемления. Необоснованные противоречивые запреты «связывали руки»; Появилась тревожность, страх за свое Здоровье и Здоровье близких; Стал преобладать пониженный фон настроения, часто возникает чувство тревожности, потеря интереса к учёбе, начали возникать мысли, что не смогу работать по своей специальности; Нервы были натянуты как струны, постоянное чувство тревоги и страха; Появился страх за родных и их здоровье; С начала пандемии я постоянно паниковала, что могу заразиться; Стресс от постоянного нахождения дома, депрессия; Начал больше бояться людей.*

В ответах к вопросу № 5 «Испытываете ли вы трудности с самоконтролем, самоорганизацией? Появилась ли у Вас склонность откладывать дела "на потом"?» основные доли ответов были распределены между ответами «Да» и «Нет»: 41,7 % и 50,3 % соответственно. Важно, что субъективно отмечая трудности самоорганизации в условиях дистанционного обучения, многие студенты видят в них возможности освоения навыков самодисциплины: *С самоконтролем и самоорганизацией – не испытываю трудностей, а привычка делать все в последний момент была со мной всегда, мне так удобно; Сроки не изменились, приходится обращаться к планированию; Как было желание откладывать на потом, так и осталось: прокрастинация и гедонизм; Сложно себя самоорганизовать на дист. обучении; Трудности с самоорганизацией и прокрастинация были у меня задолго до COVID'a; Склонность «откладывать дела на потом» в какой-то степени всегда у меня была, однако условия пандемии предоставили как проблемы, так и возможности, которые можно использовать; На самоизоляции наоборот стала более организованной, хотя иногда были трудности – дни, когда я не знала, чем себя занять и в итоге не делала ничего, но именно эта проблема помогла мне научиться правильно планировать занятия; Ответственность = свобода.*

На вопрос № 6 «Считаете ли Вы формат обучения в условиях самоизоляции (дистанционный) как недостаточно подходящий для Вашего качественного профессионального образования?» большинство ответов (56,6 %) относятся к варианту «Да», 36,1 % – к варианту «Нет». В пояснениях к ответам, относящимся к мнению «Да», обнаруживаются следующие комментарии: *Многое не понятно на дистанте; Дома все воспринимается хуже; Мне нужны жесткие рамки и контроль, самообразование не для меня; Отсутствие непосредственного контакта с преподавателем плохо сказывается на усвоении учебного материала; Не хватает практики и возможности личного общения с преподавателем, разбора ошибок; Дистанционно обучаться для меня было невозможно. Вариант «Нет» сопровождался комментариями типа: Я считаю, что в данной ситуации с болезнями и с каждым разом кол-вом заражённых, дистанционное образование – наше спасение и спасение окружающих; Качество не изменилось, по крайней мере формат не важен для моей специальности. Мое обучение*

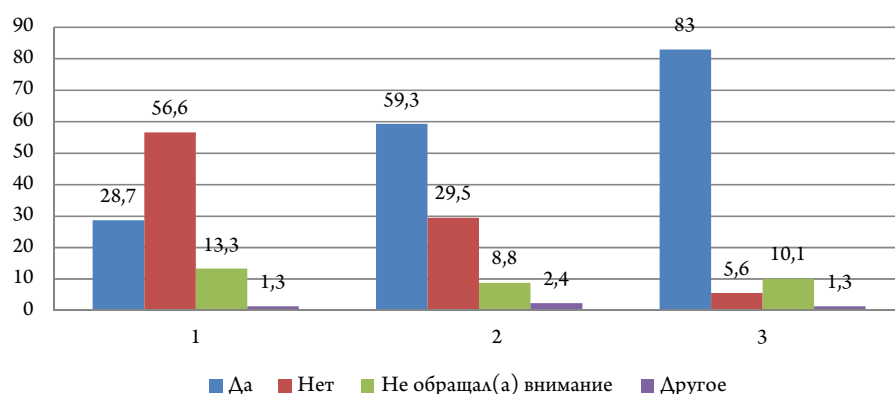

Рис. 1. Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся ипохондрического типа реагирования в условиях пандемии, вопросы анкеты № 1–3, %
Fig. 1. Summary of responses to questions No. 1–3 about hypochondriac response to pandemic environment, %

имеет по большей части «разговорный жанр», а отвечать на вопросы, решать задачи и выполнять тесты, можно и дистанционно, экономя время на сборы, дорогу и т. д.; Гораздо проще фиксировать информацию; По-моему, стало наоборот более очевидно, что обычный формат образовательного процесса устарел, и часть занятий (например, лекции), гораздо лучше проводить в дистанционном формате.

На вопрос № 7 «Было ли у Вас ощущение в период самоизоляции, что Вы как будто стали хуже соображать?» основные доли процентов пришлось на ответы «Да» (35,8 %) и «Нет» (58 %). К вариантам «Да» были прописаны такие комментарии: Это было перед экзаменами и было, как мне кажется, связано с выгоранием. Я очень устала, т. к. домашних заданий на дистанте было оооочень много, а отдыхать я не умею. Позже я в принципе не могла даже читать – сразу сонливость, внимание уходит, ничего не понимаю; Были моменты неуверенности в своих знаниях, их недостоверности; Только из-за того, что дистанционные задания зачастую состоят из тестоподобных заданий, которые в принципе приглушают необходимость думать; Забываю слова во время разговора, иногда теряю нить разговора полностью и забываю, о чем мы разговаривали минуту назад; Мозги не развивались; После выхода из самоизоляции такое ощущение осталось, и оно есть до сих пор. Варианты «Нет» были проиллюстрированы следующими дополнениями: Самоизоляция не вызвала деградации, а наоборот сделала проще выбор – что нужно, а что нет; Возможно мой мозг и отказался в какой-то степени строить новые нейронные связи в силу лени или же отсутствия мотивации, но не думаю, что это сильно повлияло на звено сообразительности.

Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся выявления признаков выученной беспомощности, графически представлены на рис. 2.

Для того чтобы оценить риски ухода студентов в аддикцию в период пандемии и вынужденной самоизоляции, мы включили в анкету вопросы, касающиеся склонности к химической зависимости.

Вопрос № 8 «В состоянии тревоги и неопределенности помогает ли Вам почувствовать себя лучше курение и / или прием алкоголя?» касался склонности к применению алкоголя / никотина с аттарактической мотивацией, т. е.

для снятия напряжения, тревоги и прочих субъективно неприятных ощущений. Исходя из ранее упомянутой нами модели формирования аддикции, положительный ответ на данный вопрос может свидетельствовать о подверженности риску формирования химической зависимости у респондента. Согласно результатам, 71,9 % опрошенных отметили, что употребление алкоголя / никотина для них не способствует преодолению напряжения. Многие в пояснениях к ответам демонстрировали категорично негативное отношение к приему каких-либо психоактивных веществ. Например, неоднократно повторяются примечания: Я не пью, и не курю; Я за ЗОЖ, присутствуют и ответы, которые являются свидетельством резко отрицательного отношения к употреблению алкоголя и никотина: Таким людям (употребляющим ПАВ) уже ничего не поможет; Это все – зло. Такие результаты могут подтвердить информацию о том, что на сегодняшний день в молодежной среде укрепляется философия здорового образа жизни. Общество пересматривает отношение к химической зависимости, а среди подрастающего поколения теряется престиж вредных привычек как атрибута взрослости и свободы. Ж. В. Жираткова и др., проведя социологическое исследование, сообщают об укреплении моды на здоровый образ жизни среди студенческой молодежи [22].

Следующие вопросы анкеты были направлены на оценку риска возникновения нехимических форм аддикций, таких как интернет-зависимость, игровая зависимость и другие, связанные с чрезмерным увлечением медиаконтентом. Конструкция данных вопросов подразумевает оценивание респондентом актуальной интернет-активности в сравнении с периодом до пандемии.

На вопрос № 9 о частоте использования интернет-ресурсов и социальных сетей («Заметили ли Вы, что в период пандемии, в том числе и во время самоизоляции, Вы стали больше уделять времени интернет-ресурсам (сайты, соц. сети)?») 64,4 % опрошенных отметили, что в период пандемии количество времени, проводимого ими в сети Интернет, увеличилось. Сетевая активность 29,9 % респондентов не изменилась. 4,5 % выбрали ответ «Не обращал на это внимание» и 1,1 % ответили «Другое». На сегодняшний день интернет-ресурсы предоставляют пользователям все больше возможностей для проведения досуга.

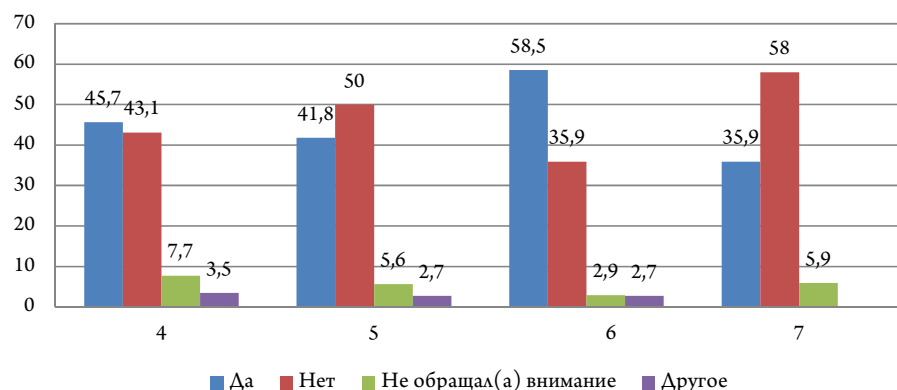

Рис. 2. Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся выявления признаков выученной беспомощности в условиях пандемии, вопросы анкеты № 4–7, %
Fig. 2. Summary responses to questions No. 4–7 about learned helplessness in pandemic environment, %

Использование интернет-пространства смогло компенсировать недостаток этих потребностей. Учитывая переход на дистанционный формат обучения, можно сделать вывод, что Интернет стал важнейшим инструментом для организации жизни студентов в период пандемии.

По мнению Д. В. Зотовой и В. А. Разанова, интернет-пространство является средой, увеличивающей риски развития различных форм зависимого поведения. В своем исследовании авторы делают акцент на использовании социальных сетей как наиболее распространенной и востребованной форме интернет-активности [23]. Чрезмерное увлечение людей онлайн-общением способно формироваться в аддикцию, одним из критериев которой будет предпочтение данного вида деятельности другим, постепенное сужение круга интересов, что характерно и для других нехимических зависимостей. По мнению Е. С. Александровой, особую опасность представляет ситуация квазисубъектного отношения пользователя Интернета к информационной среде [24]. Условия вынужденной социальной изоляции могут послужить благодатной почвой развития данного феномена.

Анализируя примечания к ответам соответствующего вопроса нашей анкеты, мы видим, что некоторые респонденты однозначно отмечают на себе деструктивное влияние вынужденного ухода в Интернет. *Времени появилось больше, но качество его использования снизилось; Практически весь день сидела в телефоне* – такие ответы могут свидетельствовать о таком симптоме зависимого поведения, когда наступает этап истощения и деятельность, вызывающая аддикцию, становится доминирующей.

Еще одними формами зависимого поведения, причиной которых стала ситуация риска в период пандемии, является игровая зависимость и зависимость от просмотра телевидения / сериалов и прочего развлекательного контента. На вопрос № 10, касающийся увеличения интереса к данным видам активности («Заметили ли Вы, что в период пандемии, в том числе и во время самоизоляции, Вы стали больше уделять времени просмотру кино / сериалов и / или компьютерным играм?»), положительно ответили 55,3 % респондентов, 38,5 % – отрицательно,

4,3 % студентов не обратили на это внимания, 1,9 % предпочли всем вариантам ответа «Другое». Пояснения к ответам свидетельствуют о том, что освободившееся от привычных дел время у многих заняли вышеуказанные формы досуга: *Приходилось заполнять время этим, которое тратилось на прогулки и т. п.; Отдых стал более пассивным. Хотелось больше лежать и смотреть, нежели рисовать, чем-то активно заниматься.* Анализ пояснений позволяет заключить, что некоторые участники прибегают к т. н. виртуальной реальности как способу совладания с реальными проблемами: *Потому что одиноко в реальности; Я стал играть в компьютерные игры постоянно, чтобы снизить количество панических атак, вплоть до 20 часов в сутки, что негативно сказалось на моем обучении.* Среди тех, кто выбрал отрицательный вариант, присутствуют те, для кого компьютерные игры и просмотр кино / сериалов и до пандемии был одной из ведущих форм организации своего досуга.

Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся выявления признаков аддиктивного поведения, графически представлены на рис. 3.

При ответах на вопрос № 11 о том, испытывали ли респонденты затруднения в связи с тем, что привычные способы самореализации стали невозможны, студенты в 47,3 % случаев ответили «Нет», в 13,4 % – «Не обращали на это внимание», только в 37,4 % случаев – «Да», т. е. возникло затруднение в самореализации. Несмотря на то, что большинство респондентов не отметили затруднений в самореализации в условиях пандемии, самоизоляции и дистанционного обучения, процент испытывающих данные затруднения достаточно велик, поэтому вопрос, повлияли ли в целом условия пандемии на самореализацию, является актуальным и должен быть исследован.

Вопрос № 12 «Возникали ли трудности в условиях дистанционного обучения в отношении мотивации к обучению, была ли необходимость искать дополнительные стимулы и пути организации себя» призван был уточнить содержание затруднений в отношении обучения. 51,3 % респондентов признали, что «Да», такие трудности были, 44,4 % студентов отрицают это, 3,2 % не обращали на это внимание.

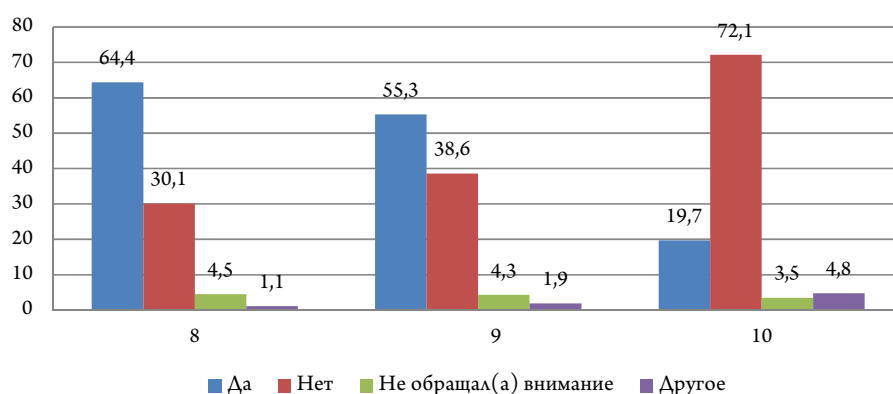

Рис. 3. Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся выявления признаков аддиктивного поведения в условиях пандемии, вопросы анкеты № 8–10, %
Fig. 3. Summary of responses to questions 8–10 about addictive behavior in pandemic environment, %

Это в целом подтверждает данные других исследований¹. Соотношение ответов позволяет предположить, что данная ситуация представляет такую, которая требует поиска новых стратегий поведения, что можно признать одним из признаков фрустрированности потребности в самореализации.

На вопрос № 13 «Вызвало ли дистанционное обучение необходимость переосмыслить свое отношение к будущей профессии» 50,5 % ответили «Нет». Это можно считать признаком благополучия, т. к. означает, что это профессионально самоопределившиеся студенты, а также что методы обучения были гибко и эффективно изменены под новые условия и содержание обучения. Однако высокий процент ответивших «Да» (41,2 %) подтверждает предположение о фрустрации потребности в самореализации. Интересным представляется в дальнейшем исследовать, с чем это может быть связано: с внутренними причинами (активный поиск себя в связи с тем, что самоопределение еще находится в своем становлении) или спецификой деятельности, которую осваивают студенты, поскольку не все профессиональные сферы могут быть освоены в дистанционном формате (без практических действий на специализированном оборудовании). В таком случае вопрос о доступных средствах освоения профессии остается открытым и вызывает субъективные затруднения.

Последний вопрос (№ 14) касался того, удалось ли студенту преодолеть те затруднения, которые возникали у него в ситуации пандемии, произошла ли позитивная динамика адаптации к изменившимся условиям. Позитивным признаком можно признать, что 55,1 % респондентов ответили «Да», значит большинству студентов удалось найти новые, удовлетворяющие их способы выхода из создавшейся ситуации фрустрации потребностей, т. е. стабилизировать свое эмоциональное состояние. Однако необходимо дополнительно исследовать тех, кто ответил «Нет» на данный вопрос (31,3 %). Это группа риска, требующая дальнейшего изучения и психологического сопровождения для стабилизации их психоэмоционального состояния, т. е. помощи в адаптации к новым условиям жизни.

Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся выявления субъективной оценки особенностей процесса самореализации в условиях пандемии, графически представлены на рис. 4.

Заключение

Среди опрошенных студентов есть большая группа испытывающих чувство тревоги и страха за свое здоровье и здоровье окружающих на фоне пандемии. Те случаи, когда респонденты отмечают безосновательное появление симптоматики заболевания COVID-19, не подтвердившегося в процессе диагностики, возникновение неопределенного характера симптомов, как у самих испытуемых, так и среди их окружения, а также продолжающуюся диагностику у некоторых из опрошенных студентов неопределенного заболевания со схожей симптоматикой, напрямую указывают на возможное развитие ипохондрического расстройства. В этой связи важно своевременно обратить внимание на подобные проявления, чтобы не упустить времени и не допустить возникновения психосоматической невротизации по типу ипохондрического расстройства личности.

В эмоциональном фоне студентов за период пандемии возникли негативные тенденции в плане признаков депрессии, суицидальные мысли, склонность к социофобии. Однако можно говорить лишь о тенденциях, т. к. аналогичного исследования в допандемийный период нами проведено не было. Тем не менее респонденты сами связывают изменения в эмоциональном состоянии с особенностями проживания в условиях пандемии, что дает основание считать целесообразной психологическую помощь студентам, направленную на коррекцию психоэмоционального состояния, явившегося эффектом пандемии, а именно работу с тревогой и депрессией.

Несмотря на то, что многие студенты отмечают отсутствие высокой компетентности в плане тайм-менеджмента, самоконтроля и самоорганизации, значительная часть из них считает, что дистанционное обучение является условием для освоения этих компетенций. В то же время

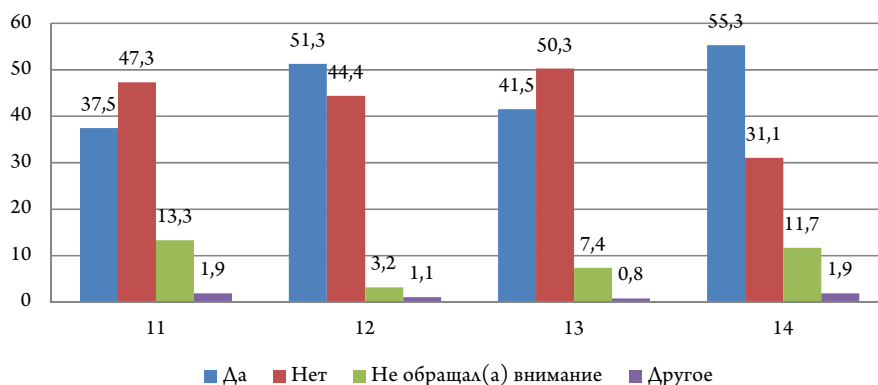

Рис. 4. Обобщенные данные ответов на вопросы, касающиеся выявления субъективной оценки особенностей процесса самореализации в условиях пандемии, вопросы анкеты № 11–14, %

Fig. 4. Summary of responses to questions 11–14 about subjective assessment of self-realization in pandemic environment, %

¹ Очень странные дела: Как студенты пережили COVID-19. Опрос студентов российских вузов об условиях дистанционного обучения. Режим доступа: <https://cim.hse.ru/covidsurvey> (дата обращения: 23.03.2021).

склонность к прокрастинации становится явно выраженной, она видится респондентам как проблема, желание преодолеть которую отмечается в комментариях.

Интересно, что мнение опрошенных разделилось в отношении влияния формата дистанционного обучения и самоизоляции на качество освоения профессии: одни характеризуют дистанционное обучение как условия, полные новых возможностей (мы предполагаем, что у этих респондентов интернальный локус-контроля), в то время как другие – как условия дефицитарные и ограничивающие (вероятно, эти участники опроса имеют экстернальный локус контроля).

Опрос показал, что события пандемии COVID-19 могли послужить фактором, способным усугубить среди молодежи и без того прогрессирующую эпидемию компьютерной, интернет-зависимости и других нехимических форм зависимого поведения. Сделать окончательный вывод станет возможно только с течением времени, когда появится возможность оценить степень и обратимость дезадаптации, вызванной вынужденным сокращением разнообразия видов деятельности и социальной активности. Несколько спонтанных высказываний респондентов свидетельствуют о необходимости рассмотреть в контексте проблемы и другие формы зависимого и деструктивного поведения. Например, высказывания: *Я, к сожалению, выбираю еду, именно поэтому во время пандемии я особенно много ела; В данном состоянии не пью и не курю, чаще ем сладкое* – могут свидетельствовать о возможном повышении рисков нарушения пищевого поведения. Однако уже сейчас становится

очевидной необходимость организации мер по превенции аддиктивного поведения студентов в период восстановления после пандемии COVID-19. Реализация их возможна через расширение возможностей организации досуга, в первую очередь активного, как частной задачи первичной и вторичной профилактики зависимого поведения.

Ответы респондентов продемонстрировали, что значительная часть студентов испытывали затруднения в самоопределении и самореализации в условиях пандемии. Можно выявить как естественные способы совладания (которые с необходимостью используют респонденты), так и мишени (слабые места), которые требуют дальнейшего психологического сопровождения студенчества.

Результаты данного исследования, представленные качественными характеристиками, в условиях неопределенности, возникших в период пандемии, позволяют определить наиболее уязвимые места и уже сейчас оказывать психологическую помощь представителям студенчества.

В качестве перспективной задачи мы видим разработку и апробацию методических рекомендаций по оказанию целенаправленной психологической помощи студентам в пандемийный и постпандемийный периоды.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Volkova O. V., Shesternya P. A. Parallel pandemic: psychological facilitation in medical assistance // Сибирский психологический журнал. 2020. № 78. С. 156–167. <https://doi.org/10.17223/17267080/78/10>
2. Шумнов С. А. Психотерапия и психокоррекция детей и подростков. М.: Изд. института психотерапии, 2000. 108 с.
3. Запорожец И. Ю. Самоутверждение в дошкольном возрасте как начальная форма самореализации растущего человека // Мир психологии. 2010. № 3. С. 231–240.
4. Суханова Н. А. Профессиональное самоопределение в юношеском возрасте как способ самореализации человека // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 2. С. 161–166.
5. Белянская Т. Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3. С. 220–227.
6. Dubey S., Biswas P., Ghosh R., Chatterjee S., Dubey M. J., Chatterjee S., Lahiri D., Lavie C. J. Psychosocial impact of COVID-19 // Diabetology & Metabolic Syndrome. 2020. Vol. 14. № 5. P. 779–788. <https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.05.035>
7. Zheng F., Khan N. A., Hussain S. The COVID-19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 119. № С. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105694>
8. Пилюгина Е. Р. Двухмерная классификация механизмов психологической защиты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 2. С. 270–280. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-270-280>
9. Чамкина К. С., Колосова П. С., Сайпутдинова С. К., Ананьева А. А. Особенности диалогического общения врача с пациентом, относящимся к ипохондрическому типу реакции на заболевание // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2019. Т. 9. № 10. С. 424.
10. Косенко В. Г., Красильников Г. Т., Косенко Н. А., Солоненко А. В., Янова О. А. Ипохондрические состояния и соматоформные расстройства // Психическое здоровье. 2013. № 11. С. 44–50.
11. Тарасова Р. Е. Проблема тревожности студентов // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5-1. С. 96–97.

12. Ельникова О. Е. Сенсомоторная интеграция и тормозной контроль как факторы, определяющие отношение к болезни в юношеском возрасте и в период взрослости // Психология образования в поликультурном пространстве. 2019. № 3. С. 30–39. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2019-47-3-30-39>
13. Biduchak A. Types of psychological reactions patient for disease // The Scientific Heritage. 2019. № 37-1. P. 8–10.
14. Seligman M. Learned helplessness' & torture: An exchange // The New York Review of Books. 2016. Режим доступа: <https://www.nybooks.com/articles/2016/04/21/learned-helplessness-torture-an-exchange/> (дата обращения 30.03.2021).
15. Волкова О. В. Выученная беспомощность: технология исследования генеза. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 280 с.
16. Волкова О. В. Особенности развития личности, характеризующейся состоянием выученной беспомощности, на разных этапах онтогенеза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 397–408. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-397-408>
17. Солнцева Н. В. Феномен выученной беспомощности: причины формирования и пути преодоления // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: мат-лы I Всерос. науч.-практ. (заоч.) конф. (Санкт-Петербург, 15–17 января 2011 г.) СПб.: НИИППР, 2011. С. 174–181.
18. Бельтюков А. А. Аддиктивность – предмет психоаналитического исследования // Психология и психотехника. 2008. № 3. С. 63–68.
19. Колчев А. И. Отклоняющееся поведение в условиях стрессового воздействия // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 1. С. 77–80.
20. Лукьянцева И. С., Руженков В. А., Пономаренко Д. О. Аддиктивное поведение и алкогольная зависимость у студентов-медиков старших курсов (распространенность, коморбидность и лечение) // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2018. Т. 26. № 3. С. 380–386. <https://doi.org/10.23888/PAVLOVJ2018263380-387>
21. Dubey M. J., Ghosh R., Chatterjee S., Biswas P., Chatterjee S., Dubey S. COVID-19 and addiction // Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews. 2020. Vol. 14. № 5. P. 817–823. <https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.06.008>
22. Жираткова Ж. В., Петрова Т. Э., Леонтьева А. В. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи (социологический анализ) // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 784–797. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.784-797>
23. Зотова Д. В., Розанов В. А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей – анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. № 2. С. 158–183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
24. Александрова Е. С. Экопсихологические взаимодействия с информационной средой как условие субъективного благополучия // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 3. С. 26–33.

original article

The Urgent Problems in the Sphere of Student's Mental Health: Challenge of COVID-19 Pandemic

Olesya V. Volkova

Professor V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk; <https://orcid.org/0000-0002-6352-021X>; ms.olesyavolkova@mail.ru

Olga A. Tsvetkova

Omsk State Technical University, Russia, Omsk; <https://orcid.org/0000-0001-5985-3006>

Anastasiya Yu. Shadrina

Professor V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk; <https://orcid.org/0000-0002-6210-6375>

Alena V. Rupeka

Professor V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russia, Krasnoyarsk; <https://orcid.org/0000-0002-6707-6507>

Received 16 Apr 2021. Accepted after peer review 20 Jul 2021. Accepted 26 Jul 2021.

Abstract: The research featured the urgent issues of students' mental health triggered by the COVID-19 pandemic. The pandemic has become frustrating and degrading in relation to a number of needs that young people regard as significant. It violated the usual behavioral patterns of self-actualization and self-realization. The lockdown and distance learning put an unexpected burden on the personal and health resources of students, leading to the risk of hypochondrial response and triggering various forms of maladaptive and addictive behavior. These violations worsened the emotional background, affected the motivational sphere,

and limited the ability of self-control and self-organization, thus creating prerequisites for learned helplessness and addictive behavior, which are one of the most destructive responses to stress. The authors believe that students need a special program of psychological support aimed at solving the mental health issues caused by the COVID-19 pandemic.

Keywords: need frustration, learned helplessness, self-actualization, hypochondriac attitude towards disease, addictive behavior

Citation: Volkova O. V., Tsvetkova O. A., Shadrina A. Yu., Rupeka A. V. The Urgent Problems in the Sphere of Student's Mental Health: Challenge of COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 661–672. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-661-672>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Volkova O. V., Shesternya P. A. Parallel pandemic: psychological facilitation in medical assistance. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, (78): 156–167. <https://doi.org/10.17223/17267080/78/10>
2. Shumnov S. A. *Psychotherapy and psychocorrection of children and adolescents*. Moscow: Izd. instituta psikhoterapii, 2000, 108. (In Russ.)
3. Zaporozhets I. Yu. Self-affirmation at preschool age as an initial form of a growing person's self-realization. *Mir psikhologii*, 2010, (3): 231–240. (In Russ.)
4. Sukhanova N. A. Professional self-determination at adolescence as a way of human self-realization. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011 (2): 161–166 (In Russ.)
5. Belyanskaya T. E. Socio-psychological characteristics of student age. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (3): 220–227. (In Russ.)
6. Dubey S., Biswas P., Ghosh R., Chatterjee S., Dubey M. J., Chatterjee S., Lahiri D., Lavie C. J. Psychosocial impact of COVID-19. *Diabetology & Metabolic Syndrome*, 2020, 14(5): 779–788. <https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.05.035>
7. Zheng F., Khan N. A., Hussain S. The COVID-19 pandemic and digital higher education: Exploring the impact of proactive personality on social capital through internet self-efficacy and online interaction quality. *Children and Youth Services Review*, 2020, 119(C). <https://doi.org/10.1016/j.chilcyouth.2020.105694>
8. Pilyugina E. R. Two-dimensional classification of psychological defense mechanisms. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*, 2020, (2): 270–280. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-270-280>
9. Chamkina K. S., Kolosova P. S., Saiputdinova S. K., Ananieva A. A. Features of dialogical communication between a doctor and a patient belonging to the hypochondriacal type of reaction to the disease. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 2019, 9(10): 424. (In Russ.)
10. Kosenko V. G., Krasilnikov G. T., Kosenko N. A., Solonenko A. V., Yanova O. A. Hypochondriacal states and somatoform disorders. *Psikhicheskoe zdorovie*, 2013, (11): 44–50. (In Russ.)
11. Tarasova R. E. The problem of student anxiety. *International Student Research Bulletin*, 2016, (5-1): 96–97. (In Russ.)
12. El'nikova O. E. Sensorimotor integration and the inhibitory control as determinants of attitude to the disease in adolescence and during adulthood. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*, 2019, (3): 30–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2019-47-3-30-39>
13. Biduchak A. Types of psychological reactions patient for disease. *The Scientific Heritage*, 2019, (37-1): 8–10.
14. Seligman M. Learned helplessness' & torture: An exchange. *The New York Review of Books*, 2016. Available at: <https://www.nybooks.com/articles/2016/04/21/learned-helplessness-torture-an-exchange/> (accessed 30.03.2021).
15. Volkova O. V. *The learned helplessness: technology of genesis research*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2018, 280. (In Russ.)
16. Volkova O. V. Development of personality with learned helplessness at different stages of ontogenesis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 397–408. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-397-408>
17. Solntseva N. V. The phenomenon of learned helplessness: reasons and ways to overcome. *An integrative approach to human psychology and social interaction of people: Proc. I All-Russian Sci.-Prac. (correspondence) Conf., St. Petersburg*, 15–17 Jan 2011. St. Petersburg: NIIRRR, 2011, 174–180. (In Russ.)
18. Belyukov A. A. Addictiveness as the subject of psychoanalytic research. *Psychology and Psychotechnics*, 2008, (3): 63–68. (In Russ.)

19. Kolchev A. I. Deviating behaviour in a stressful setting. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh*, 2012, (1): 77–80. (In Russ.)
20. Lukyantseva I. S., Ruzhenkov V. A., Ponomarenko D. O. Addictive behavior and alcoholism in medical students of senior courses (prevalence, comorbidity and treatment). *I. P. Pavlov Russian medical biological herald*, 2018, 26(3): 380–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.23888/PAVLOVJ2018263380-387>
21. Dubey M. J., Ghosh R., Chatterjee S., Biswas P., Chatterjee S., Dubey S. COVID-19 and addiction. *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews*, 2020, 14(5): 817–823. <https://doi.org/10.1016/j.dsx.2020.06.008>
22. Zhiratkova Z. V., Petrova T. E., Leontyeva A. V. Promotion of a healthy lifestyle among students (a sociological analysis). *Regionology*, 2018, 26(4): 784–797. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.784-797>
23. Zotova D. V., Rozanov V. A. Pathological use and dependence on social networks – analysis from the position of phenomenology of addictive behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2020, 10(2): 158–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
24. Alexandrova E. S. Eco-psychological interactions with the information environment as the condition of subjective well-being. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 2017, 10(3): 26–33. (In Russ.)

оригинальная статья

Особенности отношения к времени у выпускников вузов с разным уровнем субъективного благополучия и оптимизма

Сергей Витальевич Духновский

Югорский государственный университет, Россия, г. Ханты-Мансийск; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>; dukhnovskysv@mail.ru

Екатерина Вячеславовна Забелина

Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск; <https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>

Поступила в редакцию 01.08.2021. Принята после рецензирования 06.09.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: В статье с привлечением эмпирического материала обсуждаются результаты исследования отношения студентов с разным уровнем субъективного благополучия и оптимизма к своему времени, проявлением которого выступают временная свобода, зависимость и инфантилизм. Цель – установить соотношение субъективного благополучия и оптимизма с отношением студентов к своему времени, проявлением которого является временная свобода, зависимость и инфантилизм, а также различия в особенностях отношения к времени у студентов с высоким и низким уровнем субъективного благополучия. Предполагалось, отношение к своему времени может выступать индикатором субъективного благополучия и оптимизма студентов выпускных курсов вузов. В исследовании приняли участие 297 студентов выпускных курсов очной формы обучения Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск) и Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Курган) в возрасте от 21 до 22 лет (154 субъекта женского и 143 мужского пола), все – граждане России. Исследование проводилось с помощью комплекса методик, включающего в себя авторские разработки – Шкала отношения к времени и Шкала оптимистичности личности, также использовали Шкалу субъективного благополучия, адаптированную М. В. Соколовой. В исследовании установлена взаимозависимость показателя переживания благополучия и оптимистичности с показателем отношения к времени, феноменами которого являются временная свобода, зависимость, инфантилизм. Соответственно, чем благополучнее чувствует себя человек, чем более он оптимистичен, тем больше время воспринимается им как ресурс для реализации своей активности и осуществления деятельности, тем меньше выражено пристрастие человека к управлению и контролю своего времени, проявляющееся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать. Благополучные и оптимистичные студенты обладают низким уровнем временной зависимости, выпускники с умеренным уровнем благополучия и оптимизма – повышенным уровнем временной зависимости, а у субъектов с низким уровнем субъективного благополучия доминирует высокий уровень временной зависимости. Показано, что отношение к времени, феноменами которого являются временная свобода, зависимость, инфантилизм, является индикатором субъективного благополучия личности. В частности, отношение к времени, проявляющееся во временной свободе, характеризующейся гибкостью планирования своего времени, способности легко изменить временной распорядок как по своему желанию, так и по требованиям ситуации, является отражением благополучия и оптимистичности личности. Временная зависимость выступает индикатором субъективного неблагополучия и пессимистичности личности. Временной инфантилизм свойственен выпускникам вузов, благополучие которых достигается за счет завышенной самооценки, недостаточно развитого понимания себя, неприятия и отвержения трудностей, что выражается в отсутствии четкого планирования времени, нерациональном его использовании.

Ключевые слова: психологическое время, временная свобода, зависимость, инфантилизм, Шкала субъективного благополучия

Цитирование: Духновский С. В., Забелина Е. В. Особенности отношения к времени у выпускников вузов с разным уровнем субъективного благополучия и оптимизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 673–681. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-673-681>

Введение

Благодаря времени и во времени происходит самоосуществление человека, реализация себя, своих потенциалов. Время – ресурсная характеристика человека, от использования которой зависят его достижения в жизни. В этом плане актуальными являются вопросы отношения выпускников вузов к своему времени, проявляющиеся в особенностях его

восприятия и использования, что определяет качество жизни, в субъективном плане оцениваемое ими как благополучие / неблагополучие. Находясь на пороге самостоятельной профессиональной жизни, выпускники вузов могут испытывать различные чувства, в том числе и тревогу перед будущим. Насколько удастся им реализовать свой потенциал, найти

себя в любимой профессии, осуществить свои жизненные планы – во многом определит то, насколько удовлетворены и счастливы они будут. Именно поэтому изучение взаимосвязи особенностей отношения к своему времени и субъективного благополучия особенно важно для категории выпускников вузов.

Рассматривая вопросы психологического времени, его роли в жизни и деятельности людей, обращает на себя внимание ряд работ. Так, проблема времени как атрибута становления и жизненного пути личности являлась центральной в трудах Е. И. Головахи и А. А. Кроника [1], К. А. Абульхановой-Славской и Т. Н. Березиной [2], В. И. Ковалева [3], Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [4] и др. В исследованиях С. Б. Нестеровой проанализированы теоретические подходы к понятию *психологическое время* [5]. Ж. В. Горькой был представлен социокультурный анализ психологии времени [6]. Я. В. Кравцовой, Т. Д. Дубовицкой, А. Г. Абдуллиним показана роль психологического времени для самооффективности личности [7]. С. А. Печерской психологическое время рассмотрено в рамках здоровья личности [8]. Т. А. Нестиком изучено групповое отношение к времени [9]. Е. В. Забелиной раскрыта взаимосвязь психологического времени с экономическим поведением людей [10]. О. В. Кузьминой описаны личностные дезорганизаторы времени и методика их оценки [11].

В рамках рассмотрения проблемы психологического времени заслуживают внимания исследования, посвященные вопросам временной перспективы и временных ориентаций. Е. М. Вечкановой изучена специфика временной перспективы личности при различных уровнях переживания кризиса идентичности [12], а также ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы [13]. О. С. Гуровой описаны особенности временной перспективы людей с хроническими заболеваниями [14]. А. А. Чевренди раскрыты особенности временной перспективы у руководителей разного должностного уровня [15]. Хронотипические особенности личности и ее жизненного мира изучены в работах М. С. Яницкого, А. В. Серого, О. А. Браун, Р. О. Балабашука [16], В. Е. Клочко, О. М. Краснорядцевой, Н. В. Хван [17] и др.

Обзор исследований показал, что такие феномены отношения субъекта к своему времени, определяющие характер временной перспективы, как временная свобода, зависимость, инфантилизм (незрелость), являются малоизученными.

В рамках нашего исследования отношение к своему времени, при котором оно воспринимается как ресурс для реализации своей активности (поведения и деятельности), мы обозначили *временной свободой*. Рациональное планирование, контроль и управление своим временем в данном случае отличается гибкостью, легкостью изменения и преобразования своего временного плана (распорядка) в зависимости от своих желаний (потребностей, мотивов),

либо когда этого требуют обстоятельства, не ухудшая психического состояния, не изменяя настроение субъекта в неблагоприятную для него сторону. Время воспринимается как источник свободы в плане реализации себя и своих потенциалов.

Отношение, в котором выражено пристрастие человека к управлению и контролю своего времени, проявляющееся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать, будем понимать как *временную зависимость*. Стремясь управлять своим временем, субъект подчиняет ему свое поведение и деятельность, которые начинают ограничиваться (регламентироваться) временными рамками. Лишаясь при этом свободы и самостоятельности, человек становится зависимым от него, испытывая дискомфорт (тревогу и беспокойство) в ситуациях, когда не может следовать своему временному плану или распорядку, даже по независящим от него причинам или стечению обстоятельств. Таким образом, желая управлять своим временем, человек становится зависимым от него, и оно начинает управлять им. При таком рассмотрении мы отходим от понимания зависимости, имеющегося, например, в работах В. Д. Менделевича [18], А. В. Смирнова [19] и др. Мы опираемся на трактовку данного слова, представленную в словаре русского языка, где под зависимостью понимается подчиненность другим (другому) при отсутствии самостоятельности и свободы¹.

Проявление незрелости в отношении к своему времени, выражающееся в отсутствии у субъекта ценностного отношения к своему времени, желания и способности конструктивно распоряжаться им, используя время (временной план, распорядок) в качестве ресурса для реализации себя, своих способностей и потенциалов, будем понимать как *временной инфантилизм*. Субъект не задумывается о своем времени и о тех возможностях и ограничениях, которые оно дает в плане реализации активности (осуществления поведения и деятельности).

Считаем, что описанные выше особенности отношения субъекта к своему времени могут определять характер временной перспективы выпускников вузов. Например, временная свобода может проявляться в *гибкой временной ориентации* (в терминологии Ф. Зимбардо), а временная зависимость и незрелость – отражение *злоупотребления временной перспективой* (Ф. Зимбардо), определяя тем самым благополучие человека, сопряженное с оптимистичностью как характеристикой его личности.

Рассматривая субъективное благополучие, в исследовании мы придерживались позиций Л. В. Куликова и Р. М. Шамянова. Таким образом, *субъективное благополучие* – это «понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о "благополучной" внешней

¹ Зависимость // Толковый словарь Ожегова. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7966> (дата обращения: 20.07.2021).

и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности» [20, с. 8]. Субъективное благополучие, по мнению Л. В. Куликова, представляет собой обобщенное и относительно устойчивое переживание, имеющее особую значимость для личности, которое в большей степени определяет характеристики доминирующего благоприятного психического состояния – способствующего согласованному протеканию психических процессов, успешному поведению, поддерживающему психическое и физическое здоровье, или, напротив, неблагоприятного [21].

Обзор исследований [22–25] показал, что субъективное благополучие находит свое отражение в оптимизме личности, который рассматривается как атрибут благоприятного психического состояния; феномен позитивного отношения к себе и окружающему миру (предметному, природному, социальному); ресурс преодоления трудных жизненных ситуаций, включая кризисы. С нашей точки зрения, *оптимизм* – личностная характеристика, отражающая ее жизнелюбность, веру в себя и свои способности (ресурсы и потенциалы), уверенность в том, что желаемые цели будут достигнуты, жизненные планы реализованы, и сопровождаемая благоприятным психическим состоянием, позитивным отношением к себе и окружающему миру [26].

Проблема отношения субъекта к своему времени, проявляющаяся во временной зависимости, недостаточно изученна и требует дальнейшего научного анализа и обобщения. Особую значимость это приобретает у студентов – выпускников вузов. В этом плане актуальными являются ответы на вопросы: взаимосвязаны ли субъективное благополучие и оптимизм с отношением к времени выпускников вуза? Имеются ли различия в особенностях отношения к времени у студентов с разным уровнем субъективного благополучия и оптимизма? Могут ли особенности отношения к времени (свобода, зависимость, инфантилизм) выступать индикаторами субъективного благополучия и оптимистичности студентов?

Методика исследования

В обследовании приняли участие 297 студентов выпускных курсов очной формы обучения Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск) и Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Курган) в возрасте от 21 до 22 лет (154 субъекта женского и 143 мужского пола), все – граждане России, практически здоровые, прошедшие обследование по просьбе психолога. Исследование проводилось в апреле-мае 2021 г.

При проведении исследования мы исходили из предположения о наличии взаимосвязи отношения к времени, выраженного во временной зависимости, с субъективным благополучием и оптимистичностью личности, а также о том, что студенты с разным уровнем благополучия и оптимизма будут различаться выраженностью временной зависимости.

В качестве психодиагностических методик были использованы авторские разработки:

- **Шкала отношения к времени.** Представляет собой набор из 11 пунктов, каждый из которых сформулирован как утверждение с раздваивающимися окончанием: два противоположных варианта окончания задают полюса оценочной шкалы, между которыми возможны семь градаций оценок: от 1 (полностью не согласен) до 7 (согласен полностью). Итоговый балл по шкале вычисляется суммированием баллов по всем пунктам методики. В зависимости от выраженности итогового показателя оценивается отношение респондента к времени в континууме *временная зависимость – свобода – инфантилизм*. Чем выше балл, тем больше оценки отклоняются в сторону временной зависимости, низкие значения говорят о временном инфантилизме, тогда как пониженные – о временной свободе, как феноменах отношения к времени.

- **Шкала оптимистичности личности.** Измеряет выраженность данного качества в контексте его социально-позитивных (негативных) проявлений. Социально-позитивные проявления оптимизма – это благоприятное (и / или) приближенное к нему психическое состояние, переживание благополучия, в том числе и профессионально-психологического, сопряженное с позитивным отношением к себе и к окружающему, активностью в познании себя, других людей и мира в целом, уверенностью в успешном разрешении возникающих трудностей и противоречий. Социально-негативными проявлениями оптимизма (в нашем контексте девиациями) могут выступать неадекватная критичность по отношению к себе (завышенная или заниженная), дисгармоничные отношения с другими людьми, пассивность и ригидность (познавательная, эмоциональная, поведенческая), самоуверенность или, наоборот, неверие в собственные силы [25].

Также в исследовании использовалась **Шкала субъективного благополучия** (ШСБ) (адаптированная М. В. Соколовой), позволяющая оценить качество эмоциональных переживаний субъекта в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества [27].

В качестве статистических процедур были использованы анализ первичных статистик и корреляционный анализ, а для сравнения выборок – параметрический критерий t-Стьюдента (обусловлено нормальностью распределения данных). Расчет данных проводился в статистических программах Excel и STATISTICA 13.3.

Результаты

Мы предполагали, что переживание благополучия и оптимистичность личности взаимосвязаны с особенностями отношения студентов к своему времени, феноменами которого являются временная свобода, зависимость и инфантилизм. Данный факт нашел свое эмпирическое подтверждение в результате корреляционного анализа показателей благополучия и оптимизма личности

с показателем шкалы отношения к времени (табл. 1). Установлена значимая отрицательная корреляционная связь показателя по шкале оптимистичности личности с показателем отношения к времени. Соответственно, увеличение показателя по шкале отношения к времени, что говорит о его отклонении в сторону временной зависимости, сопровождается снижением показателя оптимистичности. И наоборот, увеличение оптимистичности соотносится с уменьшением показателя отношения к времени – его отклонением в сторону временной свободы и инфантилизма.

Табл. 1. Матрица интеркорреляций показателей по субъективному благополучию и оптимистичности с показателем отношения к времени

Tab. 1. Intercorrelation matrix of subjective well-being, optimism, and time attitude

Показатели	Отношение к времени, $r \leq 0,01$
Оптимистичность личности	-0,33
Субъективное благополучие	0,34

Таким образом, чем более выражено отношение, в котором доминирует пристрастие человека к управлению и контролю своего времени, проявляющееся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать (показатель отношения к времени), тем меньше жизнелюбности, веры в себя и свои способности, сопровождаемых неуверенностью в том, что желаемые цели будут достигнуты, жизненные планы реализованы, неблагоприятным психическим состоянием (понижен тонус, ощущение упадка сил и активности психических процессов, напряженность, преобладание отрицательных эмоций), неудовлетворенностью отношениями с другими людьми, отношением к себе и миру в целом (показатель оптимистичности личности). Снижение показателя отношения к времени в сторону временной свободы и инфантилизма сопровождается увеличением показателей субъективного благополучия и оптимизма.

Наличие прямой корреляционной связи показателя отношения к времени с показателем субъективного благополучия объясняем следующим: в руководстве к методике ШСБ [27] указано, что чем выше значения по шкале, тем менее благополучным чувствует себя человек, тогда как снижение значений свидетельствует о повышении субъективного благополучия. Данный факт свидетельствует о том, что увеличение показателя по шкале отношения к времени – его отклонение в сторону временной зависимости – сопровождается снижением показателя субъективного благополучия. И наоборот, увеличение показателя субъективного благополучия соотносится с уменьшением показателя отношения к времени в сторону временной свободы и инфантилизма.

Корреляционный анализ показал, что отклонение оценок в сторону временной зависимости как индикатора отношения к времени сопровождается снижением показателей благополучия и оптимизма в неблагоприятную для субъекта сторону, тогда как отклонение в сторону временной свободы и инфантилизма взаимосвязано с увеличением субъективного благополучия и оптимизма. Соответственно, повышение субъективного благополучия и оптимизма сопровождается изменением отношения студентов к своему времени, проявляемым в снижении временной зависимости, временной свободе или инфантилизме.

В то же время обращает на себя внимание, что зависимость и инфантилизм являются крайними полюсами отношения к времени, а временная свобода занимает промежуточную позицию. И здесь актуален вопрос об уровне выраженности показателя по шкале отношения к времени, свидетельствующем о временной свободе, зависимости и инфантилизме у субъектов (в нашем случае это студенты – выпускники вузов), различающихся по уровню субъективного благополучия и оптимизма. Для решения этого вопроса, по результатам методики ШСБ, вся обследованная выборка была разделена на три группы:

1. **Субъекты с высоким и повышенным уровнем благополучия** (107 человек, 36 % от общей выборки), показатели по методике ШСБ находятся в диапазоне от 1 до 3 этэнов. Обследованные данной группы не испытывают серьезных проблем, обладают развитой системой саморегуляции, способны выстраивать гармоничные отношения с другими людьми, проявляя уверенность в себе и активность. Данную группу студентов мы обозначили как *благополучные*.

2. **Субъекты с умеренным уровнем благополучия** (133 обследованных, 44,7 %), показатели по методике ШСБ находятся в диапазоне от 4 до 6 этэнов. Данной категории обследованных присуще недостаточное переживание эмоционального комфорта, при том что серьезные трудности и проблемы, по их мнению, у них отсутствуют.

3. **Субъекты с низким и пониженным уровнем благополучия** (57 человек, 19,3 %), показатели по методике ШСБ находятся в диапазоне от 7 до 10 этэнов. У обследованных имеет место неблагоприятное психическое состояние, что может проявляться в пессимистичности, чувстве одиночества, плохой переносимости ситуаций неопределенности, вызывающих у них стресс и тревогу. Данную категорию обследованных студентов мы обозначили как *неблагополучные*.

С использованием критерия t-Стьюдента нами были установлены достоверные различия в показателях по шкале отношения к времени и оптимизма у выпускников вузов с разным уровнем субъективного благополучия (табл. 2). В группе неблагополучных субъектов показатель отношения к времени достоверно выше, чем в группах с умеренным и высоким уровнями, показатели которых также достоверно различны. В группе благополучных студентов показатель по шкале оптимизма достоверно выше, чем в группах

с умеренным и низким уровнями благополучия, которые в свою очередь значительно различаются по данному показателю. Значения t-критерия Стьюдента находятся в диапазоне от 1,89 до 1,95.

Табл. 2. Выраженность показателя отношения к времени и оптимизма у выпускников с разным уровнем субъективного благополучия
Tab. 2. Time attitude and optimism in senior students with different levels of subjective well-being

Показатели	Уровень субъективного благополучия		
	Низкий	Средний	Высокий
Отношение к времени	68,3±6,9*	45,2±6,9	31,8±5,7
Оптимизм личности	30,0±5,9	50,9±8,7	56,8±6,6*

Прим.: * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$.

В группе неблагополучных субъектов данный показатель по методике ШСБ выражен на низком уровне, что говорит об их неудовлетворенности своей жизнью в настоящем, пассивности, унынии, пониженном тонусе, неверии в себя и свои возможности, низкой активности (или ее отсутствии) для достижения желаемых целей. У данной категории обследованных студентов показатель отношения к времени достоверно выше, чем у субъектов со средним и высоким уровнями благополучия, и выражен на высоком уровне (в диапазоне 44–58 баллов), что позволяет говорить об их временной зависимости. Соответственно, неблагополучным субъектам с низким уровнем оптимизма присуще пристрастие к управлению и контролю своего времени, проявляющееся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать. Они испытывают дискомфорт в ситуациях, когда не могут точно следовать своему временному плану или распорядку (даже по независящим от них причинам), что ухудшает их психическое состояние и настроение, негативно влияя на работоспособность и благополучие.

У благополучных субъектов (значения по методике ШСБ находятся в диапазоне от 1 до 3 стэнов) показатель оптимистичности выражен на повышенном уровне (при переводе сырых значений в стандартные он находится в диапазоне 8–10 стэнов). Для них характерно активное отношение к жизненной ситуации, свою жизнь они воспринимают как интересную, наполненную смыслом и эмоционально насыщенную. У них выражено стремление построить свою жизнь в соответствии с поставленными целями, что сопровождается уверенностью в себе и своих способностях, в том, что цели будут достигнуты, жизненные планы реализованы, жизнерадостностью, позитивным отношением к себе и окружающему миру. Показатель отношения к времени у данной категории обследованных выражен

на низком и пониженном уровне (находится в диапазоне от 26 до 38 баллов).

У обследованных с экстремально низкими (до 1 стэна) показателями по методике ШСБ благополучие обеспечивается отрицанием наличия психологических проблем, либо «ситуация оценивается как неразрешимая, но ее активное отвержение отсутствует, эмоциональная острота неприятия стерта. Нет сильного стремления осуществлять какие-либо изменения в себе, своем поведении или в ситуации, интенсивно выполнять необходимые преобразования, расширять владение ситуацией» [28, с. 6]. Можно предположить, что данная категория обследованных имеет неадекватно завышенную оценку себя, своих личностных и временных особенностей, что в свою очередь выражается в самоуверенности, безразличии к решению повседневных дел и вопросов, нежелании проявлять активность для изменения ситуации в желаемую для себя сторону, даже когда этого требуют обстоятельства, в игнорировании своих проблем и жизненных трудностей, успокоенности и безразличии. Показатели по шкале отношения к времени находятся в диапазоне от 26 до 38 баллов, что говорит о временном инфантилизме – незрелости в отношении к своему времени – и выражается в отсутствии у субъекта ценностного отношения к своему времени, желания и способности конструктивно распоряжаться им, используя время (временной план, распорядок) в качестве ресурса для реализации себя, своих способностей и потенциалов (данный факт установлен у 31,3 % в группе благополучных субъектов).

У студентов, значения которых по методике ШСБ отклоняются в сторону повышения субъективного благополучия (находятся в диапазоне 2–3 стэнов), показатель по шкале отношения к времени также находится на пониженном и среднем уровнях (в диапазоне 38–52 баллов). Отношение к времени данной категории обследованных характеризуется временной свободой, отличается рациональностью и гибкостью в планировании своего времени, способностью легко изменить свой временной распорядок как по своему желанию, так и по требованиям ситуации, не испытывая при этом дискомфорта; время воспринимается ими как ресурс для реализации своей активности и организации деятельности (выявлено у 68,7 % обследованных, вошедших в группу благополучных субъектов).

Субъектов с умеренным уровнем благополучия отличает средний уровень оптимистичности (при переводе сырых значений в стандартные данный показатель находится в диапазоне 6 стэнов). У обследованных имеет место малая эмоциональная чувствительность и пониженный уровень притязаний, они не в полной мере удовлетворены собой, низко оценивают свои личные достижения, также ожидают невысокой оценки со стороны других (знающих их) людей. Это выражается в пониженной активности в достижении желаемых целей, несопровождаемой уверенностью в их достижимости, в будущем они также не ожидают больших достижений. Субъекты стремятся компенсировать это,

управляя своим временем, потребностью в его контроле и рациональном использовании, при этом испытывая трудности, когда возникает необходимость изменять свой временной распорядок, что негативно сказывается на их психическом состоянии и отношениях, в том числе и к самим себе (показатель отношения к времени отклоняется в сторону повышенных значений, находится в диапазоне от 52 до 67 баллов).

Обсуждение

Предположение о существовании различий в выраженности отношения к времени у студентов с разным уровнем благополучия и релевантного ему оптимизма нашло свое эмпирическое подтверждение. Результаты исследования показали: чем благополучнее и оптимистичнее человек, тем больше его отношению к времени свойственны временная свобода и в крайних случаях временной инфантилизм. И наоборот, переживание эмоционального дискомфорта, неудовлетворенность межличностными отношениями, пессимистичность, тревожность и трудности в саморегуляции сопровождаются пристрастием человека к управлению и контролю своего времени, проявляющимся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать. Стремясь управлять своим временем, субъект подчиняет ему свое поведение и деятельность, которые начинают ограничиваться временными рамками. Лишаясь при этом свободы и самостоятельности, он становится зависимым от него, испытывая дискомфорт (тревогу и беспокойство) в ситуациях, когда не может следовать своему временному плану или распорядку, даже по независящим от него причинам или стечению обстоятельств.

Следовательно, пониженный уровень временной зависимости как характеристика отношения студентов к своему времени является индикатором благополучия и оптимистичности личности, тогда как средний и высокий уровни будут свидетельствовать о неблагополучии личности.

Результаты исследования дополняют представления о содержательных характеристиках временной перспективы и влияющих на нее факторах, в частности, понятием отношения к времени, феноменами которого выступают временная свобода, зависимость, инфантилизм. Таким образом, временная свобода, зависимость и инфантилизм как проявления отношения к времени могут рассматриваться характеристиками временной перспективы, взаимосвязанными с субъективным благополучием и оптимизмом выпускников вузов. Помимо этого, оптимизм как характеристика личности может рассматриваться как личностный дезорганизатор психологического времени, влияющий как на временную перспективу, так и на субъективное благополучие.

Заключение

Установлена взаимозависимость показателя переживания благополучия и оптимистичности с показателем отношения к времени, феноменами которого являются временная

свобода, зависимость, инфантилизм. Соответственно, чем благополучнее чувствует себя человек, чем более он оптимистичен, тем больше время воспринимается им как ресурс для реализации своей активности и осуществления деятельности, тем меньше выражено пристрастие человека к управлению и контролю своего времени, проявляющееся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать, снижающее субъективное благополучие.

Установлено, что субъекты с разным уровнем благополучия и оптимизма различаются по показателю отношения к времени. Показано, что отношение к времени является индикатором субъективного благополучия личности. В частности, временная свобода как показатель отношения к времени, проявляющаяся в гибкости планирования своего времени, способности легко изменить временной распорядок как по своему желанию, так и по требованиям ситуации, является отражением благополучия и оптимистичности личности.

Временной инфантилизм как проявление незрелости в отношении к своему времени, выражающееся в отсутствии желания и способности конструктивно распоряжаться им, используя время в качестве ресурса для реализации себя, своих способностей и потенциалов, сопровождающийся субъективным благополучием и оптимизмом, является индикатором завышенной самооценки, недостаточно развитого понимания себя, непринятия и отвержения трудностей, что выражается в отсутствии четкого планирования времени и часто в его нерациональном использовании.

Отношение к времени, характеризующееся временной зависимостью как пристрастием субъекта к управлению и контролю своего времени, проявляющееся в навязчивом желании и стремлении рационально его планировать и использовать, говорит о субъективном неблагополучии и пессимистичности. Субъекты испытывают дискомфорт, тревогу и беспокойство в ситуациях, когда они не могут следовать своему временному плану или распорядку, даже по не зависящим от них причинам.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают данные о влиянии психологического времени личности, его отдельных характеристик на субъективное благополучие человека, оптимизме как личностном дезорганизаторе времени. Обнаружение взаимосвязи отношения к времени с субъективным благополучием и оптимизмом на примере выпускников вузов вносит вклад в развитие этого теоретико-методологического направления.

Установленные факты дополняют психометрические характеристики разработанной нами методики *Шкала отношения к времени* в плане ее критериальной и конструктивной валидности. Соответственно, разработанную шкалу возможно использовать как для решения научно-исследовательских, так и практических задач.

В завершение отметим, что перспективным направлением исследований в русле заявленной проблематики

является изучение гендерных и возрастных особенностей отношения к времени, феноменами которого выступают временная свобода, зависимость, инфантилизм, в том числе при изучении переживания нормативных и ненормативных кризисов профессионального и личностного развития.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев: Наукова Думка, 1984. 207 с.
2. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
3. Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 216–230.
4. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
5. Нестерова С. Б. Теоретические подходы к понятию «психологическое время» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1. С. 159–169.
6. Горькая Ж. В. Социокультурный анализ психологии восприятия времени // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9. С. 245–250.
7. Кравцова Я. В., Дубовицкая Т. Д., Абдуллин А. Г. Психологическое время и самоэффективность личности // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.14529/jpps200302>
8. Печерская С. А. Психологическое время как психологический аспект здоровья личности // Вестник университета. 2014. № 21. С. 292–297.
9. Нестик Т. А. Групповое отношение к времени как социально-психологический феномен // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2015. Т. 14. С. 10–30.
10. Забелина Е. В. Время в восприятии современной молодежи: отражение культуры постмодернизма // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2018. № 4. С. 17–23.
11. Кузьмина О. В. Методика диагностики личностных дезорганизаторов времени // Психологические исследования. 2011. № 6. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011-n-620/569-kuzmina20.html> (дата обращения: 20.07.2021).
12. Вечканова Е. М. Специфика временной перспективы личности при различных уровнях переживания кризиса идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4-2. С. 117–122.
13. Вечканова Е. М. Методологические предпосылки исследования ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 3. С. 61–75. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-3-7>
14. Гурова О. С. Особенности временной перспективы людей с хроническими заболеваниями // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 5. С. 14–24.
15. Чеврениди А. А. Особенности временной перспективы у руководителей разного должностного уровня // Организационная психология. 2019. Т. 7. № 1. С. 83–96.
16. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 466–476. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>
17. Ключко В. Е., Краснорядцева О. М., Хван Н. В. Индивидуально-психологические характеристики двух типов хроно-типической организации жизненного мира человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 148–154.
18. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
19. Смирнов А. В. Психология аддиктивного поведения. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 379 с.
20. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 180 с.
21. Куликов А. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
22. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: ИП РАН, 2013. 267 с.
23. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности (опыт социолого-психологического исследования) // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 87–95.
24. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
25. Посохова С. Т. Оптимизм: психологическое содержание и личностный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1-1. С. 5–16.

26. Духновский С. В., Мищенко В. А. Оптимизм: ресурс и девиация личности // Вестник Калужского университета. 2021. Т. 4. № 2. С. 128–135.
27. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия: руководство. 2-е изд. Ярославль: Психодиагностика, 1996. 14 с.
28. Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. СПб.: СПбГУ, 2003. 81 с.

original article

Time Attitude in Senior Students with Different Levels of Subjective Well-Being and Optimism

Sergey V. Dukhnovsky

Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>; dukhnovskysv@mail.ru

Ekaterina V. Zabelina

Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk; <https://orcid.org/0000-0002-2365-6016>

Received 1 Aug 2021. Accepted after peer review 6 Sep 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: The research featured the way time attitude depend on the levels of subjective well-being and optimism. The attitude manifested as temporal freedom, dependence, and infantilism. The authors believe that attitude to one's time can be an indicator of one's subjective well-being and optimism. The survey included 297 senior students (age 21–22, 154 female subjects) of the Ugra State University (Khanty-Mansiysk) and the Kurgan branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Kurgan). All the participants were citizens of Russia. The study employed a set of methods, including authentic versions of The Scale of Attitude to Time and The Scale of Optimism of Personality, as well as The Scale of Subjective Well-Being adapted by M.V. Sokolova. The study established the interdependence of subjective well-being and optimism with time attitude represented by temporary freedom, dependence, and infantilism. Optimists saw time as a resource for activity and demonstrated no obsession with time management and control. Students with a sense of well-being and optimism had low temporal dependence; those with moderate levels of well-being and optimism had higher levels of temporal dependence; those with low levels of subjective well-being demonstrated high levels of temporal dependence. Time attitude proved to be an effective indicator of subjective well-being. For instance, flexible attitude to time management reflected subjective well-being. Time dependence indicated subjective disadvantage and pessimism. Temporal infantilism, i.e. irrational attitude to time management, was typical of senior students with increased self-esteem, poor self-understanding, non-acceptance, and rejection of difficulties.

Keywords: psychological time, temporal freedom, dependence, infantilism, Scale of Subjective Well-Being

Citation: Dukhnovsky S. V., Zabelina E. V. Time Attitude in Senior Students with Different Levels of Subjective Well-Being and Optimism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 673–681. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-673-681>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psychological time of the personality*. Kiev: Naukova Dumka, 1984, 207. (In Russ.)
2. Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *Personality time and time of life*. St. Petersburg: Aleteiia, 2001, 304. (In Russ.)
3. Kovalev V. I. Category of time in psychology (personal aspect). *Categories of materialistic dialectics in psychology*, ed. Antsyferova L. I. Moscow: Nauka, 1988, 216–230. (In Russ.)
4. Zimbardo F., Bojd J. *The time paradox: the new psychology of time that will change your life*. St. Petersburg: Rech, 2010, 352. (In Russ.)
5. Nesterova S. B. Theoretical approaches to the concept of "psychological time". *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 2019, (1): 159–169. (In Russ.)

6. Gorkaya Zh. V. Sociocultural analysis of the psychology of perception of time. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (9): 245–250. (In Russ.)
7. Kravtsova Y. V., Dubovitskaya T. D., Abdullin A. G. Psychological time and self-efficacy of the individual. *Psychology. Psychophysiology*, 2020, 13(3): 17–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/jpps200302>
8. Pecherskaya S. A. Psychological time as the psychological aspect of health of the individual. *Vestnik universiteta*, 2014, (21): 292–297. (In Russ.)
9. Nestik T. A. Group view to time as a socio-psychological phenomenon. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2015, 14: 10–30. (In Russ.)
10. Zabelina E. V. Time in the perception of modern youth: a reflection of postmodernism culture. *The Humanities (Yalta)*, 2018, (4): 17–23. (In Russ.)
11. Kuzmina O. V. The technique of diagnostics of personal time disorganizers. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2011, (6). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011-n-620/569-kuzmina20.html> (accessed 20 Jul 2021). (In Russ.)
12. Vechkanova E. M. Specificity of the individual's temporal perspective at various levels of experiencing an identity crisis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (4-2): 117–122. (In Russ.)
13. Vechkanova E. M. Methodological prerequisites for investigation of value-semantic determinants of person's time perspective. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2015, (3): 61–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-3-7>
14. Gurova O. S. Features of the time perspective of people with chronic diseases. *Health, Physical Culture and Sports*, 2019, (5): 14–24. (In Russ.)
15. Chevrenidi A. A. Features of time perspective among managers of different levels. *Organizational Psychology*, 2019, 7(1): 83–96. (In Russ.)
16. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Chronotopic characteristics of the image of the world during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 466–476. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>
17. Klochko V. E., Krasnoryadtseva O. M., Khvan N. V. Individual psychological characteristics of two types of chronotypical organization of human lifeworld. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 148–154. (In Russ.)
18. Mendelevich V. D. *Psychology of deviant behavior*. St. Petersburg: Rech, 2005, 445. (In Russ.)
19. Smirnov A. V. *Psychology of addictive behavior*. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2014, 379. (In Russ.)
20. Shamionov R. M. *Psychology of subjective well-being of the individual*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004, 180. (In Russ.)
21. Kulikov L. V. *Psychogygiene of personality. Issues of psychological stability and psychoprophylaxis*. St. Petersburg: Piter, 2004, 464. (In Russ.)
22. Dzhydaryan I. A. *Psychology of happiness and optimism*. Moscow: IP RAN, 2013, 267. (In Russ.)
23. Muzdybaev K. Optimism and pessimism of personality (experience of social and psychological research). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003, (12): 87–95. (In Russ.)
24. Seligman M. *New positive psychology: Scientific view for luck and sense life*. Moscow: Sofia, 2006, 368. (In Russ.)
25. Posokhova S. T. Optimism. Psychological content of optimism and its meaning for personality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2009, (1-1): 5–16. (In Russ.)
26. Dukhnovsky S. V., Mishchenko V. A. Optimism: resource and personality deviation. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, 2021, (2): 128–135. (In Russ.)
27. Sokolova M. V. *Scale of subjective well-being: leadership*, 2nd ed. Yaroslavl: Psikhodiagnostika, 1996, 14. (In Russ.)
28. Kulikov L. V. A guide to methods for diagnosing mental states, moods, and the sphere of feelings. *Procedure description and manual*. St. Petersburg: SPbGU, 2003, 81. (In Russ.)

оригинальная статья

Динамические трансформации содержательных характеристик креативности студентов с различными когнитивными стилями

Ирина Станиславовна Морозова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Вероника Александровна Каменева

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Марина Юрьевна Рябова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Дмитрий Николаевич Долганов

Беловский институт (филиал) Кемеровского государственного
университета, Россия, г. Белово

Дарья Николаевна Гриненко

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-3305-8113>;
daria_grinenko@mail.ru

Поступила в редакцию 02.08.2021. Принята после рецензирования 13.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: В статье представлены результаты изучения изменений параметров креативности студентов колледжа с учетом специфики доминирующего когнитивного стиля. Цель – изучить динамические трансформации содержательных характеристик креативности студентов с различными когнитивными стилями, обучающимися в колледже. Представлены данные о вариативности определения понятия когнитивный стиль в зарубежной и отечественной психологии. Дополнены представления о сущностных характеристиках креативности. Обоснована необходимость учета специфики доминирующего когнитивного стиля, определяющего особенности проявления феномена креативности. Представлено соотношение характеристик креативности и рассматриваемых параметров когнитивного стиля. Описана динамика проявления креативности обучающихся с учетом доминирования полезависимости / полнезависимости и интегральности / дифференциальности. Обосновано, что полезависимые обучающиеся являются более включенными в информационное пространство, представленное в образовательной среде, и с большим трудом меняют свои взгляды и суждения даже в условиях направленного воздействия, осуществляемого в процессе психологического тренинга. Определено, что развитие креативности средствами психологического тренинга является более результативным среди полнезависимых, что обусловлено их стремлением сформировать собственную позицию относительно всей потребляемой информации. Выявлено, что при преобладании полюса дифференциальности трансформации характеристик будут более выраженными. При этом вектор изменений будет обусловлен возможностью удовлетворить возникающую у испытуемых потребность детализировать воспринимаемую и продуцируемую информацию.

Ключевые слова: средства целенаправленного воздействия, когнитивно-стилевые параметры, личностные свойства, полезависимость, полнезависимость, интегральность, дифференциальность

Цитирование: Морозова И. С., Каменева В. А., Рябова М. Ю., Долганов Д. Н., Гриненко Д. Н. Динамические трансформации содержательных характеристик креативности студентов с различными когнитивными стилями // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 682–690. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-682-690>

Введение

Формирование профессионально важных качеств в сферах, предполагающих высокий уровень творческой активности, представляется одним из основных направлений деятельности в условиях психологического сопровождения. Но такое развитие необходимо направлять с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, оказывающих заметное влияние на всю организацию деятельности и подход к работе с информацией. Для профессий, связанных со сценическим искусством, ключевым профессионально важным качеством является креативность, тогда как в качестве значимой характеристики, определяющей особенности работы с информацией, можно рассматривать когнитивный стиль.

М. М. Мишина и М. В. Равилова аргументированно определяют когнитивный стиль как способ восприятия, переработки и оценки информации индивидом [1]. Согласно точке зрения И. А. Кибальченко и др., когнитивный стиль следует рассматривать как личностный конструкт, представляющий собой интегрированную совокупность устойчивых и индивидуально специфических характеристик, обеспечивающих результативность переработки информации и принятия решений [2]. В качестве способа переработки информации интерпретируют когнитивный стиль Л. В. Мамедова и др. [3]. Р. А. Сафронов и С. И. Розум предлагают рассматривать соотношение когнитивного стиля

полезависимость / полenezависимость в качестве фактора усвоения учебной информации во взаимодействии преподавателей и студентов [4].

Мы считаем целесообразным рассматривать когнитивный стиль как индивидуальный способ восприятия и переработки информации, что проявляется в ее анализе, структурировании и оценивании.

Большое количество работ, посвященных когнитивным стилям и их влиянию на разные аспекты жизни и деятельности, легло в основу обобщенной классификации зарубежных подходов к исследованию данной проблемы. Среди трех направлений исследований, выделяемых И. П. Шкуратовой [5], для нас представляет интерес выявление влияния когнитивного стиля на разные стороны поведения личности. Проведение исследований в данном направлении позволяет понять, существует ли взаимосвязь между преобладающим параметром когнитивного стиля и конкретными характеристиками личности, имеющими значение при обучении в конкретной профессиональной сфере.

Существует около 20 когнитивных стилей и их параметров, различным образом объединяемых между собой. В данной работе мы придерживаемся классификации М. А. Холодной, которая выделяет следующие параметры: *полезависимость / полenezависимость*, узкий / широкий диапазон эквивалентности, узость / широта категорий, гибкий / ригидный познавательный контроль, толерантность к нерелистическому опыту, фокусирующий / сканирующий контроль, сглаживание / заострение, импульсивность / рефлексивность, когнитивная простота / когнитивная сложность [6].

Исследование параметра *полезависимость / полenezависимость* является одним из наиболее представленных в изучении проблемы когнитивных стилей. Разработанность данного параметра позволила исследователям выдвинуть предположения о его природе. Т. Глоберсон [7] объясняет существование одного из параметров диады степенью сформированности «когнитивных стратегий, отвечающих за отторгивание времени видимого поля» [6, с. 60]. Ч. Носал же связывает эти параметры с особенностями организации памяти и внимания [8]. Например, *полезависимость* обусловлена быстрым исчезновением следов кратковременной памяти и статичным характером внимания [3].

Параметр *интегральность / дифференциальность* отражает особенности восприятия и переработки информации как обобщенной, целостной картины или фрагментарно, с вычленением отдельных составляющих [9]. Параметр *дифференциальность / интегральность* характеризуется обобщенностью образа мира, заключающейся в абстрактности или конкретности смыслового поля индивида, эмоциональной насыщенностью когнитивных процессов, активностью когнитивных процессов [10].

Мы согласны с мнением Н. Н. Волковой и А. Н. Гусева, которые акцентируют внимание на важности интеграции исследований когнитивной и личностной сфер, и подчеркиваем

необходимость обеспечения комплексного подхода при организации исследования феномена креативности [11].

Данные, полученные А. А. Семяшкиным, демонстрируют факт взаимопроникновения когнитивно-стилевых характеристик и индивидуальных свойств, что определяет уникально функционирующий корреляционно-структурный симптомокомплекс в психической структуре личности [12, с. 133].

«Креативность – системное (многоуровневое, многомерное) психическое образование, которое не только включает интеллектуальный потенциал, но и связано с мотивацией, эмоциями, уровнем эстетического развития, экзистенциальными, коммуникативными параметрами, компетентностью и т. д.» [13, с. 3]. По мнению Л. И. Ереминой, креативность следует рассматривать как общую универсальную способность к созданию нового продукта [14, с. 46]. Согласно точке зрения Н. В. Артюшкиной и др., креативность необходимо рассматривать как внутренний ресурс человека, обеспечивающий процесс создания нового [15, с. 74].

Креативность как процессуальная характеристика проявляется поэтапно:

- 1) возникновение мотива, побуждающего к созданию нового;
- 2) подражание и использование стандартных способов деятельности;
- 3) преобразование имеющихся способов в соответствии с индивидуальными особенностями и внесение собственного опыта;
- 4) гармонизация и индивидуализация полученного результата [16].

Для понимания роли креативности в структуре профессионально важных качеств необходимо рассмотреть ее компоненты. Т. А. Барышева описывает креативность через ряд параметров: эмоциональные (эмпатия, лабильность, эмоциональный тезаурус), интеллектуальные (интуиция, дивергентность и т. д.), эстетические (чувство стиля, чувство юмора и пр.), коммуникативные и экзистенциальные [17].

Н. Ф. Вишнякова, в свою очередь, рассматривает креативность с трех позиций: как личностную характеристику, как созидательный процесс, как результат. В целом креативность рассматривается автором как чувствительность к проблемам и открытость к новому, предполагающая разрушение или изменение привычных форм поведения и способов деятельности [18]. В связи с этим Н. Ф. Вишнякова выделяет следующие содержательные характеристики креативности: творческое мышление, любознательность, оригинальность, эмоциональность (эмпатия), чувство юмора, интуиция, воображение и отношение к профессии. В данной работе мы будем рассматривать креативность через структуру, предложенную Н. Ф. Вишняковой [19].

В исследовании И. А. Кибальченко и др. представлены эмпирические данные, позволяющие определить когнитивный стиль в качестве предиктора творческих способностей студентов. По мнению исследователей, рефлексивный когнитивный стиль выступает определяющим фактором,

обеспечивающим высокую результативность учебной деятельности [2, с. 66].

Важной составляющей креативности являются ее когнитивные компоненты. Представим соотношение характеристик креативности и рассматриваемых нами параметров когнитивного стиля. Для полюса *полезависимость* можно выделить следующие проявления характеристик: высокий уровень любознательности и стремление обладать важной и общей для многих информацией, высокий уровень эмоциональности и эмпатии, развитое воображение, проявляющееся в определенных рамках, отношение к профессии, зависящее от внешних критериев (мнение ближайшего окружения, престижность и пр.). Для полюса *полнезависимость* характерны ярко выраженное творческое мышление, направленное на создание нового, избирательный характер любознательности (подробно изучается только то, что интересно и субъективно значимо), высокий уровень оригинальности, умение воображать как в заданных рамках, так и за их пределами, развитое чувство юмора и интуиция. Полюс *дифференциальность* предполагает развитое творческое мышление и оригинальность за счет внимания к деталям и включение их в процесс и результат деятельности, высоко развитые чувство юмора, интуицию и эмпатию, проявление любознательности как стремления познать мир с разных сторон, невыраженное отношение к профессии. Для полюса *интегральность* характерны средне развитые творческое мышление и оригинальность, воображение, осуществляемое в заданных рамках, высоко развитая эмоциональность, избирательный характер любознательности.

Методы и материалы

Для исследования параметра когнитивного стиля *полезависимость* / *полнезависимость* нами был использован тест включенных фигур Т. Готтшальда [6, с. 367–368]. Данная методика включает изображение 30 сложных геометрических фигур, заключающих в себе простые фигуры. Испытуемому необходимо найти простые фигуры в сложных. При выполнении задания учитывается общее время, потраченное испытуемым на поиск фигур. В зависимости от правильности выполнения задания и времени, затраченного на прохождение исследования, делается вывод о преобладании полезависимого или полнезависимого полюса параметра когнитивного стиля.

Для определения параметра *дифференциальность* / *интегральность* был использован тест, состоящий из 15 сюжетных картин, последовательно предъявляемых испытуемому. Рассмотрев каждую картинку, испытуемый должен описать то, что на ней изображено. При определении параметра когнитивного стиля учитывается степень детализации описаний, даваемых респондентом, а также частота подробных рассказов. Если испытуемый называет общие характеристики изображенных предметов в 70–100 % случаев, то ему присущ параметр *интегральность*. В случае же, если в описании присутствует множество деталей, рассказ

испытуемого конкретизирован в 70–100 % случаев, то можно говорить о наличии параметра *дифференциальность*.

Для исследования уровня и структуры креативности нами был выбран одноименный тест Н. Ф. Вишняковой [20, с. 30–35]. Методика содержит 80 вопросов и позволяет определить уровень развития следующих содержательных характеристик: творческое мышление, любознательность, оригинальность, воображение, интуиция, эмоциональность (эмпатия), чувство юмора, творческое отношение к профессии. Каждая характеристика представлена в тесте десятью вопросами.

Исследование было проведено нами на базе Кемеровского областного колледжа культуры и искусств. В исследовании приняли участие 100 человек, обучающихся на специальности *Хореографическое творчество*. Исследование проводилось в течение учебного года. Между двумя психодиагностическими исследованиями проводились психологические тренинги, встроенные в образовательный процесс. Преимущественно задания тренинга были встроены в дисциплину *Основы психологии*, также были занятия в рамках классных часов. Использование технологий, направленных на развитие креативности и когнитивных стилей, встроенных в процесс обучения, является тенденцией последних лет. Такой подход позволяет достигать результатов, находясь в привычных для обучающихся условиях [21; 22]. При интерпретации полученных результатов учитываются особенности проведения занятий и общие требования к организации образовательного процесса на данной специальности, которые предполагают высокий уровень самостоятельности в создании постановок, участие обучающихся младших курсов в постановках для государственного экзамена.

Результаты

Анализ средних значений показателей, полученных по методикам исследования параметров когнитивных стилей, свидетельствует о наличии у большинства испытуемых таких параметров, как интегральность и полезависимость. Было выявлено 26 студента с полюсом *дифференциальность* и 74 – с полюсом *интегральность*. По второму параметру было выявлено 30 студентов с полюсом *полнезависимость* и 70 – с полюсом *полезависимость*. На основе полученных результатов можно говорить о том, что испытуемые склонны воспринимать информацию целостно, не акцентируя свое внимание на деталях. Кроме того, для испытуемых является важным факт выполнения задания и его качество, под которым подразумевается максимально приближенное к заданным требованиям выполнение работы.

Анализируя динамику средних значений, полученных по содержательным характеристикам креативности у испытуемых с разными когнитивными стилями, мы можем говорить о том, что при преобладании одного из полюсов параметров динамика изменений является более выраженной.

Так, при наличии у испытуемых преобладания полюса *полнезависимость* наибольшая динамика наблюдается в характеристиках *творческое мышление, любознательность, воображение и интуиция*. При преобладании полюса *полеза-висимость* – в характеристиках *интуиция, эмоциональность и творческое отношение к профессии* (табл. 1). Остановимся подробнее на результатах, полученных у испытуемых с полюсом *полнезависимость*. Параметр *полезазависимость* / *поле-независимость* характеризует наличие у человека потребности опираться на внешние факторы при восприятии и переработке информации. Полезазависимость отражает потребность опираться на внешние правила, критерии, в некоторых случаях и на позицию других (авторитетных) лиц. Полнезависимость же представляет обратную тенденцию: опора на собственную позицию, самостоятельный поиск информации, отвержение или сомнения относительно чужой позиции, в том числе авторитетной. Полученные нами данные согласуются с позицией К. Pezdek и S. Lam, которые отмечают наличие положительной связи между полнезависимостью и параметрами креативности [23].

В методике Н. Ф. Вишняковой характеристика *творче-ское мышление* рассматривается с позиции осознанности творческого процесса, способности учитывать несколько факторов, способных оказывать влияние на качество творческого процесса, умения продуцировать новую идею, опираясь лишь на незначительные или даже ситуативные характеристики как стимул [24]. На наш взгляд, именно две последние характеристики являются определяющими для того факта, что динамика данной характеристики более выражена в группе полнезависимых. Стремление испытуемых опираться на собственные представления о ситуации способствует возникновению потребности иметь больше достоверной информации о ней, потребность рассматривать различные стороны, в том числе те, которые могут не иметь существенного влияния. Постоянное оперирование информацией такого рода способствует

тому, что ей уделяется большое внимание в повседневной жизни. Именно поэтому такие факторы могут стать сти-мулами для возникновения новой идеи. Наши суждения сопоставимы с данными, полученными в исследовании О. А. Халифаевой [25, с. 187]. В частности, автор констатирует не только наличие взаимосвязи между показателями *полнезависимость* и *креативность*, но и описывает поле-независимых как предприимчивых, эмоционально устой-чивых и компетентных в интеллектуальной и творческой деятельности личностей.

Подобный подход к пониманию творческого мышления в меньшей степени предполагает включенность испытуемых с полюсом *полезазависимость*, т. к. одной из основных черт этого полюса является опора на внешнюю информацию, что само по себе не предполагает продуцирование нового. Основной особенностью испытуемых с данным полюсом может быть частичное преобразование имеющейся инфор-мации, например ее адаптация для конкретных условий.

Характеристику *воображение* в данной методике можно рассматривать как дополняющую к творческому мышлению в части склонности продуцировать новые идеи и включать их в повседневную жизнь. Рассматривая характеристику с этой позиции, мы можем утверждать, что полезазависимые испытуемые предпочитают опираться на информацию и вещи, которые уже проверены и сформированы, что исключает наличие у них высоких положительных отве-тов по вопросам, имеющим отношение к воображению. Полнезависимые, в свою очередь, стремятся отойти от усто-явшихся позиций и привнести в имеющуюся информацию меньшую или большую часть собственного видения. Именно этим особенностям соответствуют вопросы, представленные в шкале *воображение*, что позволяет говорить о большей выраженности данного компонента у полнезависимых. Если же рассматривать воображение в целом, то склон-ность полнезависимых всегда перерабатывать посту-пающую информацию и желание трансформировать

Табл. 1. Динамика проявления креативности обучающихся с учетом доминирования полезазависимости / полнезависимости, средние значения

Tab. 1. Creativity manifestations taking based on field dependence / independence, mean value

Содержательные характеристики	Полезазависимость		Полнезависимость		Различия, p < 0,005
	начальный этап (1)	заключительный этап (2)	начальный этап (3)	заключительный этап (4)	
Творческое мышление	67	67	66	74	3–4
Любознательность	56	59	66	56	3–4
Оригинальность	65	66	74	76	–
Воображение	65	68	63	74	3–4
Интуиция	73	67	61	74	1–2, 3–4
Эмоциональность	87	80	74	76	1–2
Чувство юмора	50	50	57	56	–
Творческое отношение к профессии	63	70	56	59	1–2

ее повышают возможность развития характеристики *воображение* за счет более частого обращения к ней.

Схожую тенденцию, при которой у полнезависимых прослеживается более выраженная динамика, чем у полезависимых, мы можем наблюдать и по характеристике *интуиция*. Она рассматривается как сочетание прогностических способностей и готовности принимать решения в тех случаях, когда они кажутся неочевидными или их невозможно спланировать. В таком случае также необходимо обратить внимание на готовность испытуемых опираться на проверенную (внешнюю) информацию или на наличие у них потребности в принятии решений исходя из собственных представлений. Более выраженная динамика по данной характеристике среди полнезависимых может быть обусловлена готовностью включать различные, в том числе непредсказуемые и неочевидные, факты в формируемое представление. Для полезависимых же важную роль играет потребность опираться на подтвержденные кем-либо факты, что само уменьшает вероятность обращения к информации, не имеющей прямого логического объяснения. Развитие интуиции для полезависимых возможно в том случае, когда уделяется внимание возможным путям формирования и возникновения у них тех или иных идей. Такая работа может быть длительной, но позволит полезависимым испытуемым уменьшить сомнения, вызванные первоначальным представлением о невозможности понять и проверить возникшее решение. Полученные данные не противоречат суждениям, представленным в работе Н. Ю. Гришиной, которая акцентирует внимание на необходимости вовлечения студентов в переработку полученной информации, аргументируя свою точку зрения тем фактом, что лучше всего усваиваются знания, полученные на аутентичных ситуациях с опорой на подлинный опыт [26, с. 164].

Рассматривая результаты динамических трансформаций характеристики *любопытность*, мы можем наблюдать несколько иную тенденцию: у полезависимых наблюдается стабильность показателей, у полнезависимых выявлено снижение. Если для полезависимых не произошло изменений относительно оценки и требований среды, которая является для них стимулом и ориентиром, то у полнезависимых наблюдаются некоторое пресыщение и усталость. Данная группа испытуемых в большей степени заинтересована не в качестве выполнения работы, а в самом факте ее завершения, т. е. она перестала иметь личностное значение.

По характеристике *творческое отношение к профессии* наблюдается обратная тенденция, проявляющаяся в выраженных изменениях среди полезависимых и стабилизации показателей у полнезависимых. Это характеризует не только наличие творческого подхода к собственной деятельности, но и общее отношение к профессии, готовность развиваться в выбранном направлении. В силу особенностей среды, в которой находятся обучающиеся, мы можем говорить о наличии общей внешней установки на позитивное отношение к профессии и готовности

ставить профессиональные интересы выше личных. Эта установка проявляется в режиме деятельности, ориентации обучающихся на постоянный поиск информации, необходимой для творческой деятельности и т. д. Таким образом, включенность в эти установки повышает готовность полезависимых обучающихся следовать им, что проявляется в повышении показателей характеристики *творческое отношение к профессии*. Срезовые же особенности оказывают влияние на полнезависимых лишь в том случае, когда совпадают с их собственными представлениями. Именно этим можно объяснить стабильность полученных результатов по данному компоненту среди полнезависимых.

Параметр когнитивного стиля *дифференциальность / интегральность* отражает подход к восприятию и пониманию информации, заключающийся в количестве выделяемых составляющих и степени дробления информации с целью ее детального анализа. Полюс *интегральность* отражает комплексность восприятия и стремление сформировать целостное представление, тогда как *дифференциальность* представляет собой стремление к подробному анализу и выявлению множества компонентов в потребляемой информации.

Для испытуемых с преобладающим полюсом *дифференциальность* характерны более выраженные трансформации по характеристикам *творческое мышление* и *оригинальность* (табл. 2). Как отмечалось выше, творческое мышление в использованной нами методике понимается как способность множественно и осознанно продуцировать новые идеи. Выраженная трансформация по данной характеристике у рассматриваемой категории обучающихся может быть обусловлена тем, что осознанность любого процесса предполагает внимание к деталям, усиливающим степень осознания. Умение же рассматривать информацию, выделяя в ней большее число составляющих и вариантов их взаимодействия, позволяет увеличить и разнообразить количество идей, основанных на этой информации. Для испытуемых с полюсом *интегральность* обозначенные проявления этой характеристики креативности могут представлять трудности в силу стремления увидеть информацию целостно и обобщенно. Схожим образом мы можем объяснить выраженность изменений по характеристике *оригинальность*, где основным условием продуцирования отличающихся новизной идей является умение видеть взаимосвязи между несущественными деталями.

По характеристике *эмоциональность* наблюдается противоположная тенденция: устойчивые значения у испытуемых с полюсом *интегральность* и снижение значения для испытуемых с полюсом *дифференциальность*. Потребность рассматривать информацию подробно или обобщенно отражается на многих сферах личности, определяя возможность прорабатывать модель поведения и реагирования. Невозможность удовлетворить данную потребность, на наш взгляд, является основной причиной снижения уровня эмоциональности у обучающихся с преобладающим полюсом *дифференциальность*.

Табл. 2. Динамика проявления креативности обучающихся с учетом доминирования интегральности / дифференциальности, средние значения

Tab. 2. Creativity manifestations based on integrity / differentiality, mean value

Содержательные характеристики	Интегральность		Дифференциальность		Различия, p<0,005
	начальный этап (1)	заключительный этап (2)	начальный этап (3)	заключительный этап (4)	
Творческое мышление	68	67	64	75	3–4
Любознательность	60	62	51	50	–
Оригинальность	64	66	75	82	3–4
Воображение	48	49	48	50	–
Интуиция	61	61	68	69	–
Эмоциональность	84	82	78	70	3–4
Чувство юмора	55	54	58	57	–
Творческое отношение к профессии	63	65	55	54	–

Заключение

Полезависимые обучающиеся являются более включенными в информационное пространство, представленное в образовательной среде, и с большим трудом меняют свои взгляды и суждения даже в условиях направленного воздействия, осуществляемого в процессе психологического тренинга. У этой категории обучающихся развитие креативности возможно в том случае, когда на данное качество ориентирован образовательный процесс или вся образовательная среда в целом. Развитие креативности средствами психологического тренинга является более результативным среди полнезависимых, что обусловлено их стремлением сформировать собственную позицию относительно всей потребляемой информации. Если решаемые в тренинге задачи вызывают интерес у обучающихся, то данный тренинг может быть результативным, в противном случае его эффективность схожа как для полезависимых, так и для полнезависимых. Эта тенденция проявляется и в трансформации характеристик креативности: наибольшие изменения свойственны полнезависимым, тогда как у полезависимых они остаются на прежнем уровне. При преобладании полюса *дифференциальность* трансформации характеристик будут более выраженными,

т. к. само это качество во многом ориентировано на детальную работу с информацией. При этом вектор изменений будет обусловлен возможностью удовлетворить возникающую у испытуемых потребность детализировать воспринимаемую и продуцируемую информацию.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: И. С. Морозова – руководитель проекта: организация работ по выполнению исследования, координация действий участников проекта, разработка теоретической концепции исследования, отбор диагностического инструментария, разработка методических подходов к диагностике когнитивных стилей. В. А. Каменева – разработка теоретической концепции исследования, систематизация диагностических методик. М. Ю. Рябова – разработка методических подходов к диагностике когнитивных стилей, формирование выборки. Д. Н. Долганов – сбор статистической информации, статистический анализ данных исследования. Д. Н. Гриненко – разработка методических подходов к диагностике креативности, организация и проведение психометрических исследований.

Литература

1. Мишина М. М., Равилова М. В. Вклад когнитивного стиля в процесс учебной деятельности // Акмеология. 2018. № 3. С. 50–51.
2. Кибальченко И. А., Подберезный В. В., Забалуева А. И. Структурные особенности творческих способностей студентов вуза с рефлексивным и импульсивным когнитивными стилями // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 3. С. 48–69. <https://doi.org/10.21702/trj.2017.3.3>
3. Мамедова Л. В., Сергиевич А. А., Хороших П. П. Современные особенности изучения когнитивных стилей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 242–245.
4. Сафронов Р. А., Розум С. И. Соотношение когнитивного стиля «полнезависимость – полнезависимость» у преподавателя и студента как фактор усвоения учебной информации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 129. С. 93–98

5. Шкуратова И. П. Исследование стиля в психологии: оппозиция или консолидация? // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 13–33.
6. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
7. Globerson T. Mental capacity, mental effort, and cognitive style // *Developmental Review*. 1983. Vol. 3. № 3. P. 292–302. [https://doi.org/10.1016/0273-2297\(83\)90017-5](https://doi.org/10.1016/0273-2297(83)90017-5)
8. Nosal C. S. *Psychologiczne modele umyslu*. Warszawa: PWN, 1990. 445 s.
9. Каменских Д. В. Дихотомия «интегральность – дифференциальность» как сквозная характеристика когнитивного стиля // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1-2. С. 200–203.
10. Морозова И. С., Гольдшмидт Е. С. Детерминанты стилевой организации когнитивного поведения. Кемерово: КемГУ, 2009. 178 с.
11. Волкова Н. Н., Гусев А. Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения // Национальный психологический журнал. 2016. № 2. С. 28–37. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0203>
12. Семяшкин А. А. Гендерные различия во взаимосвязях когнитивных стилей и темперамента // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. № 2. С. 130–134.
13. Барышева Т. А., Жигалов Ю. А. Психолого-педагогические основы развития креативности. М.: СПГУТД, 2006. 267 с.
14. Еремина Л. И. Развитие креативности личности: психологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2014. № 1. С. 42–47.
15. Артюшкина Н. В., Руденко С. В., Загитов А. Р., Акьюлова М. З. Ретроспективный анализ изучения психологической природы креативности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 2. С. 69–75.
16. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
17. Барышева Т. А. Психологическая структура креативности (опыт эмпирического исследования) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 145. С. 54–65.
18. Вишнякова Н. Ф. Психологические основы развития креативности в профессиональной акмеологии: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996. 41 с.
19. Вишнякова Н. Ф. Тест «Креативность» // Рыжковская Т. Л., Беляев С. А., Старовойтова С. В. Психодиагностика. Приложение к УМК. Мн.: Изд-во МИУ, 2009. С. 166–172.
20. Выявление и психолого-педагогическое сопровождение одаренных детей: диагностические методики и развивающие занятия / сост. Л. И. Беляева, А. Н. Рябинкина. Орел, 2018. 60 с.
21. Дегтярев С. Н. Креативно ориентированное обучение: разработка стратегии и путей ее реализации // Образование и наука. 2014. № 6. С. 20–34.
22. Давыдова И. В. Педагогическое использование арт-терапевтических средств // Высшее образование в России. 2007. № 7. С. 162–164.
23. Pezdek K., Lam S. What research paradigms have cognitive psychologists used to study "False memory", and what are the implications of these choices? // *Consciousness and Cognition*. 2007. Vol. 16. № 1. P. 2–17. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2005.06.006>
24. Макарова Л. Н., Рожкова С. В. Диагностический инструментарий оценки развития креативного мышления студента // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 179. С. 7–19. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-7-19>
25. Халифаева О. А. Взаимосвязь креативности и когнитивных стилей в период ранней взрослости // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 172–190. <https://doi.org/10.17223/17267080/69/10>
26. Гришина Н. Ю. Методика обучения иностранному языку с учетом когнитивных стилей студентов гуманитарного профиля // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 161–167. <https://doi.org/10.5862/JHSS.255.19>

original article

Dynamic Transformations of the Content Characteristics of Creativity in Students with Different Cognitive Styles

Irina S. Morozova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Marina Yu. Ryabova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Dmitry N. Dolganov

Belovo Institute (branch) of Kemerovo State University, Russia, Belovo

Daria N. Grinenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-3305-8113>; daria_grinenko@mail.ru

Received 2 Aug 2021. Accepted after peer review 13 Sep 2021. Accepted for publication 20 Sep 2021.

Abstract: The research featured the effect of the dominant cognitive style on the creativity of college students. The research objective was to study the dynamic transformations of the content characteristics of creativity in college students with different cognitive styles. The article introduces various approaches to the concepts of cognitive style and creativity in foreign and domestic psychology. A set of experiments revealed the necessity to take into account the dominant cognitive style as a creativity determiner and proved the effect of cognitive style on creativity. The authors studied the dynamics of creativity in students, based on their field dependence / independence and integrity / differentiability. The field-dependent students appeared to be more involved in the academic information environment. They were unable to change their attitudes and opinions, even in conditions of directional influence during the psychological training. The field-independent student showed better creativity after the psychological training as they strived to develop their own attitude to all incoming information. The participants with predominating differentiability were more creative, while their differential state vector depended on their ability to satisfy their need to detail the information they perceived and produced.

Keywords: means of purposeful influence, cognitive-style parameters, personal properties, field dependence, field independence, integrity, differentiability

Citation: Morozova I. S., Kameneva V. A., Ryabova M. Yu., Dolganov D. N., Grinenko D. N. Dynamic Transformations of the Content Characteristics of Creativity in Students with Different Cognitive Styles. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 682–690. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-682-690>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: I. S. Morozova supervised the project, i.e. organized the research, coordinated the processes, developed the theoretical concept, selected the diagnostic tools, and established the methodological approaches to the diagnosis of cognitive styles. V. A. Kameneva defined the research concept and systematized the diagnostic techniques. M. Yu. Ryabova developed the methodological approaches to the diagnosis of cognitive styles and sampling. D. N. Dolganov collected statistics and performed the statistical analysis. D. N. Grinenko was responsible for the methodological approaches to the diagnosis of creativity, as well as for the psychometric research.

References

1. Mishina M. M., Ravilova M. V. Contribution of cognitive style into the process of learning activity. *Akmeologiya*, 2018, (3): 50–51. (In Russ.)
2. Kibalchenko I. A., Podbereznyi V. V., Zabalueva A. I. Structural features of creative abilities among university students with reflective and impulsive cognitive styles. *Russian Psychological Journal*, 2017, 14(3): 48–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.3.3>
3. Mamedova L. V., Sergievich A. A., Khoroshih P. P. Modern features of studying of cognitive styles. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2016, 5(2): 242–245. (In Russ.)

4. Safronov R. A., Rozum S. I. The relationship of the teacher's and the student's cognitive style "field dependence – field independence" as a factor of learning information. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2011, (129): 93–98. (In Russ.)
5. Shkuratova I. P. Style in psychology: opposition or consolidation? *Human style: psychological analysis*, ed. Libin A. V. Moscow: Smysl, 1998, 13–33. (In Russ.)
6. Kholodnaya M. A. Cognitive styles. *The nature of the individual mind*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2004, 384. (In Russ.)
7. Globerson T. Mental capacity, mental effort, and cognitive style. *Developmental Review*, 1983, 3(3): 292–302. [https://doi.org/10.1016/0273-2297\(83\)90017-5](https://doi.org/10.1016/0273-2297(83)90017-5)
8. Nosal C. S. *Psychologiczne modele umyslu*. Warszawa: PWN, 1990, 445.
9. Kamenskih D. V. Dichotomy "Integrity – Differentiability" as a cross-cutting characteristic of cognitive style. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, (1-2): 200–203. (In Russ.)
10. Morozova I. S., Goldshmidt E. S. *Determinants of the style organization of cognitive behavior*. Kemerovo: KemGU, 2009, 178. (In Russ.)
11. Volkova N. N., Gusev A. N. Cognitive styles: controversial issues and research problems. *National Psychological Journal*, 2016, (2): 28–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npi.2016.0203>
12. Semyashkin A. A. The gender differences at interrelations of cognitive styles and temperament. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, (2): 130–134. (In Russ.)
13. Barysheva T. A., Zhigalov Iu. A. *Psychological and pedagogical foundations for the development of creativity*. Moscow: SPGUTD, 2006, 267. (In Russ.)
14. Eremina L. I. Development of personal creativity: psychological aspect. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2014, (1): 42–47. (In Russ.)
15. Artjushkina N. V., Rudenko S. V., Zagitov A. R., Akyulova M. Z. Retrospective analysis of studying psychological nature of creativity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2013, (2): 69–75. (In Russ.)
16. Ilyin E. P. *Psychology of creativity, creativity, and giftedness*. St. Petersburg: Piter, 2012, 448. (In Russ.)
17. Barysheva T. A. Psychological structure of creativity: invariants and variations (empirical research). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2012, (145): 54–65. (In Russ.)
18. Vishnyakova N. F. *Psychological foundations of creativity development in professional acmeology*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1996, 41. (In Russ.)
19. Vishnyakova N. F. Test "Creativity". Ryzhkovskaia T. L., Beliaev S. A., Starovoitova S. V. *Psychodiagnostics. Appendix to the teaching materials*. Minsk: Izd-vo MIU, 2009, 166–172. (In Russ.)
20. *Identification and psychological and pedagogical support of gifted children: diagnostic techniques and developmental classes*, comps. Beliaeva L. I., Ryabinkina A. N. Oryl, 2018, 60. (In Russ.)
21. Degtyarev S. N. Development and implementation of creatively-oriented teaching strategy. *The Education and Science Journal*, 2014, (6): 20–34. (In Russ.)
22. Davydova I. V. Pedagogical use of art-therapeutic agents. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, (7): 162–164. (In Russ.)
23. Pezdek K., Lam S. What research paradigms have cognitive psychologists used to study "False memory", and what are the implications of these choices? *Consciousness and Cognition*, 2007, 16(1): 2–17. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2005.06.006>
24. Makarova L. N., Rozhkova S. V. Diagnostic tools to evaluate student's creative thinking development. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, 24(179): 7–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-179-7-19>
25. Khalifaeva O. A. Relationship of creativity and cognitive styles in early adulthood. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (69): 172–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/69/10>
26. Grishina N. Y. Methods of foreign language teaching based on cognitive styles of humanitarian students. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2016, (4): 161–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.5862/JHSS.255.19>

оригинальная статья

Ценностно-смысловое измерение состояния вовлеченности: опыт эмпирического исследования

Екатерина Викторовна Павлова

Амурский государственный университет, Россия,
г. Благовещенск; <https://orcid.org/0000-0002-0380-9345>;
katal75@mail.ru

Элеонора Анатольевна Щеглова

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, г. Томск; <https://orcid.org/0000-0003-3360-038X>

Ольга Михайловна Краснорядцева

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, г. Томск; <https://orcid.org/0000-0003-1549-9994>

Поступила в редакцию 22.07.2021. Принята после рецензирования 12.08.2021. Принята в печать 23.08.2021.

Аннотация: Рассматривается ценностно-смысловое измерение вовлеченности студентов в учебно-профессиональную деятельность. Вовлеченность понимается как состояние, формирующееся при условии соответствия человека и среды и имеющее несколько уровней (в зависимости от глубины): вовлеченность как актуальное состояние, вовлеченность на уровне мотивации и ценностей, вовлеченность как интегральная характеристика жизнедеятельности человека. Показано, что основой соответствия человека и среды выступают смыслы и ценности, а выражением – эмоции, в частности удовлетворенность жизнью и переживание психологического благополучия. Цель – определить характер соотношения актуального состояния вовлеченности студентов в учебно-профессиональную деятельность и их мотивов, жизненных ориентаций, удовлетворенности жизнью и психологического благополучия. Для диагностики вовлеченности как актуального состояния использовалась Утрехтская шкала вовлеченности в работу (UWES-17) (У. Шауфели, А. Баккер); для исследования ценностно-смысловых аспектов вовлеченности: Шкала академической мотивации (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин), Тест смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев), Опросник жизненных ориентаций (Е. Ю. Коржова), Шкала психологического благополучия (К. Рифф, модификация Н. Н. Лепешинского), Индекс жизненной удовлетворенности (А. О. Ньюгартен и др., адаптация Н. В. Паниной). Данные анализировались отдельно для студентов с высокой, умеренной и низкой вовлеченностью в деятельность. Для исследования значимости различий выраженности признаков использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Выборку составили студенты 2–3 курсов Амурского государственного университета. Выявлено, что вовлеченность как актуальное состояние в большей степени соотносится с академической мотивацией, смысложизненными ориентациями и жизненной удовлетворенностью студентов, в меньшей степени – с жизненными ориентациями в субъектно-объектной сфере и психологическим благополучием. Полученные результаты могут быть использованы психологической службой вузов при организации мероприятий, направленных на повышение студенческой вовлеченности.

Ключевые слова: уровни вовлеченности, соответствие, студенты, академическая мотивация, смысложизненные ориентации, психологическое благополучие, жизненная удовлетворенность, ценностно-смысловое измерение вовлеченности, системная антропологическая психология

Цитирование: Павлова Е. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. Ценностно-смысловое измерение состояния вовлеченности: опыт эмпирического исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 691–704. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-691-704>

Введение

Вопросы о том, почему человек вовлекается в какую-либо деятельность, а к другой остается равнодушным; почему одна и та же деятельность в разной степени привлекательна для разных людей; как сформировать интерес именно к необходимой (с точки зрения социума или конкретной организации) деятельности – в психологии не являются новыми. Ответы на них предлагались в контекстах исследования мотивации, стимулирования, формирования соответствующих паттернов поведения, смыслов и ценностей деятельности, в связи с содержанием нормативных

возрастных кризисов и кризисов профессионального развития и др. Одной из современных тенденций в поиске ответов на поставленные вопросы является исследование вовлеченности как комплексного явления, интегрирующего когнитивные, мотивационные, ценностно-смысловые и собственно поведенческие аспекты активности человека.

Феномен вовлеченности стал объектом исследований в зарубежной психологии во второй половине XX в., первоначально в русле управления персоналом, организационной психологии, несколько позже (начиная с работ А. Астина [1]) –

в области изучения активности студентов. Как всякое новое понятие в науке, вовлеченность имеет множество разнообразных, в том числе противоречащих друг другу интерпретаций. Открытым на сегодняшний день остается и вопрос о структуре вовлеченности, о механизмах ее формирования.

Под студенческой вовлеченностью традиционно понимается «инвестирование психической энергии» в учебную деятельность [2, с. 381], «совокупность физической и психической энергии, затрачиваемой для приобретения академического опыта» [3, с. 12]. Данный подход сформировался благодаря работам А. Астина, в которых вовлеченность представлена как своеобразный «катексис». С позиции интеграции студента в академическую и социальную системы рассматривает вовлеченность В. Тинто [4]. Ф. Ньюман, Р. Пейс, а вслед за ними и многие российские исследователи, предлагают оценивать студенческую вовлеченность посредством анализа количества и качества усилий, прилагаемых студентом в процессе учебно-профессиональной деятельности [3].

Соответственно, именно затраты времени и усилий на приобретение академического опыта [1], «высокая поведенческая активность» [5, с. 12], использование студентами тех возможностей, которые предоставляет университет [3, с. 16], чаще всего становятся индикаторами студенческой вовлеченности. Опыт зарубежных (Ф. Ньюман, А. Астин и др.) и российских (Н. Г. Малошонок, В. Л. Лехциер [6] и др.) ученых показывает, что измерение вовлеченности как таковой достаточно затруднительно. В качестве ее косвенных показателей признаются разнообразные проявления активности в различных областях вузовской жизни (детальное описание таких индикаторов, их классификация приведены в работах Н. Г. Малошонок). В то же время ряд авторов [6; 7 и др.] подчеркивают, что поведенческие проявления вовлеченности также могут быть свидетельством нормативного, просоциального поведения, а не вовлеченности как таковой (например, в ситуациях, когда студенту выгоднее быть «активным», «хорошим» и т. п., в то время как интерес к изучаемому материалу отсутствует). Методы изучения вовлеченности, используемые на сегодняшний день, позволяют зафиксировать преимущественно ее поведенческие проявления [2; 3; 8], частично затронуть мотивационные аспекты [9]. Некоторыми авторами высказывается предложение рассматривать только поведенческий аспект вовлеченности [10], однако широкого распространения такая позиция не получила.

При наличии в научной литературе богатого фактологического материала, описывающего вовлеченность студентов и сотрудников организаций, ее проявления, виды, компоненты и т. д., открытым остается вопрос о механизмах формирования вовлеченности. В рамках проводимого нами исследования предпринята попытка изучения вовлеченности с позиции методологии системной психологической антропологии [11]. В работах В. Е. Клочки в качестве

основного условия взаимодействия человека (как открытой психологической системы) и среды представлено их соответствие, наличие в среде чего-то такого, что воспринимается человеком как «свое», находящееся вне его, что должно быть присвоено [12]. Можно предположить, что именно поиск подобного «своего» и определяет выбор человеком тех ситуаций и видов деятельности, в которые он готов инвестировать время и энергию. Следовательно, основным механизмом вовлеченности в данном методологическом ключе может быть соответствие человека и среды. По мнению О. В. Лукьянова (одного из разработчиков системной антропологической психологии и психологии вовлеченности) и др. вовлеченностью определяется процесс аутентификации человека, а сама вовлеченность может быть определена как «возможность объяснения явления посредством соответствия более высокого порядка и достаточность анализа содержания явления посредством соответствия более низкого порядка» [13, с. 43].

В процессе индивидуального развития в результате взаимодействия человека и среды формируется многомерный жизненный мир человека, представляющий собой «пространство, существующее между духом и материей, объективным и субъективным» [12, с. 103]. Жизненный мир человека, его ментальное пространство, помимо четырех традиционно используемых координат, «включает в себя, как минимум, еще три субъективных координаты – значение, смысл и ценность, а это значит, что оно пронизано эмоциями, посредством которых предметы, носители этих сверхчувственных качеств, становятся доступны нашему сознанию» [12, с. 126]. Чтобы человек был вовлеченным в какое-либо «внешнее» пространство или деятельность, необходимо, чтобы это «внешнее» стало частью его жизненного мира.

В этом ключе вовлеченность студентов в образовательное пространство может быть в общем виде определена в качестве состояния человека как психологической системы, формирующееся в пространстве взаимодействия человека и среды при условии их соответствия и достаточной сензитивности человека к этой среде. Это состояние полимодально и определяется теми мерностями человека и среды, для которых возможно соответствие именно в рамках данного хронотопа, данного «здесь и сейчас». В качестве ключевых мерностей соответствия выступают значения, смыслы и ценности.

Следует отметить, что имплицитные идеи о значимости соответствия человека и среды для формирования и поддержания состояния вовлеченности высказывались многими исследователями. Так, Л. И. Божович подчеркивала, что «Какие бы воздействия ни оказывала среда на ребенка, какие бы требования она к нему ни предъявляла, пока эти требования не войдут в структуру собственных потребностей ребенка, они не выступают действительными фактами его развития» [14, с. 28]. Н. Г. Малошонок в качестве одной из причин невовлеченности студентов называет оторванность их деятельности от широкого социального контекста,

чуждость деятельности их самости [8]. Е. Ю. Литвинова, Н. В. Киселева, вслед за Н. Г. Малошенок, считают, что условием вовлеченности студентов в деятельность является «осознанное восприятие стимулов окружающей среды, активное создание своей окружающей обстановки в противовес автоматизированному восприятию» [5, с. 7]. С. Ю. Савинова, ссылаясь на П. Ландсберга и др., пишет: «вовлечение становится личностным только тогда, когда человек имеет возможность каждый раз добровольно возобновлять свое действие, не противореча своим ценностям, не отрекаясь от своей личности» [15, с. 144]. Э. Паскарелла и П. Теренцини также подчеркивают роль собственной активности студентов [3, с. 12].

Таким образом, соответствие человека и среды как основа вовлеченности рассматривается преимущественно на ценностном уровне. Спектр же ценностей студентов задается на уровне ценностной структуры массового сознания, является специфичным для конкретного поколения [16] и зависит от целого ряда факторов, таких как проживание в определенном регионе, принадлежность к локальной социокультурной среде, гендерная, конфессиональная и этническая принадлежность [17].

Анализируя студенческую вовлеченность как состояние, мы выделяем в нем (в зависимости от глубины) три уровня:

1) вовлеченность как актуальное состояние, которое может быть описано как поглощенность деятельностью, как близкое к «состоянию потока», как «инвестирование времени и энергии»;

2) вовлеченность на уровне мотивации и ценностей – как соответствие мотивов и ценностей, смыслов, ценностных ориентаций личности и требований среды;

3) вовлеченность как интегральная характеристика состояния человека, отражающая удовлетворенность жизнью в целом и общее психологическое благополучие.

Перечисленные уровни вовлеченности соотносятся с описываемыми в научной литературе отдельными видами (формами) вовлеченности. Так, вовлеченности как актуальному состоянию соответствуют вовлеченность в процесс решения задач [18], в процесс занятия (лекции, семинара) [6]; второму уровню – вовлеченность в деятельность в целом и в организацию, в которой работает или учится человек [19]; третьему – вовлеченность в жизнь в целом [20].

Цель исследования – определить характер соотношения актуального состояния вовлеченности студентов в учебно-профессиональную деятельность и их мотивов, жизненных ориентаций, удовлетворенности жизнью и психологического благополучия. Гипотеза исследования: описанные уровни вовлеченности представляют собой целостную систему, отражающую различные аспекты соответствия человека и среды.

Методы и материалы

Для диагностики вовлеченности как актуального состояния использовалась Утрехтская шкала вовлеченности в работу

(UWES-17) (У. Шауфели, А. Баккер). Данная методика на сегодняшний день считается одним из универсальных инструментов, позволяющих исследовать вовлеченность в деятельность представителей различных национальностей и профессиональных групп, а соответственно и студентов [21]. Авторы методики полагают, что вовлеченность в деятельность может рассматриваться как одномерный конструкт, а также как совокупность трех отдельных показателей (факторов): энергичность, преданность (самоотдача) и поглощенность деятельностью.

Для изучения мотивации студентов использовалась Шкала академической мотивации (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин) [22]. Четыре из семи шкал данной методики (Познавательная мотивация, Мотивация достижения, Мотивация саморазвития и Мотивация самоуважения) описывают социально одобряемые мотивы, наличие которых у студентов может быть интерпретировано как соответствие среде, в то время как шкалы *Интроецированная мотивация*, *Экстернальная мотивация* и *Амотивация* свидетельствуют скорее о несоответствии (отсутствии у испытуемых ожидаемых / желаемых с точки зрения среды) мотивов. Включая исследование академической мотивации в пакет методик диагностики ценностно-смыслового соответствия человека и среды, мы опираемся на работу М. С. Яницкого и А. В. Серого [23], в том числе изучающих мотивационные тенденции (которые, естественно, являются более интегральными образованиями, нежели отдельные мотивы) в контексте ценностно-смысловой сферы личности.

Показателем соответствия человека и среды на уровне ценностей и смыслов выступают субъект-объектные жизненные ориентации (Е. Ю. Коржова [24]) или смысложизненные ориентации (Д. А. Леонтьев [25]). Тест смысложизненных ориентаций (СЖО), разработанный Д. А. Леонтьевым, позволяет выявить три смысложизненные ориентации (на прошлое, настоящее и будущее) и два аспекта локуса контроля (отражающих уверенность человека в том, что принципиально возможно контролировать события, происходящие в жизни, и в наличии у себя таковых возможностей), а также общий показатель осмысленности жизни [25]. Мы предполагаем, что актуальное состояние вовлеченности соотносится преимущественно с ориентацией на настоящее. В то же время внутренний локус контроля (в любом из рассматриваемых Д. А. Леонтьевым аспектов) определяет принципиальную возможность вовлекаться в деятельность, в организацию, опираясь на свои собственные ресурсы. Опросник жизненных ориентаций Е. Ю. Коржовой предназначен для диагностики показателей и типов субъект-объектных ориентаций. Выделяемые показатели позволяют оценить, насколько человек стремится к изменениям, уверен в своих возможностях, ориентирован на свой внутренний мир либо на освоение внешнего мира, насколько в целом активна его жизненная позиция.

Для диагностики вовлеченности как интегральной характеристики состояния человека использовались методики

Шкала психологического благополучия (К. Рифф, модификация Н. Н. Лепешинского) и Индекс жизненной удовлетворенности (А. О. Ньюгартен и др., адаптация Н. В. Паниной). Психологическое благополучие понимается как «полнота самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах, нахождение "творческого синтеза" между соответствием запросам социального окружения и развитием собственной индивидуальности» [26, с. 25], как «эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, собственной личности, взаимоотношениям с другими людьми, а также процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативно-ценностных и смысловых представлений о благополучной внешней и внутренней среде, выражающееся в удовлетворенности ею» [27, с. 238]. Психологическое благополучие «формируется в "пространстве" самой личности» и определяет отношение к условиям жизни [28, с. 12], в том числе восприятие собственной жизни как осмысленной взаимосвязано с экзистенциальной исполненностью [29]. Соответственно, можно предположить, что в состоянии вовлеченности переживание человеком собственного психологического благополучия и его отдельных аспектов выражено ярче.

Методика Индекс жизненной удовлетворенности позволяет оценить, как человек воспринимает и оценивает прожитый период жизни, как соотносит его с настоящим. В качестве показателей удовлетворенности жизнью выступают: интерес к жизни, последовательность в достижении целей, согласованность между поставленными и достигнутыми целями, положительная оценка себя и собственных поступков, общий фон настроения. Таким образом, методики Шкала психологического благополучия и Индекс жизненной удовлетворенности позволяют оценить различные аспекты восприятия человеком собственной жизни, первая – преимущественно с позиции настоящего, а вторая – с позиции соответствия настоящего ранее сформулированным целям и ожиданиям.

Выборку составили 256 студентов 2–3 курсов шести факультетов ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», из них 177 – девушки, 79 – юноши. Все респонденты являются студентами бакалавриата или специалитета, обучаются очно. В зависимости от уровня вовлеченности (выявленного по методике UWES-17) выборка исследования была разделена на три группы: группа 1 – с низким уровнем; группа 2 – с умеренным уровнем; группа 3 – с высоким уровнем вовлеченности. Для анализа значимости различий признаков в полученных группах использовался метод ANOVA.

Результаты

В соответствии с описанной выше логикой исследования первоначально была проведена оценка уровня вовлеченности студентов в выполняемую деятельность по методике UWES-17 (табл. 1, рис.). Было выявлено, что у большей части респондентов общий уровень вовлеченности в деятельность, а также отдельные составляющие вовлеченности выражены умеренно. Эти студенты в целом привержены выполняемой деятельности, погружены в нее, способны испытывать удовольствие в процессе ее выполнения и прилагать усилия в случае возникновения трудностей, но данная деятельность не является для них единственно значимой и важной. Доля высокововлеченных студентов несколько превышает долю слабововлеченных, но данный показатель выявлен только у одной шестой выборки. Для высокововлеченных студентов характерны готовность к значительным усилиям в процессе выполнения деятельности, энергичность, погруженность в деятельность. Они испытывают гордость за результаты своего труда, чувствуют его значимость и не стремятся отвлекаться от работы в пользу других занятий и способов времяпровождения. Невовлеченными студентами учебно-профессиональная деятельность и сопутствующие ей виды вузовской активности воспринимаются как вынужденные, что порождает стремление избегать их.

Табл. 1. Описательные статистики, методика Шкала вовлеченности в работу

Tab. 1. Descriptive statistics: Work Engagement Scale

Шкалы методики	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Энергичность	2,21	0,527	3,43	0,570	4,86	0,494
Преданность	2,46	0,652	3,76	0,630	5,25	0,483
Поглощенность деятельностью	2,28	0,441	3,65	0,638	5,23	0,434
Общий показатель вовлеченности	2,31	0,315	3,61	0,515	5,11	0,353

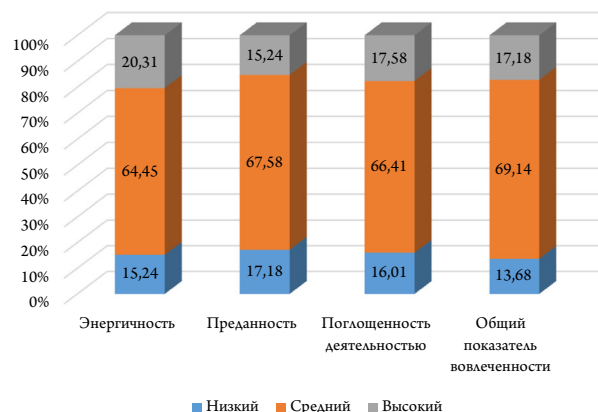

Рис. Показатели вовлеченности студентов в деятельность, %
Fig. Indicators of students' commitment, %

Далее анализ и интерпретация данных осуществлялись отдельно для высокововлеченных, умеренно вовлеченных и слабововлеченных студентов. В результате исследования академической мотивации (табл. 2, 3) было выявлено, что в группе студентов с низкой вовлеченностью в учебно-профессиональную деятельность преобладают респонденты с умеренно выраженной мотивацией (по всем шкалам методики, за исключением экстернальной мотивации, при которой учебная деятельность воспринимается как вынужденная); отсутствуют студенты с ярко выраженной мотивацией достижения, практически отсутствуют – с выраженной познавательной мотивацией и мотивацией саморазвития. Пятая часть респондентов (22,86 %) воспринимают учебно-профессиональную деятельность как лишенную смысла.

Схожие тенденции наблюдаются и в группе студентов с умеренной вовлеченностью в деятельность. Различия проявляются в меньшей доле студентов со слабо выраженной мотивацией достижения, саморазвития, самоуважения и познавательной мотивации (за счет увеличения доли респондентов со средними значениями по этим шкалам) и несколько большей доле студентов, у которых перечисленные мотивы выражены ярко.

У значительной части высокововлеченных студентов выявлены стремление узнать новое, наличие интереса к усваиваемым знаниям, стремление добиваться высоких результатов и совершенствовать свои способности,

повышать компетентность, чувство собственной значимости как будущего профессионала. В то же время для 18,6 % студентов данной группы ведущим мотивом является чувство долга, 25,58 % воспринимают свою учебную деятельность как вынужденную, обусловленную требованиями социума, а 13,95 % – как неинтересную, лишенную осмысленности. То есть по факту они демонстрируют псевдововлеченность, о причинах и проявлениях которой писали Н. В. Киселева [7] и В. А. Лехциер [6].

В результате статистической обработки данных было выявлено, что выраженность познавательной мотивации, мотивации достижения, саморазвития, самоуважения значимо различается у представителей трех групп. Следовательно, можно говорить о взаимосвязи данных видов академической мотивации и актуального состояния вовлеченности в учебно-профессиональную деятельность (табл. 4). По уровню амотивации (отсутствия интереса к выполняемой деятельности) значимо отличаются от двух других групп студенты с высокой вовлеченностью (у них данная мотивация менее выражена), по выраженности экстернальной мотивации – студенты с умеренной и низкой вовлеченностью в деятельность. Различия в уровне интроецированной мотивации не являются статистически значимыми. То есть студент может быть ориентирован на требования социума в ущерб собственной автономии, независимо от уровня вовлеченности. При этом следует

Табл. 2. Описательные статистики, методика Шкала академической мотивации

Tab. 2. Descriptive statistics: Academic Motivation Scale

Шкалы методики	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Познавательная мотивация	11,37	3,264	14,27	2,948	16,37	3,008
Мотивация достижения	10,80	2,908	13,44	2,868	15,67	2,998
Мотивация саморазвития	11,60	3,623	13,91	2,778	15,84	3,422
Мотивация самоуважения	11,97	4,018	14,17	3,097	15,58	3,911
Интроецированная мотивация	14,03	3,176	13,60	3,204	13,53	4,137
Экстернальная мотивация	13,34	3,038	12,13	3,355	11,67	4,878
Амотивация	10,89	4,227	9,72	4,226	8,49	4,511

Табл. 3. Уровень выраженности показателей академической мотивации студентов, %

Tab. 3. Indicators of students' academic motivation, %

Шкалы методики	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Познавательная мотивация	34,29	62,85	2,86	11,36	78,41	10,23	4,65	55,81	39,54
Мотивация достижения	42,86	57,14	–	14,77	72,73	12,50	4,65	62,79	32,56
Мотивация саморазвития	34,29	62,85	2,86	11,36	80,68	7,96	6,98	53,48	39,54
Мотивация самоуважения	34,29	54,28	11,43	10,23	78,41	11,36	13,95	44,19	41,86
Интроецированная мотивация	5,72	77,14	17,14	13,07	70,45	16,48	20,93	60,47	18,60
Экстернальная мотивация	2,86	31,43	65,71	10,79	72,73	16,48	27,91	46,51	25,58
Амотивация	17,14	60,0	22,86	23,86	63,07	13,07	37,21	48,84	13,95

Табл. 4. Значимость различий показателей академической мотивации студентов с различным уровнем вовлеченности

Tab. 4. Academic motivation of students with different levels of commitment

Шкалы методики	Группы 3 и 2		Группы 2 и 1		Группы 3 и 1	
	F	p-level	F	p-level	F	p-level
Познавательная мотивация	21,90	0,0001	14,97	0,0001	49,40	0,0001
Мотивация достижения	20,50	0,0001	15,24	0,0001	52,40	0,0001
Мотивация саморазвития	16,50	0,0001	9,85	0,0001	28,10	0,0001
Мотивация самоуважения	6,07	0,015	4,59	0,03	16,00	0,0001
Экстернальная мотивация	0,513	0,475	3,964	0,048	3,108	0,82
Амотивация	4,70	0,032	0,19	0,66	5,76	0,02

Прим.: приведены шкалы, по которым есть значимые различия; статистически значимые показатели выделены полужирным шрифтом.

помнить о том, что вовлеченного студента от мотивированного отличает, в первую очередь, проявление внешней активности [1].

В структуре смысловых ориентаций (табл. 5, 6) у абсолютного большинства студентов с низкой вовлеченностью слабо или умеренно выражены ориентации на настоящее, прошлое и будущее, что проявляется в низкой или умеренной осмысленности жизни. Только 6,46 % респондентов из данной группы удовлетворены самореализацией на прожитом отрезке жизни. Шестая часть студентов (16,16 %) с низкой вовлеченностью в деятельность считают себя сильными личностями, обладающими определенной свободой воли, необходимой для построения собственной

жизни. Однако ни один из респондентов не обладает достаточной уверенностью в том, что событиями, происходящими в жизни, можно управлять.

В группе студентов с умеренной вовлеченностью в деятельность преобладают респонденты с умеренно выраженными жизненными ориентациями на прошлое, настоящее и будущее, умеренно выраженным внутренним локусом контроля и общей осмысленностью жизни. Студенты, отчетливо осознающие свою жизнь во всех ее измерениях (цели, результативность и процесс жизни), в данной части выборки представлены минимально.

Среди высокововлеченных преобладают студенты, имеющие средние показатели по субшкалам *Цели в жизни*

Табл. 5. Описательные статистики, методика Тест смысловых ориентаций

Tab. 5. Descriptive statistics: Test of Life-Purpose Orientations

Шкалы методики	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Цели в жизни	24,87	5,655	28,13	5,908	32,29	6,061
Процесс жизни	23,87	5,284	27,66	5,715	32,10	5,742
Результат жизни	20,81	4,922	23,19	4,973	26,98	6,115
Локус контроля – Я	17,55	3,695	18,73	4,044	20,64	5,060
Локус контроля – Жизнь	25,52	4,753	27,83	5,846	31,81	7,296
Осмысленность жизни	84,58	13,426	93,18	15,698	105,24	17,764

Табл. 6. Уровень выраженности показателей смысловых ориентаций студентов, %

Tab. 6. Indicators of students' life-purpose orientations, %

Шкалы методики	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Цели в жизни	45,16	54,84	–	22,78	72,15	5,07	11,90	54,77	33,33
Процесс жизни	48,39	51,61	–	27,85	59,49	12,66	9,53	57,14	33,33
Результат жизни	41,93	51,61	6,46	21,52	67,09	11,39	19,05	28,57	52,38
Локус контроля – Я	29,03	54,84	16,13	21,52	61,39	17,09	21,43	35,71	42,86
Локус контроля – Жизнь	38,71	61,29	–	22,78	62,66	14,56	16,67	40,47	42,86
Осмысленность жизни	41,93	58,07	–	25,32	66,46	8,22	16,67	47,62	35,71

и *Процесс жизни*, высокие показатели по субшкале *Результат жизни*. Можно предположить, что восприятие пройденного отрезка жизни как достаточно продуктивного выступает своеобразным основанием для формирования состояния вовлеченности в деятельность в настоящем. У студентов с высоким результатом по субшкале *Процесс жизни* актуальное состояние вовлеченности в деятельность соотносится с общей ориентацией на жизнь в настоящем. Большая часть высокововлеченных студентов считают события жизни подвластными контролю, а себя – в той или иной степени способными управлять ими, ориентируясь на собственные цели и ценности. Свою жизнь они воспринимают как достаточно осмысленную.

Статистически значимые различия выявлены по всем рассматриваемым показателям между высокововлеченными

студентами и представителями двух других исследуемых групп. Студенты с умеренной вовлеченностью в большей степени, по сравнению с низкововлеченными, ориентированы на возможные цели в будущем, а также на эмоционально насыщенное проживание текущего периода жизни. По восприятию результативности и контролируемости жизни, ее общей осмысленности представители данных групп не различаются (табл. 7).

Анализ жизненных ориентаций студентов (методика Е. Ю. Коржовой) позволил выявить схожие тенденции в выраженности рассматриваемых характеристик у студентов с различным уровнем вовлеченности в деятельность (табл. 8, 9). Так, трансситуационная изменчивость, характеризующая стремление человека к изменениям своего внутреннего мира, у большинства студентов выражена

Табл. 7. Значимость различий показателей смысловых ориентаций студентов с различным уровнем вовлеченности

Tab. 7. Life-purpose orientations of students with different levels of commitment

Шкалы методики	Группы 3 и 2		Группы 2 и 1		Группы 3 и 1	
	F	p-level	F	p-level	F	p-level
Цели в жизни	12,60	0,0001	4,93	0,03	28,20	0,0001
Процесс жизни	13,80	0,0001	8,56	0,0001	39,10	0,0001
Результат жизни	13,30	0,0001	3,46	0,07	21,30	0,0001
Локус контроля – Я	5,68	0,018	1,20	0,27	8,31	0,01
Локус контроля – Жизнь	9,73	0,002	2,97	0,09	17,50	0,0001

Прим.: статистически значимые показатели выделены полужирным шрифтом.

Табл. 8. Описательные статистики, методика Опросник жизненных ориентаций

Tab. 8. Descriptive statistics: Questionnaire of Life Orientations

Шкалы методики	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Трансситуационная изменчивость	8,89	2,336	9,48	2,245	9,56	2,491
Трансситуационный локус контроля	3,83	1,20	3,70	1,383	3,42	1,12
Трансситуационное освоение мира	3,03	1,543	3,06	1,357	3,30	1,536
Трансситуационная подвижность	3,03	1,445	3,21	1,594	2,77	1,85
Трансситуационное творчество	2,34	1,056	3,04	1,337	3,19	1,16
Общий показатель	5,86	1,987	6,42	1,971	6,26	1,853

Табл. 9. Уровень выраженности показателей жизненных ориентаций студентов, %

Tab. 9. Indicators of students' life orientations, %

Шкалы методики	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Трансситуационная изменчивость	17,14	77,14	5,72	17,26	71,43	11,31	18,60	79,07	2,33
Трансситуационный локус контроля	20,0	60,0	20,0	13,69	71,43	14,88	16,28	55,81	27,91
Трансситуационное освоение мира	2,86	77,14	20,0	2,98	73,21	23,81	9,30	76,75	13,95
Трансситуационная подвижность	17,14	82,86	–	11,31	74,41	14,28	9,30	76,75	13,95
Трансситуационное творчество	14,29	71,42	14,29	5,95	64,88	29,17	6,98	72,09	20,93
Общий показатель	8,57	80,0	11,43	4,76	77,98	17,26	6,98	65,11	27,91

умеренно. Шестая часть студентов в каждой из групп к подобным изменениям не стремятся. Различия между группами не являются статистически значимыми.

Трансситуационный локус контроля, характерный для людей, уверенных в своих способностях справляться с жизненными ситуациями, также у большинства респондентов выражен умеренно, а у 27,91 % высокововлеченных студентов – ярко. Различия между группами статистически не значимы. Шкала *Трансситуационное освоение мира* при высоких значениях описывает стремление человека к преобразованию внутреннего мира, самосовершенствованию (в большей степени выражено у слабо и умеренно вовлеченных в деятельность студентов), а при низких – стремление к самоосуществлению во внешнем мире (характерно для студентов с высоким уровнем вовлеченности). Различия по данному показателю между студентами с высокой и умеренной вовлеченностью статистически значимы ($F=4,19$; $p=0,042$).

Трансситуационная подвижность студентов с низким уровнем вовлеченности значимо отличается от таковой у высокововлеченных ($F=11,0$; $p=0,0001$) и умеренно вовлеченных студентов ($F=4,54$; $p=0,03$): в первой из перечисленных групп отсутствуют студенты, предпочитающие новые жизненные ситуации. По шкале *Трансситуативное творчество* значимые различия между группами отсутствуют,

у большинства респондентов данный показатель соответствует среднему уровню.

Общий показатель субъект-объектных жизненных ориентаций описывает активность жизненной позиции человека в целом, готовность и стремление преобразовывать жизненные ситуации в соответствии со своими потребностями и ценностями или же подчиняться жизненным обстоятельствам. В группе высокововлеченных студентов доля респондентов с высокими показателями больше, чем в двух других, но указанные различия не достигают уровня статистической значимости.

В результате исследования психологического благополучия студентов (табл. 10, 11) выявлено, что большинство из них, независимо от уровня вовлеченности, имеют ограниченное количество доверительных контактов с окружающими. Показатели по шкале *Автономия* характеризуют большинство респондентов (независимо от уровня вовлеченности) как умеренно самостоятельных и независимых, умеющих регулировать и оценивать собственное поведение только в ряде ситуаций.

Среди студентов с высоким уровнем вовлеченности, по сравнению с другими группами, больше тех, у кого ярко выражены способности управлять собственным окружением, использовать предоставляемые средой возможности, кто

Табл. 10. Описательные статистики, методика Шкала психологического благополучия

Tab. 10. Descriptive statistics: Scale of Psychological Well-Being

Шкалы методики	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Позитивные отношения	55,20	8,152	55,15	9,153	56,37	11,672
Автономия	53,20	9,171	51,55	6,944	53,51	8,461
Управление средой	52,49	8,576	52,25	6,559	56,42	8,757
Личностный рост	54,00	9,255	54,37	8,799	59,26	9,784
Цели в жизни	53,71	6,658	54,32	8,927	57,42	10,545
Самопринятие	50,83	6,671	51,85	9,821	55,98	10,496
Психологическое благополучие	319,43	38,616	319,49	40,008	338,95	52,081

Табл. 11. Уровень выраженности показателей психологического благополучия студентов, %

Tab. 11. Indicators of students' psychological well-being, %

Шкалы методики	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Позитивные отношения	54,28	45,72	–	50,0	48,85	1,15	41,86	51,16	6,98
Автономия	14,29	74,28	11,43	25,29	68,39	6,32	6,98	81,39	11,63
Управление средой	62,86	37,14	–	40,80	57,47	1,73	32,56	58,14	9,30
Личностный рост	54,28	45,72	–	45,98	48,85	5,17	25,58	60,47	13,95
Цели в жизни	60,0	40,0	–	61,49	36,78	1,73	48,84	41,86	9,30
Самопринятие	40,0	60,0	–	36,78	56,90	6,32	25,58	62,79	11,63
Психологическое благополучие	60,0	40,0	–	63,22	34,48	2,30	53,48	37,21	9,30

открыт новому опыту и стремится к реализации собственного потенциала (табл. 12). Тем не менее у большинства респондентов качества, описываемые шкалами *Управление окружением* и *Личностный рост*, выражены умеренно. Большинство студентов, независимо от уровня вовлеченности, имеют низкие показатели по шкале *Цели в жизни*, что проявляется в переживаниях бессмысленности жизни, отсутствия в ней определенной направленности. Средние показатели по данной шкале соответствуют наличию в жизни человека целей и смыслов, которые не всегда достаточно устойчивы или охватывают небольшой период времени.

Студенты с высоким уровнем вовлеченности в деятельность характеризуются большим самопринятием, чем представители двух других групп. Среди них меньше тех, кто не доволен собой, разочарован событиями своего прошлого, испытывает беспокойство по поводу некоторых личных качеств, желает быть не тем, кем он или она являются. По данному показателю различия между группами статистически значимы. В целом в выборке преобладают студенты с низким уровнем психологического благополучия, что, в соответствии с мнением авторов методики, связано с недостаточной осмысленностью жизни и ее недостаточной управляемостью. Доля студентов, испытывающих психологическое благополучие, выше в группе высокововлеченных, в группе студентов с низким уровнем вовлеченности в деятельность таковые

практически отсутствуют. В целом в выборке преобладают респонденты со средними и низкими показателями психологического благополучия.

В результате диагностики жизненной удовлетворенности студентов как отношения к прожитому периоду жизни (табл. 13, 14) были выявлены схожие тенденции (преобладание респондентов со средними значениями исследуемых качеств), однако в данном случае различия между группами студентов с разным уровнем вовлеченности более выражены (табл. 15).

У студентов с низким уровнем вовлеченности в деятельность значимо слабее, чем у представителей других групп, выражен интерес к повседневной жизни, энтузиазм и увлеченность в различных сферах. Можно предположить, что отсутствие вовлеченности в деятельность у студентов с низкими показателями по шкале *Интерес к жизни* – это проявление общей системной эмоциональной нечувствительности к происходящим событиям. Среди студентов с высокой вовлеченностью в деятельность, по сравнению с другими группами, больше тех, кто направлен на достижение поставленных целей и проявляет решительность и настойчивость при их достижении; кто убежден, что может достичь поставленных целей, а части – уже достиг. Это сопровождается высокой положительной оценкой себя и собственных профессиональных и личностных качеств.

Табл. 12. Значимость различий показателей психологического благополучия студентов с различным уровнем вовлеченности

Tab. 12. Psychological well-being of students with different levels of involvement

Шкалы методики	Группы 3 и 2		Группы 2 и 1		Группы 3 и 1	
	F	p-level	F	p-level	F	p-level
Управление средой	8,66	0,004	0,14	0,71	3,97	0,05
Личностный рост	9,25	0,003	0,30	0,59	5,84	0,02
Самопринятие	5,13	0,025	0,08	0,78	6,33	0,01
Психологическое благополучие	6,33	0,013	0,08	0,78	3,40	0,07

Прим.: приведены шкалы, по которым есть значимые различия; статистически значимые показатели выделены полужирным шрифтом.

Табл. 13. Описательные статистики, методика Индекс жизненной удовлетворенности

Tab. 13. Descriptive statistics: Life Satisfaction Index

Шкалы методики	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Интерес к жизни	3,69	1,659	4,45	1,477	4,72	1,469
Последовательность в достижении целей	4,49	1,652	4,98	1,786	5,67	1,848
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	4,26	1,597	4,78	1,702	5,35	1,824
Положительная оценка себя и собственных поступков	4,46	1,633	4,62	1,649	5,58	1,721
Общий фон настроения	3,49	1,314	4,78	1,917	5,63	1,732
Общий индекс жизненной удовлетворенности	20,37	5,065	23,62	6,431	26,95	6,772

Представители всех групп статистически значимо различаются по общему фону настроения, являющемуся проявлением способности радоваться жизни, оптимистичности. В группе студентов с низким уровнем вовлеченности отсутствуют респонденты с высоким общим фоном настроения, в группе высокововлеченных студентов они составляют 32,56 %. Доля студентов, удовлетворенных собственной жизнью, максимальна в группе вовлеченных в деятельность, минимальна – в группе с низкой вовлеченностью. Полученные результаты позволяют сформулировать два предположения, нуждающихся в дальнейшей проверке:

- 1) именно высокая вовлеченность в деятельность способствует переживанию удовлетворенности жизнью;
- 2) именно недостаточно развитая способность эмоционально и глубоко реагировать на события собственной жизни является одной из причин недостаточной вовлеченности человека в выполняемую деятельность.

Заключение

Вовлеченность в деятельность как актуальное состояние взаимосвязана с рядом мотивационных и ценностно-смысловых характеристик, что позволяет говорить о ценностно-смысловом измерении состояния вовлеченности. В результате исследования было выявлено, что только шестая часть студентов проявляют высокий уровень вовлеченности в выполняемую деятельность, при этом как минимум четверть из них демонстрируют состояние псевдововлеченности, при котором актуальное поведение не соотносится с ценностями и мотивами личности. Полученные результаты соотносятся с данными, описываемыми Н. Г. Малошонов и Н. В. Киселевой.

Среди ценностно-смысловых характеристик, соотносимых нами с различными уровнями состояния вовлеченности, наибольшую связь с вовлеченностью как актуальным состоянием демонстрируют академическая мотивация,

Табл. 14. Уровень выраженности показателей жизненной удовлетворенности студентов, %

Tab. 14. Indicators of students' life satisfaction, %

Шкалы методики	Группа 1			Группа 2			Группа 3		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Интерес к жизни	25,72	57,14	17,14	9,72	65,14	25,14	11,63	53,48	34,89
Последовательность в достижении целей	22,86	60,0	17,14	22,29	54,86	22,85	9,30	53,48	37,21
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	11,43	82,85	5,72	9,14	71,43	19,43	4,65	67,44	27,91
Положительная оценка себя и собственных поступков	8,57	82,85	8,57	12,0	76,57	11,43	4,65	62,79	32,56
Общий фон настроения	31,43	68,57	–	11,43	65,72	22,85	2,33	65,11	32,56
Общий индекс жизненной удовлетворенности	14,29	82,85	2,86	14,29	66,28	19,43	4,65	58,14	37,21

Табл. 15. Значимость различий показателей жизненной удовлетворенности студентов с различным уровнем вовлеченности

Tab. 15. Life satisfaction indicators of students with different levels of involvement

Шкалы методики	Группы 3 и 2		Группы 2 и 1		Группы 3 и 1	
	F	p-level	F	p-level	F	p-level
Интерес к жизни	0,82	0,368	4,25	0,04	8,53	0,01
Последовательность в достижении целей	7,84	0,006	0,59	0,44	8,77	0,0001
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	4,74	0,031	2,20	0,14	7,72	0,01
Положительная оценка себя и собственных поступков	12,9	0,0001	0,16	0,69	8,62	0,0001
Общий фон настроения	9,89	0,002	9,15	0,0001	36,40	0,0001
Общий индекс жизненной удовлетворенности	11,60	0,001	4,69	0,03	22,70	0,0001

Прим.: статистически значимые показатели выделены полужирным шрифтом.

смыслжизненные ориентации и жизненная удовлетворенность. Для высокововлеченных студентов характерна мотивация, традиционно соотносимая с успешной учебной деятельностью (познавательная, достижения, саморазвития, самоуважения). То есть можно говорить о достаточно высоком соответствии требований среды и собственных побуждений высокововлеченных студентов к выполняемой деятельности.

Значительная часть высокововлеченных студентов ориентированы на результативность жизни (на достижения прошлого), меньшая – на настоящее. То есть вовлеченность как актуальное состояние соотносится не только с ценностью для человека текущего момента, но и с его жизненным опытом. Большая часть высокововлеченных студентов воспринимают свою жизнь как в той или иной степени осмысленную и контролируемую (в отличие от студентов с низкой и умеренной вовлеченностью).

Показатели субъект-объектных жизненных ориентаций, выявленные по методике Е. Ю. Коржовой, напротив, практически не связаны с актуальным состоянием вовлеченности в деятельность. Исключение составляет характеристика *трансситуационное освоение мира*, проявляющаяся у высокововлеченных студентов преимущественно как самоосуществление во внешнем мире, а у студентов с низкой и умеренной вовлеченностью – как стремление к преобразованию внутреннего мира. Кроме того, высокововлеченные студенты в большей степени ориентированы на освоение новых ситуаций. Можно предположить, что одним из условий достижения высокой вовлеченности в деятельность является, с одной стороны, заинтересованность во внешней среде (в противовес внутренней), а с другой – достаточная упорядоченность внутреннего мира, отсутствие выраженных внутриличностных конфликтов (однако данное предположение нуждается в проверке).

Большинство студентов имеют достаточно низкий уровень психологического благополучия и его отдельных составляющих. При этом с уровнем вовлеченности соотносятся такие характеристики психологического благополучия, как Управление средой, Личностный рост и Самопринятие (все показатели выше у высокововлеченных студентов). Доверительность отношений с окружающими, автономия и восприятие своей жизни как осмысленной у студентов с различным уровнем вовлеченности статистически значимо не различаются.

В отличие от психологического благополучия, удовлетворенность жизнью находится в тесной связи с актуальным

состоянием вовлеченности. Высокововлеченные студенты ориентированы на достижение поставленных целей и в целом считают их достижимыми. У них выше фон настроения и общая удовлетворенность жизнью. Также была выявлена взаимосвязь между интересом человека к жизни и его вовлеченностью в деятельность, однако характер этой взаимосвязи нуждается в уточнении.

Таким образом, часть рассматриваемых параметров (академическая мотивация, смыслжизненные ориентации, жизненная удовлетворенность) в большей степени соотносятся с состоянием вовлеченности, т. е. в соответствии с исходными теоретическими предположениями выступают своеобразным измерителем соответствия человека и среды на ценностно-смысловом уровне. Жизненные ориентации соотносятся с актуальным состоянием вовлеченности в ситуациях выбора между привычными ситуациями и новыми, а также при определении направления самоосуществления (во внешнем мире или во внутреннем). В структуре психологического благополучия с вовлеченностью соотносятся характеристики, описывающие отношения человека и среды, а также самопринятие. Можно утверждать, что выделенные нами уровни вовлеченности (вовлеченность как актуальное состояние, вовлеченность на уровне мотивации и ценностей, вовлеченность как интегральная характеристика состояния человека) действительно представляют собой целостную систему, отражающую различные аспекты соответствия человека и среды. Характер отношений элементов внутри данной системы требует дальнейшего эмпирического исследования и теоретического осмысления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Е. В. Павлова – разработка теоретической основы исследования, сбор и обработка эмпирических данных, подготовка текста статьи. О. М. Краснорядцева – общее руководство направлением исследований, разработка методологических оснований исследования, участие в подготовке текста статьи. Э. А. Щеглова – обработка данных, участие в подготовке текста статьи.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0040.

Литература

1. Astin A. W. Student involvement: a developmental theory for higher education // Journal of College Student Development. 1999. Vol. 40. № 5. P. 518–529.
2. Киуру К. В., Попова Е. Е. Проблема студенческой вовлеченности в процесс обучения в условиях онлайн-образования // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-3. С. 380–384.
3. Малошенок Н. Г. Студенческая вовлеченность: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? // Мониторинг университета. 2011. № 6. С. 11–21.

4. Tinto V. Classrooms as communities: exploring the educational character of student persistence // *The Journal of Higher Education*. 1997. Vol. 68. № 6. P. 599–623.
5. Литвинова Е. Ю., Киселева Н. В. Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование // *Социальная психология и общество*. 2016. Т. 7. № 3. С. 5–17. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070301>
6. Лехциер В. А. Цифровой стиль жизни и академические коммуникации в аудитории: проблема вовлеченности // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. 2015. № 2. С. 38–54.
7. Киселева Н. В. Вовлеченность обучающихся в непрерывное образование на разных этапах образовательного процесса // *Психология и Психотехника*. 2017. № 4. С. 74–81. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24659>
8. Малошонов Н. Г. Вовлеченность студентов в учебный процесс в российских вузах // *Высшее образование в России*. 2014. № 1. С. 37–44.
9. Токарева А. А., Баронене С. Г. Методика исследования вовлеченности сотрудников университета // *Университетское управление: практика и анализ*. 2019. Т. 23. № 1-2. С. 11–32. <https://doi.org/10.15826/umpra.2019.01-2.001>
10. Чеглакова А. М., Кабалина В. И. Вовлеченность персонала: теоретические подходы, эмпирические результаты // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2016. № 1. С. 121–128.
11. Ключко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20. <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
12. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
13. Лукьянов О. В., Бронер В. И., Васильев А. В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 75. С. 39–52. <https://doi.org/10.17223/17267080/75/3>
14. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.
15. Савинова С. Ю. Вовлеченность студентов в образовательный процесс: оценка позитивных эффектов // *Человек и образование*. 2015. № 4. С. 143–147.
16. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
17. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 72. С. 46–67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
18. Кустубаева А. М., Камзанова А. Т. Влияние стиля мышления на вовлеченность и эффективность выполнения экспериментальной задачи // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2013. Т. 6. № 2. С. 6–13.
19. Смирнов П. С. Вовлеченность персонала: типы, уровни проявления и связи с практиками управления человеческими ресурсами // *Организационная психология*. 2019. Т. 9. № 1. С. 81–95.
20. Лукьянов О. В., Волюнец К. В. Инициативность и вовлеченность в экзистенциальном консультировании. Анализ случая // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 400. С. 277–281. <https://doi.org/10.17223/15617793/400/44>
21. Schaufeli W., Bakker A. UWES – Utrecht work engagement scale. Preliminary Manual. Version 1.1. 2004. 60 p.
22. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 4. С. 98–107.
23. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // *Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств*. 2012. № 19-1. С. 82–97.
24. Коржова Е. Ю. Духовно-нравственные аспекты исследования жизненного пути личности // *Вестник РХГА*. 2010. Т. 11. № 2. С. 252–262.
25. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2020. 18 с.
26. Лепешинский Н. Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // *Психологический журнал (Минск)*. 2007. № 3. С. 24–37.
27. Шамионов Р. М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // *Мир психологии*. 2010. № 1. С. 237–249.
28. Дубровина И. В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // *Вестник практической психологии образования*. 2020. Т. 17. № 3. С. 9–21. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170301>
29. Гришина Н. В. Психологическое благополучие в экзистенциальном понимании: эмпирические особенности // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 48. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1312-grishina48.html> (дата обращения: 13.07.2021).

original article

Value-Semantic Measurement of Commitment: an Empirical Study

Ekaterina V. Pavlova

Amur State University, Russia, Blagoveshchensk; <https://orcid.org/0000-0002-0380-9345>; katal75@mail.ru

Eleanora A. Shcheglova

Tomsk State University, Russia, Tomsk; <https://orcid.org/0000-0003-3360-038X>

Olga M. Krasnoryadtseva

Tomsk State University, Russia, Tomsk; <https://orcid.org/0000-0003-1549-9994>

Received 22 Jul 2021. Accepted after peer review 12 Aug 2021. Accepted 23 Aug 2021.

Abstract: The article considers the value-semantic dimension of commitment using the case of students' involvement in classroom activities. Commitment is a state that appears if the person and the environment match each other. Commitment has several levels: as a current state, as motivation and values, and as an integral characteristic of human life. Meanings and values are responsible for the relations between the person and the environment, which are expressed as emotions, e.g., life satisfaction, psychological well-being, etc. The research objective was to determine the nature of the relationship between the current state of students' involvement in educational and professional activities and their motives, life orientations, life satisfaction, and psychological well-being. The Utrecht Work Engagement Scale (UWES-17) was used to diagnose commitment as a current state (W. Schaufeli, A. Bakker). The value-semantic aspects of commitment were measured using the Academic Motivation Scale (T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, E. N. Osin), the Test of Life-Purpose Orientations (D. A. Leontiev), the Questionnaire of Life Orientations (E. Yu. Korzhova), the Scale of Psychological Well-Being (C. Ryff, in N. N. Lepeshinsky's modification), and Life Satisfaction Index (A. O. Neugarten et al., adapted by N. V. Panina). The data were analyzed separately for second- and third-year students of Amur State University with high, moderate, and low commitment. The comparative analysis was based on ANOVA. Commitment as a current state appeared to correlate more with academic motivation, life-purpose orientations, and life satisfaction than with life subject-object orientations and psychological well-being. The results obtained can help psychological counselors to organize events aimed at increasing students' commitment.

Keywords: levels of commitment, compliance, students, academic motivation, life-meaning orientations, psychological well-being, life satisfaction, value-semantic dimension of commitment, system anthropological psychology

Citation: Pavlova E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Value-Semantic Measurement of Commitment: an Empirical Study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 691–704. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-691-704>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: E. V. Pavlova developed the theoretical basis, collected and processed empirical data, and wrote the manuscript. O. M. Krasnoryadtseva supervised the research, developed the methods, and proofread the manuscript. E. A. Shcheglova was responsible for data processing and proofread the manuscript.

Funding: The results were obtained as part of state assignment No. 0721-2020-0040 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

References

1. Astin A. W. Student involvement: a developmental theory for higher education. *Journal of College Student Development*, 1999, 40(5): 518–529.
2. Kiuru K. V., Popova E. E. Problem of student involvement in the training process under the conditions of online-education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (59-3): 380–384. (In Russ.)
3. Maloshonok N. G. Student's commitment: why is it important to study the learning process, and not just its result? *Monitoring universiteta*, 2011, (6): 11–21. (In Russ.)
4. Tinto V. Classrooms as communities: exploring the educational character of student persistence. *The Journal of Higher Education*, 1997, 68(6): 599–623.
5. Litvinova E. Y., Kiseleva N. V. Structural model of involvement of students in ongoing education. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 2016, 7(3): 5–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2016070301>

6. Lekhtsier V. L. Digital lifestyle and academic communication in the classrooms: the problem of involvement. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, 2015, (2): 38–54. (In Russ.)
7. Kiseleva N. V. Involvement of students in continuous education at different stages of learning process. *Psychology and Psychotechnics*, 2017, (4): 74–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24659>
8. Maloshonok N. G. Student engagement in learning in Russian universities. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2014, (1): 37–44. (In Russ.)
9. Tokareva A. A., Baronene S. G. University employee engagement study methodology. *University Management: Practice and Analysis*, 2019, 23(1-2): 11–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/umpa.2019.01-2.001>
10. Cheglakova L. M., Kabalina V. I. Employee engagement: theoretical approaches, empirical results. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, 2016, (1): 121–128. (In Russ.)
11. Klochko V. E., Galazhinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
12. Klochko V. E. Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis). Tomsk: TGU, 2005, 174. (In Russ.)
13. Lukyanov O. V., Broner V. I., Vasiliev A. V. Categories of the psychology of involvement (authentication). *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, (75): 39–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/75/3>
14. Bozhovich L. I. *Personality and its formation in childhood*. St. Petersburg: Piter, 2009, 400. (In Russ.)
15. Savinova S. Yu. Engagement of students in the educational process: estimation of positive effects. *Chelovek i obrazovanie*, 2015, (4): 143–147. (In Russ.)
16. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
17. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. The value orientations system of Generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (72): 46–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
18. Kustubaeva A. M., Kamzanova A. T. Effect of thinking style on commitment and performance of experimental task. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 2013, 6(2): 6–13. (In Russ.)
19. Smirnov P. S. Employee engagement: types, levels of realization and links with human resource management practice. *Organizational Psychology*, 2019, 9(1): 81–95. (In Russ.)
20. Lukyanov O. V., Volynets K. V. Initiative and involvement in existential consulting. Analysis of a case. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (400): 277–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/400/44>
21. Schaufeli W., Bakker A. UWES – Utrecht work engagement scale. Preliminary Manual. Version 1.1, 2004, 60.
22. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. "Academic motivation scales" questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2014, 35(4): 98–107. (In Russ.)
23. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. The basic methodological approaches to the study of the personal value-semantic sphere. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, (19-1): 82–97. (In Russ.)
24. Korzhova E. Yu. Spiritual and moral aspects of the study of a person's life path. *Vestnik RKhGA*, 2010, 11(2): 252–262. (In Russ.)
25. Leontiev D. A. Test the meaning of life orientations. Moscow: Smysl, 2000, 18. (In Russ.)
26. Lepeshinski N. N. Adaptation of C. Ryff's questionnaire of Scale of Psychological Well-Being. *Psychological journal (Minsk)*, 2007, (3): 24–37. (In Russ.)
27. Shamionov R. M. On some transformations of personality's subjective well-being structure in different of conditions of professional socialization. *Mir psixologii*, 2010, (1): 237–249. (In Russ.)
28. Dubrovina I. V. The phenomena of "psychological well-being" in the context of the social situation of development. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya*, 2020, 17(3): 9–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170301>
29. Grishina N. V. Existential approach to well-being: empirical characteristics. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2016, 9(48). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1312-grishina48.html> (accessed 13 Jul 2021). (In Russ.)

оригинальная статья

Психологические детерминанты, оказывающие влияние на конструирование виртуального образа личности

Эвелина Османовна Расина

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Россия, г. Симферополь; <https://orcid.org/0000-0002-5939-3780>; rasina.evelina@mail.ru

Поступила в редакцию 24.07.2021. Принята после рецензирования 31.08.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: В условиях транзитивности современного мира межличностное взаимодействие приобретает новые характеристики. Виртуальный образ личности в условиях развития информационного пространства занимает важнейшее место в процессах социального познания в сети. Данная статья посвящена изучению детерминант, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности. Исследование позволяет более детально рассмотреть психологические особенности, функциональные характеристики и закономерности виртуального образа личности в сети. Цель – выявить основные определяющие условия, которые влияют на конструирование виртуального образа личности, их особенности и типы, а также определить их роль в процессах и механизмах его конструирования. В ходе исследования были выявлены три группы психологических детерминант: средовые, функциональные и индивидуально-психологические. Индивидуально-психологические условия занимают важнейшее место в процессах формирования виртуального образа личности и отражаются в стратегиях выстраивания взаимоотношений в малых группах, в самоотношении личности, в уровне ее самооценки, в направленности и мотивации. Для определения индивидуально-психологических детерминант, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности, в качестве психодиагностических инструментов были использованы авторский опросник «Содержательные и композиционные особенности виртуального образа личности», опросник «Личность в виртуальном пространстве», методика «Диагностика межличностных отношений», методика исследования самоотношения. Статистический анализ экспериментальных данных был осуществлен путем факторного анализа с применением метода главных компонент с вращением (метод ортогонального вращения валидизации). Индивидуально-психологические детерминанты имеют тесную связь между собой, и в ходе факторного анализа отдельные компоненты личностных характеристик группируются в 7 основных факторов.

Ключевые слова: самопрезентация, виртуальная личность, виртуальное пространство, самоотношение, направленность

Цитирование: Расина Э. О. Психологические детерминанты, оказывающие влияние на конструирование виртуального образа личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 705–716. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-705-716>

Введение

Виртуальное пространство в современном мире занимает все большую часть существования общества, выходя за рамки мифопоэтического пространства и внутреннего пространства художественного текста, которые представляют собой творения разума человека и его воображения. Виртуальное пространство в нашем обществе теряет четкость рамок и строгую осязаемость границ между действительным и недействительным, возможным и невозможным, реальным и виртуальным. Подобные процессы оказывают значительное влияние на развитие общества и оставляют осязаемый след в развитии каждого конкретного индивида. За последние десятилетия в психологическую науку вошли такие рабочие понятия, как виртуальная реальность, виртуальная личность, виртуальная социализация. Виртуальный образ личности – на данный момент слабо изученный концепт, но при этом достойный своего места в психологических исследованиях современности. Виртуальный образ личности, являясь продуктом виртуального пространства, законы которого

еще только начинают формулироваться и проясняться, играет важную роль в выстраивании межличностного взаимодействия в сети, в эффективности межличностных контактов, в формировании и актуализации собственной идентичности индивида.

На данный момент довольно актуальным является вопрос об условиях, влияющих на формирование виртуального образа личности. Данный этап в изучении этого феномена позволит продвинуться в исследовании как психологических особенностей, так и функциональных характеристик и закономерностей виртуального образа личности.

Целью статьи является определение основных психологических детерминант, влияющих на конструирование виртуального образа личности, выявление их особенностей и типов, их роли в процессах и механизмах конструирования образа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать теоретические основы концептов *виртуальная личность, самопрезентация, виртуальный образ личности* в отечественной и зарубежной науке;
- выявить и классифицировать основные детерминанты, влияющие на конструирование виртуального образа личности;
- выявить основные индивидуально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на конструирование виртуального образа личности;
- дать характеристику индивидуально-психологическим детерминантам, раскрыть их особенности;
- определить связь мотивов, стратегий выстраивания взаимоотношений в группах и личных психологических характеристик с особенностями и характерными чертами, которыми обладает виртуальный образ.

Гипотеза исследования – существует ряд определяющих условий, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности. Следует ожидать, что индивидуально-психологические характеристики пользователя играют значительную роль в процессах формирования виртуального образа личности и напрямую связаны со структурой и семантической наполненностью образа.

Теоретические основы

В современном мире все большая часть человеческой активности переносится в виртуальную реальность, созданный техническими средствами мир иллюзий, симуляций и образов. Виртуальное пространство сети Интернет оказывает значительное влияние на процессы, происходящие в нем, видоизменяя их и создавая новые законы и механизмы человеческой деятельности. Человеческую активность в виртуальном пространстве в современной психологической науке принято определять через феномен виртуальной личности.

Виртуальная личность – продукт процессов информатизации и цифровизации общества. С. А. Решенин в своих исследованиях делает вывод о множественной субъективности виртуальной личности, являющейся результатом процессов экстернализации (проекция внутренних процессов на объекты внешнего мира) и трансгрессии (процесс перехода от возможного к невозможному, от реального к виртуальному), что создает особые условия для ее репрезентации. Виртуальная личность может иметь характеристики, которые копируют, подражают или продолжают качества реальной личности пользователя [1]. А. И. Лучинкина выделяет как одну из характеристик данного феномена наличие квазиличности, искусственно созданной и управляемой пользователем. При этом одним из самых распространенных способов присутствия в виртуальном пространстве является применение псевдонимов, ников, аватаров, юзерпиков, языковых и визуальных штампов. В данном процессе важную роль играет желание прожить несколько жизней одновременно, что приводит к представлению пользователя в новых образах [2].

Виртуальная личность – это, прежде всего, активность реальной личности в сети, в том числе совокупность ее межличностных взаимодействий. Эффективность и успешность межличностного взаимодействия во многом зависит от впечатления, складывающегося у окружающих (потенциальных партнеров по взаимодействию) о субъекте. В основе формирования впечатления о личности лежит феномен самопрезентации, его суть заключается в определенных действиях, направленных на создание некоего образа, цель которого – произвести впечатление. Самопрезентация в виртуальном пространстве ввиду своей опосредованности открывает широкие возможности для экспериментов с идентичностью и виртуальными образами личности, а также довольно широкие возможности для управления впечатлением о себе [3].

Формирование отношения к партнеру по общению происходит путем преодоления пяти стадий общения: демонстрации знаковых атрибутов (одежда, украшения, косметика), невербальной коммуникации, демонстрации привлекательных черт характера и способностей и обозначения своего положения (статуса). Вся данная информация считывается по большей мере с образа личности, предстающего перед партнером по взаимодействию [4]. В виртуальном пространстве роль образа личности в выстраивании успешного взаимодействия не только сохраняется, но и выполняет решающую задачу, являясь основным инструментом для формирования впечатления о субъекте. Исследования показали, что выбор фотоизображения отражает личность пользователя и опирается на впечатление, которое носитель образа хочет произвести на других. Пользователь подбирает определенный тип аватарки, юзерпика, вызывающий симпатию у большинства пользователей [5].

Восприятие субъектом субъекта происходит путем считывания и интерпретации информации, представленной виртуальным образом личности, являющимся намеренной, осознаваемой или частично осознаваемой виртуальной ментальной конструкцией, отражающей личностные характеристики носителя, создающей определенное впечатление у других виртуальных пользователей. Семантическая информация образа личности заключается в символах, выступающих в роли сигналов-стимулов. Современные информационные технологии в значительной мере расширили спектр данных стимулов. Путем их обработки с помощью когнитивных процессов происходит выстраивание в сознании цельного образа пользователя. При этом виртуальный образ личности является инструментом не только самопрезентации, но и самокатегоризации личности, инструментом выстраивания категориальной структуры мира, актуализации и фиксирования идентичности [6]. Виртуальный мир отражает реальный и базируется на существующих образах, особое значение приобретает время коммуникации, которое доминирует над пространством, а сам виртуальный образ ограничен

степенью творческих способностей и степенью культурного развития индивида [7].

Анализ особенностей виртуального пространства и условий активности личности в нем позволяет выделить ряд детерминант, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности.

Первая группа условий, влияющих на формирование виртуального образа, включает в себя особенности самой среды конструирования образа. Виртуальное пространство открывает широкие возможности для управления впечатлением и заигрываний с идентичностью. В реальном мире в возможностях создания своего образа человека ограничивают определенные рамки, которые невозможно или достаточно сложно преодолеть (пол, возраст, национальность, социальный статус). Виртуальное пространство позволяет разрушать подобные рамки, конструируя образ в соответствии со своими целями, взглядами и возможностями, которые предоставляет виртуальное пространство как платформа для существования образа.

Первой и одной из важнейших детерминант является анонимность пользователей, она дает возможность для вариативности и множественности образов, для заигрывания с идентичностью и намеренного искажения информации в самоописаниях. Именно анонимность позволяет вносить в структурную композицию образа определенный информационный пласт, необходимый носителю для осуществления успешной самопрезентации [8]. Отсутствие прямого взаимодействия в виртуальном пространстве и анонимность дают представление о вседозволенности и ощущении безнаказанности [9], создают впечатление снижения социального риска в процессе межличностного взаимодействия, что ведет к свободе в выборе модели поведения и характеристик, демонстрируемым другим пользователям. При этом виртуальное пространство оказывает влияние и на формирование стремления к анонимности, безликости, сокрытию своего реального положения и статуса, что не может не повлиять на конструирование виртуального образа личности [10]. Кроме того, виртуальное пространство стирает границы между близостью и одиночеством, пользователи предпочитают текст, чтобы не раскрывать подробности своей личной жизни и не раскрыть своих истинных намерений [11].

Отсутствие реального визуального контакта на большинстве платформ виртуального пространства открывает огромные возможности в изменении внешнего вида, сокрытии реального эмоционального отношения и реакций, создает почти абсолютно управляемое впечатление [6; 12; 13]. Но при этом данный феномен анонимности может привести к усредненности виртуального образа, неся в себе скрытое, частично осознаваемое желание быть принятым в той или иной социальной среде, и к подстраиванию образа под уже существующие шаблоны [14].

Следующим условием, влияющим на конструирование виртуального образа, является возможность множественных

одновременных контактов, что позволяет управлять временем и условиями процесса взаимодействия. Пользователь может выбирать партнера по общению, вступать в контакт одновременно с несколькими пользователями (с возможностью изолированного общения) и в удобное для себя время прекращать всякое взаимодействие или откладывать его на некоторый срок (несвоевременное прочтение сообщения дает возможность отсроченного ответа). Возможность обдумывания ответов на сообщения и отсутствие строгой временной регламентации реагирования позволяет избрать наиболее эффективную для данного случая взаимодействия модель поведения, наилучшим образом соотносящуюся со сконструированным образом и отвечающую целям автора образа [3].

Еще одним определяющим условием является отсутствие невербальных компонентов общения. Данная детерминанта влияет на возможности вариативности в интерпретации высказываний, действий и психологических характеристик партнера по взаимодействию, что позволяет манипулировать впечатлением других пользователей. Кроме того, в виртуальном пространстве ограничены возможности для проявления и восприятия эмоциональных компонентов взаимодействия, которые, с одной стороны, создают возможности для манипуляции аффективными состояниями или для сокрытия реальных эмоций, а с другой – приводят к нарастанию потребности в средствах передачи данных аффективных проявлений. Устойчивое стремление к эмоциональному наполнению текстового материала приводит к поиску и созданию специальных знаков и символов, определяющих эмоциональное состояние пользователя, аналогов, в роли которых выступают графические символы, эмодзи, эмотиконы и даже текст, написанный прописными буквами (Caps lock). Данные графические символы становятся неотъемлемой частью виртуального образа [3].

Следующими детерминантами являются возможность выравнивания социальной статусности пользователя и доступность полной смены идентичности, в том числе путем выбора наиболее желаемого социального статуса. Интернет-коммуникация дает пользователям исключительные возможности создавать виртуальную идентичность полностью по своему выбору. Отсутствие визуального контакта дает широкий диапазон возможностей для изменения внешнего вида, манипулирования вербальными и невербальными проявлениями (путем замены их знаками). Создается практически абсолютная свобода в проявлении своей идентичности, управлении впечатлением о себе и конструировании огромного множества разнообразных образов. Вместе с тем виртуальное пространство позволяет приписать себе любой социальный статус, достаточно лишь зашифровать символами информацию о нем в виртуальном образе. Наиболее яркие проявления экспериментирования с идентичностью представлены сменой пола и девиантным поведением в Сети (троллинг как способ заявить о себе, обозначить свое присутствие) [6]. Таким образом,

виртуальное пространство предоставляет пользователям возможность компенсировать неудовлетворяющие черты реальной идентичности, самоактуализироваться, выразить всю полноту многогранной личности пользователя [15].

Отсутствие жестких границ и барьеров в виртуальном пространстве, в том числе возрастных и культурных, также можно выделить как детерминанту, влияющую на конструирование виртуального образа. Отсутствие границ способствует стиранию четкой принадлежности к какой-либо социальной группе, размытию социальных статусов и ролей. К тому же Интернет в силу своей всемирной представленности является поликультурным, в общении могут принимать участие представители различных этнических и социальных групп. Данное условие является достаточно значимым при конструировании образа личности. Стирание границ и отсутствие четкой идентификации в виртуальном пространстве позволяет вносить в виртуальный образ компоненты, дающие возможность соотносить пользователя с теми социальными, национальными, гендерными, профессиональными группами, которые определяет для себя сам носитель образа. Виртуальное пространство, являясь широкой платформой для развития социальных связей и взаимодействий, содержит в себе большое количество социальных сообществ (социальные сети, чаты, форумы, платформы для видеоконференций), что дает субъекту широкие возможности в очерчивании своей принадлежности к социальным группам и социальным категориям, которые могут отличаться или совсем не соответствовать реальным статусам и положениям в обществе пользователя [9; 16].

Встраивание в систему виртуального пространства в значительной степени влияет на представление человека о себе, своей деятельности, профессии, работе, о своих отношениях с другими людьми и о социальных процессах в целом. «Игра по правилам сети» оказывает влияние не только на представление о себе, но и действует значительно глубже, изменяя ценностно-смысловую сферу личности, что влияет на структурирование информации, процесс считывания и расшифровки семантического содержания образа личности. Стоит отметить, что трансформация ценностно-смысловой сферы личности оказывает влияние как на пользователя – носителя образа (исходя из своих ценностных ориентаций он конструирует образ), так и на партнера по взаимодействию, чья задача – расшифровать данный образ. Ценности и смыслы в свою очередь влияют на процесс интерпретации виртуального образа [17].

Виртуальное пространство оказывает значительное влияние на динамику и устойчивость ценностных ориентиров. Современный мир способствует быстрой смене ценностей у людей и приводит к следованию ложным ценностям, а также подчинению новым ценностным ориентирам и выстраиванию своей идентичности в соответствии с ними [18]. Современное общество сформировало потребность в демонстрации своей идентичности и подтверждении и даже одобрении ее в сети. Люди знакомятся

с новыми образами жизни и сталкиваются с бесчисленными ресурсами идентичности, приводящими к трансформации системы ценностей, изменению в методах потребления и в образе жизни [19]. Все эти процессы имеют прямую связь с конструированием виртуального образа личности – не только вместилища анкетных данных, но и сложного феномена, хранящего в себе информацию о личностных характеристиках, моделях поведения, взглядах, вкусах, социальных статусах, ролях и тех ценностях и этических ориентирах, которыми руководствуется пользователь.

Помимо того, виртуальное пространство формирует для пользователей особую среду для деятельности. Вся совокупность процессов, механизмов и условий виртуального мира дают пользователям представления о «правилах игры». Существует ряд иллюзий (фантазий), формирующихся у пользователей социальных сетей и отражающих специфику виртуального пространства: иллюзия контроля (ощущение свободного выбора интересующего контента, контроля своего образа), иллюзия заботы (ощущение наличия интересующихся и равнодушных слушателей, аудитории из автоматических слушателей, которые на грустный или веселый контент могут отреагировать лайками или комментариями) и иллюзия отсутствия одиночества (ощущение наличия постоянной связи с другими людьми) [20]. Данные иллюзии создают потребность в присутствии в информационном пространстве и необходимость самопрезентации в нем, происходящей при помощи образа, создаваемого пользователем. Кроме того, они формируют новые способы существования и меняют саму суть восприятия человеком самого себя, что в свою очередь не может не повлиять на виртуальный образ личности.

Создание альтернативных идентичностей зачастую принимается виртуальным сообществом в рамках нормы, что может служить условием, влияющим на конструирование виртуального образа. Таким образом, принятие социумом новых искусственно созданных виртуальных образов, даже при условии невозможности соотнесения его с реальным образом носителя, дает пользователям широкие возможности для манипулирования своим образом [21]. При этом конструирование образа происходит при использовании уже готового информационного материала: наборы символов, текстов и графических изображений [14]. Данные инструменты являются общепринятыми, общедоступными, понятными и свободными для интерпретации.

Среди прочих детерминант можно выделить отсутствие маркеров телесности [22], онтологическую ущербность (недостаточность), недоволощенность, кратковременность, переходность, способность активно влиять на реальность или даже превращаться в нее [23]. Все вышеперечисленные особенности интернет-общения создают условия и возможности для разнообразия самопрезентаций, многоликости пользователей в сети, позволяют создавать виртуальный образ, который будет в полной мере удовлетворять потребности и запросы пользователя.

Одной из важнейших особенностей виртуального пространства выступает перенос реального опыта в виртуальный мир и виртуального в реальный [24]. Созданная в Интернете реальность в значительной степени воспринимается пользователями как реальная, она формирует соответствующую картину мира и субъективную реальность личности [25].

Вторая группа детерминант представлена целями и мотивами пользователей, носителей виртуальных образов, заключающихся в причинах происходящего конструирования определенного виртуального образа и целях, в которых данный образ будет использован. Они определяют выбор образа и его семантическую наполненность и функциональные характеристики (для чего формируется виртуальный образ, какой смысл и функционал пользователь в него вкладывает).

Анализируя материалы исследований зарубежных и отечественных ученых, можно выделить причины и цели активности в виртуальном пространстве и конструировании виртуального образа личности и разделить их на следующие группы:

1) **фрустрационные**: стремление изменить внешность и идентичность, не удовлетворяющие личность, заменить себя идеализированным образом, лучшей версией самого себя, желание выразить свою многогранность [6], потребность в высказывании критических взглядов на традиционный уклад [26], в свободном высказывании своей точки зрения [27], в высказывании взглядов, которые невозможно высказать в реальности даже самым близким людям [28], стремление к реализации агрессивных тенденций, не имеющих выхода в реальном пространстве [15; 28; 29], выражение подавленных в реальности сторон своей личности [20; 28], удовлетворение запретных в реальности сексуальных побуждений [28], желание контроля над другими людьми, проявление манипулятивных тенденций [12; 15], желание власти [13];

2) **защитные**: ощущение уязвимости и боязнь близости [17; 20], стремление убежать от реальности, стремление к экономии энергии за счет энергоемкости виртуальных процессов [23; 26];

3) **мотивационные**: стремление к поддержанию позитивной самооценки, поддержание чувства собственной уникальности [3], необходимость в повышении уровня самооценки и активизации взаимодействий [29], потребность в самоактуализации и самоопределении, поиск альтернатив дальнейшего развития [22];

4) **потребительские**: желание получить удовольствие, стремление к познанию нового, ранее не испытываемого [23; 26], приобретению нового опыта [20; 30];

5) **позиционные**: возможность вариативности идентификации [22], потребность в демонстрации своей принадлежности [3];

6) **аффилиационные**: получение социальной выгоды, социального одобрения, боязнь одиночества, стремление быть в обществе других людей и быть принятым

и одобренным ими, желание обрести доверительные и эмоционально значимые отношения с другими людьми [3], стремление к нивелированию своей статусности [6].

Исходя из вышеперечисленных определяющих условий, можно сделать вывод о значительности влияния функциональной нагрузки образа на процесс его конструирования. Пользователь формирует свой виртуальный образ, опираясь на цели и мотивы, которые он преследует, вступая во взаимодействие с другими субъектами. Функциональный компонент в свою очередь определяет набор инструментария, используемого для управления впечатлением. Цели и мотивы пользователя влияют и на смысловую нагрузку образа, оформляя его семантическую составляющую.

Третья группа детерминант, влияющих на конструирование виртуального образа, включает в себя индивидуально-психологические характеристики, присущие каждому человеку личностные особенности. Среди таких характеристик мы можем выделить направленность выстраивания отношений с другими людьми (социальные, асоциальные и антисоциальные), типы взаимоотношений в малых группах (дружелюбие, подчинение, игнорирование). Важную роль в формировании виртуального образа личности играет и отношение субъекта к самому себе (самоотношение, самооценка). Направленность пользователя определяется степенью устойчивости представлений личности о социально желательном (одобряемом и неодобряемом) поведении в виртуальном пространстве [2]. Типы взаимоотношений пользователя с другими людьми в группе определяют стиль межличностного взаимодействия и преобладающий тип отношений к окружающим, что имеет прямую связь с моделью поведения, которая выбирается для виртуального образа. Тип взаимоотношений с другими пользователями связан с самооценкой и представлениями пользователя о своем идеальном Я. Самоотношение отражает личностный смысл Я, во многом определяющий семантическую нагрузку виртуального образа личности [31].

Таким образом, можно выделить следующие группы детерминант, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности:

- средовые;
- функциональные;
- индивидуально-психологические.

Первые две группы детерминант мы имеем возможность проанализировать исходя из целого ряда признаков и показателей. Исследование личностных психологических детерминант, влияющих на конструирование виртуального образа личности, возможно осуществить только с помощью специально подобранных методик. На данный момент психологическая наука не располагает универсальной методикой для анализа подобных условий. В связи с этим для исследования третьей группы детерминант необходимо использовать комплекс методик, которые позволяют прояснить особенности личности, оказывающие влияние на ее образ.

Материалы и методы

На этапе констатирующего эксперимента для определения индивидуально-психологических детерминант, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности, в качестве психодиагностических инструментов были использованы следующие методики: авторский опросник «Содержательные и композиционные особенности виртуального образа личности», опросник «Личность в виртуальном пространстве» (А. И. Лучинкина), методика «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири), методика исследования самооотношения (С. Р. Пантелеев).

Авторский опросник «Содержательные и композиционные особенности виртуального образа личности» предусматривает исследование по следующим шкалам: активность в сети, склонность к искажению информации о себе, стремление к социально желательному образу, склонность к замкнутости, стремление к высокому рейтингу, степень проработанности образа, стремление к потреблению информации (контента), стремление к созиданию информации (контента). Опросник направлен на изучение связи основных компонентов виртуального образа личности с индивидуальными особенностями личности. Кроме того, каждая из шкал также предназначена для выявления определенных внутренних связей. Совокупный анализ шкал опросника позволяет охарактеризовать виртуальный образ как цельную конструкцию, отражающую цели и мотивы носителя, личностные особенности и желаемый результат, который он закладывает в свой виртуальный образ. Шкала *активность в сети* характеризуется длительностью нахождения в виртуальном пространстве, степенью активности общения с другими пользователями, наличием аккаунтов в различных социальных сетях. Склонность к искажению информации демонстрирует степень возможности соотнесения реального и виртуального образов. Стремление к социально желательному образу и стремление к высокому рейтингу показывают уровень желания пользователя быть принятым обществом. Склонность к замкнутости образа и степень проработанности образа демонстрирует степень доступности информации о пользователе, которую можно получить, анализируя его виртуальный образ, степень информативности и семантической наполненности образа и его доступности другим пользователям. Стремление к потреблению и стремление к созиданию информации (контента) демонстрируют мотивы пользователей и функциональную направленность образа.

Опросник «Личность в виртуальном пространстве» подразумевает выявление творческих (мотив вноса, репликации, личного пространства) и потребительских (мотив обозначенного присутствия, мотив воплощения в роль) мотивов пользователей сети Интернет. Кроме того, данная методика позволяет проанализировать данные по трем шкалам: направленность (асоциальная, антисоциальная и про-социальная), вовлеченность (инструментальные навыки)

и виртуальность (ощущение принадлежности к сетевой субкультуре).

Методика «Диагностика межличностных отношений» направлена на исследование представлений субъекта о себе и своем идеальном Я. Вместе с тем данная методика позволяет оценить взаимоотношения в малых группах, определяемые по двум основным стратегиям – доминирование-подчинение и дружелюбие-агрессивность, которые определяют общее впечатление о человеке в процессах межличностного восприятия. С помощью данной методики выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке: авторитарный, эгоистический, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический.

Методика исследования самооотношения С. Р. Пантелеева предназначена для выявления структуры самооотношения личности, а также выраженности отдельных компонентов самооотношения: закрытости, самоуверенности, само-руководства, отраженного самооотношения, самооценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения.

В эксперименте приняли участие 60 человек, возраст испытуемых составил диапазон от 17 до 22 лет, без разделения на группы по каким-либо признакам. Статистический анализ экспериментальных данных был осуществлен с использованием программного обеспечения SPSS 26.0. Анализ результатов проводился путем факторного анализа с применением метода главных компонент с вращением (метод ортогонального вращения варимакс). Ортогональный метод вращения минимизирует число переменных с высокими нагрузками на каждый фактор, тем самым упрощая интерпретацию факторов. Значения исходных данных исследования имели разную размерность, в связи с чем данные подвергались нормированию.

Анализ результатов исследования

На основании результатов факторного анализа показателей индивидуально-психологических характеристик личности можно выделить 7 основных факторов (рис.), суммарный вклад которых в общую дисперсию составил более 80,9 %.

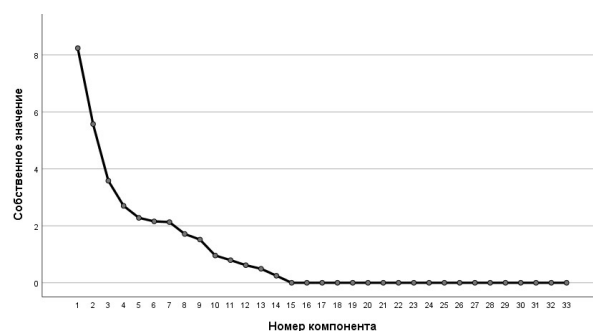

Рис. График собственных значений результатов факторного анализа
Fig. Factor analysis

Результаты факторного анализа показателей личностных свойств пользователей, носителей виртуального образа личности, допускают следующую интерпретацию. Каждый из полученных в ходе исследования факторов демонстрирует зависимость основных композиционных характеристик виртуального образа от мотивов пользователя, стратегий выстраивания взаимоотношений с другими людьми и личностных смыслов индивида, проявляющихся в самоотношении субъекта и стратегиях выстраивания взаимоотношений с другими пользователями (табл.).

Фактор 1 объединяет индивидуально-психологические особенности личности, которые характеризуют пользователя (носителя и создателя виртуального образа личности) как субъекта, имеющего внутренние конфликты и склонность к самообвинению. Данные свойства индивидуума проявляются в несогласии с собой, проявлении тенденций негативного фона по отношению к себе, стремлении к постоянному контролю собственного Я и признанию собственной малоценности. Пользователь, обладающий таким видом самоотношения, предъявляет к собственному Я достаточно

Табл. Группы факторов индивидуально-психологических компонентов

Tab. Groups of factors of personality and psychological components

Фактор	% суммарной дисперсии	Компоненты
Фактор 1	23,0	низкий уровень активности (0,61)
		высокий уровень стремления к социально желательному образу (0,43)
		высокий уровень стремления к высокому рейтингу (0,59)
		низкий уровень проработанности образа (0,55)
		мотив личного пространства (0,64)
		мотив воплощения в роль (0,79)
		средний уровень вовлеченности (0,53)
		средний уровень виртуальности (0,63)
		подозрительный (0,73), подчиняемый (0,57) и зависимый (0,58) тип взаимоотношений в малой группе
		самоотношение: внутренний конфликт (0,62), самообвинение (0,77)
Фактор 2	15,5	высокий уровень активности (0,58)
		низкий уровень стремления к социально желательному образу (0,53)
		высокий уровень стремления к высокому рейтингу (0,51)
		мотив репликации (0,59)
		мотив вноса (0,55)
		мотив обозначенного присутствия (0,59)
		асоциальная направленность (0,46)
		дружелюбный (0,50), альтруистичный (0,60) тип взаимоотношений в малой группе
		самоотношение: самоотражение (0,48), самоценность (0,76)
Фактор 3	12,0	высокий уровень склонности к замкнутости образа (0,57)
		мотив репликации (0,61)
		асоциальная направленность (0,53)
		низкий уровень виртуальности (0,80)
		самоотношение: самоотражение (-0,52), самопринятие (-0,59)

Фактор	% суммарной дисперсии	Компоненты
Фактор 4	9,4	высокий уровень стремления к социально желательному образу (0,63)
		низкий уровень стремления к высокому рейтингу (0,48)
		мотив обозначенного присутствия (0,40)
		средний уровень вовлеченности (0,43)
		зависимый тип (0,41)
		самозамкнутость (0,47)
Фактор 5	8,5	низкий уровень искажения информации (0,43)
		высокий уровень стремления к потреблению (0,61)
		просоциальная направленность (0,49)
		авторитарный тип (0,39)
		самоуверенность (0,46)
Фактор 6	6,7	низкий уровень стремления к высокому рейтингу (0,60)
		мотив вноса (0,51)
		просоциальная направленность (0,49)
		эгоистичный тип (0,65)
		самопринятие (0,31)
Фактор 7	5,8	высокий уровень стремления к высокому рейтингу (0,32)
		мотив обозначенного присутствия (0,35)
		просоциальная направленность (0,45)
		средний уровень вовлеченности (0,43)
		эгоистичный (0,36)
		самопривязанность (0,40)

Прим.: В скобках у компонентов указаны количественные показатели корреляционных коэффициентов факторной нагрузки матрицы извлеченных компонентов.

высокие требования, что приводит к противоречию между реальным и идеальным Я. Самообвинение проявляется в фиксации на собственных недостатках и игнорировании достоинств, при этом обвинение собственного Я является доминирующей формой защиты.

Фактор 1 демонстрирует связь данных видов самоотношений с определенными типами стратегий выстраивания взаимоотношений в малой группе: подозрительный, подчиняемый, зависимый. Подозрительный тип проявляется в отчуждении, критичности, ограниченности социальных контактов, замкнутости. Подчиняемый тип характеризуется склонностью к самоунижению и осуждению себя. Зависимый тип представляет собой неуверенность, зависимость от мнения других, ожидание реакции и помощи со стороны. Согласно результатам исследования данные виды самоотношений и типы взаимоотношений в группе тесно взаимосвязаны с мотивом личного пространства и мотивом воплощения в роль, свидетельствующим о стремлении пользователя ограничить свое пространство в виртуальном мире, закрыть его от посторонних и стремлении идентифицировать себя с уже существующим в сети образом, принятым и проверенным. При этом прослеживается связь со средним уровнем вовлеченности и виртуальности, которые демонстрируют степень владения инструментами виртуального мира и степень принятия его как пространства для существования.

Объединенные фактором 1 индивидуально-психологические характеристики имеют тесную связь с особенностями композиции виртуального образа личности, проявляющимися в низком уровне активности в сети, высоком уровне стремления к социальной желательности образа, высоком уровне стремления к высокому рейтингу, низком уровне проработанности образа. Данные характерные черты образа обусловлены негативным отношением пользователя к самому себе и стремлением закрыться от других или подчиниться давлению социума. Низкий уровень проработанности образа свидетельствует о принижении своих достоинств, что приводит к малой информативности образа. Пользователь опускает детали своего образа, не считая их важными и значимыми.

Фактор 2 объединяет личностные качества пользователя, проявляющиеся в признании ценности собственного Я, его неповторимости, уникальности (самоценности) и сформированности представления о собственном Я как о способном вызывать всеобщую симпатию, уважение и любовь (самоотражение). При этом самоценность влияет на стремление противостоять воздействиям извне (среда, социум) для сохранения своей уникальности, а самоотражение оказывает влияние на формирование мнения о всеобщем признании. Данные виды самоотношения отличаются высокой степенью эмоциональной открытости, общительностью. Перечисленные компоненты находятся в тесной связи с альтруистичным и дружелюбным типами взаимоотношений в группе. Альтруистичный и дружелюбный типы

проявляют себя в ориентации на принятие и социальное одобрение для поддержания и сохранения статуса всеобщей любви. Согласно данным анализа, описанные виды самоотношений и типы взаимоотношений в группе тесно взаимосвязаны с мотивом репликации (создание множества различных образов, страниц, аватаров и даже личностей), мотивом вноса (склонность к распространению информации, представляющей интерес для пользователя и ориентированной на других), мотивом обозначенного присутствия (определяется одновременным общением со многими пользователями из разных уголков мира при использовании различных виртуальных локаций).

Фактор 2 демонстрирует связь виртуального образа личности, сформировавшегося под влиянием данных характеристик, с высоким уровнем активности, низким уровнем стремления к социально желательному образу, высоким уровнем стремления к высокому рейтингу, что объясняется устойчивым мнением пользователя о своей уникальности и неповторимости, и стремлением подтверждения данных качеств путем оценки своей деятельности другими. При этом данный виртуальный образ отличается низким уровнем стремления к социально желательному образу в связи с нежеланием создавать усредненное впечатление, не подчеркивающее его уникальность.

Фактор 3 содержит в себе качества, характеризующие пользователя как личность, считающую, что другие люди не испытывают к ней симпатии, не принимают, не ценят, и при этом не испытывающую симпатии к самой себе, не принимающую себя. Об этом свидетельствуют компоненты самоотношения – самоотражение и самопринятие, которые входят в данный фактор и имеют обратную связь с другими компонентами, что и позволяет интерпретировать их таким образом. В ходе анализа не обнаружена связь с конкретным типом взаимоотношений. Прослеживается связь с асоциальной направленностью и мотивом репликации, свидетельствующим о стремлении пользователя сформировать виртуальный образ, позволяющий предстать перед обществом в новом облике и скрыть неприятные самому пользователю и, по его мнению, не принимаемые другими качества. При этом виртуальный образ направлен на сокращение связей с другими пользователями. Создание множества виртуальных образов также позволяет пользователю остаться незамеченным другими в сети. Данная совокупность компонентов отражается в виртуальном образе личности и проявляется в низком уровне виртуальности и высоком уровне склонности к замкнутости образа. Виртуальный образ личности в данном случае будет наполнен информацией, незначительно отражающей реальную личность пользователя.

Фактор 4 объединяет в себе индивидуально-психологические особенности личности, отражающиеся в устойчивом желании соответствовать общепринятым нормам и правилам и нежелании демонстрировать свои внутренние переживания. Пользователь, обладающий данными

характеристиками, выстраивает зависимые отношения с другими людьми, подчиняясь чужому мнению и не желая проявлять себя. Он характеризуется средним уровнем вовлеченности и преобладанием мотива обозначенного присутствия, заключающегося во множественных поверхностных контактах с разными пользователя без необходимости демонстрировать свои истинные чувства. Личность, обладающая вышеперечисленными характеристиками, создает образ, который будет одобряем, социально желателен и принимаем в социуме, при этом не отличающийся высоким рейтингом и популярностью, что может привести к лишнему вниманию, не желаемому пользователем. Виртуальный образ личности не детализован и поверхностен.

Фактор 5 состоит из компонентов, раскрывающих личность пользователя как человека самоуверенного, ощущающего силу своего Я, имеющего высокую смелость в общении. Подобный пользователь нацелен на получение и демонстрацию своего успеха, ощущает свою компетентность и способность оказывать помощь в решении важных вопросов, что проявляется в связи с авторитарным типом взаимоотношений. Пользователь во взаимоотношениях с другими проявляет себя как деспотичная, властная и сильная личность, которая стремится поучать и требует уважения к себе. Данные индивидуально-психологические характеристики находят свое отражение в виртуальном образе в виде просоциальной направленности, низкого уровня искажения информации о себе, высокого уровня стремления к потреблению готового контента.

Фактор 6 демонстрирует связь самопринятия личности, эгоистического типа взаимоотношений, просоциальной направленности в сети и мотива взноса. Перечисленные компоненты характеризуют подобного пользователя как личность, склонную к принятию и признанию всех проявлений собственного Я, ощущающую симпатию к себе. Он стремится занимать позицию над другими, склонен к расчетливости, хвастливости и самодовольству. Полностью ориентирован на себя. Данные характеристики проявляются в виртуальном образе в виде низкого уровня стремления к высокому рейтингу.

Фактор 7 объединяет характеристики, описывающие пользователя как самодостаточного, ригидного, не желающего менять свои мысли, взгляды, поведение. Он считает мир угрозой для своей самооценки. Прослеживается связь с эгоистичным типом взаимоотношений. Выражены мотив обозначенного присутствия и просоциальная направленность. Виртуальный образ, созданный под влиянием данных индивидуально-психологических характеристик, отличается высоким уровнем стремления к высокому рейтингу.

Литература

1. Решенин С. А. Виртуальная личность как актор и элемент социальной структуры виртуальных сетевых сообществ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-1. С. 243–248.

Заключение

В современном мире виртуальное пространство является важнейшей платформой для межличностного взаимодействия. Эффективность и успешность данных процессов связаны с самопрезентацией и виртуальным образом личности. Формирование отношения к партнеру напрямую зависит от впечатления, сформированного путем анализа и интерпретации образа партнера. Существует ряд детерминант, влияющих на конструирование виртуального образа личности. Данное исследование позволило сделать ряд следующих заключений:

- виртуальный образ личности занимает важное место в процессах социального взаимодействия в современном мире;
- присутствует существенная связь между процессами социального восприятия субъектами друг друга и виртуальным образом личности как носителем информации о партнере по взаимодействию, которая обусловлена все большим преобладанием виртуального взаимодействия над реальным;
- существует три группы детерминант, оказывающих влияние на конструирование виртуального образа личности: средовые, функциональные и индивидуально-психологические;
- индивидуально-психологические детерминанты занимают важнейшее место в процессах формирования виртуального образа личности и отражаются в стратегиях выстраивания взаимоотношений в малых группах, в самоотношении личности, в уровне ее самооценки, в направленности и мотивации;
- индивидуально-психологические детерминанты имеют тесную связь между собой, отдельные компоненты личностных характеристик в ходе факторного анализа группируются в 7 основных факторов.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в рассмотрении феномена *виртуальный образ личности* как сложной конструкции, включающей в себя информацию о личности и способствующей успешному взаимодействию людей в современном информационном мире; в выявлении особенностей межличностного восприятия в виртуальном пространстве. Дальнейшее изучение особенностей данного процесса позволит более детально рассмотреть виртуальный образ личности, а также выделить его психологические характеристики и закономерности формирования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

2. Лучинкина А. И. Психологические закономерности социализации личности в виртуальном пространстве. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2018. 407 с.
3. Пикулёва О. А. Самопрезентация личности в пространстве интернет-коммуникаций // Мир, личность, информация: перспективы междисциплинарных исследований: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 55–58.
4. Панферов В. Н. Психология человека: Душа и тело. Организм и психика. Функции психики. Структура психики. СПб.: Михайлов, 2002. 252 с
5. Wu Y.-C. J., Chang W.-H., Yuan C.-H. Do Facebook profile pictures reflect user's personality? // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 51. № PB. P. 880–889. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.11.014>
6. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью // СУБЕРПСИ. 30.08.2017. Режим доступа: https://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity/ (дата обращения: 01.06.2021).
7. Egorova V. I. Virtual space – a platform for implementation of virtual images // Russian linguistic bulletin. 2020. № 2. P. 111–114. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.22.2.9>
8. Sekerin V. D., Dudin M. N., Gorokhova A. E., Gaiduk V. I., Volkov V. I. Creation of a virtual image: digital technology of the 21st century. Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. № 20. P. 340–348.
9. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войсунского. М., 2000. С. 40–54.
10. Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 9–12.
11. Thomas Sh. A virtual life: how social media changes our perceptions // The Chicago School of Professional Psychology. 07.10.2016. Режим доступа: <https://www.thechicagoschool.edu/insight/from-the-magazine/a-virtual-life/> (дата обращения: 09.05.2021).
12. Becker B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments. Paper presented at the 6th International IFIP-Conference. 1997.
13. Reid E. M. Cultural formations in text-based virtual realities. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. University of Melbourne, 1994. Режим доступа: <http://www.aluluei.com/cult-form.htm> (дата обращения: 09.05.2021).
14. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
15. Suler J. Identity management in cyberspace // Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2002. Vol. 4. № 4. P. 455–459. <https://doi.org/10.1023/A:1020392231924>
16. Donath J. S. Identity and deception in the virtual community // Communities in Cyberspace / eds. P. Kollock, M. Smith. London: Routledge, 1996. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/2512169_Identity_and_Deception_in_the_Virtual_Community (дата обращения: 09.05.2021).
17. Turkle Sh. Looking toward Cyberspace: beyond grounded sociology // Cyberspace and Identity. 1999. Vol. 28. № 6. P. 643–648.
18. Peikari N., Lotfi R., Makhdomi H. Social networks, cyberspace and formation of virtual identity of the users // International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science. 2015. Vol. 4. № 2. P. 92–101.
19. Adibi M., Yazdkhast B., Farahmand M. Globalization with an emphasis on youth social identity Isfahan, national studies // International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science. 2008. Vol. 9. № 3. P. 99–118.
20. Turkle Sh. Alone together. Why we expect more from technology and less from each other. N. Y.: Basic Books, 2012. 384 p.
21. Войсунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 1. С. 66–83.
22. Белинская Е. П. Интернет и идентификационные структуры личности // PORTALUS.RU. 24.01.2005. Режим доступа: https://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1106582602&archive=1129709116&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.06.2021).
23. Афанасьева В. В. Тотальность виртуального. Саратов: Научная книга, 2005. 103 с.
24. Clemenson G. D., Wang L., Mao Z., Stark Sh. M., Stark C. E. L. Exploring the spatial relationships between real and virtual experiences: what transfers and what doesn't. 2020. <https://doi.org/10.3389/frvir.2020.572122>
25. Перов Е. В. Виртуальный образ личности // Социальные и экономические системы. 2019. № 2. С. 5–20.
26. Афанасьева В. В. Homo Virtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 2. С. 59–64.
27. Jamali R. Online Arab Spring: social media and fundamental change. London: Chandos Publishing, 2014. 200 p.

28. Young K. S. What makes the Internet addictive: potential explanations for pathological Internet use. Paper presented at the 105th annual conference of the American Psychological Association, 15 Aug 1997, Chicago, IL. Режим доступа: <https://www.healthyplace.com/addictions/center-for-internet-addiction-recovery/what-makes-the-internet-addictive-potencial> (дата обращения: 09.05.2021).
29. Белинская Е. П., Гавриченко О. В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (дата обращения: 04.06.2021).
30. Солодовник В. А. Влияние Интернет-коммуникаций на личность пользователя // Научный потенциал студенчества в XXI веке: мат.-лы. IV Междунар. науч. конф. (Ставрополь, 23–24 апреля 2010 г.) Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. Т. 2. С. 405–408.
31. Пантеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: МГУ, 1991. 110 с.

original article

Psychological Determinants of Virtual Personality Image

Evelina O. Rasina

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Russia, Simferopol; <https://orcid.org/0000-0002-5939-3780>; rasina.evelina@mail.ru

Received 24 Jul 2021. Accepted after peer review 31 Aug 2021. Accepted 6 Sep 2021.

Abstract: The transitivity of the modern world triggers new forms of interpersonal interaction. Virtual image is an important part of on-line social cognition. The present research featured factors that determine the construction of virtual personality, its psychological characteristics, functions, and patterns. The authors identified and described three groups of conditions that shape virtual personality, i.e. environmental, functional, and psychological. The latter play the most important role in the image formation process. They define relations in small groups, self-attitude, self-esteem, focus, and motivation. The authors developed a questionnaire of Substantive and Compositional Features of Virtual Personality. The study also involved the Personality in Virtual Space questionnaire and the methods of diagnostics of interpersonal relations and self-attitude. The statistical analysis of the experimental data was based on Varimax rotation. The psychological determinants appeared to be closely related to each other and were grouped into seven factors.

Keywords: self-presentation, virtual personality, virtual space, self-attitude, orientation

Citation: Rasina E. O. Psychological Determinants of Virtual Personality Image. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 705–716. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-705-716>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Reshenin S. A. Virtual personality as the main actor and as an element of virtual communities' social structure. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-1): 243–248. (In Russ.)
2. Luchinkina A. I. *Psychological patterns of personality socialization in virtual space*. Simferopol: IP Hoteeva L. V., 2018, 407. (In Russ.)
3. Pikuleva O. A. Self-presentation of personality in the space of Internet communications. *World, personality, and information: perspectives of interdisciplinary research: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 14–15 Nov 2013. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Herzena, 2014, 55–58. (In Russ.)
4. Panferov V. N. *Human Psychology: Soul and Body. Organism and psyche. Functions of the psyche. The structure of the psyche*. St. Petersburg: Mikhailov, 2002, 252. (In Russ.)
5. Wu Y.-C. J., Chang W.-H., Yuan C.-H. Do Facebook profile pictures reflect user's personality? *Computers in Human Behavior*, 2015, 51(PB): 880–889. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.11.014>
6. Belinskaya E. P., Zhichkina A. E. Self-presentation strategies on the Internet and their relationship with real identity. *CYBERPSY*, 30 Aug 2017. Available at: https://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity/ (accessed 1 Jun 2021). (In Russ.)

7. Egorova V. I. Virtual space – a platform for implementation of virtual images. *Russian linguistic bulletin*, 2020, (2): 111–114. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.22.2.9>
8. Sekerin V. D., Dudin M. N., Gorokhova A. E., Gaiduk V. I., Volkov V. I. Creation of a virtual image: digital technology of the 21st century. *Amazonia Investiga*, 2019, 8(20): 340–348.
9. Frindte W., Köhler T. Public construction of Self in computer-mediated communication. *Humanitarian studies in the Internet*, ed. Voiskunsky A. E. Moscow, 2000, 40–54. (In Russ.)
10. Mamedov A. K., Korkiya E. D. Identity in virtual reality: new alternatives. *Theory and Practice of Social Development*, 2017, (2): 9–12. (In Russ.)
11. Thomas Sh. A virtual life: how social media changes our perceptions. *The Chicago School of Professional Psychology*, 7 Oct 2016. Available at: <https://www.thechicagoschool.edu/insight/from-the-magazine/a-virtual-life/> (accessed 9 May 2021).
12. Becker B. *To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments*. Paper presented at the 6th International IFIP-Conference, 1997.
13. Reid E. M. *Cultural formations in text-based virtual realities. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts*. University of Melbourne, 1994. Available at: <http://www.aluluei.com/cult-form.htm> (accessed 9 May 2021).
14. Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *The Education and Science Journal*, 2018, 20(5): 105–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
15. Suler J. Identity management in cyberspace. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, 2002, 4(4): 455–459. <https://doi.org/10.1023/A:1020392231924>
16. Donath J. S. Identity and deception in the virtual community. *Communities in Cyberspace*, eds. Kollock P., Smith M. London: Routledge, 1996. Available at: https://www.researchgate.net/publication/2512169_Identity_and_Deception_in_the_Virtual_Community (accessed 9 May 2021).
17. Turkle Sh. Looking toward Cyberspace: beyond grounded sociology. *Cyberspace and Identity*, 1999, 28(6): 643–648.
18. Peikari N., Lotfi R., Makhdomi H. Social networks, cyberspace and formation of virtual identity of the users. *International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science*, 2015, 4(2): 92–101.
19. Adibi M., Yazdkhast B., Farahmand M. Globalization with an emphasis on youth social identity Isfahan, national studies. *International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science*, 2008, 9(3): 99–118.
20. Turkle Sh. *Alone together. Why we expect more from technology and less from each other*. N. Y.: Basic Books, 2012, 384.
21. Voiskounsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Alternative identity in social networks. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2013, (1): 66–83. (In Russ.)
22. Belinskaya E. P. Internet and personality identification structures. *PORTALUS.RU*, 24 Jan 2005. Available at: https://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1106582602&archive=1129709116&start_from=&ucat=& (accessed 1 Jun 2021). (In Russ.)
23. Afanasyeva V. V. *Totality of the virtual*. Saratov: Nauchnaia kniga, 2005, 103. (In Russ.)
24. Clemenson G. D., Wang L., Mao Z., Stark Sh. M., Stark C. E. L. *Exploring the spatial relationships between real and virtual experiences: what transfers and what doesn't*. 2020. <https://doi.org/10.3389/frvir.2020.572122>
25. Perov E. V. The virtual image of the personality. *Social and economic systems*, 2019, (2): 5–20. (In Russ.)
26. Afanasyeva V. V. Homo Virtualis: psychological characteristics. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, 10(2): 59–64. (In Russ.)
27. Jamali R. *Online Arab Spring: social media and fundamental change*. London: Chandos Publishing, 2014, 200.
28. Young K. S. *What makes the Internet addictive: potential explanations for pathological Internet use*. Paper presented at the 105th annual conference of the American Psychological Association, 15 Aug 1997, Chicago, IL. Available at: <https://www.healthyplace.com/addictions/center-for-internet-addiction-recovery/what-makes-the-internet-addictive-potencial> (accessed 9 May 2021).
29. Belinskaya E. P., Gavrichenko O. V. Self-presentation in virtual space: phenomenology and regularities. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2018, 11(60). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (accessed 4 Jun 2021). (In Russ.)
30. Solodovnik V. A. The effect of Internet communications on the personality of the user. *Scientific potential of students in the XXI century: Proc. IV Intern. Sci. Conf.*, Stavropol, 23–24 April 2010. Stavropol: SevKavGTU, 2010, 405–408. (In Russ.)
31. Pantileev S. R. *Self-attitude as an emotional-evaluative system*. Moscow: MGU, 1991, 110. (In Russ.)

оригинальная статья

Факторы, влияющие на жизнеспособность людей с инвалидностью, перенесших COVID-19

Татьяна Владимировна Рогачева

Областной центр реабилитации инвалидов, Россия, г. Екатеринбург; <https://orcid.org/0000-0002-1259-7567>; TVRog@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.07.2021. Принята после рецензирования 06.09.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: Рассмотрены результаты исследования клиентов, имеющих статус *инвалид*, перенесших COVID-19 и прошедших комплексную реабилитацию в социальном учреждении. На материалах зарубежных источников показаны последствия COVID-19, влияющие на жизнеспособность людей. Отмечено, что далеко не все перенесшие COVID-19 страдают нарушениями в области психического и психологического здоровья. Поэтому цель статьи – анализ основных факторов, влияющих на жизнеспособность клиентов, проходящих реабилитацию в комплексном реабилитационном центре. Для реализации цели проведен обзор научных разработок понятия *жизнеспособность*, дано собственное определение данной категории. Используемый подход базируется на западных подходах к понятию *жизнеспособность* и соответствует нормативным документам, в частности Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья. В результате проведенного исследования выделены позитивные и негативные факторы, влияющие на жизнеспособность клиентов после COVID-19. К позитивным факторам относятся гармоническое отношение к болезни, анозогнозическое отношение к болезни, демонстрирующее стремление не рассматривать себя больным, инвалидом, несмотря на объективные обстоятельства. Условием рассмотрения анозогнозии как позитивного фактора выступает небольшой срок сопутствующего заболевания и трудоспособный возраст, а также высокий реабилитационный потенциал, оптимистическая активная позиция по отношению к себе, позитивная поддержка семьи. Среди негативных факторов выделены анозогнозическое отношение к болезни у клиентов пенсионного возраста с большим стажем сопутствующего COVID-19 заболевания, диффузный и смешанный типы отношения к болезни, состоящие из несогласованных составляющих, что снижает социальную адаптацию клиентов, пессимизм, неверие в успех реабилитации, низкий реабилитационный потенциал. Приведенные факторы позволят специалистам разной направленности результативно осуществлять реабилитацию таких клиентов.

Ключевые слова: отношение к болезни, реабилитационный процесс, результативность, контекстовые факторы, тип отношения к болезни

Цитирование: Рогачева Т. В. Факторы, влияющие на жизнеспособность людей с инвалидностью, перенесших COVID-19 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 717–728. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-717-728>

Введение

После объявления COVID-19 всемирной пандемией и принятием достаточно жестких ограничительных мер социальные учреждения, занимающиеся вопросами реабилитации лиц, имеющих статус *инвалид*, вынуждены были решать достаточно сложные задачи, в том числе по реабилитации людей с инвалидностью. У этих людей до заболевания COVID-19 структуры и функции организма уже были нарушены различными заболеваниями, последствиями травм или дефектами, что привело к ограничениям их жизнедеятельности.

В международных исследованиях указывается, что «пациенты, перенесшие COVID-19, могут подвергаться более высокому риску отдаленных неврологических и невропсихиатрических последствий» [1, с. 169]. «Воздействия на ЦНС, связанные с данным вирусом, аноксические / ишемические, геморрагические или энцефалитические

по своему происхождению, вместе с повреждением других органов (в частности легких, почек и сердца) у пациентов с COVID-19 приводят к осложнениям после выписки из больницы, особенно у людей с сопутствующими заболеваниями» [1, с. 169]. Китайские коллеги из Уханя исследовали 4328 госпитализированных пациентов с COVID-19, рассматривая возраст, пол, образование, уровень дохода, сопутствующие хронические заболевания и результаты повторного положительного теста на SARS-CoV-2, и пришли к выводу, что «среди выживших после COVID-19 в Ухане проблемы психического здоровья встречаются значительно чаще, чем среди населения провинции Хубэй в целом»¹ [2, р. 140].

Французские авторы на выборке 3559 пациентов провели метаанализ, основанный на совокупных данных взрослых об эпидемиях тяжелого острого респираторного синдрома (SARS), ближневосточного респираторного синдрома

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором.

(MERS) и COVID-19. Результаты показали, что «в одной трети случаев были выявлены ухудшения памяти и в 19 % случаев в период после болезни, причем последнее было характерно и для молодых взрослых» [3, р. 52]. Кроме того, авторы высказывают опасение, что «инфицирование COVID-19 может приводить к долгосрочному снижению когнитивных способностей за счет ускорения наступления нейродегенеративной деменции» [3, р. 53]. Английские психиатры даже опасаются, что «пандемия COVID-19 дала людям массу возможностей столкнуться с травматическими ситуациями, способными вызвать посттравматическое стрессовое расстройство» [4, р. 54].

Отечественные исследования последствий COVID-19 также отмечают проблемы психического здоровья у переболевших. Как следует из Национального индекса тревожностей, подготовленного Компанией развития общественных связей, уровень тревожности в целом вырос на 22 %. «Согласно данным рейтинга, в 2020 году в десятку самых "встревоженных" субъектов, жители которых наиболее остро реагировали на события и гипертрофировали их последствия, попали Москва, Санкт-Петербург, Приморский, Красноярский и Краснодарские края, а также Новосибирская, Свердловская области»². По данным Т. А. Нестика, «в июне 2020 г. у каждого третьего опрошенного россиянина (36 %) отмечаются симптомы клинической депрессии, а у каждого четвертого (24 %) – симптомы клинического тревожного расстройства. Исследования в других странах показывают, что уровень стресса, тревоги и депрессии вырос в 3–4 раза по сравнению с доковидным временем» [5, с. 809].

В то же время исследователи отмечают, что далеко не все перенесшие COVID-19 пациенты страдают нарушениями психического и психологического здоровья. Так, в исследовании последствий COVID, проведенных в Германии и посвященных измерению жизнестойкости как «способности сохранять психическое здоровье, несмотря на трудные жизненные ситуации» [6, р. 140], было выделено 3 группы с различными траекториями психического здоровья. Первая группа состояла в основном из женщин (средний возраст 28,0±5,9 лет), во вторую группу вошли люди постарше (средний возраст 31,7±8,5 года), в третью – люди, уже страдающие нарушениями психического здоровья. В результате после первых восьми недель ежедневных оценок, сопоставленных с измерениями до локдауна, оказалось, если в первых двух группах «меры изоляции привели к снижению повседневных факторов, вызывающих стресс», то в третьей группе «психическое здоровье ухудшилось» [6, р. 141]. Авторы делают вывод, что «локдаун сам по себе не оказывает негативное влияние на психическое здоровье, скорее это затрагивает уязвимую группу людей, в то время как подавляющее большинство людей остаются психически здоровыми или даже улучшают

свое психическое благополучие, поскольку повседневные стрессоры уменьшаются» [6, р. 141].

Таким образом, ситуация пандемии выступает вызовом как для человека с инвалидностью, так и для специалистов, оказывающих социальные услуги таким клиентам. Поэтому перед специалистами встает вопрос о выявлении факторов, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние на жизнеспособность людей, перенесших COVID, и на результативность реабилитационного процесса. Следовательно, целью данной статьи выступает анализ основных факторов, влияющих на жизнеспособность клиентов, проходящих реабилитацию в комплексном реабилитационном центре.

Теоретические основания решения проблемы

Проблема жизнеспособности обсуждается в научном дискурсе достаточно давно. В отечественной психологии можно выделить 3 основных подхода к решению этой проблемы. Первый подход рассматривает жизнеспособность через перечисление различных личностных свойств и качеств и характерен для психолого-педагогического взгляда на жизнеспособность. Например, для М. П. Гурьяновой жизнеспособность есть «стремление человека выжить, не деградируя, в ухудшающихся условиях социальной и культурной среды» [7, с. 12]. Данное стремление определяется через наличие у личности определенных свойств и качеств, которые и ориентируют «на деятельное отношение человека к собственному существованию, когда он выступает как субъект деятельности, самоопределения и саморазвития, инициативный носитель и проводник духовно-нравственных ценностей» [8, с. 44]. К таким свойствам относятся нравственно-волевые качества (любовь, совесть, сочувствие, обязательность, справедливость, честность, воля, выдержка, мужество, терпение, энергичность, самообладание, настойчивость, саморегуляция); идейно-общественные качества (приверженность к определенным идеалам, социальная активность, активная жизненная позиция, принципиальность, сознательность, духовность, инициативность, гражданственность, ответственность, отношение к себе и другим – требовательность, уважение, любовь, человечность, чуткость, великодушие, верность слову, общительность, толерантность, доверие); положительное отношение к труду и к собственности (трудолюбие, бережливость, инициатива, предприимчивость) [8, с. 49].

Н. Т. Селезнёва и др., вслед за М. П. Гурьяновой, определяют жизнеспособность как «интегративное динамическое качество личности, представленное совокупностью ценностных ориентаций, стремлением к саморазвитию и мотивации достижений, способностей и базовых знаний, позволяющих успешно функционировать и гармонично развиваться в изменяющемся социуме» [9, с. 17].

² Прах А. Коронавирус нагнал страху // Коммерсантъ. 29.12.2020. № 240. С. 5.

К сожалению, в первом подходе к проблеме жизнеспособности личности отсутствуют критерии для операционализации данного понятия, а такое детальное перечисление качеств, свойств, способностей и динамических характеристик личности вызывает воспоминание о профессиональных грамах, популярных в 1970–1980-е гг.

Представители второго подхода рассматривают жизнеспособность как своеобразный ресурс личности. Например, Е. А. Рыльская [10; 11] анализирует жизнеспособность как выживаемость (способность, проявляющаяся в жизнеопасной ситуации), как способность противостоять обыденности и обломовщине, как адаптивность, т. е. гибкость, умение приспособиться к новым условиям. Определяя жизнеспособность, Е. А. Рыльская пишет: «Жизнеспособность человека является синергетическим единством способностей адаптации, способностей саморегуляции, способностей саморазвития и осмысленности жизни, что в структурном аспекте проявляется через особенность ее интегрирования как единого целого» [10, с. 8]. Можно предположить, что жизнеспособность для автора – это некая целостность, правда, непонятно, каковы психологические механизмы, скрепляющие разнообразные качества, потенциалы и способности личности.

А. А. Нестерова, исследуя жизнеспособность человека в сложных условиях экономической и социальной нестабильности, определяет данное понятие через понятие *способность*, рассматривая его как «способность к успешной адаптации, конструктивному функционированию, несмотря на ситуацию высокого риска, хронический стресс или состояние после длительной и серьезной травмы» [12, с. 11]. Можно предположить, что такая способность есть определенный ресурс, под которым автор понимает устойчивую диспозицию личности, включающую в себя следующие компоненты: «1) способность к активности и инициативе; 2) способность к самомотивации и достижениям; 3) эмоциональный контроль и саморегуляцию; 4) позитивные когнитивные установки и гибкость мышления; 5) самоуважение; 6) социальную компетентность; 7) адаптивные защитно-сознающие стратегии поведения; 8) способность организовывать свое время и планировать будущее» [13, с. 15]. А. А. Нестерова определяет жизнеспособность как «способность субъекта осознавать и использовать свои внутренние и внешние ресурсы, содействующие эффективному сопротивлению бедствиям и депривизирующим факторам теми стратегиями, которые детерминируют благополучие, социальное здоровье, личностный рост и навыки в будущем еще более конструктивно преодолевать трудные жизненные ситуации» [12, с. 47]. Следовательно, жизнеспособность можно рассматривать как ресурсные способности личности, позволяющие определять соотношение между наличием угроз и имеющимися у личности защитными факторами.

Такая дефиниция категории *жизнеспособность* через другую неоперационализированную категорию *способность* противоречат правилу логики «Запрет круга» («Круг

возникает в дефиниции, когда определяемое и определяющее понятия выражается одно через другое» [14, с. 50]).

Третий подход к решению вопроса о содержании понятия *жизнеспособность* опирается на теоретическую позицию Б. Г. Ананьева, который указывал на перспективы изучения человека через диалектическое взаимодействие дифференциации и смежности как «преобразования прикладных функций одной науки по отношению к другой» [15, с. 5], имея в виду медицину и психологию, подчеркивая, что «все большее внимание наряду с познанием природы болезней уделяется здоровью и комплексу факторов, повышающих жизнеспособность и жизнестойкость человека» [15, с. 10]. Благодаря позиции Б. Г. Ананьева, анализ жизнеспособности в контексте психического здоровья, а иногда и как само психическое здоровье, утвердился в отечественной психологии. Данный автор не дал четкого определения понятия *жизнеспособность*, однако указал на механизм формирования жизнеспособности через четкие составные структурные элементы индивидуальности. Индивид, с позиции Б. Г. Ананьева, – это совокупность 3 групп первичных природных свойств: конституциональных, нейродинамических и билатеральных [15, с. 65]. Индивидуальность как основной фактор формирования жизнеспособности предполагает, что человек в своей структуре должен обладать собственным внутренним миром, самосознанием и саморегуляцией поведения, которые складываются и действуют как организаторы поведения личности. Более того, именно индивидуальность обуславливает единое направление развития человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев поддерживают позицию Б. Г. Ананьева: «психическое здоровье человека интерпретируется как собственная жизнеспособность человека, жизненная сила, обеспеченная полноценным развитием и функционированием психического аппарата. Жизнеспособность или умение выживать, приспосабливаться и развиваться в изменяющихся, не всегда благоприятных условиях, является предпосылкой психологического здоровья» [16, с. 70]. Нельзя не согласиться с С. Н. Васильевой, которая указывает, что отечественные «исследователи больше склонны использовать описательные характеристики феномена жизнеспособности, построенные на формальном логическом подходе, вне поля методологии» [17, с. 17].

Более продуктивен, с нашей точки зрения, подход в западной психологии. Так, еще в работах К. Ясперса поднимается вопрос жизнеспособности человека через проблему взаимоотношений среды и человека как первоначального измерения человеческого бытия. Будучи больным человеком, постоянно размышляя о месте и роли современного человека в мире, К. Ясперс писал: «Удивительно, какую любовь к здоровью развивает состояние болезни» [18, с. 26]. Размышляя над проблемой жизнеспособности, данный автор подчеркивает: «То, как человек преодолевает себя, составляет способ его проникновения в себя» [19, с. 378], указывая две возможности этого преодоления.

Первая – самопознание через опыт как «свое существование», вторая «находит себя в напряжении пограничных ситуаций, ... где человек слышит призыв к своей свободе, исходя из которой он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть» [19, с. 378]. Первая возможность ориентирована на отчуждение от других людей и одиночество. Вторая возможность преодоления «уклонения от ситуации» [19, с. 377] связана с отношением человека к миру, т. к. действительность существования мира нельзя игнорировать. Главное на этом пути – «ощутить суровость действительности», потому что «основная ситуация, в которой находит себя человек, есть одновременно и основной признак его существа» [19, с. 443].

Представитель когнитивного подхода Е. фон Глазерсфельд, интерпретируя взгляды Ж. Пиаже, понятие *жизнеспособности* применяет для подчеркивания роли индивида как исследователя самого себя и своей среды, другими словами, «наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя. Наблюдение создает самого наблюдателя... Конструируя мир, человек конструирует самого себя. А конструируя самого себя, создавая конструкты в своем сознании, человек конструирует мир. Причем паттерны этого обоюдного конструирования, структуры внешнего и внутреннего, объективного и субъективного сопряжены, конгруэнтны» [20, р. 28].

П. Тиллих, анализируя позиции представителей европейской философии, указывает, что «начиная с Платона и Аристотеля понятие способности (*potentia*), или силы (власти, мощи), ... описывает подлинную природу бытия» [21, с. 24]. Определяя способность к жизни, П. Тиллих пишет, что это «жизненный процесс, которому свойственно равновесие между страхом и мужеством, что на языке биологии называется витальностью» [21, с. 59]. «Витальность, жизненная сила находится во взаимосвязи с тем видом жизни, которому она дает силу. Так, силу человеческой жизни невозможно отделить от того, что средневековые философы называли "интенциональностью", – отношением к смыслам. Витальность человека сильна настолько, насколько сильна его интенциональность; и наоборот: они взаимозависимы. Это делает человека наиболее витальным из всех живых существ» [21, с. 60]. «В каждой встрече человека с реальностью присутствуют структуры его Я и мира в их взаимозависимости» [21, с. 61]. «Мужество быть частью, <...> буквально "соучаствовать" – значит принимать в чем-то участие. Это выражение может выступать в 3 значениях. Одно значение – "действовать совместно с другими". Другое – "обладать сообща". Третье значение – "быть частью". <...> Может показаться, что не мужество, а слабость побуждает нас утверждать себя в качестве части. Однако бытие в качестве части свидетельствует о том, что самоутверждение обязательно включает утверждение себя как "участника" и что небытие угрожает этой стороне нашего

самоутверждения в той же мере, в какой оно угрожает и другой стороне, а именно утверждению Я в качестве индивидуального Я» [21, с. 64–65].

Проблемой жизнеспособности интересовались и западные психотерапевты. Дж. Бьюдженталь писал, что «постоянно колеблющееся равновесие между жизнью и смертью внутри нас – главный барометр, определяющий ход нашей жизни... У нас слишком ограниченный и частичный взгляд на свою природу, и мы не знаем, как достичь жизни, которая является нашим естественным состоянием» [22, с. 21]. Отсюда поставленная этим психотерапевтом проблема – как быть жизнеспособным, т. е. чувствовать себя живым, потому что «каждый из нас – духовный инвалид, искалеченный, поврежденный в своей жизненности человек» [22, с. 22]. Дж. Бьюдженталь отвечает следующим образом: если человек открыт всему многообразию мира, когда он принимает ответственность за свою жизнь, когда он не подавляет свои чувства, то он чувствует себя живым. Другими словами, «я в наибольшей степени чувствую себя живым, когда открыт всему многообразию как моей внутренней жизни – желаниям, эмоциям, потоку мысли, телесным ощущениям, расстройкам, ценностям», с одной стороны, и с другой – «когда мои решения находятся в гармонии с моим субъективным чувством» [22, с. 120–121]. Дж. Бьюдженталь также пишет о негативной роли внешней среды, когда «приказы и оклики нашего общества – учителей, родителей, рекламы, советчиков и друзей... предостерегают нас против обращения к своему внутреннему знанию, постоянно вмешиваясь со своими инструкциями о том, как нам быть» [22, с. 123].

Таким образом, если отечественная психология пытается решить вопрос о жизнеспособности, разрабатывая различные схемы и структуры, то западная научная мысль следует путем определения данной категории. С нашей точки зрения, ни одно определение отечественной психологии не преобразовывает теоретическое суждение с целью его эмпирической проверки. Научный дискурс западной психологии прямо связан с нормативными документами, определяющими «показатели здоровья, результаты вмешательства и определяющих их факторов»³, главным из которых является Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) (*International Classification of Functioning, Disability and Health* (ICF)). Данный документ базируется на биопсихосоциальной модели здоровья-болезни, отходя от классификации последствий нарушений функционирования и на первые позиции ставя составляющие здоровья. Если последствия заболевания ориентируют специалиста на изменения здоровья, которые могут возникнуть у индивида, то составляющие здоровья ориентируют на ресурсы личности.

Придерживаясь западных подходов к определению жизнеспособности, под данным понятием мы будем понимать

³ Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ). Женева: Всемирная Организация Здравоохранения; СПб.: Институт усовершенствования врачей-экспертов, 2001. С. 3.

возможность адекватно конструировать собственную модель жизни в соответствии с индивидуально-личностными особенностями и теми факторами окружающей среды, которые выступают как поддержкой, так и барьерами для личности при воплощении этой модели в жизнь.

Материалы и методы

Исследование проводилось с сентября 2020 г. по февраль 2021 г. на базе Областного центра реабилитации инвалидов (г. Екатеринбург). Выборка формировалась стихийным образом, в выборку вошли 100 женщин и 100 мужчин разного возраста, имеющих статус *инвалид*, перенесших COVID-19, проходивших реабилитацию на стационарной форме обслуживания в течение 14 дней. В качестве психодиагностических методик использовались наблюдение, клиническая беседа, ТОБОЛ [23], методика «Реабилитационный потенциал» И. Ю. Кулагиной, Л. В. Сенкевич [24], Цветовой тест отношений (ЦТО) [25]. Статистическая обработка проводилась с помощью пакета SPSS.

Результаты

Выборка по нозологическим формам в целом соответствует генеральной совокупности получателей социальных услуг – инвалидов в центре реабилитации. На первом месте – болезни нервной системы, в основном цереброваскулярные болезни, в т. ч. последствия острого нарушения мозгового кровообращения (инсульта), церебральный паралич, на втором – болезни костно-мышечной системы (артрозы, ревматоидные артриты и др.), на третьем – болезни системы кровообращения (ишемическая болезнь сердца, «легочное сердце» и нарушения легочного кровообращения, наличие сердечных и сосудистых имплантатов и трансплантатов, чаще сочетающееся с повышенным кровяным давлением). По группам инвалидности выборка контрольной группы в целом соответствует генеральной совокупности. Инвалиды I группы составили 10 % (11 % в генеральной совокупности), II группы – 34 % (34 %), III группы – 56 % (55 %).

В выборку вошли клиенты, имеющие статус *инвалид*, как трудоспособного, так и пенсионного возраста. Причем клиентов трудоспособного возраста было больше, чем пенсионеров (табл. 1), тогда как в генеральной совокупности клиентов пенсионного возраста больше. Среди

клиентов с I группой инвалидности не было пенсионеров, большинство из этой подгруппы составили мужчины. В процентном соотношении в выборке большинство составили клиенты, имеющие III группу инвалидности (53 % мужчин и 60 % женщин).

Для оценки переменных, влияющих на жизнеспособность клиентов, был проведен факторный анализ, в котором было задано 2 фактора, представленных в матрице факторной структуры переменных (табл. 2). Эти факторы представляют контекст в трактовке МКФ как совокупность обстоятельств жизни индивида. Контекст включает факторы окружающей среды, которые «создают физическую и социальную обстановку, среду отношений и установок, в которой люди живут и проводят свое время»⁴, и личностные факторы, т. е. данные о личности индивида и «о людях, которые обеспечивают практическую физическую или эмоциональную поддержку, заботу, защиту и помощь во взаимоотношениях с другими людьми»⁵.

Первый фактор можно назвать индивидуально-личностными особенностями, т. к. сюда вошли следующие значимые переменные: пол, группа инвалидности, статус, давность заболевания, клинический диагноз, отношение к болезни, реабилитационный потенциал и некоторые показатели, полученные с помощью ЦТО (болезнь до реабилитации, болезнь после реабилитации, Я после реабилитации, эмоциональное состояние после реабилитации). Таким образом, в первом факторе объединены как объективные, так и субъективные переменные, влияющие на жизнеспособность клиента.

На первом месте среди объективных переменных находятся статус и пол клиентов. У клиентов пенсионного возраста срок давности заболеваний значительно больше, чем у клиентов трудоспособного возраста. Однако как таковой срок заболевания мало что дает для анализа возможности клиента адекватно выстроить свою модель жизни с ориентацией на статус *инвалид*. В МКФ так описана данная ситуация: «у двух инвалидов с совершенно одинаковыми заболеваниями могут быть разные уровни функционирования, и два инвалида с равным уровнем функционирования не обязательно имеют одинаковое изменение здоровья»⁶. Поэтому важными показателями жизнеспособности выступают вошедшие в первый фактор переменные *отношение к болезни, болезнь до реабилитации, болезнь после*

Табл. 1. Распределение клиентов в соответствии с возрастом и группой инвалидности, в % по полу

Tab. 1. Age and disability category, % by gender

Возраст	Мужчины				Женщины			
	I гр.	II гр.	III гр.	Всего	I гр.	II гр.	III гр.	Всего
Трудоспособный	15	21	23	59	4	19	29	52
Пенсионный	–	11	30	41	–	17	31	48

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 218.

⁶ Там же. С. 3.

реабилитации и результативность. Под результативностью реабилитационного процесса понимается соответствие процесса реализации запланированной реабилитационной деятельности (цели реабилитации) достижению запланированных результатов. В первую очередь, результативность измеряется относительно конкретного инвалида как оценка индивидуальных потребностей и ресурсов человека с ограниченными возможностями здоровья.

Переменная *отношение к болезни* разделила выборку на 2 группы по показателю *результативность реабилитационного процесса*, что позволяет выявить факторы, способствующие адекватному выходу из COVID-19 без последствий для здоровья, несмотря на наличие других заболеваний, и факторы, выступающие барьером и запускающие негативные последствия перенесенной инфекции, т. е. низкий уровень жизнеспособности.

Первое – отсутствие среди клиентов-мужчин без изменения своего состояния после реабилитации гармонического отношения к болезни и минимальное число таких женщин. В то же время процент клиентов с результативностью, т. е. с улучшением состояния после реабилитации, имеющих гармоническое, адекватное отношение к болезни, достаточно высокий (табл. 3) и занимает 1 место. Среди клиентов-мужчин с гармоническим отношением к болезни большую часть составили инвалиды II группы трудоспособного возраста, тогда как среди женщин – в основном пенсионеры с III группой инвалидности. Среди клиентов трудоспособного возраста преобладают последствия инсультов и инфарктов, у людей пенсионного возраста

чаще встречаются артрозы, ревматоидный артрит в стадии ремиссии, сахарный диабет II типа и пр.

На втором месте в подгруппе мужчин с улучшением состояния после реабилитации – анозогнозическое отношение, т. е. эти мужчины не признают себя больными, инвалидами, чаще это мужчины трудоспособного возраста с III группой инвалидности.

Анозогнозическое отношение к болезни в научной литературе зачастую трактуется как «нежелание или неспособность распознавать расстройство или болезнь и соответственно вести себя»⁷, однако, как утверждает Е. Гетцке, «анозогнозия может быть необходимой для поддержания психологического здоровья в моменты стресса» [26, р. 19]. Разработчиками методики ТОБОЛ данное отношение к болезни также отнесено к адаптивному типу, при котором «психологическая и социальная адаптация существенно не нарушается» [23, с. 17]. Авторы указывают, что при анозогнозии определенные группы пациентов «в своем поведении в существенной степени руководствуются стремлением к сохранению целостной структуры и к активному социальному функционированию» [23, с. 14]. Анализ вопросов методики ТОБОЛ, ориентированных на анозогнозический тип отношения к болезни, позволяет составить краткое описание актуального состояния таких клиентов. Они считают себя бодрыми и полными сил, здоровыми, с хорошим настроением и не нуждающимися в дальнейшем лечении. Болезнь (в нашем случае перенесенное инфекционное заболевание) не рассматривается как мешающая профессиональной деятельности

Табл. 2. Матрица факторной структуры переменных

Tab. 2. Matrix of the factor structure of variables

Переменные	Фактор 1	Фактор 2
Отношение к болезни	0,380100	–
Реабилитационный потенциал	0,456850	0,472133
Результативность	0,498710	–
Группа инвалидности	0,482479	0,307475
Статус (трудоспособные / пенсионеры)	0,735223	0,348027
Пол	0,679404	0,394973
Семейное положение	–	0,473273
Отношение близких к ситуации клиента	–	0,482479
Наличие / отсутствие физических барьеров в постоянной среде	–	–0,366094
Наличие / отсутствие социальных барьеров	–	–0,365427
Клинический диагноз	0,497280	–
Давность заболевания	–0,406632	–
Болезнь до реабилитационного процесса (ЦТО)	0,322205	–
Болезнь после реабилитационного процесса (ЦТО)	0,411206	–
Я после реабилитационного процесса (ЦТО)	0,382407	–
Эмоциональное состояние после реабилитации (ЦТО)	0,334801	–
Моя семья (ЦТО)	–	0,581023

⁷ Анозогнозия // Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. 2002. Режим доступа: <https://809.slovaronline.com/341-анозогнозия> (дата обращения: 18.08.2021).

и общению с близкими или как не влияющая на будущее. Нельзя не согласиться с авторами Психотерапевтической энциклопедии, что «разумный уровень анозогнозии» в сочетании с другими факторами (активное сотрудничество пациента в диагностическом и лечебном процессе, поиск поддержки в терапевтической и социальной среде, проблемный анализ болезни и ее последствий, чувство юмора, стоицизм и терпеливость, сохранение самообладания, противостояние болезни, эмоциональная разрядка и альтруизм) может являться залогом успешности⁸. Можно предположить, что у клиентов трудоспособного возраста анозогнозическое отношение к болезни, даже осложняемое уже имеющимся заболеванием, по которому определена группа инвалидности, выступает как специфическое защитное реагирование на перенесенный COVID-19.

Табл. 3. Отношение к болезни в зависимости от результативности реабилитации, в % по полу

Tab. 3. Attitude to the disease depending on the effectiveness of rehabilitation, % by gender

Тип отношения к болезни	Мужчины		Женщины	
	Улучшение состояния	Безизменений	Улучшение состояния	Безизменений
Смешанный	9	18	8	11
Гармоничный	11	–	13	1
Анозогнозический	10	11	3	5
Сензитивный	–	4	9	6
Эргопатический	9	2	3	3
Паранойальный	–	4	–	4
Эгоцентрический	8	3	2	6
Диффузный	6	5	13	12
Другие	–	–	–	1

На втором месте в подгруппе женщин с улучшением состояния – диффузное отношение к болезни, чаще состоящее из эргопатического («стремления перенести активность с одного вида деятельности» [23, с. 15], чаще профессиональной, на другие виды деятельности), сензитивного («озабоченность возможными неблагоприятными впечатлениями, которые могут произвести на окружающих сведения о болезни, и опасения, что окружающие станут жалеть, считать неполноценным» [23, с. 16]) и эгоцентрического («принятие болезни и поиски выгод в связи с болезнью» [23, с. 17]). Характер соотношения между составляющими согласованный, не нарушающий психическую и социальную адаптацию, что демонстрирует

адекватность выбранной модели жизни у данных клиентов. Вошедшие в эту подгруппу клиенты как мужского, так и женского пола имеют высокий реабилитационный потенциал.

Совершенно другие составляющие выявлены у смешанного отношения к болезни у мужчин и женщин без улучшения состояния после реабилитации. Так, структура смешанного отношения к болезни у мужчин чаще состоит из тревожного и эргопатического типов, у женщин – из апатического, меланхолического и анозогнозического типов. Диффузное отношение к болезни, выявленное у 12 % женщин без изменения своего состояния после реабилитации, включает, как правило, апатический, тревожный, анозогнозический типы, что не способствует психической и социальной адаптации, т. к. данные типы не согласованы и демонстрируют как интер-, так и интрапсихическую направленность реагирования на болезнь. Вошедшие в эту подгруппу клиенты и мужского, и женского пола имеют чаще низкий либо средний реабилитационный потенциал. В структуре как смешанного, так и диффузного отношения к болезни у клиентов без улучшения состояния после реабилитации анозогнозический тип может рассматриваться как желание игнорировать тяжесть своего клинического состояния, что часто приводит к снижению активного участия клиента в реабилитационных мероприятиях.

Подтверждением наличия способности сохранить психическое здоровье после COVID-19 выступают результаты ЦТО, которые являются статистически значимыми переменными, вошедшими в первый фактор. Как писала Л. Н. Собчик, «цвета на самом деле, не что иное, как визуализированные "ощущения", или, другими словами, результат реакции нервной системы на раздражители» [27, с. 18]. Мужчины и женщины с улучшением состояния после реабилитации ассоциировали свою болезнь до реабилитации чаще с красным и зеленым цветами. Красный цвет интерпретируется как стремление действовать и добиваться успеха [25], зеленый – как «упорство, сопротивляемость изменениям, целеустремленность» [28, с. 17]. Также этими клиентами была ассоциирована болезнь и после реабилитации.

Клиенты без изменения состояния чаще ассоциировали болезнь до реабилитации как серую или коричневую. Серый цвет трактуется М. Люшером как ситуация усталости, причем человек, выбирающий серый цвет, «не хочет раскрывать свою сущность, ограждает себя от вмешательства, пытается сохранить нейтралитет» [28, с. 55], что не способствует реабилитационному процессу. Коричневый цвет отражает «физический дискомфорт, тревожность с соматической окраской, переживание чувства неуверенности» [28, с. 55]. После реабилитации клиенты для оценки болезни чаще выбирали черный и коричневый цвета.

Такая подсознательная оценка своего соматического состояния до и после реабилитации сказалась и на ассоциациях своего эмоционального состояния и своей личности

⁸ Копинг-механизмы (механизмы совладания) // Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2002. С. 219.

после реабилитации. Если мужчины с улучшением состояния после реабилитации рассматривали свое эмоциональное состояние чаще в зеленом и красном цветах, то женщины – в желтом цвете. Зеленый цвет «соответствует таким чертам характера, как последовательность, уверенность в своих силах, самодостаточность, чувство внутреннего достоинства» [28, с. 81], красный – «символ активности, ближе к людям, уверенным в себе, не сомневающимся в своих силах и способных утвердиться в жизни» [28, с. 34–35]. Желтый цвет, который чаще предпочитали женщины с улучшением состояния после реабилитации, символизирует «раскованность, релаксацию, полную радостных надежд изменчивость, стремление к новым перспективам» [27, с. 17].

Мужчины без изменения состояния после реабилитации чаще предпочитали ассоциировать себя и свое эмоциональное состояние с серым или синим цветами, женщины – с фиолетовым цветом. Серый цвет интерпретируется как «защитная реакция при переутомлении» [29, с. 127], коричневый означает физический дискомфорт, фиолетовый «характерен для лиц с затрудненной адаптацией» [27, с. 52].

По Л. Н. Собчик, «выбор цвета не просто обрисовывает ситуативную реакцию и состояние индивида, а позволяет определить личностные особенности индивида в конкретной ситуации» [27, с. 7]. В данном исследовании проведение ЦТО дает возможность диагностировать оптимистичное либо пессимистичное отношение к постковидной ситуации клиентов.

Переменные, вошедшие во второй фактор, можно назвать средовыми. В этот фактор вошли как объективные, так и субъективные переменные: реабилитационный потенциал, группа инвалидности, статус, пол, семейное положение, отношение близких к ситуации клиента, наличие / отсутствие физических и социальных барьеров, ассоциация *моя семья*. Самый большой вес в данном факторе имеет переменная *моя семья*, причем в ходе клинической беседы при приеме на реабилитацию специалистами уточнялось понятие семьи для клиента, куда были отнесены все значимые для клиента люди, а не только супруги. Это могли быть сиблинги, другие родственники, дети и пр. Совершенно одинокие клиенты составили 18 % от общей выборки, причем большая часть (82 % внутри подгруппы) – мужчины, как трудоспособного, так и пенсионного возраста.

Практически все исследования, посвященные роли семьи для людей с инвалидностью, указывают, что семейные ресурсы – это «силы и динамические факторы в матрице отношений, поддерживающих развитие персональных ресурсов и потенциала членов семьи и способствующих формированию чувства удовлетворенности в семье» [30, р. 163]. Г. МакКуббин и Дж. Паттерсон, исследовавшие различные семьи в ситуации стресса и кризиса, предположили, что среди факторов, определяющих уровень адаптации семьи к трудностям, серьезный вклад вносят «степень уязвимости каждого члена семьи; тип семьи; семейные ресурсы;

представления о стрессоре, навыки решения и преодоления проблем» [31, р. 21]. Данные авторы относят к поддерживающим факторам «открытую, позитивную коммуникацию; близость, которая является "невидимым клеем" для семьи и дает всем ее членам чувство принадлежности; совместную деятельность; привязанность друг к другу; поддержку в виде помощи, одобрения, утешения и т. п.; принятие, заключающееся в уважении, признании достоинств, понимании индивидуальности и неповторимости друг друга; преданность семье, ее ценностям» [31, р. 30].

В результате анализа полученных данных было установлено, что оценка семьи прямо коррелирует с такой переменной, как реабилитационный потенциал. Под реабилитационным потенциалом принято рассматривать как реабилитационные возможности организма, личности, так и микросоциума, т. е. той социальной системы, в которую непосредственно включен человек [24, с. 51]. Клиенты с высоким реабилитационным потенциалом значительно чаще рассматривают свою семью позитивно (табл. 4). Женщины ассоциируют ее с желтым цветом, который можно интерпретировать как «состояние расцвета, раскованности и непрерывного обновления» [28, с. 84], мужчины – с красным как «желанием проявлять активность» [28, с. 81]. Клиенты с низким реабилитационным потенциалом чаще ассоциируют свою семью с черным, серым и коричневым цветами. Именно эти клиенты рассказывали о конфликтах в семье.

Табл. 4. Оценка семьи клиентом и уровень реабилитационного потенциала, в % по полу

Tab. 4. Attitude to family vs. rehabilitation potential, % by gender

Оценка семьи	Высокий		Средний		Низкий	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Негативная (серый, черный, коричневый)	–	2	2	4	27	31
Нейтральная (синий, фиолетовый)	3	1	20	12	1	2
Позитивная (желтый, красный)	46	41	1	7	–	–

Следовательно, отношение к ситуации болезни в семье, близких для клиента людей выступает статистически значимым фактором для возможности адекватно представить свою жизнь после COVID-19, даже имея статус *инвалид* (табл. 4).

Другой значимой переменной во втором факторе выступают наличие / отсутствие барьеров в социальной и физической среде. В ходе клинической беседы были выявлены основные барьеры, которые мешают результативной реабилитации клиентов, не способствуют адекватному конструированию модели жизни, что снижает их жизнеспособность.

Несмотря на практически завершённую Государственную программу РФ «Доступная среда» на 2011–2020 гг., клиенты с инвалидностью отмечают значительное количество физических барьеров. Наличие физических барьеров чаще отмечали трудоспособные клиенты-мужчины с I и II группами инвалидности, имеющие черепно-мозговые и спинномозговые травмы, последствия инсульта. Так, среди наиболее значимых физических барьеров названы нестандартные пандусы в магазинах, аптеках, жилых домах, проблема транспортной доступности, отсутствие достоверной информации о препятствиях в транспорте и в различных учреждениях.

Различные социальные барьеры чаще назывались женщинами как трудоспособного, так и пенсионного возраста. Среди различных барьеров выделены материальные (недостаток денег для удовлетворения потребностей в общении, обучении, путешествиях); коммуникативные (отсутствие возможностей общаться в «своем кругу», недостаток проводимых мероприятий для инвалидов, отсутствие интересных виртуальных возможностей для общения молодых инвалидов); профессиональные (проблема трудоустройства и получения образования). Таким образом, наличие любых барьеров среды выступает ограничением возможности адекватно конструировать свою жизнь, т. е. снижает жизнеспособность инвалидов, в том числе перенесших COVID-19.

Заключение

Группа инвалидности как социальный статус не является позитивным либо негативным фактором, влияющим

на жизнеспособность человека, перенесшего COVID-19. К позитивным факторам, влияющим на жизнеспособность, отнесены гармоничное отношение к болезни, анозогнозическое отношение к болезни, демонстрирующее стремление не рассматривать себя больным, инвалидом, несмотря на объективные обстоятельства, у этих клиентов небольшой срок заболевания и трудоспособный возраст, высокий реабилитационный потенциал, оптимистическая активная позиция по отношению к себе, позитивная поддержка семьи. Среди негативных факторов, влияющих на жизнеспособность, были выделены анозогнозическое отношение к болезни у клиентов пенсионного возраста с большим стажем сопутствующего COVID-19 заболевания, диффузный и смешанный типы отношения к болезни, состоящие из несогласованных составляющих, что снижает социальную адаптацию клиентов, пессимизм, неверие в успех реабилитации, низкий реабилитационный потенциал. Считаем, что интерпретация содержания анозогнозического отношения к болезни в зависимости от различных значимых для реабилитационного процесса мероприятий требует дальнейшего исследования. Можно выделить и нейтральные факторы, которые также требуют продолжения исследования. К таким факторам относятся, например, возраст, мотивированность на реабилитацию, давность заболевания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Спенсер П. С., Роман Г., Бюге А., Гехт А., Рейс Ж. COVID-19: неврологические последствия // Анализ риска здоровью. 2021. № 2. С. 168–176. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2021.2.16>
2. Mei Q., Wang F., Bryant A., Wei L., Yuan X., Li J. Mental health problems among COVID-19 survivors in Wuhan, China // World Psychiatry. 2021. Vol. 20. № 1. P. 139–140. <https://doi.org/10.1002/wps.20829>
3. Ritchie R., Chan D. The emergence of cognitive COVID // World Psychiatry. 2021. Vol. 20. № 1. P. 52–53. <https://doi.org/10.1002/wps.20837>
4. Greenberg N., Rafferty L. Post-traumatic stress disorder in the aftermath of COVID-19 pandemic // World Psychiatry. 2021. Vol. 20. № 1. P. 53–54. <https://doi.org/10.1002/wps.20838>
5. Нестик Т. А. Психологические последствия пандемии и ресурсы жизнеспособности в условиях глобальных рисков // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: сб. ст. Междунар. науч. конгресса. (Москва, 18–22 мая, 20–24 октября 2020 г.) М.: МОСИПНН Н. Д. Кондратьева, 2020. С. 808–813. <https://doi.org/10.46865/978-5-901640-33-3-2020-808-813>
6. Ahrens K. F., Neumann R. J., Kollmann B., Plichta M. M., Lieb K., Tüscher O., Reif F. Differential impact of COVID-19 related lockdown on mental health in Germany // World Psychiatry. 2021. Vol. 20. № 1. P. 140–141. <https://doi.org/10.1002/wps.20830>
7. Гурьянова М. П. Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. 2004. № 1. С. 11–18.
8. Гурьянова М. П. Жизнеспособность личности как педагогический феномен // Педагогика. 2006. № 10. С. 43–50.
9. Селезнёва Н. Т., Рубленко Н. В., Тодышева Т. Ю. Жизнеспособность личности. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2015. 308 с.
10. Рыльская Е. А. Психология жизнеспособности человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014. 39 с.

11. Рыльская Е. А. Жизнеспособность человека: критерии, факторы, генезис // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 91–99.
12. Нестерова А. А. Социально-психологический подход к изучению жизнеспособности личности, находящейся в трудной жизненной ситуации. М.: РГСУ, 2011. 236 с.
13. Нестерова А. А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011. 49 с.
14. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. 6-е изд., перераб и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 240 с.
15. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 288 с.
16. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
17. Васильева С. Н. Конструирование дефиниции категории «жизнеспособность человека» методом двухуровневой триадической дешифровки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 16–27. <https://doi.org/10.14529/psy190102>
18. Jaspers K. Philosophische Autobiographie // Jaspers K. Werk und Wirkung. München, 1963. S. 12–36.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
20. Glasersfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. London: The Falmer Press, 1985. 341 p.
21. Тилих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
22. Бьюдженталь Дж. Наука быть живым. Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической психотерапии. М.: Корвет, 2017. 332 с.
23. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Карпова Э. Б., Вукс А. Я. Психологическая диагностика отношения к болезни. СПб.: СПб НИПИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 32 с.
24. Кулагина И. Ю., Сенкевич Л. В. Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 50–60. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110107>
25. Эткин А. М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / ред. А. А. Бодалев. СПб.: Речь, 2006. С. 221–227.
26. Goetzke E. When your patient is in denial? // The American Journal of Nursing. 1995. Vol. 9. P. 18–21.
27. Собчик Л. Н. Метод цветковых выборов. Модификация восьмичетного теста М. Люшера. СПб.: Речь, 2010. 128 с.
28. Браэм Г. Психология цвета. М.: АСТ; Астрель, 2011. 158 с.
29. Бреслав Г. Е. Цветопсихология и цветолечение. СПб.: Б.&К., 2000. 212 с.
30. Sawin M. M. The family cluster model of family enrichment // Building family strengths: Blueprints for action / eds. N. Stinnett, B. Chessier, J. De Frain. University of Nebraska Press, 1979. P. 163–172.
31. McCubbin H. I., Patterson J. M. The family stress process: The Double ABCX model of adjustment and adaptation // Marriage & Family Review. 1983. Vol. 6. № 1-2. P. 7–37. https://doi.org/10.1300/J002v06n01_02

original article

Factors Affecting the Viability of Disabled COVID-19 Patients

Tatiana V. Rogacheva

Regional Disabled Persons Rehabilitation Center, Russia, Yekaterinburg; <https://orcid.org/0000-0002-1259-7567>; TVRog@yandex.ru

Received 6 Jul 2021. Accepted after peer review 6 Sep 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: The present research featured patients with disabilities who survived COVID-19 and had to undergo a course of comprehensive rehabilitation. Foreign scientists proved that COVID-19 can affect viability, although it does not necessarily triggers mental and psychological health disorders. The research objective was to define the main factors that affect the viability of clients of a medical rehabilitation center. The article contains a review of various approaches to the concept of viability and introduces an authentic definition. The analysis was based on the International Classification of Functioning, Disability, and Health (ICF) and revealed both positive and negative factors that affect the viability of disabled patients after COVID-19. The positive factors included harmonious or anosognosic attitude to the disease, i.e. unwillingness to consider oneself "sick" or "disabled" in working-age patients with short disease history and high rehabilitation potential, optimistic life attitude, and good family support. The negative factors included anosognosic attitude to the disease in retired patients with a long disease history. They demonstrated diffuse and mixed types of attitude to the disease, with inconsistent components, poor

chances for successful rehabilitation and social adaptation, pessimism, and cynicism about rehabilitation. The research results can help specialists of medical centers to adapt their rehabilitation roadmaps to the needs of disabled COVID-19 survivors.

Keywords: attitude to the disease, rehabilitation process, effectiveness, contextual factors, type of relationship to the disease

Citation: Rogacheva T. V. Factors Affecting the Viability of Disabled COVID-19. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 717–728. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-717-728>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Spencer S., Román G., Buguet A., Guekht A., Reis J. COVID-19: neurological sequelae. *Health Risk Analysis*. 2021, (2): 168–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.21668/health.risk/2021.2.16>
2. Mei Q., Wang F., Bryant A., Wei L., Yuan X., Li J. Mental health problems among COVID-19 survivors in Wuhan, China. *World Psychiatry*, 2021, 20(1): 139–140. <https://doi.org/10.1002/wps.20829>
3. Ritchie R., Chan D. The emergence of cognitive COVID. *World Psychiatry*, 2021, 20(1): 52–53. <https://doi.org/10.1002/wps.20837>
4. Greenberg N., Rafferty L. Post-traumatic stress disorder in the aftermath of COVID-19 pandemic. *World Psychiatry*, 2021, 20(1): 53–54. <https://doi.org/10.1002/wps.20838>
5. Nestik T. A. Psychological consequences of the pandemic and resources of resilience in the face of global risks. *Globalistics-2020: Global issues and the future of humankind*: Proc. Intern. Sci. Congress, Moscow, 18–22 May, 20–24 Oct 2020. Moscow: MOOSIPNN N. D. Kondratieva, 2020, 808–813. (In Russ.) <https://doi.org/10.46865/978-5-901640-33-3-2020-808-813>
6. Ahrens K. F., Neumann R. J., Kollmann B., Plichta M. M., Lieb K., Tüscher O., Reif F. Differential impact of COVID-19 related lockdown on mental health in Germany. *World Psychiatry*, 2021, 20(1): 140–141. <https://doi.org/10.1002/wps.20830>
7. Guryanova M. P. Education of a viable personality in a disharmonious society. *Pedagogika*, 2004, (1): 11–18. (In Russ.)
8. Guryanova M. P. Viability of personality as an educational phenomenon. *Pedagogika*, 2006, (10): 43–50. (In Russ.)
9. Selezneva N. T., Rublenko N. V., Todysheva T. Yu. *Viability of personality*. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafieva, 2015, 308. (In Russ.)
10. Rylskaya E. A. *Psychology of human vitality*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2014, 39. (In Russ.)
11. Rylskaya E. A. Vitality of a human: criteria, factors, genesis. *Theory and Practice of Social Development*, 2013, (12): 91–99. (In Russ.)
12. Nesterova A. A. *Socio-psychological approach to the study of the viability of a person in a difficult life situation*. Moscow: RGSU, 2011, 236. (In Russ.)
13. Nesterova A. A. *Socio-psychological concept of the viability of youth in a situation of job loss*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2011, 49. (In Russ.)
14. Kirillov V. I., Starchenko A. A. *Logic*, 6th ed. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2008, 240. (In Russ.)
15. Ananiev B. G. *Man as a subject of knowledge*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2010, 288. (In Russ.)
16. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Foundations of psychological anthropology. Human psychology: An introduction to the psychology of subjectivity*. Moscow: Shkola-Press, 1995, 384. (In Russ.)
17. Vasilieva S. N. Design of the definition of the category "resilience of person" with triadic decryption method. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2019, 12(1): 16–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/psy190102>
18. Jaspers K. *Philosophische Autobiographie. Werk und Wirkung*. München, 1963, 12–36.
19. Jaspers K. *The origin and goal of history*. Moscow: Politizdat, 1991, 527. (In Russ.)
20. Glasersfeld E. von. *Radical constructivism: A way of knowing and learning*. London: The Falmer Press, 1985, 341.
21. Tillich P. *Selected: Theology of Culture*. Moscow: Iurist, 1995, 479. (In Russ.)
22. Bugental J. *The search for existential identity: patient-therapist dialogues in humanistic psychotherapy*. Moscow: Korvet, 2017, 332. (In Russ.)
23. Wasserman L. I., Iovlev B. V., Karpova E. B., Vuks A. Ia. *Psychological diagnostics of attitudes towards the disease*. St. Petersburg: SPb NIPI im. V. M. Bekhtereva, 2005, 32. (In Russ.)
24. Kulagina I. Yu., Senkevich L. V. Rehabilitation potential of personality in various chronic diseases. *Cultural-Historical Psychology*, 2015, 11(1): 50–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2015110107>
25. Etkind A. M. Color test of relations. *General psychodiagnostics*, ed. Bodalev A. A. St. Petersburg: Rech, 2006, 221–227. (In Russ.)

26. Goetzke E. When your patient is in denial? *The American Journal of Nursing*, 1995, 9: 18–21.
27. Sobchik L. N. *Color selection method. Modification of M. Luscher's eight-color test*. St. Petersburg: Rech, 2010, 128. (In Russ.)
28. Braem G. *Psychology of color*. Moscow: AST; Astrel, 2011, 158. (In Russ.)
29. Breslav G. E. *Color psychology and color therapy*. St. Petersburg: B.&K., 2000, 212. (In Russ.)
30. Sawin M. M. The family cluster model of family enrichment. *Building family strengths: Blueprints for action*, eds. Stinnett N., Chesser B., De Frain J. University of Nebraska Press, 1979, 163–172.
31. McCubbin H. I., Patterson J. M. The family stress process: The Double ABCX model of adjustment and adaptation. *Marriage & Family Review*, 1983, 6(1-2): 7–37. https://doi.org/10.1300/J002v06n01_02

оригинальная статья

Текст как средство дистанционного психологического консультирования: язык и смысловое содержание тематических блогов

Вера Игоревна Солдатова

Министерство финансов Кузбасса, Россия, г. Кемерово;
<https://orcid.org/0000-0002-7864-8072>

Михаил Сергеевич Яницкий

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Андрей Викторович Серый

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>;
avgrey@yahoo.com

Андрей Геннадьевич Фомин

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Поступила в редакцию 02.08.2021. Принята после рецензирования 06.09.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: Важной составляющей работы психолога является использование текста, выступающего одним из основных способов межличностной коммуникации и передачи ценностей и смыслов. Особое место тексты занимают в дистанционном психологическом консультировании, ставшем актуальным для максимально широкого круга лиц в связи с ограничениями «живого» общения, связанными с продолжающейся пандемией COVID-19. Цель – проанализировать тексты, используемые психологами в дистанционном консультировании, в частности, выявить их смысловое содержание, языковые средства и основанные на них психологические приемы и техники. Исследование было проведено на выборке из 40 психологов, ведущих тематические блоги. Для исследования текстов блогов были использованы методы типологизации, контент-анализа и сравнения. Методы и приемы текстового консультирования изучались при помощи анкетного опроса. Результаты свидетельствуют о том, что текст выступает важным средством дистанционного консультирования, используется для диагностических целей и оказания воздействия на клиента. Психологическое воздействие текста основано на его содержании и языковых средствах, обращено к интеллектуальной и ценностно-смысловой сфере реципиента. В текстах тематических блогов находят применение такие техники психологического консультирования, как вопросы, интерпретация, самораскрытие, раппорт, психологическая поддержка, а также техники библиотерапии и сказкотерапии, основанные на использовании метафор. Техники и приемы, основанные на использовании текста, в рамках дистанционного консультирования имеют ряд ограничений, что предполагает информирование клиента об их возможностях в решении его психологической проблемы.

Ключевые слова: дистанционное консультирование, техники психологического консультирования, взаимодействие клиент – консультант, текстотерапия

Цитирование: Солдатова В. И., Яницкий М. С., Серый А. В., Фомин А. Г. Текст как средство дистанционного психологического консультирования: язык и смысловое содержание тематических блогов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 729–739. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-729-739>

Введение

Наиболее общим содержанием психологического консультирования в настоящее время признается обеспечение условий для познания человеком себя и построения новой модели своего поведения [1]. В качестве основы консультативной деятельности психолога, соответственно, рассматривается работа с ценностями и смыслами клиента [2]. Г. С. Абрамова определяет итоговой целью психологического консультирования культурно-продуктивную личность клиента, обладающую чувством перспективы, способную действовать осознанно, разрабатывать различные стратегии поведения и анализировать ситуацию с различных точек зрения. Деятельность психолога-консультанта в этом контексте направлена на развитие способности клиента конструировать нешаблонные способы поведения, которые позволили

бы ему действовать в соответствии с возможностями культуры [3]. В этой связи неотъемлемой частью работы психолога является использование текста в том или ином виде, т. к. для человека текст – один из основных способов межличностной коммуникации и передачи культурных норм, ценностей и смыслов.

В лингвистике текст определяется одновременно как единица языка и речи, рассматривается, в частности, как средство трансформации языковых средств общения в речевые [4]. В психолингвистике текст интерпретируется как сложное семантико-синтаксическое образование, обладающее рядом характеристик, таких как структурная и композиционная целостность, смысловая и грамматическая связность, степень интерпретативности, т. е. возможности вариативной

интерпретации смыслового содержания слушающим или читающим [5]. Текст выступает также в качестве средства коммуникации, языковой формы высказывания, выполняющей функцию передачи смысла. Посредством смысловой стороны текста осуществляется воздействие на психику, которое реализуется за счет включенных в определенный контекст слов, особенностей грамматических и синтаксических связей [6]. В психологии текст рассматривается как средство выражения внутреннего мира человека. Структура и содержание текста, созданного личностью, позволяет судить об актуальном состоянии, индивидуальных особенностях, психологических проблемах личности [7]. Тексты позволяют не только диагностировать, но и оказывать коррекционное, терапевтическое воздействие – на подобном использовании текстов основывается целый ряд направлений психологического консультирования и психотерапии: нейролингвистическое программирование (НЛП), библиотерапия, сказкотерапия, скриботерапия и т. д. При этом в зависимости от этапа и метода консультирования психолог может использовать как тексты, написанные им самим или другими авторами, так и тексты, созданные самим клиентом.

Таким образом, текст в психологическом консультировании может применяться и как средство диагностики, и как средство воздействия на клиента. Текст как средство диагностики используется в начале консультации, когда психолог устанавливает проблему клиента, и в последующем для оценки достигнутого прогресса. Н. Е. Афанасьева выделяет в этом плане три возможных направления анализа текстов писем клиентов консультанту: нарративный подход, включающий анализ жизненной истории и истории травмы; контент-анализ текстов по таким категориям, как кризисные проявления или симптомы, направленность во времени, самооценка и уровень притязаний, эмоциональный фон, возможность решения проблемы и т. д.; выделение паттернов, обозначающих возможные «мишени» воздействия – сверхобобщение, чрезмерная ответственность, необоснованные выводы и ожидания, катастрофизация ситуации и др. [8].

Особенности использования текстов для воздействия на клиента зависят от того, в рамках какого направления и с какими проблемами работает консультант. Так, применение методов библиотерапии является достаточно распространенным в экзистенциальном направлении психологического консультирования. Это определяется сутью самих художественных произведений, несущих смысловую нагрузку, – многие классические литературные произведения имеют философскую основу, в них поднимаются вопросы смысла жизни, проблемы осознания, принятия и реализации жизненных ценностей. В связи с этим их использование в экзистенциальном консультировании является вполне релевантным [9]. Объектом работы здесь становится само содержание текста художественного произведения, его восприятие, осмысление, понимание. Использование художественного текста позволяет клиенту

не прямым путем, а косвенно указать на его проблему, дать возможность увидеть собственную ситуацию со стороны.

Использование сказок и притч в консультировании позволяет, в частности, снизить уровень экзистенциальной тревоги и обойти действие защитных механизмов клиента при решении бытовых конфликтов. Поэтому сказкотерапия позволяет эффективно работать с сопротивлением клиента и в достаточно безопасном иносказательном варианте донести человеку важную информацию о его трудной жизненной ситуации и основных возможностях преодоления экзистенциальных конфликтов и сопровождающей их экзистенциальной тревоги [10].

Использование в психологическом консультировании текста, созданного самим клиентом, находится в основе методики Э. И. Мещеряковой по работе с персональным мифом. Алгоритм работы в данном случае представлен четырехшаговой моделью: распознавание тематики персонального мифа, в том числе и тем, указывающих на имеющиеся проблемы; осознание источников этих дисфункциональных тем в персональном мифе и обнаружение новых, позитивных в процессе консультационной работы; синтезирование нового персонального мифологического Я-образа; обсуждение возможностей укоренения обновленного персонального мифа в повседневной жизни [11]. Конструирование персонального мифа и своего мифологического Я-образа, появление его элементов, способствующих рождению новых смыслов и целей, осмысление путей выхода из кризисной ситуации и духовного самоопределения являются факторами реконцептуализирования испытываемыми своего жизненного опыта. При этом данная текстотерапия имеет определенный диапазон приемлемости, и в первую очередь может быть показана рефлексирующим, тяготеющим к самораскрытию испытуемым определенного культурного и образовательного уровня [12].

Особое место тексты занимают в дистанционном консультировании, которое не требует посещения кабинета психолога и, соответственно, является востребованным клиентами, которые опасаются огласки и общественного неодобрения или же нуждаются в субъективно безопасном взаимодействии [13], а также клиентами, которые не могут встретиться с консультантом в силу тех или иных объективных обстоятельств – лицами с ограниченными возможностями, родителями, воспитывающими детей с инвалидностью, ухаживающими за тяжелобольными, проживающими в отдаленных местах и т. д. [14]. В настоящее время дистанционное консультирование оказывается актуальным для максимально широкого круга лиц в связи с ограничениями «живого» общения, связанными с продолжающейся пандемией COVID-19. Невозможность психологического консультирования в очном формате, неопределенные перспективы возвращения к привычному формату взаимодействия с клиентом определили общий переход психологов к дистанционным формам работы, который в целом оценивается как вполне успешный [15].

Д. В. Гартфельдер выделяет три поэтапно сформировавшиеся формы дистанционного консультирования: телефонное консультирование, интернет-консультирование, консультирование с применением приложений для мобильных устройств [16]. Е. П. Белинская в данном контексте отмечает возрастающую роль психологической помощи с использованием современных мессенджеров и социальных сетей, определяющуюся их широким охватом и доступностью и, по-видимому, наибольшей адекватностью применительно к современным реалиям [17]. Очевидно, возможность применения приемов и техник, основанных на использовании текста, в перечисленных формах дистанционного консультирования последовательно возрастает.

Дистанционное психологическое консультирование с использованием текста может осуществляться как офлайн, так и онлайн. В первом случае текст является единственным средством общения консультанта и клиента. При втором варианте консультант и клиент общаются в реальном режиме с использованием различных интернет-ресурсов. И. С. Карась, А. А. Лукина и В. И. Пушкарева установили, что профессиональные психологи чаще оказывают услуги офлайн, чем онлайн [18].

При дистанционном консультировании офлайн взаимодействие между консультантом и клиентом осуществляется посредством обычных или электронных писем. В рамках дистанционного психологического консультирования сложилось целое направление, которое В. Ю. Меновщиковым обозначается как *скриботерапия* (от лат. *scribio* – писать и *therapia* – лечение). Этот термин объединяет способы работы психолога с клиентом в процессе переписки. Особенность скриботерапии заключается в том, что как консультант, так и клиент могут многократно обращаться к написанному тексту, в отличие от текста произнесенного [13]. Предполагается, что написание и чтение текста в переписке с психологом способствует включению процессов осмысления и тем самым продуктивному разрешению проблемной ситуации.

Применение текста с психологическими целями в режиме онлайн, согласно Дж. Грохол, относится скорее не к сфере психологического консультирования, а является самостоятельным направлением – *е-терапией*, более близкой к тренировке или коучингу. К положительным сторонам *е-терапии* Дж. Грохол относит возможность исследовать и излагать проблемы человека без лишнего смущения и потребности думать на ходу, возможность быстрой рационализации эмоций, беспрецедентное богатство образовательного материала [19]. Данные особенности определяют потенциально универсальный характер использования описываемого подхода.

Тем не менее реальное тематическое содержание текстов при онлайн-консультировании является относительно специфичным. Исследование [18] показало, что в социальной сети Instagram основными темами, по которым предоставляются консультации психолога, являются

отношения в паре, детско-родительские отношения, продвижение в профессии или карьере и материальное благополучие. Менее представленными являются темы саморазвития, проблемы в области детской психологии, глубинной психологии, сексологии, психологии развития. Треть психологов размещают на своих страницах проективные тесты, опросники, методики, объединяющие общее направление: диагностику типов личности, специфики межличностных отношений, поиска собственного предназначения. Психологи достаточно часто публикуют техники, посвященные саморазвитию, развитию ассоциативного мышления, памяти и т. п. Подписчики психологов в свою очередь выносят для дискуссии свои конкретные истории. Наиболее часто запрашиваемыми темами на интернет-страницах профессиональных психологов являются токсичные отношения, личностные границы, роль жертвы, измена, психология отношений и сексология [18]. Приведенные данные могут свидетельствовать о неполном соответствии психологического консультирования в социальных сетях имеющимся потребностям клиентов.

Очевидно, это обусловлено особенностями дистанционного консультирования, основанного на использовании текстов. В. Ильин отмечает, что в результате естественных ограничений, налагаемых письменным каналом связи, дистанционное консультирование, связанное с использованием текста, предполагает большую степень ответственности, самостоятельности клиента и меньшую его поддержку консультантом [20]. Собрав достаточное количество информации, консультант делится с клиентом анализом проблемы, если считает это полезным для клиента и если клиент способен в своем состоянии на данный момент понять этот анализ. Выдача же рекомендаций сопряжена с рядом трудностей – во-первых, советы, рекомендации не обязательно создают условия для развития клиента, во-вторых, консультант не может быть уверен в том, насколько его советы могут быть адекватно восприняты клиентом.

Среди общих недостатков дистанционного консультирования называются ограниченность консультанта в диагностике невербальных проявлений клиента, недостаток полноценной обратной связи, ее отдаленность по времени, невозможность реализации ряда методов психологического воздействия [18]. При оказании психологической помощи в режиме онлайн затруднено также установление идентификации клиента, что является существенной проблемой при работе с детьми, клиентами, находящимися в кризисных ситуациях и т. д. [21]. Перечисленные недостатки порождают соответствующие ограничения в применении текста в психологическом консультировании.

В этой связи И. К. Силенок отмечает определенную сферу применения текстового консультирования. В частности, оно может быть использовано для поддержки клиента, формирования понимания того, что он не остается один на один со своей проблемой; для частичного или полного снятия фиксации клиента на проблеме; для снижения

тревоги клиента; при консультировании по типовым способам решения заявленной психологической проблемы; при даче текстовых инструкций несложных терапевтических техник психогигиены [22]. Принято полагать, что дистанционное психологическое консультирование, основанное на тексте, в большинстве случаев не позволяет решать глубинные проблемы и проблемы, требующие непосредственного взаимодействия консультанта и клиента.

Таким образом, текст в психологическом консультировании выступает в качестве способа опосредованного взаимодействия консультанта и клиента. Использование текстов, содержащих метафоры, позволяет снять психологическую защиту клиента, создать доверительные отношения с ним. В работе с проблемой клиента при помощи текста достигается более глубокое осмысление проблемы, находятся пути ее решения. В дистанционном консультировании, особенно консультировании в формате офлайн, тексты выступают в качестве основного средства взаимодействия консультанта и клиента.

Проблемы дистанционного консультирования с использованием текстов, как это показано выше, рассмотрены целым рядом авторов, однако конкретные методы и приемы данного вида консультирования, основанные на применении тех или иных средств психологического воздействия, остаются практически не изученными. В этой связи целью настоящего исследования являлся анализ реальных текстов, используемых психологами в дистанционном консультировании, направленный на выявление их смыслового содержания и языковых средств, а также основанных на них психологических приемов и техник.

Организация и методы исследования

В качестве эмпирической базы исследования были использованы ресурсы сети Интернет: специализированный сайт психологических услуг B17.ru и группы по оказанию психологической помощи социальной сети Одноклассники. B17.ru – сайт, на котором размещены публикации и блоги более 40000 профессиональных психологов, содержащих информацию об их образовании, повышении квалификации, направлениях психологического консультирования, проблемах, с которыми они работают. В социальной сети Одноклассники психологи имеют возможность создать группу по оказанию психологических услуг, где они также размещают свои публикации. В отличие от сайта B17.ru, в Одноклассниках отсутствует детальная информация о профессиональной подготовке и квалификации консультанта.

Для исследования была сформирована случайная выборка из 40 психологов, ведущих блоги, в том числе 20 на специализированном сайте B17.ru и 20 в социальной сети Одноклассники.

Исследование использования методов и приемов психологического консультирования, основанных на тексте, было реализовано методом анкетного опроса. Анкета включала вопросы об особенностях организации психологического

консультирования специалистами, в том числе дистанционного, использовании конкретных приемов и техник психологического консультирования, основанных на тексте.

Для исследования текстов, размещаемых в блогах данной выборки психологов, были использованы методы типологизации, контент-анализа и сравнения. Метод типологизации использовался для разделения текстов на типы в зависимости от содержащейся в них информации и способа ее подачи; методов и приемов психологического консультирования, основанных на тексте; тематической принадлежности; авторства или заимствования. Для изучения содержания выделенных типов текстов проводился количественный контент-анализ (количество блогов, содержащих определенные типы текстов). Также контент-анализ включал определение количества текстов в блогах. Метод сравнения был использован для определения сходств и различий в использовании методов и приемов психологического консультирования психологами, ведущими тематические блоги. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы Статистика 10.0.

Результаты анкетного опроса

Как следует из полученных ответов на вопросы анкеты, круг проблем, с которыми обычно работают опрошенные психологи-консультанты, является достаточно обширным. Он включает работу с разными видами отношений, такими как межличностные, семейные, детско-родительские, производственные; работу с личностным ростом, кризисными ситуациями, негативным эмоциональным состоянием (панические атаки, депрессия, апатия, тревога и пр.), детскими травмами, психосоматическими расстройствами и др. Наиболее часто психологи занимаются консультированием по вопросам личностного роста (55 %), семейных (50 %) и межличностных отношений (45 %), эмоционального состояния клиента (45 %). Относительно редко проводятся консультации по поводу производственных отношений (14 %) и детских травм (14 %).

Спектр направлений, в рамках которых психологи осуществляют свою консультативную практику, также относительно широк. Наиболее популярные: гештальт-терапия (36 %), песочная терапия (32 %), сказкотерапия (27 %). Реже используется классический психоанализ (9 %), НЛП (9 %), экзистенциальная психотерапия (9 %).

Среди техник и приемов, основанных на тексте, у психологов самыми востребованными являются техники и приемы сказкотерапии (27 %) и библиотерапии (23 %). Сравнительно редко применяются техники и приемы НЛП (9 %). Следует отметить, что 36 % опрошенных вообще не используют в консультировании перечисленные методы работы. Таким образом, практикующие психологи, ведущие блоги, работают с разными запросами клиентов, применяя достаточно обширный спектр подходов в консультировании. Однако использование техник и приемов, непосредственно основанных на тексте, является достаточно ограниченным.

Исследование частоты размещения текстов в тематических блогах указывает на то, что чаще всего психологи обновляют информацию еженедельно (41 %). Меньшее количество опрошенных обновляют тексты в блогах ежемесячно (27 %). Психологи стремятся регулярно добавлять новую информацию для потенциальных клиентов.

Размещаемые в блогах тексты в 86 % случаев являются преимущественно авторскими. Соответственно, консультирующие психологи редко пользуются заимствованными материалами. При выборе или создании текста для блога психологи, прежде всего, стараются сделать его кратким (50 %), добавить визуальный ряд (36 %). Реже они ориентируются на доступность текста для понимания (23 %) и его научность (23 %).

Анализ критериев отбора тем для текстов, размещаемых в блогах, указывает на то, что выбор опирается на один или два критерия из следующих: компетентность в выбираемых темах (психолог занимается консультированием по данным проблемам), частые запросы клиентов по данным темам, желание поделиться опытом и интерес самого психолога к выбранной теме. Популярность темы среди пользователей Интернета в целом в данном случае неважна.

Круг психологических проблем, с которыми психологи работают в дистанционном консультировании, чаще связан с работой с эмоциональным состоянием (64 %), межличностными взаимоотношениями (45 %) и внутриличностными конфликтами (41 %), реже – с семейными отношениями (27 %), кризисными состояниями (18 %) и детско-родительскими отношениями (9 %).

В своих блогах психологи чаще всего используют в качестве приема постановку вопросов (55 %), что вполне отражает существующее представление о вопросах как базовой технике психологического консультирования. Остальные техники и приемы консультирования, основанные на тексте, применяются в зависимости от индивидуальных предпочтений специалиста. Они представлены техниками и приемами сказкотерапии (27 %), библиотерапии (23 %), аутогенной тренировки (9 %), НЛП (9 %), работы с нарративами (14 %), интерпретацией (32 %), советами (27 %), ободрением и успокоением клиента (27 %). Использование указанных методик и приемов консультирования, по мнению 27 % психологов, позволяет продуктивно устанавливать контакт при письменных сообщениях. Еще 27 % опрошенных считают, что при письменных сообщениях в консультировании контакт с клиентом недостаточно продуктивен. Часть специалистов (45 %) не используют данную форму дистанционного консультирования, предпочитая общение с клиентом через видеосвязь в режиме онлайн.

Несмотря на широкое использование дистанционного формата консультирования, опрошенные психологи чаще считают эффективным консультирование в реальном режиме (64 %), и только 36 % респондентов оценивают дистанционное консультирование как эффективное. При этом предпочитают проводить консультации

в реальном режиме 55 %, а в дистанционном режиме – 45 % психологов-консультантов.

Среди положительных сторон дистанционного психологического консультирования респонденты указывали, прежде всего, большее доверие клиентов (55 %). Также были выражены мнения о возможности привлечения большего количества клиентов (36 %), об отсутствии необходимости специального кабинета (27 %), возможности выбирать время для консультаций (27 %), большей востребованности у клиентов дистанционных форм консультирования (23 %), возможности отсроченно отвечать клиенту, обдумав ответ (18 %).

Наряду с положительными аспектами дистанционного консультирования, респонденты называли и негативные. К ним были отнесены недостаток информации о клиенте (32 %) и ограничения в использовании техник и приемов психологического консультирования (27 %). Реже специалисты указывали на технические проблемы при ведении консультации (18 %), проблемы с выбором времени для консультации у клиента (9 %), трудности в техническом обеспечении процесса консультации (5 %) и прекращение консультации со стороны клиента (5 %).

Таким образом, в своей практике психологи используют дистанционное консультирование как в качестве основной формы своей деятельности, так и сочетая его с консультациями в реальном режиме. Среди форм дистанционного консультирования они предпочитают проведение консультаций в режиме видеосвязи, что позволяет максимально приблизить взаимодействие к консультации в реальном режиме, взаимодействовать с клиентом здесь и сейчас. При оценке положительных и негативных аспектов дистанционного консультирования психологи видят больше положительных аспектов и связывают их с большим доверием клиентов. Дистанционное консультирование имеет специфику в зависимости от проблем, с которыми обращаются клиенты, использования техник и приемов психологического консультирования. Среди техник и приемов, основанных на тексте, явное предпочтение отдается постановке вопросов.

Результаты анализа текстов тематических блогов

Анализ текстов в психологическом консультировании включал изучение количества текстов на сайтах, типов текстов, используемых методов и приемов психологического консультирования, отраженных в текстах, тематики текстов, а также сравнительный анализ по данным параметрам текстов, размещенных в блогах на специализированном ресурсе и в социальных сетях.

Как следует из полученных результатов, количество текстов в блогах психологов является крайне индивидуальным (табл. 1). При этом между количеством текстов, размещаемых психологами в блогах на специализированном сайте в социальных сетях, существует значительная разница. Общее число текстов в блогах в социальных сетях значительно выше, кроме этого, здесь выше и количественная

вариативность. Это указывает на то, что значительная часть психологов в социальных сетях активно выкладывает тематические тексты, это может объясняться стремлением привлечь внимание подписчиков, поддержанием их интереса к своей деятельности. В блогах на специализированном сайте тексты не имеют такого значения.

Табл. 1. Статистические результаты обработки данных по количеству размещаемых текстов в блогах психологов

Tab. 1. Statistics of texts in psychological feature blogs

Статистические показатели	Всего	В17.ru	Одноклассники
Средние значения	1049	64	2034
Стандартное отклонение	3017	81	4078
Медиана	148	28	1056
Минимальное количество	4	6	4
Максимальное количество	18790	334	18790

В результате анализа текстов, размещаемых психологами в блогах, было выделено 15 типов текстов в зависимости от их содержания. Текстовые сообщения, содержащие информацию о мероприятиях психологического характера, содержат анонсы и сообщения о тренингах, марафонах, вебинарах, мастер-классах, интенсивах (название, время, место, краткая программа, стоимость), которые проводятся психологами, ведущими эти блоги. В ряде блогов психологи располагают не только анонсы мероприятий, но и отчеты об их проведении, сопровождающиеся фотографиями (когда и какое мероприятие прошло, краткая рефлексия проведенной работы).

Следующие два типа сообщений являются похожими: *рассуждения о тех или иных психологических проблемах на примере личной жизни, описание случаев из практики*. В данных типах текстов психологи описывают собственную психологическую проблему, состояние, дают ее краткий анализ, варианты развития событий, описывают возможности решения, преодоления сложной жизненной ситуации. В первом случае, соответственно, это рассматривается на примере из своей личной жизни, когда дается описание ситуаций, с которыми сталкивался сам психолог. В данном тексте явно прослеживается использование личных местоимений (*я, мне*), таких синтаксических конструкций, как *я думаю, мне хотелось* и т. д. Таким образом, текст, представляющий рассуждения на примере личной жизни, соответствует технике самораскрытия в психологическом консультировании. Кроме этого, для текстов, созданных на основе рассуждений на примере личной жизни, свойственно наличие вопросов. Рассуждая,

психологи часто ставят вопросы: *почему так происходит?, зачем это нужно?* и др.

Во втором случае текст основан на описании конкретного случая работы с клиентом. Данный тип текста начинается с указания на то, что в практике было обращение клиента с определенным запросом, далее идет краткое обобщенное описание проведенной работы (какие вопросы задавались, техники использовались и т. п.), реакции клиента, результата консультации. Как правило, дается описание и интерпретация проблемы, с которой обращался клиент. Текст может завершаться констатацией факта успешности или неуспешности консультации с указанием причин последней, общими рекомендациями, обращением к пользователям сайта, содержащим какой-либо совет. В данном тексте могут прослеживаться разные техники психологического консультирования: вопросы, перефразирование, конфронтация, альтернативные формулировки. Но обязательно присутствует техника интерпретации, т. е. центральной идеей текста является рассказ о причинах психологической проблемы и способах ее решения.

К описанным вариантам текста (рассуждения на примере личной жизни, описание случаев из практики) близок такой тип, как *разбор психологических проблем*. Главной его отличительной особенностью является предъявление психологической проблемы в обобщенном, безличном виде. Например, психолог описывает, что существует проблема приучения детей раннего возраста к туалету. Далее, как правило, осуществляется анализ проблемы, описываются возможные варианты ее решения, последствия, если проблема не будет решена. Текст может завершаться конкретными советами или рекомендацией в данных случаях обратиться к специалисту за помощью. Таким образом, данный тип текста построен на технике интерпретации и может включать технику советов.

Тексты по типу *комментариев к фильмам и художественным произведениям* содержат обращение к сюжетам и персонажам. В данных текстовых сообщениях осуществляется анализ образа персонажа, его поведения, анализ ситуаций, которые представлены в фильмах и художественных произведениях. Подобный тип текста отнесен нами к техникам работы в направлениях библиотерапии, сказкотерапии, когда клиент на основе отождествления с персонажем может понять и разрешить свои психологические проблемы.

Еще одним вариантом текста является *ответ на вопрос*. Текст начинается с вопроса. В текстах иногда указывается, что данный вопрос часто задают клиенты, был задан конкретным клиентом или психолог сам считает необходимым его рассмотреть. В данном тексте обычно кратко рассматривается суть психологического понятия, содержащегося в вопросе, проблемы и т. п. Далее психолог дает краткий, обобщенный ответ по сути вопроса. Описанные типы текстов позволяют клиенту понять, что он не одинок в своей проблеме, т. е. оказать ему психологическую поддержку.

Тип текстов *советы, рекомендации* обычно не содержит подробного описания, детального анализа какой-либо

психологической проблемы, а только конкретные рекомендации и советы по ее решению, иногда описание психологических техник, доступных для выполнения самими клиентами. Такой текст может завершаться рекомендацией личного обращения к психологу для решения указанной проблемы. Характерным для данного типа текстов являются такие заголовки: Как справиться с тревогой, Как научить ребенка самостоятельности и пр.

Информационные тексты, как правило, написаны на какую-то определенную тему. Их было выделено 3 вида: информация о психологических понятиях (что такое тревожность, детско-родительские отношения и т. п.), информация о психологических проблемах (внутриличностные конфликты, семейные конфликты, нарушения коммуникации с ребенком и т. п.), информация о психологических направлениях консультирования, используемых методах. Структура таких текстов включает краткое описание сущности темы текста, информацию о факторах, процессе развития, видах. Данный текст может заканчиваться рекомендациями или может быть представлен без них. Отличие собственно информационных текстов от описания случая из практики, рассуждения на примере личной жизни, разбора психологических проблем состоит в отчетливо теоретическом характере. Информационные тексты похожи на лекции или выдержки из учебников. В отличие от текстов типа *ответ на вопрос*, они являются более развернутыми, отражают разные аспекты темы. Данный тип текстов тоже можно рассматривать в рамках техники интерпретации, т. к. он основан на объяснении сути психологических феноменов.

Информационные тексты, тексты *ответ на вопрос* и в какой-то мере остальные вышеописанные типы текстов мы рассматриваем как технику установления раппорта. Психолог, ведущий блог, не просто сообщает информацию о чем-то, но и рассказывает о своем понимании психологических качеств, процессов, проблем. Это происходит, даже если текст является заимствованным, т. к. он выбирается психологом на основе каких-либо личных предпочтений. В результате клиент, читающий тексты в блогах психолога, может выбрать для себя специалиста, который ему эмоционально или ментально близок.

Тексты по типу *10 причин ...* характеризуются тем, что в них информация четко структурирована. Например, дается 10 советов как справиться с тревогой, описывается 7 причин неудачных отношений с противоположным полом. Данные тексты являются типичными для различных сайтов, блогов в сети Интернет, не всегда психологического содержания. Их отличие от текстов типа *советы и рекомендации, информационных текстов* заключается в том, что они являются краткими по формулировкам, в отличие от первых, в которых дается развернутое описание действий, причин и пр. Тексты по типу *10 причин ...* удобны для чтения, но создают ощущение некой формальности.

Тексты о книгах известных психологов представлены в виде рекомендаций к их прочтению, указания на то, про

какие психологические проблемы пишет автор и какие способы психологической помощи предлагает. Данный тип текста может быть отнесен к технике психологического консультирования *совет*. На некоторых сайтах психологи выкладывают также выдержки из книг известных психологов, информацию о них. Эти типы текстов были отнесены нами к заимствованным.

Одним из типов текстов, размещаемых в блогах, являются *высказывания и цитаты*. Они тоже чаще являются заимствованными. Характерно, что психологи практически не приводят высказываний и цитат известных психологов. Как правило, это тексты писателей, известных людей или цитаты и высказывания, не имеющие авторства, заимствованные из разных ресурсов Интернета. Цитаты и высказывания редко комментируются психологами, ведущими блоги. Данный тип текстов ассоциируется нами с использованием техник психологического консультирования, основанных на метафорах. Еще один тип заимствованных текстов – *размещение притч, сказок* и т. п. К данным текстам могут прилагаться комментарии о темах, которым они посвящены. Данные типы текстов имеют прямое отношение к библиотерапии и сказкотерапии.

Все приведенные типы текстов психологов-практиков можно разделить на четыре категории: **сообщения** (содержат информацию, не несут никакой оценки, призыва к действию и пр., нейтральны в отношении воздействия на личность); **внушения** (содержат прямые указания на действия без дополнительных объяснений); **убеждения** (содержат аргументацию, логическое объяснение); **метафоры** (имеют явный подтекст). К текстам-сообщениям были отнесены информация об известных психологах, информационные тексты, если они не содержат рекомендации, позицию автора, тексты по типу *10 причин ...* К текстам-внушениям – советы и рекомендации, текстовые сообщения о мероприятиях и отчеты об их проведении, тексты по типу *10 причин ...* (если в них содержатся советы и рекомендации). К текстам-убеждениям – рассуждения на примере собственной личной жизни, рекомендации по чтению книг психологов, разбор психологических проблем, ответ на вопрос, описание случаев из практики, комментарии к фильмам и художественным произведениям. К метафорическим текстам относятся высказывания, цитаты, притчи, сказки. Выдержки из книг могут быть отнесены к любой из категорий в зависимости от содержания.

Далее был проведен анализ частоты представленности данных типов текстов в блогах психологов (табл. 2). Полученные результаты указывают на высокую вариативность использования разных типов текстов. Наиболее часто используемые тексты встречаются менее чем в половине блогов. Самые популярные тексты – разбор психологических проблем, советы и рекомендации, информационные тексты, высказывания и цитаты, описание случаев из практики. Достаточно популярны в использовании анонсы мероприятий и рассуждения на основе личного опыта.

Табл. 2. Представленность описываемых типов текстов в блогах психологов, %

Tab. 2. Types of texts in psychological feature blogs, %

Тип текста	В17.ru	Одноклассники
Анонсы мероприятий	15	30
Отчеты о мероприятиях	–	5
Рассуждения на примере личной жизни	35	10
Описание случаев из практики	30	30
Разбор психологических проблем	55	40
Комментарии к фильмам, художественным произведениям	20	–
Ответ на вопрос	10	20
Советы, рекомендации	35	40
Информационные тексты	50	25
10 причин ...	–	15
Рекомендации книг известных психологов	10	5
Выдержки из книг известных психологов	5	–
Информация об известных психологах	–	5
Высказывания, цитаты	–	65
Притчи, сказки	20	5

При выборе текстов предпочтения психологов, ведущих блог на специализированном сайте и в социальных сетях, заметно различаются. Особенно это касается цитат и высказываний, анонсов мероприятий, текстов по типу *10 причин ...*, которые чаще представлены или присутствуют только в блогах психологов в социальных сетях. В блогах психологов на специализированном сайте чаще используются, или только там и представлены, такие темы, как разбор психологических проблем, рассуждения на примере личной жизни, комментарии к фильмам или художественным произведениям, информационные тексты, притчи и сказки, выдержки из книг известных психологов. Различия, указанные выше, являются статистически значимыми ($\chi^2=31,76$; $p=0,000001$). Наряду с данными различиями проявляются и сходства. Так, описание случаев из практики используется в блогах психологов на специализированном сайте и в социальной сети с одинаковой частотой. Тексты, представляющие собой ответы на вопросы, советы и рекомендации, рекомендации книг известных психологов, используются также в близком числе случаев. Таким образом, в блогах психологов на специализированных сайтах, как правило,

встречаются следующие тексты: разбор психологических проблем, информационные, рассуждения на примере личной жизни, советы и рекомендации, описание случаев из практики. В блогах психологов, размещенных в социальной сети, наиболее часто представлены высказывания и цитаты, разбор психологических проблем, советы и рекомендации, описание случаев из практики.

Результаты исследования тематического содержания текстов блогов отражены в табл. 3. Было выделено 9 основных тем текстов, отражающих спектр рассматриваемых автором психологических проблем и представленных в анализируемых блогах. Среди выделенных тем наиболее популярными во всей выборке являются темы личностного роста, семейных и межличностных отношений. Наиболее заметно различается частота тематики межличностных отношений – тексты по данной теме значительно чаще встречаются в блогах в социальной сети. В блогах, ведущих психологами на специализированном сайте, темы текстов чаще связаны с детско-родительскими отношениями и психологией детей и подростков. Однако описанные различия между тематикой блогов психологов обеих групп не являются статистически значимыми ($\chi^2=6,607$; $p=0,158$).

Табл. 3. Тематическое содержание текстов в блогах психологов, %

Tab. 3. Topics of psychological blogs, %

Темы	В17.ru	Одноклассники
Семейные отношения (супружеские)	50	55
Детско-родительские отношения	30	15
Детская и подростковая психология	30	15
Психология женщины	5	15
Межличностные отношения	30	60
Личностное развитие	65	60
Эмоциональные состояния	30	20
Психосоматика	15	5
Психологические школы, методы	15	10

Заключение

Психологическое консультирование может осуществляться посредством различных текстовых техник и приемов, которые являются универсальными или же специфическими для различных направлений. Приемы и техники психологического консультирования, основанные на использовании текста, наиболее характерны для таких направлений психологического консультирования, как библиотерапия, сказкотерапия, НЛП, нарративная психология, скриботерапия и др. Применение текстовых техник и приемов является особенно актуальным для консультирования

в дистанционном формате. Текст выступает важным средством дистанционного психологического консультирования, используется для диагностических целей и оказания воздействия на клиента. Психологическое воздействие текста основано на его содержании и языковых средствах и обращено главным образом к интеллектуальной и ценностно-смысловой сфере реципиента.

Количество текстов в блогах, частота их обновления отличаются высокой вариативностью и зависят от личных предпочтений психолога-практика. Размещаемые в блогах тексты являются чаще авторскими, чем заимствованными. Особенности типов текстов, размещаемых психологами в блогах, зависят от типа сайта. Психологи-практики, ведущие блоги в социальной сети, используют типы текстов, характерные для данного вида интернет-ресурса. Тематика текстов в блогах психологов, напротив, существенно не зависит от сайта, на котором он размещен. Она представлена такими темами, как семейные и детско-родительские отношения, детская и подростковая психология, психология женщины, межличностные отношения, личностное развитие, эмоциональные состояния, психосоматика, психологические школы, методы психологической поддержки и т. п.

В текстах, размещаемых психологами-практиками в своих блогах, используются такие техники психологического консультирования, как вопросы, интерпретация, самораскрытие, раппорт, психологическая поддержка, а также техники библиотерапии и сказкотерапии, основанные на использовании метафор.

Использование техник и приемов, основанных на использовании текста, в рамках дистанционного консультирования имеет ряд ограничений, создавая определенные трудности в установлении продуктивного контакта с клиентом. Поэтому психологу необходимо четко определить потенциал данных техник и приемов, их способность содействовать клиенту в решении его психологической проблемы. Это предполагает информирование клиента о возможностях и ограничениях текстовых методов в дистанционном консультировании. Размещение текстов психологами в блогах должно содержать определение ответственности – следует указывать на то, что они носят информационный обобщенный характер, не являются прямыми указаниями к действию, для эффективного решения психологической проблемы клиенту следует обратиться за индивидуальной психологической консультацией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: В. И. Солдатов – формулирование общих целей и задач исследования, обзор и описание теоретического материала исследования, анализ и изложение полученных данных. М. С. Яницкий – подбор методологии исследования, анализ и изложение полученных теоретических данных. А. В. Серый – сбор данных и проведение предварительного анализа материала, анализ и изложение полученных данных. А. Г. Фомин – корректировка теоретического обзора научных работ, валидация полученных теоретических данных.

Литература

1. Гулина М. А. Терапевтическая и консультативная психология. СПб.: Речь, 2001. 350 с.
2. Серый А. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа построения обобщенной теории психологического консультирования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 132–142.
3. Абрамова Г. С. Психологическое консультирование: теория и практика. М.: Прометей, 2018. 362 с.
4. Уракова Ф. К. Текст как объект лингвистики // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. С. 64–66.
5. Глухов В. П. Основы психолингвистики. М.: АСТ; Астрель, 2005. 351 с.
6. Белянин В. П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2003. 232 с.
7. Яницкий М. С. Предмет и методологические основания судебно-психологической экспертизы текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 139–144.
8. Афанасьева Н. Е. Проблема дистанционного психологического консультирования // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły technicznej w Katowicach*. 2018. № 10. S. 273–286.
9. Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия / отв. ред. Н. А. Карпова. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014. 272 с.
10. Каяшева О. И. Техники сказкотерапии в психологическом консультировании: экзистенциальный подход // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. «XV Левитовские чтения». (Москва, 15–16 апреля 2020 г.) М.: МГОУ, 2020. С. 226–230.
11. Мещерякова Э. И. Клинико-феноменологический метод и текст // Сибирский психологический журнал. 2000. № 13. С. 60–66.
12. Мещерякова Э. И. Персональный миф в психологическом консультировании // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14–15. С. 91–95.
13. Меновщиков В. Ю. Этические вопросы консультирования он-лайн // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 89–95.

14. Солдатова В. И. Возможности и ограничения дистанционного психологического консультирования // Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика: мат-лы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 300-летию Кузбасса. (Кемерово, 1–30 апреля 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. С. 60–63.
15. Скипор С. И., Воробьева А. Е. Психологические особенности адаптации психологов к онлайнконсультированию во время пандемии COVID-19 // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 1. С. 61–73. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.5>
16. Гартфельдер Д. В. Дистанционная психологическая помощь: обзор современных возможностей и ограничений // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2016. Т. 12. № 3 С. 77–96.
17. Белинская Е. П. Совладание с трудностями в эпоху новых информационных технологий: возможности и ограничения // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2014v7n38/1061-belinskaya38.html> (дата обращения: 31.07.2021).
18. Карась И. С., Лукина А. А., Пушкарева В. И. Особенности психологической помощи в социальной сети Instagram // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 4. С. 103–114.
19. Грохол Дж. Лучшие практики в е-терапии: определение и возможности // Психологическое консультирование Онлайн. 2010. № 2. С. 54–55.
20. Ильин В. Узкие места интернет-консультирования и терапии, как в них «пролезть», и «чем»? // Психологическое консультирование Онлайн. 2010. № 2. С. 63–68.
21. Чайлддресс К. Потенциальные риски и выгоды психотерапевтических вмешательств онлайн // Психологическое консультирование Онлайн. 2010. № 2. С. 56–62.
22. Силенок И. К. Методические рекомендации по текстовому психологическому консультированию. Режим доступа: <https://oppl.ru/up/files/files/metodichka-po-tekstovomu-konsultirovaniu.pdf> (дата обращения: 31.07.2021).

original article

Text as a Means of Remote Psychological Counseling: Language and Semantics of Feature Blogs

Vera I. Soldatova

Ministry of Finance of Kuzbass, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-7864-8072>

Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>; avgrey@yahoo.com

Andrey G. Fomin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Received 2 Aug 2021. Accepted after peer review 6 Sep 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: Text is one of the main methods of interpersonal communication as it transmits values and meanings. The COVID-19 pandemic has made it an important tool of remote counseling. The research objective was to analyze the texts that psychologists use in remote psychological counseling. Methods of typology, content analysis, and comparison helped to identify the semantic content and linguistic means used in such texts. A questionnaire filled in by 40 psychologists who run feature blogs made it possible to study the psychological techniques they use for text-related counseling. Text proved to be an important means of diagnostics and therapy as it addresses the intellectual and value-semantic sphere of the recipient. Its psychological impact depends on its content and linguistic means. The texts of feature blogs revealed such techniques as interviewing, interpretation, self-disclosure, rapport, and psychological support, as well as metaphor-based fairytale- and bibliotherapy. However, techniques of text-related remote psychological counseling demonstrated a number of limitations. Therefore, therapists should inform clients about the limited efficiency of this method.

Keywords: remote counseling, psychological counseling techniques, client-consultant interaction, text therapy

Citation: Soldatova V. I., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Fomin A. G. Text as a Means of Remote Psychological Counseling: Language and Semantics of Feature Blogs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 729–739. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-729-739>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: V. I. Soldatova defined the research goals and objectives, reviewed available publications, and analyzed the data obtained. M. S. Yanitskiy selected the research methodology, as well as analyzed the theoretical data. A. V. Seryy collected the data, performed the preliminary analysis, and analyzed the data obtained. A. G. Fomin improved the review and validated the theoretical data.

References

1. Gulina M. A. *Therapeutic and counselling psychology*. St. Petersburg: Rech, 2001, 350. (In Russ.)
2. Seryy A. V. Value-semantic paradigm as the ground for the foundation of the generalized theory of psychological consultancy. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauk*, 2011, (2): 132–142. (In Russ.)
3. Abramova G. S. *Psychological counseling: theory and practice*. Moscow: Prometei, 2018, 362. (In Russ.)
4. Urakova F. K. Text as an object of linguistics. *Cultural Studies of Russian South*, 2007, (6): 64–66. (In Russ.)
5. Glukhov V. P. *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: AST; Astrel, 2005, 351. (In Russ.)
6. Belyanin V. P. *Psycholinguistics*. Moscow: Flinta, 2003, 232. (In Russ.)
7. Yanitskiy M. S. The subject and the methodological bases of judicial-psychological examination of the text. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (3): 139–144. (In Russ.)
8. Afanasieva N. E. Problem of remote psychological consulting. *Zeszyty naukowe wyższej szkoły technicznej w Katowicach*, 2018, (10): 273–286. (In Russ.)
9. *Bibliopsychology. Bibliopedagogy. Bibliotherapy*, ed. Karpova N. L. Moscow: Russkaia shkolnaia bibliotechnaia assotsiatsiia, 2014, 272. (In Russ.)
10. Kayasheva O. I. Fairy-tale therapy techniques in psychological counseling: an existential approach. *Relevant issues of theory and practice of psychological, psycho-pedagogical, and pedagogical research: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. XV Leviticus Readings*, Moscow, 15–16 Apr 2020. Moscow: MGOU, 2020, 226–230. (In Russ.)
11. Meshcheriakova E. I. The clinical-phenomenological method and text. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2000, (13): 60–66. (In Russ.)
12. Mescheriakova E. I. Personal myth in the psychological counselling. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2001, (14-15): 91–95. (In Russ.)
13. Menovschikov V. Yu. Ethical issues of on-line psychological counseling. *Cultural-Historical Psychology*, 2010, (1): 89–95. (In Russ.)
14. Soldatova V. I. Opportunities and limitations of remote psychological counseling. *Relevant issues of social and psychological sciences: theory, methodology, and practice: Proc. symposium at the XVI (XLVIII) Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 300th anniversary of Kuzbass*, Kemerovo, 1–30 Apr 2021. Kemerovo: KemGU, 2021, 60–63. (In Russ.)
15. Skipor S. I., Vorobiova A. E. Psychological characteristics of psychologists' adaptation to online counseling during the COVID-19 pandemic. *Russian Psychological Journal*, 2021, 18(1): 61–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.5>
16. Hartfelder D. V. Capabilities and limitations of modern telepsychology: an overview. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii*, 2016, 12(3): 77–96. (In Russ.)
17. Belinskaya E. P. Coping with challenges in the era of new information technologies: opportunities and limitations. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2014, 7(38). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1061-belinskaya38.html> (accessed 31 Jul 2021). (In Russ.)
18. Karas I. S., Lukina A. A., Pushkareva V. I. On some aspects of psychological assistance in Instagram. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2020, (4): 103–114. (In Russ.)
19. Grohol J. Best practices in e-therapy: definition and possibilities. *Psikhologicheskoe konsultirovanie Onlain*, 2010, (2): 54–55. (In Russ.)
20. Ilyin V. Bottlenecks of Internet-counseling and therapy, how to "crawl" into them and "with what"? *Psikhologicheskoe konsultirovanie Onlain*, 2010, (2): 63–68. (In Russ.)
21. Childress K. Potential risks and benefits of online psychotherapy interventions. *Psikhologicheskoe konsultirovanie Onlain*, 2010, (2): 56–62. (In Russ.)
22. Silenok I. K. *Methodological recommendations for textual psychological counseling*. Available at: <https://oppl.ru/up/files/files/metodichka-po-tekstovomu-konsultirovaniu.pdf> (accessed 31 Jul 2021). (In Russ.)

оригинальная статья

Психодиагностика экстремистских тенденций личности в образовательной среде

Анастасия Сергеевна Эльзесер

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Руслан Васитович Кадыров

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Татьяна Викторовна Капустина

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>;
12_archetypesplus@mail.ru

Поступила в редакцию 12.07.2021. Принята после рецензирования 03.08.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Настоящее исследование посвящено проблеме психодиагностики экстремистских тенденций личности в образовательной среде. На сегодняшний день проблема экстремизма является международной и приобретает все более острый характер, что обусловлено как легкостью распространения любой информации посредством современных средств коммуникации, так и разнообразием форм данного явления. Это обуславливает важность проблемы выявления индивидуально-психологических особенностей склонной к экстремизму личности для своевременного проведения комплекса мероприятий по психологической коррекции дезадаптивных черт в целях предотвращения возможных противоправных действий. Требуется разработки психодиагностический инструментарий, направленный на решение этой задачи. Поэтому цель данной работы состоит в изучении экстремистских тенденций личности в образовательной среде и описании их в контексте социально-психологической дезадаптации. Для экспресс-скрининга экстремистских тенденций среди старшеклассников применялась разработанная нами анкета, включающая следующие критерии: одиночество, признаки депрессивности, дегуманизация окружающих, декларирование превосходства, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. Эмпирическое исследование проводилось в школах г. Владивосток. Выборку исследования составили 157 старшеклассников, из них у 29 были выявлены экстремистские тенденции. Также использовались личностный опросник Г. Айзенка ЕР1, 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), шкала враждебности Кука-Медлей, методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса и проективная методика «12 архетипов плюс» Р. В. Кадырова, Т. В. Капустиной. Для статистической обработки использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни при уровне значимости не более 0,05. Все подсчеты были выполнены с применением программы STATISTICA 10.0. Полученные результаты позволяют говорить о кризисном состоянии и социальной дезадаптации лиц, склонных к экстремизму. В качестве способов выхода из данного состояния они могут избрать радикальные, насильственные действия. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о создании достаточно чувствительного инструмента диагностики экстремистских тенденций в контексте социально-психологической дезадаптации личности.

Ключевые слова: экстремизм, склонность к экстремизму, психодиагностика экстремизма, социально-психологическая дезадаптация, анкетирование

Цитирование: Эльзесер А. С., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. Психодиагностика экстремистских тенденций личности в образовательной среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 740–749. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-740-749>

Введение

В современном обществе проблема экстремизма является актуальной ввиду многообразия его проявления, что ставит перед отечественными и зарубежными учеными большое количество научных задач в изучении причинно-следственных факторов этого феномена и его форм [1–3]. Зарубежные психологические исследования экстремизма сосредоточены на следующих областях: 1) выявление факторов радикализации как предпосылок формирования экстремистских убеждений [2; 4–10]; 2) формулирование объясняющих моделей радикализации [11–14]; 3) анализ эффективности подходов к выявлению экстремистов [15–17]

и психодиагностических средств [3]; 4) способы профилактики экстремизма [18–20]. Следует отметить, что направленность большинства исследований на изучение факторов развития и проявления экстремистских форм социальной активности обусловлена не только их высоким потенциалом для профилактики насильственного экстремизма, но и неудачей в выявлении уязвимых к экстремизму групп путем диагностирования индивидуально-психологических характеристик.

Действительно, десятилетия исследований не смогли определить профиль экстремистской личности, спектр

личностных особенностей, которыми в большинстве случаев обладал бы каждый человек, участвующий в экстремистских формах социальной активности [21]. Трудность в понимании конкретных индивидуально-психологических характеристик личности экстремиста приводит исследователей этого направления к еще одной проблеме – проблеме диагностики личности, имеющей экстремистские тенденции, поскольку до конца не ясна однозначность предмета исследования. Помимо отсутствия четкости в изучении личности экстремиста или человека, имеющего склонность к экстремизму, можно выделить еще ряд диагностических проблем в данной области.

Большинство имеющихся в современной отечественной и зарубежной психологии методов диагностики экстремизма и радикализации личности разработаны для людей, уже совершивших противоправные действия. Вопросы в таких методиках (обычно опросниках) чаще имеют прямую форму, что при отсутствии шкалы лжи искажает получаемые в ходе диагностики результаты [22–28]. Также не всегда имеется информация о психометрических параметрах, либо она является неполной и / или фрагментарной. Другие варианты методик представляют собой список критериев, опираясь на которые, квалифицированный эксперт оценивает личность с точки зрения ее намерений, способностей, возможностей вовлечения в экстремистскую среду. При этом указанные критерии далеко не всегда представляют собой индивидуально-психологические характеристики [23; 29; 30]. Важно отметить, что специалисты по безопасности во многом обосновывают эти оценки риска своими «внутренними ощущениями» или профессиональной интуицией [15; 16].

В ранее проведенном исследовании, целью которого являлась первичная проверка внутренней валидности разработанной авторами методики, направленной на выявление тенденций к экстремизму и тенденции к дезадаптивному состоянию личности, была показана связь показателей экстремистских тенденций с социально-психологической дезадаптацией личности [31].

Среди зарубежных публикаций наблюдается большое число теоретических и эмпирических работ на выборках школьников, молодежи с экстремистскими взглядами [32; 33]. Как отмечает А. Harpviken, акценты современных исследований сместились не только на молодежный экстремизм, но и на понятие психологической уязвимости перед экстремистским влиянием [2]. Данное направление обладает широкими перспективами для практики. Так, S. Ozer и P. Bertelsen последовательно разрабатывают практико-ориентированный подход, связывающий возникновение экстремистских тенденций с недостаточностью жизненных навыков [6]. Выделяя единицы умений и задач, авторы описывают, как именно недостаточность тех или иных навыков приводит к невозможности справиться с жизненными ситуациями (задачами, трудностями), психологической

уязвимости и неудовлетворенности – факторам, ассоциируемым с экстремизмом.

Как полагает А. Harpviken, возрастной период старших школьников сам по себе может иметь решающее значение в выяснении и понимании взаимосвязи между психологической уязвимостью и экстремизмом. Широкий разброс факторов, перечисляемых автором в связи с экстремизмом (травматический опыт, ранняя социализация, предполагаемая дискриминация, реакция на изоляцию, делинквентность), может быть диагностирован через проявления социально-психологической дезадаптации [2].

Таким образом, мы будем рассматривать выраженные экстремистские тенденции личности как одну из форм социально-психологической дезадаптации. Следует отметить, что такое определение предмета исследования позволяет изучать тенденции к экстремизму, оставаясь в проблемном поле психологии и, в частности, клинической психологии.

Цель – изучить экстремистские тенденции личности в образовательной среде и описать их в контексте социально-психологической дезадаптации.

Методы и материалы

Для экспресс-скрининга экстремистских тенденций среди старшеклассников применялась разработанная анкета, включающая следующие критерии: одиночество; признаки депрессивности; дегуманизация окружающих; декларирование превосходства; привлекательность темы насилия; антиобщественные настроения.

Эмпирическое исследование проводилось в школах г. Владивосток. Выборку исследования представили 157 старшеклассников, учащихся 9–11 классов в возрасте 16–17 лет. Средний возраст исследуемых – 16,42. 12 респондентов были отсеяны, поскольку имели критичные баллы по шкале лжи методики ЕРІ Г. Айзенка. 145 исследуемых (70 лиц мужского пола, 75 – женского) были разделены на две группы. Основную группу исследования составили 29 респондентов (13 юношей, 16 девушек), имеющих экстремистские тенденции (тенденции к дезадаптивному состоянию, значения по анкете выше нормальных). Группа сравнения – 116 старшеклассников, не имеющих данной тенденции.

В работе использовались переработанная версия авторской методики диагностики экстремистских тенденций [31], личностный опросник Г. Айзенка ЕРІ [34], 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С, в адаптации А. Н. Капустиной) [35], шкала враждебности Кука-Медлей (СМНС) [36], методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса [37] и проективная методика «12 архетипов плюс» (12А+) Р. В. Кадырова, Т. В. Капустиной [38]. Для статистической обработки использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни при уровне значимости не более 0,05. Все подсчеты были выполнены с применением программы STATISTICA 10.0.

Результаты

На первом этапе исследования выборка была разделена на две группы. Разделение основывалось на первичных результатах, полученных по анкете, путем определения среднего значения и среднего квадратичного отклонения ($M=11,84$; $\sigma=6,38$). Таким образом, в основную группу (29 человек) исследования были определены старшеклассники, у которых данные по анкете соответствовали значениям от 19 баллов. Соответственно, группа сравнения была представлена 116 респондентами, имеющими значения по анкете ниже 19 баллов. Как видим, количество исследуемых в группах значительно отличается, однако такое распределение предопределено спецификой используемого диагностического инструмента. Действительно, анкета представляет собой скрининг-метод, предназначенный выявить группу с выраженными социально-дезадаптивными чертами, поэтому полученные результаты являются закономерными.

С помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни было проведено сопоставление полученных результатов двух групп по шкалам всех используемых методик, значимые показатели представлены в таблице.

Согласно методике Р. Кеттелла, для старшеклассников, имеющих экстремистские тенденции, характерны более высокие значения по факторам М, О и Q₄, что характеризует их как более тревожных, неуверенных, углубленных в себя, интересующихся смыслом жизни, склонных к чувству вины, внутренней напряженности и имеющих избыток побуждений, не получающих разрядки. Фактор М относится

к группе факторов интеллектуальных свойств и отражает склонность к мечтательности, которая может служить компенсацией при социальной изоляции в текущем коллективе, а также позволяет сохранять приверженность ценностям значимой группы, которая у мечтательной личности может быть воображаемой либо располагаться в виртуальной среде. Склонность испытывать чувство вины при переживании неудач может приводить к обесцениванию текущих достижений и затруднять прохождение экзистенциального кризиса [39].

Сочетание факторов О и Q₄ из группы эмоциональных свойств указывает на тревогу и беспокойство, связанные с сожалением о прошлых поступках, неуверенностью в будущем в целом, трудностями в преодолении препятствий, неприятием себя – все это может приводить к депрессивным реакциям [40]. Болезненное отношение к критике в свой адрес и недоверие к позитивному отклику затрудняют установление крепких социальных связей [41]. Фиксация на негативных сторонах окружающей действительности, переживание одиночества на фоне экзистенциального кризиса (отсутствие смыслов, разочарование в собственном будущем) могут способствовать отвержению окружения, неприятию общества и его ценностей. Описанные факторы сами по себе содержат риски суицидального поведения, однако приверженность экстремистской виртуальной группе может оформить суицидальные тенденции в виде поведения, представляющего и общественную опасность. Так, одним решительным действием террорист-смертник

Табл. Статистически выявленные значимые различия (U-критерий Манна-Уитни) в основной группе и группе сравнения

Tab. Statistically significant differences (Mann-Whitney U-test) in the main group and the comparison group

Шкала	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z	Уровень достоверности, p-level
16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла			
Фактор MD (неадекватность самооценки)	530,0	-2,41	0,016
Фактор C (эмоциональная стабильность)	531,0	-2,40	0,016
Фактор H (смелость)	571,5	-2,05	0,041
Фактор M (мечтательность)	571,0	2,07	0,041
Фактор O (тревожность)	512,5	2,55	0,010
Фактор Q ₄ (внутренняя напряженность)	551,0	2,23	0,026
Шкала враждебности Кука-Медлей (CMHS)			
Цинизм	528,0	2,41	0,015
12 Архетипов плюс (Р. В. Кадыров, Т. В. Капустина)			
Архетип Сироты	539,0	2,32	0,019
Методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса			
Катастрофизация	527,0	-2,42	0,015
Долженствование в отношении себя	419,0	-3,34	0,001
Оценочная установка	303,0	-4,32	0,001
Оценка фрустрационной толерантности	483,5	-2,79	0,004
Оценка степени рациональности мышления	243,0	-4,83	0,001

или школьный стрелок преодолевает разочарование в себе [1], зная, что приобретет авторитет (посмертный) у значимой группы.

Более высокие значения в группе сравнения по факторам MD, C, H указали на более низкие значения по этим шкалам у основной группы, что подтверждает описанные выше характеристики: излишнюю критичность по отношению к себе (MD-), эмоциональную неустойчивость, тревожность, раздражительность и нетерпеливость (C-), недовольство собой и трудности в установлении социальных контактов (H-). Описанные факторы осложняют благоприятное прохождение кризиса, а социальная изоляция приводит к значительному увеличению времени, проводимого в сети [42], снижает уровень психического и физического здоровья подростка [43].

Шкала враждебности Кука-Медлей (CMHS) показала, что в структуре личности основной группы преобладает цинизм как индивидуальная характеристика личности. Склонность к пренебрежительному и презрительному отношению к нормам морали и культурным ценностям отчасти отвечает критерию анкеты *антиобщественные настроения* и позволяет объяснить возникновение таких экстремистских проявлений, как дегуманизация окружающих и привлекательность темы насилия. Ранее мы описали кризисное состояние, в котором находится старший школьник с экстремистскими тенденциями личности. На пороге юношества и перемен, переживая одиночество и предвидя грядущие социальные требования, критерии успеха, которые кажутся недостижимыми на фоне собственной некомпетентности, личность может пойти по пути отвержения этих требований и общества в целом [44]. Это проявляется у школьника с экстремистскими тенденциями в цинизме как защитной стратегии, который выходит на первый план и становится частью самоидентификации. Провозглашение собственных антиобщественных ценностей и попытка компенсации одиночества приведут к самостоятельному поиску единомышленников – реальных или виртуальных маргинальных групп – или даже к попытке их создания.

Проективная методика «12 Архетипов плюс» показала преобладание в структуре личности старшеклассников, склонных к экстремизму, архетипа Сироты. В данном типе личности представлены характеристики, которые соотносятся с представленным нами портретом экстремиста по опроснику Р. Кеттелла: достаточно выраженная самокритичность, склонность недооценивать свои возможности, знания и способности, чувствительность, тревожность, ранимость, настроение зависит от одобрения или неодобрения со стороны окружающих, необщительность и предпочтение уединения. Безынициативность и пассивность соотносятся с неготовностью к преодолению препятствий. Однако наличествуют черты, которым требуется найти объяснение. Так, представители данного типа личности изначально ориентированы на общепринятые нормы поведения, им сложно отстоять свою точку зрения, они

легко поддаются чужому влиянию. Можно предположить, что подверженность общепринятым нормам поведения способна некоторое время маскировать экзистенциальный кризис: выработка собственного смысла жизни подменяется общепринятыми критериями успеха и планами на будущее. Однако впоследствии в связи с ощущением одиночества и собственной несостоятельности в решении настоящих и будущих проблем общепринятый путь представляется непреодолимым, наступает разочарование, нарастает потребность в защите. Восстав против общественных норм, личность с экстремистскими тенденциями может выбирать согласно своим ценностям единомышленников, а также легко воспринимать их влияние, что будет способствовать радикализации – заострению экстремистских тенденций.

Результаты по методике А. Эллиса показали наличие иррациональных установок, выраженных у основной группы и достоверно меньше представленных в группе сравнения: согласно данной методике, чем ниже значения, тем выше сила иррациональной установки. Преобладание иррациональных установок указывает на личностный кризис, переживаемый школьниками, склонными к экстремизму. Так, установка *Катастрофизация* связана с преувеличением значимости событий и готовностью придавать им негативное значение. Выраженность установки *Долженствование в отношении себя* указывает на неадекватно негативное восприятие себя как личности и высокую вероятность наличия внутриличностного конфликта. Шкала *Оценочная установка* определяет высокую склонность к иррациональной оценке других людей: отдельный поступок или черты другого экстраполируются на восприятие его личности в целом. Наличие данной установки способно объяснить, как может происходить и поддерживаться отвержение непосредственного окружения. Низкая фрустрационная толерантность соответствует полученным данным о неготовности к преодолению препятствий, усугубляет нахождение в кризисных ситуациях и повышает психоэмоциональное напряжение. Низкие показатели по шкале *Оценка степени рациональности мышления* указывают на чрезвычайно малые возможности своими силами справиться с собственными иррациональными установками и выстроить рациональную стратегию выхода из кризиса.

Следует отметить, что не было выявлено различий по методике Г. Айзенка (шкалам экстраверсии / интроверсии и нейротизма). Отсутствие различий по шкале нейротизма указывает на то, что агрессивные и насильственные действия в случае экстремистских тенденций не должны объясняться одной импульсивностью. Вероятно, данные по методике Г. Айзенка косвенно подтверждают, что экстремистские тенденции не заложены в темпераменте, а являются отражением актуального состояния социальной дезадаптации личности.

Полученные результаты в целом позволяют объяснить механизм выхода из кризиса, при котором избирается самое радикальное, насильственное и опасное поведение,

а также указывают на то, что состоявшийся экстремист не обязательно был одурманен экстремистами-сектантами, но, вероятно, в определенный момент своей жизни сам искал возможность бросить вызов обществу через путь насилия.

Заключение

Во-первых, понятие экстремистских тенденций является достаточно размытым, и в действительности очень сложно понять, какими личностными чертами должен обладать человек, способный к противоправным экстремистским действиям. Однако изучение экстремистских тенденций в контексте социально-психологической дезадаптивности личности позволяет выявлять группу риска, т. е. тех лиц, которые в большей степени подвержены восприятию экстремистских идеологий и которых с большей вероятностью могут склонить к противоправным действиям экстремистского характера.

Во-вторых, если рассматривать склонность к экстремизму или экстремистские тенденции через призму социально-психологической дезадаптации личности, сопоставляя эти понятия с психологической уязвимостью, то следует подчеркнуть значимость и необходимость проведения подобного рода исследований с целью выявления в образовательной среде лиц, находящихся в ситуации переживания личностного кризиса, психическое состояние которых может приводить к негативным последствиям. В ходе проведения исследования был получен психологический портрет личности, являющейся психологически уязвимой, склонной отвергать общество и подверженной отвержению с его стороны. Взаимное отвержение, в свою

очередь, может провоцировать такого человека на асоциальные и антисоциальные поступки.

В-третьих, проведенное исследование показало, что примерно 20 % исследуемых являются психологически уязвимыми, имеют дезадаптивные черты, им требуется психологическая помощь и поддержка, оказание которых стабилизирует их состояние, улучшает психическое здоровье. Подобные меры способны стать самым ранним этапом профилактики экстремизма в образовательной среде.

В-четвертых, разработанная авторами настоящей статьи анкета является достаточно чувствительным скрининг-методом, позволяющим диагностировать экстремистские тенденции с позиции социально-психологической дезадаптивности личности.

Таким образом, цель настоящего исследования была достигнута, полученные результаты ставят дальнейшие задачи в направлении изучения экстремистских тенденций как проявления социально-психологических дезадаптивных личностных черт.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Приморского края, проект № 11-06-00241 «Способ диагностики экстремистских тенденций личности в образовательных учреждениях Приморского края».

Литература

1. Грачёв Ю. А., Петров И. Ю., Сагайдак А. Ю. Эмоционально-мотивационные аспекты личности террориста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3. С. 101–104.
2. Harpviken A. N. Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. P. 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108-y>
3. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, radicalisation, extremism, authoritarianism and fundamentalism: a systematic review of the quality and psychometric properties of assessments // PLoS ONE. 2016. Vol. 11. № 12. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
4. Harrington N. Irrational beliefs and socio-political extremism // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2013. Vol. 31. № 3. P. 167–178. <https://doi.org/10.1007/s10942-013-0168-x>
5. Kunst J. R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55–59. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.010>
6. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // Scandinavian Journal of Psychology. 2020. Vol. 61. № 5. P. 642–651. <https://doi.org/10.1111/sjop.12636>
7. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 120. P. 75–80. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.029>
8. Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. I. Psychological mechanisms involved in radicalization and extremism. A rational emotive behavioral conceptualization // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>
9. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The three Ps of radicalization: push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43. № 10. P. 854–885. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686>

10. Webber D., Kruglanski A. W. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 131–134. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.024>
11. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who are the European youths willing to engage in radicalisation? A multidisciplinary review of their psychological and social profiles // *European Psychiatry*. 2018. Vol. 52. P. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>
12. Khalil J., Horgan J., Zeuthen M. The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of violent extremism // *Terrorism and Political Violence*. 2019. Vol. 31. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1699793>
13. Kruglanski A. W., Fernandez J. R., Factor A. R., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 116–123. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>
14. Jasko K., LaFree G., Kruglanski A. W. Quest for significance and violent extremism: the case of domestic radicalization // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. № 5. P. 815–831. <https://doi.org/10.1111/pops.12376>
15. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth // *Crime, Law and Social Change*. 2020. Vol. 73. № 2. P. 491–507. <https://doi.org/10.1007/s10611-019-09877-y>
16. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2019. Vol. 11. № 3. P. 191–214. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
17. Stickings J., Abaida M., Nikolaishvili M., Bakrania S., Fisher A. Identifying groups vulnerable to violent extremism and reducing risks of radicalisation. London: Department for International Development, 2019. 44 p.
18. Aldahadha B. Disputing irrational beliefs among convicted terrorists and extremist beliefs // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2018. Vol. 36. № 2. P. 404–417. <https://doi.org/10.1007/s10942-018-0293-7>
19. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student crisis prevention in schools: The NETWorks Against School Shootings program (NETWASS) – An approach suitable for the prevention of violent extremism? // *International Journal of Developmental Science*. 2019. Vol. 13. № 3-4. P. 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>
20. Grossman M., Hadfield K., Jefferies Ph., Gerrand V., Ungar M. Youth resilience to violent extremism: development and validation of the BRAVE measure // *Terrorism and Political Violence*. 2020. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1705283>
21. Pisou D., Zick A., Srowig F., Roth V., Seewald K. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror – the German contribution in a context // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. Vol. 14. № 2. P. 1–12. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3803>
22. Денисова Д. М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // *Труды СПИИРАН*. 2012. № 2. С. 228–237.
23. Egan V., Cole J., Cole B., Alison L., Alison E., Waring S., Elntib S. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? // *Journal of Threat Assessment and Management*. 2016. Vol. 3. № 1. P. 21–36. <https://doi.org/10.1037/tam0000058>
24. Furnham A., Horne G., Grover S. Correlates of the militant extremist mindset // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02250>
25. McCauley C. Predictors of activism and radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government. 2015. 429 p.
26. Moskalenko S., McCauley C. Measuring political mobilization: the distinction between activism and radicalism // *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 21. № 2. P. 239–260. <https://doi.org/10.1080/09546550902765508>
27. Saunders B., Ngo J. The right-wing authoritarianism scale // *Encyclopedia of personality and individual differences* / eds. V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Berlin: Springer International Publishing, 2017. P. 1–4. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
28. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: Proviolence, Vile World, and Divine Power // *Psychological assessment*. 2010. Vol. 22. № 1. P. 70–86. <https://doi.org/10.1037/a0016925>
29. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. An examination of the structural properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+); a structured formulation tool for extremist offenders // *Terrorism and Political Violence*. 2019. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1598392>
30. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders. 2019. 17 p.
31. Эльзесер А. С., Мандрыкина А. В., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. Индивидуально-психологические характеристики старшеклассников, имеющих тенденцию к экстремизму // *Человеческий капитал*. 2021. № 3. С. 193–203. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.17>

32. Cherney A., Belton E., Norham S. A. B., Milts J. Understanding youth radicalisation: an analysis of Australian data // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2020. <https://doi.org/10.1080/19434472.2020.1819372>
33. Coid J. W., Bhui K., MacManus D., Kallis C., Bebbington P., Ullrich S. Extremism, religion and psychiatric morbidity in a population-based sample of young men // The British Journal of Psychiatry. 2016. Vol. 209. № 6. P. 491–497. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.116.186510>
34. Айзенк Г., Вильсон Г., Джексон К. Личностный профиль по Айзенку. Руководство. М.: Когито-центр, 1999. 53 с.
35. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб.: Речь, 2004. 99 с.
36. Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. 2-е изд., доп. М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. 720 с.
37. Каменюкин А. Г., Ковпак Д. В. Стресс-менеджмент. 3-е изд. СПб.: Питер, 2012. 208 с.
38. Капустина Т. В. Экспресс-диагностика типов личности: проективный метод: дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2019. 229 с.
39. Селезнёва Н. Т., Рубленко Н. В., Тодышева Т. Ю. Жизнеспособность личности. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2015. 308 с.
40. Zhou J., Li X., Tian L., Huebner S.E. Longitudinal association between low self-esteem and depression in early adolescents: the role of rejection sensitivity and loneliness // Psychology and Psychotherapy: Theory Research and Practice. 2020. Vol. 93. № 1. P. 54–71.
41. Петухова Л. П., Серегина Н. В., Степченко Т. А. Чувство одиночества и внутриличностные конфликты в старшем подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-3. С. 304–307.
42. Dembińska A., Kłosowska J., Ochnik D. Ability to initiate relationships and sense of loneliness mediate the relationship between low self-esteem and excessive internet use // Current Psychology. 2020. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01138-9>
43. Грицина О. П., Транковская Л. В., Семанов Е. В., Лисецкая Е. А. Факторы, формирующие здоровье современных детей и подростков // Тихоокеанский медицинский журнал. 2020. № 3. С. 19–24. <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-19-24>
44. Adam-Troian J., Tecmen A., Kaya A. Youth extremism as a response to global threats? A threat-regulation perspective on violent extremism among the youth // European Psychologist. 2021. Vol. 26. № 1. P. 15–28. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000415>

original article

Psychodiagnostics of Extremist Personality Tendencies in School Environment

Anastasia S. Elzesser

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok; <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Ruslan V. Kadyrov

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok; <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Tatyana V. Kapustina

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok; <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>; 12_archetypesplus@mail.ru

Received 12 Jul 2021. Accepted after peer review 3 Aug 2021. Accepted 9 Aug 2021.

Abstract: This research featured the psychodiagnostics of extremist tendencies in school environment. Extremism is a dangerous international phenomenon that can take many forms, especially on the Internet. Students prone to extremism should be detected as soon as possible and be subjected to a proper psychological correction in order to prevent illegal actions in the future. The detection procedure requires a set of reliable psychodiagnostic tools. The present research objective was to study the extremist tendencies of students and describe them in the context of socio-psychological maladjustment. The express screening of extremist tendencies was based on an authentic questionnaire, which included the following criteria: loneliness, signs of depression, dehumanization of the other, declaration of one's own superiority, attraction to violence, and antisocial sentiment. The empirical study involved 157 high school students of Vladivostok (Russia), of whom 29 demonstrated extremist tendencies. Other techniques included G. Eysenck's EPI personality questionnaire, R. Cattell's 16-factor personality questionnaire (form C), Cook-Medley hostility scale, A. Ellis's method of diagnosing irrational attitudes, and Twelve Archetypes+ projective

method developed by R. V. Kadyrov and T. V. Kapustina. Nonparametric Mann-Whitney U-test ($\leq 0,05$) and STATISTICA 10.0 were used for statistical processing. The results obtained revealed the state of crisis and social maladjustment of students prone to extremism, who may choose radical and violent actions to cope with this state. The developed method proved to be a sensitive and reliable tool for diagnosing extremist tendencies in the context of socio-psychological maladjustment in school environment.

Keywords: extremism, inclination to extremism, psychodiagnostics of extremism, socio-psychological maladjustment, questioning

Citation: Elzesser A. S., Kapustina T. V., Kadyrov R. V. Psychodiagnostics of Extremist Personality Tendencies in School Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 740–749. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-740-749>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: The research was supported by the Government of the Primorye Territory, project No. 11-06-00241 "A method for diagnosing extremist personality tendencies in educational institutions of the Primorye Territory".

References

1. Grachyov Yu. A., Petrov I. Yu., Sagaidak A. Yu. Emotional-motivational aspects of the individual terrorist. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, (3): 101–104. (In Russ.)
2. Harpviken A. N. Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review. *Adolescent Research Review*, 2020, (5): 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108-y>
3. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, radicalisation, extremism, authoritarianism and fundamentalism: a systematic review of the quality and psychometric properties of assessments. *PLoS ONE*, 2016, 11(12). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
4. Harrington N. Irrational beliefs and socio-political extremism. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 2013, 31(3): 167–178. <https://doi.org/10.1007/s10942-013-0168-x>
5. Kunst J. R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 2020, (35): 55–59. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.010>
6. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2020, 61(5): 642–651. <https://doi.org/10.1111/sjop.12636>
7. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism. *Personality and Individual Differences*, 2018, 120: 75–80. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.029>
8. Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. I. Psychological mechanisms involved in radicalization and extremism. A rational emotive behavioral conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>
9. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The three Ps of radicalization: push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, 43(10): 854–885. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686>
10. Webber D., Kruglanski A. W. The social psychological makings of a terroris. *Current Opinion in Psychology*, 2018, 19: 131–134. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.024>
11. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who are the European youths willing to engage in radicalisation? A multidisciplinary review of their psychological and social profiles. *European Psychiatry*, 2018, 52: 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>
12. Khalil J., Horgan J., Zeuthen M. The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of violent extremism. *Terrorism and Political Violence*, 2019, 31: 1–27. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1699793>
13. Kruglanski A. W., Fernandez J. R., Factor A. R., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*, 2019, 188: 116–123. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>
14. Jasko K., LaFree G., Kruglanski A. W. Quest for significance and violent extremism: the case of domestic radicalization. *Political Psychology*, 2017, 38(5): 815–831. <https://doi.org/10.1111/pops.12376>
15. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Crime, Law and Social Change*, 2020, 73(2): 491–507. <https://doi.org/10.1007/s10611-019-09877-y>

16. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019, 11(3): 191–214. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
17. Stickings J., Abaida M., Nikolaishvili M., Bakrania S., Fisher A. *Identifying groups vulnerable to violent extremism and reducing risks of radicalisation*. London: Department for International Development, 2019, 44.
18. Aldahadha B. Disputing irrational beliefs among convicted terrorists and extremist beliefs. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 2018, 36(2): 404–417. <https://doi.org/10.1007/s10942-018-0293-7>
19. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student crisis prevention in schools: The NETWorks Against School Shootings program (NETWASS) – An approach suitable for the prevention of violent extremism? *International Journal of Developmental Science*, 2019, 13(3-4): 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>
20. Grossman M., Hadfield K., Jefferies Ph., Gerrand V., Ungar M. Youth resilience to violent extremism: development and validation of the BRAVE measure. *Terrorism and Political Violence*, 2020, 1–21. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1705283>
21. Pisou D., Zick A., Srowig F., Roth V., Seewald K. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror – the German contribution in a context. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020, 14(2): 1–12. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3803>
22. Denisova D. M. F-scale as a method of estimating of the authoritarian potential at the personality level. *Trudy SPIIRAN*, 2012, (2): 228–237. (In Russ.)
23. Egan V., Cole J., Cole B., Alison L., Alison E., Waring S., Elntib S. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? *Journal of Threat Assessment and Management*, 2016, 3(1): 21–36. <https://doi.org/10.1037/tam0000058>
24. Furnham A., Horne G., Grover S. Correlates of the militant extremist mindset. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02250>
25. McCauley C. *Predictors of activism and radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government*, 2015, 429.
26. Moskalenko S., McCauley C. Measuring political mobilization: the distinction between activism and radicalism. *Terrorism and Political Violence*, 2009, 21(2): 239–260. <https://doi.org/10.1080/09546550902765508>
27. Saunders B., Ngo J. The right-wing authoritarianism scale. *Encyclopedia of personality and individual differences*, eds. Zeigler-Hill V., Shackelford T. Berlin: Springer International Publishing, 2017, 1–4. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
28. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: Proviolence, Vile World, and Divine Power. *Psychological assessment*, 2010, 22(1): 70–86. <https://doi.org/10.1037/a0016925>
29. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. An examination of the structural properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+); a structured formulation tool for extremist offenders. *Terrorism and Political Violence*, 2019. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1598392>
30. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. *The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders*, 2019, 17.
31. Elzesser A. S., Mandrykina L. V., Kapustina T. V., Kadyrov R. V. Individual psychological characteristics of elder graduates with a tendency to extremism. *Chelovecheskii kapital*, 2021, (3): 193–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.17>
32. Cherney A., Belton E., Norham S. A. B., Milts J. Understanding youth radicalisation: an analysis of Australian data. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. <https://doi.org/10.1080/19434472.2020.1819372>
33. Coid J. W., Bhui K., MacManus D., Kallis C., Bebbington P., Ullrich S. Extremism, religion and psychiatric morbidity in a population-based sample of young men. *The British Journal of Psychiatry*, 2016, 209(6): 491–497. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.116.186510>
34. Eysenck H., Wilson G., Jackson C. *Eysenck's personality profile. Manual*. Moscow: Kogito-tsentr, 1999, 53. (In Russ.)
35. Kapustina A. N. *Cattell's 16 Personality Factors Test*. St. Petersburg: Rech, 2004, 99. (In Russ.)
36. Kozlov V. V., Mazilov V. A., Fetiskin N. P. *Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups*, 2nd ed. Moscow: Institut psikhoterapii i klinicheskoi psikhologii, 2018, 720. (In Russ.)
37. Kamenyukin A. G., Kovpak D. V. *Stress management*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2012, 208. (In Russ.)
38. Kapustina T. V. *Express diagnostics of personality types: projective method*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Khabarovsk, 2019, 229. (In Russ.)
39. Selezneva N. T., Rublenko N. V., Todysheva T. Yu. *Vitality of personality*. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafieva, 2015, 308. (In Russ.)

40. Zhou J., Li X., Tian L., Huebner S. E. Longitudinal association between low self-esteem and depression in early adolescents: the role of rejection sensitivity and loneliness. *Psychology and Psychotherapy: Theory Research and Practice*, 2020, 93(1): 54–71.
41. Petukhova L. P., Seregina N. V., Stepchenko T. A. Feelings of loneliness and intrapersonal conflicts during adolescence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2019, 63(3): 304–307. (In Russ.)
42. Dembińska A., Kłosowska J., Ochnik D. Ability to initiate relationships and sense of loneliness mediate the relationship between low self-esteem and excessive internet use. *Current Psychology*, 2020. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
43. Gritsina O. P., Trankovskaya L. V., Semaniv E. V., Lisetskaya E. A. Factors forming the health of modern children and adolescents. *Pacific Medical Journal*, 2020, (3): 19–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-19-24>
44. Adam-Troian J., Tecmen A., Kaya A. Youth extremism as a response to global threats? A threat-regulation perspective on violent extremism among the youth. *European Psychologist*, 2021, 26(1): 15–28. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000415>

оригинальная статья

Опыт анализа структуры заимствованного макроконцепта (на примере макроконцепта *армия*)

Алексей Борисович Бодриков

Институт иностранных языков, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>; bodrik1987@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.07.2021. Принята после рецензирования 27.08.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: Цель – описать базовые признаки в структуре заимствованного макроконцепта *армия*. Задачи: определить мотивирующие и выявить понятийные признаки макроконцепта *армия*. Актуальность проводимого исследования состоит в определении базовых признаков изучаемого макроконцепта и их особенностей, а также рассмотрении когнитивных признаков данного макроконцепта в аспекте русской ментальности. В ходе исследования основного репрезентанта в девяти этимологических словарях было выявлено 6 мотивирующих признаков, в девяти толковых словарях и языковом материале – 32 понятийных признака макроконцепта *армия*, которые можно представить в виде 6 блоков: 1. Виды и рода военных соединений (11 признаков): воздушные; (полевые) войска; вооруженные (мотивирующий признак *вооружать*); (высшее войсковое / крупное) соединение; морские; в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил; противоположность гвардии; один / различные род(а) войск; ракетные; сухопутные (пехотинцы / кавалерия); без привилегий. 2. Вооруженные люди (7 признаков): большевистские (военные силы) / Красная Армия; (военная) рать; воинство; совокупность; силы; состав из (нескольких) корпусов и дивизий; часть действующих вооруженных сил (на фронте). 3. Предназначение (6 признаков): война; делать способным к борьбе (мотивирующий); для ведения военных операций; защита (государства); обеспечение неприкосновенности границ и независимости государства; служба. 4. Боевое оснащение (4 признака): оружие (мотивирующий); прибор (мотивирующий); снабжать (мотивирующий); снаряжать (мотивирующий). 5. Руководство (2 признака): государственное; под общим началом главного военачальника. 6. Объединение людей по некому признаку (2 признака): большое количество людей (объединенных общим признаком: профессия, социальное положение, одинаковая проблема); пролетариат / рабочие / трудящиеся.

Ключевые слова: мотивирующие признаки, понятийные признаки, концептуальная структура, языковая картина мира, лингвокультурология

Цитирование: Бодриков А. Б. Опыт анализа структуры заимствованного макроконцепта (на примере макроконцепта *армия*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 750–759. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-750-759>

Введение

Существенный вклад в современную лингвистику внесла теория ментальности. Данная теория помогает исследователям языка обращать внимание на особенности восприятия мира, которые наглядно проявляются в аспекте концептуальных исследований [1–11]. «Человек живёт в контексте культуры. Она является для него "второй реальностью"» [12, с. 3]. То, что отсутствует в одной культуре, заимствуется из другой. В отечественной лингвистике появились работы, в которых обобщаются итоги анализа структур заимствованных концептов [13 и др.]. Развитие структуры заимствованного концепта или макроконцепта имеет свои особенности, отличающие его от исконных ментальных образований.

Рабочим термином статьи является *макроконцепт*. «Под *макроконцептом* понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [14, с. 32]. Макроконцепты стали отдельным объектом исследования недавно. «Макроконцепты отличаются: 1) набором и количеством признаков, входящих в их структуры;

2) акцентированностью внимания на отдельных когнитивных признаках и / или их группах; 3) отображением комплекса когнитивных признаков в структурах концептов, относящихся к сфере определенного макроконцепта» [15, с. 92].

Методы исследования. Работа выполнена в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. К основным в статье относятся метод компонентного анализа словарных дефиниций основного репрезентанта концепта, описательный, концептуальный и интерпретативный методы исследования. Семантическая структура слова двусоставна, в ней выделяются лексема (материальный компонент) и семема (идеальный компонент) [16, р. 6]. Семема, в свою очередь, состоит из сем – элементарных единиц смысла, являющихся концептуальными признаками. А. П. Бабушкин отмечал, что «через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке, "улавливаем" концепты» [17, с. 53]. Контекстуальный и словарный анализ слова – репрезентанта исследуемого макроконцепта – верный способ реконструкции базовых признаков его структуры.

Литературный обзор. В современной лингвистике отмечен ряд статей, объектом исследования которых является концепт *армия*. Однако эти работы носят фрагментарный характер, т. к. исследуют его отдельные стороны. Данный концепт изучается в аспекте языкового сознания иностранных военнослужащих [18], с позиций ассоциативно-вербального поля в русском языковом сознании [19], на материале текстов СМИ [20], в рамках представлений военнослужащих и гражданского населения [21].

Существует ряд работ, в которых объектом исследования выступают смежные с *армией* концепты. Ранее мы проанализировали структуру концепта *воин* в русской языковой картине мира и в сознании носителей современного русского языка [22; 23]. С. Б. Волкова обращается к теме концепта *military service* в аспекте его актуализации в художественном дискурсе [24]. Е. А. Огнева описывает несколько моделей субфреймов *офицер Белой армии*, *командир Красной армии*, *воины* [25]. Н. В. Рабкина в своей диссертации объектом исследования избирает концепт *war*, материалом для исследования стала англоязычная военная поэзия [26]. И. В. Смолин рассматривает концепт *патриотизм* в рамках дискурса российской армии в СМИ [27]. О. П. Фесенко делает обзор работ, объединенных темой «концепт *победа*» [28]. Как видно из приведенного перечня, макроконцепт *армия* с позиций комплексного анализа его структуры изучен не был, в этом и состоит научная новизна проводимого исследования.

Мотивирующие признаки макроконцепта *армия*

Макроконцепт *армия* относится к разряду заимствованных, показателем этого служит слово – основной репрезентант макроконцепта. Заимствование происходит двумя способами: когда концепт лакунарный и когда концепт заменяет исконный. Исконно русским макроконцептом, отображающим национальную ментальность, является *войско*. По В. В. Колесову, «Без изменения слова и без последовательных замен лексемами, лишь отчасти совпадающими по исходному смыслу, трудно было бы фиксировать в сознании сдвиги, связанные с формированием нового для культуры понятия» [29, с. 269]. Слово *армия* не вытеснило исконно русское *войско*. Почему так произошло, еще

предстоит выяснить. «Если когда-нибудь будет создан словарь ментефактов современной российской культуры, то можно будет сравнить доли национально-маркированных, заимствованных и национально-нейтральных ментальных образований» [30, с. 89]. Под заимствованным концептом понимается пришедшее из других культур ментальное образование без мотивирующих признаков.

Для решения первой поставленной задачи были проанализированы девять этимологических словарей русского языка. Слово *армия* пришло в русский язык из немецкого (*Armee*), куда оно попало из французского языка (*armée*)¹. Эту точку зрения высказывает М. Фасмер². А. К. Шапошников в своем словаре уточняет, что слово могло прийти из голландского языка: «голл. *armée*»³. П. Я. Черных предполагает, что слово могло прийти в русский язык из какого-то западно-европейского языка⁴. Французское слово *armée*, в свою очередь, является производным от латинского *armer* «снаряжать, снабжать»⁵. Слово *арма* в Древнем Риме означало «оружие»⁶. Н. В. Горяев разделяет это мнение, автор словаря отмечает, что *армия* может происходить от слова *armare*⁷. Г. П. Цыганенко пишет об этом же, выделяя дополнительные компоненты значения *делать способным к борьбе и прибор*⁸. «В русском языке слово употребляется с 1704 г. со значением "войско". <...> Прилагательное *армейский* впервые письменно встречается в Уставе воинском (1716 г.)»⁹. В русском языке слово появилось в XVIII в.¹⁰ в форме *армея*. Внедрение слова *армия* в лексический состав русского языка обусловлено воинскими реформами, которые были произведены в этой сфере Петром I.

Результаты компонентного анализа основного репрезентанта макроконцепта *армия* в этимологических словарных статьях приведены в табл. 1, где наглядно представлены шесть определенных мотивирующих признаков анализируемого заимствованного макроконцепта. Но ни один из указанных в табл. 1 этимологических словарей не приводит их полного набора.

Как отмечают исследователи, «мотивирующий признак заимствованного концепта неизвестен из-за незнания исходного языка» [31, с. 143]. Актуальность обнаруженных мотивирующих признаков макроконцепта *армия* позволит

¹ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 22.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. I. С. 87.

³ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. I. С. 33.

⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. I: А–Пантомима. М.: Рус. яз., 1999. С. 52.

⁵ Армия // Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/setuonov/a/армия> (дата обращения: 21.02.2021).

⁶ Армия // Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/a/армия> (дата обращения: 21.02.2021).

⁷ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1896. С. 6.

⁸ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2 изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. С. 19.

⁹ Там же.

¹⁰ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. I: А. М.: МГУ, 1963. С. 145.

Табл. 1. Мотивирующие признаки макроконцепта *армия* по данным этимологических словарей русского языкаTab. 1. Motivating signs of the *army* macroconcept according to the etymological dictionaries of the Russian language

№	Мотивирующие признаки	Горяев Н. В.	Крылов Г. А.	Семенов А. В.	Успенский Л. В.	Фасмер М.	Цыганенко Г. П.	Шанский Н. М.	Шапошников А. К.	Черных П. Я.
1	вооружать	+	+	+	–	+	+	+	+	+
2	делать способным к борьбе	–	–	–	–	–	+	–	–	–
3	оружие	+	–	–	+	–	+	+	–	–
4	прибор	–	–	–	–	–	+	–	–	–
5	снабжать	–	–	+	–	+	–	–	+	+
6	снаряжать	–	–	+	–	+	+	–	+	+

определить языковой материал из Национального корпуса русского языка¹¹ (НКРЯ).

Мотивирующий признак *вооружать* объективируется глагольными конструкциями: *К моменту начала локального конфликта военная реформа завершена и армия перевооружена* (2012: год фиктивных перемен // Русский репортер. 2012); *Если этот проект станет программой, <...> то лет через пятнадцать российская армия вооружится новейшей техникой...* (Хмелик Н. Мечты российской оборонки); конструкциями с полными и краткими прилагательными: *И вот тогда, в первых числах июня, к столице двинулась уже другая, хорошо вооруженная армия* (Овчинников В. В. Размышления странника); *Российская армия никогда не была так хорошо вооружена, как в это время* (Колоницкий Б. И. Слухи о заговорах опаснее заговоров // Огонек. 2016). Этот признак может быть выражен описательно: *В ближайшие два года армия США может получить на вооружение первые боевые лазеры...* (Para Bellum // Знание – сила. 2011); *Несомненно, сказались на этой переоценке и надежды на то, что грузинская армия прекрасно оснастилась в течение нескольких лет поступающим из США, Украины, Румынии, Израиля первоклассным современным вооружением* (Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость).

Существуют многообразные способы актуализации признака *делать способным к борьбе*. Одними из них являются существительное *боеготовность* и его производные: *Боеготовная и достаточная по численности армия, <...> и – самое главное – универсальная жизненная и государственная идеология* (Аванесов А. Почему Америка не победит? // Спецназ России. 15.05.2003); *К тому же Германия благоразумно помещена «союзниками» по НАТО в такие условия, что повышать боеготовность и наращивать военную мощь немецкая армия практически не может*

(Аванесов А. Почему Америка не победит?), а также именная конструкция *способ борьбы* и глагол *бороться*: *Если бы Буш и его соратники смогли бы выработать серьезную идеологию, отказались бы от чисто военных способов борьбы за мировое господство, а предпочитали бы завоевывать сердца покоренных людей, как это делали римляне, если бы американская армия в самом деле беспристрастно боролась бы с терроризмом и наркоторговлей, а не брала бы их под свой контроль...* (Аванесов А. Почему Америка не победит?). Частотными выступают описательные способы выражения этого признака: *190 лет назад, 24 июня 1821 года, в ходе освободительной войны латиноамериканцев против испанского господства вооруженной борьбы за независимость Симона Боливара армия вождя одержала блестящую победу над испанским королевским войском* (Явелов Б. Календарь «З-С»: июнь // Знание – сила. 2011); *Предусмотрен также переход к компактной и мобильной армии современного типа, <...> способной активно участвовать в многонациональных операциях по поддержанию и установлению мира, а также противостоять новым, нетрадиционным угрозам* (Реформирование ВС Швеции // Зарубежное военное обозрение. 26.07.2004).

Признак *оружие* вербализуется соответствующим именем: *Но завтра потребуются уже иное оружие и другая армия* (Ямшанов Б. Сергей Иванов перекрестил реформу // Российская газета. 03.04.2003) – и производным существительным *вооружение*: *Наряду с танками японская армия сокращает и другие виды обычных вооружений* (Особенности финансирования военного строительства в Японии // Зарубежное военное обозрение. 25.10.2004); *Многочисленная армия с быстро устаревающим вооружением, со своеобразной тактикой, обусловленной особенностями Гражданской войны, с командным составом, не имеющим профессиональной подготовки, была для молодого*

¹¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 21.02.2021).

советского государства уже непосильной (Рука об руку с армией // Вестник авиации и космонавтики. 25.02.2004).

Признак *прибор* в современном русском языке трансформируется в *спецсредство*: Кроме того, на группу возлагались задачи по разведке ангольского ВМФ и группировки советского ВМФ в портах Анголы и Мозамбика и снабжению оппозиционному правительству Анголы и Мозамбика вооруженных движений (УНИТА и РЕНАМО) вооружением и *спецсредствами* для проведения «особых операций» (Военно-морской спецназ ЮАР // Солдат удачи. 03.11.2004).

Мотивирующий признак *снабжать* объективируется производным существительным: *Армия может поверить мне, что я сделаю всё, от меня зависящее, для её снабжения* и *своевременного деблокирования* (Гроссман В. Жизнь и судьба). Этот признак реализует значение материально-технического обеспечения армии.

Примеры из НКРЯ показывают актуальность признака *снаряжать*: Страна, достаточно замороженная при Николае I, проиграла Крымскую войну отчасти потому, что *армия* была вооружена не винтовками, а ружьями (которые продолжали чистить кирпичом, не слушая лесковского Левшу) и флот не имел пароходов, отчасти из-за того, что *нужное снаряжение* разворовывалось (Харитонов М. С. Стенография конца века). Снаряжение понимается как оснащение армии: В этой работе *армия* располагает преимуществом перед ВМС, где в аналогичных целях предполагается использование ракет «Рейтеон» Стандарт SM-4 (LASM – «Стандарт» для атак наземных целей), *оснащаемых* новым боевым *снаряжением* (Коровин В. Новости за рубежом // Воздушно-космическая оборона. 15.04.2002). Такое оснащение дополняет армейское вооружение: В-третьих – из полной уверенности в том, что при социализме, который наступит уже завтра, в крайнем случае – послезавтра, Красная *Армия* получит все, о чем сегодня можно только мечтать: и танки, и пушки, и самолеты, и автомашины, и соответствующее *снаряжение*, и лучшего качества, и в нужном количестве (Гелер Ю. Война и мир генерала Свечина // Знание – сила. 1998).

Собранный материал демонстрирует многочисленные контексты, где встречается несколько мотивирующих признаков. Вооружать и оружие: Все современное идет

на экспорт, а собственная *армия вооружена* устаревшим *оружием* (Волков В. Тот, кто посвятил жизнь службе в ВС, должен быть готов к риску // Известия. 03.03.2003). Снабжать и оружие: Разведгруппа командос предназначалась для проведения секретных морских и подводных диверсионных операций, в т. ч. для организации диверсий в сопредельных странах, через которые шло *снабжение* из СССР и с Кубы *оружием*, боевой техникой, продовольствием ангольской *армии* (ФАПЛА), кубинского экспедиционного корпуса, боевых структур АНК («Умконтто ве сизве» – «Копье нации») и СВАПО (ПЛАН – Народно-освободительная *армия* Намибии) (Военно-морской спецназ ЮАР // Солдат удачи. 03.11.2004) и т. д. Приведенные в статье примеры доказывают это.

Как показывает анализ языкового материала, все мотивирующие признаки макроконцепта *армия* актуальны. Из этого следует, что мотивирующие признаки перешли в разряд понятийных в структуре изучаемого макроконцепта. Структура концепта «изменчива во времени, что обусловлено в целом многочисленными лингвокультуральными факторами (социально-экономическими трансформациями общества, сменой моральных ценностей, выбором ценностных приоритетов и т. п.; языковыми изменениями – заимствованиями, деривационными процессами, метафоризацией, метонимией и т. п.)» [32, с. 68].

Понятийные признаки макроконцепта *армия*

Для определения понятийных признаков макроконцепта *армия* было взято 9 толковых словарей русского языка (табл. 2). В словаре Т. Ф. Ефремовой отмечается, что *армия* – это «Сухопутные вооруженные силы (в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил); пехотинцы»¹². В Большом академическом словаре (БАС) указывается обратное: «Совокупность вооруженных сил государства (сухопутных, морских, воздушных)»¹³. Д. В. Дмитриев добавляет к ним ракетные войска¹⁴. У В. И. Даля находим: «сила, пешая и конная, кроме морской»¹⁵. С. А. Кузнецов во втором значении слова *армия* пишет: «сухопутные вооруженные силы (в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил)»¹⁶. Это значение подтверждают словари С. И. Ожегова¹⁷, МАС¹⁸ и Словарь иностранных слов¹⁹. Мотивирующий признак *оружие*, актуальный

¹² Армия // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/a/армия> (дата обращения: 21.02.2021).

¹³ Словарь современного русского литературного языка. Т. I: А–Б. М.–Л.: АН СССР, 1950. Стб. 187–188.

¹⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. С. 35.

¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. 2-е изд. СПб.–М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. С. 23.

¹⁶ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 46–47.

¹⁷ Ожегов С. И. Толковый онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/a/армия> (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁸ Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I: А–Й. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. С. 45.

¹⁹ Армия // Словарь иностранных слов. Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Армия-в-словаре-Иностранных-Слов> (дата обращения: 30.03.2021).

для современного русского макроконцепта *армия*, указан только в словаре Д. Н. Ушакова²⁰. Мотивирующие признаки *делать способным к борьбе, прибор, снабжать, снаряжать*, сохранившие свою актуальность и сейчас, в толковых

словарях русского языка не обнаружены. Мотивирующий признак *вооружать* трансформировался; он упоминается в толковых словарях как *вооруженные* (вербализуемый словосочетанием *вооруженные силы*).

Табл. 2. Понятийные признаки макроконцепта *армия* по данным толковых словарей русского языка

Tab. 2. Concept signs of the *army* macroconcept according to the Russian explanatory dictionaries

№	Понятийные признаки	БАС	Даль В. И.	Амитриев А. В.	Ефремова Т. Ф.	Кузнецов С. А.	МАС	Ожегов С. И.	Словарь иностранных слов	Ушаков Д. Н.
1	большевистские (военные силы) / Красная Армия	–	–	+	–	+	–	–	–	–
2	большое количество людей (объединенных общим признаком: профессия, социальное положение, одинаковая проблема)	–	–	+	+	+	+	+	+	–
3	(военная) рать	–	+	–	–	–	–	–	–	–
4	воздушные	+	–	+	–	+	+	–	–	–
5	воинство	–	+	–	–	–	–	–	–	–
6	война	–	–	–	–	–	–	–	–	+
7	(полевые) войска	+	+	+	+	+	–	+	+	+
8	вооруженные (мотивирующий признак <i>вооружать</i>)	+	–	+	+	+	+	+	+	–
9	(высшее войсковое / крупное) соединение	+	–	+	+	+	+	+	+	+
10	государственное	+	+	+	+	+	+	+	+	+
11	делать способным к борьбе (мотивирующий)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12	для ведения военных операций	–	–	+	–	+	+	+	+	+
13	защита (государства)	+	–	–	–	–	–	–	–	–
14	морские	+	–	+	–	+	+	–	–	–
15	обеспечение неприкосновенности границ и независимости государства	+	–	–	–	–	–	–	–	–
16	один / различные род(а) войск	–	–	+	+	+	+	–	–	–
17	в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил	–	–	–	–	+	+	+	+	–
18	оружие (мотивирующий)	–	–	–	–	+	–	+	–	+
19	прибор (мотивирующий)	–	–	–	–	–	–	+	–	–
20	противоположность гвардии	–	+	–	–	+	+	+	+	+
21	без привилегий	+	–	–	+	+	+	–	–	–
22	под общим началом главного военачальника	–	+	–	–	–	–	–	–	–
23	пролетариат / рабочие / трудящиеся	+	–	–	–	–	–	–	–	–
24	ракетные	–	–	–	+	–	–	–	–	–
25	силы	+	+	+	+	+	+	+	+	+
26	служба	–	–	+	–	–	–	–	+	–
27	снабжать (мотивирующий)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
28	снаряжать (мотивирующий)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
29	совокупность	+	–	–	+	+	+	–	–	+
30	состав из (нескольких) корпусов и дивизий	+	–	+	+	+	+	+	+	–
31	сухопутные (пехотинцы / кавалерия)	+	+	+	+	+	+	+	+	+
32	часть действующих вооруженных сил (на фронте)	+	–	–	–	–	+	+	+	+

²⁰ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. С. 21.

Обращение к девяти толковым словарям позволило выделить 29 понятийных признаков, три из которых восходят к мотивирующим. Еще три мотивирующих признака, не указанные в толковых словарях, обнаружены в языковом материале, следовательно, их тоже можно причислить к классу понятийных. Всего было выделено 32 понятийных признака в структуре заимствованного макроконцепта *армия*, что превышает количество мотивирующих признаков в 5 раз. Рассмотрим вопрос об актуальности указанных в словарях понятийных признаков в собранном языковом материале.

В целом *армия* – это вооруженные люди, определяемые по признакам: большевистские (военные силы) / Красная Армия: *Защитница страны – Красная Армия* – была *растоптана в спину* (Гелер Ю. Война и мир генерала Свечина); (военная) *рать*: *Здесь будет вся королевская рать – армия генерала Паулюса* (Кудерин Д. Молекула Пушкина // Волга. 2011); *воинство*: *Летом 1940 года, когда Красная Армия двинулась присоединять к СССР Бессарабию и Северную Буковину, советские командиры смогли по достоинству оценить румынское воинство* (Кустов М. Кто проиграл Сталинград? // Совершенно секретно. 02.03.2003); *совокупность*: *Номера частей, соединений, объединений (38-я армия и т. п.)* (Владимов Г. Н. Генерал и его армия); *силы*: *В Крыму противник имел превосходящие силы (11-я немецкая армия и два румынских корпуса – всего 15 дивизий, осадная артиллерия большой мощности, в том числе две 600-мм гаубицы и 800-мм пушка «Дора», снаряд которой весил 7100 кг, а также немецко-румынские морские силы)* (Басов А. «Севастополь придется оставить...» // Родина. 1996); *состав* из (нескольких) корпусов и дивизий: *В его состав вошли войска, оборонявшие Москву и Московский промышленный район, Ленинградская армия ПВО: 2 корпуса ПВО, 3 дивизии ПВО; воздушная истребительная армия в составе одного корпуса и семи дивизий* (Хюпенен А. Структура войск ПВО: что было, что есть, что будет // Воздушно-космическая оборона. 2002); *часть действующих вооруженных сил (на фронте)*: *Тогда в составе фронта была целая польская армия во главе с генералом Берлингом* (Голицын С. М. Записки беспогонника).

Армию формируют различные виды и рода военных соединений, определяемых по признакам: *воздушные*: *Да хоть вся Вторая воздушная армия*, – сказал я (Лазарчук А., Успенский М. Посмотри в глаза чудовищ); (полевые) *войска*: *Именно из-за нехватки тяжелой полевой артиллерии в боях 1914–1915 годов французская армия терпела неудачи* (Маликов В. По целям ближним и дальним // Техника – молодежи. 1987); (высшее войсковое / крупное) *соединение*: *В освобождении этих стран вместе с другими соединениями участвовала и славная 18-я десантная армия* (Брежнев Л. И. Малая земля); *морские*: *Армия заказывала бомбардировщики и истребители по своим требованиям, военно-морские силы – по своим* (Бакурский В. А., Новиков М. Самолеты Японии // Авиация и космонавтика. 1994);

в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил: ... *Военная операция: восемь человек вооруженных милиционеров, а за ними сухопутная армия, морской и воздушный флот Советского Союза – все против одного человека, вооруженного одним лишь оружием: словом...* (Чуковская Л. К. Процесс исключения); *противоположность гвардии*: *И потом: где та самая 200 000 армия плюс ударная гвардия и проч.* (Черняев А. С. Дневник); *один / различные род(а) войск*: *Квантунская армия продолжала усиливаться. Предполагалось, что она начнет действовать после решающих побед Германии и при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых сил и артиллерии – на две трети* (Медведев Р. Иосиф Сталин и Иосиф Апанасенко // Наш современник. 15.08.2003); *ракетные*: *Уже к 2008 году армия станет в основном профессиональной, будет усиливаться и модернизироваться, особенно ее ракетно-ядерные войска и флот* (Буслаев В. Приморье и президентское послание // Ежедневные новости (Владивосток). 2003); *сухопутные (пехотинцы / кавалерия)*: *Основное значение должны получить сухопутная армия и воздушный флот* (Солоневич И. Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения); *без привилегий*: *Армия – снятое молочко: сливки всегда в гвардию уплывают* (Васильев Б. Картежник и брелер, игрок и дуэлянт).

У армии свое предназначение, определяющееся понятиями признаками: *война*: *Эта армия была обреченной на предстоящую войну*, когда бы та ни случилась (Крышук Н. Грустный человек); *делать способным к борьбе (восходящий к мотивирующему признаку)*: *Новая головка будет иметь отличия от варианта ГСН, ранее разработанного Raytheon для придания ракетам системы «Пэтриот» способности бороться с высокоточными крылатыми ракетами, с тем, чтобы армия использовала РАС-3 только для борьбы с баллистическими ракетами* (Коровин В. Новости за рубежом // Воздушно-космическая оборона. 2002); *для ведения военных операций*: *Через семь недель после высадки, 25 июля, американская армия генерала Паттона начала операцию «Кобра»* (Аничкин А. Плацдармы памяти // Огонек. 2014); *защита (государства)*: *Всему миру тогда было ясно, что не русская зима, а героическая Советская Армия, весь советский народ, поднявшись на защиту своей Родины, выиграли одну из крупнейших битв Великой Отечественной войны* (Болдин И. Памятные бои // Красная звезда. 12.12.1956); *обеспечение неприкосновенности границ и независимости государства*: *Это обусловлено тем, что армия является не только гарантом суверенитета и территориальной целостности государства, но и надежным инструментом в руках правительства при решении задач, связанных с обеспечением внутривнутриполитической стабильности* (Сухопутные войска Нигерии // Зарубежное военное обозрение. 27.09.2004); *служба*: *Но военком на этом*

не успокоился и заявил, что принято решение **призвать** меня из запаса **на** действительную **службу** в инженерные войска, так как **армия** нуждается в квалифицированных кадрах (Левин Б. Блажущие огни).

Вся группа признаков боевого оснащения макроконцепта армия восходит к мотивирующим: оружие: Таким образом, к началу мировой войны русская армия не имела ни одного **орудия**, специально сконструированного **для стрельбы** по воздушному флоту (Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну); прибор: Это хорошо **оснащенная армия**, призванная наступать и вторгаться (Солоухин В. А. Владимирские просёлки); снабжать: **Армия** должна быть обути, одета, накормлена, **снабжена** боеприпасами (Некрасов В. В окопах Сталинграда); снаряжать: **Армия получала ещё больше** орудий, танков, самолётов, пулемётов, автоматов, миномётов, боеприпасов, **снаряжения**, продовольствия (Сталин И. В. Приказ Верховного Главнокомандующего 1 мая 1943 года). Другими словами, в аспекте ментальности русского народа эта группа понятийных признаков подтверждает слова, приписываемые французскому императору Наполеону Бонапарту: Если народ не хочет кормить (снабжать, содержать) свою армию, он кормит чужую.

Военные объединения находятся под руководством военачальников. Подчинение армии бывает: государственное: Ни один из **государственных** и общественных институтов (правительство, парламент, партии, **армия**, церковь, СМИ) ныне в России не пользуется ни доверием, ни уважением (Бовт Г., Бабаева С. Две страны одного президента // Известия. 15.12.2002); под общим началом главного военачальника: Я готов этому верить, ибо к сентябрю в распоряжении **командующего фронтом** только и оставалась 14 **армия**, которой непосредственно **командовал** Щербаков, одна дивизия из 19 армии и танки, так что функция **командующего фронтом** тут была вроде бы вообще не ясна (Дьяконов И. М. Книга воспоминаний). Армия в России находится в прямом подчинении президента, являющегося одновременно Главнокомандующим Вооружённых сил страны. При этом существует иерархия военных руководителей: от министра обороны до военачальников.

Кроме того, **армией** в русском языке называется некое объединение людей по признакам: большое количество людей (объединённых общим признаком: профессия, социальное положение, одинаковая проблема): Следующие несколько цифр показывают, как неуклонно растёт во время кризиса **армия безработных** в капиталистических государствах (Гнедин Е. В Стране Советов нет безработицы // Известия. 07.11.1930); пролетариат / рабочие / трудящиеся: Из России в Харбин нагрянула **армия строителей (инженеры, рабочие)**... (Ильина Н. И. Дороги и судьбы). Этот понятийный признак не акцентирует внимание

на вооружении, оружии, а основан на восприятии армии как большого скопления людей.

Заключение

Особенностью структуры заимствованного макроконцепта армия является скачкообразное развитие его базовых признаков – от шести мотивирующих до 32 понятийных признаков. При заимствовании внутренняя форма иноязычного слова неизвестна носителям заимствующего языка. По прошествии времени понятийная база макроконцепта армия существенно пополнилась. При этом исконно русское слово войско в русском языке сохранилось, в описании армии это слово чаще используется в форме множественного числа (войска).

Выделенные понятийные признаки можно представить в виде шести блоков – именно с этими областями знаний в основном ассоциируется армия как макроконцепт:

1. Виды и рода военных соединений (11 признаков): воздушные; (полевые) войска; вооружённые (мотивирующий признак **вооружать**); (высшее войсковое / крупное) соединение; морские; в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил; противоположность гвардии; один / различные род(а) войск; ракетные; сухопутные (пехотинцы / кавалерия); без привилегий.

2. Вооружённые люди (7 признаков): большевистские (военные силы) / Красная Армия; (военная) рать; воинство; совокупность; силы; состав из (нескольких) корпусов и дивизий; часть действующих вооружённых сил (на фронте).

3. Предназначение (6 признаков): война; делать способным к борьбе (мотивирующий); для ведения военных операций; защита (государства); обеспечение неприкосновенности границ и независимости государства; служба.

4. Боевое оснащение (4 признака): оружие (мотивирующий); прибор (мотивирующий); снабжать (мотивирующий); снаряжать (мотивирующий).

5. Руководство (2 признака): государственное; под общим началом главного военачальника.

6. Объединение людей по некому признаку (2 признака): большое количество людей (объединённых общим признаком: профессия, социальное положение, одинаковая проблема); пролетариат / рабочие / трудящиеся.

Армия отнесена к разряду макроконцептов потому, что представляет собой родовое понятие Вооружённых сил страны. Все указанные выше блоки выступают видowymi понятиями, ассоциируемыми с армией. Основная часть признаков, составляющих эти блоки, является самостоятельными концептами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы / отв. ред. А. О. Чубарьян, В. В. Согрин. М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 75–89.
2. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. 326 с.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
5. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. 240 с.
6. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. 621 с.
7. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. 3-е изд., доп. М.: Флинта; Наука, 2016. 134 с.
8. Ментальность и язык / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. 256 с.
9. Ментальность и изменяющийся мир / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с.
10. Пименова М. В. Семантика языковой ментальности и импликации // Филологические науки. 1999. № 4. С. 80–82.
11. Почепцов Г. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
12. Логический анализ языка: культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1991. 203 с.
13. Пименова М. В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. Вып. 9. С. 26–37.
14. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.
15. Пименова М. В., Бакирова А. А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
16. Lehrer A. Semantic fields and lexical structure. Amsterdam-London-N. Y.: North-Holland Publishing Company, 1974. 46 p.
17. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 52–57.
18. Аллахвердиев Э. З. Концепт «армия» в языковом сознании иностранных военнослужащих // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2017. № 1. С. 106–108.
19. Довголюк М. Н. Ассоциативно-вербальное поле «Армия» в русском языковом сознании (социокультурный и гендерный аспекты) // Научный диалог. 2015. № 12. С. 49–59.
20. Неровная Н. А., Зацепин П. К., Выскребенцев Н. И. Концепт «Армия России» в русском языковом сознании (на материале анализа текстов СМИ) // Research Innovations 2019: сб. ст. Междунар. науч.-исслед. конкурса. (Петрозаводск, 23 сентября 2019 г.) Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука», 2019. С. 104–107.
21. Косьяненко С. А. Концепт «армия» в представлении военнослужащих и гражданского населения // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: мат-лы III Междунар. науч.-методич. конф. (Омск, 26 мая 2017 г.) М.: Изд-во Ипполитова, 2017. Т. 1. С. 42–46.
22. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Формирование лингвокультурологической компетенции у курсантов военных вузов: на материале концепта *воин* // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 13. № 2. С. 117–123. <https://doi.org/10.21209/2542-0089-2018-13-2-117-123>
23. Крюкова Н. Ф., Бодриков А. Б. Концепт *воин* в аспекте лексикографических источников // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2019. № 2. С. 19–26.
24. Волюка С. Б. Концепт "military service" и его составляющие в художественном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. С. 87–94.
25. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. доп. М.: Эдитус, 2013. 280 с.
26. Рабкина Н. В. Концепт WAR в англоязычной военной поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 200 с.
27. Смолин И. В. Дискурс российской армии в СМИ как поле реализации концепта «патриотизм» // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 228–231.
28. Фесенко О. П. Концепт «победа» в русской лингвокультуре: обзор // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: мат-лы Междунар. науч.-методич. конф. (Омск, 27 марта 2015 г.). Омск: ОмЮИ, 2016. С. 58–62.
29. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 4. Мудрость слова. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 480 с.
30. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А. А., Борискина О. О., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: КемГУ, 2009. С. 59–103.

31. Пименов Е. А., Пименова М. В. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК» / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: Графика, 2005. Вып. 5. С. 143–177.
32. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.

original article

Macroconcept *Army*: Analyzing the Structure of a Borrowed Macroconcept

Alexei B. Bodrikov

Institute of Foreign Languages, Russia, St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>; bodrik1987@yandex.ru

Received 30 Jul 2021. Accepted after peer review 27 Aug 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: The research objective was to describe the structure of the borrowed macroconcept *army*, i.e. to determine its motivating and concept signs in the Russian mentality. The study involved nine etymological dictionaries and revealed six motivating signs, while nine explanatory dictionaries and language material made it possible to identify 32 conceptual signs: 1. Types and kinds of military units (eleven signs): air; (field) troops; armed (motivating signs *to arm*); (highest military / large) unit; naval; as opposed to naval and air forces; opposite of the elite military units; one / different branches of the armed forces; missile; ground (infantry / cavalry); without privileges. 2. Armed people (seven signs): Bolshevik (military forces) / Red Army; (military) men; army; aggregate; forces; composition of (several) corps and divisions; part of the active armed forces (at the front). 3. Purpose (six signs): war; to make capable of fighting (motivating signs); for conducting military operations; protection (of the state); ensuring the inviolability of borders and independence of the state; service. 4. Combat equipment (four signs): weapon (motivating signs); device (motivating signs); supply (motivating signs); to equip (motivating signs). 5. Leadership (two signs): state; under the general command of the chief military leader. 6. Association of people on a certain basis (two signs): a large number of people (united by a common feature: profession, social status, the same problem); proletariat / workers / workers.

Keywords: motivating signs, concept signs, conceptual structure, language picture of the world, cultural linguistics

Citation: Bodrikov A. B. Macroconcept *Army*: Analyzing the Structure of a Borrowed Macroconcept. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 750–759. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-750-759>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Gurevich A. Ya. Mentality issues in modern historiography. *General history: discussion and new approaches*, eds. Chubarian A. O., Sogrin V. V. Moscow: Nauka, 1989, iss. 1, 75–89. (In Russ.)
2. Kolesov V. V. Mental characteristics of the Russian word in the language and in philosophical intuition. *Languages and ethnic mentality*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1995, 13–24. (In Russ.)
3. Kolesov V. V. *Ancient Russia: word heritage. The world of man*. St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2000, 326. (In Russ.)
4. Kolesov V. V. *Philosophy of the Russian word*. St. Petersburg: Iuna, 2002, 448. (In Russ.)
5. Kolesov V. V. *Language and mentality*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2004, 240. (In Russ.)
6. Kolesov V. V. *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2006, 621. (In Russ.)
7. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *The linguistic basis of the Russian mentality*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 134. (In Russ.)
8. *Mentality and language*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: KemGU, 2006, 256. (In Russ.)
9. *Mentality and the changing world*, ed. Pimenova M. V. Sevastopol: Ribest, 2009, 504. (In Russ.)
10. Pimenova M. V. Semantics of linguistic mentality and implication. *Philological Sciences*, 1999, (4): 80–82. (In Russ.)
11. Pocheptsov G. G. Linguistic mentality: way of representing the world. *Voprosy Jazykoznanija*, 1990, (6): 110–122. (In Russ.)
12. *Logical analysis of language: cultural concepts*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Nauka, 1991, 203. (In Russ.)

13. Pimenova M. V. Deception of imaginary worlds (the world of illusions: a case experience of a borrowed concept). *Concept and language picture of the world*, eds. E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Kemerovo: KemGU, 2006, iss. 9, 26–37. (In Russ.)
14. Pimenova M. V. *Concepts of the inner world (Russian-English correspondence)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 497. (In Russ.)
15. Pimenova M. V., Bakirova A. A. Symbolic macroconcept of the universe in the aspect of the first sign in Russian linguoculture. *Humanitarian Vector*, 2021, 16(1): 92–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
16. Lehrer A. *Semantic fields and lexical structure*. Amsterdam-London-N. Y.: North-Holland Publishing Company, 1974, 46.
17. Babushkin A. P. Concepts of different types in vocabulary and phraseology and methods of their identification. *Methodological problems of cognitive linguistics*, ed. Sternin I. A. Voronezh: VGU, 2001, 52–57. (In Russ.)
18. Allahverdiev E. Z. Concept "army" in the linguistic consciousness of foreign members of the military. *Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii*, 2017, (1): 106–108. (In Russ.)
19. Dovgolyuk M. N. Associative and verbal field "Army" in Russia linguistic consciousness (sociocultural and gender aspects). *Nauchnyi dialog*, 2015, (12): 49–59. (In Russ.)
20. Nerovnaya N. A., Zatsepin P. K., Vyskrebentsev N. I. Concept "Russian Army" in the Russian language cognition (based on the material of mass media publication). *Research Innovations 2019: Proc. Intern. Research Competition*, Petrozavodsk, 23 Sep 2019. Petrozavodsk: MTsNP "Novaia Nauka", 2019, 104–107. (In Russ.)
21. Kosyanenko S. A. The concept of "army" in the view of military personnel and civilians. *Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects*: Proc. III Intern. Sci.-Method. Conf., Omsk, 26 May 2017. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2017, vol. 1, 42–46. (In Russ.)
22. Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Formation of cadets linguocultural competence in military institutes on the basis of the voin (warrior) concept. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2018, 13(2): 117–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/2542-0089-2018-13-2-117-123>
23. Krukova N. F., Bodrikov A. B. Voin (warrior) concept in the aspect of lexicographical sources. *Vestnik TvGU. Seriiia: "Filologiya"*, 2019, (2): 19–26. (In Russ.)
24. Volkova S. B. The concept "military service" and its components in artistic discourse. *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKSS Press, 2009, iss. 39, 87–94. (In Russ.)
25. Ogneva E. A. *Cognitive modeling of literary concept-sphere*, 2nd ed. Moscow: Editus, 2013, 280. (In Russ.)
26. Rabkina N. V. *WAR concept in English military poetry*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2008, 200. (In Russ.)
27. Smolin I. V. Discourse of the Russian army in the media as a field for the "patriotism" concept implementation. *Journalism of the digital era: how the profession is changing*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 14–15 Apr 2016. Ekaterinburg: UrFU, 2016, 228–231. (In Russ.)
28. Fesenko O. P. The concept of "victory" in Russian linguaculture: an overview. *Actual problems of linguistics and methods of teaching foreign languages*: Proc. Intern. Sci.-Method. Conf., Omsk, 27 Mar 2015. Omsk: OmIuI, 2016, 58–62. (In Russ.)
29. Kolesov V. V. *Ancient Russia: word heritage. Book. 4. The wisdom of the word*. St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU; Nestor-Istoriia, 2011, 480. (In Russ.)
30. Karasik V. I. Ethnospecific concepts. Popova Z. D., Sternin I. A., Karasik V. I., Kretov A. A., Boriskina O. O., Pimenov E. A., Pimenova M. V. *Introduction to cognitive linguistics*. Kemerovo: KemGU, 2009, 59–103. (In Russ.)
31. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Comparative analysis of borrowed concepts (case of the Russian concept Idea and the German concept Idee). *Conceptual areas 'THE WORLD' and 'THE PERSON'*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: Grafika, 2005, iss. 5, 143–177. (In Russ.)
32. Krasavsky N. A. *Emotional concepts in German and Russian linguacultures*. Volgograd: Peremena, 2001, 493. (In Russ.)

оригинальная статья

Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду)

Наталья Викторовна Бхатти

Московский государственный областной университет, Россия,
г. Мытищи; <https://orcid.org/0000-0002-4887-6859>

Елена Юрьевна Харитонова

Московский государственный областной университет, Россия,
г. Мытищи; <https://orcid.org/0000-0001-7181-2354>

Екатерина Владимировна Ковш

Московский государственный областной университет, Россия,
г. Мытищи; <https://orcid.org/0000-0002-7045-6631>;
ev.kovsh@mgou.ru

Поступила в редакцию 26.04.2021. Принята после рецензирования 02.08.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Статья посвящена исследованию семантики выражения образности в компаративных фразеологических единицах английского, немецкого, русского языков и урду, принадлежащих к индоевропейской семье языков, а также установлению универсальных языковых явлений и национальных особенностей этих языков, которые выявляются при исследовании лексических компонентов компаративных конструкций. Материал анализируется на основе компаративных образов, используемых в компаративных фразеологических единицах английского, немецкого, русского языков и урду и являющихся ядром процесса оценочности. Стереотипность мышления носителей данных языков рассматривается в процессе изучения тематики сравнительных лексических комплексов и оснований для разделения этих сравнительных лексических комплексов по смысловым группам. Тематическая классификация основных компонентов фразеологических компаративов позволяет не только проанализировать продуктивность использования меронимов в компаративных фразеологических единицах, но и дать оценку совпадению / несовпадению образов, которые лежат в основе национальных лингвокультур. Анализ имеющейся выборки компаративных фразеологических единиц показал, что национальная специфика компаративной фразеологии эксплицитно создается наличием национально-маркированной лексики – лексемами, обладающими особой лингвокультурной значимостью. Иногда такой эффект достигается за счет наличия в составе компаративных фразеологических единиц обозначений определенных национальных реалий – исторических событий, географических объектов, персоналий и т. п. Реалия в качестве компонента фразеологического компаратива утрачивает большую часть своего значения, при этом она сохраняет определенный национальный колорит. Сделан вывод, что большая часть рассмотренных компаративных фразеологических единиц в четырех исследуемых языках обладает отрицательной оценочностью, что является очередным подтверждением общей семантической асимметрии фразеологии.

Ключевые слова: компаративная фразеологическая единица, смысловая группа, мероним, универсальный лингвокультурный символ, национальная лингвокультура, семантическая категория, ассоциативный образ

Цитирование: Бхатти Н. В., Ковш Е. В., Харитонова Е. Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 760–772. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-760-772>

Введение

Компаративная фразеология представляет собой достаточно обширный пласт любого языка. В. М. Мокиенко объяснил данный факт тем, что сопоставление «неизвестного или малоизвестного с известным и хорошо знакомым – один из древнейших и надежнейших способов наименования» [1, с. 174]. Фразеологическими компаративами в лингвистике традиционно называют «такие устойчивые обороты речи, целостные воспроизводимые в языке единицы, которые обладают сравнительной семантикой и структурно-синтаксически характеризуются формальными признаками в виде сравнительных союзов» [2, с. 104].

Компаративные фразеологические единицы (КФЕ) всегда представляли большой интерес для всестороннего лингвистического анализа и подвергались анализу в теоретическом плане в трудах С. Г. Гаврина [3], Л. А. Лебедевой [4], А. Г. Назаряна [5], Л. И. Ройзензона [6], Лубна Ахлак Хана [7], Е. В. Огольцевой [8; 9] и др. Особенно стоит отметить исследования фразеологических сравнений с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии: Т. С. Зевахина [10], В. Н. Телия [11], О. И. Глазунова [12], Т. В. Шмелева [13], В. А. Маслова [14], Н. Э. Гаджихмедов и Г. К. Сапукова [15], Е. В. Огольцева [16], Р. Х. Дзуганова и др. [17]. Предсказуемый интерес лингвистов

стабильно вызывает сопоставление КФЕ в различных языках: В. М. Огольцев [18], Н. И. Демьянович [19], Н. М. Кабанова [20], В. М. Мокиенко [21–23], Т. Г. Никитина [23], И. В. Кузнецова [24], А. С. Алёшин [25], Е. И. Зиновьева [25; 26], Х. Сун [26].

В плане сопоставления КФЕ русского, английского и немецкого языков изучены достаточно глубоко [27–31]. Однако представляется интересным добавить к этому сопоставительному ряду один из малоотражаемых в лингвистических исследованиях язык индоевропейской языковой семьи – урду.

Общеизвестно, что КФЕ возникают на основе образного представления, они наиболее ярко отражают национальную самобытность того или иного языка через систему оценочных образов-эталонов. Цель настоящего исследования – проследить материальную близость образности КФЕ в русском, английском, немецком языках и урду, установить универсальные закономерности и национальные особенности изучаемых языков, что позволит говорить о новых теоретических обобщениях в сравнительной индоевропеистике.

Методы и материалы. Настоящее исследование проведено на материале словарной выборки фразеологических компаративов общим объемом 883 КФЕ (256 английских, 283 немецких, 231 русских, 113 КФЕ из урду). Данную выборку составили компаративы, собранные методом сплошной выборки из словарей и онлайн-словарей английского, русского, немецкого языков и урду и содержащие сравнивающий структурный элемент, отвечающий за равноценность сравнения (англ. *as, like*; нем. *wie*; рус. *как*; урду *ki tarah, itna ... jitna k(i), jeisa*). Собранный материал был подвергнут анализу с точки зрения возможной классификации на предмет основы компаративного образа и содержащейся в данном образе оценочности.

Классификация КФЕ по семантическому содержанию

Наиболее развернутая классификация КФЕ была предложена И. И. Туранским. В ней компаративы разделяются по трем принципам: на основе семантического содержания, на основе соответствия / несоответствия в сравниваемых языках и на основе использования / неиспользования аллитерации [32, с. 93]. Для настоящего исследования наиболее релевантным является первый критерий данной классификации. По семантическому содержанию КФЕ подразделяются на 4 группы, которые ниже проиллюстрированы примерами из исследуемых языков.

1. КФЕ, в которых основанием для сравнения служат физические свойства неодушевленных предметов:

- Английский язык (АЯ): *as light as gossamer* (легкий как паутинка); *as sound as a bell* (богатырского здоровья / целый и невредимый); *as candid as mirrors* (откровенный как зеркала); *as crisp as new bank notes* (хрустящий как новые банкноты); *as bald as a billiard ball* (лысый

как бильярдный шар), *as crooked as a corkscrew* (кривой как штопор = бесчестный), *as thin as a rake* (худой как грабли), *as bright as a new penny* (чистенький, нарядный, с иголочки), *as white as sheet* (белый как простынь) и др.

- Немецкий (НЯ): *brennen wie Zunder* (гореть как трут), *platt wie eine Briefmarke* (букв. плоский как почтовая марка = очень удивиться), *schmutzig wie ein altes Backofen* (грязный как старая печь), *Gedächtnis wie ein Sieb* (память как решето), *wie Wachs in jmds Händen sein* (как воск в чьих-либо руках), *scharf wie eine Rasierklinge sein* (острый как бритва) и др.
- Русский (РЯ): *как по маслу, лёгкий как пушинка, тепло как на печке, чёрный как смоль / сажа / уголь / дёготь, вспыхивать как порох* и др.
- Урду: *pathar ki tarah nanga* (букв. голый как камень), *maqbaray ki tarah weeran* (букв. пустынный как склеп), *haddi ki tarah khushk* (букв. сухой как кость), *itna goonga jitna k mujasma* (букв. немой как статуя), *alif bay pay ki tarah asan* (букв. просто как А, Б, В), *prinday k ghonsalay ki tarah aram da* (букв. уютный как гнездышко), *itna andhere jitna k sangeen qaid khana* (букв. темный как тюрьма) и др.

2. КФЕ, в основе которых лежит сравнение с природными явлениями:

- АЯ: *as free as the wind* (свободный как ветер), *as calm as a summer sea* (спокойный как летнее море), *like a bolt out of the blue* (как гром среди ясного неба), *as fast as light* (быстрый как свет), *as dreadful as a gathering storm* (ужасный как надвигающийся шторм), *as barren as winter rain* (бесплодный как зимний дождь), *as boisterous as stormy sea winds* (неистовый как штормовые морские ветры), *as awful as thunder* (ужасен как гром), *as white as snow* (белый как снег) и др.
- НЯ: *wie ein Blitz einschlagen* (как удар молнии), *wie ein Wirbelwind* (как ураган), *schmelzen wie Schnee an der Sonne* (таять как снег на солнце), *wie drei Tage Regenwetter aussehen* (букв. выглядеть как 3 дня дождливой погоды = очень расстроенным, недовольным) и др.
- РЯ: *быстрый как молния / ветер, холодный как лед, белый как снег, как гром среди ясного неба, вольный / свободный как ветер* и др.
- Урду: *itna bay fikar jitni k hawa* (букв. беззаботный как воздух), *dhanak ki tarah khoobsurat* (букв. красивый как радуга), *itna yakeeni jitna k tuloo e aftar* (букв. надежный как восход солнца), *toofani hawa ki tarah be tuhar* (букв. необузданный как штормовой ветер), *hawa ki tarah taiz* (букв. быстрый как ветер), *itna gair yakeeni jitna k mausam* (букв. изменчивый как погода) и др.

3. КФЕ, в основе которых лежит сравнение, мотивированное типичными чертами, повадками, образом жизни представителей фауны:

- АЯ: *as slow as a tortoise* (медлительный как черепаха), *as obstinate / stubborn as a mule* (упрямый как осел), *as sick as a parrot* (расстроенный, разочарованный,

раздосадованный), *as brainless as a chimpanzee* (безмозглый как шимпанзе), *as blind as a bat* (слепой как летучая мышь), *as cautious as a fox* (осторожен как лиса), *eat like a bird* (есть как птичка), *eat like a hog* (есть как боров), *as fit as a flea* (скачет как блоха = здоров и бодр), *as brisk as a butterfly* (проворный как бабочка), *as alert as chamois* (чуткий как серна), *as angry as a wasp* (рассерженный как оса), *as clumsy as a bear* (неуклюжий как медведь) и др.

- НЯ: *Augen haben wie ein Luchs* (букв. глаза как у рыси = очень внимательный), *sich wie ein Elefant im Porzellanladen benehmen* (как слон в посудной лавке), *wie eine gebadete Maus aussehen* (выглядеть как мокрая мышь), *ein Gemüt wie ein Fleischerhund haben* (злой как собака), *schwimmen wie ein Fisch* (плавать как рыба) и др.
- РЯ: *пятиться как рак*, *хитрый как лиса*, *вести себя как слон в посудной лавке*, *смотреть как баран на новые ворота*, *как обезьяна с гранатой*, *глаз как у орла*, *колючий как еж* и др.
- Урау: *haathi jitna bara* (букв. большой как слон), *itna bhari jitna k haathi* (букв. тяжелый как слон), *chimgadar ki tarah andha* (букв. слепой как летучая мышь), *itna shad jitna k chakawak* (беззаботный как жаворонок), *shair ki tarah buhadur* (смелый как лев), *champanzee ki tarah kund zehan* (букв. безмозглый как шимпанзе), *billi ki tarah pur sukoon* (букв. спокойный как кот), *jungli batakh ki tarah buzdil* (букв. трусливый как утка), *cheetay ki tarah khunkhwar* (букв. свирепый как тигр) и др.

4. КФЕ, в основе которых лежит сравнение с библейскими, мифологическими, литературными сюжетами и с историческими личностями:

- АЯ: *as brave as Achilles* (храбрый как Ахиллес), *as delicious as forbidden fruit* (такой же вкусный как запретный плод), *as eloquent as Cicero* (красноречивый как Цицерон), *as mad as March Hare* (обезумевший как Мартовский Заяц = эксцентричный), *as confident as Hercules* (самоуверенный как Геркулес), *as chaste as Minerva* (целомудренная как Минерва), *to work like a Trojan* (работать как троянец = работать очень усердно), *as alone as Crusoe* (так же одинок, как Крузо), *as ambitious as Lady Macbeth* (амбициозная как леди Макбет) и др.
- НЯ: *wie das Leiden Christi aussehen* (букв. выглядеть как страдания Христа = очень плохо выглядеть), *wie Kastor und Pollux sein* (быть неразлучными как Кастор и Поллукс), *wie ein Damokleschwert über j-m hängen* (висеть как дамоклов меч) и др.
- РЯ: *жить как у Христа за пазухой*, *богат как Крез*, *ревнивый как Отелло*, *возродиться как феникс из пепла* и др.
- Урау: *badshah lear ki tarah na khush* (букв. несчастен как король Лир), *hazrat Sulaiman ki tarah aqalamand* (букв. мудрый как Соломон).

Классификация по смысловым группам

Более детальный анализ фразеологического материала подразумевает классификацию КФЕ по тематическим разрядам [33, с. 50]. Следующая тематика выделяется в качестве основания для разделения сравнительных лексических комплексов по смысловым группам.

1. Характеристики внешнего вида человека, его физических состояний и движений:

- АЯ: *as black as coals* (черные как угольки) (обычно о глазах), *as fresh as a rose* (свежа как роза), *as red as a poppy* (алый как мак), *as red as beetroot* (красный как свекла), *as brown as a berry* (потемневший как ягода = загоревший), *as quick as a flash / lightning* (быстрый как молния), *as gaudy as a butterfly* (яркий как бабочка), *as ugly as a sin* (страшный как смертный грех), *as pale as a ghost* (бледный как привидение), *as clean as a hound's tooth* (чистый как зуб гончей), *as weak as a kitten / a baby* (слабый как котенок / как младенец).
- НЯ: *Augen haben wie ein Luchs* (иметь глаза как у рыси), *dick wie ein Pfannkuchen* (толстый как блин), *schön wie der junge Morgen* (красивый как раннее утро), *schön wie aus dem Bilderbuch* (красивый как из книжки с картинками), *wie eine lebende Leiche aussehen* (выглядеть как живой труп), *wie das blühende Leben aussehen* (выглядеть как цветущая жизнь).
- РЯ: *слепой как крот*, *цветистая как майская роза*, *стройная как березка*, *гнутья как тростинка*, *выглядеть как живой труп*, *мчаться как беженец*.
- Урау: *chimgadar ki tarah andha* (быть слепым как летучая мышь), *ghulab k phool ki tarah khubsurat* (быть красивой как роза), *itna siyah jitna k koyla/kawwa* (черный как уголь / ворон), *gul binafsha ki tarah pyara* (быть прекрасной как фиалка), *chamak ki tarah taiz* (быстрый как молния), *safaidey ki tarah lamba* (высокий как тополь), *itna taiz jitna k naiwla* (быстрый как горностаи), *itna saakin jitni k laash* (недвижимый как труп).

2. Характер человека, характеристики межличностных отношений:

- АЯ: *as steady as a rock* (твердый как скала) (о человеке, не поддающемся никаким искушениям), *as meek as a lamb* (кроткий как ягненок), *as timid as a rabbit* (труслив как кролик), *as true as steel* (надежный как сталь), *as cold as stone* (холодный как камень), *as sincere as sunlight* (искренний как солнечный свет), *as friendly as a puppy* (дружелюбный как щенок), *as changeable as weather* (переменчивый как погода), *as truthful as a knight of old* (честный как рыцарь в старые времена), *as good as gold* (хорош как золото) (о человеке, характере, поведении, качестве и пр.), *as lively as a cricket* (жизнерадостный как сверчок), *as slippery as an eel* (скользкий как угорь), *as free as a bird* (свободен как птица).

- НЯ: *frech wie Dreck* (наглый как куча дерьма), *unschuldig sein wie ein neugeborenes Kind* (быть невинным как новорожденный), *anhänglich wie Rheumatismus sein* (быть надоедливым как ревматизм), *j-n wie die Pest hassen* (ненавидеть кого-то как чуму), *j-n wie einen Hund behandeln* (обращаться с кем-то как с собакой), *j-n wie Luft behandeln* (обращаться с кем-то как с воздухом), *zusammenpassen wie zwei alte Latschen* (подходить друг другу как два старых шлёпанца).
- РЯ: *преданный / верный как собака*, *трудолюбивый как пчелка*, *упрямый как осел*, *обращаться с кем-либо как с собакой*, *трусливый как заяц*, *хитрый как лиса* *злой как черт*.
- Урду: *lomri jitna mohataat* (осторожный как лиса), *kanwal k phool ki tara pakeeza* (непорочная как лилия), *jungli batakh ki tara buzdil* (трусливый как утка), *mout ki tarah zalim* (жестокий как смерть), *maa ki tarah jaan nisar* (любящий как мать), *itna bawafa jitna k kutta* (верный как собака), *kuttay ki tarah lalchi* (жадный как собака), *shaitan lo tarah kina jo* (злой как дьявол), *itni sharmeeli jitni school ki taliba* (застенчивая как школьница), *chohay ki tarah buzdil* (робкий как мышь), *hazrat Yaqoob ki tarah saabir* (терпеливый как Иаков), *ainay ki tarah emaandar* (честный как зеркало), *lomri ki tarah khudgarz* (эгоистичный как лиса).

3. Характеристики мышления и речи человека:

- АЯ: *as quiet as a mouse* (тихий как мышь), *as dumb as a fish* (немой как рыба), *as silent as the grave* (нем как могила), *as silly as calves* (глупые как телята), *as stupid as a sloth* (глупый как ленивец), *as talkative as a parrot* (болтлив как попугай), *as wise as an owl* (мудр как сова), *to know smth like the palm of one's own hand* (знать что-либо как свои пять пальцев), *to know as much about smth. as a pig about pineapples* (не разбираться в элементарных вещах = разбираться в чем-либо, как свинья в ананасах).
- НЯ: *reden wie ein Buch / wie ein Wasserfall* (говорить как книга / как водопад), *dumm wie Bohnenstroh / wie die Nacht sein* (быть глупым как солома / как ночь), *von etw. so viel verstehen wie die Kuh vom Sonntag / vom Radfahren / vom Schauspielen / wie der Hahn vom Eierlegen* (иметь представление о чем-то как корова о воскресенье / о езде на велосипеде / о театральной постановке / как петух о высиживании яиц), *etwas wie seine Hosentasche / wie seine eigene Tasche kennen* (знать что-либо как карман своих брюк / как свою собственную сумку).
- РЯ: *разбираться как свинья в апельсинах*, *трещать как сорока*, *ругаться как извозчик*.
- Урду: *champanzee ki tarah kund zehan* (бестолковый как шимпанзе), *aik bewaql k zehan ki tarah khali* (пустой как мозг идиота), *gadhay ki tarah ahmaq* (глупый как осел), *hazrat Sulaiman ki tarah aqalamand* (мудрый как Соломон).

4. Социальные характеристики, материальное положение человека:

- АЯ: *as rich as Croesus* (богат как Крез), *as rich as a Jew* (богат как иудей), *as poor as church mouse* (бедный как церковная мышь), *to live like a king / a lord* (жить как король / лорд), *as poor as Job's turkey / Job* (беден как индюшка Иова / Иов), *as poor as Lazarus* (беден как Лазарь).
- НЯ: *Geld wie Heu haben* (иметь денег как соломы), *wie ein Fürst / wie Gott in Frankreich / wie die Made im Speck leben* (жить как князь / как Бог во Франции / как личинка в салe), *bekannt sein wie ein bunter Hund* (быть известным как цветная собака).
- РЯ: *беден как церковная мышь*, *как сыр в масле кататься*, *иметь денег как грязи*, *жить как барин*.
- Урду: *church k choohay ki tarah gareeb* (бедный как церковная мышь).

5. Характеристики эмоционального состояния человека:

- АЯ: *as happy as a lark* (букв. счастливый как жаворонок), *as happy as a clam* (букв. счастливый как двусторчатый моллюск), *as crazy as a bedbug* (букв. сумасшедший как клоп), *as mad as a hornet* (злой как шершень), *as merry as a cricket* (веселый как сверчок), *as calm as a toad in the sun* (спокойный как жаба на солнце), *as quiet as a mouse* (тихий как мышь), *as frightened as Macbeth before the ghost of Banquo* (испуганный как Макбет при виде призрака Банко), *as afraid as a grasshopper* (запуганный как кузнечик), *as jolly as a shoe brush* (радостный как обувная щетка).
- НЯ: *wie auf glühenden Kohlen sitzen* (сидеть как на раскаленных углях), *wie vom wilden Affe gebissen sein* (как укушенный дикой обезьяной), *verwundert sein wie ein abgestochenes Kalb* (быть удивленным как заколотый теленок), *gespannt sein wie ein Regenschirm* (быть напряженным как зонтик).
- РЯ: *бояться как черт ладана*, *радоваться как ребенок*, *влюбиться как мальчишка*.
- Урду: *itna guseela jitni k bhirr* (злой как оса), *itna shad jitna k chakawak* (жизнерадостный как жаворонок), *billi ki tarah pur sukoon* (спокоен как кот), *mausam e bahar ki tarah hashash bashash* (весел как весна), *rat ki tarah gamgeen / udas* (грустный как ночь).

6. Характеристики неодушевленных предметов, ситуаций, явлений природы:

- АЯ: *like shooting fish in a barrel* (как рыбачить в бочке с рыбой = лёгкая победа (из-за слабости противника)), *like a fish out of water* (как рыба на суше = не в своей стихии), *more fun than a barrel of monkeys* (более забавно, чем бочка с обезьянами = очень забавно, смешно), *packed in like sardines* (упакованы как сардины), *as common as blackberries* (распространенный как ежевика = в изобилии), *as sure as eggs are eggs* (так же точно, что яйца есть яйца = наверняка), *as easy as a pie*

- (легко как пирог = бесппроблемно), *as clear as day* (ясно как божий день), *as easy as duck soup* (легко как приготовить суп из утки), *as soft as down* (мягкий как пух).
- НЯ: *es ist klar wie Klobbrühe / wie dicke Tinte* (это ясно как бульон с клёцками / как жирные чернила), *gemütlich wie im Bordel* (уютно как в борделе).
 - РЯ: *кислый как лимон, расти как на дрожжах, тихо как на кладбище, как холодный душ*.
 - Урду: *itnaa sabz jitna k ghass* (зеленый как трава), *aag ki tarah taiz* (быстрый как огонь), *sitaron ki tarah buland* (высоко как звезды в небе), *itni ouchi jitni k garaj* (громкий как гром), *pahariyon ki tarah purana* (старый как холмы = старо как мир), *khayal ki tarah posheeda* (секретный как мысль), *maazi ki tarah na qabil e tagaiyur* (неизменный как прошлое), *suraj ki shuaaon ki tarah garam* (теплый как солнечные лучи).

Количественная актуализация компаративов

Количественные показатели ключевых компонентов компаративов в исследуемых языках отражены на рис. 1. Наибольший удельный вес среди КФЕ исследуемых языков прогнозируемо имеют фразеологические единицы, в состав которых в качестве образца сравнения входят **названия животных**. Все исследуемые языки объединяет продуктивность такого меронима, как собака:

- АЯ: *as sick as a dog* (больной как собака = очень больной), *to work like a dog* (вкалывать, работать не щадя сил), *to be like a dog with two tails* (очень довольный, в восторге ≈ рад-радешенек).
- НЯ: *frieren wie ein junger Hund* (мерзнуть как собака), *rangehen wie Hund an die Buletten* (решительно взяться за дело), *müde sein wie ein Hund* (устать как собака).
- РЯ: *пристрелить как бешеную собаку, обращаться с кем-либо как с собакой, устать как собака, замерзнуть как собака, преданный как собака*.

- Урду: *itna bawafa jitna k kutta* (преданный как собака), *kuttay ki tarah lalchi* (жадный как собака).

В русском языке в составе компаративов с животными также продуктивными являются такие лексемы, как *кошка / кот, рыба, бык, мышь*: как кот вокруг сметаны, плавать как рыба, немой как рыба, силен как бык, реветь как бык, беден как церковная мышь, смотреть как мышь на крупу.

В английском языке особенно продуктивны лексемы *cat, horse, fish, lamb, pig, elephant*: *like a cat on a hot tin roof* (как кошка на раскаленной крыше), *like a scalded cat* (как угорелая кошка, сломя голову), *as conceited as a barber's cat* (тщеславный как кот цирюльника), *as strong as a horse* (силен как лошадь), *to eat like a horse* (есть как лошадь = много), *as slippery as a fish* (скользкий как рыба = скользкий человек), *to drink like a fish* (букв. пить как рыба = быть пьяницей), *like a fish in water* (как рыба в воде), *as innocent as a lamb* (невинный как ягненок), *as meek / gentle as a lamb* (кроткий как ягненок), *as fat as a pig* (жирный как свинья), *as greedy as a pig* (жадный как свинья), *as clumsy as an elephant* (неуклюжий как слон), *as helpless as an elephant* (беспомощный как слон), *as big as an elephant* (большой как слон).

В немецком языке наиболее продуктивны в данной группе лексические единицы *das Schwein* (свинья), *der Fisch* (рыба), *der Ochs / Stier* (бык), *das Huhn* (курица): *schwitzen wie ein Schwein* (сильно потеть), *bluten wie ein (gestochenes) Schwein* (истекать кровью), *besoffen wie ein Schwein* (пьяный как свинья), *stark wie ein Stier* (силен как бык), *brüllen wie ein Stier* (реветь как бык), *dastehen wie der Ochs vom Berg* (букв. стоять как бык перед горой = беспомощный, растерянный), *wie ein gerupftes Huhn aussehen* (выглядеть как мокрая курица), *wie ein aufgeschrecktes Huhn herumlaufen* (бегать как вспугнутая курица).

В урду сложнее выделить превалирующие меронимы из группы фауны, скорее, можно говорить об их разнообразии. Встречаются следующие идиоматические выражения,

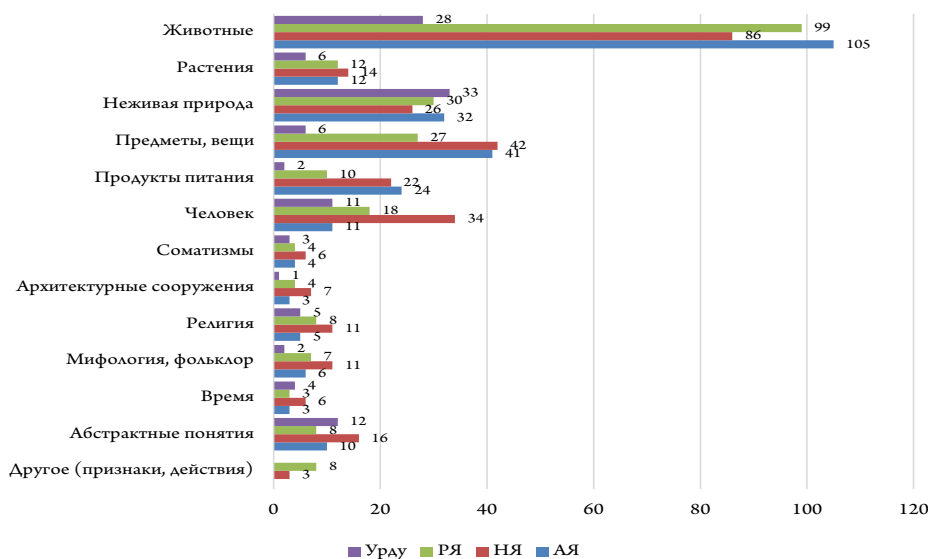

Рис. 1. Количественное сравнение тематической классификации основных элементов фразеологических компаративов в английском, немецком, русском языках и урду
Fig. 1. Thematic classification of the main components of phraseological comparatives in English, German, Russian, and Urdu

содержащие лексический компонент, обозначающий представителей животного мира: *itna guseela jitni k bhirr* (злой как оса), *saanp jesa zehrila* (ядовитый как змея), *itna taiz jitna k naiwla* (быстрый как горноста́й), *maindak ki tarah chust* (ленивый как жаба), *itna taiz jitna k khargosh* (быстрый как заяц), *cheetai ki tarah khunkhwar* (свирепый как тигр).

Отметим, что анималистические сравнения – самый древний вид сравнений, встречавшийся еще в античности и укрепившийся как ментальный стереотип, объясняемый тем, что человек, изучая повадки зверей и птиц, устанавливал неразрывную связь с животным миром. В связи с этим очевидным выступает преобладание в европейских языках сравнений с домашними животными, которые находят отражение в образной картине мира, широко представлены и в положительных, и в отрицательных устойчивых ассоциациях народов [34, с. 73].

Следующей по многочисленности идет группа КФЕ, включающая **обозначения неживой природы** в качестве сравнительного элемента. Данный факт также объясняется стремлением человека произвести образное сравнение с чем-либо часто наблюдаемым, понятным, знакомым. В качестве эталона сравнения используются чаще всего названия природных явлений, небесных тел, атмосферных осадков:

- АЯ (очень широко представлена данная группа): *as ageless as the sun* (вечный как солнце), *as awful as thunder* (ужасный как гром), *as barren as winter rain* (бесплодный как зимний дождь), *as beautiful as the sunset / as the rainbow* (красивый как закат / радуга), *as blameless as the snow* (безупречный как снег), *as careless as the wind* (беззаботный как ветер), *as certain as the rising of the morning sun* (определенный как восход утреннего солнца), *as deceptive as the mirage of the desert* (обманчивый как мираж в пустыне).
- НЯ: *schnell wie der Wind* (быстрый как ветер), *wie ein Meteor aufleuchten* (промчаться как метеор), *ein Gesicht wie zehn Tage Regenwetter* (лицо как десять дней непогоды), *wie der Blitz aus heiterem Himmel* (как гром среди ясного неба), *schmelzen wie Schnee an der Sonne* (таять как снег на солнце).
- РЯ: *белый как снег, холодный как лед, мрачнее тучи, как гром среди ясного неба, быстрый как молния, как ударом молнии пораженный, вольный как ветер, обрушиться как ураган, развеяться как туман* и др.
- Урду: *itna purana jitna suraj* (древний как солнце), *dhanak ki tarah khoobsurat* (красивый как радуга), *itna yakeeni jitna k tuloo e aftar* (обязательный как восход солнца), *suraj ki tarah mustaqil* (постоянный как солнце), *tausam e bahar ki tarah hashash bashash* (веселый как весна), *toofani hawa ki tarah be muhar* (необузданный как штормовой ветер), *itni ounchi jitni k garaj* (оглушительный как удар грома), *chatak ki tarah taiz* (быстрый как молния).

Также одной из самых многочисленных групп КФЕ являются компаративы, содержащие **названия продуктов**

питания. Данный факт обусловлен тем, что человек обычно использует в качестве образца сравнения те предметы, с которыми сталкивается ежедневно. Приведем примеры из исследуемых языков:

- АЯ: *as bald as an egg* (лысый как яйцо), *as cool as cucumber* (абсолютно спокойный), *as dry as a biscuit* (сухой как печенье), *as easy as pie* (проще простого), *as flat as a pancake* (плоский как блин), *as fat as butter* (жирный как масло), *as hot as pepper* (жгучий как перец), *as keen as mustard* (полный энтузиазма), *as smooth as butter / oil* (гладко как по маслу), *as thin as a wafer* (тонкий как вафля), *as strong as brandy* (крепкий как бренди).
- НЯ: *gerührt sein wie ein Apfelmus* (быть тронутым как яблочный мусс), *dick wie ein Hefekloß* (толстый как дрожжи), *schmelzen wie Butter an der Sonne* (таять как масло на солнце), *nötig wie das liebe Brot* (необходим как любимый хлеб), *j-n auspressen wie eine Zitrone* (выжать кого-либо как лимон), *grinsen wie ein Honigkuchenpferd* (ухмыляться как медовый пряник), *wie die Sardinen in der Büchse* (как сардины в банке).
- РЯ: *выжатый как лимон, красный как помидор, как сыр в масле кататься, разлетаться как горячие пирожки, расти как на дрожжах* и др.
- Урду: *cheelay huey saib ki tarah birhana* (голый как яблоко без кожуры), *itna ganja jitna k anda* (лысый как яйцо).

Весьма распространенными являются фразеологические компаративы, в состав которых входят **меронимы, обозначающие человека** – наименования рода деятельности человека (профессии), его социальной принадлежности и др.:

- АЯ: *as watchful as a sentinel* (бдительный как часового), *as tender as a shepherd* (чуткий как пастух), *as truthful as a knight of old* (честный как рыцарь в старые времена), *as serious as a doctor* (серьезен как врач), *as shy as a schoolgirl* (застенчивая как школьница), *as sober as a judge* (трезв как судья), *as superstitious as sailors* (суеверный как моряки), *as steadfast as a queen* (непоколебимая как королева), *as lowly as a slave* (ничтожный как раб).
- НЯ: *saufen wie ein Bürstenbinder* (пьянствовать как вязальщик щёток), *pünktlich wie der Maurer* (точный как каменщик), *fluchen wie ein Bierkutscher* (ругаться как развозчик пива), *Durst haben wie ein Brunnenputzer* (жажда как у чистильщика колодца), *frieren wie ein Schneider* (мёрзнуть как портной).
- РЯ: *ругаться как извозчик / сапожник, жить как барин, вкалывать как раб / каторжник*.
- Урду: *itna sanjeeda jitna k judge* (серьезен как судья), *shikari ki tarah bhooka* (голоден как охотник).

Сравнения с растениями встречаются в изучаемых языках не так часто, что, видимо, объясняется тем, что объекты растительного мира обладают в основном статичными качествами, что не дает возможности построения сравнения на основе ярко проявляемых динамических черт. Однако данные КФЕ во всех исследуемых языках отличаются достаточным многообразием, т. к. в качестве

меронима выступают наименования цветов, трав, деревьев, кустарников. Примеры:

- АЯ: *as modest as a primrose* (скромный как примула (первоцвет)), *as bitter as hemlock* (горький как болиголов), *as blue as forget-me-nots* (голубой как незабудки), *as hearty as an oak* (крепкий как дуб), *as pure as a lily* (непорочна / чиста как лилия), *as purple as the heather* (пурпурный как вереск), *as salt as sea sponge* (соленый как морская губка), *as red as a rose* (красный как роза), *as weak as a reed* (слабый как тростинка), *as yellow as saffron* (желтый как шафран), *as lovely as the violet* (прелестная как фиалка).
- НЯ: *blau wie ein Veilchen* (букв. голубой как фиалка = пьяный), *schlank wie eine Tanne* (стройный как ель), *schießen wie Pilze aus der Erde* (выскакивать как грибы из-под земли), *zittern wie Espenlaub* (дрожать как осиновая листва), *an j-m hängen wie eine Klette* (висеть на ком-либо как репейник).
- РЯ: *цветистый как (майская) роза, стройный как кипарис / стройная как березка, дрожать как осиновый лист, пристать как репей, расти как сорняк, расти как грибы после дождя, гнуться как тростинка.*
- Урду: *kaniwal k phool ki tarah pakeeza* (непорочный как лилия), *ghulab k phool ki tarah khubsurat* (прекрасный как роза), *itnaa sabz jitna k ghass* (зеленый как трава), *gul binafsha ki tarah ruara* (красивый как фиалка), *neelay ghulab ki tarah nayab* (редкий как синяя роза), *phool ki tarah hasaas* (чувствительный как цветок), *safaidey ki tarah lamba* (высокий как тополь).

В отличие от меронимических компонентов вышеперечисленных групп меронимы группы **религиозные и мифологические понятия** встречаются реже. При этом в исследуемых языках данные меронимы зачастую образуют параллельные сравнения, т. к. имеют общее происхождение, например, *as patient as Job / arm wie Hiob / hazrat Yaqoob ki tara saabir* / терпеливый как Иаков; *as wise as Soloman / so weise wie König Salomon / hazrat Sulaiman ki tara aqalamand* / мудрый как Соломон.

В отличие от вышеперечисленных групп немногочисленными являются группы с меронимами **религиозные и мифологические понятия, соматизмы, архитектурные сооружения, абстрактные понятия** и др. Меронимы этих групп представляют собой наименования, появившиеся для обозначения понятий, получивших свои названия позже, чем наименования явлений и предметов окружающего мира, вследствие чего, возможно, количество сравнений в исследуемых языках не так велико.

Фразеологические параллели и универсальные лингвокультурные символы

Изучив анализируемый массив примеров, представляется возможным прийти к наблюдению, что многие фразеологические параллели являются семантически мотивированными образованиями. При этом близкие факторы материальной

и духовной жизни народов получают в разных языках похожее осмысление независимо друг от друга, вызывая сходные образные ассоциации. Эти ассоциации восходят к универсалиям и строятся на переосмыслении наиболее общих признаков, свойственных этим явлениям. Во фразеологических компаративах таким образом зафиксированы признаки, создающие систему универсальных лингвокультурных символов, сформированных соответствующими ассоциативными образами. Рассмотрим несколько совпадающих образов в изучаемых языках.

Так, универсальным символом преданности является собака. В исследуемых языках находим одинаковые сравнения: *преданный как собака / as faithful as a dog / treu wie ein Hund / itna bawafa jitna k kutta*. С другой стороны, лексический компонент *собака* участвует в формировании компаративов, передающих семантическую категорию конфликтности. В русском языке есть сравнение *жить как кошка с собакой*, в английском – *to fight like cats and dogs*, в немецком – *leben wie Hund und Katze*, в урду конфликтующий сравнивается с собакой – *kutti cheeka lagaya hua hai* (ругаться как собака).

Трудолюбие ассоциируется с образом пчелы: в русском языке – *трудиться как пчелка*, в английском – *as busy as a bee*, в немецком – *fleißig / emsig wie die Biene*. Однако в урду это качество приписывается муравью: *chuinti ki tarah mashruk* (занятый как муравей), что в принципе не противоречит образной составляющей данного насекомого в остальных языках, т. к. и в них муравей воспринимается как олицетворение прилежности.

Семантическая категория *упрямство* эксплицируется в компаративах с ядерным компонентом *осел*: *упрямый как осел / as obstinate as a mule / störrisch wie ein Esel*. Зачастую упрямство граничит с глупостью, что находит отражение в урду, где осел олицетворяет глупость – *gadhay ki tarah ahmaq* (глупый как осел).

Хитрость во всех культурах приписывается лисе: *хитрый как лиса / as cunning / sly as a fox / listig wie ein Fuchs / lomri ki tarah makkar*. Правда, в урду это качество также может ассоциироваться с обезьяной: *bandar* (обезьяна) *ki tarah makkar*.

Беспомощность / беззащитность вызывает в воображении людей образ ребенка, вследствие чего присутствие данного слова в качестве ключевой лексики в КФЕ, передающих подобную семантику, объективно ожидаемо: *беззащитный как ребенок / as helpless as a baby / itna baybass jitna k bacha* (слабый как ребенок), *hilflos wie ein neugeborenes Kind*.

Помимо качеств характера человека, демонстрирующих параллельные способы обозначения с помощью компаративов в изучаемых языках, внешние, физические свойства людей или предметов находят отражение в лексико-семантической идентичности фразеологических единиц со значением сравнения.

Так, громоздкость во многих культурах вполне обособленно ассоциируется со слоном: в английском языке –

as clumsy as an elephant as big as an elephant, в немецком – *wie ein Elefant im Porzellanladen*, в русском – как слон в посудной лавке, в урду – *haathi jitna bara* (большой как слон). Но в английском языке это качество приписывается и быку: *like a bull in a china shop*.

Твердость, прочность материалов или, в переносном значении, человека сравнивается с камнем: *жесткий / твердый как камень, прочный как камень / as firm as a rock / fest wie ein Stein / chatan ki tarah thoss*. Кроме камня, жесткость передается компаративами, содержащими лексическую единицу *железо / сталь*: *прочный как сталь / as hard as iron / lohau ki tarah shakht*. В немецком языке устойчивого выражения с компонентом *сталь / железо* не существует.

Худоба находит выражение в компаративах, содержащих в качестве нуклеарной единицы лексему *скелет*: *худой словно скелет / as lean as a skeleton / dünn wie ein Skelett / dhanchay ki tarah dubla patla*.

Лед является универсальной составляющей компаративов, передающих понятие холод во всех изучаемых языках: *холодный как лед / as cold as ice / kalt wie Eis / itna thanda jitni k baraf*.

Аналогично огонь ассоциируется с чем-то горячим: *горячий как огонь / as hot as fire / heiß wie Feuer / aag ki tarah garam*.

Цветовые сравнения во всех четырех языках проявляют схожие тенденции: белый безоговорочно сравнивается со снегом, даже в урду, для носителей которого это погодное явление редкость: *белый как снег / as white as snow / weiß wie der Schnee / baraf ki tarah safaid*. Черный также демонстрирует совпадения в ассоциациях, тем не менее в английском языке меронимов к прилагательному *черный* гораздо больше, чем в других языках. В русском языке базой для сравнения черноты предмета является смола, уголь, сажа и вороново крыло. В английском – *as black as coal / crow / raven / ebony / pitch / starless night / ink / soot / pitch / sin / jet / sloe*. В немецком – *schwarz wie ein Krähenflügel / schwarz wie die Nacht* (черный как вороново крыло / ночь). В урду: *itna siyah jitna k koyla / kawwa* (черный как уголь / ворона).

Прозрачность передается при помощи сравнения с кристаллом или стеклом: *прозрачный как кристалл, стекло / as clear as crystal / dursichtig wie ein Glas / crystal ki tarah shafaf*.

Свинья / поросенок выступает универсальным символом грязи во всех четырех рассматриваемых языках: *грязный как свинья / as filthy as a pig / schmutzig wie ein Ferkel / itna ghaleez jitna k suwwar*.

Скорость ассоциируется у представителей разных культур с такими природными явлениями, как ветер или молния. Так, в русском языке есть компаративы *быстрый как ветер, быстрый как молния*, в английском – *as swift as the wind, as quick as lightning*. В немецком языке находим такие сравнения, как *schnell wie der Wind, wie der Blitz / wie ein geölter Blitz* (букв. как смазанная маслом молния), а в урду – *chamak ki tarah taiz*.

Однако в выборе образа сравнения, безусловно, проявляется и национальная специфика. В некоторых случаях

наблюдается несовпадение коннотативного потенциала того или иного символа. Культурный фон отражает определенные стороны культурной и социальной жизни конкретной нации, а слово, избираемое в качестве образного стержня, становится для носителей языка словом-символом, в котором проявляются особенности менталитета народа, что объясняется ассоциативным характером человеческого мышления. С материальной и духовной культурой народа связаны устойчивые ассоциации, порождающие в каждом из исследуемых языков свои символы, свои эталоны сравнения.

Анализ имеющейся выборки КФЕ показал, что национальная специфика компаративной фразеологии эксплицитно создается наличием национально-маркированной лексики – лексемами, обладающими особой лингвокультурной значимостью. Зачастую в составе КФЕ такой эффект достигается за счет наличия обозначений определенных национальных реалий – исторических событий, географических объектов, персоналий и т. п. Реалия в качестве компонента фразеологического компаратива утрачивает большую часть своего значения, однако сохраняет определенный национальный колорит. Рассмотрим некоторые примеры с национальными реалиями в изучаемых языках:

- АЯ: *as dead as a dodo* (мертвый как дронг), *as American as apple pie / as English as apple pie* (американский / английский как яблочный пирог), *as dead as a Queen Ann* (мертвый как королева Анна), *like Alice in Wonderland* (как Алиса в Стране Чудес), *as pleased as Punch* (довольный как Панч), *as British as football and cricket* (британский как футбол и крикет), *like carrying coals to Newcastle* (все равно что везти уголь в Ньюкасл).
- НЯ: *halten wie der Pfarrer Assmann / der Pfarrer Nolte* (букв. как пастор Ассманн, пастор Нольте = делать на свой лад), *wie sich der kleine Moritz etwas vorstellt* (букв. как представляет себе малыш Мориц = в представлении ребенка), *sich wie Bolle auf dem Milchwagen amüsieren* (букв. развлекаться как Болле на молоковозе), *wie Graf Koks von der Gasanstalt* (букв. разодетый как граф Кокс с газового завода).
- РЯ: *свистеть как Соловей-разбойник, тощий как Кощей бессмертный, могучий как богатырь, как шут гороховый, как в Тулу со своим самоваром*.
- Урду: *jasa raja wasi parja* (каков раджа, таковы и поданные).

Таким образом, национальный колорит КФЕ обусловлен специфической окраской отдельного компонента или характером стержневого элемента, связанного с национальными особенностями соответствующего народа.

Яркой особенностью, выявленной в ходе исследования языкового материала, стало большое количество совпадений образов между урду и английским (например, *as brainless as a chimpanzee / chimpanzee ki tara kund zehan / глупый как обезьяна, as ageless as the sun / itna purana jitna suraj / вечный как солнце*), чего не наблюдается в оставшихся рабочих языках. Вероятнее всего, это объясняется тесным

контактом данных лингвокультур, имеющим место последние несколько сотен лет вследствие исторических и политических особенностей развития их взаимоотношений.

Оценочный компонент значения КФЕ

В оценочном компоненте значения КФЕ традиционно выделяются три группы, результат их количественного анализа отражен на рис. 2. Анализ английских, немецких, русских компаративов и компаративов в урду показал, что большая их часть, 47 % (415 КФЕ), имеет негативную коннотацию, 32 % (283 КФЕ) несут в себе положительное значение, а 21 % (185 КФЕ) лишены какой-либо оценки, т. е. нейтральны.

А. Фразеологизмы с положительной оценкой:

- АЯ: *as gentle as a dove* (нежен как голубь), *as pretty as a picture* (хорошенькая как картинка), *to look like a million dollars* (выглядеть как миллион долларов = выглядеть на миллион долларов), *as good as gold* (хорош как золото = паинька, прелесть), *as graceful as a swan* (грациозный как лебедь) и др.
- НЯ: *schön / frisch wie der junge Morgen* (красивый / свежий как раннее утро), *treu wie Gold* (надежный как золото), *wie aus dem Bilderbuch* (как из книжки = красивый) и др.
- РЯ: *доверчивый / наивный как ребёнок, сильный как медведь / бык, трудиться как пчелка* и др.
- Урду: *itna mazedar jitna k khuwab* (прекрасный как сон), *ghulab k phool ki tarah khubsurat* (прекрасен как роза), *itna bezarrar jitki k fakhta* (безобидный как голубка), *itna masoon jitna farishta* (непорочный как ангел) и др.

В. Фразеологизмы с отрицательной оценкой:

- АЯ: *as ugly as sin* (страшный как (смертный) грех), *as sick as a parrot* (как больной попугай = абсолютно разочарованный), *as mad as a wet hen* (злой как мокрая курица = взбешенный), *as silly as a goose* (глупый как гусь), *as crazy as a bedbug* (сумасшедший как клоп = рехнувшийся) и др.
- НЯ: *hässlich wie die Sünde* (страшный как грех), *grob wie ein Sack* (грубый как мешок), *schmecken wie eingeschlafene Füße* (на вкус как невымытые перед сном ноги = не вкусно), *saufen wie ein Schlauch* (пить как шланг = пьянствовать) и др.
- РЯ: *глупый как пробка, устать как собака, как корова на льду, визжать как (резаный) поросёнок* и др.
- Урду: *itna guseela jitni k bhirr* (злой как оса), *champanzee ki tarah kund zehan* (безмозглый как обезьяна), *jungli batakh ki tarah buzdil* (трусливый как дикая утка), *billi ki tarah haasid* (завистливый как кошка), *rat ki tarah gamgeen / udas* (грустный как ночь) и др.

С. Фразеологизмы, лишённые какой-либо оценки, которые отражают объективные свойства предмета или человека:

- АЯ: *as yellow as a guinea* (желтый как гиней), *as comfortable as an old shoe* (удобный как старый

ботинок), *as bright as a button* (яркий как пуговица), *as straight as ramrod* (прямой как шомпол), *as regular as clockwork* (точный как часы) и др.

- НЯ: *schwarz wie die Nacht, fahren wie die Feuerwehr* (быстро ехать), *Jacke wie Hose sein* (быть одинаковым), *wie eine Bombe einschlagen* (взорваться как бомба), *sicher wie das Amen in der Kirche* (точно, надежно), *blank wie eine Eisenbahn sein* (блестеть как железная дорога) и др.
- РЯ: *мягкий как воск, чёрный как смоль, ясно как белый день, разные как день и ночь, беречь как зеницу ока, следовать за кем-либо как тень* и др.
- Урду: *maazi ki tarah na qabil e tagaiyur* (неизменный как прошлое), *barafki tarah saifaid* (белый как снег), *jasa raja wasi parja* (каков раджа, таковы и поданные), *safaiday ki tarah lamba* (высокий как тополь), *sui ki tarah taiz* (острый как игла), *gharyal ki tarah ba qaida* (точный как часы), *pahariyon ki tarah purana* (стар как холмы) и др.

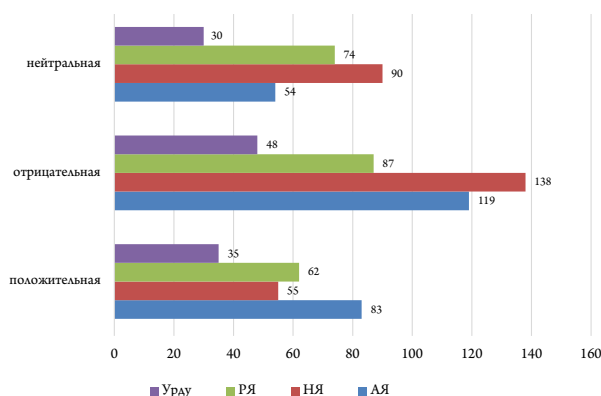

Рис. 2. Количество оценочных значений фразеологических компаративов в английском, немецком, русском языках и урду
Fig. 2. Evaluative meaning of the main components of phraseological comparatives in English, German, Russian, and Urdu

Заключение

Большая часть рассмотренных КФЕ во всех исследуемых языках обладает отрицательной оценочностью, что подтверждает общую семантическую асимметрию фразеологии, отмечаемую многими лингвистами. Подобный сдвиг в сторону отрицательных значений объясняется особенностями человеческой психологии. Люди склонны отмечать отрицательные черты в большей степени, чем положительные, при этом они реагируют на отрицательные явления более остро и эмоционально. И именно в резко отрицательных эмоциональных состояниях людям свойственно использовать готовые речевые формы, в том числе и устойчивые обороты. Количественное распределение КФЕ по трем подгруппам свидетельствует о наличии сходства между фразеосистемами в исследуемых языках.

Отражая национальный характер народа, идиомы напрямую связаны с мировоззрением определенного народа и являются частью национальной лингвокультуры [35].

При этом совпадение образов в КФЕ исследованных языков может быть объяснено общностью окружающего мира, отражающей способностью мышления человека, сходством восприятия и оценки окружающих нас людей, животных, явлений, и тесным взаимодействием отдельных лингвокультур на протяжении определенного периода.

В ходе исследования было отмечено, что по семантическим признакам среди КФЕ преобладают структуры, в которых основанием для сравнения служат физические свойства представителей фауны, а также неодушевленных предметов, чаще обиходного обращения. Большинство компаративных фразеологических единиц передают отрицательную или положительную оценку, что объясняется тем, что фразеологизмы служат не просто для называния, но и для характеристики объекта реальной действительности, и для выражения отношения к нему говорящего.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Н. В. Бхатти – сбор и обработка материала исследования (урду), выработка концепции исследования, написание текста. Е. В. Ковш – сбор и обработка материала исследования (английский язык), написание и редактирование текста. Е. Ю. Харитоновна – сбор и обработка материала исследования (немецкий и русский языки), дизайн исследования и статистическая обработка данных, написание текста. Все авторы внесли значительный вклад в проведение поисково-аналитической работы, подготовку текста статьи, прочли и одобрили финальную версию статьи.

Литература

1. Мокиенко В. М. О слове русских народных сравнений // Вопросы теории и истории языка: сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина / отв. ред. П. А. Дмитриев. СПб.: СПбГУ, 1993. С. 173–178.
2. Ройзензон А. И., Шугурова З. А. Основные вопросы изучения сравнительных устойчивых оборотов русского языка // Актуальные проблемы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова: мат-лы конф. (Самарканд, 14 августа 1964 г.) Самарканд, 1964. Т. 1. С. 104–107.
3. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка (В аспекте теории отражения). Пермь: Пермский гос. пед. ин-т, 1974. 269 с.
4. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь русского языка. Краснодар: Кубанский гос. ун-та, 2003. 300 с.
5. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М.: Книга по Требованию, 2013. 288 с.
6. Ройзензон А. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973. 223 с.
7. Lubna Akhlaq Khan. Translation and culture: a comparative analysis of English idioms and proverbs with their Urdu translations // Pakistan Journal of Language and Translation Studies. 2014. Vol. 1. P. 58–83.
8. Огольцева Е. В. Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 51–67. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-51-67>
9. Огольцева Е. В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 217–225.
10. Зевахина Т. С. Сопоставительный анализ образной семантики лексических систем. М.: МАКС Пресс, 2011. 140 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
12. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Питер, 2000. 190 с.
13. Шмелева Т. В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения (на материале английского и русского языков) // Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокина. М.: Наука, 1988. С. 120–124.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
15. Гаджихамедов Н. Э., Сапукова Г. К. Структурно-семантическая характеристика компаративных фразеологических единиц в кумыкском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 34. № 2. С. 63–68. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2019-34-2-63-68>
16. Огольцева Е. В. Компонент «дерево» в семантической структуре устойчивых сравнений русского языка // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 40–50. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50>
17. Дзуганова Р. Х., Битокова С. Х., Ошроева К. В. Компаративные фразеологические единицы с отрицательным оценочным характером в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 4. С. 1115–1119. <https://doi.org/10.30853/phil210144>
18. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 159 с.
19. Демьянович Н. И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 257 с.

20. Кабанова Н. М. Компаративные фразеологические единицы болгарского, сербохорватного и словенского языков: дис. ... канд. фил. наук. Л., 1986. 283 с.
21. Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.-Грайфсвальд: СПбГУ, 2016. С. 37–49.
22. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
23. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений: большой объяснительный словарь: более 45000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
24. Кузнецова И. В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 14 с.
25. Алёшин А. С., Зиновьева Е. И. Стереотипное представление о коте и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 288–300. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300>
26. Зиновьева Е. И., Сун Х. Устойчивые сравнения, характеризующие неискреннее поведение человека, в русской лингвокультуре (на фоне китайского языка) // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2016. № 27. С. 20–29
27. Неведомская О. М. Компаративные фразеологизмы немецкого языка в сопоставлении с русскими: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 14 с.
28. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
29. Кунин А. В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках (опыт сопоставительного анализа) // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 80–86.
30. Глазырин Р. А. О применении типологического и сопоставительного метода при анализе компаративных фразеологических единиц (на материале немецкого, английского и шведского языков) // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1971. Т. 61. С. 73–88.
31. Лаврищева Е. В., Аброськина Н. Б., Остроухова А. В. Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецкой и английской языковой картине мира // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 2. С. 40–46.
32. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 172 с.
33. Долгова И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 205 с.
34. Шакеин В. М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 1. С. 73–88.
35. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте / под ред. Т. Н. Федуленковой. М.: ИД Академии Естествознания, 2014. 140 с.

original article

Culturological Characteristics of Phraseological Comparative Units in Indo-European Languages (English, German, Russian, and Urdu)

Natalie V. Bhatti

Moscow Region State University, Russia, Moscow; <https://orcid.org/0000-0002-4887-6859>

Elena Yu. Kharitonova

Moscow Region State University, Russia, Moscow; <https://orcid.org/0000-0001-7181-2354>

Ekaterina V. Kovsh

Moscow Region State University, Russia, Moscow; <https://orcid.org/0000-0002-7045-6631>; ev.kovsh@mgou.ru

Received 26 Apr 2021. Accepted after peer review 2 Aug 2021. Accepted for publication 9 Aug 2021.

Abstract: The present research featured the semantics of expressivity of comparative phraseological units (CPU) in English, German, Russian, and Urdu. The authors studied the lexical components of comparative constructions in order to define the universal and the national in these languages. Comparative idioms can be described as the core of evaluativity. They were divided into groups, which revealed the cognitive stereotypes in the linguistic cultures under analysis. The thematic

classification made it possible to analyze the productivity of meronyms in CPU and compare the basic images of the English, German, Russian, and Urdu national linguistic cultures. The national specificity of comparative phraseology appeared to depend on the national-specific vocabulary, i.e. lexemes with special linguacultural significance or national realia. As a part of a phraseological comparative unit, realia lose part of their meaning, while maintaining the national aspect. Most CPU demonstrated negative evaluativity, which confirmed the universal semantic asymmetry of phraseology.

Keywords: comparative phraseological unit, semantic group, meronym, universal linguacultural symbol, national linguistic culture, semantic category, associative image

Citation: Bhatti N. V., Kovsh E. V., Kharitonova E. Yu. Culturological Characteristics of Phraseological Comparative Units in Indo-European Languages (English, German, Russian, and Urdu). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 760–772. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-760-772>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: N. V. Bhatti collected and processed the research material in Urdu, developed the research concept, and wrote the corresponding part of the manuscript. E. V. Kovsh collected and processed the research material in English and wrote the corresponding paragraph. E. Yu. Kharitonova collected and processed the research material in German and Russian, designed the research and statistical analysis, and wrote the corresponding paragraph. All the authors proofread the manuscript and are equally responsible for the content.

References

1. Mokienko V. M. Dictionary of Russian folk comparisons. *Issues of theory and history of language: collection of articles dedicated to the 100th anniversary of B. A. Larina*, ed., Dmitriev P. A. St. Petersburg: SPbGU, 1993, 173–178. (In Russ.)
2. Roizenzon L. I., Shugurova Z. A. Stable comparative expressions of the Russian language. *Relevant issues of modern linguistics and E. D. Polivanov's linguistic heritage: Proc. Conf.*, Samarkand, 14 Aug 1964. Samarkand, 1964, vol. 1, 104–107. (In Russ.)
3. Gavrin S. G. *Phraseology of the modern Russian language (In the aspect of the theory of reflection)*. Perm: Permskii gos. ped. in-t, 1974, 269. (In Russ.)
4. Lebedeva L. A. *Stable comparisons of the Russian language: a short thematic dictionary of the Russian language*. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2003, 300. (In Russ.)
5. Nazaryan A. G. *Phraseology of the modern French language*. Moscow: Kniga po Trebovaniuu, 2013, 288. (In Russ.)
6. Roizenzon L. I. *Lectures on general and Russian phraseology*. Samarkand, 1973, 223. (In Russ.)
7. Lubna Akhlaq Khan. Translation and culture: a comparative analysis of English idioms and proverbs with their Urdu translations. *Pakistan Journal of Language and Translation Studies*, 2014, (1): 58–83.
8. Ogoltseva E. V. Some productive ways of comparative phraseological units transformation. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, (2): 51–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-51-67>
9. Ogoltseva E. V. Comparative nest as a system of grammatical modifications of the comparison image. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, 2019, (3): 217–225. (In Russ.)
10. Zevakhina T. S. *Comparative analysis of figurative semantics of lexical systems*. Moscow: MAKSPress, 2011, 140. (In Russ.)
11. Teliya V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kultury", 1996, 288. (In Russ.)
12. Glazunova O. I. *The logic of metaphorical transformations*. St. Petersburg: Piter, 2000, 190. (In Russ.)
13. Shmeleva T. V. National-cultural specifics of the "standard" of comparison in English and Russian. *Ethnopsycholinguistics*, ed. Sorokin Yu. A. Moscow: Nauka, 1988, 120–124. (In Russ.)
14. Maslova V. A. *Linguaculture*. Moscow: Akademiia, 2001, 208. (In Russ.)
15. Gadzhiakhmedov N. E., Sapukova G. K. Structural-semantic characteristics of comparative phraseological units in the Kumyk language. *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2019, 34(2): 63–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2019-34-2-63-68>
16. Ogoltseva E. V. Component "tree" in the semantic structure of stable comparisons of the Russian language. *Neofilologiya*, 2021, 7(25): 40–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50>
17. Dzuganova R. Kh., Bitokova S. Kh., Oshroeva K. V. Comparative phraseological units with a negative evaluative in the Kabardino-Circassian language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, 14(4): 1115–1119. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210144>
18. Ogoltsev V. M. *Stable comparisons in the system of Russian phraseology*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1978, 159. (In Russ.)

19. Demianovich N. I. *Stable comparisons evaluating a state in Russian, Czech, and Slovak languages: comparative analysis*. Cand. Philol. Sci. Diss. Leningrad, 1980, 257. (In Russ.)
20. Kabanova N. M. *Comparative phraseological units of the Bulgarian, Serbo-Croatian, and Slovenian languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Leningrad, 1986, 283. (In Russ.)
21. Mokienko V. M. Stable comparisons in the system of phraseology. *Stable comparisons in the system of phraseology*, ed. Mokienko V. M. St. Petersburg-Greifswald: SPbGU, 2016, 37–49. (In Russ.)
22. Mokienko V. M. *Dictionary of comparisons of the Russian language: 11,000 units*. St. Petersburg: Norint, 2003, 608. (In Russ.)
23. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *A large dictionary of Russian folk comparisons: large explanatory dictionary: more than 45,000 figurative expressions*. Moscow: OLMA Media Group, 2008, 800. (In Russ.)
24. Kuznetsova I. V. *Stable comparisons of the Russian language (in comparison with Ukrainian and Serbo-Croatian)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 1995, 14. (In Russ.)
25. Alyoshin A. S., Zinovieva E. I. Stereotypic idea of a tom-cat and a cat through the prism of comparative phraseological units of Russian and Swedish languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2019, 10(2): 288–300. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300>
26. Zinovieva E. I., Song H. Stable comparisons that characterize human insincere behavior in Russian linguoculture (in the background of the Chinese language). *Russkii iazyk kak inostrannyi i metodika ego prepodavaniia*, 2016, (27): 20–29. (In Russ.)
27. Navedomskaia O. M. *Comparative phraseological units in German and Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1973, 14. (In Russ.)
28. Kunin A. V. *Course of phraseology of modern English*, 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk.; Dubna: Feniks, 1996, 381. (In Russ.)
29. Kunin A. V. Stable adjective comparisons in Russian and English: a comparative analysis. *Russkii iazyk za rubezhom*, 1969, (3): 80–86. (In Russ.)
30. Glazyrin R. A. Typological and comparative method in the analysis of comparative phraseological units in German, English, and Swedish. *Uch. zap. MGPIIIa im. M. Toreza*, 1971, 61: 73–88. (In Russ.)
31. Lavrishcheva E. V., Abroskina N. B., Ostroukhova A. V. The national specific character of phraseological units with component-zoonym in the German and English linguistic view of the world. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2019, 2(2): 40–46. (In Russ.)
32. Turanskii I. I. *Semantic category of intensity in English*. Moscow: Vyssh. shk., 1990, 172. (In Russ.)
33. Dolgova I. A. *Conceptual field "patience" in English and Russian linguacultures*. Cand. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2006, 205. (In Russ.)
34. Shaklein V. M. Ethno-linguistic vision of the world as a component of the linguacultural situation. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2000, (1): 73–88. (In Russ.)
35. *Phraseological space of the national vocabulary in a comparative aspect*, ed. Fedulenkova T. N. Moscow: ID Akademii Estestvoznaniia, 2014, 140. (In Russ.)

оригинальная статья

Категоризация политических явлений по образу и подобию вместилища

Оксана Федоровна Задобрицкая

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного
университета им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова,
Приднестровье, г. Рыбница; <https://orcid.org/0000-0003-2016-1197>; kesh25@list.ru

Виктория Григорьевна Егорова

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного
университета им. Т. Г. Шевченко, Республика
Молдова, Приднестровье, г. Рыбница; <https://orcid.org/0000-0001-5124-4775>

Поступила в редакцию 02.08.2021. Принята после рецензирования 23.08.2021. Принята в печать 23.08.2021.

Аннотация: В статье на базе электронного корпуса NOW (News on the Web) рассматривается, как в современном английском языке категоризируются по образу и подобию вместилища такие политические термины, как *caucus, democracy, election, federalism, hegemony, legislation, monopoly, policy, politics, populism* и *socialism*. Классификаторами криптокласса английского языка *вместилище* являются классифицирующие конструкции / коллокации признакового слова *container*, которые позволяют диагностировать принадлежность имен к данному криптоклассу: *a full container, a container is full, an empty container, a container is empty, a container is filled (with smth), a container is deep, SV_{exist} in / inside a container, VO / V in / into a container, VO / V out of a container, a container contains*. Указываются социальные абстракции, которые довольно часто сравниваются по аналогии с вместилищем, а также окказиональные абстракции. Анализируются словопотребления с указанными лексическими единицами в соответствующих коллокациях и процессы категоризации этих терминов. Характеризуются метафорические сочетания, например: политические явления могут быть заполнены какими-то событиями или объектами, они могут быть полными, пустыми, глубокими, из них можно что-то извлечь, в них можно что-то положить, из них можно достать какие-то данные, чтобы лучше узнать их сущность и т. д.

Ключевые слова: политический термин, социальная абстракция, языковая категоризация, аналогия, вместилище, криптокласс

Цитирование: Задобрицкая О. Ф., Егорова В. Г. Категоризация политических явлений по образу и подобию вместилища // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 773–781. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-773-781>

Введение

В некоторых языках существуют классификаторы для идентификации категорий с полостью и для вместилищ / контейнеров и им подобных трубчатых предметов с полостью и др. Так, в навахо *kha* – классификатор для класса *твердый контейнер с содержимым*, в якутском *pu* – кувшин, кружка – или *lek* – большая негладкая бутылка для животных, в языке юрок – для лодок и т. п., в языке энин-тиляква – для бутылок, консервных банок, трубок, барабанов. В некоторых восточных языках данная категория объединена с классом *кольцевые*, классификаторы которого указывают на полость или вход различного типа, например, кольца, диадемы, платья, которые заключают в себя тело. В америндских языках использование классификатора зависит от жесткости контейнера / вместилища – его формы, в атапаскских языках – от содержимого, если в контейнере содержится жидкость, то используется один классификатор, если что-то не жидкой формы – другой и т. д. [1].

Предметом нашего исследования является выявление различных абстракций – политических явлений, которые могут категоризоваться по образу и подобию вместилища. В рамках данной статьи интересно проследить за тем, как по аналогии с вместилищем категоризируются политические явления, термины – социальные абстракции.

Мы отобрали 11 лексических единиц – *caucus, democracy, election, federalism, hegemony, legislation, monopoly, policy, politics, populism* и *socialism* – и при помощи классифицирующих конструкций изучили их категоризацию по образу и подобию вместилища. Мы воспользовались корпусом Марка Дэвиса NOW (News on the Web)¹, который пополняется ежедневно, на момент проведения исследования насчитывал более 13 млрд словоупотреблений в двадцати государственных вариантах английского языка. Перед началом корпусного исследования были изучены дефиниции и этимология всех указанных лексических единиц².

¹ Davis M. NOW Corpus. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/now> (дата обращения: 20.07.2021).

² Merriam-Webster Dictionary. Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 20.07.2021); Oxford Dictionary. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 20.07.2021); Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.07.2021); Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <http://etymological.academic.ru> (дата обращения: 20.07.2021).

Изучение языковой категоризации указанных политических терминов проводилось согласно методологии выделения криптокласса, разработанной О. О. Борискиной [2–7]. Данная методология была разработана в рамках направления работы Воронежской лексико-типологической группы [8; 9] и впоследствии успешно была применена в современных исследованиях [10–14].

Метафорическая модель, согласно которой абстракции категоризируются, помогает создать метафорический образ. Дж. Лакофф предлагает использовать образы-схемы, среди которых есть и схема *контейнер* (в нашей терминологии – вместилище). Базовое отличие для схемы *контейнер* – между внутренней полостью и внешней средой контейнера (вместилища) [15].

Представленное в статье исследование посвящено изучению метафорических образов в различных (20) вариантах английского языка, однако опубликованы работы, которые затрагивают метафорические образы только в отдельных вариантах, например, в новозеландском [16], ирландском [17], британском, индийском и нигерийском [18], индийском [19] и в некоторых новых вариантах английского языка [20–22]. Что касается непосредственно вместилища, то представлены и сравнительные исследования по изучению данного образа в русском, английском и кабардинском языках [23].

Результаты

Анализ примеров (10557 словоупотреблений) показал, как могут категоризоваться политические абстракции. Количественная обработка данных корпуса NOW помогла выявить, что зарегистрированное количество словоупотреблений в атрибутивной конструкции **a full container** – 3704, причем словоупотребления зафиксированы с каждым политическим термином, в отличие от других классифицирующих конструкций. Следует отметить, что слова *hegemony* (3)³, *populism* (2) и *socialism* (4) не отличаются частым словоупотреблением, но т. к. мы принимаем за окказиональное словоупотребление фиксирование 2 и менее токенов, то мы не можем однозначно причислить их к окказиональным. Наиболее частотным словоупотреблением обладают слова *policy* (2991), *democracy* (500) и *election* (98) (примеры 1–3).

(1) *Spam and comments that are hateful or discriminatory will be deleted. Our full commenting policy can be read here.*

(2) *Out critics pay their own way and dine unannounced. Read our full editorial policy here.*

(3) *Then, if customers want to take their full travel policy and load that into Sam, there will be a level of commercial uplift.*

Базисом демократии выступает метод коллективного принятия решения, участники этого политического режима обладают равными правами, в частности правом голоса. Обеспечение ряда прав для граждан страны ведет к полной демократии, к отсутствию влияния извне, злоупотреблению

властью. При абсолютной демократии проявляется политическая самостоятельность – независимость, а также отмечается отсутствие неравноценности людей, связанной с критерием определения расы, т. е. подчеркивается отсутствие влияния расовых различий на общественную, культурную и другие сферы жизни (примеры 4–6).

(4) *... was seen by many as a crucial component of the transition to full and free democracy in South Africa.*

(5) *... heroic efforts of that generation of nation builders to create independence and a full Irish democracy.*

(6) *... are open to the new demands and challenges entailed by a full, non-racial democracy which was the foundation on which the new South Africa was founded.*

При участии граждан в общественно-политической жизни страны можно говорить о наполненности политических явлений. Так, выборы могут быть полными, категоризоваться по аналогии с вместилищем в случае возможности участия граждан государства в процедуре голосования, в результате чего формируются институты государственной власти и местного самоуправления (примеры 7, 8). Принимая участие в выборах, избиратель надеется, что процедура голосования будет честная, и в результате он получит то, чего хочет. Под честностью и наполненностью выборов также подразумевается тот факт, что голосующий понимает, что ему предлагают и как это соотносится с его желаниями (пример 9).

(7) *... why not allow full and free elections?*

(8) *Dorset County Council last held full elections in May 2013, when Ukip gained its first councillor in Dorset.*

(9) *... she looked at the position and considered it was a full and fair election.*

В предикативной классифицирующей конструкции **a container is full** было зафиксировано 190 словоупотреблений. Наибольшее количество примеров было отобрано с лексическими единицами *politics* (90) и *election* (51), были обнаружены словоупотребления с лексемами *policy* (21), *caucus* (10), *legislation* (10), *democracy* (7) и окказиональное со словом *socialism* (1).

По аналогии с вместилищем политика заполняется как положительным, требующим регламентирующего характера, – инструкциями, нормативно-правовыми актами (пример 10), так и отрицательным – упущениями, отсутствием тщательного подхода при подготовке нормативного документа (пример 11), или путаницей, расхождением в трактовке, отсутствием гарантии, а следовательно, и уверенности в политических принципах, что является неотъемлемой частью данного документа (пример 12).

(10) *Those policies were full of regulations that increasingly seemed to replace accreditation for continuous improvement of colleges.*

(11) *After nearly two decades of operation in Australia, the policy is full of loopholes.*

³ Здесь и далее по тексту указано количество словоупотреблений терминов.

(12) *Unsurprisingly, this **policy is full of confusion, contradictions and very few guarantees...***

Для обеспечения стабильного существования государства и жизненного уклада необходимы и другие политические режимы, которые позволяют контролировать массы, т. к. в некоторых случаях демократия может привести к возникновению проблем. Если граждане возражают против принятия каких-либо решений государством, начинают проявляться ошибки, недочеты в самой политической программе (примеры 13, 14).

(13) *Democracy is messy and Australian **democracy is full of mistakes, errors and wrong turns as well as successes.***

(14) *Our **democracy is full of uneducated crooks and compare it to the army.***

Выборы в США категоризируются по образу и подобию полного вместилища, они могут быть полны лжи, фарса, что обнажает лицемерный характер всего процесса (пример 15). Выборы могут проводиться в каких-то маркетинговых целях, это некий политический PR-ход, участие же в этом событии гарантирует получение славы (пример 16). Выборы по аналогии с вместилищем могут быть наполнены сюрпризами, в политической сфере могут произойти такие события, которые будут достаточно неожиданными для участвующих в выборах сторон – и для избирателя, и для избираемого (пример 17).

(15) *The US election was full of lies and a farce that exposed the hypocritical nature.*

(16) *Elections are full of brand and marketing inputs really.*

(17) *Much can happen in politics over three weeks, and this election has been full of surprises.*

Если мы говорим о полном контейнере, то целесообразно сказать и о противоположном явлении – о пустом объекте: **an empty container** (50) и **a container is empty** (2). Изучив контексты, предлагаемые корпусом NOW, мы выяснили, что только некоторые из политических терминов, а именно *democracy* (1), *election* (3), *policy* (9), *politics* (35), *populism* (4), могут быть пустыми, т. е. лишенными чего-то, не имеющими серьезных оснований и не представляющими интересов для политического общества.

При демократическом режиме осуществление государственной власти происходит посредством участия народа, который влияет на функционирование властных органов. В случае, когда эти условия не выполняются, суверенитет народа нивелируется, и говорить о демократии уже нет смысла (пример 18). Выборы также могут быть лишены смысла, когда политические деятели в рамках своих предвыборных кампаний дают обещания, которые после выборов не реализовывают (пример 19).

(18) *Military power remained in the hands of the ruling class. Hence an **empty democracy.***

(19) *We agree with you when you say political leaders make promises that go **empty post elections.***

Политическая грамотность предполагает определенный уровень навыков и умений, позволяющий вести

политическую деятельность и участвовать гражданам в политической жизни государства. Отсутствие компетентности в этой области влечет за собой невозможность принятия политических решений, невозможность участия в создании политических проектов (примеры 20, 21).

(20) *Our public **policy is illiterate or empty.***

(21) *It's an **empty policy** by an insubstantial party desperate to gain support from the people ahead of crucial elections.*

Политика – это государственная деятельность, деятельность государственных органов власти. Принципы этой деятельности рассчитаны не на определенные годы, т. к. их реализация требует значительного времени. Чтобы внедрить те или иные идеи, необходимо время, поэтому свойственный определенному поколению политический курс не может привести к положительным результатам в связи с нехваткой времени (пример 22). Принятые меры в рамках какой-то отдельной ветки политического курса могут быть пустыми, к ним относятся с недоверием. Сам же политический курс (в данном случае – деятельность партии) может быть фальсифицирован и не приносить пользы народу (пример 23).

(22) *Generational **politics is empty politics.***

(23) *All of our "options" are nothing but fake, **empty politics.***

Популизм предполагает совокупность таких политических взглядов, которые ориентированы непосредственно на народные массы, а точнее, направлены на защиту интересов народных масс. Человек, не оправдывающий надежд, не может быть воспринят народом как авторитетное лицо, за которым пойдут люди и идеи которого будут поддержаны (пример 24).

(24) *He was a flash-in-the pan – with his **empty and gratuitous populism** which had little substance.*

Помимо того, что вместилище может быть пустым или полным, оно может быть и заполненным чем-то – **a container is filled with**. Социальные абстракции, которые заполняются чем-то: *caucus* (6), *democracy* (2), *election* (26), *legislation* (1), *policy* (2), *politics* (25). Заполнять эти абстракции могут как другие политические составляющие, так и качества личности, или сами люди, или какие-то события и др.

Рассмотрим некоторые примеры, в которых изучаемые явления категоризируются по образу и подобию вместилища. Так, митинг – это собрание людей, целью которого является обсуждение насущных вопросов, привлечение народа к какому-то событию, призыв к действиям и т. д. Реакцию людей невозможно предсказать, поэтому результат может быть неожиданным, т. е. митинг может быть заполнен сюрпризами (пример 25).

(25) *As previously reported, the Iowa **caucus was filled with surprises** that included...*

Что касается политических принципов, то они тоже заполняются какими-то отношениями к проблемам, например, двойственным или противоречивым отношением к вопросу, какими-то утверждениями общего характера, что несвойственно для политического курса, предполагающего

четкость и ясность положений (примеры 26, 27), или же, напротив, обоснованными положениями в случае законодательства, которые являются характеристикой закона (пример 28).

(26) *Rather, the policies on jazz were filled with ambivalence and inconsistencies.*

(27) *He said the policy is filled with general statements, as opposed to the Education and Training Policy.*

(28) *In the balance, this is a good legislation, filled with the kind of stiff backbone needed in a law.*

Некоторые явления заполняют люди: недостаточно обученные партийные активисты, на которых нельзя положиться и которым нельзя доверить управлять национальной безопасностью (пример 29).

(29) *Is the very heart of our democracy filled with insufficiently schooled partisans who can not be trusted to deal with national security?*

Выборы могут заполнять протестующие, не поддерживающие ту или иную власть, их деятельность, курс, выступая при этом со своей язвительностью и колкостью (пример 30). Политика заполняется детьми, унаследовавшими политические убеждения от своих родителей и придерживающимися этих политических взглядов (примеры 31).

(30) *Befitting an election filled with acrimony, thousands of protesters converged on state capitols across the country yesterday.*

(31) *Politics is filled with children who inherited the political beliefs (and safe seats).*

По аналогии с вместилищем абстракции могут быть глубокими – **a container is deep** (12). В рамках данной характеристики мы будем рассматривать только предикативную классифицирующую конструкцию, т. к. атрибутивная классифицирующая конструкция **a deep container** не является достаточно надежной. Словоупотребления были зафиксированы только с лексическими единицами *democracy* (3) и *politics* (9).

Фраза *глубокое политическое явление*, а в частности *глубокая политика*, была придумана исследователем и академиком Питером Дэйлом Скоттом [24; 25]. В его понимании это обозначает подавление фактов, а не их реализацию, в то время как в Толковом словаре Ушакова одно из переносных значений слова *глубокий* – «серьезный, значительный и сложный по содержанию»⁴. Идея последнего прослеживается в примере 32, где демократия категоризуется по образу и подобию глубокого вместилища, – что-то значимое заложено в этом понятии.

(32) *Democracy is deeper. Civil rule and the liberties it has brought since 1999 are reminders.*

(33) *The truth is Australian politics is so deep in the gutter it doesn't know how to get out.*

В примере 33 реализуется самое первое значение слова *глубокий* – «иметь значительную, большую глубину»,

представленное в Толковом словаре Ушакова, что приводит к тому, что политика, ее курс и принципы погрязли до такой степени, которая и не предполагает возможных выходов из сложившейся ситуации.

Далее мы рассмотрим, как функционируют политические явления в глагольных локативных конструкциях – как они категоризируются по аналогии с вместилищем.

Во вместилище можно что-то положить (**put/be put in a container**) и соответственно в нем можно находиться: **be / exist in a container, there is something / somebody in a container, lie in a container** и т. п. Результаты обработки данных корпуса NOW показали, что положить / вложить что-то можно в *caucus* (1), *democracy* (2), *election* (9), *federalism* (2), *legislation* (34), *policy* (69), *politics* (10), а находиться можно в: **be / exist in a container** – *caucus* (45), *democracy* (65), *election* (31), *federalism* (3), *legislation* (61), *policy* (27), *politics* (71), *socialism* (2); **there is something / somebody in a container** – *caucus* (16), *democracy* (16), *election* (43), *legislation* (109), *policy* (101), *politics* (329), *populism* (1); **lie in a container** – *democracy* (24), *election* (12), *federalism* (5), *legislation* (9), *monopoly* (3), *policy* (56), *politics* (54), *socialism* (3) и некоторые другие.

Во вместилище могут находиться как одушевленные, так и неодушевленные предметы. В качестве первых выступали как отдельные личности, например, Олусегун Обасанджо – президент Нигерии в 1976–1979 и 1999–2007 гг. (пример 34), так и группа людей (примеры 35, 36). Политическое явление может содержать что-то негативного характера – противоречия, пробелы в законодательстве (пример 37), опасность при поддержке политической позиции, направленной на влияние на народные массы (пример 38), общие проблемы, которые требуют существенного вмешательства в ход работы политической директивы (пример 39).

(34) *Obasanjo is not in that caucus.*

(35) *We are in a federalism, and each state have the right to make certain law governing them.*

(36) *There are people in my own caucus who've struggled with this.*

(37) *There are many inconsistencies and gaps in legislation, which leave those involved vulnerable.*

(38) *There are wider dangers in simplistic populism.*

(39) *... according to drivers and activists who say the problem lies in a monopoly created by the government's limited licenses for a select group of companies...*

Политическое вместилище может наполняться какой-то сущностью положительного или нейтрального характера, т. е. содержать ее, как в примере 40, – могущество Индия заключена в федерализме. В примере 41 показано нахождение решения проблемы по обеспечению энергией во вместилище – в проекте законодательства.

(40) *But then I reminded myself that the strength of India lies in cooperative federalism.*

⁴ Глубокий // Толковый словарь Ушакова. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/779966> (дата обращения: 20.07.2021).

(41) *The solution to making energy affordable lies in the draft legislation for the cap, which is a short-term stopgap that will do nothing...*

Словоупотреблений в эталонной конструкции **contain / be contained in a container** зарегистрировано 147, но вместо признакового слова *container* употребляются только три политических термина: *election* (1), *legislation* (84) и *policy* (62). В выборах может содержаться лозунг кандидата в предвыборной кампании (пример 42), в законодательстве – политический курс, в нашем примере направленный на обеспечение женщин льготами в случае беременности (пример 43), в самом политическом курсе – условия найма работников, что и предполагает каждый устав любой компании (пример 44).

(42) *... theme of a 'recovery for all', which is **contained in the election**...*

(43) *The policy **contained in the social legislation** intends to grant benefit to women workers to have a safe pregnancy...*

(44) *These terms of employments are **contained in the policy** of the company.*

Локативная конструкция **inside a container** маркирует нахождение внутри, в полости объекта, т. е. что-то заключено в пределах политических явлений. Наше исследование показало, что предметы могут находиться в пределах таких политических явлений, как *caucus* (10), *democracy* (1), *legislation* (1), *policy* (23), *politics* (4) и *socialism* (1). Партийное совещание предполагает обсуждение, иногда даже спор по каким-то вопросам, и это обсуждение находится в пределах этого совещания (пример 45). Внутри вместилища политического курса могут находиться инвестиции, направленные на обеспечение благополучной работы (пример 46).

(45) *There will **be lots of debate inside our caucus**, amongst ourselves about the bill.*

(46) *You can build up investments **inside an insurance policy** on a tax-sheltered basis – similar to a registered retirement savings plan.*

Политика, будучи общим руководством для действий, содержит в себе различные вопросы и их решения, проблемы и пути выхода. В примере 47 демонстрируется нахождение проблемы внутри политики США, возникшей в период предвыборной кампании Д. Трампа и после самих выборов. Оценка всему этому дается со стороны российского руководства.

(47) *"The problem isn't us, the problem is **inside US politics**," Putin added.*

Предлог *into* указывает на включение одного объекта в другой. Конструкции **put / be put into a container, throw into a container, fall into a container** и подобные используются для того, чтобы показать перемещение или погружение объекта в какую-то емкость, в какой-то сосуд. Следует отметить, что, например, в первых двух конструкциях вместо признакового слова используются несколько политических явлений: **put / be put into a container** – *caucus* (1),

democracy (1), *election* (12), *legislation* (54), *policy* (56) и *politics* (4); **throw into a container** – *election* (2), *legislation* (3), *policy* (21) и *politics* (61), с классификатором **fall into a container** – только два: *election* (24) и *politics* (58), хотя их общее количество позволяет говорить о диагностирующей функции этой конструкции.

В собрание / совещание можно вложить себя, т. е. отдать все свои силы тому делу, которым занимаешься (пример 48), вкладывать душу, свою жизнь в политическое движение (пример 49), деньги и усилия в выборы, в их проведение (пример 50), вкладывать ресурсы в политические концепции (примеры 51, 52). Чтобы реально оценивать какие-то события, необходимо иметь научный подход к проблеме, научный взгляд на нее, как в примере 53 – вкладывать прагматизм в трудовое законодательство.

(48) *Mr Cruz **put his all into the Iowa caucus**, but having won that he has backed down.*

(49) *Smaller sectarian concerns are nothing compared to the need to **put life back into our democracy** before it falters.*

(50) *You must assess it keeping in mind the money and muscle they **put into the elections**.*

(51) *It makes a lot more sense to **put resources into policy** and software than physical grid assets.*

(52) *We don't want to **put it into the intergovernmental politics** of the UN.*

(53) *... to examine levels of severance and redundancy payment to **put some realism into UK employment legislation**.*

Попасть в какую-то проблему значит проникнуть во что-то, т. е. очутиться в каком-то вместилище. Следовательно, данные понятия категоризируются по образу и подобию вместилища (примеры 54–57).

(54) *It's easy to argue that **throwing into the election** would make far more sense for another Murphy series, American Crime Story...*

(55) *He and his staff have made an art of **throwing into legislation** and taking on those hypocritical enough to talk about saving taxpayers' money.*

(56) *He knows that few voters **throw deeply into policies**, platforms or the daily activities of government.*

(57) *Occasionally, however, he'll **throw into politics**, at times using biblical allegories to explain repression of Christians in China today.*

По аналогии с вместилищем категоризируются и объекты, которые представлены в примерах 58 и 59 – *election* и *politics*, т. к. в них тоже идет указание на попадание во вместилище – в выборы, в политику. В поисках истины или чего-то нового, неизведанного необходимо «упасть» во что-то, в результате чего будут получены новые знания, сведения.

(58) *He is ready for the gamble to **fall into the elections** as a rebel against corruption and criminalisation.*

(59) *He **fell straight into politics** again always in search of the righteousness and equity for which he had fought...*

Об изъятии предмета из вместилища говорят глагольные локативные конструкции типа **VO / V out of a container**.

Наиболее частотными являются **get out of a container** (299), **take / be taken out of a container** (265), **remove / be removed out of a container** (200), **withdraw / be withdrawn out of a container** (198), **pull out of a container** (100) и некоторые другие.

Лексическая единица *federalism* не является релевантной ни для одной из классифицирующих конструкций, словоупотребления *populism* и *hegemony* зарегистрированы один раз в конструкциях **remove / be removed out of a container** и **take / be taken out of a container** соответственно, а *socialism* по одному разу в конструкциях **take / be taken out of a container** и **get out of a container**, что опять же свидетельствует об окказиональном употреблении этих политических понятий.

Из фракции или из политического движения, например демократического, можно кого-то удалить, освободить от каких-то обязанностей, снять ответственность за какие-то поручения. Лидер Новой Демократической партии и лидер Оппозиции Законодательного собрания Манитобы Ваб Каноз предлагал удалить Мохиндера Сарана, члена Новой Демократической партии (пример 60), или же удалить лидера оппозиции из Новой Демократической партии (пример 61). По аналогии с вместилищем можно изъять сенаторов из Либеральной фракции, отказаться от участия в проекте или от участия в выборах, однопартийной политике, от вложений в монополию или свободную денежную политику (примеры 62–66).

(60) *Leader Wab Kinew said of the decision to remove Mohinder Saran out of the party's caucus.*

(61) *He was taken out of New Democracy, the leading centre-right party, in 2006 for running against its chosen mayoral candidate.*

(62) *... initially published with a statement that the idea to get all Senators out of the Liberal caucus came from professor Emmett Macfarlane and Matthew Mendelsohn.*

(63) *SADA said it was forced to withdraw out of the Disability Caucus in view of the refusal by Disabled People South Africa (DPSA)...*

(64) *... two picked a quarrel over the Nasa leader's decision to withdraw out of the concluded elections.*

(65) *... affecting the nation even though he had last year announced his withdrawing out of active partisan politics.*

(66) *Marketing Corp. 'had no forewarning' of province's decision to withdraw out of monopoly.*

Одной из составляющих законодательства являются термины и определения. Процесс удаления какой-то части, слова из свода законов или нормативно-правового акта, входящих в систему законодательных актов, также категоризируется по образу и подобию вместилища (пример 67).

(67) *Secondly, the word entitlement should be taken out of the relevant legislation.*

Политические явления являются прототипом вместилища в случае, когда они помогают извлечь что-то из них. Так, монополия может помочь изъять титул (правовой),

т. е. достать из монополии (пример 68), благодаря политическому курсу можно сделать себе имя – достать из политического курса (пример 69).

(68) *The Wettest County in the World takes its title from the local monopoly on moonshine at the time.*

(69) *... never more than 14 in number, took its name from the policy of holding its monthly meeting on the Monday afternoon closest to the full moon.*

Интерпретация *вынимать из вместилища* может быть применена и к ситуации отказа от вступления в политическую партию, участия в предвыборной кампании и предстоящих выборах, а также принадлежности к определенной политической структуре (примеры 70, 71).

(70) *Tuesday, October 11 when he said that he had been pulled out of the forthcoming election because the IEBC ignored its irreducible minimums which incidentally includes the inclusion of the other...*

(71) *Manitoba had been pulled out of the monopoly in July, despite accounting for 80 per cent of the corporation's fish...*

Извлекать из вместилища можно и что-то положительное, например, получать деньги в результате манипуляций с политикой, приобретать выгоду, обращаясь к законодательству и т. д., т. е. получать что-то полезное и значимое в результате определенных действий (примеры 72, 73).

(72) *... that you are not getting the big money out of politics if the bill is delayed or takes a little while longer to get it passed.*

(73) *... and which have a deep knowledge of how to get the most out of legislation that is, after all, designed to make it easier for them.*

Заключение

Благодаря анализу словоупотреблений, зафиксированных в электронном корпусе NOW, было выявлено, что количество зарегистрированных словоупотреблений в глагольных локативных конструкциях – 6537, т. е. в 1,7 раза больше, нежели в атрибутивных конструкциях (3754), и в 24,6 раза больше, нежели в предикативных конструкциях (266).

Наибольшее количество примеров было обнаружено в глагольной локативной конструкции, идентифицирующей нахождение во вместилище **SV_{exist} in / inside a container**, наименьшее – в предикативной конструкции **a container is empty**, показывающей пустоту политического явления – его незначимый характер, бессмысленность.

Глагольные локативные конструкции мы можем условно разделить на три подгруппы:

- положить во вместилище: **put into a container** и подобные,
- быть во вместилище: **be / exist in a container, there is smth / smb in a container** и подобные,
- вынуть из вместилища: **take / be taken out of a container, pull out of a container, get out of a container** и подобные.

Можем отметить, что наиболее встречающимися социальными абстракциями, выступающими в роли вместилища, являются *policy* (3482), *election* (2653), *politics* (2147),

democracy (1025). Лексические единицы *socialism* (43), *monopoly* (35), *federalism* (33), *populism* (24) и *hegemony* (12) употребляются окказионально.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Allan K. Classifiers // *Language*. 1977. Vol. 53. № 2. P. 285–311.
2. Борискина О. О. Криптоклассный анализ лексики: этапы и перспективы // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 6. С. 45–50.
3. Борискина О. О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. № 1. С. 32–37.
4. Борискина О. О. Классифицирующие структуры в криптоклассном исследовании // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. № 2. С. 28–33.
5. Boriskina O. O. A corpus-based study on noun of Cryptotypes in English // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог»*. (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.) М.: РГГУ, 2011. Вып. 10. С. 135–145.
6. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка. Воронеж: Истоки, 2011. 332 с.
7. Борискина О. О. Теория и практика политической метафорологии // *Политическая лингвистика*. 2011. № 1. С. 254–256.
8. Кретов А. А. Съедобное-несъедобное или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiana*. 1992. № 14. С. 104–114.
9. Борискина О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: ВГУ, 2003. 211 с.
10. Донина О. В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 532 с.
11. Задобрицкая О. Ф. Английский криптокласс «Вместилище»: к проблеме выделения // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и коммуникация*. 2017. № 4. С. 56–60.
12. Борискина О. О., Голикова О. А. Именная классификативность и ее интерпретация в лингвистической теории // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 1. С. 11–16.
13. Голикова О. А. Именная классификативность в языке: криптокласс «Res Planae»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 169 с.
14. Задобрицкая О. Ф. Эмоции как «вместилище» в вариантах английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 272 с.
15. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
16. Onyshko A. Conceptual metaphor variation in meaning interpretation: evidence from speakers of New Zealand English // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 7–35. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.02ony>
17. Lucek S. Metaphor variation of spatial conceptualizations in Irish English: a methodological design // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 36–62. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.03luc>
18. Finzel A., Wolf H.-G. Cultural conceptualization of gender an homosexuality in BrE, IndI, and NigE // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 110–130. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.06fin>
19. Ahuja A., Techachoenrungrueang S., Luksaneeyanawin S. Metaphors of womanhood in the literary works of contemporary Indian writers // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 131–158. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.07ahu>
20. Callies M. 'Idioms in the making' and variation in conceptual metaphor // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 63–81. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.04cal>
21. Callies M., Onyshko A. Metaphor variation in Englishes around the world // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.01cal>
22. Gӧldenring B. A. Emotion metaphors in new Englishes: a corpus-based study of ANGER // *Cognitive Linguistic Studies*. 2017. Vol. 4. № 1. P. 82–109. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.05gul>
23. Кимов Р. С. Криптокласс «КОНТЕЙНЕР» в типологическом освещении // *Восьмая международная конференция по когнитивной науке*. (Светлогорск, 18–21 октября 2018 г.) М.: ИП РАН, 2018. С. 502–504.
24. Scott P. D. *Deep politics and the death of JFK*. University of California Press, 1996. 424 p.
25. Scott P. D. *Deep politics II: essays on Oswald, Mexico and Cuba*. University of California Press, 2003. 174 p.

original article

Categorization of Political Terms in the Image and Likeness of the Container

Oxana F. Zadobrivskaia

Rybnitsa branch of Pridnestrovian Shevchenko State University,
Republica Moldova, Pridnestrovie, Rybnitsa; <https://orcid.org/0000-0003-2016-1197>; ksha25@list.ru

Victoria G. Egorova

Rybnitsa branch of Pridnestrovian Shevchenko State University,
Republica Moldova, Pridnestrovie, Rybnitsa; <https://orcid.org/0000-0001-5124-4775>

Received 2 Aug 2021. Accepted after peer review 23 Aug 2021. Accepted for publication 23 Aug 2021.

Abstract: The research was based on the News on the Web Corpus (NOW). It featured political terms associated with the image of a container. The list of terms included *caucus, democracy, election, federalism, hegemony, legislation, monopoly, policy, politics, populism* and *socialism*. The English cryptotype "Res Continens" includes classifying constructions / collostructions of the characteristic word *container*, which makes it possible to refer particular nouns to this cryptotype. They are *a full container, a container is full, an empty container, a container is empty, a container is filled (with smth), a container is deep, SV_{exist} in / inside a container, VO / V in / into a container, VO / V out of a container, and a container contains*. The article introduces some social abstractions that are habitually or occasionally associated with a container. The authors analyzed word tokens with the indicated lexical units in the corresponding collostructions, as well as processes of categorization of these terms. Metaphorical units that define political phenomena were described as filled with some events or objects, full, empty, or deep; something can be taken out of them or put in/into them; one can take some data out of them to learn their essence better, etc.

Keywords: political term, social abstraction, linguistic categorization, analogy, container, cryptotype

Citation: Zadobrivskaia O. F., Egorova V. G. Categorization of Political Terms in the Image and Likeness of the Container. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 773–781. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-773-781>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Allan K. *Classifiers*. *Language*, 1977, 53(2): 285–311.
2. Boriskina O. O. Cryptotype analysis of noun lexis: stages and perspectives. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, (6): 45–50. (In Russ.)
3. Boriskina O. O. Cryptotype projection of abstract entities: applications of cryptotype approach to noun combinations study. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2009, (1): 32–37. (In Russ.)
4. Boriskina O. O. Diagnostic function of collostructions in cryptotype research. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2010, (2): 28–33. (In Russ.)
5. Boriskina O. O. A corpus-based study on noun of cryptotypes in English. *Computational linguistics and intelligent technologies: Proc. annual Intern. conf. "Dialogue"*, Bekasovo, 25–29 May 2011. Moscow: RGGU, 2011, iss. 10, 135–145.
6. Boriskina O. O. *English cryptotypes*. Voronezh: Istoki, 2011, 332. (In Russ.)
7. Boriskina O. O. Political metaphorology: theoretical and practical aspects. *Political Linguistics*, 2011, (1): 254–256. (In Russ.)
8. Kretov A. A. Edible-inedible or cryptotypes of Russian nouns. *Linguistica Silesiana*, 1992, (14): 104–114. (In Russ.)
9. Boriskina O. O., Kretov A. A. *The theory of linguistic categorization: national linguistic consciousness through the prism of the cryptotype*. Voronezh: VGU, 2003, 211. (In Russ.)
10. Donina O. V. *Latent categorization of emotions in language variants*. Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2016, 532. (In Russ.)
11. Zadobrivskaia O. F. English cryptoclass "Container": on the problem of its identification. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, (4): 56–60. (In Russ.)
12. Boriskina O. O., Golikova O. A. Noun classification devices and ways of their interpretation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, (1): 11–16. (In Russ.)
13. Golikova O. A. *Nominal classification in the language: cryptotype "Res Planae"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2018, 169. (In Russ.)

14. Zadobrivskaia O. F. *Emotions as a "container" in English dialects*. Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2019, 272. (In Russ.)
15. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 614.
16. Onyshko A. Conceptual metaphor variation in meaning interpretation: evidence from speakers of New Zealand English. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 7–35. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.02ony>
17. Lucek S. Metaphor variation of spatial conceptualizations in Irish English: a methodological design. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 36–62. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.03luc>
18. Finzel A., Wolf H.-G. Cultural conceptualization of gender an homosexuality in BrE, IndI, and NigE. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 110–130. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.06fin>
19. Ahuja A., Techachoenrungrueang S., Luksaneeyanawin S. Metaphors of womanhood in the literary works of contemporary Indian writers. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 131–158. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.07ahu>
20. Callies M. 'Idioms in the making' and variation in conceptual metaphor. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 63–81. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.04cal>
21. Callies M., Onyshko A. Metaphor variation in Englishes around the world. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 1–6. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.01cal>
22. Güldenring B. A. Emotion metaphors in new Englishes: a corpus-based study of ANGER. *Cognitive Linguistic Studies*, 2017, 4(1): 82–109. <https://doi.org/10.1075/cogls.4.1.05gul>
23. Kimov R. S. Cryptotype "CONTAINER" in typological coverage. *Eighth Intern. Conf. on Cognitive Science*, Svetlogorsk, 18–21 October, 2018. Moscow: IP RAN, 2018, 502–504. (In Russ.)
24. Scott P. D. *Deep politics and the death of JFK*. University of California Press, 1996, 424.
25. Scott P. D. *Deep politics II: essays on Oswald, Mexico and Cuba*. University of California Press, 2003, 174.

оригинальная статья

Структурные особенности символического макроконцепта *мать*: от первопризнака до символа

Гульсайра Озгонбаевна Ибраимова

Министерство образования и науки Киргизской Республики, Киргизская Республика, г. Бишкек; <https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>; gulsara25089@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.07.2021. Принята после рецензирования 02.08.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Основная цель статьи – описать особенности структуры русского макроконцепта *мать*. Для достижения цели поставлены две задачи: 1) проанализировать мотивирующие признаки макроконцепта *мать*; 2) выявить среди них символические признаки и исследовать их на основе языкового материала, взятого из Национального корпуса русского языка. В результате анализа 15 этимологических словарей было найдено 34 мотивирующих признака макроконцепта *мать*, в числе них девять относятся к классу символических: творец, образователь, Богородица, глава, земля, племенная пчела (матка), начало, причина, источник. Большое количество мотивирующих признаков указывают на древность макроконцепта *мать*. Основной особенностью изучаемого макроконцепта является то, что в его структуре среди мотивирующих находятся символические признаки, которые составляют четверть от всего объема мотивирующих признаков. Выделенные мотивирующие признаки макроконцепта *мать*, которые являются символическими, можно объединить в виде трех блоков: 1) (божественное) материнство: признаки *творец, образователь, Богородица, земля*; 2) основание: *начало, причина, источник*; 3) первенство / лидерство: *глава, племенная пчела (матка)*. Эти три блока отображают особенности русской ментальности, сохранившей в разные периоды истории языка память о культе Великой Богини-матери – основательницы мира, который последовательно воспроизводился в почитании матери сырой земли и Богородицы – Девы Марии.

Ключевые слова: мотивирующие признаки, символические признаки, концептуальная структура, лингвокультурология, языковая картина мира

Цитирование: Ибраимова Г. О. Структурные особенности символического макроконцепта *мать*: от первопризнака до символа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 782–789. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-782-789>

Введение

В рамках концептуальных исследований появился ряд работ, в которых объектом изучения становится особый тип концептов – символический [1–5]. Предложенная В. В. Колесовым формула развития когнитивных признаков концепта: *образ – понятие – символ* [6], должна быть пересмотрена в отношении отдельных концептуальных структур. Существует особый тип концептов, «в мотивирующих признаках которых уже заложен символ. Т. е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [7, с. 68].

Определить, к какому типу относится тот или иной концепт или макроконцепт, можно после определения всего спектра его мотивирующих признаков, выявляемых в ходе анализа этимологии слова – репрезентанта (макро)концепта. Как писал в аспекте логики Е. К. Войшвилло, «одна из основных функций понятия в процессе познания состоит именно в том, что оно выделяет (представляя в обобщенном виде) предметы некоторого класса по некоторым определенным (существенным) их признакам» [8, с. 117]. Мотивирующие признаки воссоздают первосмыслы, не всегда осознаваемые носителями современного русского языка: «слово в нашем языке предстает резервуаром хранения национальных

концептов – тех "первосмыслов" бытия, на основе которых осуществляется всякое мышление» [9, с. 34].

Основным термином данной статьи является *символический (макро)концепт*. «Под символическим понимается концепт, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [7, с. 68]. Символический макроконцепт – это «ментальное образование, у которого первопризнак (*conceptum*) в виде одного или нескольких мотивирующих признаков выражает определенный символ лингвокультуры» [10, с. 93].

Концепт *мать* не раз становился объектом лингвистических исследований. Многие из них носят сопоставительный характер. На материале русского и английского языков концепт *мать* был описан в статьях Н. К. Аванесян [11], М. А. Низамиевой [12], М. А. Андреевской и Г. А. Багаудиновой [13]; русского и французского – М. А. Низамиевой и Д. Р. Рахимовой [14]. Есть статья по теме концепт *mother* (мать) в индивидуально-авторской картине мира (в серии романов Джоан Роулинг «Гарри Поттер») [15] и статья

К. Семра о полисемии слова *mother* в аспекте концептуальных признаков [16]. М. А. Андреянова исследовала концептосферу материнства в русском, английском и французском языках [17]. Существует ряд статей по сравнению смежных концептов: О. П. Фесенко изучила на словарном материале концепт *Родина* в русской и арабской лингвокультурах [18], О. А. Чибышева – концепт *женщина* на материале русских и английских фразеологизмов [19], Е. Hentschel, H. Keller – культурные концепты родительства [20]. С позиций символического макроконцепта, связи мотивирующих признаков с мифами лингвокультуры макроконцепт *мать* изучен не был, в этом состоит научная новизна проводимого в данной статье исследования.

В статье используется и позволяет решить поставленные автором задачи набор методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный, метод анализа словарных дефиниций. Проанализировано 15 этимологических словарей и дискурсивный материал Национального корпуса русского языка¹ (НКРЯ).

Мотивирующие признаки макроконцепта *мать* в этимологических и историко-этимологических словарях русского языка

Класс символических макроконцептов представляет большой интерес для когнитивистов. Изучение этого класса макроконцептов позволяет открыть забытые мифы и символы лингвокультуры.

Для решения первой задачи мы обратились к этимологическим источникам – 15 этимологическим и историко-этимологическим словарям, в которых приводится от одного (словари Г. А. Крылова² и Н. М. Шанского³) до 14 (Словарь русского языка XI–XVII вв.⁴) и 18 мотивирующих признаков (Этимологический словарь славянских языков⁵).

В словаре М. М. Изюмова перечисляются первопризнаки макроконцепта *мать*: «Санскр. *Matar* соб. Творец, образователь, *mâtār* мать»⁶. Словарь русского языка XI–XVII вв. и словарь А. К. Шапошникова⁷ указывают на символический признак макроконцепта *мать* – земля (приводя устойчивые фольклорные формулы: *мать сыра земля, земля матушка*).

Словари И. И. Срезневского⁸, Г. П. Цыганенко⁹ и Ф. С. Шимкевича¹⁰ отмечают мотивирующий признак *родительница*, который также можно причислить к символическим по двум причинам: 1) из-за ассоциации с Родиной: Родина – это то место, где родился человек (отсюда символический признак *Родина-мать*); 2) из-за общего корня слов, символизирующих род (*родительница, рождать, родины, роды* и др.).

Этимологические словари Р. И. Аванесова¹¹ и А. Г. Преображенского¹² упоминают символический признак *Богородица*, приводя слово *мати*, словосочетание *матерь Божья* и др. Только в словаре И. И. Срезневского находим еще один символический признак – *глава*, в словарях Р. И. Аванесова, А. Г. Преображенского, П. Я. Черных¹³ и Ф. С. Шимкевича другой – *племенная пчела (матка)*. В словарях Р. И. Аванесова, А. К. Шапошникова и Словаре русского языка XI–XVII вв. приведены символические признаки *начало, причина*. В этих словарях и словаре Н. В. Горяева¹⁴ упоминается символический признак *источник*.

Словари А. В. Семенова¹⁵ и М. Фасмера¹⁶ не приводят ни одного символического признака в словарных статьях *мать*. Полученные результаты определения мотивирующих признаков приведены в таблице.

Изучение словарных статей из 15 этимологических словарей привело к обнаружению 34 мотивирующих признаков макроконцепта *мать*. Среди них символическими являются девять первопризнаков: творец, образователь, Богородица, глава, земля, племенная пчела (матка), начало,

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 01.01.2021).

² Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфслужбы, 2005. С. 231.

³ Мать // Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/м/мать> (дата обращения: 01.01.2021).

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 9 (М) / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1982. С. 44–48.

⁵ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1993. Вып. 18. С. 16–18.

⁶ Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими: в 4-х отд. / сост. Изюмов М. М. СПб.: А. Н. Шигин, 1880. С. 115–116.

⁷ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 1. С. 500.

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II: А–П. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1902. С. 118–119.

⁹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2 изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. С. 227.

¹⁰ Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками: удостоен Демидовской премии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. Ч. I. С. 138–139.

¹¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV). Т. IV: изживати–моление / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1991. С. 512–514.

¹² Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I: А–О. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1914. С. 516.

¹³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. I: А–Пантомима. М.: Рус. яз., 1999. С. 516.

¹⁴ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канц. главнач. гражд. частью на Кавказе, 1896. С. 203.

¹⁵ Мать // Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. Режим доступа: <http://endic.ru/semenov/Mat-1146.html> (дата обращения: 01.01.2021).

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. II. С. 583–584.

Табл. Мотивирующие признаки макроконцепта *мать*Tab. Motivating signs of the *mother* macroconcept

№	Признак	Аванесов Р. И.	Горяев Н. В.	Изюмов М. М.	Крылов Г. А.	Преображенский А. Г.	Семенов А. В.	Словарь русского языка XI–XVII вв.	Срезневский И. И.	Цыганенко Г. П.	Фасмер М.	Черных П. Я.	Шанский Н. М.	Шапошников А. К.	Шимкевич Ф. С.	Этимологический словарь славянских языков
1	Богородица (мати)	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	вожак в овечьем стаде	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
3	глава	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
4	жена	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+
5	женщина (имеющая детей)	+	-	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+
6	женская особь конопли	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7	земля	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
8	игуменья / старшая монахиня	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
9	источник	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-
10	порода / каменистое вещество (содержащее руду или драгоценные камни) (матка)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
11	компас (обл. Камч.; деревянный компас у жителей Белого моря)	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+
12	коновод / главарь в играх, напр., в лапте (обл.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
13	крестная (мать)	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
14	магнит	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
15	матица	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
16	матка (анат.)	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
17	мачеха	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
18	начало	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-
19	образователь	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
20	основа(ние)	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-
21	племенная пчела (матка)	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	+
22	по отношению к детям	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	+	-
23	по отношению к детенышам	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-
24	предмет (служ. для образования таких же или для передачи им свойств / качеств	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
25	причина	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-
26	родительница	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+
27	русло реки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
28	рыба (кета – Анадырь; палья – онеж.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
29	самка (имеющая детенышей)	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	+	+
30	свекровь	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
31	творец	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
32	тёща	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
33	центральная часть войска	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
34	часть ноги у кобылицы	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+

причина, источник. Именно это обстоятельство является основанием отнесения макроконцепта *мать* к разряду символических.

Описание признаков макроконцепта *мать* на материале НКРЯ

По словам В. В. Колесова, необходимо распознать «пути возникновения первосмысла в образной форме первообраза, совместно именуемых концептумом (лат. *conceptum* 'зерно, зародыш'), как первоначального состава концепта (лат. *conceptus* 'содержащий'), последовательно образующего новые формы – образа, символа и понятия» [21, с. 438]. Обратимся к собранному из НКРЯ языковому материалу с целью краткого описания объективации обнаруженных символических признаков макроконцепта *мать*.

Первопризнаками *творец* и *образователь* определяется Бог: *Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки* (Пришвин М. М. Кладовая солнца). У большинства народов мира существовал культ Великой Богини-матери [22]. Эмиль Дюркхайм, обращаясь к теме соотношения личности, общества и культуры, пишет, что оценивать их нужно в аспекте божества, которому они поклоняются. Культура, возводящая мать до статуса Великой Матери, ставя ее на пьедестал богини, отражает доминанты чувств любви и близости, заботы о детях [23]. В русской лингвокультуре в описаниях матери часто встречается сравнение ее с богиней: *А на крыльце уже стоит прекрасная, как богиня, мать Веры* (Окуджава Б. Новенький как с иголочки). «Богиня-мать, главное женское божество в большинстве мифологий мира. Как правило, соотносится с землей и – более широко – с женским творческим началом в природе»¹⁷.

Творение матери происходит в факте рождения детей. Рождение воспринимается как божественное действие: *И когда будет проявлена, открыта слава земли и неба, Господь Иисус Христос, истинный Бог, но и истинный человек, будет среди нас пребывать Божией Матерью, Которая дала Ему плоть Свою любовью, верой, святостью, благоговением* (митрополит Антоний. Рождество Божией Матери). Этот признак переносится в идеологию православия: *Она вошла в жизнь, будучи Матерью Жизни вечной на земле, и мы ликуем о Её Успении и радуемся о том, что, по преданию церковному, земля не удержала Её бранных останков, что Она и плотью воскресла и что Она – первенец из мёртвых после Христа Воскресшего* (митрополит Антоний. Успение Божией Матери). В христианстве праматерью – матерью всех людей – называют Еву – жену Адама – первочеловека: *От матери-праматери досталось?* (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей).

Культ Великой Богини-матери продолжился в культе Богородицы [22]. Истоки признака *Богородица* находим

в тексте Библии. Богородицу называют пресвятой матерью: *И взмолился я к владычице небесной: «Мать пресвятая богородица, утешение всех скорбящих!»* (Вересаев В. В. В степи); *«Господи, матери пресвятыя богородицы!»* – говорила в себя и вздыхала старуха, глядя на бомбы... (Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы). Богородица – это мать Иисуса Христа – Дева Мария: *У нас есть не только одно Священное Писание, но и многие отцы Церкви, которые почитаются католиками и православными, много общего в области Таинств и почитания Божией Матери* (Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире). В христианстве общепринято почитание Богородицы. В традициях христианской церкви много праздников и знаменательных дат, связанных с именем Богородицы: *На этой неделе Православная Церковь празднует Успение Божией Матери* (митрополит Антоний. Успение Божией Матери); *Рождество Божией Матери* 20 сентября 1968 г. <... > *Всякий праздник Божией Матери – это чистая радость* (митрополит Антоний. Рождество Божией Матери). Существует много икон с изображением Богородицы: *Мы с мамой поселились в восьми вёрстах от Ярославля, в Толгском монастыре, основанном на берегу Волги в честь явленной иконы Толгской Божией Матери* (Ходасевич В. Ф. Младенчество).

Символический признак *земля* относится к дохристианскому мировоззрению, когда сложилась формула почитания этой стихии мира. Культ земли соотносится с культом Великой Богини-матери, а позже – с культом Богородицы: *«Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого»*. – *«Так, говорит, богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость»* (Достоевский Ф. М. Бесы). В русском языке сохранилось выражение *мать сыра земля* – *говорить нельзя, скрывающее в себе табуирование прежних верований и имен соответствующих богов и богинь: Возьми, млад-Устиньюшка, вот тебе благостыня, а держи ты молодого меня на своих харчах, поколе мать сыра земля меня носит...* (Достоевский Ф. М. Господин Прохарчин). До сих пор широко используется выражение *как земля только носит (кого)*, в котором глагол *носить* имеет значение *вынашивать* (о беременных). Другой способ реализации этого символического признака – описательный, когда земля, мать и страна выступают контекстуальными синонимами: *Ах, земля моя, мать-мачеха Расея...* (Городницкий А. М. Тайны и мифы науки). Здесь мы сталкиваемся с явлением языкового синкретизма: «Веками сохраняется образный синкретизм представления о Родине, которое выражено также в сказочном обороте "мать-земля"» [24, с. 159]. На этот языковой факт обратил внимание еще Ф. И. Буслаев: «у нас в старину вместо *отчества* говорилось просто *земля, Русская земля*» [25, с. 304].

¹⁷ Богиня мать // Мифы народов мира: энциклопедия Т. 1: А–К / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 148.

Экспликация символических признаков макроконцепта *мать* происходит посредством зооморфного и антропоморфного кодов лингвокультуры. Для русской лингвокультуры характерен энтомологический символизм пчелы. У многих народов пчела считается знаковым символом. Вполне вероятно, что ранее существовал культ пчел, ныне утраченный и забытый. «Пчелиная матка обычно выступает как символ верховной власти, плодородия, богини матери (эмблема деви Марии)»¹⁸. Признак *племенная пчела (матка)* может быть выражен через описание насекомого: *Матка дополнительно стимулируется и пчелы освобождают место под засев меньше притаскивают пыльцы* (Форум 2015. Установка корпусов и магазинов весной); *Почему мед такой темный? – спросила бы его пчелиная матка* (Бару М. Б. Кольчуга из щучьей чешуи) – и в метафорическом контексте: *Видимо, она была хозяйкой и повелительницей хора. Нечто вроде пчелиной матки* (Катаев В. П. Алмазный мой венец). В славянской традиции сохранился пчелиный праздник св. Зосимы, отмечаемый 17 апреля: *зосимой* в некоторых областях России называли улей.

Мотивирующий признак *глава* символично представляет того, кто имеет авторитет. В своей работе Йохан Якоб Баховен на основе изучения религиозных символов и мифов в древних обществах приходит к выводу, что патриархат был вторичен в общественном развитии и «следовал за матриархатом, когда в обществе правили женщины, где главным было Материнское право»¹⁹ [26, р. 31]. Сейчас во власти доминируют мужчины. Возникает противоречие: признак выражается словом в форме женского рода, а представителями власти являются мужчины. Гендерные признаки макроконцепта *мать* в таких случаях амбивалентны: *И вот вошла наконец матка – вошёл сановник* (Тургенев И. С. Гамлет Щигровского уезда), когда посредством признака *глава* может быть описан мужчина: *Двое наиболее взрослых и авторитетных парней становились «матками»* (Козлов А. Козел на саксе). Такое явление сохранилось в основном в детских играх: *Ты будешь – «камень», а я – «кирпич», после чего они подходили к «маткам» и спрашивали: «Матки, матки, чьи заплатки?»* (Козлов А. Козел на саксе).

Мифологическое восприятие мира приводит к созданию метафор, образованных на признаках родства (на основе

фамильного сходства – *Familienschaft*, по Л. Витгенштейну [27]). Признак *причина* реализуется в разных контекстах метафорой материнства: *Если праздность – мать пороков, то Париж, очевидно, отец пороков* (Давыдов Ю. Синие тюльпаны). У признака *начало* такой же способ актуализации: *Идея моя элементарна, любезнейший Москвич: я хочу с помощью матери Науки обыграть индустрию обмана...* (Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп).

Природа считается источником всего живого. Признак *источник* символизирует материнские качества природы: *Не получают-де спокойствия в праздности, если не улучат туда, куда родила их мать – натура* (Сковорода Г. Толкование из Плутарха о тишине сердца). В самом названии *природа* скрыта идея рода. Признаком *источник* может наделаться любой объект природы. Это явление отображается в том числе и в терминах: *Оно обозначает не собственно жемчужину, а слой, выстилающий жемчугоносную раковину, для чего в других языках есть такие слова, как Perlmutter (в немецком) или madreperla (в итальянском). Всё это переводится как «мать жемчуга»* (Лерчик А. Жемчуг слёз и розы смеха).

Заключение

В результате изучения 15 этимологических и историко-этимологических словарей выявленные символические признаки среди мотивирующих в структуре макроконцепта *мать* можно объединить в виде трёх блоков:

- (божественное) материнство: творец, образователь, Богородица, земля;
- основание: начало, причина, источник;
- первенство / лидерство: глава, племенная пчела (матка).

Они отображают специфику русской ментальности, сохранившей в концептуальной системе в разные периоды истории языка память о культе Великой Богини-матери – основательницы мира, который последовательно воспроизводился в традициях почитания матери сырой земли и Богородицы – Деви Марии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Пименова М. В. Символы культуры в концептуальных структурах (на примере концепта *игра*) // Новое в когнитивной лингвистике XXI века / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: ИД Д. Бурого, 2013. С. 41–50.
2. Пименова М. В. Лебедь: слово & символ // Язык, культура, этнос / отв. сост. О. Н. Морозова, М. В. Пименова. Бишкек-СПб., 2017. С. 62–70.
3. Пименова М. В. Концепты *радуга* и *rainbow*: от этимологии до символа // Язык и культура XXI века / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 21–29.

¹⁸ Иванов В. В., Топоров В. Н. Пчела // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 2: К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 845.

¹⁹ Перевод выполнен автором статьи.

4. Пименова М. В. Соотношение терминов *мифологема* и *символический макроконцепт* // Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 175-летию юбилею Абая Кунанбаева. (Атырау, 27 апреля 2020 г.) Атырау: АГУ, 2020. С. 130–133.
5. Пименова М. В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая. 2021. № 2. С. 37–44.
6. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. № 3. С. 30–40.
7. Пименова М. В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 65–83.
8. Войшвилло Е. К. Понятие. М.: МГУ, 1967. 286 с.
9. Колесов В. В. Русская дума: особенности концептуализации // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 33–39.
10. Пименова М. В., Бакирова А. А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
11. Аванесян Н. К. Сравнительно-сопоставительная характеристика средств выражения концептуально-когнитивного фрейма «Мать» в английском и русском языках // Казанская наука. 2012. № 5. С. 143–146.
12. Низамиева М. А. Концепт «мать» в современных произведениях на русском и английском языках // Казанская наука. 2017. № 9. С. 69–71.
13. Андреева М. А., Багаутдинова Г. А. Реализация концепта 'мать (mother)' в русском и английском языках (на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17. С. 17–22.
14. Низамиева М. А., Рахимова Д. Р. Концепт «мать» в русской и французской фразеологии // Казанская наука. 2020. № 1. С. 110–112.
15. Ганиева А. О. Концепт «mother» (мать) и средства его реализации в серии романов Джоан Роулинг «Гарри Поттер» // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 29. С. 41–46.
16. Cempa K. Polysemy of mother – a linguistic overview of the concept // Beyond Philology. An International journal of linguistics, literary studies and English language teaching. 2010. № 7. P. 9–33.
17. Андреева М. А. Реализация концептосферы «материнство» в русском, английском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 206 с.
18. Фесенко О. П. Концепт «Родина» в русской и арабской лингвокультурах (на материале словарей) // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 22. С. 161–165.
19. Чибышева О. А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
20. Hentschel E., Keller H. Cultural concepts of parenting. A linguistic analysis // Linguistik online. 2006. № 4. P. 73–95.
21. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 3. С. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
22. Przyłuski J. La Grande Deesse. Paris: Payot, 1950. 312 p.
23. Dürkheim E. The Division of Labor is Society. N. Y.: Free Press, [1893] 1933. 439 p.
24. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986. 311 с.
25. Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1873. Т. 103. С. 293–329.
26. Bachofen J. J. Mother right: an investigation of the religious and juridic character of matriarchy in the ancient world. N. Y.: The Edwin Mellen Press, [1861] 2006. 64 p.
27. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 22–164.

original article

Structural Features of the Symbolic Macroconcept of *Mother*: from the First Sign to the Symbol

Gulsaira O. Ibraimova

Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz Republic, Bishkek; <https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>; gulsara25089@yandex.ru

Received 4 Jul 2021. Accepted after peer review 2 Aug 2021. Accepted for publication 9 Aug 2021.

Abstract: The research objective was to describe the Russian macroconcept of mother. The author analyzed its motivating and symbolic signs. The study was based on the National Corpus of the Russian language (www.ruscorpora.ru) and featured 15 etymological dictionaries. Nine out of 34 motivating signs could be identified as symbolic: creator, educator, Mother of God, head, earth, queen bee, start, reason, source. Most of the motivating signs indicated the antiquity of the macroconcept. Symbolic signs appeared to make up a quarter of the total volume of motivating signs. They can be combined into three groups: 1) (Divine) motherhood (four signs: creator, educator, Mother of God, earth); 2) foundation (three signs: start, reason, source); 3) superiority / leadership (two signs: head, queen bee). These three groups reflect the peculiarities of the Russian linguistic mentality, which preserved the memory of the cult of the Great Mother, reproduced first as the Mother Earth and later as Theotokos.

Keywords: motivating signs, symbolic signs, conceptual structure, cultural linguistics, language picture of the world

Citation: Ibraimova G. O. Structural Features of the Symbolic *Mother* Macroconcept: from the First Sign to the Symbol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 782–789. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-782-789>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Pimenova M. V. Symbols of culture in concepts: the concept of *igra* (game). *News of Cognitive Linguistics of the XXI century*, ed. Pimenova M. V. Kiev: ID D. Burago, 2013, 41–50. (In Russ.)
2. Pimenova M. V. Swan: word & symbol. *Language, culture, ethnos*, eds. Morozova O. N., Pimenova M. V. Bishkek-St. Petersburg, 2017, 62–70. (In Russ.)
3. Pimenova M. V. Concepts *raduga* and *rainbow*: from etymology to symbol. *Language and Culture of the XXI Century*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGEU, 2019, 21–29. (In Russ.)
4. Pimenova M. V. Correlation of the terms mythologeme and symbolic macroconcept. *Linguistics and Literary Studies at the Turn of the Millennium: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, dedicated to the 175th anniversary of Abai Kunanbayev, Atyrau, 27 Apr 2020. Atyrau: AGU, 2020, 130–133. (In Russ.)
5. Pimenova M. V. Features of the structure of the symbolic macro concept *Genus*. *Bulletin of Sh. Ualikhanov Kokshetau University. Philological series*, 2021, (2): 37–44. (In Russ.)
6. Kolesov V. V. Concepts of culture: image-concept-symbol. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, 1992, (3): 30–40. (In Russ.)
7. Pimenova M. V. Symbolic concepts as part of conceptual system: the concept of *tvorchestvo* (creativity). *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*, ed. Pimenova M. V. Moscow: IIA RAN, 2011, 65–83. (In Russ.)
8. Voishvillo E. K. *Concept*. Moscow: MGU, 1967, 286. (In Russ.)
9. Kolesov V. V. Russian Duma: features of conceptualization. *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*, ed. Pimenova M. V. Moscow: IIA RAN, 2011, 33–39. (In Russ.)
10. Pimenova M. V., Bakirova A. A. Symbolic macroconcept of the universe in the aspect of the first sign in Russian linguoculture. *Humanitarian Vector*, 2021, 16(1): 92–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
11. Avanesyan N. K. The comparative-contrastive study of means of expression of conceptual-cognitive frame "Mother" in English and Russian. *Kazan Science*, 2012, (5): 143–146. (In Russ.)
12. Nizamieva M. V. Concept "mother" in the works of the modern writers P. Sanaev, C. Anern. *Kazan Science*, 2017, (9): 69–71. (In Russ.)

13. Andreyanova M. A., Bagautdinova G. A. Realization of the concept 'mother' in Russian and English (as actualized in the novels by M. Gorky and J. E. Steinbeck). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, (17): 17–22. (In Russ.)
14. Nizamieva M. V., Rakhimova D. R. Concept "mother" in the Russian and French phraseology. *Kazan Science*, 2020, (1): 110–112. (In Russ.)
15. Ganieva A. O. The "mother" concept and its means of expression in the Joan Rowling's "Harry Potter" series of novels. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2017, (29): 41–46. (In Russ.)
16. Cempa K. Polysemy of mother – a linguistic overview of the concept. *Beyond Philology. An International journal of linguistics, literary studies and English language teaching*, 2010, (7): 9–33.
17. Andreyanova M. A. Implementation of the concept sphere "motherhood" in Russian, English, and French. Cand. Philol. Sci. Diss. Kazan, 2012, 206. (In Russ.)
18. Fesenko O. P. Concept "Homeland" in Russian and Arabic linguocultures (based on dictionaries). *Iazyk i kultura (Novosibirsk)*, 2016, (22): 161–165. (In Russ.)
19. Chibysheva O. A. The concept of "woman" in Russian and English phraseology: subject woman-naming phraseological units. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Chelyabinsk, 2005, 24. (In Russ.)
20. Hentschel E., Keller H. Cultural concepts of parenting. A linguistic analysis. *Linguistik online*, 2006, (4): 73–95.
21. Kolesov V. V. "Pervosmysl" of the concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, 15(3): 438–452. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
22. Przyluski J. *La Grande Deesse*. Paris: Payot, 1950. 312 p.
23. Dürkheim E. *The Division of Labor is Society*. N. Y.: Free Press, [1893] 1933, 439.
24. Kolesov V. V. *The world of man in the word of Ancient Rus*. Leningrad: LGU, 1986, 311. (In Russ.)
25. Buslaev F. I. *Comparative study of folk life and poetry*. *Russian Bulletin*, 1873, 103: 293–329. (In Russ.). Moscow: Univ. tip., 1848, 211. (In Russ.)
26. Bachofen J. J. *Mother right: an investigation of the religious and juridic character of matriarchy in the ancient world*. N. Y.: The Edwin Mellen Press, [1861] 2006, 64.
27. Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise. *Philosophical works*. Moscow: Gnosis, 1994, pt. 1, 22–164. (In Russ.)

оригинальная статья

Образ Кузбасса через призму антропоморфной метафоры (кейс-стади институционально-административного дискурса министерств региона)

Вероника Александровна Каменева

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>;
russia_science@mail.ru

Ирина Станиславовна Морозова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Марина Юрьевна Рябова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Любовь Ивановна Федянина

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Андрей Геннадьевич Фомин

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Михаил Сергеевич Яницкий

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Поступила в редакцию 02.08.2021. Принята после рецензирования 10.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Изложены результаты анализа метафоризации образа Кузбасса. Работа выполнена на материале официальных сайтов семнадцати министерств Кемеровской области – Кузбасса для информирования граждан и других заинтересованных лиц о различных аспектах деятельности региона в период 2018–2021 гг. Выявлено доминирование антропоморфной метафоры в презентации региона в институционально-административном дискурсе. В репрезентативную выборку исследования вошли 137 контекстов употребления антропоморфных метафор, проведен их комплексный анализ. В указанном типе дискурса антропоморфно метафоризируется как регион в целом, так и органы управления Кузбасса. В данном исследовании антропоморфная метафора рассматривалась с холистических позиций, но с учетом психофизиологического, социально-культурного и социально-экономического аспектов метафоризации. Интерпретация полученных результатов осуществлялась с помощью таких лингвистических методов, как контекстуальный анализ, лингвостилистический анализ, а также элементов контент-анализа при выявлении контекста употребления лексемы *Кузбасс*. Для сбора и интерпретации фактологического материала исследования привлекались общенаучные методы синтеза и анализа. Практическая значимость проведенного исследования заключается в применении полученных результатов при проведении мониторинга соответствия текущего и желаемого имиджа территории. Результаты показали, что в антропоморфном образе региона акцентируются такие психофизиологические характеристики человека, как лицо, умственные способности, регион наделяется волей, чувствами, стремлением к совершенствованию, умением планировать свою жизнь и деятельность. В социально-культурном аспекте Кузбасс метафорически представлен как человек, имеющий семью и хранящий традиции, как гостеприимный и жизнерадостный человек, который любит праздники и чтит традиции. В социально-экономическом – как думающий о своем благополучии и благополучии страны человек, умеющий рационально тратить финансы, как хороший предприниматель и надежный партнер.

Ключевые слова: антропоморфизм, метафоризация, политический дискурс, имидж территории, образ региона, метафорическая репрезентация

Цитирование: Каменева В. А., Морозова И. С., Рябова М. Ю., Федянина Л. И., Фомин А. Г., Яницкий М. С. Образ Кузбасса через призму антропоморфной метафоры (кейс-стади институционально-административного дискурса министерств региона) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 790–797. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-790-797>

Введение

Административный дискурс представляет собой один из видов институционального дискурса [1–9]. Зачастую в научной литературе он обозначается как институционально-административный. Институциональный дискурс понимается как «профильный стандартизированный вид коммуникации, обусловленный определенным родом деятельности участников общения и регламентированный

по форме и содержанию» [10, с. 299]. Как показал обзор научной литературы, содержательный и аксиологический аспекты институционально-административного вида дискурса довольно редко попадают в исследовательское поле отечественных и зарубежных лингвистов из-за того, что данному виду дискурса свойственны клишированность и стандартизованность. Основное внимание смещено на его

функциональность [11–14], анализ коммуникативных стратегий в рамках профессионального взаимодействия коммуникантов с разным статусом в административной иерархии той или иной организации [15]. В этой связи обращение к содержательному аспекту официального дискурса министерств региона позволяет говорить о новизне предпринятого исследования.

Актуальность работы определяется увеличивающимся интересом ученых к изучению лингвистических научных объектов с позиции антропоцентризма. Антропоцентрический подход [16] позволяет высветить те грани научных объектов, которые оставались вне фокуса научных исследований при применении системно-структурного подхода.

Материал и методы исследования

Материал исследования отбирался приемом направленной выборки. В генеральную совокупность вошли все тексты с 2018 по 2021 г., размещенные на сайте Министерства жилищно-коммунального и дорожного комплекса Кузбасса, Министерства финансов Кузбасса, Министерства физической культуры и спорта Кузбасса, Министерства туризма и молодежной политики Кузбасса, Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, Министерства труда и занятости населения Кузбасса, Министерства цифрового развития и связи Кузбасса, Министерства науки и высшего образования Кузбасса, Министерства образования Кузбасса, Министерства здравоохранения Кузбасса, Министерства социальной защиты населения Кузбасса, Министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кузбасса, Министерства строительства Кузбасса, Министерства природных ресурсов и экологии Кузбасса, Министерства промышленности и торговли Кузбасса, Министерства транспорта Кузбасса, Министерства угольной промышленности Кузбасса. Общий объем материала составил 137 контекстов употребления антропоморфных метафор, используемых для описания различных видов деятельности Кузбасса.

Исследование выполнено с привлечением методологии нескольких лингвистических направлений и теорий: дискурсивных исследований, теории текста, теории метафоры, лингвокультурологии. Составление фактологической базы исследования и интерпретация полученных результатов осуществлялись с помощью контекстуального анализа, стилистического анализа, элементов контент-анализа для изучения контекста употребления лексемы *Кузбасс*.

В методику исследования вошло: 1) составление репрезентативной выборки; 2) сбор и интерпретация данных о контекстах употребления лексемы *Кузбасс* в исследуемом дискурсе; 3) определение ведущей метафоры, репрезентирующей образ Кузбасса в дискурсе Министерств региона; 4) анализ антропоморфной метафоры и ее роли в репрезентации образа Кузбасса в институционально-административном дискурсе.

Результаты

Массовое сознание как широкая совокупность идей, образов, суждений формируется с помощью различного рода дискурсов, моделирующих образ объекта или места, в данном случае – образ региона Сибири, Кемеровской области, или Кузбасса, который является предметом данного исследования. Языковой образ, конституируемый средствами метафоризации, формирует социокультурный знак, как элемент жизни человека формирует его представление об окружающем мире и о нем самом. Этот образ тесно связан с культурными ценностями, моделью поведения человека в обществе, формами отношений с различными сферами жизни общества и т. д.

Кузбасс, являясь главным угледобывающим регионом России, мощным индустриальным центром, стремится к тому, чтобы наряду с промышленным потенциалом развивать и культурную сферу, делая регион привлекательным для жизни граждан. Сегодня в Кузбассе функционирует более ста угледобывающих предприятий, которые поставляют более половины всего российского угля и почти 100 % российского коксующегося угля.

Отметим, что СМИ часто изображают город Кемерово как шахтерскую столицу России. Будучи основной отраслью промышленности региона, угледобывающий сектор стремится решать вопросы устойчивого развития для достижения экономической стабильности и социального обеспечения Кузбасса. Благополучие региона во многом обусловлено тем, что угольные месторождения постепенно истощаются и / или представляют угрозу его экологии. Так, недавно в новостях многих, в том числе и международных изданий, был описан случай выпадения т. н. черного снега. В публикациях иностранных СМИ часто встречаются номинации Кузбасса, содержащие негативные коннотации: *toxic, horrifying, black, killer, death, Apocalypse*. В народной памяти до сих пор хранится образ бурных событий девяностых, когда забастовки шахтеров в Кузбассе были первыми публичными выражениями неудовлетворенности, а слово *забастовка* прочно ассоциировалось с образом Кузбасса. Сегодня в Кузбассе многие с ностальгией вспоминают время, когда шахтеры были в центре политической борьбы.

Другая сторона негативного имиджа Кузбасса в СМИ связана со взрывами газа и авариями в шахтах. В 2007 и 2010 г. случились две трагические катастрофы на угольных предприятиях: катастрофа на Ульяновской шахте, унесшая жизни 110 шахтеров в 2007 г., и взрывы газа на шахте «Распадская» в 2010 г. (погиб 91 человек). Всего за последние шестнадцать лет случилось 11 крупных аварий на шахтах, при которых погибли люди.

Власти региона в рамках институционально-административного дискурса стремятся скорректировать данный образ, тиражируемый СМИ. Формирование положительного образа Кузбасса связано с представлением о нем как о наиболее развитом промышленном регионе, экономическое и культурное развитие которого сформулировано

в программе «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года». В программе выделяются несколько приоритетных направлений развития, в частности, модернизация промышленности, улучшение экологии, повышение уровня жизни, демографический рост и т. д.

Обращение к официальному дискурсу министерств Кузбасса с антропоцентрических позиций позволило высветить новый объект научных исследований – образ региона, создаваемый на официальных сайтах Министерств региона с помощью антропоморфных [17] или антропоцентрических метафор [18]. Выбор антропоморфных метафор в качестве материала данного исследования не случаен. Во-первых, проведенный анализ официального дискурса министерств Кузбасса показал доминирование этого вида метафор над остальными для создания образа Кузбасса. Во-вторых, обращение к антропоморфным метафорам с целью анализа имиджа определенной территории стало актуальным в последние годы. Отметим работы по изучению антропоморфной метафоризации Европы [19], России [20; 21], Крыма [22].

Обзор научных исследований позволяет утверждать, что антропоморфную метафору трактуют с позиции холизма и редукционизма. С позиции холизма под антропоморфной (антропоцентрической) метафорой понимают наделение объектов или явлений окружающей действительности антропоморфными признаками (относящимися к внешности человека, эмоциональной сфере, здоровью, социальному статусу и поведению) для экспликации номинативной, аргументативной, эмоционально-оценочной, прагматической, апеллятивной, когнитивной и других функций. При таком подходе все метафорические переносы относят к антропоморфной метафоре [23; 24].

С позиции редукционизма антропоморфные переносы рассматриваются отдельно как физиологическая (телесная метафора или метафора организма) метафора, морбальная метафора и метафора родства [25–29]. В данном исследовании придерживаемся холистического подхода к идентификации и интерпретации антропоморфной метафоры, но с акцентированием психофизиологического, социально-культурного, социально-экономического аспектов метафоризации.

Психофизиологический аспект

Психофизиологические характеристики человека, как правило, служат основой для составления суждения о нем. Соответственно, приписывание определенных психофизиологических характеристик региону в институционально-административном дискурсе позволяет установить желательный образ, транслируемый властями Кузбасса. Как показал анализ, Кузбасс предстает как человек, который растет и развивается, находит свой путь в жизни. Следовательно,

Кузбассу, как и человеку, свойственно постоянное развитие и большой потенциал возможностей, что и демонстрируется в следующих примерах: *Уважаемые горняки, жители Кузбасса! Поздравляю вас с Днем шахтера, желаю крепкого здоровья и благополучия вам и вашим близким, дальнейшего последовательного развития всему Кузбассу¹; У Кемеровской области – Кузбасса огромный потенциал развития как мощного промышленного комплекса и центра новой экономики Западной Сибири и всей России.* Подобная антропоморфная метафоризация региона частотна: *потенциал обязательно будет реализован, путь развития нашего региона.*

Метафорическая репрезентация региона как равного партнера по коммуникации, владеющего родным и иностранными языками, показана в примерах *Hello, Кузбасс; Тебе, Кузбасс!*

Кузбассу приписываются мыслительные способности, благодаря чему он может верить и надеяться, мониторить социально-экономическую ситуацию и принимать решения, например: *Молодежи предстоит сделать его сильным и процветающим. Кузбасс верит в каждого из вас!; Министерство здравоохранения постоянно анализирует ситуацию с загруженностью поликлиник и на основании этого устанавливает оптимальные часы для приема пациентов; Минпромторг Кузбасса ежемесячно, на основе данных Кемеровостата, проводит анализ средних розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров.*

Глаголы речемыслительной деятельности усиливают антропоморфную репрезентацию региона, описывая работоспособность правительства Кузбасса, парламента, министерств области, направленную на создание привлекательного образа Кузбасса для жителей региона: *Минпромторг Кузбасса считает необходимым дать некоторые пояснения по вопросу роста цен и контроля над ними; К тому же, Минтруд Кузбасса и HeadHunter договорились об организации совместных публичных мероприятий по актуальным темам и событиям в сфере труда и занятости.*

Метафорически маркируется способность Кузбасса к планированию: *В дальнейшем Кузбасс планирует стать участником федерального проекта «Развитие первичной медико-санитарной помощи» нацпроекта «Здравоохранение».*

Помимо психологических характеристик Кузбасс наделяется антропоморфным физическим образом. Как известно, в первую очередь взгляд фиксируется на лице человека, рассматривая которое, мы можем составить свое мнение о нем, дать оценку, сформировать образ, который останется в нашем сознании на определенный срок. В институционально-административном дискурсе акцентируется, что у Кузбасса есть свой неповторимый облик, свое лицо, свой

¹ Все примеры даны из текстов, размещенных на официальных сайтах министерств Кузбасса.

имидж, который необходимо поддерживать и улучшать, вызывая патриотические чувства у жителей и создавая благоприятное мнение о регионе и его продукции у гостей и потенциальных потребителей. Например: *Мы действительно – уникальный регион, со своим оригинальным лицом, и этим мы можем гордиться.*

По мнению политических функционеров, важным для развития региона является не только привлечение пристального внимания кузбассовцев к своей малой родине, но и жителей России, а также других государств к самобытности Кузнецкого бассейна, имеющего собственный имидж: *Начался прием заявок для участия в конкурсе «Сделано в Кузбассе». Цель конкурса – формирование имиджа Кузбасса, ориентация населения на потребление товаров (услуг), производимых в Кузбассе, стимулирование организаций региона на повышение качества продукции и услуг.*

Социально-культурный аспект

Кузбасс репрезентируется как человек, отмечающий свой день рождения и другие праздники, получающий подарки. Соответственно, используется лексика, которая обозначает праздники и торжества: *праздновать, юбилей, главный праздник, главные торжества.* Например: *сегодня, 6 июля, весь Кузбасс празднует юбилей. Этот праздник, безусловно, касается каждого кузбассовца. В рамках подготовки к юбилею было сделано множество созидательных дел, которые изменили нашу жизнь к лучшему. Гуляй, Кузбасс, на все 300 %.*

Гостеприимство как основная черта характера Кузбасса многократно подчеркивается в примерах: *Летом Кузбасс планирует принять около полумиллиона туристов. Гостеприимный Кузбасс встречает гостей на Первом международном шахтерском Сабантуте. Гостеприимный Кузбасс – уникальная территория с особым культурным наследием.*

Метафорически Кузбасс репрезентируется как член большой семьи с многочисленными родственниками, с историей семьи. Это позволяет властям региона максимально персонифицировать образ для того, чтобы показать его значимость и ценность.

Кузбасс предстает в образе родителя в одном из названий мероприятий, проводимых к 300-летию юбилею региона: *Мы – дети Кузбасса.*

Социально-экономический аспект

Данный аспект также занимает лидирующую позицию в транслируемом образе. Без заботы о благосостоянии региона со стороны властей нельзя ожидать, что жизнь в регионе будет благополучной. Кузбасс образно манифестируется как человек, умеющий многое, в том числе ставить перед собой социально-экономические цели и задачи и успешно решать их: *Глава государства напомнил о вкладе Кузбасса в победу в ходе Великой Отечественной войны, а также подчеркнул, что задачи, которые решает современный Кузбасс, направлены на его дальнейшее широкое,*

сбалансированное, эффективное развитие; Поставленную задачу – стать крупным центром оборонной промышленности – Кузбасс реализовал. Во многом это заслуга облфинотдела, который бесперебойно выполнял работу по составлению и исполнению бюджета области, контролировал целевое использование бюджетных средств управлениями и отделами облисполкома, организациями и предприятиями.

Кузбасс представляется как деловой партнер: *На Петербургском экономическом форуме Кузбасс заключил соглашения на инвестиции в неугольную отрасль более чем на 300 млрд рублей; Губернатор Сергей Цивилев напомнил, что Кузбасс давно эффективно сотрудничает с Liebherr; В июне, на Международном петербургском экономическом форуме, Кузбассу удалось заключить ряд соглашений о развитии туризма.*

Антропоморфно Кузбасс представляется финансовым деятелем, обладающим бюджетом, умеющим грамотно проводить финансовые операции: *Кузбасс вводит льготы по налогу на прибыль для предприятий-участников нацпроекта по повышению производительности; В порядке софинансирования регион добавит 370,32 млн рублей.*

Проведенный анализ показывает частотность подобной репрезентации региона: *Кузбасс закупил свыше тысячи новых автобусов; Кузбасс получил 31 новый автобус; Кузбасс организовал поставки жидкого кислорода в регионы Сибири.*

Посредством антропоморфной метафоры подчеркивается мысль о том, что благодаря этому сибирскому региону развивается Россия и отдельные ее отрасли: *Кузбасс вносит серьезный вклад в укрепление энергетического и индустриального потенциала всей России; «Мы возлагаем серьезные надежды на кузбасскую медицину, так как она имеет большой потенциал и богатый опыт работы, и наш центр способствует ее развитию. 300-летие Кузбасса – значимая дата для региона, она дает его жителям осознание того, что они живут в таком замечательном крае, который привносит многое в развитие страны и, в частности, медицины», – отметил главный внештатный трансплантолог Минздрава России Сергей Готье.*

Муниципальные объединения также метафорически репрезентируются как исполнители поручений руководящих органов Кемеровской области – Кузбасса: *Все 34 муниципальных образования Кузбасса проведут свои творческие презентации в рамках фестиваля кузбасских муниципалитетов «Территория-fest», который открылся сегодня в Кемерове на сцене Зеленого театра в «Парке Чудес»; В конкурсе проектов приняли участие все муниципальные образования Кузбасса, в итоге подано 168 заявок. Общая стоимость проектов 248 млн рублей, в том числе сумма запрашиваемых участниками средств из областного бюджета составила более 163 млн рублей.*

Антропоморфно представляются учреждения, предприятия, как выполняющие задания вышестоящего

начальства, так и проявляющие собственную инициативу. Приведем примеры: **Кузбасская служба занятости с начала 2020 года помогла трудоустроиться 1,3 тысячи безработных инвалидов; Кузбасский театр кукол имени Аркадия Гайдара проведет для ребятшек 6–12 лет цикл мероприятий, на которых раскроет тайны кукольного мастерства; ООО «Кемеровский ДСК» с помощью займа от ФРП Кузбасса приобрел новое оборудование по выпуску изделий крупнопанельного домостроения; Кузбасская углепогрузочная станция Бардино удвоила мощности после реконструкции.**

Кузбасс метафорически репрезентируется как команда, состоящая из руководителей высшего, среднего и низкого звеньев, от слаженной работы которой зависит не только настоящее, но и будущее Кемеровской области: **Главная цель 300-летия Кузбасса – сделать так, чтобы каждый житель региона почувствовал изменения к лучшему. Мы вместе – команда правительства и неравнодушные жители Кузбасса – последовательно шли к этой дате, строили, ремонтировали, обновляли.**

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить доминирование антропоморфной метафоризации образа Кузбасса в институционально-административном дискурсе. Было установлено, что в указанном дискурсе антропоморфно репрезентируется как регион в целом, так и органы управления Кузбасса. Во-первых, антропоморфная репрезентация региона позволяет властям региона имплицитно выразить уважительное и трепетное отношение к Кузбассу, смещая фокус восприятия территориально-административного объекта с категорий *живое – неживое* на *живое – живое*. Во-вторых, при антропоморфной презентации министерств Кузбасса наглядно демонстрируется, что ответственность за эффективное функционирование региона лежит на каждом министерстве, в связи с чем действия данных органов власти метафоризируются антропоморфно.

В антропоморфном образе региона акцентируются такие психофизиологические характеристики человека, как лицо, умственные способности в целом и речемыслительные

способности в частности. Регион наделяется волей, чувствами, стремлением к совершенствованию, умением планировать свою жизнь и деятельность.

В социально-культурном аспекте Кузбасс метафорически представлен как человек, имеющий семью и хранящий традиции, как гостеприимный и жизнерадостный человек, который любит праздники и чтит традиции.

В социально-экономическом аспекте регион метафорически репрезентируется как человек, думающий о своем благополучии и благополучии страны, умеющий рационально тратить финансы, как хороший предприниматель и надежный партнер.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в корректировке транслируемого властями региона образа, при установлении его несоответствия желаемому имиджу территории. Основное направление дальнейших исследований вопроса о специфике лингвокогнитивной (де)конструкции образа территории видится в сравнении транслируемого властями образа и образа территории, сформировавшегося у различных социальных групп, проживающих и покинувших регион.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: В. А. Каменева – формулирование общих целей и задач исследования, обзор и описание теоретического материала исследования, анализ и изложение полученных данных. И. С. Морозова – подбор методологии исследования, анализ и изложение полученных теоретических данных. М. Ю. Рябова – сбор данных и проведение предварительного анализа материала, анализ и изложение полученных данных. Л. И. Федянина – формулирование общих целей и задач исследования, сбор фактологических данных и проведение анализа материала. А. Г. Фомин – корректировка теоретического обзора научных работ, валидация полученных теоретических данных. М. С. Яницкий – корректировка теоретического обзора научных работ, валидация полученных практических данных.

Литература

1. Барсегян В. М. Административный дискурс: структура, объем, практики производства и легитимации текстов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 1. С. 107–135. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.5>
2. Евтушенко О. А. Административный дискурс: институциональные характеристики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2011. № 5. С. 11–14.
3. Карасик В. И. Институциональный дискурс // Языковая личность: актуальные проблемы лингвистики: тез. докл. науч. конф. (Волгоград, 6–8 февраля 1996 г.) Волгоград: Перемена, 1996. С. 21–24.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Олешков М. Ю. Институциональный дискурс в категориальном аспекте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 150–155.

6. Панова М. Н. Актуальные проблемы и направления исследования современного административного дискурса // Политический дискурс в России: X юбилейный Всерос. семинар. (Москва, 20 апреля 2007 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 152–169.
7. Писаная Т. О. Институциональный дискурс: общие характеристики и основные функции // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 27. С. 117–121.
8. Романова Т. В. Институциональный политический дискурс: лингвистический анализ // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. IV Междунар. симпозиума. (Симферополь, 9–11 июня 2020 г.) Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. Т. 1. С. 263–270.
9. Сопова И. В. Институциональный дискурс как компонент лингвокультуры // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 54–58.
10. Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6-2. С. 295–300. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-295-300>
11. Бейлинсон А. С. Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 142–147.
12. Берн А. А. Модальность вежливости инициальных просьб в устном административном дискурсе финского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 2. С. 107–117.
13. Гатина Ю. А., Харьковская А. А. Административные приветствия на сайтах британских школ: опыт дискурс-анализа // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 259–261.
14. Евтушенко О. А. Реализация распорядительной функции в административном дискурсе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 121–127.
15. Янкина Е. В. Диалогическое общение руководителя и подчиненного как предмет лингвистического исследования // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2021. № 2. С. 175–183. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.2.175>
16. Костомаров П. И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-1. С. 198–203.
17. Пискарёва А. В. Антропоморфная метафора в лингвистической терминологии (на материале русского, немецкого и английского языков) // Германистика 2019: nove et nova: мат-лы Второй Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10–12 апреля 2019 г.) М.: МГЛУ, 2019. С. 293–296.
18. Насруллаева Г. Языковые свойства и виды антропоцентрической метафоры // Academy. 2020. № 3. С. 46–47.
19. Стембурис И. М. Роль антропоморфной метафоры при формировании образа Европы // Конгресс магистрантов – 2018: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. интегративного характера. (Липецк, 26–27 октября 2018 г.) Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 10–13.
20. Литовченко А. С., Коптякова Е. Е. Антропоморфная метафора в концептуализации образа России в экономической платформе партии «Единая Россия» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 7-2. С. 72–74.
21. Морозова А. С. Антропоморфная метафора как способ моделирования образа России в англоязычных СМИ // EURASIASCIENCE: сб. ст. XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30 июня 2021 г.) М.: Актуальность.РФ, 2021. С. 139–140.
22. Пономарева В. С., Курбанов И. А. Антропоморфные и артефактные метафоры при создании образа Крыма в СМИ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 7. С. 154–158.
23. Бурмакова Е. А., Маругина Н. И. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) // Научный диалог. 2015. № 3. С. 29–45.
24. Максимова Ю. А., Милютин М. Г. Политическая метафорика Л. Д. Троцкого (на примере антропоморфных метафор) // Вестн. Удм. ун-та. Вып. 3. Сер.: История и филология. 2013. № 2. С. 134–138.
25. Бабкина В. А. Физиологическая метафора как средство создания образа современной России в немецких средствах массовой информации // Научный диалог. 2017. № 3. С. 9–18. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-3-9-18>
26. Башкатова Ю. А. Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 24–27.
27. Соснин А. В. Метафора организма как ключевая метафора в формировании лондонского текста английского языка и культуры // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 2. С. 101–112. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-101-112>
28. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
29. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 176 с.

original article

Kuzbass through Anthropomorphic Metaphors (Case Study of Institutional Administrative Discourse of Ministries in the Region)

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>; russia_science@mail.ru

Irina S. Morozova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Marina Yu. Ryabova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Lyubov I. Fedyanina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Andrey G. Fomin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

Received 2 Aug 2021. Accepted after peer review 10 Sep 2021. Accepted for publication 20 Sep 2021.

Abstract: The present research featured the image of Kuzbass and its metaphorization in the institutional administrative discourse of official websites of seventeen regional ministries (2018–2021). Anthropomorphic metaphors appeared to dominate: the research revealed 137 anthropomorphic metaphors, which represented Kuzbass, as well as its governing bodies. The anthropomorphic metaphor was considered from a holistic viewpoint, which covered its psychophysiological, socio-cultural, and socio-economic aspects. The study relied on standard methods of synthesis and analysis, as well as linguistic methods of contextual and stylistic analyses, while the lexeme *Kuzbass* was described based on some elements of content analysis. The obtained results can help the regional authorities to monitor the difference between the targeted image of Kuzbass and the real situation. The anthropomorphic image of the region demonstrated such psycho-physiological characteristics of a person as mental abilities, will, feelings, a desire for improvement, the ability to plan, etc. In the socio-cultural aspect, Kuzbass was metaphorically presented as a hospitable and cheerful person who has a family, keeps traditions, and loves holidays. In the socio-economic sense, Kuzbass was personified as a reliable business partner who thinks about their own well-being and the well-being of the country.

Keywords: anthropomorphism, metaphorization, political discourse, territory image, image of the region, metaphorical representation

Citation: Kameneva V. A., Morozova I. S., Ryabova M. Yu., Fedyanina L. I., Fomin A. G., Yanitskiy M. S. Kuzbass through Anthropomorphic Metaphors (Case Study of Institutional Administrative Discourse of Ministries in the Region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 790–797. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-790-797>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: V. A. Kameneva defined the research objectives and reviewed relevant scientific publications, as well as analyzed and described the data. I. S. Morozova developed the research methodology, analyzed the obtained data, and described the theory. M. Yu. Ryabova collected the data, performed the preliminary analysis, and described the research results. L. I. Fedyanina formulated the general goals and objectives, collected research material, and analyzed it. A. G. Fomin proofread the review and validated the analysis of theory. M. S. Yanitskiy corrected the review of relevant publications and validated the obtained practical data.

References

1. Barsegyan V. M. Administrative discourse: structure, volume, production practices and legitimization of texts. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2018, 21(1): 107–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.5>
2. Evtushenko O. A. Administrative discourse: institutional characteristics. *Izvestiya Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2011, (5): 11–14. (In Russ.)
3. Karasik V. I. Institutional discourse. *Linguistic personality: current problems of linguistics*: Proc. Sci. Conf., Volgograd, 6–8 Feb 1996. Volgograd: Peremena, 1996, 21–24. (In Russ.)
4. Karasik V. I. On the types of discourse. *Linguistic personality: institutional and personal discourse*, eds. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Volgograd: Peremena, 2000, 5–20. (In Russ.)

5. Oleshkov M. Yu. Institutional discourse in the categorical aspect. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2011, (13): 150–155. (In Russ.)
6. Panova M. N. Relevant issues and directions of research of modern administrative discourse. *Political discourse in Russia: X All-Russian seminar*, Moscow, 20 Apr 2007. Moscow: Gos. IRIa im. A. S. Pushkina, 2007, 152–169. (In Russ.)
7. Pisanaya T. O. Institutional discourse: general characteristics and main functions. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2014, (27): 117–121. (In Russ.)
8. Romanova T. V. Institutional political discourse: linguistic analysis. *The Russian language in the multicultural world: Proc. IV Intern. Symposium*, Simferopol, 9–11 Jun 2020. Simferopol: KFU im. V. I. Vernadskogo, 2020, vol. 1, 263–270. (In Russ.)
9. Sopova I. V. Institutional discourse as a component of culture. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*, 2016, (12): 54–58. (In Russ.)
10. Popova T. P. Characteristics of institutional discourse. *Historical and Socio-Educational Idea*, 2015, 7(6-2): 295–300. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-295-300>
11. Beilinson L. S. Institutional discourse functions. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, (3): 142–147. (In Russ.)
12. Bern A. A. Modality and politeness of initial requests in oral administrative discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2012, (2): 107–117. (In Russ.)
13. Gatina Ju. A., Kharkovskaya A. A. Administrative greetings on the websites of British schools: an experience of discourse analysis. *Nauka i kultura Rossii*, 2014, 1: 259–261. (In Russ.)
14. Evtushenko O. A. Implementation of the executive function in the administrative discourse. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, (5): 121–127. (In Russ.)
15. Yankina E. V. Dialogic communication between administrative managers and employees as an object of linguistic research. *Vestnik TvGU. Seriya: "Filologiya"*, 2021, (2): 175–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.2.175>
16. Kostomarov P. I. Anthropocentrism as an important feature of modern linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (2-1): 198–203. (In Russ.)
17. Piskareva A. V. Anthropomorphic metaphor in linguistic terminology in Russian, German, and English. *Germanistics 2019: nove et nova: Proc. Second Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 10–12 Apr 2019. Moscow: MGLU, 2019, 293–296. (In Russ.)
18. Nasrullaeva G. Linguistic properties and types of anthropocentric metaphor. *Academy*, 2020, (3): 46–47. (In Russ.)
19. Stemburis I. M. The role of anthropomorphic metaphor in the formation of the image of Europe. *Congress of Masters – 2018: Proc. Intern. Sci.-Prac. Integrated Conf.*, Lipetsk, 26–27 Oct 2018. Lipetsk: LGPU im. P. P. Semenova-Tian-Shanskogo, 2018, 10–13. (In Russ.)
20. Litovchenko A. S., Koptyakova E. E. Anthropomorphic metaphor in the conceptualization of Russia in the economic platform of the political party "United Russia". *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2019, (7-2): 72–74. (In Russ.)
21. Morozova A. S. Anthropomorphic metaphor as means of creating the image of Russia in English media. *EURASIASCIENCE: Proc. XXXVIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 30 Jun 2021. Moscow: Aktualnost.RF, 2021, 139–140. (In Russ.)
22. Ponomareva V. S., Kurbanov I. A. Anthropomorphic and artifact metaphors in creating the Crimea's image in the media. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2019, (7): 154–158. (In Russ.)
23. Burmakova E. A., Marugina N. I. Anthropomorphic metaphor in literary discourse (on autobiographical stories by V. M. Shukshin). *Nauchnyi dialog*, 2015, (3): 29–45. (In Russ.)
24. Maksimova Yu. A., Milutina M. G. Political metaphoric system of L. D. Trotsky (through anthropomorphous metaphors). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2013, (2): 134–138. (In Russ.)
25. Babkina V. A. Physiological metaphor as means of creating the image of modern Russia in German media. *Nauchnyi dialog*, 2017, (3): 9–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-3-9-18>
26. Bashkatova Yu. A. Body metaphor in English and Russian linguacultures. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 24–27. (In Russ.)
27. Sosnin A. V. The organism metaphor as a key one in the formation of the London text of the English language and literature. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, 16(2): 101–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-101-112>
28. Chudinov A. P. *Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphors (1991–2000)*. Ekaterinburg: UrGPU, 2001, 238. (In Russ.)
29. Chudinov A. P. *Essays on modern political metaphorology*. Ekaterinburg: UrGPU, 2013, 176. (In Russ.)

оригинальная статья

Артефактные, природные и идеологические символические признаки в структуре концепта *счастье*

Иван Иванович Кафтан

Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0002-7149-3362>; Ivan90kaftan@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2021. Принята после рецензирования 27.08.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: Рассмотрены символические признаки в структуре концепта *счастье*, отображающие разные аспекты русской лингвокультуры. Цель – определить набор символических признаков концепта *счастье*, проанализировав языковой материал и обобщив полученные данные в виде тематических блоков. Актуальность исследования определяется осмыслением символов счастья, относящихся к русской и иным лингвокультурам. Национальный корпус русского языка является источником языкового материала. Исследование символических признаков концепта *счастье* позволяет воссоздать те представления, приметы, традиции, которые были у русского народа. Символы счастья в русской лингвокультуре не были предметом отдельного изучения. В ходе анализа языкового материала выявленные многоаспектные символические признаки концепта *счастье* были объединены в четыре блока с присущими им несколькими символическими признаками. 1. Артефактные символы счастья русской лингвокультуры: признаки *подкова, лапоть, предметы мещанского быта*. 2. Орнитологические признаки счастья: *Алконост / Сирин, птица счастья, аист на крыше*. 3. Природные символы счастья: *чистое (мирное) / седьмое небо, цветы, радуга в небе*. 4. Идеологические признаки счастья: *Родина, Сталин*. Ментальность русского народа проявляется в стремлении к слиянию с природой, когда мифология и быт соединяются в предметах-охранителях – оберегах и символах.

Ключевые слова: лингвокультура, когнитивная лингвистика, артефактные символы счастья, орнитологические признаки счастья, природные символы счастья, идеологические признаки счастья

Цитирование: Кафтан И. И. Артефактные, природные и идеологические символические признаки в структуре концепта *счастье* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 798–804. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-798-804>

Введение

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология в XXI в. вновь обращаются к одной из значимых составляющих жизни человека – темам чувств и эмоций. Происходящие в мире события заставляют человека задуматься о том, что он считает для себя счастьем. Становится актуальным анализ символов лингвокультуры в аспекте концептуального исследования и теории ментальности, которую разрабатывал В. В. Колесов [1; 2].

Символические признаки – важная часть структуры концепта. Как отмечает М. В. Пименова, «Концепт – это представление о фрагменте мира, и это представление формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт – это национальный образ (идея, символ), осложненный признаками индивидуального представления» [3, с. 16]. Концепты отображают концептуальную картину мира. А. А. Леонтьев обращает внимание на то, что «концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания» [4, с. 39]. Это замечание подтверждается полученными в статье результатами.

В структуре каждого концепта важна этнокультурная составляющая: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [5, с. 47]. Обращение к фактам лингвокультуры помогает отметить ее специфику.

Эмотивные концепты стали объектом изучения относительно недавно. Есть фундаментальные работы, в которых описываются эмотивные концепты: работы В. И. Шаховского [6], Е. Е. Стефанского [7] и Н. А. Красавского [8]. Исследованию концепта *счастье* посвящены работы профессора С. Г. Воркачева [9–13].

Концепт *счастье* был объектом исследования с разных позиций: в русском языке [14; 15], в русском и английском языках [16], в языке эвенков и русских [17]. Четыре интерпретации романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в аспекте концепта *счастье* изучила И. Ю. Рябова [18]. Н. Н. Изотова обратилась к концепту *счастье* в аспекте буддийских ценностей в японском национальном сознании [19]. А. А. Зализняк сопоставила концепты *счастье* и *наслаждение* в русской лингвокультуре [20]. А. Вежицкая представила кросс-культурное исследование счастья [21].

Отдельную группу исследований составляют те работы, в которых анализируется английский концепт *happiness* в сопоставлении с эквивалентами других языков. Г. Ш. Унарокова изучила лексико-семантические особенности русского концепта *счастье* и английского концепта *happiness*, а также адыгейского концепта *насыт* [22; 23]. С. В. Филиппова и А. В. Хихлун сопоставили английский концепт *happiness* с якутским концептом *дьол* [24]. Н. А. Тухтахужаева сравнила английский концепт *happiness* с узбекским концептом *бахт* [25]. А. С. Ващеулова рассмотрела оппозицию *happiness vs. unhappiness* в аспекте концептуального анализа [26], уделив особое внимание английскому концепту *happiness* в американском политическом, религиозном дискурсах [27].

Однако ни в одной из этих работ не описаны символические признаки концепта *счастье*, свойственные русской лингвокультуре. В этом видится научная новизна проведенного исследования.

В исследовании применены следующие методы: аналитический, описательный, концептуальный, интерпретативный. Источником языкового материала стал Национальный корпус русского языка¹ (НКРЯ).

Результаты и обсуждение

Счастье – особое позитивное состояние души, гармония с миром; особое благоприятное восприятие жизни, к которому стремятся люди. Счастье – предмет благопожелания. Желают счастья тому, кто дорог и любим. Счастья желают новорожденному, молодоженам, именинникам и юбилярам, близким и родным людям.

Обращение к теме символических признаков концепта *счастье* позволяет воссоздать те представления, которые бытовали у народа ранее. Символы счастья в русской лингвокультуре разнообразны.

1. Артефакты

Существуют предметы, которые символизируют счастье. Это своего рода талисманы и обереги: *Веточки омелы, наравне с четырехлистным клевером и подковой, считались универсальными талисманами и оберегами, приносящими счастье и отгоняющими злых духов* (Мельникова С. В. Сказки и «волшебные» растения). Набор таких талисманов и оберегов показывает весь спектр предметных символов лингвокультуры: *Мечты и чаяния, веру в добро и счастье люди связывали с определенными символами, заключенными в оберегах* (Обереги в доме // Народное творчество. 18.08.2003). В русской лингвокультуре подобных предметов несколько. Объяснить, почему тот или иной предмет стал символом счастья, невозможно. Существует

традиция, сложившаяся издавна, когда за определенными вещами закреплялось какое-то символическое значение, непонятное нам из-за исчезновения из нашего быта того, что ранее составляло привычку и повседневность.

1. **Подкова.** Существует примета: найти на дороге подкову – к счастью: *Я нашел подкову, говорят, это к счастью* (Морозов А. Препные слова // Знамя. 2002). Люди знают такие приметы, следуют им. Подкову вешают на дверь: **На входной двери – деревянный крест, подкова на счастье** из родной деревни с нежным поэтическим названием Юлинская (Родовой дом // Народное творчество. 16.02.2004). В этом случае подкова становится оберегом дома и семьи, проживающей в нем: **Лошадиную подкову над входной дверью издавна прибивают на счастье** (Новопольцева А. Научите детей держаться в седле). «Подкова – оберег людей, домашнего скота от глаза и болезней»².

Люди до сих пор верят в приметы, в стечение определенных обстоятельств – все это считается предрассудками и суевериями: *С давних времен у суеверных людей подкова считается приносящей счастье* (Мезенцев В. В., Абильханов К. С. Чудеса: Популярная энциклопедия). Парадоксальные смысловые связи непонятны человеку, они логически не объяснимы, однако все они продолжают существовать в культуре. Например, вера в то, что подкова – символ счастья, тоже считается суеверием: **Подкова для суеверных людей – символ удачи, даже счастья в жизни** (Салиас Е. А. Петербургское действо).

Похожие символы есть в иных культурах. В Европе – изображение головы лошади в подкове: *Вот и влияние Европы на Азию: голова лошади в подкове – символ счастья несомненно европейский* (Вагинов К. К. Гарпагониада). В Англии на автомобиль подвешивают подкову – на счастье: *В Англии эмблемой счастья на автомобиле считается подкова* (Спорт. Автомобиль // Раннее утро. 22.08.1908). Откуда берутся истоки символизма подковы, сказать сейчас трудно.

2. **Лапоть.** Существует ряд бытовых предметов, за которыми также закрепилась символика счастья. У славян вместе с подковой использовались другие обереги: нож, лопата, обломок косы, старые лапти³. Сейчас лапти встретить можно только в этнографических музеях. Об их апотропейной функции мало кто помнит: *А лапоть – это символ счастья, А счастье мимо. Проходит, ибо счастье с честью Несовместимо* (Рассадин С. Б. Книга прощаний). Лапти в сознании носителей современного русского языка ассоциируются с идеологической составляющей русской культуры: бедностью и крестьянским бытом, а ранее с ними связывались домашний уют и семейное счастье: *Есть разные символы у разных народов: кукуруза – это продолжение рода, сплоченность семьи; орехи и желуди – продолжение*

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.07.2021).

² Левкиевская Е. Е. Подкова // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 97–98.

³ Там же. С. 97.

молодости; **лапти** – домашний уют, семейное счастье; **шишка** – трудолюбие и достижение успеха; **мешковина** – изобилие и благосостояние (Обереги в доме // Народное творчество. 18.08.2003). Сейчас лапти – антураж предметов «под старину» и незаменимый компонент дизайна музеев.

3. **Предметы мещанского быта.** Часть артефактных символических признаков характеризует определенный слой общества в аспекте представлений о счастье. В русской лингвокультуре к этому классу относятся особые признаки мещанского счастья: Он узнавал коврики, безделушки с комодами, камчатные скатерти, фарфоровые статуэтки, патефонные пластинки – **символы простого, сытого счастья** (Горбатов Б. А. Непокоренные). Характерные предметы домашнего обихода воплощают в себе этот символизм: Даже в сцене похорон дяди Пифоев ходил колесом, придерживая в зубах, как **символ мещанского счастья**, поднос с недорогим сервизом (Бухов А. С. Случай в «Театре возможностей»). Такие предметы являются амулетами, талисманами, символами, в том числе других культур.

II. Птицы

Орнитологические признаки концепта *счастье* выделены в отдельный блок в связи с насыщенностью этой сферы символами в русской лингвокультуре. Безусловно, птицы являются частью природного мира. Птицы считаются вестниками счастья, медиаторами между миром небесным и миром земным. В мифологии разных народов присутствует особый класс персонажей – (волшебные) птицы, которые либо несут радость и счастье людям, либо сами являются символами счастья. В русской лингвокультуре есть свои орнитологические символы, в которых такой символизм прослеживается.

1. **Алконост / Сирин.** Сирин и Алконост изображались птицами с головами дев. Они поют зачаровывающие песни: *Над зеркалом лубочные картины, купленные у тряпичника: «Бой непобедимого, храброго богатыря с Полканом» (борода его широкая и длинная, как у дяди Ларивона, брата матери); «Сирин и Алконост» – огненные птицы, чарующие людей волшебными песнями о счастье* (Гладков Ф. В. Повесть о детстве). Н. И. Толстой пишет об этих птицах как о райских жителях, которые встречаются «в византийских и славянских легендах»⁴.

2. **Аист на крыше** – символ счастья и благополучия в доме. Этот символ очень значим в русской лингвокультуре. Аист – славянский символ счастья: *В народе к аистам всегда было особое отношение: считается, что аисты приносят счастье* (Архипова И. К. Музыка жизни). Аистов почитают и на Украине, и в Белоруссии: *И, словно песню о мире на земле, жители Львова преподнесли «Чайке» макет украинской избушки с аистом на крыше – символом счастья* (Филатов В. Музей космической славы). С аистами связано множество легенд и примет, сохранивших свою

актуальность до наших дней. Увидеть первым прилетевшего аиста – к счастью. Гнездо аиста на крыше – счастливая примета⁵. В некоторых областях России до сих пор наблюдается трепетное отношение к аистам и их гнездам, возвышающимся над домом. Считается, что аист оберегает дом от злых чар и духов, от огня и молнии. Существует народное представление о том, что детей приносят с неба аисты. Аист приносит добро и благополучие в то место, где поселится: *Не Халимон, так его родич; во всяком случае, аист на ферме – к добру и счастью: пусть будет спокоен, щедр и радостен труд украинского животновода!* (Михалевич А. Украинские секреты). Если аисты не прилетают в привычное место обитания, это не очень хороший знак: *Аисты, несущие счастье, и правда, в нашей деревне больше не селятся* (Крышук Н. Отступление // Звезда. 2003). Русская лингвокультура сохранила приметы и представления, связанные с аистом. Аист почитается святой птицей, которую нельзя убивать.

3. **Птица счастья** – частотное выражение в русском языке, встречается в обиходной речи, в песенном дискурсе (упомянем песню А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Птица счастья завтрашнего дня»). Нельзя утверждать, что этот символ берет начало в произведении Мориса Метерлинка «Синяя Птица». В русской лингвокультуре много чудесных птиц, которые знаменуют счастье. Тому, кто схватил такую чудесную птицу, будет счастье: *Успеешь схватить, пока не исчезнет, – твоё счастье: исполнятся все твои желания, овладеешь языком зверей и птиц, сумеешь отыскать сокровища, спрятанные в земле* (Тверской Иван Купала // Народное творчество. 2004). Образ человека, которому достанется перо такой птицы, ассоциируется с героем сказки «Сивка-Бурка» и авторской сказки П. П. Ершова «Конек Горбунок», пытавшимся поймать Жар-птицу: *А я, ухватив за перо «птицу счастья завтрашнего дня», поселилась в гостинице «Мосфильма»* (Сурикова А. Любовь со второго взгляда); *Ниночка, хватай птицу-счастье за хвост! – не удержалась от язвительного совета Ирина Прибылова* (Корненьков Л. Газета). Упустить такую птицу означает упустить удачу: *Отстать от столицы Ярослав боялся почти так же сильно, как упустить птицу политического счастья* (Баконина М. Школа двойников).

В языковом материале встретились примеры актуализации признаков определенных птиц счастья: голубя: **Голубь! Птица счастья завтрашнего дня, чтоб тебя!** (Измайлов А. Трюкач), чайки: **Улетело счастье чайкой, птицей улетело...** (Миллер А., Кулиш С. Говорит и показывает Москва), галки: *После моей поездки в Москву, хромовая галочка, залетевшая на наш грязный двор, сделалась для меня «Синей птицей» – моим счастьем, которое так близко было от меня и которое теперь я должен был найти во что бы то ни стало* (Ветов В. Драгоценная галка).

В Архангельской области из щепы изготавливают птицу с широко расправленными крыльями, несущую в себе

⁴ Толстой Н. И. Алконост // Славянские древности: этнолингвистический словарь... 1995. Т. 1. С. 100.

⁵ Гура А. В., Страхов А. Б. Аист // Славянские древности: этнолингвистический словарь... 1995. Т. 1. С. 96–100.

образ счастья: *На весь мир известны архангельские птицы счастья из щепы* (Что нам стоит дом построить? // Народное творчество. 22.12.2003). Это типичный оберег, т. к. эту птицу рекомендуется размещать под потолком в доме. Считается, что такая птица приносит в дом счастье, но это не анст, судя по ее внешнему виду.

III. Природные объекты

Определенный ряд природных объектов в русской лингвокультуре символизирует счастье. К ним относятся цветы, радуга, чистое (мирное) небо.

1. **Цветы.** Обычно цветы дарят девушкам – на счастье – как символ любви: *Две девушки стоят друг напротив друга и держат букет, который из символа будущего счастья в одно мгновение превратился в соцветие истерзаных лепестков* (Филиппов Д. С. Билет в Катманду). В советской комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» был озвучен рецепт счастья: *Но формулой счастья остается бессмертное высказывание гайдаевского Лелика: «Детям – мороженое, бабе – цветы»* (Колесников А. Детям – мороженое // Известия. 11.05.2001). Цветы – многозначный символ русской лингвокультуры, которому еще предстоит стать объектом отдельного исследования: *Мне сделалось милым все – и вагон, и друзья, и их смех, и это счастье за окном: цветы, небо, море* (Розов В. Удивление перед жизнью).

Существует традиция в русской лингвокультуре – гадать на счастье. Обычно гадают на ромашке. Хотя предметом гадания может быть любой цветок: *Войдя в голубой зал, где на великолепном паркете отражались огни люстр, а также и мои до колен ноги, я прошел мимо оброненной розы и поднял ее на счастье, что, если в цветке будет четное число лепестков, я увижу сегодня Молли* (Грин А. С. Золотая цепь). Цветы являются объектом, предметом и медиатором счастья в русской лингвокультуре.

2. **Радуга в небе.** До сих пор радуга в русской лингвокультуре ассоциируется со счастьем, весельем и хорошим настроением, победой и возвышенным состоянием духа: *Сверкающая радуга стоит над ними в небе, словно символ счастья и победы* (Налбандян Д. А. Сыны солнечной Армении). Радуге на небе радуются все люди разных возрастов: *Эти ощущения напоминали ему пору детства, когда вид первого снега, дробь летнего дождя, радуга наполняли его ощущением счастья* (Гроссман В. Жизнь и судьба). Радуга имеет особое свойство – она многоцветна. Многоцветие радуги также выражает определенный символ: *... Я в их туманной стране узрел еще один лик нашей общей родины, а в них вдруг ощутил свою тягучую тоску по какому-то искрящемуся и многоцветному, как радуга, счастью, которого нет и не может быть среди урюжых финских лесов и болот...* (Ким А. Мое прошлое). По «представлениям крестьян Владимирской губернии радуга семицветна по числу небес»⁶.

В языковом материале радуга уподобляется счастью, счастье схоже с радугой: *А ведь, наверно, то же лицо, молодое, живое, переливалось радугой счастья человечества, самопожертвования* (Пришвин М. М. Дневники). *Спектр эмоций – известная метафора русского языка. Эта метафора имеет несколько вариантов актуализации: Когда из этого поэта идет такая странная радуга эмоций, которую можно просто назвать счастьем, добра всем не жди* (Черных Н. Б. Слабые, сильные). Есть поверье, что если встать на то место, где радуга упирается в землю, исполнятся все загаданные желания⁷. В этом месте радуга пьет воду из земли: *Познать, как бывало, ненастье От теплого крова вдали И, может, сподобиться счастья, Где радуга пьет из земли* (Семенова М. Волкодав). Утраченные символы лингвокультуры дошли на нас осколками, отголосками, сохранившимися фрагментарно в устойчивых выражениях, приметах и воззрениях на мир.

3. **Чистое (мирное) / седьмое небо.** Россия, пережившая много войн и невзгод, связанных с ними, ценит мирное небо над головой, которое символизирует спокойную жизнь и счастье. Символ чистого неба над головой многогранен. Мирное небо – это закат, восход солнца, повторение цикла жизни: *Выбрать немного свободного времени, сесть в самолет, улететь на нем сквозь облака, найти кусочек голубого неба и увидеть закат – вот оно, счастье* (Актер с душою летчика // Сельская новь. 07.10.2003). Свет от неба и небесных объектов вселяет в человека ощущение радости и счастья: *И от света, который несет река и излучает небо, тебя охватывает ощущение свободы и счастья* (Голованов В. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий). Мир в русской лингвокультуре делится на две составляющие – *этот свет и тот свет*. Небо разделяет эти два мира.

Одна из граней этого символа обусловлена озвученной ремаркой о семицветье радуги – небес в русской лингвокультуре несколько. Седьмое небо – это и есть настоящий символ счастья, а выражение *быть на седьмом небе от счастья* достаточно частотно в языковом материале: *Мать не баловала меня, и поэтому я была на седьмом небе от счастья* (Сыскина И. Буржуазный напиток); *Я был на седьмом небе от счастья* (Олесяк С. Черный альпинист). Утрата счастья описывается как низвержение с вершин неба: *Этот голос сбросил девушку с небес счастья на землю скучной действительности* (Гейнце Н. Э. Самозванец).

Другая грань символа неба связана с представлением о дарах, появившихся ниоткуда. Такие дары называются счастьем, свалившимся с небес, и приходят от бога: *Он считал гибелью то, что Калисфения Фемистокловна признавала ее торжеством и с неба свалившимся счастьем* (Гейнце Н. Э. Князь Тавриды).

Еще одна грань символа определяет небо как место обитания душ после смерти человека: *Энн уже была не так мала, чтобы поверить, что мамочка переселилась на небеса*

⁶ Белова О. В. Радуга // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 4. С. 386–389.

⁷ Там же.

и обрела вечное счастье (Каминская М. Дом с привидениями). Считается, что души на том свете обретают вечное счастье.

IV. Идеологические символы счастья

Каждый общественный строй приносит собственную идеологию. Не исключением стал XX век, переживший смену нескольких общественных укладов. Была эпоха царизма, ленинская эпоха, сталинская эпоха, эпоха капитализма. Все они имели свою идеологию, в том числе идеологию счастья.

1. *Родина* – значимый символ русской лингвокультуры, в том числе символ счастья: *Будем вѣрны завѣтамъ нашихъ отцовъ и сохранимъ этотъ символъ въ сердцахъ нашихъ, доколь Господь ниспослеть намъ счастье увидѣть нашу многострадальную Родину вновь могучей и славной дѣлами вѣрныхъ сыновъ своихъ – казаковъ* (Абрамов Ф. Ф. Приказъ Донскому корпусу // Вѣстникъ Общества Галлиполійцевъ. 1933. № 3).

2. Отдельная часть символов относится к определенной исторической эпохе и идеологии. Так, имя *Сталина* ассоциировалось со счастьем: *Имя Сталина стало для трудящихся всего мира символомъ свободы, независимости и счастья* (26 лет без Ленина, под водительством Сталина – по ленинскому пути // Наука и жизнь. 1950). Каждая эпоха привносит свои имена, ассоциируемые с процветанием и благом.

Заключение

Символические признаки концепта *счастье* в русской лингвокультуре многоаспектны. Их можно представить в виде четырех блоков:

- 1) артефактные: подкова, лапоть, предметы мещанского быта;
- 2) орнитологические: Алконост / Сирин, птица счастья, аист на крыше;
- 3) природные: чистое (мирное) / седьмое небо, цветы, радуга в небе;
- 4) идеологические: Родина, Сталин.

Ментальность русского народа проявляется в стремлении к единению с природой, когда мифология и быт соединяются в предметах-охранителях – оберегах и символах. Все указанные признаки счастья объединяются признаком *оберег*. Оберег – предмет или явление мира, помогающее человеку сохранить себя, свой дом, свою семью. Он наделяется особыми магическими свойствами. Несмотря на разные религии, в обществе сохранилось магическое восприятие жизни и мира, в которой обереги играют важную роль.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
2. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. 240 с.
3. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Перемена, 2005. Т. 1. С. 15–20.
4. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Василевич А. П., Зимняя И. А., Леонтьев А. А. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯ РАН, 1993. С. 35–39.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2011. 296 с.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS, 2019. 206 с.
7. Стефанский Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2009. 385 с.
8. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.
9. Воркачев С. Г. Концепт *счастья*: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
10. Воркачев С. Г. Концепт *счастья*: значимостная составляющая // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Перемена, 2002. Вып. 2. С. 4–18.
11. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Концепт *счастья* в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. С. 263–275.
12. Воркачев С. Г. *Счастье* как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
13. Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «Русское счастье» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 69–75.
14. Михайленко О. М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «Счастье» и «Блаженство» как семантические дуплеты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 167 с.
15. Черкашина Е. А. Концепт «Счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 2. С. 38–43.

16. Сидорович Д. О., Долгова А. Д. Концепт счастье в русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарного образования: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 октября 2018 г.) Мн.: БГУ, 2018. С. 264–271.
17. Мальчакитова Н. Ю. Концепт счастье в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 50–53.
18. Рябова И. Ю. Концепт «счастье» в сопоставительном межъязыковом аспекте (на примере романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций) // Филология и человек. 2017. № 4. С. 140–148.
19. Изотова Н. Н. Концепт «счастье» в религиозном и философском дискурсе: репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 213–219. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-213-219>
20. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Рус. яз. в науч. освещении. 2003. № 1. С. 85–105.
21. Wierzbicka A. 'Happiness' in cross-linguistic & cross-cultural perspective // Daedalus. Vol. 133. № 2. P. 34–43. <https://doi.org/10.1162/001152604323049370>
22. Унарокова Г. Ш. Фразеологическая репрезентация концепта *насын* «счастье» в адыгейской языковой картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3. С. 95–99.
23. Унарокова Г. Ш. Лексико-семантическая организация концепта «счастье / happiness» в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2. С. 86–90.
24. Филиппова С. В., Хихлун А. В. Концепты "happiness" / "дьол" в английском и якутском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2. С. 370–374. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.32>
25. Тухтахужаева Н. А. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта 'happiness' / 'бахт' в английском и узбекском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 112–115.
26. Ващеулова А. С. Концепты happiness vs. unhappiness и их актуализация в дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10. № 1. С. 105–113.
27. Ващеулова А. С. Специфика метафорической репрезентации концепта "happiness" в американском политическом, религиозном и бытийном типах дискурса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1-2. С. 126–131.

original article

Artifact, Natural, and Ideological Symbolic Signs in the Structure of the *Happiness* Concept

Ivan I. Kaftan

Military Institute (engineering and technical) of the Military Academy of material and technical support named after General of the Army A. V. Khrulev, Russia, St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0002-7149-3362>; Ivan90kaftan@mail.ru

Received 30 Jul 2021. Accepted after peer review 27 Aug 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: The article describes the symbolic features of the concept *happiness* as part of the Russian linguaculture. The study made it possible to recreate the ideas, superstitions, and customs behind the concept of happiness. The author analyzed linguistic data obtained from the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru) and classified them into four thematic blocks: 1) artifact symbols of happiness: *horseshoe, straw shoes, objects of petty bourgeois life*; 2) ornithological signs of happiness: mythical birds *Alkonost / Sirin, bird of happiness, stork on the roof*; 3) natural symbols of happiness: *clear (peaceful) / seventh sky, flowers, rainbow in the sky*; 4) ideological signs of happiness: *Motherland, Stalin*. Symbols and amulets, which combine mythology and everyday life, reflect the mentality of the Russian people with their desire to merge with nature.

Keywords: linguaculture, cognitive linguistics, artifact symbols of happiness, ornithological signs of happiness, natural symbols of happiness, ideological signs of happiness

Citation: Kaftan I. I. Artifact, Natural, and Ideological Symbolic Signs in the Structure of the *Happiness* Concept. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 798–804. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-798-804>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Kolesov V. V. Mental characteristics of the Russian word in the language and in philosophical intuition. *Languages and ethnic mentality*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1995, 13–24. (In Russ.)
2. Kolesov V. V. *Language and mentality*. St. Petersburg: Petersburg. vostokovedenie, 2004, 240. (In Russ.)
3. Pimenova M. V. Methodology of conceptual research. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Peremena, 2005, vol. 1, 15–20. (In Russ.)
4. Leontyev A. A. Language consciousness and the image of the world. Vasilevich A. P., Zimnaya I. A., Leontyev A. A. *Language and consciousness: paradoxical rationality*. Moscow: IIA RAN, 1993, 35–39. (In Russ.)
5. Maslova V. A. *Introduction to cognitive linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 296. (In Russ.)
6. Shakhovskiy V. I. *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language*. Moscow: URSS, 2019, 206. (In Russ.)
7. Stefanski E. E. *Conceptualization of negative emotions in the mythological and modern linguistic consciousness: case of the Russian, Polish, and Czech languages*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Samara, 2009, 385. (In Russ.)
8. Krasavsky N. A. *Emotional concepts in German and Russian linguacultures*. Volgograd: Peremena, 2001, 493. (In Russ.)
9. Vorkachev S. G. The concept of happiness: conceptual and figurative components. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
10. Vorkachev S. G. The valeur constituent in the concept of happiness. *Language, communication and social environment*. Voronezh: Peremena, 2002, iss. 2, 4–18. (In Russ.)
11. Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A. The concept of happiness in the English language: the meaning component. *Mass culture at the turn of the XX–XXI centuries: Man and their discourse*, eds. Sorokin Iu. A., Zheltukhina M. R. Moscow: Azbukovnik, 2003, 263–275. (In Russ.)
12. Vorkachev S. G. *Happiness as a linguistic concept*. Moscow: Gnozis, 2004, 236. (In Russ.)
13. Vorkachev S. G. To the evolution of language mentality: Russian happiness. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, (2): 69–75. (In Russ.)
14. Mikhailenko O. M. *Linguaetic picture of the world: the concepts of "Happiness" and "Bliss" as semantic doublets*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2006, 167. (In Russ.)
15. Cherkashina E. A. Concept "Happiness" in Russian. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*, 2016, (2): 38–43. (In Russ.)
16. Sidorovich D. O., Dolgova A. D. Concept "happiness" in the Russian and English languages. *Actual problems of humanitarian education: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Minsk, 18–19 Oct 2018. Minsk: BGU, 2018, 264–271. (In Russ.)
17. Malchakitova N. Ju. The concept happiness in the Evenk and Russian language picture of the world. *Bulletin of Buryat State University*, 2011, (10): 50–53. (In Russ.)
18. Ryabova I. Iu. The concept of "happiness" in a comparative interlingual aspect (case of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" and four English-language interpretations). *Filologiya i chelovek*, 2017, (4): 140–148. (In Russ.)
19. Izotova N. N. Representation of Buddhist values and the concept of "happiness" in the Japanese national consciousness. *MGIMO Review of International Relations*, 2012, (2): 213–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-213-219>
20. Zaliziak A. A. Happiness and pleasure in the Russian language picture of the world. *Rus. iaz. v nauch. osveshchenii*, 2003, (1): 85–105. (In Russ.)
21. Wierzbicka A. 'Happiness' in cross-linguistic & cross-cultural perspective. *Daedalus*, 133(2): 34–43. <https://doi.org/10.1162/001152604323049370>
22. Unarokova G. Sh. Phraseological representation of the concept of "nasyp / happiness" in the Adyghe language picture of the world. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Art*, 2013, (3): 95–99. (In Russ.)
23. Unarokova G. Sh. The lexico-semantic organization of a concept "happiness" in the Russian and English languages. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Art*, 2014, (2): 86–90. (In Russ.)
24. Filippova S. V., Khikhilun A. V. Concepts "happiness" / "dyol" in the English and Yakut languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (10-2): 370–374. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.32>
25. Tukhtakhuzhaeva N. A. Lexical and phraseological representation of the concept 'happiness' / 'bakht' in the English and Uzbek languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, (28): 112–115. (In Russ.)
26. Vashcheulova A. S. The concepts of happiness and unhappiness and their actualization in discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2012, 10(1): 105–113. (In Russ.)
27. Vashcheulova A. S. Peculiarities of the metaphorical representation of the concept of "happiness" in American political, religious and common types of discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1-2): 126–131. (In Russ.)

оригинальная статья

Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках

Екатерина Сергеевна Ошанова

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Россия, г. Ижевск; <https://orcid.org/0000-0003-1605-1315>; oshanova_katja@mail.ru

Поступила в редакцию 24.06.2021. Принята после рецензирования 28.07.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Рассматривается вопрос о прагматической идентичности модальных маркеров в русском, немецком и удмуртском языках. Цель работы состоит в описании семантико-прагматических свойств немецких, русских и удмуртских высказываний с включенными модальными маркерами. Следует отметить, что высказывания с модальными маркерами в немецком, русском и удмуртском языках содержат весь комплекс лексических средств выражения модальности. Возможно, это объясняется тем, что указанные языки характеризуются как наиболее живые, яркие и богатые, отражают самобытность и культуру народов. Актуальность данной темы обусловлена потребностью в установлении функциональной эквивалентности модальных маркеров в анализируемых языках. Изучение прагматических особенностей модальных маркеров происходит в процессе коммуникации на основании лингвистических и экстралингвистических (контекстных) факторов. Следует также отметить, что модальные маркеры в структуре высказывания могут сигнализировать о различных чувствах, эмоциях, эмоционально-экспрессивных реакциях коммуникантов. Анализ теоретических работ и практического материала позволяет сделать вывод, что рассмотренные модальные маркеры в немецком, русском и удмуртском языках обладают как семантическим, так и прагматическим единством. Коммуникативно-прагматические характеристики высказываний отличаются разнообразием основного смысла из-за особенности субъективно-модальных оттенков модальных маркеров.

Ключевые слова: модальные слова, модальные частицы, функциональная эквивалентность, коммуникативно-прагматические значения, субъективно-модальные оттенки

Цитирование: Ошанова Е. С. Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 805–813. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-805-813>

Введение

Для выражения модальной семантики в немецком, русском и удмуртском языках используются самые разнообразные средства. В настоящей статье в качестве модальных маркеров рассматриваются модальные слова и модальные частицы. К модальным маркерам относятся такие слова, которые формируют синтаксическую, реляционную и модальную структуру высказывания, говорящий использует их для обозначения коммуникативно-прагматических значений [1]. Согласно цели работы были поставлены следующие задачи: обозначить семантику слов-маркеров, относящихся к модальным, в немецком, русском и удмуртском языках; рассмотреть вопрос о прагматической эквивалентности высказываний с модальными маркерами.

В качестве эмпирической базы для анализа были выбраны текстовые фрагменты разговорной речи в художественных произведениях носителей немецкого, русского и удмуртского языков. Анализ литературных текстов обусловлен в первую очередь тем, что они позволяют рассмотреть проявления особенностей высказываний с модальными маркерами в разных коммуникативно-прагматических контекстах, т. к. любое художественное произведение, несомненно, насыщено изобилием характеристик его героев.

В настоящей работе применялись сопоставительный анализ для выявления структурных характеристик модальных маркеров в русском, немецком и удмуртском языках; метод контекстуального анализа; метод семантической и прагматической интерпретации.

Необходимо указать и на экстралингвистический контекст, который включает актуальное языковое окружение анализируемых языковых единиц, комплекс языковых средств, реализующих передачу идентичного значения или выполнения схожей функции.

Для анализа были выбраны индоевропейские языки (германская группа, славянская группа), финно-угорские языки (пермская группа), в которых количество модальных слов и модальных частиц достаточно велико. Следует отметить, что немецкий, русский и удмуртский языки относятся к языкам с развитой системой модальных средств.

Модальные слова и модальные частицы в немецком, русском и удмуртском языках

Своеобразие значений модальных слов проявляется в том, что они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения, подчеркивают

употребление и экспрессию отдельных слов [2]. Общие свойства модальных слов характеризуют значения модальных отношений, обозначенных В. В. Виноградовым как субъективно-объективные отношения [3]. Модальные слова как выразители данных отношений указывают на выражение точки зрения говорящего при определении статуса соотношения высказывания и объективной действительности по степени его реальности [4]. Также модальные слова обладают метатекстовым значением – общее грамматическое значение оценки говорящим своего высказывания [5].

Модальные слова в немецком языке как коммуникативно-грамматическая категория подразделяются на следующие группы:

- оценочные: *glücklicherweise* (к счастью), *leider* (к сожалению), *hoffentlich* (надо надеяться), дают субъективно-экспрессивную оценку предложению;
- усилительные: *zweifello* (несомненно), *unbedingt* (безусловно), *selbstverständlich* (очевидно, само собой разумеется), отражают главную мысль;
- суммирующие (обобщающие): *übrigens* (впрочем), *in einem Wort* (одним словом), *eigentlich* (на самом деле), обобщают высказывание в единое целое;
- предположительные: *wahrscheinlich* (вероятно), *angeblich*, *anscheinend* (по-видимому), *möglich*, *vermutlich* (возможно), *wirklich* (действительно), могут выражать как достоверность / уверенность, так и неуверенность [6].

Что касается трактовки модальных слов в русском языке, необходимо отметить, что на сегодняшний день в научных исследованиях нет точного определения для класса модальных слов. Первыми лингвистами, кто выделил модальные слова как отдельную категорию слов, считаются А. А. Потебня [7] и В. В. Виноградов [8]. О том, что модальные слова относятся к средствам выражения модальности предложения, трактуются и в трудах А. А. Шахматова [9], В. М. Жирмунского [10].

По мнению А. В. Авериной, рассмотренные В. В. Виноградовым группы модальных слов различны по своей семантике и не всегда отражают модальные характеристики в их классическом толковании. Таким образом, к собственно модальным словам по признакам и значению можно отнести модальные слова, включающие в себя слова с семантикой эпистемической модальности (*действительно*, *разумеется*, *безусловно*, *наверно*, *конечно*, *стало быть* и т. д.) и слова с семантикой эвиденциальности, указывающие на источник сообщаемой информации (*видно*, *слышно*, *говорят*, *кажется* и т. д.). Автор отмечает тот факт, что собственно модальное значение выражается при помощи модальных слов с эпистемической и эвиденциальной семантикой [11].

Современный удмуртский язык является весьма колоритным и богатым, его используют как родной язык на территории Удмуртской республики, в удмуртских глубинах в быту, на работе и дома. Необходимо подчеркнуть, что удмуртский язык богат своей грамматической и лексической структурой. У модальных слов удмуртского языка

отсутствуют лексические значения предметности, признака или действия [6].

К основной морфологической характеристике модальных слов в удмуртском языке относят их неизменяемость и функционирование в языке в застывшей морфологической форме исходного знаменательного слова. Как отмечает Т. М. Кибардина, не существует одной грамматической формы знаменательного слова, благодаря которой у слова могут появиться модальные значения, т. к. происхождение данных слов в удмуртском языке связано с разными знаменательными частями речи. Данная особенность касается и модальных слов удмуртского языка, которые в большинстве случаев образовались от разных грамматических форм глаголов [12].

Например, от глаголов образованы следующие модальные слова: *шум* (скажем, допустим, положим, предположим); *адске* (видимо, вероятно, кажется, видно); *валамон* (понятно), *шуо* (говорят), *вылды* (наверно, скорее всего, может быть, вероятно, по-видимому), *яралоз* (ладно, хорошо). Они передают субъективные отношения к высказываемому [12; 13, с. 365–370]. Также выделяют в современном удмуртском языке следующие модальные слова: *зэм* (действительно, правда), *зэм но* (и правда), *зэмзэ ик*, *зэмен ик* (и вправду, действительно, в самом деле), *шонер* (правда), *зэмзэвераса* (честно говоря). Данные модальные слова указывают на значение уверенности и неуверенности [6].

Модальные частицы, как и модальные слова, выражают точку зрения говорящего к действительности или указывают на особенности отдельных выражений в составе предложения. Как правило, они позволяют говорящему выразить оценку фактичности ситуации и одновременно маркируют обращенность к собеседнику с целью скорректировать его позицию. Предложения с модальными частицами не несут новой информации, а выражают установку говорящего относительно какого-либо положения дел [14].

Лингвисты, занимающиеся изучением немецких модальных частиц, до настоящего времени не пришли к единому мнению относительно определения данного класса слов. В научных работах по данной проблематике встречаются следующие трактовки – *modale Partikeln*, *Modalpartikeln* [15–18]; *Farbewörter*, *Füllwörter* [19]; *Abtönungspartikeln* [20–22]; *Satzpartikeln*, *Einstellungspartikeln* [23]; *Würzwörter*, *Satzpartikeln*, *illokutiv Partikeln* [24]; *redeleitende Partikeln* [25]. Мы обозначаем такие частицы, как *doch*, *denn*, *aber*, *ja*, *mal*, *wohl*, *etwa*, *bloß*, *gar*, *nur*, – *Modalpartikeln* (модальные частицы) [1].

Исследования русского языка в области модальных частиц указывают на большую вариативность в обозначении данного класса слов. Можно отметить следующие определения: слова-заплаты, слова-заполнители, слова-приправы. Относительно лексических значений модальных частиц, совпадающих с их экспрессивными функциями, можно выделить следующие: *ведь*, *ка*, *вот*, *же*, *ж*, *-то*, *ли*, *как*, *уж*, *ну*, *только*, *разве* [1].

Модальные частицы удмуртского языка считаются неотъемлемой частью предложения и представляют на сегодняшний день сложную проблему в удмуртском языкознании, поскольку исследований, посвященных модальным частицам удмуртского языка, на данном этапе представлено не так много. Отмечают, что модальные частицы добавляют смысловой оттенок к значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений [11]. Для выражения усиления значения в грамматике удмуртского языка «Воршуд» выделяют следующие частицы: *-а* (ли), *ик* (же, ведь), *ини* (уж), *шат* (разве), *меда* (ли), *мед* (да, пусть), *али* (-ка), *ай* (да, ведь, -ка), *но* (уж, же), *я* (ну), *ук* (ведь, же), *уго* (ведь, же), *бен* (да) [1].

Следовательно, общей характеристикой русских, немецких и удмуртских высказываний, включающих модальные слова и модальные частицы, является их связь с пропозициональным содержанием высказывания.

Модальные маркеры выражены в высказывании большей частью в сочетании друг с другом и в совокупности с другими оценочными показателями (повторы, персонализации), что в свою очередь усиливает эмоциональность высказывания [26].

Необходимо отметить и отличия:

- модальные слова могут находиться в высказывании под ударением, модальные частицы же безударны;
- модальные слова лексически более самостоятельны, в то время как происхождение большинства модальных частиц до сих пор остается спорным вопросом [6].

В данной статье продемонстрируем примеры, где представлена совокупность модальных средств: *модальная рамка + модальное слово + модальная частица*.

При интерпретации высказывания необходимо выявить его общую коммуникативно-прагматическую направленность, а также «эмоциональный смысл», который отражает мысли и чувства говорящего в определенной коммуникативной ситуации.

Результаты

Немецкий язык

(1) *Jule jedoch, zuerst erschrocken über diesen Schlag, blieb fest: "Ihr könnt mich nicht zwingen mitzufahren. Ich bleibe bei euch. Wenn ihr mich mit Gewalt wegschicken wollt, laufe ich fort".*

*Was blieb seinen Eltern da anderes übrig, als nachzugeben? Julians Mutter begann zu weinen, und sein Vater lenkte schweren Herzens ein: "Na gut! Dann warten wir noch ab. Wird ja hoffentlich nicht der letzte Transport gewesen sein"*¹.

Однако Юлиан, сначала потрясенный этим ударом, оставался твердым: «Вы не можете заставить меня пойти

с вами. Я останусь у вас. Если вы захотите отправить меня силой, то я убежу».

Что еще могли сделать его родители, кроме как сдаться? Мать Юлиана заплакала, а отец с тяжелым сердцем уступил: «Хорошо! Тогда подождем еще. Уж надеюсь, это был не последний транспорт»².

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-беспокойство** выражена модальным словом **hoffentlich**, модальной частицей **ja** и специальной глагольной формой будущего времени – Futur II, выражающей предположение.

(2) *"Wir müssen morgen sowieso zur Türheim'schen, und dem Jünger-Alibi sollten wir auch nachgehen". Aber für heute reicht es mir eigentlich. Außerdem wollte ich noch mit Julia und Ulli reden, was die dazu meinen, wenn ich Brigitte anrufe. Muss aber eigentlich auch nicht gleich heute sein*³.

Мы все равно должны ехать завтра к Тюргеймам, и мы также должны следовать алиби Юнгера». Но на сегодня мне этого достаточно. Кроме того, я также хотел поговорить с Юлией и Ули о том, что они думают по поводу того, если я позвоню Бригитте. Но, на самом деле, это не обязательно должно быть сегодня.

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-успокоение** выражена модальным словом **eigentlich**, модальной частицей **aber** и повествовательным предложением с модальным глаголом **müssen**, указывающим на предположение, основанное на объективных фактах и размышлениях.

(3) *"Ich bekomme jedes Mal eine Gänsehaut, wenn dieser Büttel Anubis' unseren Boden nur betritt". Antef schüttelte sich vor Abscheu. "Hast du nicht gemerkt, wonach er riecht? Nach Tod und Verwesung – und wenn seine Truhen tausend Mal von Gold und Silber überquellen. Dagegen können selbst viele Krüge feinsten Safranöls nichts ausrichten". Er beugte sich hinunter, um Tamas schnurgerade gezogenen Scheitel zu küssen. "Gibt es denn wirklich niemand anderen, für den du weben könntest, mein Herz?"*

"Натурально", ответила Тама унгерührt, "сogar Dutzende"⁴.

«У меня мурашки по коже каждый раз, когда этот судейный пристав Анубис только вступает на нашу землю». Антеф содрогнулась от отвращения. «Разве ты не заметил, как он пахнет? Смертью и разложением – и тогда его сундуки тысячу раз переполнятся золотом и серебром. С другой стороны, даже многие кувшины лучшего шафранового масла ничего не могут сделать». Он наклонился, чтобы поцеловать Таму в голову, вытянувшуюся прямо, как засов. «Неужели действительно нет никого другого, для кого ты бы могла ткать, мое сердце?».

¹ Kordon K. Julians Bruder. Hamburg: Ein Gulliver von Beltz & Gelberg, 2006. S. 111.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

³ Spaude E. Spiess-Gesellen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. S. 96.

⁴ Brigitte Riebe Schwarze Frau vom Nil. München: Droemersch Verlagsanstalt, 2001. S. 171.

«Конечно, есть – невозмутимо ответила Тама, – даже десятки».

Коммуникативно-прагматическая направленность **вопрос-удивление** выражена модальным словом *wirklich*, модальной частицей *denn* и вопросительно-утвердительным предложением.

(4) "Chef. Noch was. Ich bin ja jetzt mit Ihrer Julis zusammen. Aber das ist privat. In der Dienstzeit tun wir am besten so, als ob nichts wäre. Sind Sie einverstanden?"

"Okay. Versuchen wir es, Thiele. Vielleicht wäre es aber möglich, dass Sie nicht unbedingt bei mir einziehen", setzt er anzüglich hinzu⁵.

Шеф. Еще кое-что. Я сейчас с Вашей Юлией. Но это личное. Во время службы лучше всего притворяться, как будто ничего не было. Вы согласны?»

«ОК. Давай попробуем, Тиле. Но, может быть, Вам не обязательно переезжать ко мне», – колко добавляет он.

Коммуникативно-прагматическая направленность **сомнение-ирония** выражена модальным словом *möglich*, модальной частицей *aber* и сослагательным наклонением.

(5) Mit quietschenden Reifen und einem gewagten Wendemanöver, das Thiele kurzfristig den Atom stocken lässt, schafft es Reinhold Lorenz jedoch, den Dienstpassat einige Zentimeter vor dem Nobelgefährt zum Stehen zu bringen.

Wütend reißt Franz Jünger die Autotür auf.

"Sind Sie noch bei Trost? Was soll das?"

"Entschuldigen Sie. Sie hätten uns sonst vermutlich gar nicht gesehen. Wir haben noch einige Fragen an Sie, und ich wollte Ihnen den Weg ins Präsidium ersparen", erwidert Lorenz gelassen⁶.

Однако с визгом шин и дерзким маневром, заставившим Тиле на короткое время замереть, Райнхольду Лоренцу удастся перейти в сервисное положение в нескольких сантиметрах перед роскошным автомобилем.

Франц Юнгер сердито распахивает дверцу машины.

«Вы немного не в себе? Что это значит?».

«Извините. Иначе Вы бы нас, наверное, вообще не увидели. У нас еще есть к Вам несколько вопросов, и я хотел извинить Вас от поездки в Президиум», – спокойно отвечает Лоренц.

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-оправдание** выражена модальным словом *vermutlich*, частицей *gar* и сослагательным наклонением.

(6) So lagen unsere Wohnungen einander schräg gegenüber und Jule und ich konnten von Fenster zu Fenster Kontakt miteinander halten.

Ja, wir waren wohl wirklich so etwas wie Zwillinge – weil wir so unzertrennlich waren. Immer steckten wir zusammen, nur selten sah man einen von uns allein⁷.

Наши квартиры располагались по диагонали друг от друга, и мы с Юлием могли поддерживать связь из окна в окно.

Да, мы же действительно были чем-то вроде близнецов – потому что мы были неразлучны. Мы всегда были вместе, редко кого-то из нас видели в одиночестве.

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-гордость** выражена модальным словом *wirklich*, модальной частицей *wohl* и повествовательным предложением констатирующего характера.

Русский язык

(1) – Видите ли... Я бы мог просто порекомендовать вам прочесть книгу моих рассказов. Но, конечно, не ручаясь, что вы непременно наткнетесь в них на «смешные штуки».

– Да нет, нет! Вы мне расскажите! Мне хочется послушать, как вы рассказываете... **Вот, наверное**, за бока схватитесь!..

Я незаметно пожал плечами и неохотно сказал:

– Ну, слушайте...⁸

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-предвкушение** выражена модальным словом *наверное*, модальной частицей *вот* и восклицательным предложением.

(2) Позвольте предложить вам стул... Садитесь, ваше превосходительство.

– Успею. Зачем это я вам понадобился?

– Справочка одна. Не знаете ли вы, как это понимать: взывание морского сбора в здешнем городе?

– Как понимать? Очень просто.

– Да ведь моря-то тут нет!

– Неужели? Гм... А *ведь* в самом деле, *кажется*, нет. Действительно нет⁹.

Коммуникативно-прагматическая направленность **сомнение-удивление** выражена модальным словом *кажется*, модальной частицей *ведь* и повествовательным предложением с соответствующей интонацией, которая является периферийным средством выражения сомнения.

Соответствующая интонация подразумевает в данных высказываниях эмоционально-экспрессивный оттенок, проявляющийся благодаря внесению в смысловую структуру высказывания целого ряда оттенков, выражающих отношение говорящего лица к сообщаемой им информации.

(3) И вдруг Чикалкину ударило в голову:

«А что, если...»

Он схватил начатое письмо и изорвал его в клочья.

– Положим... Не может быть!.. А вдруг!

Октябрист Чикалкин долго ходил по комнате и наконец, всплеснув руками, сказал:

⁵ Spauke E. Spiess-Gesellen ... S. 143.

⁶ Там же. S. 267.

⁷ Kordon K. Julians Bruder... S. 13.

⁸ Аверченко А. Т. Хлопотливая нация: Юмористические произведения. М.: Политиздат, 1991. С. 31.

⁹ Там же. С. 68.

– **Ну конечно!** Просто нужно поехать к исправнику и спросить о причине неразрешения. В крайнем случае – припугнуть¹⁰.

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-убежденность** выражена модальным словом **конечно**, модальной частицей **ну** и восклицательным предложением.

(4) Поговорив с местными людьми и тестем Форха, Перри догадался, что и в средние по снегам и дождям годы каналы будут так маловодны, что по ним и лодка не пройдет. А про сухое лето и говорить нечего, – одна песчаная пыль поднимется на канальном русле.

«Тогда я отца-то, **пожалуй**, больше не увижу!»¹¹.

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-печаль** выражена модальным словом **пожалуй**, модальной частицей **-то** и восклицательным предложением.

(5) – Михаил Александрович! – крикнул он вдогонку Берлиозу.

Тот вздрогнул, обернулся, но успокоил себя мыслью, что его имя и отчество известны профессору также из каких-нибудь газет. А профессор прокричал, сложив руки рупором:

– Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?

И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумашедший знает о существовании киевского дяди? Ведь об этом ни в каких газетах, **уж наверно**, ничего не сказано¹².

Коммуникативно-прагматическая направленность **предположение-недоумение** выражена модальным словом **навверно**, модальной частицей **уж** и повествовательным предложением с соответствующей интонацией.

(6) Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана.

– Да-с, – продолжал Иван, – знаетс! Тут факт бесповоротный. Он лично с Понтием Пилатом разговаривал. Верно говорю! Все видел – и балкон и пальмы. Был, словом, у Понтия Пилата, за это я ручаюсь.

– Ну-те, ну-те...

– Ну **вот, стало быть**, я иконку на грудь пришили и побежал...

Тут вдруг часы ударили два раза.

– Эге-ге! – воскликнул Иван и поднялся с дивана, – два часа, а я с вами время теряю!¹³

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-уверенность** выражена модальным словом **стало быть**, модальной частицей **вот** и повествовательным

предложением, передающим информацию о происходящем событии.

Удмуртский язык

(1) – Кызыы гожтомы пионеръёслы?

– Кызыы гожтомы? Созэ, оло, нырысь ик Дарья Петровналэсь юано? Даниил Александрович – солэн картэз, озьы бере, со ик вераны кулэ, кызыы, мар ивор сётоно Украинаысь следопытъяслы.

– Таиз **но шонер**. Мынам малпамея, Дарья Петровнаез одно ик ыстоно отчы, Украинае¹⁴.

– Как напишем пионерам?

– Как написать? Может быть, сперва спросить у Дарьи Петровны? Даниил Александрович – её муж, раз так, он должен сказать, что нужно сообщить украинским следопытам.

– **Уж и это правда**. По-моему, Дарью Петровну точно туда в Украину нужно послать.

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-одобрение** выражена модальным словом **шонер**, модальной частицей **но** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

(2) – Возьмётся ыштэм адями со. Улляно комсомольсь!

Василий Петрович но кыл куриз:

– **Бен, шонер** верады. Адями мыдлане коже, юэ, прогуль-ёс лэсьтэ, нош аслэсьтыз янгышэс валамез уг поты. Нош асьмеос? Асьмеос ма учкыса улймы? Малы ём адёе пияшлэсь мыдлане кожемзэ, малы дыраз ём юрттэ солы?

– Кызыы солы юрттоно на?

– Оло, яслие сямен, китйз валтыса нуллоно сое?¹⁵

– Это человек, который совесть потерял. Надо исключить его из комсомола!

– **Да, верно**, сказали. Народ не правильно поступает: пьет, прогуливает, а свою неправоту не хочет понять. А мы? А мы-то, что смотрели? Почему мы не увидели, что парень не правильно поступает, почему вовремя ему не помогли?

– Как ему еще помочь-то?

– Может быть, как в ясли за руки водить его?

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-согласие** выражается модальным словом **шонер**, утвердительной частицей **бен** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

(3) Оежытак ке но възьдаськы ук, кочыш апай! – нош ик чильыктэ зольгыри. – Тон пыласькыны вунэтиед ук! Тынад кузёед но, солэн кышноез но, дуннеысь вань адямиос но азьло пыласько, собере сисько. Тон сое уд тодиескы шат?

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Платонов А. П. Повести и рассказы. М.: Правда, 1983. С. 28.

¹² Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1988. С. 49.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Васильев Н. В. Азвесь портсигар. Веросьёс но повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 69.

– **Зэм но ук!** – шуиз кочыш¹⁶.

– Хоть немножко постесняйся, сестрица кошка! – снова чирикает воробей. – Ты же умыться забыла! И твой хозяин и его жена почитаемые люди, но они сначала умываются, а потом кушают. Ты разве этого не знаешь?

– **И правда ведь!** – сказала кошка.

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-осознание** выражается модальным словом **зэм но**, модальной частицей **ук** и восклицательным предложением.

(4) – Берпумзэ юаско: кӧня коммунистӕс, комсомолецӕс кылемын милемлы пумит нюрӕсӕс, кытын соос?

– Уг тодӕсӕс: трос соос, – кален гинӕ вӕраз Толя. – Кытынзӕс нош уг тодӕсӕс. Мон гинӕ тани тазы курег сӕмен шеди тӕи кие.

– Уд вӕра? Мар **бен**, **яралоз**, – офицер со дорын сӕлӕс часовойлы маар ке шыпытӕз. Соиз син кuspын потыса кошкыз но соку ик нӕлӕ-вить солдатӕсӕн чӕи пыриз¹⁷.

– Последний раз спрашиваю: «Сколько коммунистов, комсомольцев осталось воевать против нас? Где они?»

– Не знаю: «Их много, – только тихо сказал Толя. – А где они, не знаю. Только я, как курица, в ваши руки попал».

– Не скажешь? **Ну и, ладно**, – офицер шепнул что-то часовому стоявшему рядом с ним. Часовой в мгновение ушел, но тут же вошел вместе с четырьмя-пятью солдатами.

Коммуникативно-прагматическая направленность **утверждение-угроза** выражается утвердительной частицей **бен**, модальным словом **яралоз** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

(5) – Ну, Митя, ӕй возьма вал мон тынӕсӕтӕд сӕчӕ чуритӕ.

– Мон-а чурит? Ӗжит-а юиды мон чотын?

– Зэм. Юим. Юом но. Мынӕм, маар ваменӕсӕсӕскод? Нылӕс но луозы. Эх, кӕчӕ чеберӕс! Ми кенешим ини: соос витӕзы.

«**Зэм но**, мыноно **шат**? – малпан чилектӕз Митялӕн йыраз. – Трос уг юи. Ӗжит шулдырӕсӕс но берто...»¹⁸.

– Ну, Митя, я не думал о твоей жадности.

– Я жадный? Мало выпили за мой счет?

– Правда. Пили. Будем пить. Пойдем, что упрямишь-ся! Девушки тоже будут. Ах, какие красивые! Мы уже договорились.

– «**И правда**, не пойти **ли**?» – промелькнула мысль в голове Мити.

Коммуникативно-прагматическое значение **сомнение-любопытство** выражено модальной частицей **шат**, модальным словом **зэм но** и вопросительно-риторическим предложением.

(6) Со вакытӕ ос усьтӕсӕм, ӕгит ӕксӕйлӕн кузпалыз, персь ӕксӕй-лӕн покчи нӕлыз, пырем.

Ой, Инмаре, кӕчӕ шумпотӕм персь ӕксӕй! Нылзӕ уллямез бере, ӕксӕй туж жалям, куректӕм, угось котькытӕс но, быдӕс дуннез котырӕс, утчам сое. **Валамон ини**, табере персь ӕксӕй пичи нӕлызлы тужгес но бадӕмзӕ кунзӕ сӕтӕм. Ӗгит ӕксӕй со вӕлӕ кунзӕ соку ик ни улз бастӕм. Озы соос али но уло-выло, кулӕлӕмтӕ на ке¹⁹.

В это время дверь открылась, и вошла молодого царя жена, старшего царя младшая дочь.

– Ой, Боже, как обрадовался старый царь! После того как прогнал дочь, царь очень жалел, горевал, искал её везде, объездив всю землю. **Уж понятно**, теперь старый царь дал младшей дочери большую часть владения государства. Молодой царь сразу же взял его под свое правление. Так они и живут сейчас, если не умерли.

Коммуникативно-прагматическая направленность **констатация-уверенность** выражена модальным словом **валамон**, модальной частицей **ини** и повествовательным предложением с утвердительной модальностью.

Заключение

Необходимо еще раз отметить, рассмотренные в данной работе языки являются уникальными и обладают всеми средствами выражения модальности лексического уровня. На основе проанализированных примеров было установлено, что высказывания с модальными словами и модальными частицами в разных языках обладают схожими характеристиками:

- модальные маркеры с семантикой модальности во всех трех анализируемых языках указывают на определенную и известную из контекста информацию;
- эмотивный фон высказывания проявляется за счет различных модальных маркеров, которые конкретизируют и определяют коммуникативно-прагматическую направленность высказывания;
- коммуникативно-прагматические характеристики высказываний проявляют большую вариативность, что и указывает на множество субъективно-модальных оттенков модальных маркеров.

Также модальные маркеры в структуре высказывания указывают на чувства и эмоционально-экспрессивные реакции участников коммуникации.

В перспективе предполагается дальнейшее исследование заявленной проблематики, основанное на рассмотрении совокупности модальных средств: *модальная рамка + модальный глагол + модальная частица*.

¹⁶ Бенӕдӕк Ӕлӕк. Зарни тюльпан: мадӕр выжыкылӕсӕс мадӕнӕс. Ижевск: Удмуртия, 2010. С. 21–22.

¹⁷ Васильев Н. В. Азвесь портсигар. Веросӕс но повесть... С. 60.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Бенӕдӕк Ӕлӕк. Зарни тюльпан: мадӕр выжыкылӕсӕс мадӕнӕс... С. 14.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Ошанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-когнитивной перспективы высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 22 с.
2. Ярыгина Е. С. Модус и модальность – терминологические синонимы? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2-2. С. 32–38.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 719 с.
4. Гусева Л. А. Модальные слова как часть речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-2. С. 109–113.
5. Блерица Т. А. Лексические средства выражения модальности возможности в английском, албанском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 63–71.
6. Ошанова Е. С. Средства выражения модальности в политической коммуникации в английском, немецком, русском и удмуртском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1. С. 115–124. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10115>
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 536 с.
8. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2001. 620 с.
10. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 7–32.
11. Аверина А. В. Грамматические свойства модальных слов в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 2. С. 230–234. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.46>
12. Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. 194 с.
13. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
14. Аверина А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 59–67. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-2-59-67>
15. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
16. Molnar A. Die Grammatikalisierung deutscher Modalpartikeln. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. 129 S.
17. Abraham W. Modalpartikel und Mirativeffekte // Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik (Linguistische Berichte Sonderheft 24). Hamburg: H. Buske, 2017. S. 76–108.
18. Gärtner H.-M. Root infinitivals and modal particles. An interim report // Discourse particles. Berlin: De Gruyter, 2017. P. 115–143.
19. Kummer M. Modalpartikeln denn, doch, eben, etwa, eigentlich, ja. Bonn: Inter Nations, 1984. 52 S.
20. Zifonun G., Hoffmann L. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin: De Gruyter, 1997. 2800 S.
21. Diewald G. "Abtönungspartikel" // Deutsche Wortarten / Hg. L. Hoffmann. Berlin: De Gruyter, 2007. S. 117–141.
22. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin-N. Y.: De Gruyter, 2013. 484 S.
23. Helbig G., Helbig A. Deutsche Partikeln – richtig gebraucht? Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-N. Y.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1995. 224 S.
24. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 1990. 561 S.
25. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. Berlin: De Gruyter, 1995. 272 S.
26. Аверина А. В. Функции модальных маркеров в немецком художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 61–69. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

original article

Functional Characteristics of Modal Markers in German, Russian, and Udmurt

Ekaterina S. Oshanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk; <https://orcid.org/0000-0003-1605-1315>; oshanova_katja@mail.ru

Received 24 Jun 2021. Accepted after peer review 28 Jul 2021. Accepted 9 Aug 2021.

Abstract: The research considered the pragmatic identity of modal markers in German, Russian, and Udmurt. The research objective was to describe the semantic and pragmatic properties of modal utterances in order to establish the functional equivalence of modal markers in these languages. The utterances with modal markers demonstrated a whole complex of lexical means that express modality, probably, because these languages are actively developing, while maintaining the identity and culture of the peoples they represent. The pragmatic features of modal markers were studied in the process of communication on the basis of linguistic and extralinguistic (contextual) factors. The modal markers expressed various feelings and emotional responses; they revealed semantic and pragmatic unity and were responsible for the differences in the communicative and pragmatic characteristics of the utterances.

Keywords: modal words, modal particles, functional equivalence, communicative-pragmatic meanings, subjective-modal shades

Citation: Oshanova E. S. Functional Characteristics of Modal Markers in German, Russian, and Udmurt. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 805–813. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-805-813>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Oshanova E. S. *The role of modal particles in the formation of the cognitive base and the communicative-cognitive perspective of the utterance*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2017, 22. (In Russ.)
2. Yarygina E. S. Modus and modality – terminological synonyms? *Herald of Vyatka State Humanitarian University*, 2012, (2-2): 32–38. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. *The Russian language (the grammatical doctrine of the word)*, 4th ed. Moscow: Rus. iaz., 2001, 719. (In Russ.)
4. Guseva L. A. Modal words as part of speech. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (1-2): 109–113. (In Russ.)
5. Blerina T. A. Lexical means expressing modality opportunities in English, Albanian and Russian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2011, (4): 63–71. (In Russ.)
6. Oshanova E. S. Means of modal and emotive expression in political communication in English, German, Russian and Udmurt. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, (1): 115–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10115>
7. Potebnia A. A. *From the notes on Russian grammar*. Moscow: Uchpedgiz, 1958, vol. 1–2, 536. (In Russ.)
8. Vinogradov V. V. Modality and modal words in Russian. *Studies in the Russian grammar: Selected works*. Moscow: Nauka, 1975, 53–87. (In Russ.)
9. Shakhmatov A. A. *Syntax of the Russian language*, 3rd ed. Moscow: URSS, 2001, 620. (In Russ.)
10. Zhirmunsky V. M. The origin of parts of speech and their classification. *The theory of parts of speech in typologically different languages*, eds. Zhirmunsky V. M., Sunik O. P. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-ye, 1968, 7–32. (In Russ.)
11. Averina A. V. Grammatical features of modal words in the German and Russian languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, 13(2) 230–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.46>
12. Kibardina T. M. *Means of expressing modality in the Udmurt language*. Izhevsk: Udmurt. un-t, 2012, 194. (In Russ.)
13. *Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology*, ed. Perevoshchikov P. N. Izhevsk: Udm. kn. izd-vo, 1962, 376. (In Russ.)
14. Averina A. V. Modal particles in the sentence structure (in German and Russian languages). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, (2): 59–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-2-59-67>
15. Thurmair M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989, 314.
16. Molnar A. *Die Grammatikalisierung deutscher Modalpartikeln*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002, 129.
17. Abraham W. Modalpartikel und Mirativeffekte. *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik (Linguistische Berichte Sonderheft 24)*. Hamburg: H. Buske, 2017, 76–108.

18. Gärtner H.-M. Root infinitivals and modal particles. An interim report. *Discourse particles*. Berlin: De Gruyter, 2017, 115–143.
19. Kummer M. *Modalpartikeln denn, doch, eben, etwa, eigentlich, ja*. Bonn: Inter Nations, 1984, 52.
20. Zifonun G., Hoffmann L. *Grammatik der deutschen Sprache*. Berlin: De Gruyter, 1997, 2800.
21. Diewald G. "Abtönungspartikel". *Deutsche Wortarten*, Hg. Hoffmann L. Berlin: De Gruyter, 2007, 117–141.
22. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin-N. Y.: De Gruyter, 2013, 484.
23. Helbig G., Helbig A. *Deutsche Partikeln – richtig gebraucht?* Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-N. Y.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1995, 224.
24. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner, 1990, 561.
25. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. *Studienbuch Linguistik*. Berlin: De Gruyter, 1995, 272.
26. Averina A. V. Functions of modal components in German fiction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, (1): 61–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

original article

A Hermeneutic Analysis of Proverbs in *Amālī* by al-Sayyid al-Murtada

Ghader Pariz

Allameh Tabataba'i University, Iran, Tehran; pariz@atu.ac.ir

Robabeh Ramezani

Allameh Tabataba'i University, Iran, Tehran

Received 9 Jun 2021. Accepted after peer review 7 Jul 2021. Accepted 12 Jul 2021.

Abstract: The interpreter, in a hermeneutic perspective, plays an active role in explaining significations of a text and expressing their meanings according to a specific reading, understanding the text and making it understood, and being affected by it or affecting it. The text is analyzed regardless of the speaker/writer and their intentions and given a new meaning with the aim of expressing various implications and readings. Reflecting human lifestyles, modes of thinking, and interpretive modes in different periods and areas of life, proverbs are one of the deep-rooted literary forms and inseparable part of cultures, depicting habits, customs, and beliefs of nations. Studying proverbs can help us understand similarities and differences between cultures. For this reason, scholars have deployed proverbs in their writings to explain their ideas and make themselves understood. Using a descriptive method of content analysis and an author-centered literary hermeneutic approach, the present article strives to answer the important question as to whether or not the meaning of proverbs changes over time. It was concluded that proverbs are uninterpretable texts only aimed at conveying a meaning, concept, or knowledge in the form of simile, metaphor, or irony. Following a way similar to his predecessors, the author of *Amālī* used proverbs to explicate a difficult word or phrase in a narrative, a report, or a couplet. The present study used the list of proverbs from *Amālī* al-Sharif al-Murtada researched by Muhammad Abolfazl Ebrahim and (re)published by Zavel-Ghorba Publication in 1431 A.H. / 1388 S.H.

Keywords: proverb, interpretation, al-Sayyid al-Murtada, culture, *Amālī*

Citation: Pariz G., Ramezani R. A Hermeneutic Analysis of the Proverbs in *Amālī* by al-Sayyid al-Murtada. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 814–825. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-814-825>

Introduction

Internal revisiting and criticism within a culture leads to both the enrichment of the culture and its deep understanding. In contemporary age, despite the variety and richness of available cultural resources, we have not approached them reasonably yet. Most cultural resources, such as proverbs, indelibly retained in frequently revoked textual or linguistic forms have not been studied in line with modern scientific theories. As such, questions on the part of audience cannot be answered adequately and convincingly. Therefore, it is both inevitable and necessary to revisit those texts with the use of a critical approach and theories of linguistics and interpretation of texts such as hermeneutics that has garnered undivided attention of linguists and interpreters. Characterized by particular linguistic features, proverbs are one of the deep-rooted and common literary forms used in scientific, literary, and commonplace texts as well as in spoken language for various purposes. As such, they should be subject to re-examination based on modern scientific methods so that they can continue to exist in and exert an influence on contemporary culture.

Statement of the problem

A proverb is a short, simple sentence or phrase that expresses effectively a general truth based on the practical experience or common sense. Their popularity among people lies in the fact that they are commonly used in speech and folklore literature to the degree that understanding their meaning does not often require interpretation or explanation.

Yet it does not generally hold true for all proverbs and audiences because there are some proverbs that require interpretation in respect to the audience, time, and place. In such cases, a different interpreter and audience or a change in the time and place of their usage may lead to a different understanding of the meaning.

Since any text is an embodiment of a meaning or mental concept that remains indelible through time and requires reading between lines, great authors in various fields, especially in the humanities, have one way or another used this rich cultural inheritance. Understanding the method of using proverbs can lead to understanding of richness and importance of proverbs in any culture as well as increasing understanding of their descriptive and explanatory capabilities in a field of knowledge. It is also possible to learn the cultural, social, and mental structure of a society by studying the frequency of proverbs usage in a society and analyzing relationships between them. More importantly, to gain a correct and up-to-date understanding of proverbs necessitates using modern theories of text interpretation and avoiding erroneous understanding, false or derivative interpretation, and radically rational interpretation.

Proverbs are used for various purposes, the most important of which is explaining a complex concept by an understandable proverbial concept in the source language. The speaker actually aims at a conscious representation by using a concrete entity to convey a rational concept to the audience. Others, such as poets, use proverbs with a specific purpose and style

to mystify their poems by complicating a proverb or using it partially. The didactic function of proverbs can be considered as the most important one because proverbs, usually containing indirect metaphors, give the speaker an opportunity to convey his/her message in an understandable and subtle way.

In the present research, the proverbs used in *Amālī* by al-Sayyid al-Murtada were studied hermeneutically, and their frequency of usage was analyzed.

Research questions

This research tries to answer the following questions:

1. How does the meaning of proverbs change due to change in time, geographical location, and audience?
2. How much did the author of *Amālī* use proverbs and for what purposes?

Hypotheses

Although the passage of time leads to prosperity of human experience and thought, hence better understanding of texts, identifying the context of text creation adds to its scientific understanding. Proverbs retain their original meanings despite the passage of time, the change in the context of text creation and in the audience, and the increase in the variety of contextual use.

Al-Sayyid al-Murtada, in his work *Amālī*, did not use proverbs with high frequency. He actually used proverbs to explain or bring the meaning of a word in a Quranic verse, hadith, or a couplet closer to the audience. Given the understandability of proverbs for the audience/reader, al-Sayyid al-Murtada just mentioned the proverbs without explaining all of them.

Review of the related literature

Proverbs and their meanings and origins have been dealt with in a great number of studies in both Persian and Arabic; the most important ones are reviewed in this section.

In the article "Cultural Value of Translating Proverbs & Ironies (Arabic–Persian)," Sh. Niazi and H. Nasiri [1] aimed to study the proper methods of translating proverbs and ironies in order to foster an accurate, correct communication between cultures and avoid the decrease in scientific and cultural values of translations. They analyzed several translations meticulously and suggested proper translation methods. This article also strives to explain the use of proverbs, their origins, and some of their literary aspects.

Another article written by E. Rahmani [2] is entitled "The Influence of Arabic Proverbs on Maqamaat of Hariri". Defining Maqamah and the proverb, the author focused on the proverbs in *Maqāmāt* and analyzed their ironic meanings as well as their origins.

The present research can be considered as the first attempt that uses a hermeneutic approach to study the author's method of using proverbs in describing and explaining a word or phrase;

proverbs, especially in the book *Amālī*, have not been studied from such a perspective yet.

Method

Relying on a descriptive-analytical method, this research aims at explaining how the proverbs were used in *Amālī* and analyzing them from a hermeneutic perspective. To this end, the researchers extracted the proverbs (texts) used in *Amālī* and analyzed the reason for and method of using them with an eye to what the author had in mind. Then, a hermeneutic analysis was conducted focusing on the origin and the context of emergence of the proverbs in order to understand the meaning.

Hermeneutics

Hermeneutics is known as a traditional way of text interpretation with its roots in the sacredness of the text [3, p. 496]. Etymologically speaking, *hermeneutic* is derived from the Greek *hermeneuein* meaning *interpretation* [4, p. 271], which in turn is etymologically linked to *Hermes*, the Greek deity, the messenger of Gods, and the God of frontiers whom Plato, in *Cratylus*, referred to as the inventor of language and speech [3, p. 496].

As a method that can be used to reach scientific understanding of the text, hermeneutics is the science of interpretation and analysis dating back to the past, recently developed with special scientific tools and principles.

Hermeneutics, as a by-product of philosophy, is considered to be one of the deepest forms of thinking with its primary focus on interpretation later evolving into understanding. Therefore, hermeneutics, as a method of interpretation, has undergone two phases: 1) methodological; initially concerning sacred texts and then all other texts, 2) philosophical; concerning all phenomena [5]. It should be noted that not every text is hermeneutically interpretable, as sometimes the creator of a work, conveying a mental concept, consciously selects some words that are completely consistent with the concept. The author simply intends to convey knowledge or a feeling to the audience. Texts in which the writer/speaker's reflection causes meaning to take precedence over form are more difficult to interpret.

Evolution in language, type and level of understanding of the text over time naturally changes the understanding previously attained in a specific temporal and spatial context. Therefore, in hermeneutics, which considers understanding of the text as a negotiation with the text, it is essential to answer the questions of what proverbs meant in the time of their emergence and what they mean now. In other words, it is imperative to realize whether or not understanding of audience in the time of proverb emergence is the same as that of contemporary audience. There is a proverb in Persian and in some other languages saying:

حرفی که از دهانت خارج شد دیگر صاحب آن نیستی. – *Once a word comes out of your mouth, you are no longer its owner*¹.

This proverb also has an equivalent in English as follows: What is told in the ear of a man is often heard a hundred miles away.

حرفی که از دهان برآید، گرد جهان درآید. – *What comes out of mouth reaches the world*.

حرفی که در گوش دیگری گفته شود صد بار شنیده می‌شود. – *What is told in the ear of a man is heard a hundred times* (referring to its dissemination).

This example indicates that the common, conventional understanding is reduced to interpretation and hermeneutics; it is commonly believed and accepted that any utterance can be interpreted in different ways leading to different understandings.

In the course of history of hermeneutics, there have been three approaches, namely special hermeneutics, general hermeneutics, and philosophical hermeneutics. The first two approaches are about methods of understanding and interpreting the text while the third approach is concerned with understanding or philosophical reflection on the phenomenon of understanding. The three core elements constructing the text (author, text, and reader) have led to the identification of three hermeneutic approaches, namely author-centered, text-centered, and reader-centered.

Advocates of the author-centered approach in the literary domain believe that any literary text has an original, ultimate meaning, and any writing about the text is concerned with finding the author's intention. The meaning of a research work is finding what the author had in mind and tried to express in the text; hermeneutics is concerned with the identification of that meaning [3, p. 523]. According to proponents of the author-centered approach, the focus on the author-reader/interpreter dialog does not rely on the used words themselves but on the understanding of what the other side of the dialog expresses through words. Therefore, a hermeneutic focus on the unit of word is balanced by the unit of understanding that exists or must exist between the author and the reader just like between the speaker and the hearer. Interpretation is confirmation of empathy between the reader and the author.

Using the author-centered hermeneutic approach, the present paper tries to investigate the proverbs in *Amālī* with an eye to the text and the audience, as two necessary sides of negotiation, as well as the context.

Al-Sayyid al-Murtada

He was born in Baghdad in 355 A.H. [6, vol. 2, p. 120–121]. Since both his paternal and maternal lineages went back to Husaini, he was given the name of al-Sharif [7, vol. 4, p. 295]. His kunya (nickname) was Alam al-Huda, and he was titled as Dhul-Majdayn and al-Sharif al-Sayyid al-Murtada.

Despite the differing viewpoints on his being a Shia or Mu'tazili, Allamah al-Hilli referred to him as the teacher of Twelver Shia. His brother, al-Sayyid al-Radi (the compiler of *Nahj al-Balagha*). He studied under the tutelage of al-Shaykh al-Mufid [8, vol. 3, p. 26/75]. Al-Sayyid al-Murtada grew up in an atmosphere rich in knowledge and learnt from al-Shaykh al-Mufid, Ibn Nubata, and al-Shaykh Hassan Babawayh. Later, he trained well-known characters, such as al-Shaykh al-Tusi, Ibn al-Barraj, and Abu l-Salah al-Halabi. Of his many works, more than 72 titles were enumerated in *Rayhanat al-Adab*, and 127 books and treatises were listed in the introduction to *al-Intisār*, some of them described briefly [9, p. 48]. He died in Baghdad in 436 A.H. [10, vol. 8, p. 213]. Al-Najashi, in his *Rijal*, says that al-Sayyid al-Murtada passed away in 436, and his son prayed upon his body. He was buried in his house. "Abu Ya'la al-Ja'fari (al-Shaykh al-Mufid's son-in-law), Sallar b. 'Abd al-'Aziz, and I undertook performing his ritual bath. Having transferred to Karbala, his body rested next to the Imam Husayn Shrine" [11, p. 270; 12, vol. 4, p. 190].

Amālī: Lexical and terminological meaning

Some lexicographers believe that *amālī* امالی is derived from مل while some view the term as derived from ملا. Raghīb Isfahani, in the entry of املاء (derived from ملا), defined the term as "to help" and "to give time" and provided relevant Quranic evidence; he believes that the word was originally املا later reduced to املاء [13, ملا]. On the contrary, Ibn Manzur believes that املا is a word of Hijaz and Banu Asad whereas املاء is related to Banu Qays and Banu Tamim [14, ملء]. املاء meaning "to leave out, fill out, and begin"; as a term, it means "orthography", "a specific way of writing a combination of letters according to conventions", and "to give time and write something from memory", which is used with the verb کردن [15, vol. 1, p. 427].

There is less disagreement among scholars on the terminological use of *amālī* امالی; it is used to refer to some books of hadith including those hadiths heard from the dictation of the Shaykh of hadith who recites them from memory or reads them from a piece of writing. Actually students holding paper and pencil sit around the master and write down what the master says based on his own knowledge, and the resulting book is called املا and امالی [16, vol. 1, p. 161].

Amālī by al-Sayyid al-Murtada is originally titled as *Ghurar al-Fawa'id wa Durar al-Qala'id*. In *Al-Dhari'a*, the work is titled as *Ghurar al-Fawa'id wa Durar al-Qala'id*, *Al-Amālī*, *Majalis al-Ta'wilat*, etc. and said to contain information on biography of past individuals, poets, long-lived people, and exegesis of difficult Quranic verses and problematic hadiths [17, vol. 16, p. 42]. Containing 80 sessions and appendices (complementary parts), this book is a collection of sciences,

¹ The text uses a literal translation from Persian.

poems, lexis, literature, exegesis, history, and hadith, which testifies to al-Sayyid al-Murtada's mastery over those fields [18, vol. 3, p. 285].

The proverb and its place in the Arabic literature

Assuming a prominent role in literature, especially in Arabic literature, the proverb has generally established its position in history of human life; it is considered to be wise inheritance from predecessors that is being used in conversations. Therefore, it can be considered as the most important and prominent literary technique which has retained its authenticity despite the age-old history. In the realm of culture, proverbs reflect how a nation thinks and what its cultural-social attitude is; this claim is proved by the popular saying: If you want to know people, know their proverbs.

"A proverb... is a simple, concrete, traditional saying that expresses a perceived truth based on common sense or experience. Proverbs are often metaphorical and use formulaic language. Collectively, they form a genre of folklore"².

Preventing the redundancy in speech, the statement of the evident, and controversy, using a proverb as the occasion demands creates a deep meaning with profound impact. Obviously, the one who can use proverbs in the appropriate time and place, as the occasion demands, is an adroit sage observing the general rule of لكل مقام مقال or there is time and place for everything.

As far as the denotative (lexical) meaning is concerned, مثل *mesl* and مثال *masal* like شبه *šebh* and شبه *šabah* have the same meaning [14, مثل]. Anything characterizing something else is like (*mesl*) [19, مثل]. Abu 'Amr ibn al-'Alā' (died in 154 A.H.) believes that مثل means adjective, and Yunus ibn Habib (died in 182 A.H.), al-Tha'alibi (died in 429 A.H.), and Az-Zarkashī (died in 794 A.H.) have the same opinion [20, مثل]. Referring to the word as having the meaning of شبه *šebh*, Raghib Isfahani (died in 502 A.H.) believes that the word denotes similarity in nature, quality, quantity, size, and area [13, p. 462, مثل].

As a term, مثل (proverb) is a clip of an utterance separated from its origin or commonly used in the language on its own. Without a change in the form, مثل (proverb) converts its current meaning to any concept in which it can be used correctly or any concept whose form requires the similar meaning [21, vol. 1, p. 289].

The author of *Majma-ul-Bahrain* defines مثل (proverb) as an utterance about something being similar to an utterance about something else, and there is similarity between the two utterances in such a way that expressing one of them brings the other to mind [22, مثل]. In addition, Al-Farabi understands مثل (proverb) as an utterance in which the general and the particular people agree on its form and meaning and use it in joy and misery to cut rough

pearls, fulfill far-fetched wishes, and survive exhausting sorrow [23, vol. 1, p. 74].

A short, clear, and wise saying that is commonly understandable, a proverb contains the meaning similar to the speaker's intension, and all people use it to refer to similar phenomena without changing its form.

Proverbs can be studied from literary and rhetorical perspectives. From a rhetorical perspective, it is known as a simile or metaphor including four features. Abū Ishāq Ibrāhīm Ibn Sayyār, known as al-Nazzām, says that a proverb includes four features that are not found together in other types of utterances, namely brevity of speech / form, clarity of meaning, goodness of simile, and beauty of irony as the base of rhetoric of speech [24, vol. 1, p. 34].

From a literary perspective, a proverb is considered to be a distinct form. Al-Farabi (died in 350 A.H.) clearly defines that a proverb is an interpretation of the things that are not possible for us to express directly and clearly. It is necessary that a proverb should be expressed without any change in conjugation, structure, and syntax (*tarkib*) based on its original usage [2, p. 48].

Moreover, proverb has not undergone changes in status, sense, concept, structure, and usage since its creation. Unlike other literary forms and texts, there seems to be less disagreement on the use of proverbs among language users.

Proverbs are used for various purposes, such as didactic, moral, mental, rhetorical, and aesthetic. To issue an ultimatum is another purpose for which proverbs are used.

Proverbs in *Amālī*

The literati and scholars have used proverbs to explain some words and concepts in their writings because proverbs express the intention clearly so that the primary intention underlying the use of words or the meaning of concepts can be conveyed to the audience appropriately. Al-Sayyid al-Murtada, who was known for his knowledge of Arabic literature as well as other sciences of the time, deployed proverbs to describe and explain some words and phrases in Quranic verses, hadiths, and couplets.

Analysis of proverbs

The proverbs in *Amālī* are analyzed here in order of Arabic alphabets.

1. ذَهَبُوا شَعَرَ بَعَرٍ – *They dispersed and became scattered.*

Al-Sayyid al-Murtada used the proverb interpreting the report containing the phrase شَعَرَ بِرَجْلَيْهِ in order to differentiate the original meaning of the phrase and the proverb.

He explains that شَعَرَ is a strange word in this hadith; in شَعَرَ بِرَجْلَيْهِ, شَعَرَ means, "to raise two legs" originally used for a dog when it raises the legs to urinate. He further cites a couplet from al-Farazdaq containing the word شُعَارَةٌ

² Proverb // Wikipedia. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Proverb> (accessed 28 Apr 2021).

[25, vol. 2, p. 583] and believes that شَعْرَة ironically refers to raising two legs to perform an abominable act; he accepts this meaning in the above-mentioned hadith. Moreover, he mentions the proverb ذَهَبُوا شَعْرَ بَعْرٍ and considers it as irrelevant to the meaning of the hadith because it actually means they have dispersed in a way that cannot be summarized again.

Al-Sirāfi believes that شَعْر in the proverb is derived from شَعْر الكلب meaning, "it raised one leg and moved it away from the other in order to urinate," and بَعْر is derived from بَعْر الرجل meaning, "in spite of drinking water, a man has not been able to quench his thirst because it is too hot." Therefore, both شَعْر and بَعْر are about dispersion without any subsequent gathering, just like when a dog urinates, the two legs do not come close to each other, or when a man cannot quench his thirst because it is too hot [26, vol. 1, p. 121].

As a word, شَعْر has been used with various meanings: to depopulate, to decrease price, to disperse, to expand, (of a dog) to raise legs to urinate, (of a camel) to raise a leg to kick the baby camel, (with the preposition عَنْ) to dismiss. بَعْر has the following meanings: a disease that increases thirst, (of a wind) to rise, and to rain [14, شَعْر]. [شَعْر] is the only meaning of شَعْر بَعْر found in all dictionaries and books on proverbs. بَعْر is a combination like حَيْصُ بَيْصٍ and خُمْسَةٌ شَعْر where there is a *taqdir* of وَاو between the two parts شَعْر and بَعْر, with inflexible (المَبْنَى) *al-fathah* (الْفَتْحَة) in the *nasb* status, and the *haal mo'awwal* (الْحَالُ الْمُؤَوَّل) derived from the subject pronoun وَاو ذَهَبُوا, so it means متفرقين.

The author uses the proverb to explain the mentioned word in the hadith. Since the word might be understood differently, he avoids this mentioning the proverb leading to the correct explanation for the meaning of the hadith.

This proverb and the subsequent ones are accumulated and used as evidence to eliminate the ambiguity surrounding the word. It is not used as evidence or introduction to an argument to prove the existence of truth or fact. Actually, proverbs are not practically useful in argumentation, because using proverbs is tantamount to logical fallacy in which a very general, broad concept is used to prove the particular.

As a short, simple, declarative sentence with correct and cohesive grammatical order, this proverb has been recorded in books on proverbs and dictionaries. However, it has probably lost its original usage over time due to the strangeness between شَعْر and بَعْر in spoken and written language; it might be used but the meaning different from the original is not conceivable. The plural, third-person past verb ذَهَبُوا signifies the fact that the proverb was not used for an individual but for a group of people who dispersed. Furthermore, شَعْر (الاشتقاق الكبير) is a kind of large derivation/metathesis functioning as an adverb of manner showing how the group move when people leave. Not every act of leaving or moving is necessarily an act of dispersion, and شَعْر بَعْر refers to leaving with intensity, violence, and discomfort, which indicates that the dispersion is accompanied by hatred without any hope

of subsequent assembly. The combination is derived from the letters that signify hatred and violence. The letter راء is used in the two words with the repetitive characteristic signifying continuity of action. The letter غين in the words is an amplified letter (المفخمة) with the characteristics of elevation (الاستعلاء) and loudness (الجهر) signifying intensity and difficulty.

Possessing the background knowledge in Ilm al-Kalām, Al-Sayyid al-Murtada used the proverb in interpreting the hadith in order to make it understood correctly. This fact indicates the proverb's broad context of use as well as people's understanding. Both use the proverb in order to interpret the text correctly so that misunderstanding of hadith should be impossible.

Culturally speaking, this proverb shows that at the time of creation, the dog was there among people as a domestic animal (whatever use it might have). Raising its leg to urinate was considered a typical action, so people used a word signifying the act to show the separation and dispersion.

2. ذَهَبُوا عَبَادِيدَ عَبَائِدَ – *They dispersed and became scattered.*

This proverb follows the previous one and has the same meaning [27, vol. 1, p. 103]. Citing from *Montahi al-Arab* and *Anandraj*, Dehkhoda عبائيد defines them as groups of people and عبائيد صَار القوم عبائيد as a group of people in the past distressed, dispersed, and on the run to any direction. He further mentioned "far ways and the woods" as other meanings of عبائيد and considered عبائيد and عباديد as synonymous plural nouns without the singular form [28, عَيْن]. This word is used to refer to only "to disperse and leave" and not "to come together." Also, the two words can be used interchangeably with the same meaning: [عَبْد, 14] ذَهَبُوا عَبَائِدَ and ذَهَبُوا عَبَائِدَ. Similar to the previous one, it means متفرقين because of the *taqdir* of وَاو between the two parts, with inflexible (المَبْنَى) *al-fathah* (الْفَتْحَة) in the *nasb* status, and the *haal mo'awwal* (الْحَالُ الْمُؤَوَّل) derived from the subject pronoun وَاو ذَهَبُوا.

The analysis of this proverb is the same as the previous one, and all the above-mentioned linguistic and semantic features hold true in this case, too. The plural وَاو in the verb ذَهَبُوا makes it particularly applicable to a group, and the large derivation/metathesis between عبائيد and عباديد, the letter عَيْن in the two words, and the letters بَاء and دال in each of them signify intensity, difficulty and dispersion.

Given the primary meanings of words (far ways or/ and the woods), it can be claimed that the phrase is conceptually similar to the fact that people of the time would leave home for the desert when they gave up hope or became upset. Given such conceptual similarity, the phrase has been used as a proverb expressing collective separation and dispersion. Because of change in the form of being away and separated throughout history as well as the strangeness of عبائيد and عباديد, the proverb is no longer used, and its traces can be found only in books on proverbs.

3. ذَهَبُوا أَيَادِي سَبَأَ – *They dispersed and became scattered.*

This proverb is used to express the intensity of dispersion and distress. *سبا* like *معديكرب* is a two-part utterance used as a single noun. Living in Ma'rib, Saba or Sheba *سبا* was a tribe of descendants of Saba ibn Yashjub ibn Ya'rub ibn Qahtan. When the Dam of Ma'rib was about to burst, the woman called Tareefa, who was a soothsayer, got to know it through divination and retold it to Amr bin Amer known as Maziqiya. He sold his possessions in Ma'rib and went to Mecca. The residents of Ma'rib got the fever for no apparent reason. They helplessly went to the soothsayer who made them aware of future and said that the accident would separate and disperse them. When asked for solution, she said that anyone who had ambition and a strong wish must go to Oman's palace and tower (the Azd tribe). Anyone who patiently withstood world disasters must join the Namar tribe (the Khuza'ah tribe). Anyone interested in strong mountains rooted in mud that could feed humans during the famine must go Yasreb, the city of dates (the Aws and Khazraj). Anyone who wanted wine, possessions, power, edifice, and harir must go to Busra and Ghavir in the Levant (the Jafnids from the Ghassanids). Anyone who dreamt of fine clothes, fast horses, treasures of the daily food, and blood on the ground must go to Iraq (Jadhima al-Abrash, Al-Muharra, and residents of Al-Hirah). Since then, Arabs used it as a common proverb to talk about people who are dispersed after being together [29, vol. 1, p. 477].

There is a Quranic surah with the same title describing:

- the territory of the tribe (بَلَدَةُ طَيْبَةٍ);
- its blessings (لَقَدْ كَانَ لِسَبَإٍ فِي مَسْكِهُمْ آيَةٌ جَنَّتَانِ عَنْ يَمِينٍ وَشِمَالٍ كُلُوا مِنْ رِزْقِ رَبِّكُمْ);
- their ingratitude (فَقَالُوا رَبَّنَا بَاعِدْ بَيْنَ أَسْفَارِنَا وَظَلَمُوا أَنْفُسَهُمْ);
- retribution (فَأَعْرَضُوا فَأَرْسَلْنَا عَلَيْهِمْ سَيْلَ الْعَرِمِ وَبَدَّلْنَاهُمْ بِجَنَّتَيْهِمْ جَنَّتَيْنِ ذَوَاتِ أُكُلٍ خَمْطٍ وَأَثْلٍ وَشَيْءٍ مِنْ سَدْرٍ قَلِيلٍ).

Moreover, there is the story of Solomon, and the Queen of Sheba (سَبَا) in Surah An-Namal. Definitely, the Quranic expression of the proverb is the reason that it still remains in spoken and written language with its evidence in various contemporary literary forms ranging from narration to story and from qasida to ghazal.

This proverb is also used with *sukūn* (the absence of vowels) of *ياء* in *أيادي* despite the fact that the analogy is *nasb*. Actually, Arabs preferably reduce it and use it with *sukūn*; they also pronounce the *hamza* (glottal stop) in *سبا* with reduction in sound. Here, *أيدي* means *الانفس*. Although it is definite (*ma'rifa*), it is in the *nasb* status based on *haal mo'awwal* (الحال المؤول) of indefinite (*nakira*) (متفرقين), or the first particle of the construction (*al-modaaf*) that has been omitted due to *taqdir al-mesl*, and its *taqdir* would be *سبا* like *ذهبو*. Some believe that *أيادي* here means *المنصوب* (المنصوب) depending on its *taqdir* would be *سبا* like *ذهبو* *في طرقهم وسلوكوا مسالكهم* [30, vol. 2, p. 88; 31, p. 225, proverb 664].

The usage of these proverbs shows that in some of them like *شجر بخر*, dispersion seems not to be followed by gathering

while in some proverbs like *ذهبو* *أيادي سبا* and *عبيد* *أيادي سبا*, it is possible that people get together again.

The historical context of emergence of this proverb also indicates the intensity of dispersion after a gathering in time and place full of blessings which finally led to a great separation due to diverse believes; yet such dispersion makes it impossible to get together again.

Several reasons have led the proverb to keep its usage alongside the word *سبا* in Quran; the reasons are simplicity and fluency, popularity of the context of emergence, familiarity of the words, cohesion and order of words, absence of elevated / intensified characteristics and sounds, and unambiguity of the proverb. It proves that the popularity of the story from which the proverb is derived or of the person who used it first together with linguistic features can be considered as the reasons why the proverb has preserved its usage in different times.

Based on the analysis of usage of the proverb in contemporary literary forms, it can be claimed that the proverb has still kept its primary meaning though it is now used for different referents. For example, the book *أيادي سبا* written by Jamal ibn Huwareb narrates a text, a prime example of usage of the proverb with a different referent.

4. أَجَبْنِ مِنْ صَافِرٍ – *More afraid than an owl or a lark.*

Al-Sayyid al-Murtada used this proverb first in interpreting the report that Abu Hurairah had quoted from the prophet Muhammad (PBUH) forbidding the job *الزمازة* or oboist. Examining the meaning of *الزمازة* or *الرمازة*, he refers to the characteristics of a woman engaging in Zina (unlawful sexual intercourse). He cites from Mofazzal that it is about a man who whistles for a debauched woman and is afraid of everything. Al-Sayyid al-Murtada also cites from al-Asma'i that *الصافر* means any whistling bird that is described as scared because of not being a hunter. Considering these points, al-Sayyid al-Murtada refers to ibn Qutaybah who verifies only Mofazzal's point and proves it by two poems from al-Kumayt that are about a debauched man signaling a debauched woman by whistling [27, vol. 1, p. 432].

Second, al-Sayyid al-Murtada used the proverb referring to the best poem about being hospitable and getting accustomed to it. Having mentioned the best poem from Hatim al-Tai, he went on to analyze and explain the words and meaning of couplets.

Dehkhoda referred to *صافر* as a subject derived from *صفير*, which means "caller", "any calling bird" or "any bird that is not a hunter". He cited *Montahi al-Arab*, which defines it as an ill-wishing thief or bird, and from *Makhzan al-Adviyeh* calling it *ابوالمليح* or *قره* and in Persian *چكاوك* (lark). Relying on *Montahi al-Arab*, he also defined *ما بالدار صافر* and *ما بها صافر* as *أحد* as *صافر* [29, صفر].

Jalaluddin Homaei, in a Persian qasida (chakameh) about his life adventure, says,

– به روز عرض هنر صافر برادر جغد به گاه لاف سخن رستم نبیره سام
A scops owl (صافر) becomes the brother of the owl when it comes to performing the arts, Rostam becomes the descendant of Saam when one is rodomontading.

Then, he defines صافر as a scops owl that, in Arabic, is a symbol of cowardice [32, p. 536–542].

In *Faraed al-Laal*, صافر is defined as any calling bird or songbird, and it is said that calling is not a characteristic of hunting birds but of the hunted ones that do not hunt. The book mentions other sayings about its definitions and referents; it means a bird that hangs with legs from the tree, keeps its head in a lower position because of being afraid of falling asleep and being hunted, and calls in that position during the night [33, vol. 1, p. 152].

Apparently, lexicographers appear to disagree on the meaning of صافر. It seems that the word means a caller and refers to an owl; the proverb originally emerged out of the context in which a debauched man signaled to a debauched woman by whistling, he himself afraid of being known by others. This proverb is used for people who are intrinsically afraid or feel intimidated because of their wrongdoing.

Both righteous and corrupt people who want to do something in secret choose an individual to stand away from the scene and make them aware of anything that might happen by whistling or signaling, or they fear the lowest sound or the smallest movement in the environment; this is common behavior that manifestly persisted over time. Logical continuity and intertwined relationship between the event the proverb is derived from; human behavior over time together with the linguistic features, such as brevity and simplicity of the declarative sentence; cohesion and word-order let the proverb persist throughout time. The audience never inferred different meanings from the proverb because its usage never transcended the act of making aware or warning against abandoning wrongdoing. Upon closer scrutiny, there seems to be a contradiction in its usage. Actually, it is used to both point out a secret wrongdoer and warn a person engaged in a secret activity. Both wrongdoing and being engaged in a secret activity cause fear on the part of the doer. The semantic components of "fear" and "being afraid" might be inferred both from the putative bird that continually calls or sings out of fear of being hunted during the night and from the secret activity that always involves fear and apprehension.

It seems that the author of *Amālī* used the proverb interpreting the report only to refer to the characteristics of the debauchee. He actually intended to express the fact that a wrongdoing usually occurs in secret, and people who commit a wrongdoing are aware of their wrong and afraid of any sound or movement so they appoint a lookout to warn them.

5. ایاک اعنی و اسمعی یا جارة – *I tell the door, so the wall hears.*

Used in the last complementary part of *Amālī*, this proverb comments on an issue in the book concerning reprimands given to the prophet Muhammad (PBUH). Such reprimands were actually directed at the prophet's ummah and given

to the prophet himself. After giving an answer to the issue, al-Sayyid al-Murtada mentioned a narrative from ibn Abbas saying نزل القرآن بإياك أعني واسمعي يا جارة. Provided a Quranic evidence for the narrative in which God said, يَا أَيُّهَا النَّبِيُّ، إِذَا طَلَّقْتُمُ النِّسَاءَ (Surah At-Talaq, 1), al-Sayyid al-Murtada believes that directed at the prophet, it referred to the whole Muslim community (ummah) [27, vol. 2, p. 331]. Moreover, Imam Sadiq (PBUH) referred to the proverb in a popular hadith saying, "نزل القرآن بإياك اعني و اسمعي يا جاره" [34, vol. 1, p. 10] literally translated into English as: Quran has been revealed according to the proverb "I tell you, not the neighbor, you listen".

Abu Ubaid al-Qasim bin Salam understands the proverb as *tariz* (a kind of irony), which means that a speaker says something but means something else [35, vol. 1, p. 8].

As said in *Majma al-'amthal*, Sahl ibn Malik al-Fazari was the first person who used the proverb. Roaming alone the neighborhoods of the Tayy tribe, he asked about the tribal chief, and they replied, "Al-Harith ibn La'am." Then he went to the chief's tent (*khaimah*) to see him but he could not. The chief's sister said to him, "Please, come down, ample God's gifts and blessings be upon thee." As she got out of her tent, Sahl met one the most beautiful women of the time who was the wisest and the best woman in the tribe. He got such a feeling for her that he did not know how to express himself and get her consent. So, one day he sat down around the tent and recited the following poems in an audible voice [36, p. 77–76]:

يا أخت خير البدو و الحاضرة كيف تزين في فتى قزارة ؟
Oh you, the sister of the best of Bedouin civilization. What do you think about the young person from al-Fazari.

أصبح يهوى حُرَّةً معطرة إياك أعني و اسمعي يا جارة
Who is interested in a generous, sweet-scented woman? I say to the wall, I mean you, the neighbor.

Having heard him, the woman knew it was about her. They talked to each other, and finally he proposed marriage to her [24, vol. 1, p. 66]. The Persian equivalent of the proverb is دیوار تو بشنو، در به تو می گویم, [37, p. 115] is literally translated into English as follows, "The door, I speak to you; the wall, you hear."

It is obvious that al-Sayyid al-Murtada cited a saying from ibn Abbas containing the proverb in order to prove that the reprimands given to the prophet were actually directed at his ummah. Having been analyzed by various scholars and thinkers, ibn Abbas's saying does not need further discussion.

Tariz (a kind of irony) is a rhetorical form used in spoken language with various forms and referents. Being of the same usage as before, this aesthetic feature is extensively used in all contemporary social, cultural, and political areas. Although the domain of its usage and the degree of its poignancy differ in written and spoken language, it is known for its satirical usage.

In spite of being a hemistich of a couplet, the proverb has been common among the Arabs of Arabian Peninsula since the Age of Ignorance. It has extensive usage in both spoken

and written language. It is also commonly used in Arabic, Persian, and other languages because it is usually used in almost all human societies and languages. The English equivalent is "beat one to frighten another."

Linguistic features of the proverb are its rhyming, simplicity of words, *الحصر* in *ما حقه التأخير يفيد الحصر*, and the role of vocative noun referring to the audience. The proverb has been used with high frequency in spoken and written language and even in dialects of the language throughout history. It indicates that the aesthetic expressions (irony, *tariz*, metonymy, simile, and metaphor) have found their ways into a wide range of sentences and phrases, and such aesthetic uniqueness is not separable from the language in general and literary language in particular.

6. *حَمِيَ الوطيسُ* – *The war became hard and escalated.*

In Session 65 interpreting Verse 40 of Surah Hud (... حتى ...), he writes about the six meanings of *التنور* and mentions the proverb in the fifth Verse. He refers to its meaning *التنور* as follows: When the wrath of God increased and the execution of divine torment became certain, God referred to *التنور* as an example of the torment. As Arabs, at the escalation of war, say *قد حمى الوطيس* with *وطيس* meaning [27, *التنور*, vol. 2, p. 148]. Dekhoda also says that *وطيس* means an iron tandoor (tannour) with *وطائس* as the plural form [28, *وطس*].

According to al-Hindi in *Kanz ul-Amaal*, the prophet (PBUH), in the Battle of Hunayn, said, "Now the tandoor of war has burst into flames." On that day, Ali ibn Abi Talib (PBUH) was the strongest warrior protecting the prophet in the battle [38, vol. 10, p. 548, Hadith 30225].

Without referring to its proverbial status, al-Sayyid al-Murtada used the proverb to explain a word in a Quranic verse; he actually referred to it as a saying of Arabs, not even mentioning whether it was from the prophet or not. Proverbs are typically used this way to explain a word or concept in scientific and literary forums and works, so this usage is not unique.

حمى is a past tense verb meaning that the heat has increased, and *الوطيس* means a fire tandoor. Taken together, they signify the fact that the heat of tandoor increased. Since the war escalates at some stages leading to further bloodshed, the whole battlefield and the escalation of war are compared to a tandoor and the increase in its heat, respectively, which is hot and red.

Despite the brevity and cohesion, this simple declarative phrase successfully conveys the writer's or speaker's message to the audience, requiring no interpretation. It should be noted that though there are other proverbs conveying the same meaning, they do not convey the meaning as aesthetically and compellingly as the mentioned proverb does.

The proverb emerged in the context signifying the escalation of war. Later, it has been used without any change in the original meaning to refer to critical and difficult activities where violence hits its peak. No change in possible referents changes

the meaning, and nothing except the original meaning is conveyed to the audience, aware of the context.

7. *شالت نعامتنا* – *We became incompatible.*

Explaining some couplets from the poet Al-Ausb'a Al-Adwani, the author of *Amālī* mentions the poet's saying coined as a proverb and shortly explains it [39, p. 160; 40, vol. 2, p. 707]: *أزرى بنا أننا شالت نعامتنا فخالني دونه بل خلت دوني* – *Our problem is that we are not compatible; he thinks I am against him, and I think he is against me.*

Without referring to its proverbial status, the author explains *شالت نعامتنا* saying that it means *تتافرن* or "we have become incompatible", and *النعام* in the proverb means that neither of us trusts the other. When an ethnic group leaves the location of residence, they say, "*شالت نعامة القوم*" [27, vol. 1, p. 255]. In the proverb, it is referred to the ostrich because it is famous for weakness of wisdom, stupidity, ignorance, stampede, and speed of (presumable) flying on the ground. It lays eggs and leaves the place but does not remember the place again, so the proverb is used when an Arab leaves the place of living, due to death or other reasons, in such a way that he/she cannot return to it [24, p. 220, proverb 1198]. Again, the author intends only to explain the couplet and the meaning.

In other dictionaries, the proverb is defined as "to die", "to get angry and then be calm", "to disperse and become incompatible" [41, *شال*]. Using characteristics of animals to convey a meaning is prevailing feature in proverbs all over the world. Likewise, characteristics of an ostrich, such as ignorance, stupidity, and stampede, are used in this proverb to explain the fact that some people part because they forget the importance of their primary intent of being united and friendly and guarding their dignity. Both ostriches and those people share the same characteristics as points of resemblance.

Using this simple, the short declarative phrase *شالت نعامته* meaning "died" is probably related to the fact that losing unity and friendship in a group followed by separation is like death that separates people in an irrevocable way.

Because of its uses in various fields, the proverb has remained in literary and dialectal texts with its original meaning. This might be due to its clarity and eloquence as well as the high importance of unity and the large number of separations among people occurring for various reasons in the course of human life.

8. *قد أنصف القارة من رامها* – *One who competed with the qarah in shooting, he judged qarah fairly.*

After interpreting the report from the prophet (PBUH) who said, *لعن الله السارق يسرق البيضة فيقطع يده و يسرق الجبل فتقطع يده*, the author of *Amālī* cites a discussion with al-Asma'i that occurred between him and al-Rashid. Mentioning the proverb, al-Rashid asks the meaning of *القارة*, and al-Asma'i answers that there are two sayings about this: 1) the saline land with scorched black stones and 2) shooters of the Tubba' tribe as presumed by some narrators. When

a war broke out between the army of Abu Hesaan, the ruler of Tubba' tribe, and the Sogdian army, a horseman came out of the Sogdians, got an arrow nocked, and said, "Where are the Arab shooters?" Arabs replied, "انصف القارة من رامها" meaning "anyone shooting against the القارة admits that the men of القارة are skilled shooters" [27, vol. 2, p. 11].

This story has been narrated differently, as in *The Great History of Islam and Iran* (1385) [42], *al-Maydani's Majma al-'amthal* [24, vol. 1, p. 42], and *Lisan Al-Arab* [14, قور]. Al-Sayyid al-Murtada had no specific intention in mentioning the proverb; the proverb was mentioned within the report and al-Sayyid al-Murtada skipped further explanation. Yet it should be noted that the report does not refer to the phrase as a proverb; it is actually stated as an Arabs' saying.

Simplicity, declarativeness, cohesion, and familiarity of words are some linguistic features of the proverb. Having surveyed the contemporary books and articles, researchers did not find an instance of its usage. Therefore, it can be claimed that linguistic features alone do not necessarily guarantee the sustainability of proverbs throughout history. Actually, just as various reasons lead to the sustainability of proverbs, some factors cause proverbs to lose their usage and pass into history as linguistic and cultural inheritance found only in books on proverbs. These factors are: lack of similar referents; coining new proverbs according to the language and culture of each historical period; unclear and unfamiliar words within the proverb's structure; forgetting the context of use; and developing new culture, especially concerning the usage of proverbs with abnormal/hardly understandable meanings.

In this proverb, the unfamiliarity of القارة might be the main reason for its infrequent usage in contemporary age. It can also be proved that coining a proverb in an ethnic language in a given time is not sufficient for its usage in the same group in later historical periods. In fact, proverbs behave similarly to words. Words are coined and loaded with meaning by usage over time. Having manifested themselves in various rhetorical, semantic, metonymic, metaphorical, and ironic forms, they gradually go out of use, and their records remain in dictionaries. Likewise, proverbs emerge and find different referents until they are recorded and can be found only in books on proverbs after going out of use due to the emergence of new, similar proverbs or loss of their referents.

Analyzing the proverbs from an author-centered hermeneutic approach proves the fact that the text of proverbs is first created without the intention of making a proverb. The audience use the created text with its original context and referent to refer to similar phenomena and referents. Despite the variation in the referent, the original meaning of the text is preserved, and the audience does not interfere

with the meaning of the proverb; moreover, multiple audiences do not give rise to various meanings.

Most of the proverbs in *Amālī* were stated within the reports and couplets mentioned by the author; the author didactically tried to explain some words or meanings and disagreements narrating reports and couplets. Proverbs possess a kind of metaphorical and aesthetic concept; for example, in the proverb "Don't put all your eggs in one basket," "eggs" does not refer to the original meaning but to efforts, ideas, etc. that should not be concentrated on one area. However, al-Sayyid al-Murtada did not consider such a metaphorical use of proverbs in *Amālī*; he mostly used proverbs for didactic purposes.

Lexicographers also use proverbs in dictionaries to make the meaning of a word comprehensible. As a book on interpretation of reports, narratives, and Quranic verses, *Amālī* evidently used proverbs to explain some words. Yet the small number of proverbs used to explain the denotative (lexical) meaning indicates that al-Sayyid al-Murtada did not consider the proverb as an important literary form.

Therefore, it can be said that al-Sayyid al-Murtada used proverbs following the predecessors' method (Salaf); he occasionally deployed proverbs either to explain a word in a couplet or report or to mention the proverb's origin without further clarification and explanation. He actually did not adopt an innovative approach to using proverbs.

Conclusion

Based on the analysis of the proverbs, the following conclusions can be made:

1. Various readings of the text of the proverb do not generate various meanings in mind.
2. The author-centered hermeneutic approach focused on words and grammatical rules is appropriate to the study of proverbs.
3. Not every text, including proverbs, is interpretable.
4. Al-Sayyid al-Murtada did not use proverbs excessively. Actually, the necessity of denotative (lexical) explanation of some words and phrases in couplets and reports made him use some sayings and proverbs in order to clarify the meaning of couplets and phrases.
5. Al-Sayyid al-Murtada was not concerned with explanation of proverbs as metaphorical and/or common sayings used by people.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Niazi Sh., Nasiri H. Cultural value of translating proverbs & ironies (Arabic–Persian). *The Journal of Language Research*, 2009, 1(1): 167–184. (In Pers.)
2. Rahmani E. The influence of Arabic proverbs on Maqamaat of Hariry. *Arabic Language and Literature*, 2011, 7(12): 43–59. (In Pers.)
3. Ahmadi B. *The structure and interpretation of text*, 11th ed. Tehran: Nashr-e Markaz, 2001. (In Pers.)
4. Shamisa S. *Literary criticism*. Toos Publisher, 2008. (In Pers.)
5. Derakhshesh J., Nosrat-Panah M. S. Evaluating the application of hermeneutical method of analysis in Islamic studies. *Contemporary Political Studies*, 2014, 5(3): 39–62. (In Pers.)
6. Aqa-Buzurg-Tehrani M. H. *Tabaghat Aa'lam Al-Shia*. Dar al-Ehya al-Torath al-Eslami, 2009. (In Pers.)
7. Mousavi-Khansari M. B. *Rozat al-jnnat*. Esmailian Publication, 2011. (In Pers.)
8. Motahhari M. (n.d.) *Islamic Sciences: An Introduction*. Sadra, 1979. (In Pers.)
9. Al-Sayyid al-Sharif A. *Al-Intisar*. Institute of Islamic Publishing, 1995. (In Pers.)
10. Al-Amin M. *Aayan al-Shia*. Dār al-T'aruf li-l-Maṭbū'āt, 1983. (In Pers.)
11. Al-Najashi A. *Rijal*. Institute of Islamic Publishing, 1998. (In Pers.)
12. Modarres-Tabriz M. A. *Rayhanat al-Adab*. Khayyam Publication, 1995. (In Pers.)
13. Raghīb-Isfahani A. *Al-Mufradat fi Gharib al-Quran*. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 2008. (In Pers.)
14. Ibn Manzūr. *Lisan Al-Arab*. Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1993. (In Pers.)
15. Shad M. P. *The Anandraj dictionary*. Khayyam Bookseller, 1984. (In Pers.)
16. Haji Khalifa. *Kashf al-zunūn 'an asami al-kutub wa-al-funūn*. Maktabah al-Masthna, 1941. (In Pers.)
17. Aqa-Buzurg-Tehrani M. H. *Al-Dhari'a ila tasanif al-Shi'a*. Esmailian Publication, 1988. (In Pers.)
18. Davani A. *Luminaries of Islam*. Islamic Revolution Document Center, 1999. (In Pers.)
19. Al-Jawhari A. (n.d.) *Asahah crown language and Arabic sanitation*. Dar El Ilm Lilmalayin, 1956. (In Pers.)
20. Al-Azhari A. *Tahdhib al-lughat*. Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 2001. (In Pers.)
21. Al-Suyuti J. *Almazhar fi Oloum Al-loghat and Anvaoha*. Maktab al-Azhar, 1946. (In Pers.)
22. Al-Tarihi F. *Majma ul-bahrain wa matla ul nayrein*. Maktab al-Mortazavi, 1996. (In Pers.)
23. Al-Farabi A. *Diwan al-adab*. Dar al-Shaab Foundation for Press, Printing and Publishing, 2004. (In Pers.)
24. Al-Maydani A. *Majma al-'amthal*. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 1988. (In Pers.)
25. Al-Farazdaq. *Al-Farazdaq's diwan*. Dar al-Kitab al-Lubnani, 1983. (In Pers.)
26. Al-Sirafi A. *Sharh Kitāb Sibawayhi*. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 2008. (In Pers.)
27. Al-Sayyid al-Sharif A. *Amālī*. Zavel-Ghorba Publication, 2010. (In Pers.)
28. Dehkhoda A. *The Dehkhoda dictionary*. University of Tehran, 1946. (In Pers.)
29. Ibn-Maytham A. *Nahj al-Balagha's description*. Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1992. (In Pers.)
30. Al-Zamakhshari J. *Al-mustaqsa fi al-amthal al-Arab*. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 1987. (In Pers.)
31. Al-Khuwayi Y. *Fara'id al-khara'id fi al-amthal*. Dar an-Nafae, 2000. (In Pers.)
32. Homa'ei J. *Life story*. Yaqmā, 363, 1978. (In Pers.)
33. Al-Trablosi I. *Faraed al-Le'al Fi Majma' al-Amthal*. Beirut, 1933. (In Pers.)
34. Al-Ayashi M. *Al-tafsir al-Ayashi*. Maktabah al-Elmiyah, 1961. (In Pers.)
35. Qasim bin Salam A. *Al-amthal*. Umm Al Qura University, 1980. (In Pers.)
36. Al-Bakri A. *Faṣl al-maqāl fi sharḥ kitāb al-Amthāl*. Resalah Publishers, 1983. (In Pers.)
37. Sharifi-Golpayegani F. *A selection and description of Dehkhoda's proverbs and mottos*. Hirmand Publication, 1997. (In Pers.)
38. Al-Hindi A. *Kanz ul-amaal*. Resalah Publishers, 1985. (In Pers.)
39. Al-Mufaddal al-Dabbī A. *Mufaddaliyat*. Dar al-Ma'arif, 2004. (In Pers.)
40. Ibn Qutaybah. *Al-Shi'r wal-shu'arā'*. Dar al-Ma'arif, 1998. (In Pers.)
41. Ibrāhīm Anīs. *Al-mu'jam al-waseet*. Academy of the Arabic Language, Cairo, 2004. (In Pers.)
42. Al-Athir A. *The complete history of Islam and Iran*. Dar Sader, 2006. (In Pers.)

оригинальная статья

Герменевтический анализ пословиц в Амали аль-Сайида аль-Муртады

Гадир Париз

Университет имени Алламе Табатабаи, Иран, г. Тегеран;
pariz@atu.ac.ir

Робабе Рамезани

Университет имени Алламе Табатабаи, Иран, г. Тегеран

Поступила в редакцию 09.06.2021. Принята после рецензирования 07.07.2021. Принята в печать 12.07.2021.

Аннотация: С герменевтической точки зрения интерпретатор играет активную роль в объяснении и выражении значений текста в соответствии с конкретным прочтением, понимая текст и делая его понятным, находясь под его влиянием или влияя на него. Текст анализируется независимо от говорящего / писателя и их намерений и получает новое значение с целью выражения различных значений и прочтений. Отражая образ жизни, образ мышления и способы толкования человека в разные периоды и сферы жизни, пословицы являются одной из глубоко укоренившихся литературных форм и неотъемлемой частью культуры, посредством которой изображаются привычки, обычаи и верования народов. Изучение пословиц может помочь понять сходства и различия между культурами. По этой причине ученые всегда использовали пословицы в своих научных трудах, чтобы объяснить свои идеи и сделать их более понятными. Используя описательный метод контент-анализа и литературный герменевтический подход, ориентированный на автора, в настоящей статье мы попытались ответить на важный вопрос – меняется ли значение пословиц с течением времени. Был сделан вывод, что пословицы – это неинтерпретируемые тексты, предназначенные только для передачи значения, концепции или знания в форме сравнения, метафоры или иронии. Следуя примеру своих предшественников, автор Амали использовал пословицы для объяснения сложного слова или фразы в повествовании, отчете или двустии. В настоящем исследовании использовался список пословиц из Амали аш-Шариф аль-Муртада, исследованный Мухаммадом Абольфазлом Эбрахимом и (пере)опубликованный Zavel-Ghorba Publication в 1431 г. от хиджры / 1388 г.

Ключевые слова: пословица, толкование, ас-Сайид аль-Муртада, культура, Амали

Цитирование: Pariz G., Ramezani R. A Hermeneutic Analysis of the Proverbs in *Amālī* by al-Sayyid al-Murtada // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 814–825. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-814-825>

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Niazi Sh., Nasiri H. Arzeš-e farhangi-ye tarjome-ye zarbolmasalhā-vo kenāyāt (arabi-fārsi) // Zabān pažuhi. 2009. Vol. 1. № 1. P. 167–184. (In Pers.)
2. Rahmani E. The influence of Arabic proverbs on Maqamaat of Hariry // Arabic Language and Literature. 2011. Vol. 7. № 12. P. 43–59. (In Pers.)
3. Ahmadi B. Sāxtār-o ta'vil-e matn. 11th ed. Tehran: Nashr-e Markaz, 2001. (In Pers.)
4. Shamisa S. Naqd-e Adabi. Toos Publisher, 2008. (In Pers.)
5. Derakhsheh J., Nosrat-Panah M. S. Kārbord-e raveš-e tahlil-e hermonotik dar motāleāt-e eslāmi // Jostārā-ye Siyāsi-ye Moāser. 2014. Vol. 5. № 3. P. 39–62. (In Pers.)
6. Aqa-Buzurg-Tehrani M. H. Tabaghat Aa'lam Al-Shia. Dar al-Ehya al-Torath al-Eslami, 2009. (In Pers.)
7. Mousavi-Khansari M. B. Rozat al-jnnat. Esmaeilian Publication, 2011. (In Pers.)
8. Motahhari M. (n.d.) Kolliyāt-e āšnāyi bā olum-e eslāmi. Sadra, 1979. (In Pers.)
9. Al-Sayyid al-Sharif A. Al-Intisar. Institute of Islamic Publishing, 1995. (In Pers.)
10. Al-Amin M. Aayan al-Shia. Dār al-T'aruf li-l-Maṭbū'āt, 1983. (In Pers.)
11. Al-Najashi A. Rijal. Institute of Islamic Publishing, 1998. (In Pers.)
12. Modarres-Tabriz M. A. Rayhanat al-Adab. Khayyam Publication, 1995. (In Pers.)
13. Raghīb-Isfahani A. Al-Mufradat fi Gharib al-Quran. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 2008. (In Pers.)
14. Ibn Manzur. Lisan Al-Arab. Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1993. (In Pers.)
15. Shad M. P. Farhang-e ānandrāj. Khayyam Bookseller, 1984. (In Pers.)
16. Haji Khalifa. Kashf al-zunun 'an asami al-kutub wa-al-funun. Maktabah al-Masthna, 1941. (In Pers.)
17. Aqa-Buzurg-Tehrani M. H. Al-Dhari'a ila tasanif al-Shi'a. Esmaeilian Publication, 1988. (In Pers.)
18. Davani A. Mafāxer-e eslām. Islamic Revolution Document Center, 1999. (In Pers.)

19. Al-Jawhari A. (n.d.) Asahah crown language and Arabic sanitation. Dar El Ilm Lilmalayin, 1956. (In Pers.)
20. Al-Azhari A. Tahdhib al-lughat. Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 2001. (In Pers.)
21. Al-Suyuti J. Almazhar fi Oloum Al-loghat and Anvaoha. Maktab al-Azhar, 1946. (In Pers.)
22. Al-Tarihi F. Majma ul-bahrain wa matla ul nayrein. Maktab al-Mortazavi, 1996. (In Pers.)
23. Al-Farabi A. Diwān al-adab. Dar al-Shaab Foundation for Press, Printing and Publishing, 2004. (In Pers.)
24. Al-Maydani A. Majma al-'amthal. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 1988. (In Pers.)
25. Al-Farazdaq. Al-Farazdaq's diwan. Dar al-Kitab al-Lubnani, 1983. (In Pers.)
26. Al-Sirāfi A. Sharh Kitāb Sibawayhi. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 2008. (In Pers.)
27. Al-Sayyid al-Sharif A. Amāli. Zavel-Ghorba Publication, 2010. (In Pers.)
28. Dehkhoda A. Farhang-e dehxodā. University of Tehran, 1946. (In Pers.)
29. Ibn-Maytham A. Nahj al-Balagha's description. Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1992. (In Pers.)
30. Al-Zamakhshari J. (n.d.) Al-mustaqsa fi al-amthal al-Arab. Dar al-Kotob al-Ilmiyah, 1987. (In Pers.)
31. Al-Khuwayi Y. (n.d.) Fara'id al-khara'id fi al-amthal. Dar an-Nafaes, 2000. (In Pers.)
32. Homaei J. Sargozašt // Yaqmā, 363. 1978. (In Pers.)
33. Al-Trablosi I. Faraed al-Le'al Fi Majma' al-Amthal. Beirut, 1933. (In Pers.)
34. Al-Ayashi M. Al-tafsir al-Ayashi. Maktabah al-Elmiyah, 1961. (In Pers.)
35. Qasim bin Salam A. Al-amthal. Umm Al Qura University, 1980. (In Pers.)
36. Al-Bakri A. Faṣl al-maqāl fi sharḥ kitāb al-Amthāl. Resalah Publishers, 1983. (In Pers.)
37. Sharifi-Golpayegani F. Gozide-vo šarh-e amsāl-e hekām-e Dehxodā. Hirmand Publication, 1977. (In Pers.)
38. Al-Hindi A. Kanz ul-amaal. Resalah Publishers, 1985. (In Pers.)
39. Al-Mufaddal al-Dabbī A. Mufaddaliyat. Dar al-Ma'arif, 2004. (In Pers.)
40. Ibn Qutaybah. Al-Shi'r wal-shu'arā'. Dar al-Ma'arif, 1998. (In Pers.)
41. Ibrāhīm Anīs. Al-mu'jam al-waseet. Academy of the Arabic Language, Cairo, 2004. (In Pers.)
42. Al-Athir A. Tārix-e bozorg-e eslām-o Irān. Dar Sader, 2006. (In Pers.)

оригинальная статья

Интернет-комментарии как дискурс делегитимации (на материалах сайта Fox News о политике президента США Джо Байдена)

Ирина Викторовна Савельева

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-4437-8489>; saviren1973@mail.ru

Поступила в редакцию 16.07.2021. Принята после рецензирования 30.08.2021. Принята в печать 06.09.2021.

Аннотация: Рассматривается проблема дискурсивного конструирования делегитимации как макростратегии непрофессионального политического дискурса. Проанализированы комментарии читателей американского интернет-издания Fox News на предмет реализации стратегии рационального пессимизма, избираемой ими как реципиентами политических новостей о новом президенте США Джо Байдене. Установлено, что сочетание рационального текстопроизводства в комбинации с эмоциональным посылом и обращением к универсальным ценностям конституирует дискурс делегитимации, опредмеченный в жанре интернет-комментариев к политическим новостям. Разворачивание стратегии рационального пессимизма сконцентрировано вокруг идеологем *кризис демократии* и *кризис президентской власти*. Актуализация данных когнитивно-дискурсивных единиц детерминирована как широким экстралингвистическим контекстом – текущей политической ситуацией в стране, так и ближним контекстом – материалами издания, прагматически нацеленными на дискредитацию политики нового главы Белого дома. Рассуждения комментаторов о проблемах в сфере политики, экономики, бизнеса обуславливают интердискурсивный характер коммуникации. Пессимистичные настроения и негативное отношение к политическим действиям Джо Байдена и демократической партии США сочетаются с обращением к ценностным категориям безопасности, сохранения государства и жизни нации в целом.

Ключевые слова: политический дискурс, адресат, коммуникация, стратегия, реплика, кризис, медиа

Цитирование: Савельева И. В. Интернет-комментарии как дискурс делегитимации (на материалах сайта Fox News о политике президента США Джо Байдена) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 826–836. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-826-836>

Введение

Общественные реакции на политические флуктуации находят отражение в дискурсивных практиках, т. к. политика признается одной из наиболее дискурсогенных сфер. С развитием двусторонних каналов коммуникации в сети Веб 2.0 все больше рядовых граждан реализуют свое право высказать мнение по поводу того или иного резонансного события, включаясь в процесс продуцирования дискурса, обозначаемого нами как непрофессиональный политический дискурс (далее – НПД). Интенциональным посылом и, соответственно, макростратегией дискурса данного типа становится легитимация – одобрение и поддержка власти, либо, напротив, делегитимация – неодобрение, осуждение политических решений властвующей элиты. Междисциплинарный характер феномена (де)легитимации очевиден и привлекает как политологов, философов и социологов, так и лингвистов, т. к. «при решении задачи установления стабильности политической жизни общества, законности и правопорядка, а также повышения уровня доверия граждан к существующей политической ситуации и расстановке сил процесс легитимации играет одну из важнейших ролей» [1, с. 113]. Среди подходов к изучению (де)легитимации в разных научных областях наиболее лингвистическим представляется исследование

речевых средств, тактик и стратегий, которые использует языковая личность, осуществляющая коммуникативную деятельность по признанию правомерности политических решений и соответствию их принятым в обществе нормам и ценностям.

В последнее время лакмусовой бумагой, отражающей процессы (де)легитимации в американском обществе, стали выборы нового президента. В 2020 г. Белый дом возглавил представитель демократической партии США Джоозеф Робинетт Байден (в обиходе – Джо Байден). Как известно, демократ Д. Байден пришел на смену республиканцу Д. Трампу, чье управление государством вызывало массу недовольства и критики со стороны политических оппонентов и общественности. Однако после смены главы Белого дома скепсис, обвинения в прошлых и настоящих проступках и прочие коммуникативные действия делегитимизирующего характера обрушились на нового политического лидера США и его сторонников.

Многие центральные американские медиаканалы и рефлексирующая общественность сравнивают первые политические шаги Д. Байдена в роли президента с политическими решениями Д. Трампа и предыдущих руководителей не в пользу первого. Дискурс новых медиа,

в частности канала Fox News¹, послуживший эмпирической базой настоящего исследования, выстраивается согласно открытой дискредитирующей стратегии канала. Fox News известны своими консервативными взглядами, и поэтому установка авторов на освещение деятельности демократической партии в негативном ключе определяет прагматические характеристики медиатекстов. Как показывают данные предварительного анализа НПА, производимого аудиторией Fox News, ангажированность информационных сообщений агентства привлекает именно тех комментаторов, которых едва ли можно назвать сторонниками политики демократа Джо Байдена.

Цель нашего исследования – выявить способы и средства дискурсивной реализации стратегии рационального пессимизма, направленной на делегитимацию читателями Fox News любых решений, принимаемых новым президентом США.

В настоящем исследовании в качестве объекта использован непрофессиональный политический дискурс, продуцируемый в сети рядовыми гражданами – читателями новостей канала Fox News. Непрофессиональный дискурс о политике опредмечивается в жанре интернет-комментариев – кратких спонтанных анонимных высказываний на актуальную политическую тематику, в частности обсуждаются политические решения президента США Джо Байдена. По нашему мнению, именно по результатам объективированных в текстовой форме оценок и мнений адресатов политического медиадискурса лингвисту-исследователю представляется возможным установить основные социо-политические ориентиры и реконструировать когнитивно-дискурсивную реальность, которая бытует в сознании нации в определенный исторический период. В более узком аспекте вариативные интерпретации рядовыми гражданами действий политических акторов, рассматриваемые в совокупности с экстралингвистическими факторами, образуют коммуникативное пространство, в котором осуществляется (де)легитимация политических решений действующей власти.

В качестве анализируемых данных использованы комментарии пользователей к трем материалам, опубликованным Fox News 12, 28 и 29 мая 2021 г. и освещающим первые политические шаги Джо Байдена на посту президента США:

1. *Battered Biden under siege as crises confound the White House*² – *Потряпанный Байден в осаде, так как кризисы поразили Белый дом*³.

2. *Biden, seen as increasingly liberal, would explode the deficit with new budget*⁴ – *Байден, которого считают все более либеральным, увеличит дефицит с помощью нового бюджета*.

3. *Biden received funds from top Russia lobbyist before Nord Stream 2 giveaway*⁵ – *Байден получил средства от ведущего российского лоббиста для непротivления проекту «Северный поток-2»*.

Общее количество реплик, оставленных пользователями к названным статьям, составило 35161.

Теоретические предпосылки

Политика – институциональная сфера, функционирование которой главным образом связано с созданием дискурса. Данная связь подмечена Е. И. Шейгал, которая писала, что «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере», поскольку «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [2, с. 27]. Явление медиатизации оказывает значительное влияние на восприятие и интерпретацию политических текстов адресатом [3; 4]. Благодаря медиатизации политические процессы как таковые не осмысляются адресатом политической коммуникации напрямую, а опосредуются через форматы, которые используют СМИ для ретрансляции политического дискурса читательской аудитории. «Люди в большинстве случаев напрямую не соприкасаются с миром политики, их знания в этой области складываются не в результате собственного опыта политического участия, а преимущественно на основе предлагаемых им вербальных "картинок"» [5, с. 258]. Так, медиа имеют возможность освещать политическую фактуру и первичный дискурс институциональных акторов под нужным углом и таким образом конструировать в сознании адресата определенное политическое мировидение [6].

В эпоху Интернета реакция адресата политического медиадискурса артикулируется в виртуальной реальности и обретает манифестированную в тексте форму благодаря форумам, чатам, социальным сетям. Адресаты политических медиатекстов активно комментируют как текущие новости о политических институтах, так и резонансные события. Растущая неодискурсивная практика реципиентов политического медиадискурса все еще характеризуется лакунарностью системного аналитического моделирования.

¹ Fox News Channel (Фокс-Ньюс-Чэннел, сокращённо FNC или Fox News) – американский информационный канал со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Придерживается консервативной ориентации, близок к Республиканской партии США. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Fox_News (дата обращения: 10.06.2021).

² Koffler K. Battered Biden under siege as crises confound the White House // Fox News. 12.05.2021. Режим доступа: <https://www.foxnews.com/politics/biden-israel-mexican-border-colonial-pipeline> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором.

⁴ Kurtz H. Biden, seen as increasingly liberal, would explode the deficit with new budget // Fox News. 28.05.2021. Режим доступа: <https://www.foxnews.com/media/biden-seen-as-increasingly-liberal-would-explode-the-deficit-with-new-budget> (дата обращения: 10.06.2021).

⁵ Levine J. Biden received funds from top Russia lobbyist before Nord Stream 2 giveaway // Fox News. 29.05.2021. Режим доступа: <https://www.foxnews.com/politics/biden-received-funds-from-top-russia-lobbyist-before-nord-stream-2-giveaway> (дата обращения: 10.06.2021).

На этот факт указывают ряд ученых, чьи работы посвящены политической коммуникации [7–11].

Выявлением манипулятивных стратегий, имплицитных смыслов, вкладываемых в дискурс с целью установления социального неравенства (господства) и навязываемой социуму идеологии, занимается критический дискурс-анализ (КДА) – научное направление, сформировавшееся в трудах зарубежных аналитиков Т. Ван Дейка, Р. Водак, Н. Фэйрклафа, П. Чилтона, К. Шаффнер и др. Согласно Т. Ван Дейку, носители языка – это не просто индивиды, но и социальные субъекты, являющиеся членами лингвистических, эпистемологических и социальных сообществ и социальных групп, учреждений и организаций. Как члены языковых сообществ они говорят на одном естественном языке. Как члены эпистемологических сообществ – делятся различными видами социокультурных знаний об общественных событиях, общих структурах природного и социального мира. Как члены социальных групп и сообществ – разделяют нормы и ценности, основанные на них установки и идеологии [12, р. 130].

С позиции представителей КДА, исследование коммуникативных процессов, сопровождающих взаимоотношения власти и социума, позволяет утверждать, что значения не привносятся в дискурс извне, а конструируются в процессе его производства [13–15]. Речевая практика людей является инструментом освоения реальности [16]. В дискурсе обозначаются социально-значимые понятия, обговариваются формы вербального взаимодействия, репрезентируются идеологические позиции [17, с. 22]. Политические отношения также формируются и опредмечиваются в дискурсе. Политическая коммуникация, как правило, преследует свои определенные цели и направлена на адресата – общество. Адресат в политической коммуникации в большинстве является массовым. Артикулируемый ответ адресата на политическую риторику, произведенный в устной или письменной форме, будь то одобрение или неодобрение, оценивание действий власти на предмет соответствия морально-этическим нормам, комментирование и выражение своей позиции, – все это в широком смысле можно считать производством дискурса (де)легитимации. Очевидная междисциплинарность данного процесса позволяет рассматривать его полифокусно: как значимый социополитический феномен – в сфере политических и социально-психологических наук; как феномен, детерминирующий производство дискурса и текста, – в области лингвистики [18; 19].

В политический науке легитимация – один из существенных процессов, протекающих в обществе и государстве. В работе Р. Г. Апресяна читаем: «Легитимность как цель деятельности по легитимации представляется правителями именно в форме лояльности элит, групп интересов или граждан, их одобрения правителей и проводимого ими курса, публично демонстрируемой поддержки и любви, а также в форме признания и расположения со стороны

руководителей других стран. Соответственно, средствами легитимации оказываются техники PR, пропаганды и манипуляции общественным мнением, из чего можно сделать вывод, что легитимация как таковая – это предмет заботы политиков; как ценностный феномен она тривиальна и не представляет интереса для аксиологического анализа» [20, с. 36]. Однако в последние десятилетия развития лингвистики появился ряд исследований (особенно выполненных в русле КДА), показывающих, что данный тезис возможно опровергнуть с позиции КДА. Так, применение КДА к политическим текстам в аспекте установления основных способов осуществления легитимации привело к разработке модели легитимации, например пространственной модели, предложенной П. Чилтоном (*spatial legitimization*) [21].

П. Цап расширяет пространственную модель легитимации П. Чилтона, добавляя временной и ценностный компоненты (*STA Model*). Он предлагает считать легитимацию центральным механизмом, приводящим в движение текстопроизводство в сфере политики, иными словами, макростратегией политического дискурса [22]. Он полагает, что легитимация – не просто одна из таких стратегий, а скорее основная цель политического оратора, ищущего оправдания и поддержку действий, которые говорящий явно намеревается совершить в жизненно важных интересах адресата [22].

Делегитимация рассматривается наряду с принуждением, сопротивлением, оппозицией, протестом, притворством как одна из стратегических функций политического дискурса [23]. С этой позиции адресат политической коммуникации, имеющий возражения и высказывающий их в виде контраргументов, осуществляет делегитимацию и производит дискурс делегитимации.

А. Е. Вечорек считает, что такой подход объединяет научные, т. е. политически ориентированные, и лингвистические подсказки для анализа дискурса, основанного на легитимации. По ее мнению, легитимация сигнализирует об авторитете оратора и дает основания для совершения действий, которые, в свою очередь, смягчают потенциальные действия, угрожающие лицу. Делегитимация в основном эксплицируется в негативных контекстах [24, р. 264].

Результаты и обсуждение

По данным предварительного анализа лейтмотивом дискурса, продуцируемого рядовыми американцами, имеющими позицию, идеологически импонирующую взглядам канала Fox News, является практически полное неприятие демократической партии и ее лидера – нынешнего главы Белого дома Джо Байдена. Типичное для представителей американской лингвокультуры рациональное рассуждение о политике и, соответственно, избираемая стратегия текстообразования в дискурсе комментариев модифицируется и получает качественно иной вариант. Рациональный подход в восприятии и осмыслении внешних явлений, наблюдения за предметно-логическими связями, свойственные

ментально-речевой сфере американцев, пересекаются с аффективным подходом к вербализации своих реакций на политический медиадискурс канала Fox News. Вследствие подобной амбивалентности делегитимационная стратегия сочетает в себе рациональность и эмоциональность, причем характер выражаемых в дискурсе эмоций крайне негативный. Главной целью порождения НПД на портале Fox News является негация субъекта новостей и главного действующего институционального актора – президента Джо Байдена. Действие механизма делегитимации в НПД прослеживается на разных уровнях.

Когнитивно-понятийный уровень НПД эксплицирует организацию пространства комментариев вокруг идеологием *кризис демократии* и *кризис президентской власти*. Формирование данных структур знания в политической картине мира представителей американской лингвокультуры обусловлено историко-политическими условиями развития американского общества. В основе его политического мироустройства лежит принцип сосуществования президентской власти и демократии, возможного благодаря действию системы сдержек и противовесов [25].

Прежде всего, конструирование идеологием происходит на денотативном уровне дискурса. В комментариях к материалу от 12.05.2021 актуализация данных когнитивно-дискурсивных единиц задается внешним по отношению к структуре НПД, но важным детерминационным фактором – заголовком обсуждаемого медиатекста: *Battered Biden under siege as crises confound the White House – Потрясенный Байден в осаде, так как кризисы поразили Белый дом*.

Заголовок как композиционная часть медиатекста, обладающая значительным прагматическим потенциалом, активизирует в сознании реципиента соответствующие знания и ситуации. Важно отметить, что в заголовке лексема *crises* как один из репрезентантов идеологием *кризис президентской власти* указывает на динамику регрессивного характера в цепочке критических состояний колыбели американского института власти. Таким образом, денотативная сеть НПД частично детерминирована внешним фактором, однако именно понятия кризиса и разрушения в сфере политики и экономики становятся топилом дискурса делегитимации и представлены двумя группами дискурсивных единиц, актуализирующих понятие кризиса.

Первая группа включает лексемы с более узкой семантикой и соотносится с тематическим полем экономики. Например: *I see a potential for stagflation, which we haven't seen since Jimmy Carter. Handing out dollars without producing anything creates demand but restricts supply and as long as the free money is flowing, supply will remain restricted, unless we just continue to hand our economy over to the Chinese*⁶ – Я вижу

потенциал для стагфляции, которого мы не видели со времен Джимми Картера. Раздача долларов без какого-либо производства создает спрос, но ограничивает предложение, и до тех пор, пока будут поступать свободные деньги, предложение будет оставаться ограниченным, если мы просто не продолжим передавать нашу экономику китайцам. Неологизм, образовавшийся в результате сложения двух экономических понятий *stagflation+inflation*, использован автором в контексте рассуждений о неустойчивом состоянии экономики страны.

Негативный компонент значения единиц, традиционно формирующих экономический дискурс, продолжается в высказываниях, обозначающих витальную угрозу. Поэтому вторая группа выражений имеет более широкую семантику, соотносящую настоящую ситуацию с глобальной, вневременной. Следующие лексемы вводят делегитимацию в пропозиции дискурса как его смыслопорождающую основу: *... there's a grave problem*⁷ – *...есть серьезная проблема*; *We are in trouble and even if old Joe is put out we end up with a woman who would rather brag about being VP than actually do the job*⁸ – *Мы в беде, и даже если старина Джо выйдет из себя, мы окажемся с женщиной, которая скорее будет хвастаться тем, что она вице-президент, чем на самом деле выполнять эту работу*. Употребление выражения *We are in trouble* в пропозиции дискурса комментариев переносит делегитимацию из зоны рационального восприятия и логического текстообразования в иррациональную, воздействуя на бессознательное субъектов дискурса. Фразовый глагол *end up* указывает на пессимистичное видение будущего института президентской власти автором данного комментария.

Апелляция к бессознательному, способствующая нарастанию ощущения угрозы и провоцирующая эмоциональное партнерство по коммуникативной площадке, так и других коммуникантов, заложена в серии дискурсивных элементов с эмоционально-оценочной коннотацией, заключенной как во внешних адъективных элементах *bad days, great harm*, так и внутри номинаций. Например, употребление существительных *harm* и *mistake* способствует формированию отрицательных смыслов. Через данные комбинации рациональность и аффект сосуществуют в пределах одного текста: *Older people have forgotten the bad days of Carter with their hyper inflation and sky rocketing energy prices. Younger people haven't been educated on these bad days. That is why Biden can repeat the same mistakes of Carter. The mainstream media and the big techs with their censoring are doing the nation great harm as we speak*⁹ – *Пожилые люди забыли плохие дни Картера с их гиперинфляцией и стремительным ростом цен на энергоносители. Молодые люди не были научены*

⁶ Kurtz H. Biden, seen as increasingly liberal, would explode the deficit with new budget...

⁷ Koffler K. Battered Biden under siege as crises confound the White House...

⁸ Там же.

⁹ Там же.

этими плохими днями. Именно поэтому Байден может повторить те же ошибки Картера. Центральные медиа и крупные IT-корпорации с их цензурой наносят нации большой вред, пока мы здесь выступаем.

Референтное пространство дискурса соотносится с историко-политическими событиями из разных временных периодов. Автор упоминает политический прецедент, актуализирующий печальные воспоминания у представителей американской лингвокультуры – годы неудачных экономических реформ Джими Картера, с результатами, имевшими плачевные последствия для граждан США. Помимо прецедентных феноменов, эксплицирующих широкий ситуативный контекст, в дискурс делегитимации вводятся и референты из актуального настоящего: это не только действующий президент Д. Байден, но и центральные СМИ (*the mainstream media*), и крупные компании (*the big techs*). Пересечение прошлой и настоящей временных координат определяют выбор грамматических средств в дискурсе. Семантика процессуальности, заложенная в грамматическом времени глагола *do – are doing ... great harm*, придает динамический характер дискурсу делегитимации, конструирует ситуацию как нарастающую. Кроме того, глагольная фраза *are doing ... great harm* в качестве объекта принимает собирательное понятие *the nation*, большой денотативный объем которого подчеркивает глобальность катастрофы, ее масштабность. Дискурс данного автора транслирует смысл: все, что в данный момент происходит, затрагивает не отдельного человека, а всю американскую нацию, связано с ее прошлым, настоящим и неизбежно повлияет на будущее. Для описания вероятных будущих ошибок объекта делегитимизации автор использует модальный глагол *can* в значении возможности.

Использование автором цитируемого отклика приема преувеличения – прилагательного *great* в оценочно-экспрессивной функции – также способствует реализации делегитимационной стратегии и замещению рационального текстопорождения иррациональным. Данная стратегия развивается и получает продолжение в следующем тексте: *Let's not forget the foreign policy mistakes will make the world a more dangerous place for all*¹⁰ – Давайте не будем забывать, что внешнеполитические ошибки сделают мир более опасным местом для всех. Авторская презумпция содержит знание об ошибках, допускаемых настоящим главой государства (*the foreign policy mistakes*), которые будут иметь общемировые последствия. Такая позиция усиливает ощущение необходимости делегитимации власти. Рема высказывания эксплицирует пессимистическое настроение автора, конструирующего при помощи приема

обобщения смысл небезопасного существования человека в этом мире: *make the world a more dangerous place for all*.

Введение элементов экономического дискурса также обусловлено внешним по отношению к НПД, но ближним дискурсивным контекстом – материалом *Fox News*. Например, статья *Biden, seen as increasingly liberal, would explode the deficit with new budget* (Байден, которого считают все более либеральным, увеличит дефицит с помощью нового бюджета) от 28.05.2021 задает смысловую доминанту комментирования в данном ключе. Однако в комментариях экономическая предметная соотнесенность обретает персонализированный характер. Экономика представляется в личностном измерении как повседневный феномен, имеющий видимое влияние на бытие индивида. Наблюдается перенасыщенность дискурса НПД аналитикой, связанной с налогообложением, госбюджетом, годовым доходом, нюансами банковской системы. Репертуар речевых средств показывает, что понятие *материальные блага* занимает существенное место в ценностно-смысловой сфере рядовых американцев: *My conscience is clean because I voted for Trump and I have no regrets. My take home pay was more under Trump than Biden when he eliminated the tax cuts. I continue seeing it each week*¹¹ – Моя совесть чиста, потому что я проголосовал за Трампа и ни о чем не жалею. Моя зарплата на дому была больше при Трампе, чем у Байдена, когда он отменил снижение налогов. Я продолжаю видеть это каждую неделю.

Изобилие числовых данных в НПД – одна из типичных тактик, применяемых при рациональной дискурсивной стратегии делегитимизации. В данном случае статистика призвана произвести манипулятивный эффект научности и аналитичности: *Biden's overall approval rating sits at 63 %*. *When it comes to the new Democratic president's handling of the pandemic, 71 % of Americans approve, including 47 % of Republicans*¹² – Общий рейтинг одобрения Байдена составляет 63 %. Когда речь заходит о том, как новый президент-демократ справляется с пандемией, 71 % американцев одобряют это, в том числе 47 % республиканцев; *AP-NORC poll also shows an uptick in Americans' overall optimism about the state of the country. Fifty-four percent say the country is on the right track, higher than at any point in AP-NORC polls conducted since 2017*¹³ – Опрос AP-NORC также показывает рост общего оптимизма американцев по поводу состояния страны. Пятьдесят четыре процента опрошенных говорят, что страна находится на правильном пути, что выше, чем любой из показателей в предыдущих опросах агентства AP-NORC, проводимых с 2017 года.

Второй индикатор рационального текстопроизводства – включение массива аббревиатур и специальной лексики: *When the MSM, one political party, Big Tech, Hollywood,*

¹⁰ Levine J. Biden received funds from top Russia lobbyist before Nord Stream 2 giveaway...

¹¹ Kurtz H. Biden, seen as increasingly liberal, would explode the deficit with new budget...

¹² Там же.

¹³ Там же.

*Teachers Unions and the Big Banks are all behind the madness, it's difficult for many of The People to do critical thinking*¹⁴ – Когда безумие охватило центральные медиа, одну политическую партию, IT-корпорации, Голливуд, профсоюзы учителей и крупные банки, многим из Людей трудно критически мыслить.

Интересно отметить включение дискурсивных элементов метапрагматического характера. Как целые высказывания, так и отдельные лексемы представлены в НПАД как чужое слово. Их перлокутивный эффект осознается авторами комментариев и транслируется участникам коммуникации. Политически подкованные читатели Fox News рефлексируют относительно прагматического компонента данных обращений, оценивая уже произведенный прагматический эффект: *Over 120 retired military flag officers warned in a letter Monday that the country is in "deep peril" and under "tremendous assault" from those believing in socialism and Marxism, and encouraged Americans to get more politically involved to act against it*¹⁵ – Более 120 отставных генералов предупредили в письме в понедельник, что страна находится в «серьезной опасности» и переживает «полномасштабное наступление» со стороны тех, кто верит в социализм и марксизм, и призвали американцев активнее участвовать в политической жизни, чтобы противостоять угрозе; *"Our Nation is in deep peril. We are in a fight for our survival as a Constitutional Republic like no other time since our founding in 1776. The conflict is between supporters of Socialism and Marxism vs. supporters of Constitutional freedom and liberty," the retired officers wrote*¹⁶ – «Наша нация находится в серьезной опасности. Мы ведем борьбу за наше выживание в качестве Конституционной Республики, как никто другой с момента нашего основания в 1776 году. Конфликт происходит между сторонниками социализма и марксизма и сторонниками конституционных свобод», – написали отставные офицеры.

Автор комментария заимствует эффектные выражения из открытого письма отставных офицеров – *deep peril* (серьезная опасность) и *tremendous assault* (полномасштабное наступление). Данные цитативы отражают обеспокоенность текущей политической ситуацией тех людей, для которых такое состояние малохарактерно – военнослужащих. Воспроизводство чужих дискурсов усиливает персуазивный компонент значений дискурса адресата. В данном комментарии они представлены как неадаптированные интертекстуальные включения для того, чтобы

сигнализировать о красном уровне опасности для страны, который объявлен группой людей, когда-то призванных на ее защиту.

Важно отметить, что предикативная сеть способствует актуализации идеологем *кризис власти* и *кризис демократии*. Это в основном происходит эксплицитно через использование в комментариях глаголов с семантикой разрушения, упадка, снижения уровня благосостояния населения: *destroy, collapse, disappear*. Причем создание ощущения опасности также носит частный и общий характер. В предикативной сети наблюдается тенденция к употреблению глагольных конструкций, описывающих состояние американской экономики, и конструкций, обозначающих разрушительные действия на национальном уровне: *He already has destroyed the budget but more than \$5T in unnecessary "stimulus"*¹⁷ – Он уже уничтожил бюджет, а это больше пяти миллионов долларов в виде ненужных «стимулов»; *it's when will the economy collapse*¹⁸ – это когда экономика рухнет; *in a few short months and other products disappearing off the shelves*¹⁹ – через несколько коротких месяцев и другие товары исчезнут с прилавков; *It's tough to watch Biden and the democrats destroy the country*²⁰ – Тяжело смотреть, как Байден и демократы разрушают страну; *Biden isn't just destroying America's future prosperity with unsustainable debt*²¹ – Байден не просто разрушает будущее процветание Америки из-за неприемлемого долга.

На имплицитном уровне пессимизм и недоверие к демократической партии и ее лидеру передаются через введение в дискурс де-факто нейтральных и положительных предикатов, которые в делегитимационном контексте несут отрицательный смысл, как в следующем примере: *This is what happens when people vote emotionally instead of rationally. They hated Trump, and voted for Joe. As a result, we now have an administration that supports an agenda of large government programs, taxes on big business, inclusiveness, racial justice, and more instead of focusing on a strong economy, a secure border, a strong military, and world leadership. I hope we survive the next 3 years. Perhaps we can be saved by the midterms and blunt some of this madness*²² – Вот что происходит, когда люди голосуют эмоционально, а не рационально. Они ненавидели Трампа и голосовали за Джо. В результате у нас теперь есть администрация, которая поддерживает программу крупных государственных проектов, налогов на крупный бизнес, инклюзивность, расовую справедливость

¹⁴ Там же.¹⁵ Там же.¹⁶ Там же.¹⁷ Там же.¹⁸ Там же.¹⁹ Там же.²⁰ Koffler K. Battered Biden under siege as crises confound the White House...²¹ Levine J. Biden received funds from top Russia lobbyist before Nord Stream 2 giveaway...²² Kurtz H. Biden, seen as increasingly liberal, would explode the deficit with new budget...

и многое другое, вместо того, чтобы сосредоточиться на сильной экономике, безопасной границе, сильной армии и мировом лидерстве. Я надеюсь, что мы переживем следующие 3 года. Возможно, мы сможем спасти ситуацию к середине его срока и хоть как-то сдержать это безумие.

Очевидная нейтральная с положительными компонентами семантика глагольной сети (за исключением глагола *hate*) – *vote, support, survive, save* – в контексте комментария приобретает негативный смысл. Для описания и оценки неверных действий политика Байдена глаголы *support* и *focus* противопоставляются с помощью лексики *instead*. Противопоставление происходит и на уровне перечисления объектов: второй предикат, выражающий надлежание, расцениваемые автором в качестве верных действия, принимает целый ряд из четырех актантов, репрезентируемых адъективными конструкциями с контекстуально и интенционально положительным значением – *a strong economy, a secure border, a strong military, and world leadership*.

Аналогичный прием постановки положительных предикатов в негативный контекст использует автор следующего комментария: *Biden is just a figurehead implementing what he's told to implement. He is incapable of critical thought and reasoning. The deficit is already exploded, it was before he took office, now it's beyond repair, it's not if, it's when will the economy collapse, as a contractor who sees inflation every day in the products I buy sees a 2x4 go from 3.86 to over 10.00 in a few short months and other products disappearing off the shelves so I cannot even complete a project, there's a grave problem*²³ – Байден – всего лишь номинальный руководитель, реализующий то, что ему велено реализовать. Он неспособен к критическому мышлению и рассуждениям. Дефицит уже взорван, это было до того, как он вступил в должность, теперь это невозможно исправить, это не если, это когда экономика рухнет, как подрядчик, который каждый день видит инфляцию в продуктах, которые я покупаю, видит, что 2х4 увеличивается с 3,86 до более 10,00 за несколько коротких месяцев, и другие продукты исчезают с полок, поэтому я даже не могу завершить проект, есть серьезная проблема.

Вне комментария глаголы *implement, reason, complete* совершенно лишены отрицательного коннотативного значения. Однако в первом высказывании автором актуализируется сема технологичности, заложенная в значении лексики *implement*, и Байден изображается политиком, не принимающим самостоятельные решения. Второе высказывание содержит отрицательное прилагательное *incapable*, которое также указывает на неполноценность президента, а отрицательная форма модального глагола *can* в сочетании с *complete* – глаголом с положительной семантикой – вносит последний штрих в образ Д. Байдена как функционера, не только не выполняющего свои полномочия, но и отрицательно влияющего на жизнь каждого американца.

Наиболее ярким примером приближения «конца» и кульминационным в реализации стратегии делегитимации и ее варианта рационального пессимизма является данный текст:

Folks, today everyone should take a nice long walk outdoors and take in all of the beauty that surrounds you. Breathe in and enjoy the fresh clean air as you take notice to all of the green grass, the plants, birds, and neighborhood dogs and cats – even the honking vehicles that are driving on the streets around you.

Then, tonight, as you're getting ready for bed – you might want to kneel down and say a prayer for all that you have seen today, because with all that is happening across the country and entire planet right now, there's a really high probability that all of those things may no longer be a part of our daily lives very much longer.

This country & planet has never been so universally and unilaterally divided and close to war (both civil and world) – since the Civil War and World War II, and war can literally break out at any time.

*Once this happens, life as we have known it (and taken for granted) may never exist again, at least not in our lifetimes. Scary times are upon us, folks – sad that so many just do not realize it yet!*²⁴

Люди, сегодня каждый должен совершить приятную долгую прогулку на свежем воздухе и насладиться всей красотой, которая вас окружает. Вдохните и наслаждайтесь свежим чистым воздухом, обращая внимание на всю зеленую траву, растения, птиц, окрестных собак и кошек – даже на сигнализирующий транспорт, который проезжает по улицам мимо вас.

Затем, сегодня вечером, когда вы будете готовиться ко сну – возможно, вам захочется встать на колени и помолиться за все, что вы видели сегодня, потому что со всем, что происходит сейчас по всей стране и по всей планете, существует действительно высокая вероятность того, что все эти вещи могут больше не быть частью нашей повседневной жизни очень долго.

Эта страна и планета никогда еще не были так откровенно разделены на два лагеря и близки к войне (как гражданской, так и мировой) – со времен Гражданской войны и Второй мировой войны, и война может вспыхнуть буквально в любую минуту.

Как только это произойдет, жизнь, какой мы ее знали (и считали само собой разумеющейся), может больше никогда не существовать, по крайней мере, в нашей жизни. Страшные времена настали, печально, что так много людей просто еще не осознают этого!

Цитируемый комментарий, стилистически соответствующий жанру обращения, не содержит прямой критики в адрес президента. В нем отсутствуют подробные аналитические данные, касающиеся экономики и бизнеса. В тексте также не наблюдается усиливающих негативный тон эпитетов.

²³ Levine J. Biden received funds from top Russia lobbyist before Nord Stream 2 giveaway...

²⁴ Koffler K. Battered Biden under siege as crises confound the White House...

Напротив, его первая часть транслирует идею повседневного бытия человека; содержательный срез обнаруживает наполнение бытия приятными событиями, которым люди, как правило, не придают значения. Автор призывает наслаждаться сиюминутными ценностями – *take a nice long walk outdoors and take in all of the beauty that surrounds you; breathe in; enjoy the fresh clean air; take notice to all of the green grass, the plants, birds*. С его точки зрения, именно простые, повседневные дела наиболее важны в преддверии глобальной катастрофы – войны, которая отнимет у человечества радость мирного существования: *all of those things may no longer be a part of our daily lives*. Несмотря на сочетаемость глагола *take* с разнородными вербальными единицами, имплицитно формируется идея, коррелирующая с его буквальным значением: *take* (брать) – бери от жизни все сейчас, иначе потом будет поздно. Действительно, дискурс развивается согласно риторическим правилам контрастного повествования. Автор разворачивает идею опасности по дихотомически организованным осям: сегодня – завтра, белое – черное, мир – война. Этот доминантный смысл НПА прослеживался в предыдущих комментариях на внутренних, скрытых уровнях дискурса. В данном тексте он выходит на поверхность и перекрывает все другие смыслы, сопутствующие политическим. Жизнь в мире, где нет войны, – это самое бесценное качество человеческого существования. По сравнению с ним все блекнет. Умелая репрезентация идеи ценности жизни позволяет макростратегии рационального пессимизма достичь конечной точки в реализации цели дискурса делегитимации.

Заключение

Преимущественно аналитическая с наличием вербальных вкраплений, отражающих повседневную жизнь, ткань непрофессиональных высказываний, сформулированных в жанре комментариев к статьям, демонстрирует специфический

дискурсивный поворот англоязычного дискурса американской лингвокультуры. Обсуждение актуальных ситуаций, касающихся политики нового президента США, носит ярко выраженный рациональный характер. В то же время политические дискуссии рядовых носителей языка экспрессивно заряжены, т. к. авторы выражают чувство глубокого недовольства, общего критического настроения, которое мы обозначаем как рациональный пессимизм. На основе проведенного анализа мы выделяем соответствующую макростратегию, определяющую общий характер порождения НПА на сайте канала Fox News. Выбор термина символичен – такой оксюморон призван отразить противоречие между нарочито рациональным стилем рассуждения языковой личности представителя американской лингвокультуры и аффективным посылом, который является результатом манипуляции чувствами читателей Fox News в частности и американских граждан в целом.

Оппозиционность взглядов и противостояние политике нового президента-демократа прослеживается на всех уровнях НПА, которые в совокупности транслируют негативные настроения и неверие американского общества в стабильность. Охвативший нацию пессимизм является доминантным в дискурсе американских непрофессиональных пользователей Интернета и неотъемлемым компонентом дискурса делегитимации. Он системно конструируется с помощью рационально-иррациональной макростратегии комментирования политических новостей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522.

Литература

1. Левшенко Ю. И. Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 111–115.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
3. Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69–85. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85>
4. Fetzer A., Weizman E. Political discourse as mediated and public discourse // Journal of Pragmatics. 2006. Vol. 38. № 2. P. 143–153.
5. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., Боженкова А. М. Современный политический дискурс: вербальная экзemplификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>
6. Голянская В. А., Мельник Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3. С. 29–41. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)3-03)
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2018. 255 с.

8. Данкова Н. С., Дубровская Т. В. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. № 4. С. 551–561. <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-4-551-561>
9. Yergaliyeva S. Z., Melnik N. V., Zhumabekova B. K., Yergaliyev K. S., Omarov N. R. Personal linguistic parametrization of text generation of the Internet comments // XLinguae. 2018. Vol. 11. № 3. P. 2–15. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.01>
10. Мельник Н. В., Савельева И. В. Интенциональный портрет адресата политического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Русский язык за рубежом. 2019. № 4. С. 10–18.
11. Golev N. D., Kim L. G., Saveleva I. V. Variability of news interpretation in political discourse (a case study of the Internet materials covering the 2014 and 2018 Winter Olympic Games) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. № 4. P. 568–583. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0743>
12. Van Dijk T. A. Discourse – Cognition – Society: Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse // Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis / eds. C. Hart, P. Cap. London: Bloomsbury, 2014. P. 121–146.
13. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
14. Fairclough N. The dialectics of discourse // Textus. 2001. Vol. 14. № 2. P. 231–242.
15. Йоргенсен М. В., Филиппс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
16. Фуко М. Археология знания. Кв.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
17. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
18. Грибачева Н. В., Диас Д., Дорская А. А., Дорский А. Ю., Колмогорова А. В., Козачина А. В., Конкка О., Косов В., Паласиос Гонсалес Д., Роль-Аранджелович С., Сакка Каразо М., Снегирева К. В. Дискурс легитимации: язык и политика в эпоху глобальных вызовов. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 216 с.
19. Leeuwen T. van. Legitimation in discourse and communication // Discourse & Communication. 2007. Vol. 1. № 1. P. 91–112. <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
20. Апресян Р. Г. О ценностной составляющей легитимности власти // Политико-философский ежегодник / отв. ред. И. К. Пантин. М.: Институт философии РАН, 2012. Вып. 5. С. 33–48.
21. Chilton P. Analysing political discourse. Theory and practice. London: Routledge, 2004. 241 p.
22. Cap P. Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse // Journal of Pragmatics. 2008. Vol. 40. № 1. P. 17–41. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2007.10.002>
23. Chilton P., Schäffner Ch. Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. 257 p. <https://doi.org/10.1075/dapsac.4>
24. Wiczorek A. E. Legitimation and proximization values in the discourse of historic change // Lodz Papers in Pragmatics. 2008. Vol. 4. № 2. P. 263–275. <https://doi.org/10.2478/v10016-008-0005-3>
25. Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М.: Наука, 1984. 190 с.

original article

Internet Comments as Delegitimization-Driven Discourse (a Case Study of the Fox News Materials on the Political Actions of the U.S. President Joe Biden)

Irina V. Saveleva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-4437-8489>; saviren1973@mail.ru

Received 16 Jul 2021. Accepted after peer review 30 Aug 2021. Accepted for publication 6 Sep 2021.

Abstract: The article introduces delegitimization as a macro-strategy of non-professional political discourse. The author studied comments on the site of the American Fox News to analyze the strategy of rational pessimism chosen by its readers as recipients of political news about the new president of the United States Joe Biden. The delegitimization discourse in the genre of Internet comments to political news proved to combine rational text production, emotional message, and an appeal to universal values. The strategy of rational pessimism manifested itself in the ideologies of the crises of democracy and presidential power. These cognitive-discursive units were actualized by both the broad extralinguistic context, i.e. the current political situation,

and the immediate context, i.e. the publication aimed at discrediting Biden's policy. The commentators' arguments about problems in the sphere of politics, economics, and business determined the interdiscursive nature of communication. While expressing pessimistic moods and negative attitude to the political actions of the U.S. President and the Democratic Party, the commentators appealed to the value categories of personal and state security.

Keywords: political discourse, addressee, communication, strategy, reply, crisis, media

Citation: Saveleva I. V. Internet Comments as Delegitimization-Driven Discourse (a Case Study of the Fox News Materials on the Political Actions of the U.S. President Joe Biden). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 826–836. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-826-836>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-012-00522.

References

1. Levshenko Yu. I. Political discourse in mass media and power legitimization in social-political changes context. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, (3-1): 111–115. (In Russ.)
2. Sheygal E. I. *Semiotics of political discourse*. Dr. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2000, 431. (In Russ.)
3. Kondratyeva O. N., Ignatova Yu. S. Strategies for the mediatization of legal concepts in Russian mass media of XXI century (concept LEGITIMACY). *Nauchnyi dialog*, 2021, (3): 69–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85>
4. Fetzer A., Weizman E. Political discourse as mediated and public discourse. *Journal of Pragmatics*, 2006, 38(2): 143–153.
5. Bozhenkova N. A., Bozhenkova R. K., Bozhenkova A. M. Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, 2017, 15(3): 255–284. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>
6. Golyanskaya V. A., Melnik N. V. Strategies and tactics of political manipulation in the media. *Filologiya i chelovek*, 2019, (3): 29–41. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)3-03)
7. Chudinov A. P. *Political linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2018, 255. (In Russ.)
8. Dankova N. S., Dubrovskaya T. V. Axiology of genres in professional communities on the Internet. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, 38(4): 551–561. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-4-551-561>
9. Yergaliyeva S. Z., Melnik N. V., Zhumabekova B. K., Yergaliyev K. S., Omarov N. R. Personal linguistic parametrization of text generation of the Internet comments. *XLinguae*, 2018, 11(3): 2–15. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.01>
10. Melnik N. V., Saveleva I. V. Intentional profile of an addressee of political discourse (based on the Internet commentaries). *Russian Language Abroad*, 2019, (4): 10–18. (In Russ.)
11. Golev N. D., Kim L. G., Saveleva I. V. Variability of news interpretation in political discourse (a case study of the Internet materials covering the 2014 and 2018 Winter Olympic Games). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2021, 14(4): 568–583. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0743>
12. Van Dijk T. A. Discourse – Cognition – Society: Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse. *Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis*, eds. Hart C., Cap P. London: Bloomsbury, 2014, 121–146.
13. Van Dijk T. A. *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication*. Moscow: Librokom, 2013, 344. (In Russ.)
14. Fairclough N. The dialectics of discourse. *Textus*, 2001, 14(2): 231–242.
15. Jørgensen M. V., Phillips L. J. *Discourse analysis as theory and method*. Kharkov: Gumanitarnyi vektor, 2008, 352. (In Russ.)
16. Foucault M. *Archeology of knowledge*. Kiev: Nika-Tsentr, 1996, 208. (In Russ.)
17. Mikhaleva O. L. *Political discourse: specifics of manipulative influence*. Moscow: LIBROKOM, 2009, 256. (In Russ.)
18. Gribacheva N. V., Dias D., Dorskaia A. A., Dorskii A. Iu., Kolmogorova A. V., Kozatchina A. V., Konkka O., Kossov V., Palacios González D., Rol-Arandjelovic S., Saqqa Carazo M., Snegireva Ch. V. *The discourse of legitimation: language and politics in the era of global challenges*. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2019, 216. (In Russ.)
19. Leeuwen T. van. Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, 2007, 1(1): 91–112. <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>

20. Apressyan R. G. On the value component of the legitimacy of power. *Political and philosophical yearbook*, ed. Pantin I. K. Moscow: Institut filosofii RAN, 2012, iss. 5, 33–48. (In Russ.)
21. Chilton P. *Analysing political discourse. Theory and practice*. London: Routledge, 2004, 241.
22. Cap P. Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse. *Journal of Pragmatics*, 2008, 40(1): 17–41. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2007.10.002>
23. Chilton P., Schäffner Ch. *Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002, 257. <https://doi.org/10.1075/dapsac.4>
24. Wieczorek A. E. Legitimation and proximation values in the discourse of historic change. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2008, 4(2): 263–275. <https://doi.org/10.2478/v10016-008-0005-3>
25. Mishin A. A. *The principle of separation of powers in the U.S. constitutional mechanism*. Moscow: Nauka, 1984, 190. (In Russ.)

оригинальная статья

Имиджевые тактики в публичных выступлениях руководителя региона

Артур Владимирович Чепкасов

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-3990-3819>; chepkasoff@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2021. Принята после рецензирования 20.07.2021. Принята в печать 26.07.2021.

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования имиджа региона в политическом дискурсе экс-губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. В частности, рассматривается классификация коммуникативных (речевых) стратегий и тактик, выделенная О. С. Иссерс, и проводится анализ речей политика с опорой на эту классификацию. Рассмотренный в статье материал показывает, что реализуемые в речах стратегии наделены суггестивным потенциалом, связанным с изменением шкалы ценностей, модели мира адресата, и направлены как на улучшение имиджа территории, так и на выдвижение политической фигуры, которая играет непосредственную роль в имиджевой региональной политике. В устных выступлениях экс-губернатора активно используется эмоционально-окрашенная лексика, которая практически отсутствует в письменных текстах, составленных для устного исполнения. Экспрессивность в рамках публичного дискурса становится атрибутом прежде всего устной речи спикера. Публичному дискурсу экс-губернатора Кемеровской области присущи тактические приемы, свойственные риторическому поведению политика. Это приводит к предпочтительному выбору тактик, обладающих повышенной информативностью и побудительностью – тактик передачи сведений о позитивном развитии региона (22 %), агитации (15 %), обращения к историческим фактам (12 %), что объясняется установкой на позиционирование области как динамично развивающейся, перспективной и социально благополучной территории. Использование ситуативно маркированных тактик подчинено нескольким стратегическим линиям коммуникативного поведения губернатора: с одной стороны, представить адресату успехи региона, с другой – продемонстрировать близость аудитории, уважение к человеку труда, заботу о земляках.

Ключевые слова: имидж, образ региона, коммуникативная (речевая) стратегия, речевая тактика, коммуникативная тактика, речевой прием, политическая коммуникация, политический дискурс, суггестия, территория

Цитирование: Чепкасов А. В. Имиджевые тактики в публичных выступлениях руководителя региона // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 837–846. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-837-846>

Введение

Настоящая статья является продолжением исследования, предпринятого автором в изучении публичного дискурса регионального лидера в аспекте формирования и отражения имиджа отдельного региона [1]. Данный подход позволяет рассматривать имидж территории через публичную активность руководителя региона, что соответствует тенденциям современного изучения маркетинговых пиар-технологий, свойств и практик речевого воздействия [2–6], с одной стороны, и соотносится с актуальными исследованиями брендинга территорий [7], с другой.

Мы исходим из понимания речевой публичной деятельности политика как одного из инструментов конструирования имиджа региона. В качестве научной гипотезы исследования можно рассматривать утверждение о том, что важнейшая коммуникативная стратегия регионального лидера заключается в создании идеального (желаемого) имиджа региона. Этот имидж политик создает в том числе своими публичными выступлениями, используя определенный арсенал речевых воздействий на адресата.

Так региональный лидер реализует речевыми средствами свою персуазивную стратегию.

В публичных речах руководителя региона создается некий виртуальный облик территории. Выявить наиболее частотные и эффективные коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия губернатора региона – основной предмет исследования в данной статье.

Материал исследования – рукописи и видеозаписи публичных выступлений экс-губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева¹.

Основные подходы к понятию имидж региона

Современный политик обладает достаточным арсеналом средств и методов ведения своей профессиональной деятельности. Среди ресурсов его влияния одно из главных мест занимает имидж. Понятие *имидж* сегодня – одно из наиболее исследуемых в разных отраслях науки. Зачастую оно становится ключевым термином в работах по территориальному маркетингу, локус-брендингу, политической

¹ Анализируемые рукописи и видеозаписи публичных выступлений экс-губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева хранятся в архиве Правительства Кузбасса, в открытых источниках и в личном архиве автора статьи.

коммуникации, PR-технологиям, а в более широком контексте рассматривается в философии, экономике, психологии, социологии, лингвистике и других науках. При этом зачастую понятие *имидж* рассматривают в тесной связке с понятиями образ, бренд, репутация и другими явлениями политического PR и территориального брендинга.

Огромное разнообразие подходов к понятию *имидж* обеспечивает разность трактовок и отсутствие терминологической определенности и четкости. На это обращает внимание А. А. Гравер: «вместе с ажиотажем на исследование имиджа страны пришли новые методологические и гносеологические научные вызовы, ответы на которые, несмотря на научную моду, оказались весьма ограниченными, что не могло не сказаться негативно на структуризации исследовательских подходов и, как следствие, эффективности использования достигнутых результатов» [8, с. 29].

Вместе с тем в отечественной науке представлено множество успешных попыток системно описать явление имиджа, достаточно назвать работы И. Я. Рожкова, В. Г. Кисмерешкина [9; 10] и Т. В. Сачук [11]. А некоторая неопределенность этого понятия, очевидно, связана с его междисциплинарностью и относительной новизной. При этом первоначально оно использовалось больше для практического применения, а уж затем последовало теоретическое осмысление.

В этом смысле представляется важным, прежде всего, рассмотреть дефиницию понятия *имидж*. Имидж – явление разностороннее и имеющее множество векторов в понимании и трактовке. Одной из наиболее частотных является попытка определить имидж через образ чего-либо, получивший оценку, закрепленную в сознании, психике, мнении человека или группы людей. А. Ю. Панасюк приводит такое определение: «Имидж объекта – это мнение об объекте, возникшее в психике определенной или неопределенной группы людей на основе образа, сформированного в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – на основе восприятия уже оцененного кем-то образа (на основе восприятия мнения), сформированного в психике других людей» [12].

Важным является понимание имиджа как образа, связанного с личным опытом адресата и опосредованного через публикации в СМИ, публичные выступления лидеров общественного мнения, слухи и другие каналы коммуникации [13].

Принципиальным для нас является утверждение о безусловной конструируемости и моделируемости имиджа как способа воздействия на массовое сознание. Мы согласны

с Н. А. Андриановой, которая пишет: «Имидж как результат сознательного, целенаправленного создания представления об объекте является эффективным инструментом социально-политического взаимодействия» [14, с. 2].

При этом представляется очевидным, что имидж – феномен ментального характера, формирование его осуществляется по преимуществу за счет вербальных средств. Имиджирование направлено на гармонизацию ментальных черт, проявляющихся в духовно-нравственной и субъектно-личностной сущности человека. В качестве важных условий создания привлекательного профессионального имиджа лидера К. В. Киуру выделяет способность воздействовать на людей и заряжать энергией, внешность, риторический дар и способность к коммуникации, умение вызвать состояние комфорта при восприятии, реализацию имиджа сильного человека [15].

Таким образом, имидж формируется в ходе публичной коммуникации как результат взаимодействия различных социальных групп и самого лидера, который концентрирует социальные ожидания и находит продуктивные формы их выражения. Лидер должен учитывать, что нравится людям, перед которыми он выступает, должен оперативно реагировать на ожидания и запросы людей, предлагать различные варианты решения актуальных проблем, обосновывать свою точку зрения. Когда оратор улавливает настроение и самочувствие аудитории, говорит о том, что их волнует, это вызывает у реципиентов интерес. Если же речь идет о лидере, представляющем регион, то ведущей особенностью такого политика становится его способность формировать имидж управляемой им территории. Иными словами, во время выступления перед аудиторией региональный лидер должен прибегать к различным тактикам и стратегиям, способствующим как формированию его имиджа, так и имиджа территории, которой он руководит.

Коммуникативные стратегии и тактики в публичном дискурсе политика

Для определения круга тактик и стратегий, которые используются в речах экс-губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева, были проанализированы тексты выступлений, подготовленных спичрайтером и произнесенных губернатором в 2010–2015 гг. Речи связаны с различными поводами и, следовательно, имеют неоднородный тематический и жанровый состав (в тексте данной статьи выступления экс-губернатора обозначены в соответствии с их формой и / или содержанием: Встреча с «Горноспасателем»²; Бюджетное послание 2012³; Селектор-пожары⁴; День шахтера⁵;

² Выступление на встрече с работниками ООО «СНПО "Горноспасатель"». 26.11.2010.

³ Бюджетное послание Законодательному собранию Кемеровской области 2012 года. 16.11.2012.

⁴ Выступление на селекторном совещании, посвященном ситуации с пожарами. 13.08.2010.

⁵ Выступление по поводу Дня шахтера. 28.08.2015.

Спектакль МХТ им. А. П. Чехова⁶; Реконструкция КМК⁷; День работников культуры⁸).

Анализируемые тексты относятся к сфере политической коммуникации. Реализуемые в них стратегии наделены суггестивным потенциалом, связанным с изменением шкалы ценностей, модели мира адресата, и направлены как на улучшение имиджа территории, так и на выдвижение политической фигуры, которая играет непосредственную роль в имиджевой региональной политике.

Стоит отметить, что общий взгляд на классификацию коммуникативных стратегий представлен в работе О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» [16]. С точки зрения ученого, возможно выделение основных (семантических, или когнитивных) и вспомогательных стратегий. К основным относятся такие стратегии, которые, во-первых, непосредственно связаны с воздействием на адресата, а во-вторых, являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей говорящего на данном этапе коммуникативного взаимодействия. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия и созданию оптимальных условий воздействия на адресата. Среди них автор называет прагматические (построение имиджа оратора и формирование эмоционального настроя), диалоговые (контроль над темой и контроль над инициативой), а также риторические (привлечение / отвлечение внимания и драматизация) стратегии [16, с. 106–108]. В основе предложенной исследователем классификации лежит понимание того факта, что достижение максимального коммуникативного эффекта возможно лишь при условии комплексного учета всех аспектов речевого взаимодействия. Коль скоро коммуникативные стратегии реализуются не в изоляции от внешнего мира, а в рамках более сложных ситуаций и социальных контекстов, для достижения глобальной коммуникативной цели говорящему необходимо планировать свое речевое поведение с учетом разнообразных условий, часто не имеющих непосредственного отношения к его намерениям.

Функционирующие в лингвистическом дискурсе определения термина *коммуникативная (речевая) стратегия* демонстрируют единство исследователей в отношении интерпретации данного понятия. Не вызывает сомнения, что речевая стратегия носит комплексный характер и реализуется посредством более мелких и более «речевых» единиц – тактик. По справедливому замечанию О. С. Иссерс, «именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц – по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [16, с. 20]. Если стратегия рассматривается как речеповеденческая модель, базирующаяся на прогнозах относительно конечного

результата коммуникации, то тактика соотносится с совокупностью способов, средств и приемов достижения этого результата, а также с их распределением в композиционном пространстве речевого высказывания. Иными словами, определенный набор тактик есть пошаговая реализация избранной стратегии коммуникации.

Е. В. Ключев определяет коммуникативную тактику как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [17, с. 19], А. П. Сквородников – как «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии» [18, с. 6]. В. П. Зернецкий трактует интересующее нас понятие как «гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого взаимодействия» [19, с. 39].

Представленные определения квалифицируют коммуникативную тактику как относительно обособленное речевое действие, соотносимое с некоторой задачей коммуникации, работающей на достижение общей стратегической цели.

В свою очередь, тактика не может считаться минимальной, неразложимой единицей речевого продуцирования – как и стратегия, она содержит в себе совокупность составных элементов, которые репрезентируют ее с помощью вполне определенных языковых средств. За такими составными элементами закрепилось наименование коммуникативных ходов. Важнейшим признаком коммуникативного хода является его непосредственная соотнесенность с языковыми ресурсами (фонетическими, лексическими, грамматическими), речевыми приемами, стилистическими и риторическими фигурами, – со всем тем, что является предметом анализа традиционной лингвистики и риторики.

Рассмотрение политического дискурса А. Г. Тулеева указывает на то, что семантическая связность политического пространства достигается во многом за счет его мифологизации. Установка на мифологизацию политического пространства характеризуется использованием определенной совокупности идеологем, т. е. языковых единиц, знание которых является существенным для характеристики политика в сознании целевой аудитории, например, *народ, партия, власть, Родина, патриотизм, честность, порядочность, достоинство, благополучие, державность* и др. [20]. Поэтому модель речевого поведения А. Г. Тулеева можно квалифицировать как реализацию роли Державника: *В связи с этим еще раз хочу поблагодарить всех заводчан. «Горноспасатель» малое предприятие. Численность-то небольшая – 60 человек, но насколько нашими людьми гордиться можно. <...> Второе, я хотел поблагодарить, конечно, за государственность,*

⁶ Речь о спектакле «Пролетный гусь» МХТ им. А. П. Чехова. 02.12.2011.

⁷ Выступление в связи с первым этапом реконструкции Новокузнецкого металлургического комбината. 28.10.2010.

⁸ Выступление, приуроченное ко Дню работников культуры. 28.03.2011.

за державность, за понимание. Задачи, которые перед вами поставлены, были решены (Встреча с «Горноспасателем»). Как показывает пример, губернатор стремится отметить в людях черты, соответствующие его личным предпочтениям. Здесь реализуется тактика благодарности, обеспеченная положительной коннотацией лексем *державность, государственность*. Данная тактика является относительно частотной в речах губернатора и реализуется в отношении лиц, связанных с политической, хозяйственной, служебной деятельностью.

Тактика благодарности является показателем расположения губернатора, что отличает ее от тактики похвалы, где основной целью является положительная оценка отдельного субъекта: *Добрый пример – Федяев Павел Михайлович, вице-президент «Сибирского делового Союза»*. Он постоянно держит «нос по ветру», чувствует настроение людей. Поэтому стал строить малогабаритные однокомнатные квартиры – для молодых Семей. И цены установил – приемлемые! В результате – еще не успел дом построить, а все квартиры – уже раскуплены, как горячие пирожки (Бюджетное послание 2012). Как показывает пример, для реализации тактики похвалы используются языковые элементы, содержащие в своем значении семантический компонент положительной оценки: качественные прилагательные (*добрый <пример>*), фразеологизованные обороты (*держит «нос по ветру»*; *раскуплены, как горячие пирожки*).

Стоит особо отметить, что в публичных выступлениях губернатора на экономические, культурные, социальные темы частотно использование устойчивых оборотов, придающих речи оратора экспрессивность, нейтрализующих элемент официальности. Примером тому служит фрагмент из выступления, посвященного спектаклю МХТ им. А. П. Чехова: *Не спорю, лично мне смотреть спектакль было тяжело, до сих пор просто сердце щемит, давно не испытывал в театре такого чувства* (Спектакль МХТ им. А. П. Чехова). Данный пример показывает, что тактика апелляции к чувствам, демонстрирующая впечатлительность и культурный вкус губернатора, реализуется посредством использования оборота *сердце щемит*, имеющего в своем значении семантический компонент эмотивности.

Кроме того, фразеологические обороты, а также их трансформированные аналоги в речи губернатора обладают повышенным эмоционально-экспрессивным фоном, наделены суггестивным потенциалом, обслуживающим тактику дискредитации, благодаря чему публичное порицание какого-либо лица (например, недобросовестных руководителей) приобретает ироническую окраску, наделается чертами разговорности: *А многие просто не выполняли предписаний. <...> Сколько телеграмм мы посылали. Что только не посылали? Вот если телеграмма, я ее стараюсь сделать настолько балалаечным языком, чтобы с тремья извилинами было понятно, что от тебя нужно* (Селектор-

пожары); Их надо учить, обучить, что **ЖИ-ШИ пиши через И** (Селектор-пожары); Вы знаете, что Ваших коллег в Забайкальском крае – 8 человек – привлекли к уголовной ответственности за то, что занимались не делом, а приписками. <...> Все твои коллеги сидят рядом с Ходорковским и шьют варежки. <...> **От сумы и от тюрьмы никто не уберется**⁹ (Селектор-пожары).

В выступлении, посвященном празднованию Дня шахтера, применяются тактики, направленные на объединение с адресатом речи. Тактики интимизации [21; 22] направлены «на снижение официальности общения и создание атмосферы непринужденности с помощью определенных средств и лексики» [23, с. 146]. Эффективность данных тактик в рамках политического дискурса, пронизанного гражданскими мотивами и общественно-политической идеологией, обусловлена уравниванием ценностных ориентаций субъекта и объекта политической деятельности. Субъект высказывания в этой ситуации оказывается не только политическим лидером, но и человеком с понятными для адресата жизненными установками и потребностями, что обеспечивает его доверием со стороны аудитории.

Так, выражению установки на объединение с адресатом способствует тактика благодарности. Уважение губернатора к шахтерам и их труду передается посредством этикетной формулы, подчеркивающей особую торжественность момента и указывающей на ведущую роль рабочего класса в истории Кузбасса: *Низкий поклон всем, кто причастен к горняцкой работе, и, конечно, нашим дорогим ветеранам, кто самоотверженно в тяжелейших условиях построил угольный Кузбасс!* (День шахтера). Кроме того, в данной речи встречается еще одна тактика инклюзивной направленности, обеспечивающая установку на объединение с аудиторией, – тактика пожелания: *Крепкого всем здоровья, семейного достатка, безопасных забоев, легких и богатых пластов и, конечно, горняцкой удачи! И по традиции: чтобы выходы на-гора равнялись спускам в шахту. Берегите себя!* (День шахтера). Как показывает данный фрагмент, формула пожелания демонстрирует близость оратора шахтерским традициям, понимание специфики и сложности горняцкого труда.

В речах А. Г. Тулеева используются в большом количестве статистические данные, которые свидетельствуют о проделанной в регионе работе. Статистика – это своего рода отчет перед народом, поэтому закономерно ее применение для формирования имиджа территории. Через статистические данные осуществляется суггестивное воздействие на сознание и подсознание людей. Тактика обращения к статистическим данным служит надежным средством для демонстрации успехов региона, выступает аргументом в пользу проводимого властями курса.

Наиболее эффективно статистические данные используются для демонстрации экономических и социальных

⁹ Вместо – от сумы и от тюрьмы не зарекаются.

достижений в области региональной политики. В приводимом далее фрагменте статистические показатели создают представление о значительном росте экономики Кузбасса; не случайно промышленный феномен Кузбасса назван в выступлении экономическим чудом: Разные периоды были в развитии угольной отрасли России и Кузбасса. За последние 10 лет мы, по сути, осуществили в российской угольной промышленности настоящее «экономическое чудо». Привлекли 382 млрд рублей инвестиций. Построили 55 новых, современных предприятий. На угольных предприятиях области создано почти 23 тысячи новых рабочих мест, зарплата шахтеров увеличилась почти в 5,5 раза и составляет 34,7 тыс. руб. Производительность труда выросла в 1,6 раза! (День шахтера).

Также успешно посредством количественных показателей освещается социальная направленность региональной политики, проводимой руководством Кузбасса: Уже более десяти лет у нас реализуется мощная продуманная СИСТЕМА социальной поддержки работников культуры, талантливых детей и молодежи. Разного рода доплаты, надбавки. <...> Всем этим надо пользоваться. Самая главная льгота у нас – это молодые семьи, это жилье. И вот надо найти деньги, сейчас нужно давать. Будем давать кредиты и даем под 0 %, без всяких взносов, под 0 %, на 20 лет. Много уже получили, будем продолжать дальше. Несмотря вот на непростую финансовую ситуацию, да, финансы, как всегда поют романсы, мы не только сохраняем прежние льготы, но вводим новые. Я хочу напомнить вам, что с 1 января этого года ежемесячные пособия в размере 5 тысяч рублей [получают] вдовы членов творческих союзов Кузбасса, имеющих звание «Народный», «Заслуженный». С 1 января года – мы учредили 20 Губернаторских ПРЕМИЙ по 20 тысяч рублей лучшим актерам – за творческие достижения. 10 Губернаторских СТИПЕНДИЙ имени Бориса Тимофеевича Штоколова в размере пока 3 тысячи рублей ежемесячно будут получать лучшие молодые вокалисты в возрасте до 30 лет (День работников культуры).

Вместе с тем обстоятельство, с которой преподносится числовая информация, указывает на использование приема (по существу – тактики) градации как коммуникативно-семиотического средства для представления тенденций позитивного изменения – в частности, тенденций развития региона (о градации как тактике см. [24]). За счет данной тактики фокус внимания переносится на актуальное состояние изображаемого предмета, что в рассматриваемых далее случаях находит выражение в употреблении глаголов настоящего времени, наречия *сегодня*, неполных и односоставных предложений с экзистенциальным значением: *Сегодня Кузбасс по-прежнему остается крупнейшим угледобывающим регионом нашей страны. Мы не только полностью удовлетворяем все внутренние потребности российской экономики в угле, но и обеспечиваем высокий уровень его экспорта. Благодаря Кузбассу Россия является третьей страной в мире по объему экспорта угля (День шахтера); И вот сегодня,*

на момент встречи с вами, в области 2100 государственных муниципальных учреждений культуры, искусства и кино, 718 библиотек. 17 млн экземпляров книг – каких, вы видели, вот сейчас, вот здесь, когда заходили – посмотрели какие книги. Действуют 7 профессиональных театров и Филармония. В целом в сфере культуры трудятся 17600 наших земляков, 278 человек имеют звание «Почетные», «Заслуженные», «Народные» работники культуры РФ. Четверо – лауреаты престижной премии Правительства РФ «Душа России». Творческие союзы художников, писателей, композиторов (День работников культуры).

Анализируемые материалы являются частью политического дискурса, поэтому имеют манипулятивно-суггестирующую природу. Иными словами, практически любой текст политика имплицитно или эксплицитно ориентирует адресата в выборе желаемой модели поведения или предлагаемого взгляда на происходящее, что в наиболее концентрированном виде осуществляется через тактику агитации (волеизъявления), которая реализуется либо посредством модальных глаголов и конструкций с модальным значением: **Нужно** искать пути максимального использования потенциала угольной отрасли на месте. Развивать глубокую переработку угля и продавать продукт с высокой добавленной стоимостью (День шахтера); Но многое, очень многое, зависит от вас самих. Поэтому **надо** все-таки учиться качественно, эффективно работать, зарабатывать деньги сейчас **можно, экономить**, инвесторов **привлекать** в полном смысле этого слова. А самое главное **вот формировать** культурный имидж Кузбасса (День работников культуры); либо с помощью побудительных пассажей: **Ну посмотрите, посмотрите**, как тяжело идут вот эти идиотские споры по ящику нашему, что русский язык – вот изучать не надо, это не основное там, грамотным быть не надо, родную литературу знать не надо. Ну маразм! Смотришь: маразм полнейший (День работников культуры). Кроме того, усилению манипуляторного воздействия способствует использование эмоционально-окрашенной лексики, функционально маркированных единиц. Их привлечение к реализации агитационной тактики связано с:

1) расстановкой авторитетным лицом оценочных акцентов (что хорошо, а что плохо): ... *идут вот эти идиотские споры по ящику нашему, что русский язык вот изучать не надо... Ну маразм! Смотришь: маразм полнейший* (День работников культуры);

2) сокращением дистанции между говорящим и слушающим: *Когда мы говорим, про жилье, и когда нас слушает молодежь, молодые семьи, у них не должно быть раздражения. И особенно когда идет эта **трепотня** про доступное комфортное, это вообще страшно. Никакое оно не доступное и не комфортное для многих* (Бюджетное послание 2012).

Инкрустирование речи эмоционально и экспрессивно окрашенными словами и оборотами, зачастую носящими разговорный, просторечный характер, сопровождается использованием риторических вопросов, образных

сравнений и других средств выразительности: *И если придет пожарная машина, то воды набрать практически невозможно. (Ну проехал, дальше то что? Чем тушить то? Слюной что ли?)* (Селектор-пожары).

Наиболее часто используются такие тактические приемы, как риторический вопрос, риторическое восклицание, обороты с непрямым значением (метафоры, фразеологизмы), средства синтаксического параллелизма и мн. др. В выступлениях А. Г. Тулеева часто задаваемый объективирующий вопрос *Почему?* является определенным словом-маркером, указывающим на продолжение в развитии темы выступления: *Открыли новый завод по производству Рапсового масла. ПОЧЕМУ? Во всем мире считается, что это – витамин из витаминов, профилактика сердечно-сосудистых. Кстати, нормальное масло (Бюджетное послание 2012); Мы решили серьезную проблему в этом году. Дальше развивать уже область было невозможно. ПОЧЕМУ? Для того чтобы развивать промышленные предприятия, строить новые заводы, фабрики, или строить жилье – нужна электроэнергия. А мы столкнулись с тем, что у нас электроэнергии нет, нет. Для того чтобы Кузбасс развивался нормально, нам нужно производить 34 млрд киловатт часов электроэнергии в год. А мы с вами вырабатываем 27. Вот и встал вопрос, что делать-то дальше. Строиться нельзя, заводы нельзя построить, энергии нет. Та электроэнергия, которая есть, сети, обветшавшая* (Бюджетное послание 2012).

Таким образом, использование в речи риторических приемов, связанных с усилением экспрессивности, приданием выступлению диалогичности, определяется тактикой агитации как способом изменения ценностных установок аудитории в отношении действий исполнительной власти и положения дел в Кузбассе.

Активное использование в выступлениях эмоционально-окрашенной лексики прослеживается прежде всего в устных выступлениях губернатора и практически отсутствует в письменных текстах, составленных для устного исполнения. Это свидетельствует о том, что экспрессивность в рамках анализируемого дискурса является атрибутом устной речи самого исполнителя. Например: *Считаю, что нельзя все списывать только на жару, хотя она действительно аномальная. <...> Убежден, одной из главных причин пожаров является человеческий фактор... (Ну, с нашей стороны было бы идиотизмом просто говорить: аномалия и все. Ну и что, что жара? Главное ведь не в ней. Главное все равно в людях)* (Селектор-пожары). В данном фрагменте наблюдается употребление кратких, по сравнению с письменной речью, разговорных синтаксических конструкций, частиц *ну, ну и*, «непротокольного» выражения *идиотизм*, вопроса, реализующего установку оратора на диалог с аудиторией (*Ну и что, что жара?*).

Особое место в выступлениях губернатора занимает тактика цитирования. Она особенно популярна в раскрытии культурно-исторического субимиджа региона. Для демонстрации данного субимиджа губернатор прибегает к приему

цитирования известных личностей. Например: *Дорогие друзья! Легендарный русский режиссер 20 века сказал: Театр обладает великой силой: – учит зрителя видеть прекрасное, слышать возвышенное, понимать умное, чувствовать глубокое. Надеюсь, мы еще не раз увидим великолепную игру творческого коллектива МХТ имени Чехова (Спектакль МХТ им. А. П. Чехова); Многие из вас знают, что известный русский писатель Иван Сергеевич Шмелев однажды сказал: «Культура – это НЕЗЫБЛЕМЫЙ МОСТ, который СОЕДИНЯЕТ времена и поколения, это РАДУГА на небосклоне нашего Мироздания, которая объединяет ДУШИ ЛЮДЕЙ, это великий ДАР ВСЕВЫШНЕГО, который нравственно и духовно преобразует Личность. Именно КУЛЬТУРА – формирует НАЦИЮ, делает из человека ГРАЖДАНИНА, а из людей – НАРОД». Вот лучшее этого в любое время, в любой век, конечно, не скажешь. И здесь глубочайший смысл, а вот обидно, что многие люди, к сожалению, до конца этого ну не осознают, что значит для нас вот своя национальная самобытная российская культура (День работников культуры).* В таких случаях А. Г. Тулеев апеллирует к прецедентным высказываниям, которые придают его речи убедительность, приуроченность к соответствующему коммуникативному событию, представляют народу культурно просвещенного руководителя. Приводимые цитаты непосредственно касаются сферы искусства и театра, создают определенный эмоциональный настрой у адресата. Особенностью данной тактики является ее ограниченное использование: ее тесная связь с реализацией именно культурного имиджа региона.

Ярким проявлением языковой личности губернатора можно считать тактику обращения к историческим фактам, т. е. отступления, связанные с прошлым Кузбасса, что эмоционально усиливает аргументацию, делает текст личностно окрашенным, а главное – придает убедительность, правдивость и достоверность сказанному: *Сегодня мы завершили первый этап реконструкции рельсо-балочного цеха. Вы знаете, что это старейшее предприятие легендарного КМК, первые рельсы прокатали в 1933 году, за эти годы дали 40 млн т рельс. Это примерно можно обернуть земной шар 15,5 раз. Вот столько за это время выдали железнодорожные хлевицы. Были тяжелые страницы, вы помните 90-е годы, когда речь шла о ликвидации КМК, потом был кризис 2008–2009 года, когда спрос упал и рельсы никому не нужны были и цены упали в десятки раз. Мы с вами все это прошли вместе. Поэтому сегодня, самое главное, за счет вашего труда, ума, таланта мы выходим на докризисный уровень производства стали, то есть это примерно 1,5 млн т в год (Реконструкция КМК); Вы помните, 12 лет назад мы сидели на рельсах, угольная отрасль была дотационная, убыточная и разорительная. И вот вышли на этот уровень: рентабельный, созидательный. И уже вкладываем по 10 долларов в тонну инвестиций* (Бюджетное послание 2012). В последнем примере есть отсылка к известному историческому событию (забастовкам шахтеров конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.), ставшему основой

стереотипного восприятия Кузбасса на долгие годы. Благодаря взаимодействию данной тактики с тактикой градации образ Кузбасса приобретает большую привлекательность: теперь Кемеровская область – это край с рентабельным производством, экономически стабильный регион. Кроме того, данная тактика, чтобы иметь повышенную содержательность, весомость, соединяется с тактическим приемом приведения статистических данных.

Также здесь присутствует тактика диалогизации, описанная в работах Н. Н. Кохтева [25], С. П. Хорошиловой [26]. Эта тактика является немаловажной частной тактикой в рамках суггестивной макростратегии. Отметим, что С. П. Хорошилова разделяет языковые приемы диалогизации на внешние и внутренние. К внешним исследователь относит использование местоимения *мы*, обращений, вопросно-ответных единств, вводных конструкций, форм повелительного наклонения (директивов) [26, с. 131]. Средства внутренней диалогизации определяются автором как эмоциональные сигналы, которые не связаны с основным содержанием и композицией речевого высказывания, однако способны привлекать внимание слушателей на основании эмоционально-экспрессивного потенциала соответствующих языковых форм. К таким средствам относятся яркие образные метафоры, сравнения, риторические вопросы и восклицания, лексические и фразовые повторы [26, с. 132].

Тесную связь с тактикой обращения к историческим фактам имеет тактика приведения примера, характеризующая экономический и социальный имидж региона. Тактика приведения примера зачастую сопровождается и другими тактиками, например, тактикой дискредитации: *Неправильная это позиция. Я считаю, она страшная. Понимаете, потому что вы людей ни во что не ставите. Но если б у Калимуллина или у Торопова жил там сынок, или тецза, или сват или брат – ни хрена, вы бы все сделали! У вас дорога была бы бриллиантовая, я уверен. А здесь что там: ну живут и живут... Вот от этого все и происходит: от хамского отношения, нелюбви к людям. Я по-другому назвать не могу, потому что я не верю, что эту проблему нельзя решить, не верю (Селектор-пожары); или поощрения: Вот смотрите просто один пример беру, начальник управления Куликова Любовь Ивановна – Мариинский район. Вот от личности сколько зависит, ведь мощный брэнд раскрутила, мощный «Мариинск исторический». И вот в результате в 2010 году они там сделали музей, и я ей помогал. Там много таких памятников, которые действительно вот заслуживают внимания всех. И вот один музей-заповедник Мариинский привлек в город и район за год 40 тысяч туристов, 40 тысяч спонсоров вложили свои деньги, 400 тысяч вернее. Заработали, ну мало – 300 тысяч рублей, но все равно это один человек в Мариинском районе закрутил, привлек. А если все это раскрутить дальше. Они стали победителями 25-ти престижных Всероссийских конкурсов, фестивалей. Вот отношение должно быть такое, отношение, как у них.*

Кстати, мы подводили и подвели итоги областного конкурса на лучшее учреждение и управление культуры. И вот сегодня, на нашем приеме победители получают сертификат на сумму 1 млн рублей (День работников культуры).

Политический лидер в своих речах неоднократно отмечает значимость коллективных заслуг в развитии региона и, соответственно, в формировании положительного имиджа, поэтому, представляя территорию, он прибегает к тактике обращения к «своему кругу». Данная тактика маркируется посредством личных и притяжательных местоимений со значением инклюзивности (*мы, нас, наши, нашими*), сопровождает реализацию всех региональных субимиджей, что свидетельствует о ее эффективном суггестивном потенциале для передачи представления о единстве власти и народа (жителей Кузбасса). Примеры: *Вы знаете, что у нас край-то особенный, уголь-то уголь, но и тюрем много и много людей погибло. И сейчас, к сожалению, их много, и сидят далеко не декабристы. Все равно это наши Кузбассовцы. И надо помнить, кто строил. А все дороги на костях, в том же Таштаголе. И мы обязаны в память о них сделать музеи, в память этих людей, которые погибли во время репрессий (День работников культуры); Сказали меньше людей будет под землей. Зарплата будет достойная, безопасность будет осознанной. И в связи с этим еще раз хочу поблагодарить всех заводчан. «Горноспасатель» малое предприятие. Численность небольшая – 60 человек, но насколько нашими людьми гордиться можно (Встреча с «Горноспасателем»).*

Заключение

Публичные выступления экс-губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева представляют собой тексты, транслирующие преимущественно на внутреннюю аудиторию имидж территории, моделируемый на основе управленческих задач региональной власти. Данный тип речевого поведения регионального лидера стратегически направлен на изменение рационально-эмоционального отношения аудитории к предмету речевого воздействия.

В публичном дискурсе губернатора Кемеровской области используются, в первую очередь, тактические приемы и тактики с повышенной суггестией – тактики передачи сведений о позитивном развитии региона (22 %), агитации (15 %), обращения к историческим фактам (12 %).

Выбор остальных тактик – тактики приведения примера (8 %), обращения к «своему кругу» (8 %), приведения статистических данных (7 %), апелляции к испытываемым чувствам (6 %), пожелания (5 %), благодарности (5 %), поощрения (4 %), похвалы (4 %), дискредитации (3 %), цитирования (1 %) – обуславливается в большей степени контекстом отдельного выступления. Их использование подчинено нескольким стратегическим линиям коммуникативного поведения губернатора: с одной стороны, представить адресату успехи региона, с другой – продемонстрировать близость аудитории, уважение к человеку труда, заботу о земляках. В обоих случаях очевиден имиджевый

посыл поведения публичного оратора, поскольку не только достижения региона, но и фигура самого губернатора выступают образами, значимыми в том числе и для позитивного восприятия территории.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Чепкасов А. В. Средства массовой информации и публичный дискурс регионального лидера как инструменты формирования имиджа региона (на примере Кемеровской области): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 433 с.
2. Панкрухин А. П. Территориальный маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом. 1999. № 5. С. 21–22.
3. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2006. 411 с.
4. Лапаев С. П. Использование регионального маркетинга для повышения конкурентоспособности Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 7. С. 93–95.
5. Титков А. С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 61–75.
6. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / под ред. М. Макфолла, А. Рябова. М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.
7. Паршин П. Б. Территория как бренд. Маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М.: МГИМО-Университет, 2015. 195 с.
8. Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направление исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 29–45.
9. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи: страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. М.: РИП-холдинг, 2006. 255 с.
10. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. М.: РИПОЛ классик, 2008. 366 с.
11. Сачук Т. В. Территориальный маркетинг. СПб.: Питер, 2009. 368 с.
12. Панасюк А. Ю. Имидж: определение центрального понятия имиджологии: доклад на открытом заседании президиума Академии имиджологии 26.03.2004. Режим доступа: <http://imageology.ru/content/view/19/39/> (дата обращения: 20.09.2017).
13. Важенина И. С. Имидж как конкурентный ресурс территории // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 47–64.
14. Андрианова Н. А. Имидж и стратегии инновационного развития региона: политико-технологический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2009. 26 с.
15. Киуру К. В. Дискурс – исследование харизматичности политика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 8. С. 122–126.
16. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
17. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 320 с.
18. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика / отв. ред. Э. М. Береговская. Смоленск: СГПУ, 2004. Вып. 5. С. 5–11.
19. Зернецкий В. П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: процессы и единицы, отв. ред. И. П. Сусов. Калинин: КГУ, 1988. С. 36–41.
20. Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.
21. Бабич Н. Г. Диалогизация и интимизация как средства создания персуазивности в политическом дискурсе (на материале президентского интервью Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего и Барака Х. Обамы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 6. 97–103.
22. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
23. Максимов В. И. Русский язык и культура речи. М.: Гардарики, 2001. 413 с.
24. Шушарина Г. А. Экспликация ценностей россиян в контексте глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 152–154.
25. Кохтев Н. Н. Ораторская речь: стиль и композиция. М.: Изд-во МГУ, 1992. 175 с.
26. Хорошилова С. П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 11. С. 131–132.

original article

Image Tactics in Public Speeches of the Head of the Region

Artur V. Chepkasov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-3990-3819>; chepkasoff@yandex.ru

Received 7 Jun 2021. Accepted after peer review 20 Jul 2021. Accepted 26 Jul 2021.

Abstract: The article features the way political discourse shapes the image of the region. The research was based on a number of speeches given by A. G. Tuleyev, the ex-governor of the Kemerovo Region. The author used the classification of communicative strategies and tactics developed by O. S. Issers. The strategies demonstrated a strong suggestive potential aimed at changing the values and worldview of the recipient while promoting the image of the territory and its main political figure. The speeches appeared to be quite expressive as they contained a lot of emotional vocabulary, which was almost completely absent from the original written texts. A. G. Tuleyev chose informative and incentive tactics, e.g. focus on the positive development of the region (22 %), campaigning tactics (15 %), and historical references (12 %). The ex-governor pursued several parallel goals, e.g. to describe the region as dynamic, attractive, and prosperous while demonstrating his care about the electorate and showing respect to people of hard labor.

Keyword: image, image of the region, communicative (speech) strategy, speech tactics, communicative tactics, speech reception, political communication, political discourse, suggestion, territory

Citation: Chepkasov A. V. Image Tactics in Public Speeches of the Head of the Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 837–846. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-837-846>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Chepkasov A. V. *Mass media and public discourse of the regional leader as tools for shaping the image of the region (the case of the Kemerovo Region)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2019, 433. (In Russ.)
2. Pankrukhin A. P. Territorial marketing. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 1999, (5): 21–22. (In Russ.)
3. Pankrukhin A. P. *Marketing of territories*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2006, 411. (In Russ.)
4. Lapaev S. P. The use of regional marketing to improve the competitiveness of the Orenburg Region. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, (7): 93–95. (In Russ.)
5. Titkov A. S. The images of regions in Russian mass consciousness. *Polis. Political Studies*, 1999, (3): 61–75. (In Russ.)
6. Turovsky R. F. Regional identity in modern Russia. *Russian Society: the Formation of Democratic Values?*, eds. McFaul M., Riabov A. Moscow: Gendalf, 1999, 87–136. (In Russ.)
7. Parshin P. B. *Territory as a brand. Marketing metaphor, identity, and competition*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2015, 195. (In Russ.)
8. Graver A. A. Look, image and brand of the country: concepts and directions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2012, (3): 29–45. (In Russ.)
9. Rozhkov I. Ya., Kismereshkin V. G. *Brands and images: country, region, city, industry, enterprise, goods, and services*. Moscow: RIP-kholding, 2006, 255. (In Russ.)
10. Rozhkov I. Ya., Kismereshkin V. G. *The image of Russia. Resources. Experience. Priorities*. Moscow: RIPOL klassik, 2008, 366. (In Russ.)
11. Sachuk T. V. *Territorial marketing*. St. Petersburg: Piter, 2009, 368. (In Russ.)
12. Panasyuk A. Yu. Image: definition of the central concept of imageology. *Report at the open meeting of the Presidium of the Academy of Image Studies on 26.03.2004*. Available at: <http://imageology.ru/content/view/19/39/> (accessed 20 Sep 2017). (In Russ.)
13. Vazhenina I. S. Image as a competitive resource of the territory. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2006, (6): 47–64. (In Russ.)
14. Andrianova N. A. *Image and strategies of innovative development of the region: political and technological aspect*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Krasnodar, 2009, 26. (In Russ.)
15. Kiuru K. V. Discourse research of charisma of a politician. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2006, (8): 122–126. (In Russ.)
16. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: Izd-vo LKI, 2008, 288. (In Russ.)
17. Kliuev E. V. *Speech communication: Successful speech interaction*. Moscow: RIPOL Klassik, 2002, 320. (In Russ.)

18. Skovorodnikov A. P. "Rhetorical device" vs. "stylistic figure" vs. "speech tactics" vs. "speech genre" in terminological lexicography. *Rhetoric ↔ Linguistics*, ed. Beregovskaia E. M. Smolensk: SGPU, 2004, iss. 5, 5–11. (In Russ.)
19. Zernetskii V. P. Linguistic aspects of the theory of speech activity. *Language communication: processes and units*, ed. Susov I. P. Kalinin: KGU, 1988, 36–41. (In Russ.)
20. Kupina N. A. *Totalitarian language. Vocabulary and speech responses*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1995, 144. (In Russ.)
21. Babich N. G. Dialogization and intimization as means of persuasion (on the material of presidential interviews given by William J. Clinton, George W. Bush and Barack H. Obamas). *Bulletin of the Moscow State University. Series: Linguistics*, 2012, (6): 97–103. (In Russ.)
22. Sheygal E. I. *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis, 2004, 326. (In Russ.)
23. Maksimov V. I. *Russian language and culture of speech*. Moscow: Gardariki, 2001, 413. (In Russ.)
24. Shusharina G. A. The Russians' values explication in globalization context. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, (1): 152–154. (In Russ.)
25. Kokhtev N. N. *Oratory: style and composition*. Moscow: Izd-vo MGU, 1992, 175. (In Russ.)
26. Khoroshilova S. P. Dialogization of the process of speech effect on the audience. *International journal of experimental education*, 2010, 131–132. (In Russ.)

оригинальная статья

Мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик*

Марина Геннадьевна Юрченко

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, Киргизская Республика, г. Бишкек; <https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>; sidorova.marri@gmail.com

Поступила в редакцию 18.06.2021. Принята после рецензирования 23.07.2021. Принята в печать 26.07.2021.

Аннотация: Проанализированы словарные статьи *учитель*, *ученик*, *учить*, *неуч*, *наука*, представленные в этимологических и толковых словарях русского языка, с целью выявления и описания мотивирующих признаков макроконцепта *учитель / ученик*. Цель – определить и описать мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик* по методологии концептуального анализа структуры ментального образования, предложенной М. В. Пименовой. В статье использованы методы концептуального анализа, описательный и интерпретативный методы. Проанализировано пятнадцать этимологических словарей и дискурсивный материал Национального корпуса русского языка. Выявлено 46 мотивирующих признаков исследуемого макроконцепта, указывающих на долгий период его развития, которые объединены в 13 блоков. 1. Результаты познавательной деятельности: *знания; умения; навыки; взгляды; опыт*. 2. Процесс и результат обучения: *обучать; наставлять; преподавать; внушать; обогащать; приобретать; поучать; научить; изучать; учиться; учебный*. 3. Способы обучения: *наставление; обучение*. 4. Способ запоминания: *твердить; приучаться; привыкнуть; свикнуться*. 5. Участники образовательного процесса: *учитель(ница); ученик(ница); преподаватель, глава учения; обучаемый; наставник; воспитатель(ница); клирик; новоук*. 6. Способ поведения: *обычай*. 7. Приверженность: *почитатель, поклонник, последователь*. 8. Насильственные способы обучения: *бить, наказывать, заставлять*. 9. Наука: *наука; ученый; учение*. 10. Учебные заведения: *школа; училище*. 11. Усилие: *стараться*. 12. Доверие: *доверять*. 13. Учебная деятельность: *обучение; научение; учеба; урок; выучка; учебник; выучиться*. В ходе развития макроконцепта *учитель / ученик* произошло незначительное сужение мотивирующих признаков, сохранивших свою актуальность и ставших понятийными признаками. Из 46 мотивирующих признаков в современной языковой картине мира сохранился 41.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, лингвокультурология, степень актуализации мотивирующего признака, Национальный корпус русского языка

Цитирование: Юрченко М. Г. Мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 847–854. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-847-854>

Введение

В процессе мышления человек оперирует концептами и их образными когнитивными классификаторами (признаками), сформированными на основе перцептивного образа [1, с. 9]. Теоретическую базу исследования составили труды по когнитивной лингвистике Н. Д. Арутюновой [2], А. П. Бабушкина [3], С. Г. Воркачева [4; 5], В. И. Карасика [6], В. В. Колесова [7–10], В. А. Масловой [11–13], М. В. Пименовой [14], Ю. С. Степанова [15; 16]. По определению В. В. Колесова, концепт – «зерно первосмысла, семантический "зародыш" слова – есть диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение непосредственной сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [10, с. 51]. Научные школы, занимающиеся концептуальными исследованиями, по-разному трактуют термин *концепт*. В данной работе мы руководствуемся идеями Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований, а именно научным подходом профессора М. В. Пименовой [17–20].

Цель статьи – определить и описать мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик* по методологии

концептуального анализа структуры ментального образования, предложенной М. В. Пименовой. Вслед за М. В. Пименовой под макроконцептом понимается «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [20, с. 131]. Исследование структуры концепта начинается с изучения мотивирующих признаков. «Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [21, с. 18]. «Внутренняя форма – закон и путь развития, движение, заложенное в слове, динамизм, который отображает динамизм, присущий мысли и деятельности человеческого духа» [22, с. 45].

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью макроконцепта *учитель / ученик* [23–25].

В статье использованы метод концептуального анализа, описательный и интерпретативный методы. Проанализировано пятнадцать этимологических словарей и дискурсивный материал Национального корпуса русского языка¹ (НКРЯ).

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 14.06.2021).

Мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик* в этимологических и историко-этимологических словарях русского языка

Для определения мотивирующих признаков было проанализировано пятнадцать этимологических и историко-этимологических словарей русского языка. Материал словарей дает возможность выявить мотивирующие признаки. В ходе анализа было выявлено 46 признаков макроконцепта *учитель / ученик* (табл.). Большое количество мотивирующих признаков указывает на то, что концепт прошел долгий период развития. «Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта» [21, с. 19].

Наиболее часто репрезентируемой формой макроконцепта оказался глагол *учить* (*учити*). Количество выделяемых мотивирующих признаков очень разнится, от одного (в словарях А. В. Семенова² и А. Ситникова³) до шестнадцати (в словаре Н. В. Горяева⁴). В словарях П. Я. Черных⁵ и И. И. Срезневского⁶ определяется по четырнадцать признаков. Полного набора мотивирующих признаков не представлено ни в одном из словарей.

Как пишет Г. П. Цыганенко⁷, современное слово *учить* развилось из древнерусского *учити* (X–XI вв.). С ним согласны П. Я. Черных, М. Фасмер⁸ и А. В. Семенов. Авторы сравнительных этимологических словарей Н. В. Горяев и Ф. С. Шимкевич⁹ видят корни слова *учить* в сербском языке, выраженные формой *учити*. В большинстве словарных статей отмечается, что слово *учить* восходит к древнерусской форме существительного *укъ* (учение / наука). В своем труде «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневский уделяет особое внимание формам слова с корнем *-ук-* и видит в нем древнерусскую природу. Словарь датирован 1912 г. и имеет словарные статьи *учитель* (первое упоминание 1704 г.), *учительница*, *ученик*, *учиться*, *училище*, *ученый*, *учение*, *учительский*, *учительнический*, *учительство*, *учить*.

Автор этимологического словаря тюркских языков Э. В. Севортян¹⁰ рассматривает основу *ук* в отдельной словарной статье и выделяет такие значения, как *научиться чему-либо* (уйг), *вникать в сущность* (ккал), *усваивать*

(ккал), *осмыслять* (каз.), *брать в толк* (уз). Очевидно, мы имеем дело с очень древней формой, которая восходит к еще не разделенному состоянию русского и тюркских языков. *Ук* по-тюркски – *слушать* (*окуу* – ученик; *оку-учу* – учить).

Неожиданное развитие значения слова *учить* с негативной коннотацией показывает словарь А. К. Шапошникова с пометкой *устар., прост.: бить, наказывать, заставлять*¹¹. В словарной статье он отмечает, что форма *учити* была заменена на форму *учить* в 1731 г. Однако здесь же он отмечает еще две, более поздние даты – 1762 и 1771 г., значит, форма *учити* еще долго была в употреблении.

Мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик* можно представить в виде 13 блоков:

1. Результаты познавательной деятельности: *знания; умения; навыки; взгляды; опыт*.
2. Процесс и результат обучения: *изучать; выучиться; учиться*, а также глаголы, характеризующие процесс передачи знаний / умений / навыков: *обучать; наставлять; преподавать; внушать; обогащать; приобретать; поучать; научить*.
3. Способы обучения: *наставление; обучение*.
4. Способ запоминания: *твердить; приучаться; привыкнуть; свыкнуться*.
5. Участники образовательного процесса: *учитель (ница); ученик(ница); преподаватель, глава учения; обучаемый; наставник; воспитатель(ница); клирик; новоук*.
6. Способ поведения: *обычай*.
7. Приверженность: *почитатель, поклонник, последователь*.
8. Насильственный способы обучения: *бить, наказывать, заставлять*.
9. Наука: *наука; ученый; учение*.
10. Учебные заведения: *школа; училище*.
11. Усилие: *стараться*.
12. Доверие: *доверять*.
13. Учебная деятельность: *обучение; научение; учеба; учебный; урок; выучка; учебник*.

² Учить // Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/setuopov/u/учить> (дата обращения: 14.06.2021).

³ Ситников А. Этимологический словарь русского языка. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 240 с. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/etymological/fc/slovar-211.htm#zag-4288> (дата обращения: 14.06.2021).

⁴ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канц. главнач. гражд. частью на Кавказе, 1896. С. 390.

⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2: Панцирь-Яшур. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. С. 297.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: А–К. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1912. 1684 стб.+272 стб.+13 с.

⁷ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. С. 456.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 179.

⁹ Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками: удостоен Демидовской премии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. С. 103.

¹⁰ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. С. 584.

¹¹ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 2. С. 470.

Табл. Мотивирующие признаки макроконцепта *учитель / ученик*, репрезентированного словами *укъ, учити, учить, наука, неуч*Tab. Motivating signs of the *teacher / student* macro concept, represented by the words *uk, teach, teach, science, ignoramus*

№	Признак	Горяев Н. В.	Крылов Г. А. ¹²	Преображенский А. Г. ¹³	Фасмер М.	Цыганенко Г. П.	Черных П. Я.	Шанский Н. М. ¹⁴	Успенский А. В.	Семенов А. В.	Ситников А.	Аникин А. Е. ¹⁵	Срезневский И. И.	Шимкевич Ф. С.	Шапошников А. К.	Свиридова М. Н. ¹⁶
1	(давать / передавать) знания	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	–	+	–
2	(передавать) навыки	+	–	–	–	+	+	+	–	–	–	–	–	–	+	–
3	(давать / передавать) опыт	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
4	умения	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	обогащать	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	наставление	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	обучать	+	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
8	наставлять	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	+	+	+	–
9	преподавать	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
10	преподаватель / глава учения	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
11	наставник	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
12	приобретать	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
13	(об)учение	–	–	–	+	+	+	+	–	+	+	–	+	+	+	–
14	обучаемый	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
15	приучать(ся)	+	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–
16	(при)выкнуть	+	–	–	+	–	+	+	–	–	–	–	+	–	–	–
17	наука	+	–	–	+	–	+	+	–	–	–	–	–	+	–	–
18	отданный в науку	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
19	клирик	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
20	почитатель / поклонник / последователь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
21	внушать	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
22	ученый	+	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–
23	учитель(ница)	+	–	–	–	–	+	–	–	–	–	+	+	–	–	–
24	ученик(ца)	+	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
25	учеба	+	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
26	доверять	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
27	учебный	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
28	учебник	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
29	воспитатель(ница)	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
30	училище	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
31	школа	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
32	новоук	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

¹² Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфслужбы, 2005. 432 с.¹³ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. Т–Я. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 716 с.¹⁴ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа 2004. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/y/учить> (дата обращения: 14.06.2021).¹⁵ Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.¹⁶ Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

№	Признак	Горяев Н. В.	Крылов Г. А. ¹²	Преображенский А. Г. ¹³	Фасмер М.	Цыганенко Г. П.	Черных П. Я.	Шанский Н. М. ¹⁴	Успенский Л. В.	Семенов А. В.	Ситников А.	Аникин А. Е. ¹⁵	Срезневский И. И.	Шимкевич Ф. С.	Шапошников А. К.	Свиридова М. Н. ¹⁶
33	свыкнуться	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
34	обычай	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
35	поучать	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
36	научить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
37	изучать	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
38	урок(и)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
39	твердить	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
40	стараться	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
41	взгляды	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
42	выучка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
43	научение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
44	обучение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
45	(вы)учиться	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
46	бить / наказывать / заставлять	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-

Степень актуализации признаков в НКРЯ

Лидером по степени актуализации в НКРЯ стал признак ученик(ница), представленный 2052 случаями употребления: Павел Петрович ей родной дядя, но во время сеансов они только **учитель и ученица** (Ласкин А. Ангел, летящий на велосипеде). Также высока степень актуализации у признака школа – 1696 вхождений: Ей платили двести долларов в месяц, в то время как учителя в **школе** получали в десять раз меньше (Токарева В. Своя правда). Мотивирующий признак урок насчитывает немногим меньше – 618 случаев: Приносил со двора гильзы, а из школы дневники с хорошими и отличными отметками (правда, иногда учителя писали: «Был невнимателен на **уроке**») (Аксенов В. Звездный билет). Признак наука выражен 366 вхождениями: И очевидно, там преподавали самые лучшие учителя, профессора, доктора **наук**, это значит, что вам четыре или пять лет вдалбливалась **наука** о праве и о правде, **наука** о путях познания истины (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей).

Незначительное различие в количестве употреблений зафиксировано в корпусе у признаков училище (293 употребления): Пелагею Андреевну полюбил учитель местного церковно-приходского **училища** Умельников, – торопился Голубев закончить историю (Кучерская М. Тетя Мотя); учитель(ница) (252): Задолго до сентября у нас дома начали обсуждать, к кому из учителей меня записывать: обе **учительницы** не вызвали восхищения у мамы и дяди (Синявская З. Пазлы); знание (250): Лекции и семинары

служат своего рода сакральным ритуалом личного контакта учителя с учеником, передачей **знаний** «от сердца к сердцу» (Суриков В. Девятый вал деловой литературы); учебный (241): Подобное авторитарное отношение учителей к гимназистам подогревало в Альберте ненависть не столько к самому **учебному** заведению, сколько ко всему военному (Михайлин Р. Гений теории).

Далее степень актуальности мотивирующих признаков снижается, но все еще находится в пределах 140–204 единиц. Одно из ключевых слов современного образовательного процесса выражено признаком преподавать (204): А учителя знают, как не надо **преподавать**, а как надо, не знают (Любимов Б. Три главные темы в жизни – Церковь, литература и театр); наставник (198): Хотя бы и не двадцать, а сто тысяч, хотя бы один миллион прислали к нам в Сибирь учителей – мы бы ни на кого не поменяли бы тебя, наша **наставница** дорогая! (Залыгин С. Комиссия); преподаватель (179): Учителя были плохие, никто ничем не выделялся, за исключением **преподавателя** естественной истории, штатского генерала, насмешливого старика, материалиста и скептика (Газданов Г. А. Вечер у Клэр); обучение (165): Учитель стал экспериментировать и через несколько лет создал весьма эффективную систему **обучения** географии (Виноградов С. Система Шаталова); воспитатель(ница) (163): Наконец, и непослушание, этот бич учителей и **воспитателей**, имеющих дело с испорченными уже детьми, может быть исправляем путём психотерапии (Бехтерев В. М. Внушение и воспитание); стараться (140):

Настоящий учитель ведь **старается** вырастить не близкого себе, но равного (Пермяков А. Чтобы тьма не смогла переступить).

Далее по степени снижения: учебник (122): Да и учитель, способный квалифицированно выбрать самый подходящий в этом именно классе **учебник**, скорее исключение, чем правило (Привалов А. О сворачивании надежд); опыт (107): Сотрудники заповедника в экологической работе с детьми используют разнообразные формы педагогической деятельности и охотно поделились с московскими учителями своим **опытом** и результатами работы (Минина З. Б. Творческие мастерские); научить (98): При самых хороших условиях в школе, благих намерениях учителей было очень трудно **научить** этих детей литературе (Уткина А. Надежда Шапиро: «Я читала детям Бродского и говорила, что это – поэт Мартынов»); взгляды (97): Мне хотелось взять её на руки и вынести отсюда, но этикет требовал принятия даров, и мы, античные боги, сидели лицом к лицу, в анфас к учителям и баюкали друг друга **взглядом** (Демидов О. В. МММ); обучать (92): Варианты эти готовят учителя – или те, кто **обучает** учителей русскому языку (Прусс И. Сделайте мне красивше).

Интересно отметить, что выделяемые в словарях Г. П. Цыганенко и А. К. Шапошникова признаки насильственного обучения **бить**, **наказывать**, **заставлять** (71) ненамного отстают от таких признаков, как **обучать** (92) и **научить** (98).

Статистика по признаку почитатель, поклонник, последователь показывает снижение его актуальности и составляет 53 случая: Далее открылось существование картины В. Маковского «Ночлежный дом», на первом плане которой изображен учитель Левитана Саврасов, горький пьяница, расплачивавшийся за опохмельный постой у своих **почитателей** копией «Грачей» (число вариантов этой важной для русского пейзажа картины вряд ли сосчитано) (Иличевский А. Сдать Москву Родине). Средняя частотность характерна мотивирующим признакам **изучать** (51): Под вашим чутким руководством, Учитель, мы **изучали** навигационное оборудование боевого космического корабля шестого поколения Су-916М6 (Михненко П. Этикет); привыкнуть (44): Во взаимоотношениях с учителем таких детей также возникает масса проблем, так как они **привыкли**, что родители потакают практически каждому их желанию (Луговская А. Если ребенок боится ходить в школу).

Как показал анализ НКРЯ, мотивирующий признак **навык**, выделяемый в пяти словарях, имеет среднюю степень актуализации – 39 случаев: В местах, где даже учитель литературы должен был рубить дрова и посылать подальше местных работяг, – чтение было не нужным **навыком**, а обузой (Сальников А. Б. Петровы в гриппе и вокруг него). Признаки **наставление** (36): Ах да, – вспомнил учитель свое только что отзвучавшее **наставление** (Анчаров М. Самшитовый лес) – и умение (35): Нет надобности говорить, как много зависит внушающий элемент

в преподавании от самого учителя, от его авторитетности, **умения** влиять на учеников и своим примером и способом изложения (Бехтерев В. М. Внушение и воспитание) – занимают одинаковую позицию по степени актуальности.

В степень употребления от 21 до 27 вошли следующие признаки: **внушать** (27): После воодушевленных походов толпой в изостудию очень скоро с учителем осталась горстка, как он же **внушал**, «лучших из лучших» (Павлов О. Асистолия); **обычай** (26): Мы вспоминали наших учителей, давнишние проказы, общие у всех выпусков, знаменитые полковые анекдоты, **обычаи** (Шишкин М. Всех ожидает одна ночь); **учеба** (25): Если учитель начального звена не наладит дисциплину в первые недели **учебы** первоклашек, после толку не будет (Данилкина Л. Беляева из 3 «Б»); **приобретать** (21): Впрочем, большая часть учителей **приобретает** это качество в процессе жизни, и, если призадуматься, в данном факте нет ничего удивительного (Донцова Д. Уха из золотой рыбки).

От 12 до 17 употреблений: **доверять** (17): Вся их интеллигенция – терроризованный священник, нейтральный учитель и скрывающийся офицер – опасливо сторонились еще от участия в движении, не вполне **доверяя** его искренности и серьезности (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. II. Борьба генерала Корнилова); **твердить** (17): Все дети с любопытством обратили на Алёшу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алёша, несмотря на то что вовсе накануне не **твердил** урока, смело встал с скамейки и подошёл к нему (Погорельский А. Черная курица); **выучиться** (14): Это мне вроде не сидится под крышей, отвык. – А учителя в школе **выучились**? У нас мясо просят (Екимов Б. Пастушья звезда); **поучать** (13): В работе сохранил характер и навыки учителя – большие **поучает**, разъясняет (Микоян А. Так было); **научение** (12): Понеже все шляхетство по должности звания наиболее во услугах государственных во отлучении домов своих пребывают, а дети под призреванием матерей и холопей воспитываются, то многократно и добрым учителям в **научении** детей неразумностью оных повреждается (Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах); **наставлять** (12): Но Налогов не пожелал быть учителем – **наставлять** «всякое дубье», и начал служить в казначействе (Успенский А. Переподготовка).

Менее 10 употреблений: **приучать** (9): Учитель **приучает** детей ставить три точки, одна под другой на прямой линии и в одинаковом расстоянии (Ушинский К. Д. Родное слово); **выучка** (8): Кому до него дело, кроме бедных учителей, да разве двух, трех чадолюбивых родителей из числа сотен, отдающих свое детище на **выучку** в училище... (Лажечников И. И. Заметки для биографии Белинского); **обучаемый** (5): В одном классе учитель представил меня, не упустив при этом возможности проверить знания и развитие **обучаемых** (Минц Л. В поисках кельтов); **обогащать** (2): В каждом, даже самом глухом городке, есть охотники с высшим образованием, учителя, художники, инженеры,

наконец, люди и без образования, но с чрезвычайно тонким чувством природы следопыты, жаждущие общения с природой не для того, чтобы ее разрушить, а **обогащать** своим участием в ее творчестве (Пришвин М. М. Дневники); **свыкнуться** (1): Когда ученики **свыкнутся** с отдельными движениями ног, они могут дьлать их поочередно то, правой, то левой ногой, а затьмь дьлать их безь счета вслухъ (Попов В. А., Преображенский В. С. Бойскауты. Руководство самовоспитания молодежи по системѣ «скаутингъ» сэра Роберта Бадень-Поуэлла примѣнительно къ условіямъ русской жизни и природы).

Заключение

Макроконцепт *учитель / ученик* как единица русской концептуальной картины мира постоянно меняется. Как показал анализ, не сохранили свою актуальность такие

когнитивные признаки, как *глава учения, клирик, новоук и отданный в науку*. В НКРЯ не найдено ни одного случая их актуализации на момент проведения исследования. Из 46 выделенных нами признаков в современной языковой картине мира представлено 42. Учитывая, что признак *свыкнуться* датирован источником 1917 г., можно говорить о 41 сохранившемся признаке. Это позволяет нам сделать вывод, что произошло незначительное сужение мотивирующих признаков макроконцепта *учитель / ученик*, сохранивших свою актуальность и ставших понятийными признаками.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Арнаутова О. А. Реализация ядра концептуального пространства «учитель – учение – ученик» в русской лингвокультуре // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. № 10. С. 8–17.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека: 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры. 1999. С. 385–399.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 106–125.
8. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. № 3. С. 30–40.
9. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
10. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
11. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
12. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 202 с.
14. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2002. № 4. С. 100–105.
15. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
16. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
17. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 13–22. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22>
18. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2018. 180 с.
19. Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59.
20. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131.
21. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
22. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. 4-е изд. М.: URSS, 2009. 217 с.
23. Кабаченко Е. Г. Концепт «учитель» и «ученик» в сознании современных педагогов (образный компонент) // Лингвокультурология. 2009. № 3. С. 83–91.

24. Заречнева Е. Н. Экспериментальное исследование концепта «учитель»: лингвокультурный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3. С. 52–56.
25. Исупов К. Г. Культурный концепт «учитель / ученик» на фоне русской «правды» // Диалог в образовании: посвящено профессору А. П. Валицкой. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 27–44.

original article

The Concept of *Uchitel / Uchenik* (Teacher / Pupil): Motivating Signs

Marina G. Iurchenko

B. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic, Bishkek; <https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>;
sidorova.marri@gmail.com

Received 18 Jun 2021. Accepted after peer review 23 Jul 2021. Accepted 26 Jul 2021.

Abstract: The research was based on fifteen etymological and explanatory dictionaries of the Russian language and featured the motivating signs of the macroconcept *uchitel / uchenik* (teacher / pupil). Conceptual, descriptive, and interpretive analyses revealed 46 motivating signs, which indicates the long history of the macroconcept. The signs constituted thirteen blocks: 1. Results of cognitive activity (expertise, knowledge, skills, views, and experience). 2. The process and result of learning (teach, instruct, hold classes, inculcate, enrich, acquire, preach, train, study, memorize, learn). 3. Methods of teaching (instruction, teaching). 4. Method of memorization (repeat, get used to, get used, be adjusted to). 5. Participants of the educational process (teacher, student, lecturer, learner, mentor, educator), head of teaching, cleric, novice). 6. Mode of behavior (custom). 7. Commitment (admirer, fan, follower). 8. Violent ways of teaching (beat, punish, force). 9. Science (science, scientist, learning). 10. Educational institutions (school, college). 11. Effort (try). 12. Trust (trust). 13. Learning activity (learning, learning activity, studies, curricular, lesson, schooling, textbook). The signs grew less numerous with time: the contemporary Russian linguistic worldview contains only 41 out of the original 46.

Keywords: concept, linguistic worldview, linguacultural studies, actualization of the motivating feature, National corpus of the Russian language

Citation: Iurchenko M. G. The Concept of *Uchitel / Uchenik* (Teacher / Pupil): Motivating Signs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 847–854. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-847-854>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Arnautova O. A. The realization of the core of conceptual area "uchitel – uchenie – uchenik" in the Russian linguoculture. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*, 2011, (10): 8–15. (In Russ.)
2. Aroutiounova N. D. Metaphor in the language of feelings. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 385–399. (In Russ.)
3. Babushkin A. P. Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language. Voronezh: VGU, 1996, 104. (In Russ.)
4. Vorkachev S. G. The concept of happiness: conceptual and figurative components. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
5. Vorkachev S. G. Linguaculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)
6. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
7. Kolesov V. V. Reflection of the Russian mentality in the word. *Man in the mirror of sciences*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1989, 106–125. (In Russ.)
8. Kolesov V. V. Concepts of culture: image – concept – symbol. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, 1992, (3): 30–40. (In Russ.)
9. Kolesov V. V. Mental characteristics of the Russian word in the language and in philosophical intuition. *Languages and ethnic mentality*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1995, 13–24. (In Russ.)
10. Kolesov V. V. *Philosophy of the Russian word*. St. Petersburg: Iuna, 2002, 448. (In Russ.)

11. Maslova V. A. *Cognitive linguistics*. Minsk: TetraSystems, 2004, 256. (In Russ.)
12. Maslova V. A. *Introduction to linguaculturology*. Moscow: Nasledie, 1997, 207. (In Russ.)
13. Maslova V. A. *Linguoculture*. Moscow: Academia, 2001, 202. (In Russ.)
14. Pimenova M. V. Conceptual research methodology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2002, (4): 100–105. (In Russ.)
15. Stepanov Yu. S. *In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art*. Moscow: Nauka, 1985, 335. (In Russ.)
16. Stepanov Yu. S. *Concepts. Fragile framework of civilization*. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2007, 248. (In Russ.)
17. Pimenova M. V. Conceptology at the present stage (methods of investigation of conceptual structures). *Humanitarian Vector*, 2017, 12(5): 13–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22>
18. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2018, 180. (In Russ.)
19. Pimenova M. V. Method of analysis and theoretical concerns of the Kemerovo school of conceptual studies. *Naukovii visnik Khersonskogo derzhavnogo universitetu. Seriya "Lingvistika"*, 2013, (18): 50–59. (In Russ.)
20. Pimenova M. V. The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)
21. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
22. Shpet G. G. *The inner form of the word: Studies and variations on Humboldt's themes*, 4th ed. Moscow: URSS, 2009, 217. (In Russ.)
23. Kabachenko E. G. Concepts "teacher" and "pupil" in the minds of present-day teachers (figurative component). *Lingvokulturologiia*, 2009, (3): 83–91. (In Russ.)
24. Zarechneva E. N. Experiment research of the concept "teacher": linguistic-cultural aspect. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2008, (3), 52–56. (In Russ.)
25. Isupov K. G. Cultural concept "teacher / student" against the background of Russian "truth". *Dialogue in education: dedicated to Professor A. P. Valitskaya*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002, 27–44. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета =
The Bulletin of Kemerovo State University

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
avgrey@yahoo.com
Старикова Людмила Семеновна, ответственный редактор
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com
Lyudmila S. Starikova, Executive Editor
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Редакторы выпуска:

Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 20.09.2021.

Дата выхода в свет 29.10.2021.

Печать офсетная. Бумага Sveto Сору.

Формат А4. Усл. печ. л. – 32,75. Уч.-изд. л. – 29.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000,
г. Кемерово, ул. Красная, 6, <https://kemsu.ru>

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.